

ПУТЕШЕСТВИЯ
РУССКИХ
ПОСЛОВ
XVI-XVII вв.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ПОСЛОВ

XVI – XVII вв.

СТАТЕЙНЫЕ
СПИСКИ

Разрешено воспроизведение
материала в 2014 году

Санкт-Петербург
«Наука»
2008

ПУТЕШЕСТВИЯ РУССКИХ ПОСЛОВ XVI — XVII вв.

СТАТЕЙНЫЕ
СПИСКИ

*Репринтное воспроизведение
издания 1954 года*

Санкт-Петербург
«Наука»
2008

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)1

П90

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ» (1954)

Серия основана академиком *С. И. Вавиловым*.

Академик *В. П. Волгин* (председатель), академик *В. В. Виноградов*,
член-корреспондент АН СССР *Н. И. Конрад*, член-корреспондент АН СССР
С. Д. Сказкин, академик *М. Н. Тихомиров*, член-корреспондент АН СССР
Д. Д. Благой, член-корреспондент АН СССР *Д. С. Лихачев*, профессор
И. И. Анисимов, доктор исторических наук *С. А. Утченко*

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР *Д. С. ЛИХАЧЕВ*

Настоящее издание предпринято по решению
Редакционной коллегии серии «Литературные памятники» (2008)

В. Е. Базно, В. И. Васильев, А. Н. Горбунов, Р. Ю. Данилевский,
Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (заместитель председателя), *Н. Н. Казанский,*
Н. В. Корниченко (заместитель председателя), *Г. К. Косиков, А. Б. Куделин,*
А. В. Лавров, И. В. Лукьянец, А. Д. Михайлов (председатель),
Ю. С. Осипов, М. А. Островский, И. Г. Птушкина, Ю. А. Рыжов,
И. М. Стеблин-Каменский, Е. В. Халтрин-Халтурина (ученый секретарь),
А. К. Шапошников, С. О. Шмидт

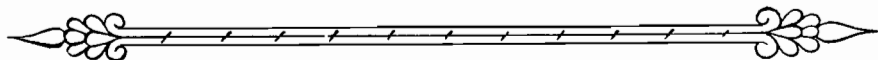
© Российская академия наук и издательство
«Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление), 1948 (год
основания), 2008

ISBN 978-5-02-025256-1

Т Е К С Т Ы
С Т А Т Е Й Н Ы Х
С П И С К О В

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК И. М. ВОРОНЦОВА

(Швеция)

А се приезд ис Свейские земли царевых и великого князя послов боярина Ивана Михайловича Воронцова с товарищи,¹ каков их был приезд и отпуск ис Свейские земли, а прислал тот список царь и великий князь в Посольную избу к дияку к Ондрею к Васильеву² с казначеем Никитой Фуниковым да с печатником с Иваном Михайловым.³

Лета 7075-го июля в 20, в неделю, на Ильин день, не доехав Стекольна⁴ с версту, сказали послом пристава, что велено им послов поставити на острове на Валмарси, а будет, сказали, к послом на тот остров встреча от короля. И послы на том острове стали в шатрах.

И того же дни после стола к острову к Валмарси пришли ис Стекольна два судна: галей да гоппа, а на них королевский боярин Юрьи Яртер, да князь Бентер Гхлытер,⁵ да Юрьи Финк и зшед с судов прислали к послом пристава Симана Бужбаша, а говорил послом от королевских бояр от Юрья Яртера с товарищи, чтоб послы из шатра к ним вышли, а есть к ним слово королевское.

И послы отказали Симану: „Будет оне посланы не к нам, а к нашим шатром—оне заблудилися, и мы им велим дорогу указать, а будет посланы к нам, и оне у нас будут“.

И королевские бояре Юрьи Яртер с товарищи пришли с судов к послом в шатер да говорили в шатре послом: „О чем де не встанете? Есть к вам от государя нашего от короля слово“.

И послы говорили: „Как услышим королевское слово, тогда и встанем“. И учал от короля послом говорити Юрьи Яртер с товарищи: „Божиею милостию государь наш, король Свейский и Готцкий и Вендйский и Колыванский и иных, слышев вас великих послов к себе великоможнейшего государя, божиею милостию царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, послал нас государь наш вас встретити и о здоровье велел вас спросити, как вас бог милует и здорово ли естя путем шли?“.

И послы Иван Михайлович с товарищи, встав, говорили: „Божиею милостию и государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, здоровьем, дал бог, есмя путем по ся места шли здорово“.

Да сетчи послы позвали к себе Юрья Артера с товарищи к руке, и оне у послов были у руки сойма шапки, и послы им велели сести. А посидев маненько, Юрьи Артер с товарищи встали, а говорили послом, что государь их король к вам послом прислал свои суды, в которых вам ехать с сего острова к Стекольне, а другую встречу сказали послом — будет в Стекольне у пристанища. И послы на королевское судно на галию взошли, а Юрьи Яртер с товарищи с послы же да пошли к Стекольне.

И того же дни в Стекольне у пристанища на берегу встретили послов бояре королевские князь Штень Ириков⁶ да Гаврил Крестернов,⁷ да Тур Петров, а в толмачех с ними Пантелей Юрьев,⁸ да и з жеребцов сошли, а послы ещо с судна не сошли, а послом жеребцы с седлы и с уздами держат у пристанища.

А как послы с судна сошли, и князь Штень с товарищи учал послом говорити: „Божиею милостию государь наш, король Свитцкий и Готцкий, и Вендйский, и Колыванский и иных, велел нам вас, послов, встретити и о здоровье спросити, как вас бог милует, и до подворья нам с вами велел ехать“.

И послы Иван Михайлович говорили: „Божиею милостию государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, здоровьем, дал бог, есмя здорово“.

И князь Штен с товарищи говорили послом, чтоб оне сели на жеребцы да и поехали. И послы сели на жеребцы, а перед послы

ехали князь Штен с товарищи и до посольского двора и в хоромы послов проводили, а говорил послом Штен, что государю его, королю, добре за честь, что вы, послы, дал бог, здорово пришли; да князь Штен же говорил послом, что государь их, король, велел у послов быти в приставех Ирику Конову.

Июля в 26 о вечерне был от свейского короля у послов пристав Ирик Гоконов, а говорил от короля, что король велел быти у себя послом завтро в неделю и ести.

И послы Иван Михайлович с товарищи говорили Ирику Гоконову: „Как есмь в Стекольну пришли, и нас от короля встречали и на посольской двор проводили великие люди королевские, а ныне ты нам сказываешь, что король велел нам быти у себя завтро?“.

И Ирик Гоконов сказал, что по послов от короля завтро будут те же великие люди, которые у пристанища в Стекольне встречали.

И тутю ж дияк Курган говорил приставу Ирику Гоконову: „Говорил еси царского величества послом от короля, что быти послом у короля завтро, и король бы царского величества к послом с ответом посылал своих больших советников, преж того в ту версту в посольстве царского величества такие великие люди в Свейской земле не бывали, и царьскому б величеству в том была почеть.“

Июля в 27 сказал послом пристав Ирик Гоконов, чтоб послы готовы были, а будут по них ужжо от короля и з жеребцы королевские советники.

И послы Иван Михайлович с товарищи спрашивал Ирика Гоконова: „От которых иных государей у вашего государя у короля послы есть ли?“. ⁹

И Ирик Гоконов сказал, что от иных государей послов у короля нет.

И того же дни приехали по послов от короля королевские бояре, князь Штен Ириков, да Гаврил Крестернов, да Тур Петров, и жеребцы под послов привели, и послы к королю поехали, а перед послы ехали и до королевского двора князь Штен

с товарищи. А с жеребцов послы ссели на королевском дворе у королевских хором на лесницу, а встречи послом от короля не было, и в полату послы к королю пришли, а королю их не явил никто. Да учал послов король к руке звать, и послы к руке не пошли. А стал Иван Михайлович от царя и великого князя поклон и здоровье и дары, и от царевича Ивана поклон и здоровье и дары сказывати, и король ко государеву имени и к царевичеву шапку снимал, и грамоту верующую Иван королю подал, и король грамоту принял сам. А после того послы посольство королю говорили по наказу, а после посольства послы у короля у руки были, а давал руку король, сняв шапку. А после руки говорил послом князь Нилшь:¹⁰ „король деи вас звал ести“, да велел король послом сести, а место послом поставили против короля блиско на ковре, которой ковер перед королевским местом. А посидев послы маненько, велели явити от себя королю поминки; от Ивана Михайловича пять сороков соболей да восм рысей, от Василья Ивановича три сороки соболей, от Кургана три сороки соболей.

Да учал послом говорити князь Нилшь: „Король вас спрашивает, как бог милует царя и великого князя?“.

И Иван Михайлович князю Нилшу говорил: „Ты был у государя нашего, царя и великого князя, от государя своего посольством и ты то видел, что государь наш царь и великий князь, жалуючи государя вашего, сам спрашивал про государя вашего здоровье“.

И князь Нилшь говорил, что он о государеве о царе и великого князя здоровье спрашивает королевским словом. И Иван Михайлович говорил: „Яз у короля того не слышу, чтоб он о государя нашего здоровье спрашивал“.

И король, слышев Иваново слово, учал про цареву и великого князя здоровье сам спрашивати: „Как брата моего, русского царя государя, бог милует?“.

И Иван Михайлович говорил: „Великий государь, божиею милостию, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, дал бог, по здорову“.

А как у короля послы были, и в те поры при короле с правые руки от короля недалеко два королевича, родной брат королю Карлус, да Шакъшиицкие земли королевичь Магнуш,¹¹ а стояли сняв шапки, а с левую руку у короля стояли князь Нилшь да хлопец с мечом, а бояре королевские все стояли сняв шапки от королевичев даде, а иные многие немцы за послы и посторонь послов стояли, а поминки государевы и царевичевы и посольские явив королю, поклали в окошко блиско короля с левые руки, а послом велел король итти в другую полату, а с послы от короля в полату пошли Юрьи Артер да Бентей Гхльтер и иные немцы; и помешкав маненко, говорили послом Юрьи Яртер с товарищи, что король велел послом итти к столу, и послы к столу пошли, а короля в столовой нет, а стоят у стола два королевича: королев родной брат Карлус да шакшинской королевичь Магнуш.

И послы Иван Михайлович с товарищи спросили про короля: „Чего для короля за столом нет?“.

И того ж часу в столовой полате пришел к послом к Ивану к Михайловичю с товарищи королевской боярин большой Петр Брагде,¹² а говорил: „Государь де наш король по грехом не домогает: как пошел в столовую, и короля изымал оморок, а приказывал вас, послов, потчивати и с вами ести королевичем: брату своему родному Карлусу да Шакшинские земли королевичю Магнушу“.

И Иван Михайлович с товарищи говорили: „Которых послов Ирик король присылал ко государю нашему, ко царю и великому князю, и государь наш, царь и великий князь, жалуючи брата своего, вашего государя Ирика короля, послов его жаловал у своего стола и почесть им держал великую. Пришли мы от царя и великого князя х королю, а не х королевичем, и без короля нам ести непригоже“.

И пошли ис столовой палаты вон. И туто ж пришел к послом князь Штень с товарищи, а говорил послом, чтоб пожаловали послы, не покручинилися, подождали, докуды к ним лошади приведут: хотим де вас чесно проводить на то же место, где вас взяли.

И Иван Михайлович Штеню говорил: „Ты Штень был у государя нашего у царя и великого князя от государя своего посольством, и ты то видел, как тебя государь наш, царь и великий князь, жаловал у своего стола“.

И того же часу послы и на подворье поехали. А проводил послов на подворье и в хоромы князь Штен с товарищи и говорил послом, чтоб послы не покручинились, что у короля не ели, велел король послов потчевати ему Штеню с товарищи, и послы дали на королевской воле. Да Штень с товарищи, и пошли от послов.

И того ж часу пришел на посольской двор королевской столник Юнус Нилишев с ^а скатертью и съ ествою, а после его, погода маненько, пришел к послом князь Штень, а с ним пришли Гаврил Крестенов да Тур Петров, да Юрьи Ярт, да Бентер Гултер, да Юрьи Финик, да Ок Бентеев, а говорили послом от короля, чтоб послы не кручинились, что у короля они не ели, король по грехом болен, а велел нам вас потчевати. А как ести издали и скатерть сняли, и Иван подал чашу цареви и великого князя, а после того Штень подал королеву чашу, да учили послов потчевати, и Иван Михайлович с товарищи говорили князю Штеню: „Приехали есмя от государя своего нас потчевати, а сказали естя нам, что государь ваш король недомогает, и веселится нам непригоже“.

И князь Штень с товарищи и поехал от послов.

И июля в 30 были у послов от короля Иван Лаврентиев¹³ да дьяки мастер Мортин, да Ганш Ириков, да Пантелей Юрьев в толмачех, а говорили: „Государь де наш король и гравы и бояре его велели вас спросити, опричь тех речей, которые естя речи от государя своего говорили государю нашему на посольстве, иные речи у вас есть ли?“.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили: „Которые речи говорили есмя от государя своего, царя и великого князя, вашему государю, и государь ваш на те речи ответу нам и по ся места не учинил, и государь бы ваш велел нам у себя быти и ответ нам на те наши речи учинил“.

И Иван Лаврентиев с товарищи о том же в другие послов спросили, и послы Иван Михайлович отказали им: „Присланы мы от государя своего, от царя и великого князя, х королю, а не к вам, чтоб король ответ нам учинил на прежние наши речи“.

Августа в 5 день послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили приставу Ирику Гоконову, чтоб он молвил князю Штеню, чтоб он у послов побывал для государева дела.

Августа в 6 князь Штень к послом пришел, а с ним пришел дияк мастер Мартын, и послы говорили ему: „Великий государь наш, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, прислал нас, своих великих послов, к брату своему, к вашему государю, к Ирику, королю, и были есмя у него тому одиннадцатой день, и что есмя от своего великого государя, царя, вашему государю говорили, и государь ваш на те наши речи и по ся места ответу нам не учинил“.

И князь Штень говорил послом: „Государь наш на ваши речи ответу по ся места не учинил потому, что государь наш своею персоною болен, а как, даст бог, здоров будет, и король хочет сам с вами о том деле говорить и на ваши речи ответ вам хочет учинити, и в том деле пространнее ведати, как между вашего великого государя царя и нашего государя братства и дружба и любовь есть“.

И послы Иван Михайлович с товарищи говорили: „Мы того не ведали, что государь ваш по грехом еще недомогает, потому есмя вам и говорили“.

Августа в 10 день были у послов от короля Тур Петров да Юрьи Финк, а в толмачех Пантелей Юрьев, а говорили, что государь их король недомогает, а велел вам, послом, быти у своих советников.

И послы Иван Михайлович говорили: „Прислал нас государь наш, царь и великий князь, к брату своему, ко государю вашему, к Ирику королю, а не к советником его; будет король велит нам быти у себя и очи свои видети и похочет выслати к нам с ответом своих советников, и то на королевской воле, а к советником не езживати. А будет которое дело советником до нас, и они б

к нам приехали; а хотя нас и заведете на двор, а не бывав нам у короля, к советником не хаживати“.

И Тур Петров говорил: „В ведомо учиним вам завтра“.

Августа в 11 был у послов пристав Ирик Гоконов, а говорил о том же деле, что и Тур Петров говорил. И послы Иван Михайлович говорил: „Нам к советником не езживати, коли нам у короля не быти, а которое будет дело, и советники б к нам были“.

И Ирик говорил: „Вы к советником не едете, а советники к вам не едут, и вам ждати, до конх мест король оможетца, а о том яз советником скажу, да вам отвестье учиню“.

Августа в 13 прислал Ирик Гоконов, а велел сказати послом, что будет им от короля Иван Лаврентьев.

И того же дни о вечерне пришел к послом Иван Лаврентьев, а в толмачех с ним Пантелей Юрьев, а говорил послом: „Государь их, Ирик, король, велел вам послом говорить, чтоб вы, великие послы, не вешевались в том, что король наш по грехом своею персоною болен, а ныне поехал погуляти недалеко, мили з две, не на долго время, потому что здесе в городе дух тяжел, чтоб его иной ветр обнял, а немощи б его облегченье было, а приказал король своим советником, гравам и бояром, с вами дело делати“.

И послы говорили: „То наша общая кручина, что по грехом король болен; дай господи, он здоров был и приехал здорово. Государь наш царь и великий князь, жалючи брата своего, вашего государя, прислал к нему нас, своих великих послов, а не к советником его, а в неделю был у нас Тур Петров, а говорил нам, чтоб мы ехали х королевским советником, и мы тебе то ж говорим, что есмя и Туру Петрову говорили: будет велит нам король быти у себя и очи свои видети, а вышлет нам от себя советников своих с ответом, и то на королеве воле; а не велит король нам у себя быти, и нам у советников его не бывати, а будет которое дело, и король бы советников своих к нам прислал. А как у нашего государя, царя, вашего государя послы были, и государь наш, царь и великий князь, жалючи брата своего, как его послы у государя нашего, у царя и великого князя, на дворе ни будут, и тогды царские очи видят, а быв

у государя, царя, и государь царь к ним высылал с ответом“.

И Иван Лаврентиев говорил: „У многих государей в обычае держит, и у цысаря, что преж быв у государя да к советником ходят, а в том гордости не имеют, а государь наш нынеча по грехом болен; а коли вы х королевским советником не едете, и они меня к вам прислали, а велели вам сказати, что они у вас сами завтра будут“.

Августа в 14 сказали послом от пристава, что к ним будут королевские советники. И того ж часу приехали к послом королевской думной дворянин Генгур Скель, да Юрьи Финк, да дияк мастер Мартын, а говорили послом: „Божиею милостию государь наш Ирик четвертыйнадесят, Свитцкий, Готцкий, Вендинский и иных тем поддатных частей король и государь, вашего государя, царя Руского, великих послов по слову, как государь наш, король, посылал своих великих послов бити челом и просити, и государь ваш, русской царь, по нашего государя прошенью нашего государя пожаловал, учинил его с собою в братстве и в дружбе и в суседстве за одного персон. А польского короля сестру, и что того великого государя, царя руского, у нашего государя прошение, и государь наш х тому делу подвижен и сходителен будет к лутчего делу сомкнению, как межь ими братство и любовь и суседство есть. А нынеча государь наш не сам у себя своею персоною,¹⁴ а поехал повеселиться не на долго время, а приказал своим советником, гравам и бояром, то дело с вами делати“.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили: „Был у нас в неделю Тур Петров, а вчерась был Иван Лаврентиев, а говорили нам, чтоб мы ехали х королевским советником, и мы им говорили, что не быв нам у короля, х королевским советником не еживати, а тебе мы то ж говорим: будет велит нам король быти у себя и очи свой видети, а вышлет к нам от себя с ответом советников своих, и то на королеве воле, а не велит король у себя быти, и нам у советников его не бывать“.

А Иван Лаврентиев говорил нам: „Коли де не хотите х королевским советником ехати, и королевские советники у вас завтра будут“.

И Генгунт Скуль говорил послом: „Есть ли с вами от государя вашего на то полный приказ, коли наш посол как был на Руси у вашего великого государя и чего просил?“.

И Иван Михайлович говорил: „Как есмь у государя вашего, у короля, были тому три недели и что есмь от своего великого государя царя государю вашему королю говорили, и на те наши речи король и по ся места ответу нам не учинил, а иного дела у нас пытается“.

И Гергунт Скуль говорил: „Коли вы, не видя государя нашего королевских очей, к советником его не едете, и вам того подождать, как государь наш король будет, и без короля тому делу распространится не вместно; а говорите, чтоб государя нашего советники к вам приехали, ино ни в которых землях тот обычай не держит, ни у римского цысаря, что государевым советником к послом приезжати. А нас послали к вам королевские советники, а велели спросити, есть ли у вас на то полный приказ, о чем нашего государя послы вашему государю били челом“.

И послы спросили Гергунта Скуля: „Скажи нам имянно, о чем нас спрашиваешь?“.

И Гергунт сказал: „Коли государя нашего посол был у вашего государя и бил челом государю вашему, чтоб государь ваш помирил нашего государя з датцким королем и с любчены,¹⁵ чтоб им в миру во единение быти и на морских бы пролеях волно б ходити“.

И послы говорили: „Про те дела писано в докончанных грамотах, и государь наш те дела все зделает по докончальным грамотам, как в докончальных грамотах писано. А что есмь от государя своего царя и великого князя государю вашему говорили, и на те наши речи от государя вашего и по ся места ответу нам нет; а хотя б и были с нами речи, и мы их скажем королю, а не советником его“.

Августа в 19 сказал послом, Ивану Михайловичю с товарищи, Нечай толмач:¹⁶ «Пришел к нему топерво немчин, детинка молод, а сказался королевской жилец, а зовут его Бентер Кнутов, а говорил ему: „Прислал его к нему, к толмачю, государь его, король, а велел ему мне говорити, что яз королевское слово

до вас, царя и великого князя послов, донес, чтоб вы, послы, короля с собою на Русь взяли». И он его, сказал, спросил, про што король на Русь хочет, и Бентер сказал ему, что будто нынеча король боится бояр своих, и воли де ему ни в чем нет, и он его спросил, чего для так? И Бентер Кнутов сказал, что приехал к королю из заморья удельного королевича грава Швантов сын Нилиш, а был за морем в науке, а после его из заморья приехал торговой человек заморенин, Петершашем зовут, а сказал тот Петершаш, что будто Нилиш, Швантов сын, за морем, из заморья едучи, похвалялся, хотел Ирика короля ис Свейские земли изгнати, или его убити, и как деи то король сведал, и велел деи король Нилша и отца его грава Шванта и брата его Ирика поймати, да бояр своих князя Штеня Ирикова да Иваря Иварева, да князя Обрама Гюстеева, а велел их привести за собою в Апсалим, а в Опсалиме в те поры был съезд майя в 18 на Ириков день, и поставили их перед королем, и король учал говорити Нилишу Швантову: «Про што ты на меня так хвалился негораздо?». И отец де его грав Швант, перед королем стоячи, стал смеяться, и король де ухвата у траванта гилбард, да Нилиша Швантова убил сам, а тровантом деи велел иных побити, опричь князя Штеня, а сам де король со страху побежал в лес, и пришел де к нему в лес боярин его Деонисъус Бурбергус, и учал де Деонис королю бити челом, чтоб он шел к себе в хоромы, и король де его поблюлся, чаял, что его хотят самого убити, да и Деонисья велел тутю ж травантом убити; и ныне де на короля того для страх великой пришел, а боится от своих бояр убивства, и он того для хочет на Русь ехать¹⁶.

И послы велели Нечаю толмачю отказати Бентерю Кнутову, что он то дело послом сказывал, и то дело великое, верити тебе в таком деле нельзя, ещо еси молод, а мы тебя не знаем, — королевской ли еси жилец или не королевской: будет король так хочет учинити, как ты нам сказывал, и он бы к нам письмо прислал, чему нам верити, а без королевского ведома верити нам нечему. И Нечай толмачь послом сказал, что он их приказ Бентюре сказывал, и Бентер ему говорил, чтоб ему Нечай дал от себя

х королю письмо, что он королевским словом у Нечая был. И послы не велели Нечаю письма Бентерю давати никакова, потому что детина молод, верити ему нельзя.

Августа в 25 сказал послом Нечай, толмачь, пришел к нему, сказал, топерво тот же ономеднешней королевской жалец Бентер Кнутов, а говорил ему, сказал, что он приходил к нему преж сего от короля, чтоб послы короля свезли с собою к Москве, и послы деи мне в том не верят, а король деи мне же не верит, чает, яз с его словом у тебя не был, да дал мне печатку, напечатана на воску з бумашкою, а прислал с ним, сказал, тое печатку король, а велел деи ей мне оддати, а мне деи велел донести до вас, а ту печатку, сказал, королева перстня.

И послы у Нечая печать взяли и велели Нечаю Бентерю Кнутову отказати: „Послы королевского перстня печати не знают, а тебя не знают же, а се ты молод в таком деле, не верим тебе; будет король так хочет учинити, как ты нам сказываешь, и король бы прислал к нам тебя сверстнее, хто ему верен, советника своего от таковы версты, как князь Штень или как князь Нилиш“.

Лета 7076 сентября в 1 говорили приставу Ирику Гоконову послы, чтоб он их речи донес до государя своего, до короля: „Государь ваш, Ирик король, присылал ко государю нашему бити челом своих великих послов, князя Нилша Гулденстерна с товарищи, чтоб его государь наш, царь и великий князь, пожаловал, учинил его себе братом и другом, и государь наш, царь и великий князь, по челобитью государя вашего, короля Ирика, пожаловал, учинил его себе братом и другом; и каковым dokonчальным грамотам меж государей быти и государя вашего послы, князь Нилш с товарищи, dokonчальную грамоту написали и печати свои к ней привесили и крест государю нашему, царю и великому князю, на той dokonчальной грамоте перед государем нашим, царем и великим князем, целовали государя своего, Ирика короля, душею на том, как мы великие послы — яз боярин и наместник смоленской Иван Михайлович Воронцов, да можайской дворецкой Василей Иванович Наумов, да дияк Иван Васильев — ко государю вашему с тою грамотою придем, и государю вашему, Ирику королю, перед нами,

послы, припись послов своих с печатями велети отрезати, да к той докончальной грамоте печать своя привесити и крест на той докончальной грамоте ко государю нашему целовати перед нами на всех на тех делах, как в той докончальной грамоте писано, и та своя докончальная грамота отдать нам и нас отпустить ко государю нашему, ко царю и великому князю, не издержав, а с нами вместе послати своих великих послов с польского короля сестрою с Екатериною, которая была за Яганом королевичем, и отдать ей на рубеже боярину и Вифлянские земли наместнику Михаилу Яковлячу Морозову¹⁷ с товарищи совсем здорову безо всякие хитрости, а против ее взяти у Михаила Яковлича с товарищи докончальная грамота государя нашего, царя и великого князя, з золотою печатью. И государь ваш, король, по послов своих правде, на чом послы его государю нашему, царю и великому князю, крест целовали его душею, того дела не делает, на докончальной грамоте государю нашему, царю и великому князю, правды не учинил, а государь наш, царь и великий князь, на докончальной грамоте государю вашему правду учинил перед его послы. И нам ся видит, что государь ваш, король, тем делом волочит, нас столь долго держит, а дела не делает: не хитрость ли которую хочет над нами учинити? Нечто будет у него ссыла с некоторым недругом государя нашего, а хотя и учинит над нами которую хитрость, тем Московское государство безлюдно не будет. А за которым будет делом государь ваш того дела не делает, а нас у себя держит, и он бы нам о том известил с своими ближними советники, и с тем бы нам позволил послати ко государю нашему, ко царю и великому князю, сына боярского, чтоб то государю, царю, было в ведома, за чем нас король держит“.

И Ирик говорил послом, что государь его, король, болен, а что послы ему говорили, и он те их речи язнулся до короля донести часа того или до его советников, а что будет о том ответ, и он язнулся часа того послом в ведома учинити.

Сентября в 26 пришел к послом Ирик Гоконов да Пантелей Юрьев со многими людьми с стрельцы, а стрельцы с копы, и с топоры, и с мечи, а говорили послом: „Прислал нас к вам на-

месник стекольской и королевские советники, а велели вас спросити: государь ваш прислал вас ко государю нашему посольством ли или войною? Вечер королевских людей, которые у ваших дворов стерегут, били, да сторожа убив и к себе на двор взяли, и вы б, сыскав, того сторожа нам отдали“.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили: „Пришли есмя от государя своего к вашему ко государю посольством, а не войною, сами вы у государя нашего, у царя и великого князя, в посольстве были и на чем естя зделали и государю нашему, царю и великому князю, государя своего королевою душою крест целовали, по то есмя и пришли к вашему государю, х королю, а людем есмя своим королевских людей, которые у наших дворов в сторожах, бити не веливали и сторожа на двор к нам не имывали. Ваши же люди, которые у нас в сторожах, вечер наших людей перебили, да с того бою человека у нас без вести нет“.

И Ирик и Пантелей говорили: „Человек ваш у нас есть, а нам королевского сторожа убитого у вас во дворе искати“.

И послы велели им искати, Ирик и Пантелей искали сторожа, да не нашли, а пошли з двора, а послов и детей боярских по подворьям заперли и корму давати не велели.

Сентября в 27 был у послов кормовой пристав Симан Бушман, а говорил послом, что прислали его королевские советники и наместник стекольской, а велели вам говорити, чтоб послы меж себя королевского сторожа, которого ваши люди, убив, на двор к себе взяли, сыскали. И послы Иван Михайлович с товарищи говорили: „Искали у нас на дворе сторожа Ирик да Пантелей, а ты с ними же был, да не нашли его, и нам его где взяти? А больши того вам чем уж нас безчестовати? И того безчестия нам много“.

И Симан говорил: „То ся дело сстало без королевского ведома, а советники о том хотят писати х королю, а непригоже послом в чужей земле с сторожами битися: ныне к нашему государю идут послы от цысаря, и иных государей послы идут, и дворы им изготовлены, ино и тем не смети с королевскими сторожи

битися. Да мне скажите, что против сторожа королевским советником сказать?».

И послы велели Симану сказать советником, что у нас такова человека нет, какова у нас пытаются: „Где нам его взять?“.

Сентября в 28 был у послов пристав Ирик Гоконов да Пантелей Юрьев, а говорили послом про того же королевского сторожа, чтоб его отдали.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили Ирику: „Учинили естя над нами над государевыми послы негораздо, что естя поклепали нас убитым человеком, что будто наши люди убили сторожа, да того естя человека у нас во дворе и искали вы сами, да не нашли. И будет естя нас тем безчествовали с королевского ведома, ино то король ведает, а будет естя то учинили над нами без королевского ведома, и то сами ведаете, а даст бог будем у государя вашего, у короля, и мы о том королю будем говорить“.

И Ирик и Пантелей говорил: „Государю нашему, королю, про то ещо не в ведомо, и сами мы то ведаем, что вы люди добрые, людей своих дурну не учите, да только в чужей земле надобе унимати, а тем естя боем и путь свой порушили;¹⁸ преж сего государя нашего, короля, у вашего государя был посол князь Штень, и человек его прилепил блиско иконы свечю, и свеча пошатнулась в иконе, и икона от свечи оплела, и про то князя Штеня держали в Новогороде заперта три недели и корму не давали, а человека его в тюрьму кинули; и штоб того человека князь Штень у государя не упросил, и ему было умереть в тюрьме, а над вами то стшалось против того Штенева дела“.¹⁹

И послы говорили: „Видим и сами, что вменяете безделье, а меж государей тем дело не порушитца. Государь ваш присылал ко государю нашему, ко царю и великому князю, бити челом вас, послов своих, и о чем естя от государя своего били челом государю нашему, царю и великому князю, и государь наш царь и великий князь государя вашего пожаловал, за то ему не постоял; а каковым докончальным грамотам меж государей быти, и вы послы и грамоту написали и печати к той грамоте привесли и крест на той грамоте ко государю нашему, ко царю и великому

князю, государя своего королевою душою целовали на том: как придем мы, великие послы, от государя своего, от царя и великого князя, к вашему государю, королю, и государю вашему у тое грамоты припись с печатями вашими отрезать, а привесити своя печать, и крестъ ко государю нашему на той грамоте целовати перед нами и нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустить, не издержав, и с нами вместе отпустить своих великих послов, а с теми с своими послы послати на рубеж польского короля сестра Катерина и отдать ее на рубеже боярину Михаилу Яковличю Морозову с товарищи. И государь ваш, король, держит нас у себя десятую неделю, а дела по докончальной грамоте не делает“.

И Ирик и Пантелей говорили: „Не силою вам государя нашего заставить делати, а за то дело государь наш государю вашему не стоит, а государь бы ваш государю нашему не стоял, чего государь наш у него просит“.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили: „Что в докончальной грамоте написано, и государь наш, царь и великий князь, те все дела зделает по докончальной грамоте и правит все по тому, как в докончальной грамоте писано, а за чем будет король нас держит, и он бы нам то известил и поволил бы нам с тем послати ко государю нашему ко царю и великому князю сына боярского, за чем нас король держит, чтоб то государю нашему царю и великому князю было в ведоме“.

Сентября в 29 говорил послом Пантелей Юрьев: „Говорили естя вчера Ирику Гоконову и мне, чтоб государь наш, король, поволил послати вам от себя ко царю и великому князю сына боярского, и мы то слово королевским советником сказывали; и советники королевские велели вам сказывати, что от государя нашего приехал в Стекольную гонец, а послан в Выбор; и будет вам послати от себя ко государю своему, ко царю и великому князю, грамоту, и вы посылайте с тем гонцом, а гонец королевский готов“.

И послы Пантелею говорили: „С королевским гонцом ко государю к своему, ко царю и великому князю, грамоты нам не

посылать, а хотим того, чтоб король поволит послать нам от себя ко государю нашему, ко царю и великому князю, сына боярского з грамотою“.

И Пантелей говорил: „И яз то слово ваше скажу королевским советником, а того вашего хотения королевским советником бес королевского ведома зделать не смети, обсылаться им с королем“.

И послы говорили Пантелею: „И будет король поволит послать нам ко царю и великому князю нашего сына боярского, и нам бы о том известно было, про што нас король у себя по ся места держит, чтоб нам ко государю своему, ко царю и великому князю, о том имянно отписать, за чем нас король держит“.

И Пантелей говорил, что король держит за тем, что по грехом король болен, да и Катерина больна; а что мне королевские советники скажут, и яз вам то в ведоме учиню.

Октября в 14 был у послов пристав Ирик Гоконов, и послы ему говорили: „Были естя у нас преж сего тому мало не с три недели, а говорили есмя вам, чтоб естя наше слово донесли до государя своего, до короля, чтоб король поволит нам послать ко государю нашему, ко царю и великому князю, сына боярского с тем, зачем нас по ся места король у себя держит, и вы нам и по ся места о том отвестья не учинивали“.

И Ирик Гоконов говорил: „То ваше слово до короля яз сам доносил. Жывете вы зде по ся места потому: по грехом государь наш король болен, а королева Катерина больна ж, а ныне государю нашему, королю, облегченье есть, а королевне по дохторскому врачеванью облегченье есть же; и яз чаю, ныне, божьим милосердием, государь наш, король, отпустит вас часа того з доброю зделкою“.

И послы Ирику говорили: „Коли по грехом король болен и королевна больна, а нас за тем задержал, и о чем нам о том государю нашему, ко царю и великому князю, не поволит послать?“.

И Ирик говорил: „Государь наш, король, давно ко государю к вашему писал, за чем вас по ся места у себя держит“.

Ноября в 10 день был у послов пристав Ирик Гоконов по посольской присылке, и послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили Ирику: „Был у нас преж сего тому три недели, а говорил еси нам, что король держит нас долго у себя за тем, что он по грехом болен, и королева сестра Катерина больна же, да тогда ж сказывал еси нам, что королю от немощи его облегчение есть и Катерине по дохторскому врачеванью от немощи облегчение есть же, и ныне как короля бог милует?“.

И Ирик сказал, что король опять по грехом болен, потому вам и отпуску нет, а опричь короля того дела некому делати.

И послы говорили Ирику: „Донеси ты ещо наши речи до государя своего: будет ему то дело делати, на чем вы, послы его, государю нашему, царю и великому князю, правду дали, и он бы делал, и нас бы послов и своих послов с королевою сестрою с Катериною, ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил; а за чем будет того дела не делает, и он бы нам о том известил, за чем нас держит, и поволит бы нам с тем послати ко государю нашему, ко царю и великому князю, сына боярского. А будет того дела королю не делати, на чем вы, послы его, государю нашему правду дали, и он бы ко государю нашему, ко царю и великому князю, нас отпустил. А нам ся видит, что над нами король некоторую хитрость хочет учинити, потому и не поволит нам ко царю и великому князю послати с тем сына боярского, за чем нас держит. А только король и хитрость над нами учинит, а прольетца кровь крестьянская на обе стороны, и на ком та кровь взыщется?“.

И Ирик говорил: „Государь наш, король, некоторой хитрости над вами не чинит, а держит вас за тем, что он по грехом болен, а за чем вас король держит, и о том ко государю вашему король писал давно“.

И послы говорили: „Хотя король пошли ко государю нашему, ко царю и великому князю, великих своих послов, а от нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, сына боярского не будет, и государь наш, царь и великий князь, и великим послом королевским не поверит“.

Ноября в 21 день был у послов пристав Ирик Гоконов, а говорил послом от королевских советников, что ехати послом в село в королевское, от Стекольна три мили.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили Ирику: „Говориш нам от советников, а не от короля, что ехати нам в село, и ты и сам ведаеш, что мы пришли к королю, а не к королевским советником, про што нам советники велят ехати? И король у вас есть ли? И будет король велел нас сослати в село, и за какую вину в село нам ехати? Уж то некоторую хитрость над нами хочет учинити.²⁰ А будет король некоторую опалу на нас положил, и он бы нам велел сказати, а мы по ся места на себя некоторые пени не ведаем“.

И Ирик говорил: „Советники вам велели то сказати с королевского ведома, а хитрость над вами некоторые не будет; а ехати вам в село отселева потому: дни приставают студеные, а здесь хоромы студены и тесны, а дров мало, да и рыбы в том селе много, а избы теплы, и советники вам же лутчее чинят“.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили: „Того мы лутчего не хотим и вам о том не говорим, что нам тесно, а то ведает король, где хочет, тут нас держит, мы ему не укашки; а говорили есми тебе не одинава, да и ныне говорим, чтоб ты наши речи до государя своего, до короля, донес: будет ему то делати, на чом вы, послы его, государю нашему, царю и великому князю, государя своего королевую душею правду дали, и он бы делал и нас бы, послов, и своих послов с польского короля сестрою Катериною ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил; а за чем будет король того дела не делает, и он бы нам о том известил, за чем нас держит, и поволил бы нам с тем послати ко государю нашему, царю и великому князю, сына боярского. А будет того дела королю не делати, на чом вы, послы его, государю нашему, царю и великому князю, правду дали, и он бы ко государю нашему, ко царю и великому князю, нас и отпустил, не издержав; а которые сроки нам были учинены ко государю нашему, царю и великому князю, притти, и те сроки давно минули, и государю нашему, царю и великому князю, никак

королю про то не молчати, что он по послов своих правде государю нашему, царю и великому князю, правды не учинит и послов своих с Катериною и нас по ся места ко государю нашему, ко царю и великому князю, не отпустит; не дожидаяся нас, послов, государь наш, царь и великий князь, велит Свейскую землю воевати, и литися крови, что рекам: погрубил государю нашему польской король, и он за то Полотца остал с товарищи,²¹ а ведаете про то и сами. А государю нашему, царю и великому князю, за такое государя вашего неисправление никак не молчати“.

Ноября в 26 день был у послов пристав Ирик Гоконов, а говорил послом: „Говорили есми преже сего, что вам ехати отселева в село в королевское, и вам бы самим ехати на конех, а иных бы людей ваших и рухлядь вашу вести в судех“.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили Ирику: „Говорил еси нам преж сего от королевских советников, чтоб мы отселева ехали в королевское село, и мы тебе тогды же говорили, да и ныне говорим: пришли есмя от государя своего к вашему государю, а не к советником его, а в село нам по их велению не езживати; а будет король нам велит в село ехати, и то ведает король: в своем государстве что хочет, то чинит над нами, мы к нему пришли посольством, а не битися, а бесчествует нас, то его воля, а вины своей перед ним на себя не ведаем, а за то наше безчестье и за его неправду от государя нашего, от царя и великого князя, самому государю нашему бесчестну быти и литися крови, что рекам“.

И Ирик говорил: „Государь наш вас ничем не бесчестит, и неправды его некоторой нет: вам же лутчее хотим, что в село ехати, там в селе избы теплы и просторны и корму и дров больши здешнего, а крови литися за то не за што“.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили: „То государя вашего, короля, правда ли: присылал он ко государю нашему, ко царю и великому князю, вас, послов, бити челом, чтоб государь наш государя вашего пожаловал, принял его в себе в братство и в дружбу; и о чем естя били челом, и государь наш, царь и великий князь, тем государя вашего всем пожаловал. А вашему

было государю за то государя нашего, царя и великого князя, жалованье, как мы к нему сюда придем, и ему было на своей докончальной грамоте, которую вы на себя дали и правду в ней перед государем нашим, царем и великим князем, государя своего королевою душею вы, послы, учинили, и государю было вашему королю правда перед нами учинити и нас, послов, отпустить не издержав, а с нами вместе отпустить на рубеж с польского короля сестрою с Катериною своих великих послов и отдать ее на рубеже боярину Михайлу Яковличю Морозову с товарищи, а у Михайла взяти государя вашего послом государя нашего цареву и великого князя жаловальную докончальную грамоту за золотою печатью, на которой государь наш, царь и великий князь, государю вашему перед вами послы правду учинил. И как есмь ко государю вашему пришли, тому 19 недель, были есмь у него только одинова; и которые есмь речи от государя своего, от царя и великого князя, государю вашему, королю, говорили, и на те речи государь ваш и по ся места ответу нам не учинил и на докончальной грамоте, которую вы написали и правду на ней перед государем нашим, царем и великим князем, королевою душею вы дали, и по ся места государь ваш правды не учинил. Ино то ли государя вашего правда, нас и по ся места держит у себя бездельно? А государь наш, царь и великий князь, вас жаловал и отпустил ко государю вашему, пожаловав вас великим своим жалованьем, а безчестья вам никоторого от государя нашего, царя и великого князя, не было. И учинит государь ваш государю нашему, царю и великому князю, правду по своей докончальной грамоте и нас и своих послов с Катериною отпустит не издержав, и государь наш, царь и великий князь, никоторого слова по своей докончальной грамоте не погрешит. А нам в село не езживати; а похочет король послати нас силою, и в том королева воля, мы ему не супротивны“.

И Ирик говорил послом: „Государь наш держит вас по ся места за тем, что по грехом болен, а как, даст бог, здоров будет, и он со всем с тем делом ко государю вашему вас отпустит, да и то дело с вами учнет делати, о котором мы не уразумели госу-

дарю нашему бити челом, а никоторого дела никому во государя нашего место делати не возможно: то дело делати королю самому“.

И послы говорили Ирику: „Слух наш дошел, бутто деи государя вашего, Ирика короля, землю воюет датцкой король,²² и только будет того для нас от селя в село высылаете, и ты сам ведаешь, как межи государей наших в докончальных грамотах написано: хто недруг государю вашему, тот недруг и государю нашему, царю и великому князю, и мы на государя вашего недруга заодин с вами хотим стояти, а в село нас про то чего для ссылати? А та досада от датцкого короля государю вашему от себя: только б государь ваш государя нашего, царя и великого князя, дело зделал, по что есмь ко государю вашему пришли, и нас бы ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил, не издержав, и которого б часу пришли есмь ко государю, ко царю и великому князю, и государь бы наш, царь и великий князь, часа того послал к датцкому и велел бы ему со государем вашим помирится, как государю вашему любо, и датцкой бы давно по государя нашего, царя и великого князя, веленью со государем вашим помирился, а кровь бы крестьянская напрасно меж ими не лилася“.

И Ирик говорил: „Датцкой государю нашему не силен, мы за датцким битися умеем, а ныне люди его были на государя нашего украине да и пошли прочь, а вас мы в село посылаем, что вам там просторнее, да и корму и дров здешнего больши, а не датцкого для“.

И послы говорили Ирику: „Что есмь топерво тебе ни говорили, и ты б то все донес до государя своего. А что есмь тебе през сего говорили, и те мы речи свои велили тебе до короля донести, и ты прежние наши речи доносил ли⁶ до короля и почему никоторым нашим речем от короля ответу нет?“.

И Ирик говорил: „Яз и меньшее ваше слово до государя своего доношу, а никоторым вашим речем от короля ответ мне не бывал, а как от короля против ваших речей ответ мне будет, и яз тот королевской ответ тот же час вам скажу“.

Декабря в 4 день был у послов пристав Ирик Гоконов, а говорил послом: „Говорю вам от короля то ж слово, что и прежде сего есми вам говорил, чтоб вам ехати в королевское село, а суды готовы; и вы б велели ныне рухлядь свою класти в суды, а завтра б вам ехати“.

И послы говорили: „Как есмя преж сего тебе отказали, так и ныне отказываем, в село ехати не хотим, а куда нас ни велит король повести, и то королева воля, во се мы готовы, поведи нас, против его не стоим“.

И Ирик говорил, чтоб послы велели рухлядь свою на суды возити. И послы говорили: „Мы о головах своих не тужим, а о рухляди своей и поготову не тужим, то ведаете вы и с нею, хотите — на короля возьмите, хотя себе“.

Да прислал Ирик Августина с ызвошки посольская рухлядь возити. И Иван Михайлович велел полаты и погребы отомкнути, а велел молвити, чтоб немцы рухлядь имали. И немцы в полаты не пошли и рухляди не имали, а говорили немцы, чтоб ис полат велел Иван Михайлович рухлядь свою носить людям своим, да и к судом за нею велел ходити береженья для людем же своим. И Иван Михайлович велел отказати немцом, что ему рухляди своей людем своим не веливать нести, имали бы рухлядь немцы, и немцы и с ызвошки з двора съехали, да послов на ночь по подворьям заперли, а назавтрее отперли пословы дворы в третьем часу дни.

Декабря в 5 день были у послов стекольской наместник Исак Миколаев да королевской печатник Ирик Матфеев, а говорили послом: „Государь их, король, велел преж сего вам, послом, говорити Ирику Гоконову, что вам здесь в Стекольне бити тесно для того: дух тяжел и хоромы стюдены и дров здесь мало и корму не довольно, и вам бы, послом, ехати в королевское село — и там будет здешнего прохладнее и хором будет теплых много и просторно и рыбы и иного всякого корму здешнего больши будет, и вы Ирику отказали, в село ехати не хотите; и государь наш, король, велел вам говорити, чтоб есте для здешние тесноты и духу для тяжелого и в корму недостатка для и зимново для времени ехали в село королевское, а в королевском селе здешнего

лутчи, жити прохладнее, и избы теплы, и дров и рыбы здешнего больше, и вам будет во всем пространнее“.

И послы говорили: „Был у нас преж сего пристав наш Ирик Гоконов, а говорил нам от советников от королевских, что советники королевские, поговоря меж себя, велели ехати в село в королевское, и мы ему отказали: говоришь нам от королевских советников, чтоб мы ехали в село в королевское, и ты то и сам ведаешь, что мы пришли от государя своего, от царя и великого князя, посольством ко государю вашему, х королю, а не к советником его, и ныне где государь ваш король? И Ирик нам говорил, что то советники нам с ним приказывали с королевского ведома, и мы Ирику отказали, а коли советники велят нам ехати в село в королевское с королевского ведома, ино то ведает король, против короля мы никоторого спору не чиним; а послов в села посылают за вину, а мы на себя некоторые вины не ведаем, а будет которая наша вина перед королем, и он бы нам о том известил. А вчера нам Ирик же говорил, что король велел нам в село ехати, и мы ему отказали: в село нам ехати не хотим, да королю есмя не спорники — в своем государстве что хочет, то над нами чинит, где ни велит нас вести, и мы готовы, хотя ужшо поведи нас куда хочет, не противимся, а послов без пени не ссылают. И Ирик нам говорил, чтоб рухлядь наша наперед нас в суды носить, и мы ему отказали: мы о своих головах не тужим, а о рухляди что нам тужити, хочешь — на короля возми, хочешь — возми себе; да и нынеча о рухляди своей не тужим, оже, дасть бог, живы будем и велит нам бог государя своего, царевы и великого князя, очи видети, и мы тогда его царским жалованьем будем богати“.

И стекольской наместник Исак и печатник Ирик говорили послом: „Король лутчее вам делает, что велит вам в село ехати, для вашего ж прохладу, потому что там просторнее, избы здешнего больше и теплы, и рыбы много, и дух легче, а здесь теснота, а дни идут студенные, избы студены“.

И послы говорили: „Каково здесе ни тесно и студено, и мы то терпим, чтоб нам велел король себя здесе дожидатися, а в

село ехати не хотим, а то ведает король, где хочет, тут вели нас повести, во се мы готовы, а во всех государствах того не ведетца, что послов без пени ссылати, а мы на себя пени некоторые не ведаем, уже то король некоторую хитрость над нам хочет учинити, что ссылает нас в село, в том его воля — не противимся”.

И наместник и печатник говорили: „Король вас в том не поволит, а велит вам ехати в свое село, добро хотаячи вам, чтоб вам здешнего было прохладнее для зимы и иных для вещей: послы вы государя великого, а сами вы великие ж люди, чтоб вам тесноты и гладу никоторого не было. А как, даст бог, государь наш король обможетца, и он вас ко государю вашему отпустит с полным ответом, на чом государя нашего послы, князь Нилшь с товарищи, зделали и государю вашему правду дали, и к тому делу государь наш во всем подвижен будет“.

Декабря в 13 день был у послов королев дворотцкой Нилшь Рюнник, а говорил послом, что король велел им в село ехати для простору и корму для: в Стекольне здесе тесно и хоромы студены и корму и дров мало. И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили: „Были у нас преж сего стекольской наместник Исаак Николаев да печатник Ирик Матфеев, а говорили нам от короля то же слово, чтоб мы отселева ехали в село в королевское, и мы им отказали, что в село ехати не хотим, а будет на нас от короля опала — за что нас ссылает, и он бы нам о том известил, а пени своей не ведаем. А пошлет нас в село сильно, и то ведает король, мы ему не противимся, а что мы ныне тебе говорим, и ты б то наше слово до короля донес. Был есми преж сего от государя своего, от царя и великого князя, в посольстве у польского короля, и о котором деле есми от государя своего от царя и великого князя приходил, и король польской, по послов своих правде то дело зделав, нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил, не издержав, а тем нас не бесчестил, в село нас не посылал; а государь ваш, король, держав нас у себя здесь дватцать недель с неделею, а ныне посылает нас в село, а мы к нему пришли от государя своего, от царя и великого князя,

посольством, а не сел его зирати. А на чом послы его, князь Нилш с товарищи, грамоту докончальную написали и правду на ней государя своего королевюю душею государю нашему, царю и великому князю, дали, и король того дела и по ся места не делает, а нас у себя держит бездельных, и нам ся видит, некоторую хитрость над нами король чинит, что нас в село ссылает. И будет королю то дело делати, на чом послы его государю нашему, царю и великому князю, правду дали, и он бы делал по докончальной грамоте и нас отпустил ко государю нашему, царю и великому князю; а за чем будет ему того дела делати не возможно, и он бы нам о том известил, и мы того ждем, доколе король велит, а нам бы с тем поволит ко государю нашему, ко царю и великому князю, послати сына боярского, чтоб государю нашему, царю и великому князю, было известно, за чем нас король у себя держит. А будет король в своей правде не устоял, того дела забыл, на чом послы его докончальную грамоту написали и на ней государя своего королевюю душею государю нашему, царю и великому князю, правду дали, того дела ему не делати, и король бы нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил, а в село бы нас не посылал: послов в село посылают за вину, а мы своей вины на себя перед королем не ведаем никоторой. И ты б те все наши речи донес до государя своего, до короля. А что с приставом своим, с Ириком, ко государю вашему, х королю, приказываем, и пристав наш от государя своего на наши речи никоторого ответу нам не сказывает: не ведаем — наши речи до государя своего доносят, не ведаем — не доносит“.

И Нилш Рюнник говорил: „Что мне государь наш вам велел говорить, и яз вам то и говорю, а которые речи у вас слышу, и яз те ваши речи донесу до государя своего“.

Марта в 17 день²³ был у послов пристав Ирик Гоконов по посольской присылке, и говорили ему послы: „Пришли есмя от государя своего, от царя и великого князя, к вашему государю, х королю Ирику, а тому не безо многа год, а только есмя были у него одинова. А что есмя от государя своего, от царя и великого князя, государю вашему на посольстве говорили, и на те

речи ответу нам и по ся места не учинил, и ты б те наши речи донес: будет ему то дело делати, на чом вы послы его государю нашему, царю и великому князю, правду дали, и он бы то дело делал, а нас и с нами послов своих ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил. А будет ему того дела не делати, и он бы нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил“.

И Ирик говорил: „Терпели естя большое, а меньшее уж терпети, а король будет часа того в Стекольну и вас ко государю вашему отпустит с полным ответом“.

Апреля в 23 день был у послов королевской боярин Юрьи Петров²⁴ да стекольской наместник Круш Весутий, а говорил послом от короля: „Божиею милостию великий велеможный государь наш четвертыйнадесять Ирик, король Свитцкий, Готцкий, Вендийский, велел вам говорити: пришли естя от великого государя царя и великого князя ко мне посольством, да здесь зажилися, и которое вам утешенье от кого без него было и недостаток, и то не с королевским веленьем, а что естя у короля одинова были, и в том королевь вины перед вами нет; по грехом король персоною своею был болен, а после того был в земле его недруг, и король ходил того недруга своего из земли своей выгоняти, и божиею помощию государь наш, король, из земли своей недруга выгнал и людей его многих побил. А вы б не кручинилися, государь наш, король, ныне, дал бог, здоров, как и преж сего здоров был, и сюда будет часа того, и вы у него будете вборзе и отпустит вас сам своею персоною со всем здоровым ответом“.

И послы говорили: „Боже дай, государь ваш, король, здоров был, и нам бы его очи в радость видети. И по государя нашего, царя и великого князя, жалованью, чем его государь наш, царь и великий князь, пожаловал и на чом послы его государю нашему, царю и великому князю, правду учинили, и король бы на докончальной грамоте перед нами государю нашему, царю и великому князю, правду учинил и нас бы ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил не издержав. А которое было нам без

него утеснение и недостаток, и мы про то сами скажем, дать бог, как королевские очи увидим“.

Да Юрьи же Петров говорил: „Государь ваш, царь и великий князь, прислал ко государю нашему дворянина своего Елизарья Леонтьевича Ржевского,²⁵ и был он у короля двожды, и король его отпустил ко государю вашему со всем здоровым ответом и велел ему у вас быти, и что вам ко государю своему писати, и вы б писали, а с чем его король отпустил, и он вам королевской ответ сам скажет“.

И того же дни Елизарий в Стекольну приехал, а с послы Елизарью того дни видетися не дали.

Апреля в 24 день был у послов Елизарий Ржевской, а с ним пристав Ирик Гоконов, да Ирик и пошел от послов, а Елизарей у послов остался, а сказал: „У короля он был двожды, и отпустил его к царю и великому князю“. А поехал Елизарей ис Стекольна апреля в 30 день.

Июня в 3 день король Ирик в Стекольну приехал.

Июня в 15 день был у послов пристав Ирик Гоконов по посольской присылке, и говорили ему послы: „Пришли есмя от государя своего, от царя и великого князя, к вашему государю, х королю, посольством, а тому ужжо год, а тольке есмя были у него одинава, а сказывали нам преж сего присыльники его и ты, Ирик, сказывал же, что король по грехом болен, а поехал в село тешитися, а после того сказали естя нам, что государь ваш, король, пошел против своего недруга датцкого короля. А как был от государя нашего, от царя и великого князя, у государя вашего, у короля, посланник Елизарей Ржевской, и отпускаячи государь ваш Елизарья, прислал к нам Юрья Петрова, а говорил нам от короля, что государя нашего царя и великого князя посланника Елизарья Ржевского ко государю нашему, царю и великому князю, государь ваш, король, отпустил и с нами ему поволил видетися, а про короля сказал, что он в Стекольну будет часа того и нас отпустит часа ж того ко государю нашему, ко царю и великому князю, с полным ответом; а как Юрьи то от короля говорил, и тому сем недель минуло, а как король в Стекольну приехал,

и тому две недели, а нам и по ся места у себя не велит быти. И ты то наше слово донеси до государя своего, чтоб король нам велел быти у себя: есть за нами от государя нашего, от царя и великого князя, ко государю вашему, х королю, речи“.

И Ирик послом говорил: „Как государь в Стекольну приехал, а не бывали естя у него потому по ся места, что ещо ко государю нашему бояре его и иные думные люди не съехали, а как съедутца, и государь наш ко государю вашему часа того вас отпустит а добрым ответом“.

И послы говорили: „Мы от государя своего, от царя и великого князя, пришли посольством ко государю вашему, а не к бояром его, ни к думным людем“.

И Ирик посольские речи хотел донести до короля, а что король откажет, и он то язнулся сказать послом.

Июня в 28 день был у послов пристав Ирик Гоконов по посольской присылке, и послы ему говорили: „Был у нас преж сего от короля Юрьи Петров, а говорил нам, что государя нашего, царя и великого князя, посланника Елизарья Ржевского ко государю нашему, ко царю и великому князю, король отпустил и с нами ему поволил видетися, а король в Стекольну часа того будет и нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустит часа того с полным ответом; и король посланника государя нашего, царева и великого князя, отпустил, и с нами он виделся. И мы королевское слово, что Юрьи Петров говорил нам от короля, и ко государю своему, ко царю и великому князю, съ Елизарьем приказали, что король хочет нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустить часа того с полным ответом. А как король приехал в Стекольну тому не безо многа месяц, а нам у себя быти не велит, и ты донеси наши речи до короля, чтоб король велел нам у себя быти и то дело, на чом вы послы его со государя нашего, царя и великого князя, бояры договор учинили и крестным целованьем утвердили, делал и нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил, а с нами вместе послал на рубеж своих послов с польского короля сестрою Катериною, не издержав. А будет того дела королю

не делати, и король бы нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил“.

И Ирик Гоконов говорил: „Те речи ваши яз до короля донесу, а и прежние речи ваши до короля и до его советников яз донес, а ныне х королю бояре его и думные люди съехались, и король о том деле ещо с ними думает“.²⁶

И послы говорили: „Как есмя ко государю вашему пришли, и тому не безо многа год, а пришли есмя к нему на зделанное дело, ино мочно было в то время о том деле задумати и нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустить“.

И Ирик говорил: „Не одно то дело у государя у нашего, есть ему о чом думати“.

И послы говорили: „Добро государь однословен, а не двоесловен, на чом государь и молвит или слово государское послы его молвят и в котором ни буди государстве его государевою душею правду утврдят, и то дело на том и стоит, ни в которых государствах того не ведетца, что утврженное дело меж государей инако“ никак не переделывают, а меж прямых государей хотя по грехом и брань учинитца, а оставливают чем им меж себя помиритца; а нам ся видит, король ваш со государем нашим, со царем и великим князем, не оставливает чем помириться: дела государя нашего, царя и великого князя, на чем вы, послы его, крестным целованьем утврдили, не делает, да сверх того нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, не отпустит, а держит нас у себя бездельных“.

Июля в 1 день был у послов Ирик Гоконов, а говорил послом: „Говорили естя мне преж сего, чтоб яз ваши речи донес до государя своего, до короля, а что против ваших речей королев ответ, и мне б то вам сказати. И яз ваши речи до короля донес, и государь наш, король, велел вам сказати: быти было вам у короля в первое воскресенье сего Петрова мясоеду, да и ответ вам на ваши речи хотел учинити и ко государю вашему вас отпустить. И государю нашему, королю, в то воскресенье жениться,²⁷ а после государя нашего свадьбы быти вам у него часа того, да отпустит вас ко государю вашему с полным ответом“.

И послы говорили: „Видим и сами, что государь ваш, король, тем делом, на чом вы, послы его, королевую душею государю нашему, царю и великому князю, крест целовали, волочит, а государя нашего, царя и великого князя, дела не делает, а нас держит у себя бездельных“.

И Ирик говорил, что государь их, король, не волочит, одно-конечно их, послов, отпустит часа того.

И послы говорили: „Пришли есмя от государя своего к вашему государю посольством тому год будет Ильин день, а только есмя были одинова, а сказалсе король болен, а после того сказывали естя, что он пошел против своего недруга датцкого короля; а как он приехал в Стекольну, и тому не безо многа месец, а нам у себя быти не велит, было ему коли'и до свадьбы своей то дело, на чом вы, послы его, королевую душею государю нашему, царю и великому князю, крест целовали, зделати и нас отпустить к нашему государю, ко царю и великому князю. А ныне не хотячи государева дела делати, и нас не отпустит да отнимаетца свадьбою, и нам до его свадьбы что за дело?“.

И Ирик говорил: „Одноконечно быти вам у короля после его свадьбы в первое воскресение, да отпустит вас к вашему государю с полным ответом“. Да Ирик же говорил послом: „Скажу вам по любви, что б было вам в ведомо: только будет государь наш, король, велит вам быти у себя на свадьбе, и вы б ся приготавили, а быти вам на свадьбе у короля только тремя вам да его бояром, а иным вашим туто не быти, быти им в другой пировой полате“.

И послы говорили: „Как нам король ни велит у себя быти для государя нашего, царя и великого князя, дела, и мы всегда готовы, а коли нам у короля слово будет, велит нам у себя быти на свадьбе, и тогда от нас о том и ответ будет“.

Июля в 2 день были у послов от короля Петр Баг да Ганс-шил да с ними пристав Ирик Гоконов, а говорил от короля послом Ирик Гоконов: „Государь наш Ирик четвертыйнадесять, божиею милостию, король Свийский и Готцкий и Вендийский и Колыванский и взятых частей Вифлянские земли, прислал к вам своих честных

мужей воеводу большово над суды Петра Баг да Ганьскшиля да меня с ним малого персона, а велел нам говорити царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии вам, великим послом, и велел у вас просити, чтоб естя великие послы пооблегчилися, у государя нашего, у короля, ели и на пиру были и радость бы естя и королицу его видели на свадьбе, а женитися ему в воскресенье“.

И послы говорили: „Государь бы ваш, Ирик король, здоров был на многие лета и женитися б ему здорово, а на его жалование челом бьем. Присылал ко государю нашему, ко царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, государь ваш, король, своих великих послов князя Нилша Гулденстери с товарищи бити челом: и о чем послы его, князь Нилш с товарищи, государю нашему, царю и великому князю, били челом, и государь наш, царь и великий князь, тем всем государя вашего, Ирика короля, пожаловал, да и грамоту докончальную написали, как государю вашему у государя нашего, у царя и великого князя, в его жалование быти, да и печати свои к той докончальной грамоте привесили и крестным целованьем утвердили; а как мы великие послы будем у государя вашего з докончальною грамотою, которую послы его написали, и государю было вашему перед нами, великими послы, у докончальные грамоты припись послов своих с печатью отрезати, да к той докончальной грамоте печать своя привесити и крест на той грамоте ко государю нашему перед нами целовати на всех тех делех, как в той докончальной грамоте писано, и та грамота докончальная дати нам, великим послом, мне, боярину и наместнику смоленскому Ивану Михайловичю Воронцову, с товарищи, и нас отпустить к нашему государю, ко царю и великому князю, не издержав, и с нами вместе послати к нашему государю, ко царю и великому князю, своих великих послов, а з теми своими послы послати на рубеж Жигимонта Августа, короля польского, сестра Катерина и отдать ее на рубеже боярину и Вифлянские земли наместнику Михаилу Яковличю Морозову с товарищи, а против ее государя вашего послом взяти у боярина у Михаила Яковлича с товарищи нашего царя и великого князя жалование, докончаль-

ная грамота с золотою печатью. И пришли есмь от государя своего, от царя и великого князя, ко государю вашему тому уже год будет, а были есмь у него одинова; а что есмь от государя своего, от царя и великого князя, на посольстве ему говорили, и он на те наши речи некоторого ответу нам не учинивал и по се места; а сказал нам ты, Ирик, что король болен, а поехал в село не на долго время потешиться, а после того сказали естя нам, что пришел во государя вашего землю недруг его, король датцкой, и он пошел против своего недруга. И сее весны был у нас Юрьи Петров, а говорил нам Юрьи от государя своего от короля, что государя нашего, царя и великого князя, посланника Елизарья Ржевского король отпустил ко государю нашему, ко царю и великому князю, и с нами поволил ему видетися, а про короля сказал нам, что он в Стекольну будет часа того и нас к нашему государю, ко царю и великому князю, отпустит часа же того, а как нам Юрьи то говорил, и тому девять недель. А как король в Стекольну приехал, и тому месяц не безо многа, а нам у себя быти не веливал и государя нашего, царя и великого князя, дела, на чом послы его, князь Нилшь с товарищи, со государя нашего бояры договор учинили и грамоту докончальную написали и крестным целованием, государя своего королевю душею, утвердили, и по ся места не почиывал делати и нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, не отпустит, а держит нас у себя бездельных. И государь бы ваш король велел нам быти у себя до свадьбы своей или после свадьбы для государя нашего, царя и великого князя, дела, о котором есми деле к нему пришли, и учинил бы ко государю нашему, ко царю и великому князю правду перед нами на докончальной грамоте, которую послы его написали и крест государю нашему царю и великому князю целовали государя своего душею, и нас бы ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил не издержав, а с нами вместе отпустил на рубеж с польского короля сестрою с Катериною своих великих послов. А не учинит государь ваш на той докончальной грамоте ко государю нашему, ко царю и великому князю, правды, и нам у него нельзя на свадьбе быти, потому что

государь ваш и по ся места государя нашего, царя и великого князя, дела, о котором есмя деле к нему пришли, делати и не починавал“.

И Петр Баг с товарищи говорили: „Да тот ли ваш ответ государю нам своему сказать?“.

И послы говорили: „Что есмя вам говорили, то и скажите государю своему, а на его жалованье челом бьем“.

Июля в 11 был у послов от короля Петр Баг, аммарал, да Ганшский да пристав Ирик Гоконов, а говорил от короля послом Ирик Гоконов: „Государь наш Ирик четвертыйнадесят, божиею милостию король Свийский, Готцкии, Вендинский, Колыванский, велел вам, великим послом, быти ныне у себя, а придет по вас государь наш после двунатцати часов на третьем часу“.

И послы говорили: „Для государя нашего, царя и великого князя, дела х королю есмя ехати готовы“.

И того же дня приехали от короля по послов боярин Гаврило Крестернов да Бентей Гултер да Ганшский, и послы с ними х королю поехали да и х королю пришли. И король послов звал к руке, а говорил послом в королевое место печатник Аловей Лаврентиев, а толмачил Пантелей Юрьев: „Государь наш Ирик четвертыйнадесят, божиею милостию король Свийский, Готцкии, Вендинский и иных х тому поддаточных частей государь, велел вам, того великого государя, руского царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, великим послом, говорити: о котором естя деле ко мне пришли, и мы о том уразумели, а ответу есмя вам по ся места в том деле не учинили для тое притчи, которая здесь от диявола и от злых людей была.²⁸ А после того государь наш был против своего недруга датцкого короля и из земли своей его выгнал, и вы для того здесь замедляли. А ныне король то дело хочет делати и вам ответ учинити своими думными людьми; а опричь того дела от государя вашего будет иное которое дело есть, и вы б нам то дело дали уразумети“.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили: „Великий государь наш, божиею милостию царь и великий князь Иван Ва-

сильевич всеа Русии, велел тебе говорить, чтоб еси то дело делал ранее, на чом послы твои, князь Нилш Гулденстерн с товарищи, со государя нашего бояры договор учинили и крестным целованьем утвердили твоею королевою душою. А будет тебе того дела не делати, и ты б нас, великих послов, ко государю нашему, царю и великому князю, отпустил часа того“.

Да послы же говорили королю: „Буди здоров женився и своею королевою“. Да били челом на корму, которой прислан с свадьбы.

И король послом на том великое помозибо сказал, да спрашивал послов о здорьеве: „Здорово ли естя жили, и не было ли вам которого утеснения? И будет было, и то не нашим хотеньем“.

И послы говорили: „Божию милостию и великого государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, здорьевем, дал бог, есмя по ся места здорово“.

И король велел послом сести, и туто ж говорил послом Алавей Лаврентьев: „Король вам велел итти в другую полату, а хочет с вами дело делати, прислати к вам своих советников“. И послы от короля вышли в другую полату, а с послы шли те же, которые по них приезжали.

²⁹ И того же часу пришли к послом от короля советники, грав Петр Браг, да Гаврило Крестернов, да Юрьи Герт, да князь Нилш Гулденстерн, да Юрьи Петров, да печатник Алавей Лаврентьев, а толмачил их Пантелей Юрьев: „Пришли естя ко государю нашему о той аделке, чтоб королю дать государю вашему польского короля сестра Катерина: и то дело супротивно богу и закону, как тому делу сстатися—у жива мужа законная жена взяти?“.

И послы говорили: „Государь ваш, король Ирик, присмал к нашему, к великому государю царю, своих великих послов, князя Нилша Гулденстерн с товарищи, бити челом, чтоб государь наш, царь и великий князь, его пожаловал, учинил его себе братом и другом; и государь наш, царь и великий князь, государя вашего, короля, тем пожаловал, учинил его себе братом и другом. А как ему у государя нашего, у царя и великого князя, в жалование быти, и послы его, князь Нилш с товарищи, и грамоту

докончальную написали и печати свои в ней привесили и крестным целованьем утвердили государя своего душею на том: как мы, великие послы, ко государю вашему придем, и государю было вашему у докончальные грамоты припись с печати послов своих велети отрезати, да х той докончальной грамоте печать своя привесити и крест на той грамоте ко государю нашему, ко царю и великому князю, перед нами великими послы целовати и та докончальная грамота и припись послов своих с печатями дати нам великим послом и нас великих послов отпустить к нашему государю, царю и великому князю, а с нами вместе послати на Ореховской и на Выборской рубеж своих великих послов, а с теми с своими послы послати польского короля сестра Катерина и отдати ее на рубеже боярину и Вифлянские земли наместнику Михаилу Яковличю Морозову с товарищи, а против ее государя вашего послом взяти у Михаила Яковлича государя нашего, царя и великого князя, жалованье, докончальная грамота з золотою печатью. И государь бы ваш, король, своей докончальной грамоты не рушил, то бы дело делал по докончальной грамоте, на чом послы его крест целовали“.

И королевские советники говорили: „Государь наш посылал ко государю вашему своих великих послов, а того послом своим делати не приказал, которые государь ваш аделки просил Катерины той, а государь ваш кристьянской, и самому ему чего того хотети, не добре то хвалительно и не славно“.

И послы говорили: „Ни в которых государствах того не ведетца: что аделают послы меж государей и крестным целованьем утвердят государи своих душами, и то дело в той мере и стоит, а послы государя вашего на той грамоте крест целовали; и коли крестное целовакье порушити, и вперед послом как верити? И государь бы ваш тое своей докончальные грамоты не рушил, польского короля сестру Катерину с своими послы и с нами отпустил наборзе, а государь наш, царь и великий князь, емлет у государя вашего польского короля сестру Катерину для своей царские чести, хотя повышенья над своим недругом и над вашего государя недругом — польским королем“.

И королевские советники говорили: „Государь ваш тое зделки просит, а что он государю нашему против того посулил, и того не учинил“.

И послы говорили: „Чего государь наш царь и великий князь не учинил?“.

И советники говорили: „Государь ваш хотел достигнути Ригу да Дюнемень да хотел государю нашему дати“.

И послы говорили: „Того в докончальной грамоте не написано; а которыми города государь наш, царь и великий князь, вашего государя пожаловал в своей отчине в Вифлянской земле, и те города и в докончальной грамоте написаны, и за те города государь наш, царь и великий князь, ныне не стоит и правит все по докончальной грамоте, да и больши того государь наш царь и великий князь государя вашего пожаловал, учинил его себе братом и другом“.

И князь Нилш да Пантелей Юрьев говорили: „Как у государя вашего ни будем, и государь ваш государю нашему что ни дает, а как сойдем к боярам к его, и оне не то пишут“.

И послы говорили: „И вы б докончальные грамоты не писали“.

И Нилш да Пантелей говорили: „Государь наш приказал нам, чтоб нам без миру к нему не приехати, а государя вашего бояре говорили нам: «Будет государя вашего приказ вам есть, что ему польского короля сестру Катерину дати, и вы и делайте, а будет того приказу за вами нет, и государь деи наш вас отпустит к вашему государю без миру». И мы того для так зделали, чтоб нам ко государю своему не приехати без миру, а государя нашего приказу о том не было, а зделали есмь так, аже будет король похочет“.

И послы говорили: „Сказываете, что вы то дело зделали бес королевского ведома, и государь наш царь и великий князь посылал прежь сего ко государю вашему х королю о том деле дворянина своего Третьяка Пушечникава, и божьим судом Третьяка здесь не стало, а у короля быти ему не лучилося, и король, хотя то уведати, о чем государь наш царь и великий князь присылал к нему дворянина своего Третьяка Пушечникова, да присылал

ко государю нашему, царю и великому князю, о том дворянина своего Ивана Лаврентиева, и государь наш про то дело велел Ивану Лаврентиеву бояром своим известить, и бояре про то дело Ивану и известили: будет есть государя вашего на то хотенье то дело зделать, и государь бы ваш о том деле прислал ко государю нашему, ко царю и великому князю, своих великих послов, да и грамоту опасную ему на послов велел дати, и государь ваш по той грамоте ко государю нашему, ко царю и великому князю, и послов своих—тобя, Нилша, с товарищи,—прислал; и государю было вашему как того дела не ведати?”.

И королевские советники говорили: „Дивимся государя вашего бояром, что они во государя нашего грамоту не смотрели, а так зделали, а про то дело в грамоте государя нашего не написано“.

И послы говорили: „Ото многих государей к нашему государю, ко царю и великому князю, и от государя нашего, от царя и великого князя, ко многим государем послы приходят, да и мне от государя своего, от царя и великого князя,лучилося в послех быти у польского короля, а в грамотах в верующих от государей пишут: послали есмя послов своих, и что тебе послы наши от нас учнут говорити, и ты б их речем верил, то есть наше слово, а в грамотах в верующих ни про которые дела не пишут“.

И советники говорили: „Было у государя нашего послов иное письмо, и бояре и того письма не смотрели“.

И послы, Иван Михайлович с товарищи, говорили: „Живут у послов государские наказы, как им меж государей делати, и яз то кому скажу? Волны у меня то у мертвого взяти. А бояре государя нашего, царя и великого князя, тебе, Нилшу, говорили: «Будет от государя твоего о том деле приказ есть, что польского короля Катерина государю нашему, царю и великому князю, дати, и ты б то дело делал, а будет за тобою о том деле приказу нет, и государь наш, царь и великий князь, отпустит вас к вашему государю, и приставы и корм и подводы велит вам до рубежа дати». И ты, Нилшь, говорил бояром, чтоб тебе государь наш, царь и великий князь, велел очи свои видети, а есть государя твоего приказ за тобою о том деле за одним, а товарищи твои

того приказу не ведают; и государь наш, царь и великий князь, велел тебе у себя быти, а толмачил ты, Пантелей, и ты государю нашему, царю и великому князю, говорил, что государь твой, Ирик король, государю нашему, царю и великому князю, за польского короля сестру не стоит“.

И Пантелей говорил: „То так было“.

И послы говорили: „Будет государю вашему то дело делати, на чом послы его со государя нашего, царя и великого князя, бояры договор учинили и грамоту dokonчальную написали и крестным целованьем, государя своего душею, утвердили, и он бы то дело делал ранее, а будет ему того дела не делати, и он бы нас отпустил к нашему государю, ко царю и великому князю“.²⁹

И советники королевские говорили: „Есть у нас корень иному делу, чтоб вы, великие оспода, послушали“.

И послы Иван Михайловичь велели говорить.

И говорил Петр Браг: „Есть у польского короля сестра девка, которая не замужем, и будет государю вашему она надобна, и государь наш станет ее доступати, а доступив, дать ее государю вашему“.³⁰

И послы говорили: „То дело великое, а нам от государя нашего от царя и великого князя о том деле приказу нет, и нам такое дело великое без царева и великого князя приказу как делати? А будет государь ваш похочет о том деле послати ко государю нашему, ко царю и великому князю, послов, и то на его воле, а что есмя прежь сего вам говорили, то и нынеча вам говорим, донесите наши речи до государя своего: будет государю вашему то дело делати, на чом послы его со государя нашего, царя и великого князя, бояры договор учинили и грамоту dokonчальную написали и крестным целованьем, государя своего душею, утвердили, и он бы то дело делал ранее, а будет ему того дела не делати, и он бы нас отпустил к нашему государю ко царю и великому князю“.

И советники пошли к королю, а послом велели подождати, а остались у послов Гаврило Крестернов да Юрья Герт. И пришли советники от короля, а говорили послом: „Речи есмя ваши до

государя своего до короля донесли, и государя нашего зашли иные дела, а ныне уже на дворе паводок, и государь вам велел ехать к себе на подворье, а как у государя нашего опять будете, и тогда вам от государя нашего ответ будет". И послы и поехали, а проводили их на посольской двор те же, которые по ним от короля приезжали, — Гаврило Крестернов с товарищи.

Июля в 18 день был у послов пристав Ирик Гоконов, а говорил послом: „Государь наш, Ирик король, велел вам, великого государя царя послом, говорить, чтоб естя не покручинились, быти было вам у короля ныне, да заняли иные дела тяготные, и вам за тем у короля не быти, а будете у него часа того, и отпустит вас к вашему государю з добрым ответом“.

И послы говорили: „То ведает король“.

³¹Июля в 27 день были у послов Юрьи Петров да дворотской королевской Христофор Петров, да тайных дел печатник Петр Магнушев, а говорили послом: „Государь наш, Ирик король, велел вам сказати: что государя нашего послы князь Нилъ Гулден государю вашему посулил, и государь наш то дело хочет зделать. И нынеча брат его Еган государю нашему учинился супротивен, со государя нашего з злыми людьми с изменники отступил, а с ним князь Штен и иные, и государь наш ему силен, уж его государя нашего люди оступили, из земли его не выпустят, изымав, его приведут ко государю нашему сюда в Стекольную, и жену его Катерину государь наш отдаст вашему государю, а вас государь наш отпустит к вашему государю с полным делом, с тем, по что естя пришли“.

И послы спросили Юрья Петрова: „Сказываешь, что Еган от короля отступил, и где ныне Яган?“.

И Юрьи сказал, что Еган блиско рубежа Датского.

И послы спросили: „Да как государю вашему над Еганом промышляти?“.

И Юрьи Петров говорил: „Государь наш стоит против многих своих недругов, а брату ему своему как не сильну быти?“.

И послы говорили: „Были есмя у государя вашего, тому три недели будет, и прислал к нам своих советников, а ты Юрьи

туто же был, а говорили естя нам от короля, что королю польского короля сестры Катерины государю нашему, царю и великому князю, дати не мочно, а вставили естя безлепишное слово, что государь ваш, король, доступя польского короля, другую сестру девку хочет дати государю нашему. И мы вам отказали, что о том деле от государя нашего, царя и великого князя, приказу нам нет и делати нам того без государя нашего, царя и великого князя, приказу не мочно, а говорили есмя вам, чтоб естя наше слово донесли до государя своего, чтоб король то дело делал ранее, на чом послы его со государя нашего, царя и великого князя, бояры договор учинили и докончальные грамоты пописали и крестным целованием, королевую душею утвердили; а будет, ему того дела не делати, и он бы вас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил. И вы то наше слово до короля доносили и от короля сказали есте нам, что короля заняли иные дела, а на дворе уже поздо, а нам велел ехать на подворье, а велит нам у себя быти часа того и ответ нам учинит; а ныне вы сказываете нам от короля иные речи: нам ся видит, тем делом государь ваш манит, было коли государю вашему то дело зделати, держит государь ваш нас у себя тому год минул. А Еган был и с Катериною в его руках, и он того дела не умел тогды зделати“.

И Юрьи Петров говорил: „Потому того дела по ся места государь наш не зделал, что то дело великое, такова дела вскоре зделати нельзя, а се государь наш был по грехом болен, и в его болезни изменники то дело от государя нашего отводили, которые в том деле были у государя нашего в мысли, князь Штень и иные, да ту королеву думу Егану сказывали, и Еган, разумея то, учинился государю нашему противен, а ныне государь наш то дело зделает, что посулил государю вашему Нилшь, а государь бы ваш за то не постоял, что государю нашему против того посулил“.

И послы говорили: „Что меж государей в докончальных грамотах написано, и те все дела государь наш, царь и великий князь, по докончальной грамоте зделает, как в докончальных грамотах написано. А нам ся видит, — и то дело королю от себя,

что его Датцкой воевал: о котором есмь деле от государя своего от царя и великого князя к вашему королю пришли—тому год минул, и государь ваш того дела не делал; и толко б государь ваш то дело тогда зделал и нас к нашему государю, ко царю и великому князю, отпустил, и государь бы наш, царь и великий князь, тот час послов своих послал к Датцкому, а велел ему с вашим государем помириться, как государю вашему любо, а того б кроволития не было“.

И Юрьи говорил: „То дело государь наш зделал великое, такое дело вскоре не делаетца, а делаетца временем“.

И послы говорили: „А государь наш, царь и великий князь, не великое ли дело против того сделал, государя вашего пожаловал, учинил его себе братом и другом и на всякаго недруга стояти за один? А как меж их быти дружбе, и тому докончальные грамоты писаны: хто друг государю нашему, царю и великому князю, тот и государю вашему друг, а хто недруг государю нашему, царю и великому князю, тот недруг и вашему государю; а хто друг государю вашему, тот и государю нашему, царю и великому князю, друг, а хто государю вашему недруг, тот и нашему государю, царю и великому князю, недруг“.

И Юрьи Петров молвил: „То дело великое же“.

И послы говорили: „Говорите нам, что король то дело хочет зделати, и нам ждати ли того велит король, или нас отпустит к нашему государю, ко царю и великому князю?“

И Юрьи Петров говорил: „Что хотенье ваше о том?“.

И послы говорили: „Мы кладем на королёве воле, велит нам король ждати, и мы ждем, а отпустит нас к нашему государю, ко царю и великому князю,—на его воле, и только велит нам того ждати, и мы того ждем, а нам бы поволил послати ко государю нашему, ко царю и великому князю, сына боярского с тем, за чем нас здесь держит, чтоб государю нашему, царю и великому князю, про то было в ведомо, потому ты нам Юрьи говорил от государя своего, что государь ваш государя нашего, царя и великого князя, посланника Елизарья Ржевского ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил, а нас хочет

отпустить ко государю нашему, ко царю и великому князю, часа же того, да и посланник государя нашего, царя и великого князя, сказывал нам, что король приказал с ним ко государю нашему, ко царю и великому князю, что король нас и своих послов хочет часа того ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустить, а как ты нам то сказывал, и тому четырнадцать недель; а будет не поволит нам король с тем послати ко государю нашему, ко царю и великому князю, сына боярского, и он бы нас отпустил ко государю нашему, ко царю и великому князю“.

И Юрьи язнулся то донести до короля и отказ учинить вскоре.

И послы говорили: „Будет государь ваш велит нам того дела ждати, а того дела не зделает, а учнет тем делом волочити, как ныне волочит, и ту неправду бог видит: государь наш, царь и великий князь, государя вашего пожаловал, учинил его себе братом и другом, а как ему у государя нашего, царя и великого князя, в жалованье быти, и послы его, князь Нилъ с товарищи, и грамоту докончальную написали и печати своей к ней привесли и крестным целованием утвердили, государя своего королевую душою, на том: как мы, великие послы, ко государю вашему придем, и государю было вашему у докончальные грамоты приписать с печатями послов своих велити отрезать, да х той докончальной грамоте печать своя привесити и крест на той грамоте ко государю нашему, ко царю и великому князю, перед нами великими послы целовати, и та докончальная грамота и припись послов своих с печатями дати нам великим послом, и нас великих послов отпустить к нашему государю, царю и великому князю, а с нами вместе послати на Ореховской и на Выборгской рубеж своих великих послов, а с теми с своими послы послати польского короля сестра Катерина и отдать ее на рубеже боярину и Вифлянские земли наместнику Михаилу Яковличю Морозову с товарищи, а против ее государя нашего послом взяти у Михаила Яковлича государя нашего, царя и великого князя, жалованье — докончальная грамота з золотою печатью. И того дела государь ваш не делал, да сверх того нас у себя задержал, и мы вам сказываем: государю нашему, царю и великому князю, за такое

государя вашего великое неисправление никак не молчати, дела его не делал и по ся места и нас у себя задержал,⁷ однолично ему подвиг свой учинити, а быти ему ко государя вашего городом за государя вашего неисправление. Правда от бога, а ложь от неприяни, погрубил государю нашему царю и великому князю польской король, и он Полотцка остал и с товарищи, и вам то, чаю, в ведоме, а преж того грубили государю нашему, царю и великому князю, казанцы да астраханцы, и за государя нашего, царя и великого князя, правду, а за их неисправление, оба царства государю нашему, царю и великому князю, бог поручил, а ливонские немцы не исправилися государю нашему, царю и великому князю, и вы и сами ведаете, что над ними бог учинил, разсеял их, как жидов, многие города бог поручил государю нашему, царю и великому князю, а иных городов государь наш, царь и великий князь, пожаловал, поступился государю вашему. И вы нынеча донесите до государя своего наши речи: будет велит нам король того ждати, как з братом своим управитца, и то дело государя нашего, царя и великого князя, зделает, а повелит нам с тем послати ко государю нашему, ко царю и великому князю, сына боярского, и мы ждем, чтоб про то государю нашему, царю и великому князю, в ведоме было, а будет не поволит нам с тем послати ко государю нашему, ко царю и великому князю, сына боярского, и он бы нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, отпустил; да что будет государя вашего о том хотенье, и вы б нам о том известили ранее“.

И Юрьи язнулся о том ответ учинити вскоре.³¹

Августа в 12 день сказывал послом, Ивану Михайловичу с товарищи, Нечай толмачь: ³² „Пришел к нему детинка немчин, а сказался королевской жилец, а зовут его Гансом Вилламов, а говорил ему: прислал его к нему, к толмачю, государь его, король, а велел ему говорити, чтоб он, живучи в Стекольне, без короля проводывал, каково слово от кого услышит про короля и про королевичев про Егана и про Карлуса, и иным бы он толмачем своим, которы по-свийски и по-фински знают, приказал про то ж проводывати, про стекольских людей про посадцких

измену, что оне хотят королю изменить, а город хотят здати королевичем Егану да Карлусу, а король деи Нечая пожалует и подарит его великим даром. И Нечай, сказал, спросил Ганса: «А куды король ис Стекольна идет?». И Ганс де сказал ему, что идет король и с нарядом против братьи своей Егана и Карлуса, а хочет их встретити на полудороге. И Нечай спросил его, сказал: «Да как пойдет король против братьи своей, и где нынеча Еган и Карлус?». И Ганс де ему сказал: того он не ведает, как король пойдет, а Еган и Карлус ныне во Штени; да просил, сказал, Ганс у Нечая х королю письма по-русски, чтоб королю было верно, что он с тем королевским словом у Нечая был, и Нечай сказал: письма ему не дал, а велел ему подождать, а то он его слово скажет послом“.

И послы велели Нечаю отказать Гансу, что он то дело послом сказывал, и послы говорили: о том деле им до короля слово есть, да в таком деле такому малому нельзя верити; будет велит король послом быти у себя, и послы про то королю сами скажут, а будет невместно у короля послом быти, и король бы велел у себя быти цареву и великого князя дияку Ивану Васильеву, и он ему про то дело от послов скажет, или король, как поидет мимо посольской двор, и велит послом к себе выйти, и послы к нему выйдут и про то ему дело сами послы подлинно скажут, а письма Нечаю никакова не велели Гансу давати.

И Нечай толмачь с посольским ответом к Гансу пошел; и того ж часу Нечай толмачь послом сказал, что он посольской ответ Гансу сказывал, и Ганс Нечаю сказал, говорил, что он посольской ответ до короля донесет, только король ему в том не поверит, коли ему письма не дали, да язнулся, сказал, опять у Нечая быти.

И того же дни Нечай толмачь послом сказывал: пришел к нему тот же Ганс, а говорил ему: прислал его к нему, к толмачю, король, а велел ему говорити, что король хочет о том деле к послом прислати дияка своего верного; и Нечай, сказал, спросил его, как того дияка зовут, которого к послом пришлет, и Ганс де ему сказал: ис трех, которого полюбит, того пришлет,

а любо деи как король пойдет мимо посольской двор, и король велит послом с собою видетися; да просит, сказал, у Нечая письма по-руски, что он у него с тем королевским словом был.

И послы велели Нечаю отказати Гансу: „Будет королю неимоверно, что он был у тебя, и король бы велел быти у себя тебе, и ты про Гансов приход королю сам скажеш, а письма ему никакова не давай“.

И Нечай толмачь послом сказал, что он посольской ответ Гансу сказал, и Ганс, сказал, и пошел от него.³²

Августа в 13 был у послов пристав Ирик Гоконов по посольской присылке, и послы ему говорили: „Был у нас Юрьи Петров, а говорил нам от короля тайное слово, и что есмя на то слово ответ ему учинили, и он тот наш ответ язнулся королю сказати, и что на тот наш ответ будет королево слово, и Юрьи язнулся то сказати нам вборзе; и как у нас Юрьи был, и тому уж три недели, и того не ведаем, донесли наши речи до короля или не донес, а к нам он от короля с отказом на наш ответ и по ся места не бывал. И ты, Ирик, донеси наши речи до короля, что нам Юрьи Петров говорил от короля и что есмя на королево слово ответ ему учинили, и донес ли он наши речи до короля, и почему нам от короля и по ся места с ответом не бывал“.

И Ирик тот посольской приказ язнулся до короля донести.

Августа в 14 день был у послов Пантелей Юрьев, а говорил послом: „Что хотели послы прислати от себя с речью Нечая Гамарова, и Нечай бы готов был, а присылка по него от короля ныне будет, а либо завтра“.

И послы говорили: „Приходил к Нечаю королевской жилец Ганс Вилламов, а что он говорил Нечаю, и его речи Нечай нам сказывал, и мы с Нечаем к нему приказали, что за нами о том деле до короля есть слово, и будет велит нам король быти у себя, и мы про то королю скажем, что ведаем, а будет невместно всем нам у короля быти, и король бы велел быти государскому дияку Ивану Васильеву, и мы речи свои, что ведаем, с ним х королю прикажем, а Нечая есмя х королю хотели послати на исправление, что королевской жилец Ганс Вилламов был у Нечая, а речей

с ним х королю от нас никоторых не будет, опричь нас тех речей до короля донести некому“.

³³ Августа в 24 день был у послов по посольской присылке Юрьи Петров, а с ним Пантелей Юрьев, и послы говорили Юрью: „Послали есмя по тебя для королевского дела: слышим, что еси у короля ближней человек, и мы хотим того, чтоб государь наш, царь и великий князь, государя вашего, Ирика короля, жаловал, как отца его, Густава короля, держал в любви и в дружбе, и будет, ты хочешь того, чтоб государь наш, царь и великий князь, Ирика короля так же жаловал, как отца его, и ты б наше тайное слово до короля донес, а иному б еси, опричь короля, того не сказал никому“.

И Юрьи говорил: „Что мне скажете, и яз то донесу до короля, а опричь короля того не скажу никому“.

И послы говорили: „Был еси у нас преж того от короля, а тому четыре недели, а говорил нам, что брат королев Яган от короля отступил и учинился ему супротивен, и король хочет его доступити и, доступив его, хочет жену его Катерину послати к нашему государю, царю и великому князю, и того перво ли ся деялось, как Яган от короля отступил, а промыслу над ним король никоторого и по ся места не учинил. И нам ся видит, что король ему не силен. И ты б наши речи донес до государя своего часа того: слышим, что вся земля Свийская короля не любят, правду к нему держат словом, а сердцем доброхотают брату его Ягану; и будет король хочет быти у государя нашего, у царя и великого князя, в жалованье, как отец его в жалованье был, да и он и на государстве своем похочет быти крепок, и он бы ранее отпустил нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, а с нами своих великих послов, ближних людей, и учнет государю нашему, царю и великому князю, бити челом, чтоб его государь, наш царь и великий князь, пожаловал, дал ему людей оборонитися ему от брата своего от Ягана и от своих изменников, и государь наш, царь и великий князь, чаем, государя вашего однолично пожалует, даст ему людей, кем оборонитися ему от Ягана и от своих изменников, а в докончальных грамотах меж государей

написано: Коли надобет люди государю нашему, царю и великому князю, и королю пособляти государю нашему, царю и великому князю, людьми, какова его мочь, а коли надобе люди королю, и государю нашему царю и великому князю людьми пособляти королю, а судом и судовым людем и вожем быти королевым“.

И Юрьи говорил: „Те речи яз слышу и донесу их до короля часа сего, и те речи ваши государю нашему приятны будут, а и сами слышим, что государю нашему, королю, люди мало доброхотают, а государь наш ныне з братом с своим с Яганом в брани для государя вашего царского величества дела“.

И послы говорили: „Государь бы ваш помыслил себе о том накрепко, чтоб нас ко государю нашему, ко царю и великому князю, а с нами своих послов, отпустил часа того, а государь наш, царь и великий князь, чаем, что его пожалует, пришлет ему людей, сколько ему надобет, часа того, кем ся ему оборонити от Ягана и от своих изменников; а ныне видим и сами, что король тем делом хочет перед государем нашим, царем и великим князем, исправитца, да мочь его не имет, и государю нашему, царю и великому князю, оборонять государя вашего для того, что Яган учинился королю супротивен для жены своей Катерины, да и то себе рассудите: датцкой король со государем вашим воюетца, а брат его Еган супротивен же ся ему учинил, а нас только король не отпустит ко государю нашему, ко царю и великому князю, вскоре, и государю нашему, царю и великому князю, за нас королю вашему никак не молчати. И вы себе то рассудите: Датцкой с свою сторону, а Еган супротивен же вашему королю, а государь наш, царь и великий князь, с свою сторону завоюет, и тут как быти?“.

И Юрьи говорил: „Те ваши речи яз донесу до короля сесь час, и ответ вам, чаю, будет завтра о такове же поре“.³³

Лета 7077-го, сентября в 4 день, приехал в Стекольную царев великого князя гонец Ондрей Шерефединов.³⁴ И того же дни о вечерне был у послов Ирик Гоконов, да Пантелей Юрьев, да царев и великого князя гонец Ондрей Шерефединов, а говорил Ирик послом, что от царя и великого князя пригонил х королю

гонец, и король ему велел с вами видетися, а тайно вам с ним не велел говорить. И послы говорили: „В том королева воля, а что будет царев и великого князя приказ х королю с Ондреем, то ему и говори“.

Да Ирик и Пантелей и пошли от послов, а Ондreja с собою взяли, а с послы ему говорити не дали. И того же дни на останнем часу был у послов Пантелей Юрьев, а говорил, что король велел послом быти у себя и з гонцом завтра.

И сентября в 5 день приехали к послом князь Бентей Гултер да Клауш Гоконов, да Ирик Арвиев, а говорили послом, чтоб ехали х королю, а Ондрею Шерefeldинову велел король вместе с послы у себя быти, и послы и поехали х королю, а Ондрей Шерefeldинов с послы съехался на улице, да и х королю с послы вместе пришол. И король послов к руке звал, а Ондрей от царя и великого князя поклон правил, да подал цареву и великого князя королю грамоту, и король Ондreja спросил о цареве и великого князя здоровье, да звал его к руке, а послом велел сести, да говорил послом король, что, цареву и великого князя грамоту уразумеи, Ондрею ответ будет и послом отпуск будет в сяков же день и з гонцом, да послов к руке звал и отпустил их на подворье и з гонцом. И послы и поехали на подворье, а Ондрей Шерefeldинов с послы ж поехал; и на подворье послов те же проводили, кои по них от короля приезжали.

Сентября в 9 день были у послов Клауш Гоконов, да Ирик Арвиев, да конюшей Юган Пуклер, а говорили послом: король велел им быти у себя.

³⁵ И послы поехали с ними х королю. И пришли х королю, и король послов к руке звал, а говорил послом от короля Алавей Лаврентьев: „Задержал есми вас здесе долго время, и вы и сами то ведаете, для которого дела задержанье вам учинилося, что надо мною братьи мои Яган да Карлус, да князь Штень и ины зделали — учинилися мне противны, а ныне вас хочю отпустить к вашему государю и своих послов за вами“.

И послы говорили королю: „Ослбоди воспросити себя: сколь давно братья твои противны тебе учинилися?“.

И король сказал: „Тогда ж то учинилося, коли от вас с Руси послы мои ко мне пришли, а яз тогда был в Опсалеме, тогда ж у них почала быти потаенная измена, а яз был у них заперт, ни в чем у них неволен был, толко бы в мою землю не датские люди пришли, и мне было ещо на своей воле не быти; как датские люди пришли, и оне меня выпустили для того, что некому их оборонити, и с тех мест стало мне лутче. А нешто Яган меня убьет или возмет на деле, и царь бы и великий князь Ягана королем не держал, а люди мои мне все целовали и грамоты написали, и печати привесили на том, что им посадити на королевство сына его“.

И послы впросили: „Чьего сына на королевство посадити?“.

И Пантелей сказал: „Его королева сына“.

Да говорил король: „Велел яз князю Нияшу то дело посулити, оже Ягана в животе не будет“.

И послы говорили: „О котором еси деле присылаа к нам Юрья Петрова с товарищи, и мы им ответ учинили, и они наши речи язнулися до тебя донести, да на те наши речи ответ твой язнулися нам сказать, и мы того не ведаем: донесли ли наши речи до тебя или не донесли, а нам и по ся места ответу от тебя на наши речи не сказали“.

И король говорил: „То мне слово в ведомо, мне за честь, а вам великой господье на том позибо, а мне ся видит: то вы говорите со государя своего ведома, а яз про то дело говорю с вами втайне“.

И послы говорили: „Коли, господине, сам с нами не говориш, и ты вышли к нам своих советников, чтоб то дело поговорил с нами пространнее“.

И король говорил: „Яз о том деле завтра сам с вами поговорю“, да звал послов ести; а посидев маленько, велел послом итти в другую полату, а проводили послов в другую полату те жь, которые по них на подворье приезжали, а к столу послов те же звали.

И послы у стола у короля были, а за столом король говорил послом: „Ныне есмь государя вашего з братьею своею и с поль-

ским королем и с иными с пограничными государи со всеми в недружбе для того дела, о котором естя пришли, и яз иным всем рад государю вашему дружити и служить, чем могу, а надежа ми вся на бога да на вашего государя. А тому как сстатися: у жива мужа жена взяти? Во святом писании пишет: от жива мужа жена не отлучаетца“.

И послы говорили: „Присылал еси ко государю нашему, ко царю и великому князю, бити челом своих великих послов, князя Нилша с товарищи, и о чем еси государю, царю и великому князю, бил челом, и государь наш, царь и великий князь, всем тебя тем пожаловал, а тебе было за то государя нашего, царя и великого князя, жалование дать государю нашему, царю и великому князю, польского короля сестра Катерина“.

И король говорил: „То послы мои зделали, чаяли, что Яган умер“.

Да пил король царя и великого князя чашу, приподнявся, сняв шапку, да и послом подавал ис своей руки, а после того пил чашу царевичеву Иванову, сняв шапку. А после стола король послов к руке звал да и на подворье отпустил. А проводили послов те же, которые по них от короля приезжали. А приезжал на подворье послов потчивать Юрьи Петров, да Ирик Гоконов, да Пантелей Юрьев. И послы Иван Михайлович подавал цареву и великого князя чашу, а после того Юрьи Петров пил королеву чашу да и послом подносил.

Сентября в 13 день были у послов Юрьи Петров да дворетцкой королевской Фристофор Петров да Пантелей Юрьев, а говорили послом, что король хочет их отпустить к их ко государю безо всякие зацепки с полным ответом, о котором деле послы пришли. „А король положил на вашей воле: хотите сами у короля быти или советников король к вам пришлет, и похотите у короля сами быти, и вам у короля завтра быти“.

И послы говорили: „Мы у короля завтра готовы быти, и будет король похочет нам сам ответ учинити, или к нам выслати своих советников — то на его воле“.

И Юрьи с товарищи молвили: „То добро так“.

Сентября в 14 день был у послов Пантелей Юрьев, а говорил послом: „Быти было вам ныне у короля, и на короля пришла кручина, и вам ныне у него не быти“.

И послы спросили: „Да коли нам быти у короля?“.

И Пантелей сказал: „Не ведаю, а хотя вам и быти у короля, королю с вами не говорить же: которое дело будет ему вам говорить, и он советником своим с вами велит говорить, или король к вам своих советников пришлет“.

И послы говорили: „Велит нам король у себя быти и вышлет к нам советников своих говорить, и мы готовы, а к нам советников словом своим пришлет, и то королевая воля, а нас бы отпустил к нашему государю, ко царю и великому князю.“³⁵

Сентября в 17 пришел к Стекольне ратью Яган королевичь да брат его Карлус королевичь же, да зять их Магнуш, макшинской королевичь.

Сентября в 19 был у послов Пантелей Юрьев, а сказал послом, что „Меж государей сставаеца доброе дело: король Ирик послал послов своих к брату своему к Ягану, и, яз чаю, помиряца; а просил Яган у короля Юрья Петрова, и король не хотел его дати; и вчера Юрья Петрова всею Свейскою землею изымали, да и отдали его и с материю Ягану,³⁶ а он был человек недоброй, многих людей добрых король казнил его мыслью, а чаю, его Яган не казнит, посадит его в крепости“.

Сентября в 22 день был у послов Пантелей Юрьев, а говорил послом: „Что естя х королю поминков от себя принесли, и король велел вам дати против ваших поминков медью: Ивану Михайловичю 16 берковесь,³⁷ Василью да Кургану по пяти берковесь“.

И послы говорили: „На королевех жалование челом бьем, а медь нам не надобет, нам ся видит, наши поминки по знаком королю не любы, что он нам медью дает, а только ему поминки наши любы, и королю против наших поминков было чем нас пожаловать и опричь меди, да мы на нем поминков не пытаем, отпустил бы нас к нашему государю, ко царю и великому князю“.

Сентября в 23 сказывал послом Пантелей Юрьев, что Юрья Петрова и с матерью Яган казнил.³⁸

Сентября в 27 день был у послов Пантелей Юрьев по посольской присылке, и послы ему говорили: „Король нас отпустил, зачем нас ныне держат?“.

И Пантелей сказал: „Держит вас король за тем, сказывают, что Ягановы люди у замку стоят, и вам от них пройти не мочно“.

Того же дни принес от короля Пантелей послом дары: Ивану Михайловичю кубок с покрышкою, золочен и внутри, Василью Ивановичю кубок двойчат, золочен и внутри, Кургану полкупка, Андрею Шерефединову полкупка.

³⁹ Сентября в 29 день Яган Стекольну взял, а в город въехал наперед Ягана брат его Карлус и приехал к ликареве х Куншеве коморове, а с ним два прапора людей; и того жь часу пришли на посольской двор многие немцы и збили у Ивановы полаты замок, в которой полате рухлядь, да ис полаты рухлядь всю поимали, суды серебряные и платье и людей пограбили да и самих послов ограбили, оставили в одних рубашках, и поясы сняли и пищалями, и корды, и сторчми к послом примеривали. И погода маненько, пришел на посольской двор Карлус королевич да учал у немец, которые немцы до Карлуса не ушли с посольского двора, платье отнимати и отдавати послом, да стал Карлус на огороде против посольских хором. И послы ис хором в окошко говорили Карлусу, что их немцы ограбили, учинили их в одних рубашках. И Карлус говорил, что над послы сстался грабеж не их хотеньем, да и пришел Карлус к послом в хоромы, а послы в одних рубашках.

И Карлус говорил послом: „Что учинилось так над вами — не нашим веленьем, мы со государем вашим браниться не хотим, а хотим с ним жити в любви, как отец наш жил в любви; а что у вас взяли, и мы то сыщем, а чего не сыщем, и мы заплатим втрое“, да послов звал к руке.

И послы говорили Карлусу: „Которая наша рухлядь на судех, и тое де рухлядь немцы же грабят“.

И Карлус того же часу пошел на посольские суды да немец с судов збил, а которые немцы не унесли посольские рухляди, и Карлус тое рухлядь у них отнимал да отдавал на посольские

суды; а послов на одном дворе заперли и корму не давали четыре дни.³⁹

⁴⁰ Сентября в 30 день Яган в Стекольну въехал.

Октября в 3 день был у послов Пантелей Юрьев, а говорил послом: „Учинился в Свейской земле ныне избранным королем Яган королевич, а брата своего Ирика короля с королевства згонил, а нынеча он у Егана в крепости, а ко государю вашему Яган посылает гонца, что он учинился в Свейской земли королем, а хочет со государем вашим быти в любви и в дружбе; и похотите к своему государю писати грамоту, и вы пишете“.

И послы говорили: „Что ко государю нам писати?“.

И Пантелей говорил: „Писати вам то, что учинился в Свейской земли король Яган, а Ирика короля с королевства згонил, а вы здоровы, а быти вам до тех мест в Олонской земли, до коих мест государя нашего гонец от государя вашего придет“.

И послы говорили: „Коли государь ваш хочет с государем нашим, со царем и великим князем, в любви и в дружбе быти, и он бы нас отпустил к нашему государю, ко царю и великому князю, а не отпустит нас, и он бы з гонцом своим ко государю нашему, ко царю и великому князю, гонца государя нашего отпустил, чтоб государю нашему, царю и великому князю, про то было вернее, что Еган учинился государем: нечто будет государь наш, царь и великий князь, гонцу государя вашего без своего гонца не поверит, за неисправление Ирика короля пошлет свою рать в Свейскую землю, не чаючи того, что Яган учинился королем. И только будет Яган с своим гонцом государя нашего царева и великого князя гонца ко государю нашему ко царю и великому князю отпустит, и мы чаем, что меж государей учинитца доброе дело, а не отпустит ко государю нашему, ко царю и великому князю, нашего гонца с своим гонцом, и мы ся за то не имаем“.

И Пантелей говорил: „Те ваши речи скажу яз советником, а только государь ваш наступит на государя нашего землю, ино вам не добро будет“.

И послы говорили: „То ведает Яган, нынеча есмя в его руках: что хочет, то над нами чинит“.

Октября в 4 день был у послов Пантелей Юрьев, а говорил послом: „О чем ко государю своему грамот от себя не пишете?“.

И послы ему говорили: „Будет то нам писати ко государю своему, ко царю и великому князю, что ся над нами ныне учинило, и мы то ко государю своему, ко царю и великому князю пишем“.

И Пантелей говорил: „Того не пишете, а пишете ко государю своему, что учинился в Свийской земли король Еган, а Ирика с королевства згонил, а вы здоровы“.

И послы говорили: „Нечего нам того писати; мы государю своему, царю и великому князю, лгати не хотим, а топерво мы напишем ся здоровы, а завтра над нами что учините“.

И Пантелей говорил: „Те яз ваши речи скажу самому Ягану“.

Октября в 5 день был у послов Пантелей Юрьев, а говорил послом: „Ягану яз сказывал, что вы ко государю своему грамот не пишете, и вы б де писали грамоты к племяни своему или к другом, что вы здоровы“.

И послы говорили: „Нечего нам того и к племяни и к другом писати“.

И Пантелей говорил: „И не хотя вам писати, а Яган велел вам говорити: «Яз де то дело ведаю, по что естя сюды пришли, что противно богу и закону, и по ся места держал есми вас послы; и коли грамот не пишете от себя к Москве, и яз вас учну держати полоняники, и вы посмотрите, что над вами будет»“.

И послы говорили: „Мы за то не стоим, к племяни или к другом грамотки пошлем, а ко государю нам к своему, ко царю и великому князю, писати нечего“.

И Пантелей велел писати грамоты.⁴⁰

И послы грамоты писали: Иван Михайлович писал к Ивану к Дмитриеву Воронцову, а Василий Наумов писал к Богдану Наумову, а Курган писал к дияку к Ондрею к Васильеву. И Пантелей грамотки взял, а хотел их показати Ягану; и назавтрее Пантелей грамотки к послом принес, да и отдал их послом, а сказал:

„Таковых грамоток ваших Яган не полюбил“, да дал послом грамоту свое письмо писати по-руски, а велел такову грамоту писати, „а быти де вам до тех мест, как гонец Яганов от государя вашего придет, в Абове“.

И послы такову грамоту писали, а писаны грамотки октября в 5 день.

Октября в 26 день послов ис Стекольна повезли на дву бусах, а в приставех у них Симан да Августин, а провожали послов четыре судна с воинскими людьми, а привезли послов в Абов ноября в 5 день.

Ноября в 7 день ваяли у послов половину сто человек, а повезли их неведомо куды.

Мая в 10 день привезли в Абов посольских людей Ивана Михайловича да Кургановых, а держали их в королевском селе в Перполи, от Абова двесте верст.

Мая в 12 день привели в Абов Васильевых людей Наумова, а держали их в королевском селе в Рамоле, от Абова сто верст.

Мая в 13 день из Абова послов отпустили со всеми их людьми, а вели их горою до Нового Торговища, а в Новое Торговище послы пришли мая в 25 день.

А из Нового Торговища послов отпустили в судех морем мая в 27 день; привезли послов морем в Выбор мая в 31; из Выбора послов отпустили июня в 4 день.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК И. П. НОВОСИЛЬЦЕВА

(Турция)

А се таков список дал государю Иван же Новосильцов, как ся во Царегороде государево дело делалось.¹

Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси послал Ивана Новосильцова во Царьгород для своего государева дела к брату своему к Селим-салтану. А велел ему итти на Рылеск, а из Рыльска на Азов.² И дело государево велено Ивану ведать и беречи о всем по государеву наказу.

И как Иван пришел под Азов в ближние зимовища атаманские, от Азова за три днища, послал наперед себя к азовскому к диядар Сеферю мишкиных казаков³ трех человек. А велел им Сеферю про себя сказать, что он от великого государя, царя всеа Руси, идет к брату его и другу к Селим-салтану, и он бы прислал пристава и людей, чтоб ему до Азова доитти здорова.

И азовской Сефер прислал к Ивану встречу на Оксайское устье⁴ под Кобяково городище дву человек в приставы да толмоча.

А в Азове оставили мишкиных дву казаков, которые посланы с вестью, а оставливали их для того: боялися деи в Азове приходу государевых царевых и великого князя воинских людей. А про Ивана козаком не поверили.

А за десять верст от Азова встретили человек с тридцать. А приехали берегом конми, а прислал их Сеферя же для береженья казыевых татар и тумачов астроханских.

А за две версты от Азова же встретили в судех аги янычанские⁵ с людьми и с янычаны, всего их человек больши двусот.

А в те поры з города ис пушек стреляли, из ручниц и по набату и по накром били и в сурны играли.⁶

А у судового пристанища на мосту встретили Ивана азовской диядар Сефер и все турецкого приказные и городские люди и с казыевы татарове, а самого Казыя в те поры в Азове не было.⁷ А был деи до Иванова приходу за день, а приезжал в Азов для того: начаялися приходу к Азову царевых и великого князя воинских людей, а с Казыем было козаков человек с тысячу. А вышел Сеферя из города к пристанищу попереж Ивакова приходу и ждал его со всеми людьми. А как Иван с судна вышел, и Сеферя взял Ивана под руки и проводили его в судебню перед городными вороты.⁸ А в судебне Иван с ним поговорил о дороге и о провожатых, как ему итти к Царюгороду.

Да Сеферя же говорил: „Мы деи того у бога молим и просим, чтоб меж государей был мир и любовь, а начаемся деи божья милосердия и дела доброго“. И до подворья проводили аги съ янычаны и приставы, и Ивана чтили, и кормы на подворье присылал, доколе Иван в Азове побыл.

Да Иван же проводывал в Азове, которые турецкого салтановы люди и Крымской у Асторохани были,⁹ и куды от Асторохани пошли, и многие ли были люди, и что с ними наряду, и что их у Асторохани был промысл, и иарон людей казаков был ли, и турским ли людям иарон был или крымским, и хто у них голова, и многие ли их запасы в Азове, и которым обычаем наряд и запасы к Асторохани проводили, и суды с ними у Асторохани были ли, и для чего турецкой салтан к Асторохани войну посылал, и которые люди к салтану о том прихаживали ли бити челом; да о резанских козакех о Колмаке с товарищи, с которыми послана грамота от Ивана Михайлова х Касыму.¹⁰ И проведати было подлинно о том вскоре некем, потому которых было людей про то выпросити, и те все люди разошлись по рыбным ловлям до Иванова приходу, а которые воинские люди были под Астороханью, и те и достальные люди пошли из Азова во Царьгород до Иванова же приходу. А про астороханской деи поход все ведал в Азове, Микитою зовут, Мамин. И он деи поехал ко госу-

дарю к Москве, а Иван Никиту встретил на Дону, как поехал ко государю. А что турских воинских прибыльных людей в Азове не было, как Иван пришел, и о том ко государю отписал с Васильем с Александровым, которой Ивана провожал.

А государеву, цареву и великого князя, грамоту и жалованье Иван отослал к Сеферю с подворья с толмачем, и Сефер на государском жалованье бил челом.

А как Иван выезжал из города кораблей смотреть, и Сефер ему сказывал про астороханской поход: „Посылал, господине, государь наш, турецкой салтан, к Асторохани войну для того, что ему люди поссорили и велели послати к Асторохани. А не своим, господине, умышленьем он под Асторохань войну посылал, да и потому посылал, кое меж государей давно ссыла не бывала. А ныне деи меж государей добро будет, и войны государя своего вперед сюды не чаем на государя вашего Украину“. А хто меж государей ссорил и какая учинилась ссора, и Сефер про то имянно не сказал. А про Колмака с товарищи сказали после, что деи они в Азове и в Кафе были, а приходили деи искати племени своего на откуп, а под Асторохань деи тех козаков турецкие люди имали с собою их в вожах сильно. А как пришли ис-под Асторохани и тех казаков из Азова отпустили к Москве в осень же.

Прислал к Ивану ис Керча в Азов азовской санчак Айдар-бег¹¹ человека своего для береженья провожати из Азова х Керчу.

А как Иван пошел из Азова х Кафе, и азовской Сефер и все приказные люди Ивана проводили до карабля и проводить послал и корм на путь дал, да Ивана ж большой Абдула-кадый с товарищи проводили на каторги¹² от Азова к морю верст с пять.

Сказывал Ивану полоняник на море на корабле, как Иван из Азова пошел, про астороханский поход: ¹³ „Было деи под Астороханью турецких людей голова Касим-бег Кафинской да восемь санчаков воевод, а с ними тысяч полтретьятцать да крымской царь, а с ним три его царевичи: большой Магмед Кирей калга, другой Алди-Гирей, третей Казы-Гирей, а с ними татар больши пятидесять тысяч; и те деи крымские тотарове многие, не дошед Асторохани,

назад ворочались с нужи. А турецкие деи люди шли ис Кафы к Азову на конях, а наряд и запас везли в судах из Озюрюк-города и из иных городов, которые блиско моря. А из Озова деи Касим-бег и турецкие люди шли вверх подле Дону коньми до Царицыны речки, а наряд и запас везли Доном в судах. А шли до той же речки полтора месяца; а пришед к той речке, волочили из Дону на берег наряд и запас и суды — каторги, в которых было им судах о Переволоки итти в судах Волгою к Асторохани; да на берегу под суды и под наряд делали волок и колеса. А стояли у берегу четырнадцать ден, а поделав волок и колеса, пошли прочь от берегу к Волге. А шли деи половину дни; и стали ся у них волок и колеса портити; и турецкие люди наряд, и подкоп, и суды, и казну, и запас, назад отворотили к Азову с капыдоном, которому наряд и запас судовоу приказан, потому что было им нелез перекопи делати и судов провадити. А больших деи с ними было только три пушки, а ядра у них были поменьши головы человекьи. Да с тем же деи нарядом и запасом и суды отпустили с капыданом человек в девятьсот; с собою деи турецкие люди взяли к Азову пушки немногие полковые. А крымской царь и царевичи шли поем, а с Касимом и с турецкими людьми сошлись выше Царицыны речки на той же Переволоке, а сшедчися, царь посылал царевичев добывати на Волгу вверх по Дону языков и про государевых, царевых и великого князя, про воинских людей проведывати. И как царевичи поимали языков на Волге и сказали им, что государевы воеводы многие были на Волге на Царицыне острове и пошли вверх; и царь де и турецкие люди по тем вестем пошли к Асторохани; да с турецкими же людьми под Астороханью был Казы-мурза, а с ним было татар тысяча человек. А изрон деи турецким и крымским людем, идучи к Асторохани и под Астороханью, был невеликой; а от Асторохани деи пошли прочь назад потому, что у них запасу люцкого не стало, и к Асторохани приступити нельзя. А шли деи назад тем же местом, которым шли к Асторохани. А шли на рознь. И турецким деи людем был изрон великой: и лошадей обмерли, а мерли деи турки з голоду и с нужи. А к Озову деи их трети не дошло. И только 6 деи тем достальным турецким людем не крымские

татарове и не Казыевы подмогли, а им деи было и достольным перепропасти; а подвозили их крымские и казыеве татарове. Крымским деи татаром потому изрон был невеликой, кое у них были лошади добры, а кормилися сами коньми же, которые мерли под турскими людьми. А которые турецкие же люди назад Доном шли с капыданом, и те, сказывают, многие с нужи померли на Дону¹³.

Да о том же астороханском походе писали х Касыму астороханский Семен-мурза да Тенимом зовут Теребердеев с товарищи, которые наперед прибежали из Асторохани в Азов. И те татарове астороханские и з женами и з детьми живут ныне в Азове, и Иван о том о всем написал ко государю в грамоте. А послал ее ис Кафы в Крым к Офанасью Нагово с служивыми тотары: ¹⁴ с Сиба-нею Резановым да с Нагаем. А приезжали те татарове в Кафу по Иванову приказу. А приказал к ним Иван из Азова для государева дела, а Офонасей бы тое грамоту послал ко государю к Москве, с кем будет пригоже, а с ыным было тое грамоту послати до Кафы и ис Кафы ко государю не с кем.

А как Иван будет против города Керчи не доезжая Кафы, и послал к нему азовской санчак Айдар людей своих на катарге, а говорили Ивану, чтоб деи еси пожаловал виделся с Айдаром и хлеба у него ел. „А Айдар деи тебя здесе нароком дожидаетца и в Азов за тобою не поехал, да и запасу, господине, тебе на путь даст, да тебя ж для Айдар велел на берегу у моря шатры поставити, и ты б деи ехал на берег, а Айдар к тебе приедет из города и станет тебя чтити и потчивати“.

И Иван им молвил: „Ехати мне на берег, ино будет мотчанье“.

И айдаровы люди молвили: „Только, господине, не поедешь на берег, а Айдар боитца от Турского опалы, что тебе поехать от Керча, а Айдар тебя не чтит и не подчивал, а се, господине, к тебе ныне ехати х Кафе нельзе же: встала на море хуртина, а се ветер встречу¹⁵. Да Айдар же, господине, прислал к тебе встречу на катарге накрачеев и сурначеев и трубников“.

И Иван поехал на берег потому, что встала на море великая хуртина. А как вышел ис судна на берег, и Айдар Ивана встретил, вышед из своего шатра, а с ним турецкого салтановы люди спаги¹⁶.

и проводили Ивана до шатра и звал его хлеба ести. А ели у Ивана в шатре, а еству питье приносили от Айдара ис шатра.

Сказывал Ивану Айдар: „Посылал деи государь наш турской к Асторохани войну для того, что ему люди поссорили, да и того для, что деи ходят ис Кизылбаша гости в Асторохань торговати, а нашему деи государю Кизылбашской великой недруг,¹⁷ да и потому, что деи меж государей давно ссылки не бывало, да слух деи нас дошел — писал деи на сей весне кафинской Касим-бег к нагайским мирзам, чтоб деи они послали ко государю к Москве для того, чтоб деи государь ваш послал от себя к нашему государю посла своего, и государь деи ваш по их присылке ныне послал к Турскому“.

И Иван сказал: „Всяким, господине, иноземцом в нашего государя, царя и великого князя, землю не запрещено с торгом ходити, а государь мой послал меня к турскому салтану еще тогда, как зима настала, а не сее весны. А то слово ложно, что сказываешь о том: посылали к государю нашему нагайские мурзы, а государь наш в которые земли похочет послати, туды и посылает“.¹⁸

И Айдар сказал: „То есми, господине, слово слышел от Касыма-бега, бутто государь ваш ныне послал к Турскому“.

Да Айдар же говорил Ивану: „Присылал деи ко мне крымской царь своего человека и писал ко мне, а велел тебя спросити — велел ли деи тебе государь быти у него в Крыме и есть ли деи к нему от государя какой приказ?“.

И Иван сказал: „Послал, господине, меня государь мой для своего государева дела в Царьгород к брату своему к Селим-салтану, а к Крым ко царю мне ехати — о том у меня наказу нет и быти мне у него нечего для“.

А как Иван х Кафе поехал, и Айдар его проводил да каторги и запасу на путь дал и до корабля послал провожати своих лутчих людей и накрачеев и трубников, да Айдар же перед Иваном послал во Царьгород с вестью, что Иван до Керча дошел здоров, а ис Керча пошел х Кафе. А ис Кафы санчак Касим-бег прислал к Ивану в Керчь людей своих для береженья, проводить до Кафы.

А как Ивану х Кафе приходити, Касим-бег прислал к нему

встречу зятя своего Синан-бега да Нозыря, которому приказано в Кафе город и на салтана збирати всякие пошлыны,¹⁹ да янычанского агу, да с ним янычан, а говорили Ивану, чтоб ехал в город: „А дворы, господине, тебе изготовлены, где тебе стоять“. А прислал Касим по Ивану на катарге ехати с корабля к берегу и людей выслал многих из города на скелю²⁰ встретить и лошади по Ивану, на чем ехати на подворье. А в те поры из города ис пушек стреляли и по набату и по накром били и в сурны играли. А как Иван вылез на берег и до подворья его проводили и поставили на подворье у Нозыря, которому город приказан, а Касим сам к Ивану встречу не вышел, а был в те поры на городской стене в полате на воротех.

А пристав был у Ивана Нозырь же да енычане. А приехав Иван на подворье, послал х Касиму государеву, цареву и великого князя, грамоту и жалованье с толмачем и приказал к нему о дороге и о корабле и о провожатых, как ехати ис Кафы ко Царюгороду.

И Касим на государьском жалованье бил челом, а приказал к Ивану: „Как деи будет время, и яз его ко Царюгороду отпущу и проводити велю“.

Да после того на четвертой день, как Иван в Кафу пришел, прислал к нему Касим звати к себе хлеба ести и о государеве деи деле сами поговорим меж себя. И Иван к нему приказал, чтоб ся с ним о государеве деле видел, где будет пригож, а на подворье к нему о государеве деле наперед ехати не пригож.

И Касим прислал к Ивану звати к столу зятя своего, а сказал Ивану, что его Касим дожидаетца на городских воротех в судной полате. И как Иван приезжает к полате к леснице, и Касим против его выслал встречу турецкого салтана приказных людей. А сам Касим встретил Ивана в полате близко дверей и, сетчи в полате, поговорил о дороге, как ехати в Царьгород. И Иван у Касима того дни ел, а еству и питье приносили в полату с Касимова двора, и Ивана чтил и потчивал.

Да Касим же спросил Ивана: „С каким деи делом едешь от своего государя к нашему государю?“

И Иван сказал: „Послал, господине, государь мой, царь и великий князь, к брату своему, к Селим-салтану, грамоту, и то дело писано в грамоте“.

²¹ И Касим сказал: „То, господине, государю нашему добре за честь, кое государь ваш к нему послал. А и наперед сего меж государей послы и посланники бывали и меж их добро было. А посылал, господине, государь наш к Асторохани войну для того — посылал к нему крымской царь, а ялся: яз деи шед, тебе возьму Асторохань, да и Казань деи твоя же будет.“²¹ А ныне, господине, меж государей чаем добра и любви, а государь наш того хочет жа“.

И Иван сказал: „Крымского, господине, перед нашим государем неправды добре много, и в слове своем в правде не стоит“.

И Касим сказал: „То, господине, правду говоришь, кое он в своем прямом слове не стоит и государю вашему лжет, а потачит своим людям и слушает их, как ему велят. Да ныне, господине, тебе у Крымского быт ли?“.

И Иван сказал: „В Крым ко царю мне ехати — о том у меня государева наказу нет, и быти мне у него нечего для“.

²² Да Касим же спросил про нагайских мирз: „Как они живут со государем?“.

И Иван сказал: „Нагайской Тинехмат князь и мирзы все государю нашему послушны — куды им государь велит на свое дело итти, и нагайские люди на государеву службу ходят, а государь Тинехмата князя и мирз жалует и от недругов их обороняет — приходил на них недруг их Ак-Назар, царь Казацкие орды, со многими людьми, и нагайские люди с государя нашего людьми казатцких людей побили и царевича не одного убили“.²²

А на завтрее того, как Иван ел у Касима, посылал к нему Иван, чтобы его отпускал ко Царюгороду и корабль дал и велел бы проводить.

И Касим приказал к Ивану: „Приехал деи ис Крыму Сулеш князь, а ныне деи ему быти у меня; а прислал деи Крымской по свою алафу,²³ что ему с Кафы идет, а которые деи Крымского люди в Кафе живут, и тем деи людям велено ему оброк

дать. Да меня ж деи спрашивал Сулеш: быти ли деи Ивану у Крымского, и яз деи ему сказал: послал его государь к Турскому, а у Крымского ему быти не о чем. Да ехати деи Ивану ко Царюгороду ныне нельзя — встала на море великая хуртина и ветер встречу, а в корабле же и ехати в том же, в котором приехал Иван из Азова“.

Да Ивану же про то сказали, что деи прислал Крымской Сулеша в Кафу нарочно вестей разведывать, и быти ли деи Ивану у Крымского, а не для деи Крымской своей олафы Сулеша прислал, а стал деи о том Крымской быти в великой кручине, что государь мимо его послал к Турскому, от тех мест, как ещо про Ивана из Азова весть к нему в Крым пришла. А служилые татарове Собаня Резанов с товарищи сказали тоже, что деи царь добре кручинен и дума у него и збор о том со царевичи и съ их ближними людьми была великая, кое государь, царь и великий князь, послал к Турскому.

А как Сулеш ис Кафы в Крым поехал, и Касим Ивана звал в другорядь хлеба ести, и ели в той же полате.

Иван же спрашивал Касима: „Послана к нему с Москвы грамота от Ивана Михайлова с резанскими козаки с Колмаком с товарищи, и та грамота до него дошла ли, и что по той грамоте ответ был?“.

И Касим сказал, что к нему два казака принесли с Москвы грамоту. „И та, господине, грамота ныне у меня. А казаков есми подарив, которые грамоту принесли, и как, господине, государь наш послал к Асторохани и учал в Азове добывать вожей, кому б вести к Асторохани, русских людей, да не добыли, да прислали ко мне из Азова о тех козаках грамоту, коя ко мне наперед с Москвы пришли, а опричь деи тех козаков добыти вожей не мочно, а те деи козаки к Асторохани дорогу знают, и мне, господине, было тех козаков утаити нельзе, а к Москве есми их не отпустил для того — забоялся в том слова от своего государя, и тех козаков добыли и привели ко мне одного, Колмаком зовут, и послал есми его в Азов, а другой его товарищ изгиб безвестно, а что, господине, в грамоте написано в Иванове, и яз, доискався,

скажу тебе, как назад поедешь из Царягорода". Да спросил про Ивана Михайлова: „Какой, господине, он человек у вашего государя на Москве, и что за ним какой приказ есть ли?".

И Иван сказал: „У нашего, господине, государя, царя и великого князя, Иван — человек приказной, печатник, да ему ж приказана государева казна ведати с казначеем с Никитою Фуниковым".²⁴

А как Ивана ис Кафы отпустил ко Царюгороду, и корм на путь дал и проводить послал до Царягорода человека своего лучшего.

В третью неделю Петрова поста как Иван приходил с Черного моря в устье Белого моря,²⁵ и встречали его айдаровы люди, азовского санчака, которых он посылал с вестью к Турскому, а сказали: „Большой, господине, Маамет-паша²⁶ сказал про тебя Селим-салтану, и он деи тому добре рад, кое государь ваш послал к нему, а Маамет деи паша тому необычно возрадовался и говорил деи: так, как деи яз стал быти в пашах, и изо всех деи земель у нашего государя послы при мне бывали, одного деи московского не было, а ныне деи мне и то бог велел слышети и видети. Да и дворы, господине, тебе велел изготовити, а нас, господине, послал паша против тебя для того, кое тебя долго во Царьгород нет, и не сстало ли ся деи над ним чего на море, а будет деи его в Кафе задержали, и он бы деи шел ранее в Царьгород. А велел, господине, тебя, встрети, поставити²⁷ не доезжая Царягорода за пять верст под городом под Васкесенем, а нам, господине, паша велел наперед к себе с вестью быти, а будет тебе встреча и приставов к тебе пришлют". И как Иван, пришед, стал под городом под Васкесенем на корабле же, а турской Селим-салтан против того города был в сараех, а прозвище сараем^а Кандиль,²⁷ а приезжает в те сарай для потехи, и бакчи тут у него поделаны.

Да того же дни час ночи прислал к Ивану из Царягорода Маамет Чилибей, царев купец, которой был на Москве,²⁸ племянника да толмача, а сказали: „Прислал, господине, к тебе нас Чилибей, а велел тебе сказати: быти у тебя в приставех салтану

Маамет чаушу²⁹ да Чилибею, а к тебе они будут утре рано, а тебе их дожидати здесь“.

И на завтрее того, на первом часу дни, приехали к Ивану приставы Маамет чауш да Чилибей, а молвили: „Велел, господине, тебе государь наш итти во Царьгород, и подворье тебе готово, а нам, господине, велел у тебя быти в приставех, да тебя ж, господине, велел салтан встретити у города на берегу, на скели у пристанища, своим приказным людем, а тебя они уж ждут, а аргамаки с нарядом под тебя приготовлены на то — ехать на подворья“.

И как Иван пришел ко Царюгороду и стал на карабле у пристанища, а на карабль к нему пришел Турского салтанов толмач большой Ибреим-бег, а на берегу дожидались и встретили конные нарядные янычанские аги и чауши и спаги, а с ними янычане пешие, проводили Ивана до подворья, а поставили на посольском дворе. А пришел Иван во Царьгород на третьей неделе в понедельник Петрова поста.³⁰ А пошлинные турского салтановы люди никаких пошлин не прашивали.

Того ж дни салтан прислал к Ивану корм на приезде да ковер да полстилку суконную. А поденной корм стали довати з другога дни.

Да после того спустя на третей день в среду,³¹ как Иван пришел во Царьгород, говорили ему приставы: „Велел, господине, тебе Маамет-паша говорити, чтоб ся ты с ним видел у него на подворье, а не видясь тебе с пашею, у нашего государя нельзе быти“. Да прислал Маамет-паша по Ивана большого толмача салтанова.

³²И Иван того дни к паше ездил, а как приехал к нему на подворье, и с лошади Иван ссел на лесницу, а Иванов сын и подъячей и кречетник и тотарин Девлет Хозя ссели с лошадей посередь двора, а в воротех и у лесницы и в сенех встретили Ивана многие люди, а янычане стояли в воротех на дворе по сторонам нарядны без ручниц, а как Иван к паше в сарай вшел, и паша против его встал и о здоровье спросил, как ехал путем, и Ивана посадил подле себя и спросил его: „С каким, господине,

делом еси приехал от своего государя к нашему государю и грамоты с тобою и поминки есть ли? И покажи мне грамоты своего государя“.

И Иван сказал: „Послал, господине, государь мой, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, к брату своему, к Селим-салтану, грамоту, и то дело писано в грамоте, а иново, господине, за мною наказу, опричь грамоты, нет, а грамоты, господине, со мною здесь нет, а велел, господине, государь мой тое грамоту подати самому салтану по тому же, как государя вашего посланники и купцы ко государю нашему приходят, и при государе нашем грамоты у них емлют, а поминки, господине, государь мой к Селим-салтану со мною прислал, и салтан бы, господине, велел мне быти у себя“.

И паша сказал: „Быти де и тебе у нашего государя на сей же неделе в субботу“.

Да спросил Ивана: „Да что, господине, написано в государя вашего грамоте и какое дело, и ты скажи мне то словом?“.

И Иван сказал: „Яз, господине, у государя своего паробок молодой и того не ведаю, что в грамоте писано, а у грамоты, господине, печать государьская“.

И паша спросил: „Да есть ли, господине, от вашего государя ко мне грамота или какое слово?“.

И Иван сказал: „Грамоты, господине, и приказу от нашего государя к тебе нет“.

А как Иван к себе поехал, и паша его с места его попроводил.

А на завтрее того, как Иван у паши был, говорили ему приставы: „Велел, господине, тебе Маамет-паша говорить, чтоб деи еси ехал на подворье к пашам же, к Пертаву да к Ахмату да к Ахметю. А у нас деи то в обычае держит — приезжают ден ко государю нашему послы из всяких земель и наперед деи будут у нас у паш“.

И Иван того ж дни к пашам, к Пертав-паше с товарищи, ездил, а с ним Селим-салтанов толмач Ибреим-бег да приставы провожали, и паши против Ивана вставали и встречали, от мест

своих отходя, и спрашивали Ивана, с каким делом пришел к их государю. И Иван сказал по тому же, как и Мамет-паше большому говорил по государеву наказу. А о том Ивана не спросили, что писано и какое дело в государеве, царе и великого князя, грамоте, и грамоты посмотреть не просили же.

Да Пертав же паша говорил Ивану: „Государь деи ваш великой, и бог ему дал великой разум, да и люди деи ещо у него добрые есть, кое деи послал к нашему государю. А то деи меж государей люди поссорили, кое посылал государь наш войну к Астрохани: дай господи, деи, были здоровы государи, и виноватого сыщут, а меж их добро будет, а наш деи государь того хочет, чтоб меж их с вашим государем было добро“.

А об иных государевых делах ни о которых паши Ивана не спрашивали.³²

³³ На той же неделе в субботу на другом часу дни приехал к Ивану толмач Ибреим-бег, а с ним янычанские головы, да спаги, да янычане, а сказал: „Велели, господине, тебе паши ехать на салтанов двор, и Селим-салтану тебе челом ударити, а у государя тебе сего дни не ести, потому что у нас едят мясную еству, а вы ныне говеете, а рыбы здесь мало“.³³

И как Иван приехал к салтанову двору, и с лошади ему велели ссесть перед ворота близко, и встретили его у ворот многие люди пешие, а в воротех встретили приказные люди, а на правой стороне на дворе от ворот был яныченской большой войвода Сьяуш-ага,³⁴ а с ним аги янычанские, и янычане стояли нарядны без ручниц до селим-салтановой полаты, а на левой стороне от ворот по тому же были воеводы и дворяне, спаги, а сидели все по местом и против Ивана вставали, а посередь двора встретили четыре копыечи,³⁵ которые живут блиско Турского, а с ними спаги. А как Иван пришел в полату, в которой паши сидят и приказные люди, и против Ивана паши и приказные люди все встали, и о здоровье паши спрашивали, как путем ехал, и велели принести место и посадили Ивана против большого Маамет-паши.

И Маамет-паша спросил Ивана: „С каким деи еси делом пришел от своего государя к нашему государю салтану?“.

И Иван сказал: „Прислал, господине, государь мой, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, к брату своему, к Селим-салтану, грамоту, и то дело писано в грамоте“.

И паша спросил: „Опричь грамоты приказ с тобою иной какой и поминки есть ли, и какие поминки?“.

И Иван сказал, что с ним опричь грамоты приказу никоторого нет; все писано в грамоте, а поминки, господине, от государя нашего к Селим-салтану сорок соболей, да зуб рыбей,³⁶ да кречат.

И паша спросил: „Как, господине, придешь к нашему государю, и что тебе государь ваш велел ему изговорити?“.

И Иван сказал: „Как, господине, велит мне у себя быть Селим-салтан, и яз ему от своего государя поклон исправлю и грамоту подам и поминки явлю“.

И паша сказал: „То, господине, добре добро, что государь ваш к нашему государю прислал“.

Маамет же спросил Ивана: „Сколь еси давно пошел от своего государя с Москвы?“

И Иван сказал: „Как, господине, государь мой меня отпустил к брату своему, к Селим-салтану, и тому уж осмой месяц“.

³⁷ „Да коею еси, господине, дорогою с Москвы шел?“.

Иван сказал: „Велел, господине, государь мой итти мне зимою на конех на свою отчину—на Рылеск, а из Рыльска в Азов, и шли есмя от Рыльска полем до Донца до Северского, а Донцом шли до Азова в судех“.

И паши спросили: „На Асторохань еси господине зачем не шел? А от Асторохани деи было до Азова немного и поспели б в 17 день“.

И Иван сказал: „Которою, господине, дорогою велел мне государь ити, и яз шел тою дорогою“.³⁷

Да Маамет же паша говорил Ивану: ³⁸ „Ходят деи в Асторохань и к Москве бухарцы и шамохейцы с торгом, и тех деи бухарцов и шамохейцов из Асторохани государя вашего воеводы и приказные люди не пропускают молиться к осподню гробу по нашей вере и волю у них отнимают, и то деи добро ли ваши так чинят? А к нашему деи государю бухарцы и шамохейцы о том

приходили бить челом, кое их из Асторохани к осподню гробу не пропускают“.

И Иван сказал: „Не видя, господине, мне салтановых очей, с вами некоторых дел государьских говорити не пригоже, а как, господине, яз салтановы очи увижу, и вы со мною тогда о которых делех говорите“.

И паша сказал: „О которых, господине, делех приказал нам с тобою государь наш говорити, и ты с нами ныне говори — так у нас ведетца исстари, а что нам скажешь, и мы то уже скажем государю, а ныне, господине, тебя спрашиваем того для — как будешь у нашего государя, и он тебя отпустит на подворье, а у нас тебе уже ныне в полате не быть“.

И Иван сказал: „Которые, господине, иноземцы гости приходят к Москве и в иные государя нашего города, и которою они дорогою куды попросятца, и государь наш тех иноземцов жалует и велит их отпустить безо всяких зацепок, а от веры не велит никого отводить и не неволити ни в чем: восе у государя нашего в его государстве Саинбулат-царь, Кайбула-царевич, Ибак-царевич и многие мирзы нагайские, и за Саин-булатом-царем город Касимов и к нему многие города, а за Кайбулою-царевичем город Юрьев, а за Ибаком-царевичем место великое Суражек, а за нагайскими мирзами город Романов, и в тех городах мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит — всякой иноземец в своей вере живет. Нечто будет хто меж государей ссаривает?“.

И Маамед-паша сказал: „Тот, господине, слух и у нас давно есть, кое государь ваш иноземцев жалует, а государь ваш великой, и он делает все доброе, как ему бог велел, да только б, господине, велел вперед бухарцов и шамохейцов пропускати из Асторохани к осподню гробу молиться по нашей вере, да и письмо, господине, о том нашего государя к вашему государю будет, а государь наш того хочет, чтоб с вашим государем меж их ссылка и добро было, и гости б ходили, как было наперед сего, а у нашего государя всякому же иноземцу не запрещено во Царь-

город ходити, а мы деи того хотим, чтоб меж государей добро было³⁸.

И Иван сказал: „Что, господине, со мною салтан ко государю, царю и великому князю, прикажет, и яз до своего государя донесу, а похотите, господине, государева жалованья и станете меж государя нашего с Селим-салтаном дружбу делати, и яз вашу службу до своего государя донесу, и в том ведает бог да государь, как к вам учнет жалованье свое держати“.

Да после того велел паша Ивану, вышед ис полаты, и посидети перед полатою в сенех, доколе Селим-салтан выдет в выходную полату, и, как вышед, в сенех сел, и против его стали давати турским людям алафу турецкого в хамянных мехех по четыреста и по триста рублей османок и меньше; давали деи им для того, чтоб то Иван видел, кое у них розсход великой, а срок деи тем людям давно алафе минул.³⁹

А как Селим-салтан вышел в выходную полату, и наперед у него был янычанской большой воевода Сьяуш-ага,⁶ а после его были турецкие митрополиты,⁴⁰ ходили з доклады, а после митрополитов к Турскому пошли паши, а Ивану велели ити за собою, и перед полатою в сенных дверех встретили Ивана салтановы стольники и спаги ближние многие, а как Иван пришел к салтану и челом ударил, и взяли его под руки два капычей и водили к салтану к руке, а после Ивана сына его, да татарина Девлет-Козю по тому же к салтану водили. А после того от государя, царя и великого князя, Иван салтану поклон исправил и грамоту подал и поминки явил по государеву наказу, а поклон правил стоя, а не на коленках, и салтан против того не промолвил ни одного слова⁴¹ и не спросил ни о чем. А грамоту у Ивана принял большой его дьяк, а вшел в те поры в полату, как Иван учал салтану грамоту подавати. А салтан сидел на рундуке на крае, а под ним был тюшак золотной, а по сторонам одале³ его подле стену большие взголовья покладены, а на салтане была чюга⁴² камчата золотная на лазоревой земле, да на голове чолма. А поминков государевых при Иване к салтану не носили, а взяли их на дворе салтановы люди, которым приказано. А покаместа Иван у салтана был, и

опричь паш да толмоча иных людей у него не было, а паши стояли против салтана на левой стороне, а не сидели, а как салтан Ивана отпустил на подворье, а паши остались у него. А проводили Ивана за ворота копычан да толмач, да чауши, а как Иван на аргамак сел, и приставы велели ему постояти, да наперед з двора пошли янычане, а за ними поехали воеводы и спаги многие, а после их велели ехать Ивану: то деи тебе почесть, так деи у нас ведетца изстари. Да как приехав Совею,⁴³ стали розъезжаться нарознь, а до подворья Ивана проводили аги и спаги на конех, а с ними янычане шли пеши. А ести салтан Ивана не звал и в стола место корму не прислал же.

А коли деи у Турского⁷ бывают из ьных земель послы, и тогда деи салтан сидит на своем царьском месте, а подле его стоят с саадаком да з саблюю, да з будями,⁴⁴ а ныне деи он на царском месте не сидел и з саадаком и з саблюю и з будями у него не стояли для того, что деи почтил тем государя, царя и великого князя, а себя не взвысил.

А на завтрее того, как Иван у салтана был, приезжал к нему от салтана толмач Ибреим-бег со государевою, царевою и великого князя, грамотою, которую к нему государь прислал, а сказал тот толмач: тое, господине, государя вашего грамоту перевели на турской язык, да не все, потому написано, господине, имя в вышнем кругу золотом иным письмом⁴⁵, и того, господине, письма у нашего государя прочести некому. И за тем, господине, письмом тое грамоты перед салтаном ещо не читали, кое не вся переведена, и ты б, господине, велел то письмо вычести подьячему, которой с тобою послан, и велел бы еси ему сказати, что написано, и яз то напишу по-турски. И Иван велел подьячему Поснику Износкову в государеве грамоте вычести в вышнем кругу, и как вычел, и толмач то письмо написал по-турски, а поехал с тою грамотою на подворье к Маамет-паше к большому. А как государеву цареви и великого князя грамоту перед салтаном прочли, и Селим деи салтан стал был добре весел,⁴⁶ а Маамет деи паша, приехав от салтана к себе на подворье, говорил с турками: „Государь деи московской великой, а что деи прислал к нашему государю гра-

моту, и написано деи в ней великим смыслом, а есть деи еще и у нас люди, да не так грамоту сложат“.

⁴⁷ Да Иван же проводывал, что салтаново умышление о астороханском походе, по чему челобитью к Асторохани рать свою посылал, и были турские люди у Асторохани, и не было ли им каково убытка людем, и вперед что умышление над Астороханью, и которых земель люди к салтану о том прихаживали бити челом, и крымского царя салтан как держит, нет ли на него какова салтанова гневу, и будет на него каков гнев, и для которого дела, и которые царевичи у салтана служат, и кто именем и чьи дети, и в какове чти их держит, и кто у салтана больших паш, на которых большее земское дело лежит, и которой паша близок у салтана в его жалованье, или кто у салтана иные люди в приближение, и как ныне салтан с цысарем и с Кизылбашским и с Литовским и с Угорским.⁴⁷

⁴⁸ И деялось деи при прежнем турском Сулейман-салтане, и стало тем обычаем, и будтось хотел Баязы-салтан отца своего Сулеймана убить, а сам хотел на царстве сести. И Сулейман деи салтан уведал, кое сын его хочет убить, да велел деи был Баязита поймать, и Баязит деи был умыслил бежать на Русь ко государю, царю и великому князю, да и побегал на Крым. И Турской деи посылал о том х Крымскому, чтоб он сына его Баязита, поймав, прислал к нему, а на Русь бы деи его не пропустил, и Баязит деи царевич то услышал, что отец его о том послал з заповедью х Крымскому, да на Русь не поехал, а поворотил не доезжая Крыму мимо Кафы, да на черкасы, а из черкас прибежал в Кизылбаши к шаху. И Турской деи на Крымского про то гнев держал и велел был его известить за то: был деи Баазыт близко Крыму, а он деи ему поноровал и пропустил его в Кизылбаши. И за Крымского деи Турскому били челом и печаловались большой его Алы-паша да Маамет-паша, и прислал деи им Крымской от того великие поминки, и Турской деи по их челобитью с Крымского гнев сложил. А в Кизылбаши деи Турской послал посла своего с поминки, а послал к нему шестьдесят юков золотых, а приказал деи к шаху, чтоб он прислал к нему сына его Баязита,

и шах деи у турецкого посла поминки поймал, а Баязыта к нему не прислал, а приказал деи шах к Турскому: яз деи Баазыту слово свое прямое дал, кое мне его никому не выдати, и мне деи его нельзя послать к Турскому. И Турской деи о том посмал вдругорядь к шаху с поминки же, а послал к нему дватцать юков золотых, а приказал к шаху, чтоб деи однолично сына его Баязыта прислал к нему во Царьгород: „А будет деи ко мне его не пришет, и яз на него за то пойду сам с великою ратью“. И Сулейманов же другой сын Селим-салтан, которой ныне на Царьгороде, стал себе мыслити: „Послал деи отец мой в Кизылбаши по брата моего по Баязыта, и как деи его приведут, и отец деи его посадит на царство, а меня деи велит убить“. Да послал Селим от себя в Кизылбаши к шаху гонца на подводах наперед отцова посла, а приказал к шаху, чтоб он брата его Баязыта прислал задушив мертва, а жива б его к отцу не прислал: а как деи яз сяду на царство на отца своего юрте, и яз деи шаху за то все его города ему отдам назад, которые у него отец мой поймал“. И как деи Турского посол пришел к Кизылбашскому и поминки отдал, и шах Баязыта велел отдать Турскому послу задушив мертва, и Турской деи Сулейман о том стал быти в великой кручине на шаха, кое к нему он Баязыта прислал мертва, и сведал, что его задушили по присылке сына же его Селимове, и Селим про то у отца был в опале, а гонца, которого Селим посмал к шаху, велел казнити, а с Кизылбашским Турской за то был в недружбе и воевался с ним, покаместа жив был.⁴⁸

Да турецкому ж Сулейман-салтану говорил Касим-бег кофинской, а тогды он был у салтана в больших дяках: „Взял деи московской государь Азсторохань, а изстари деи Азсторохань была ваши бусурманские веры, а се деи приходят в Азсторохань изо многих земель гости торговати воденным путем многие, и казна деи с Асторохани московскому государю сходит добре великая, и ты б деи Асторохань за себя взял — и станешь за свою веру и казна тебе с нее будет великая же“. И турецкой деи салтан Касиму отказал тем обычаем: „Дед деи и отец мой и яз с Московским и по ся места не воивались, а преж деи сего меж нас послы и гости

и ныне ходят, а московской деи государь силен ратью своею, и мне деи с ним не за что воеватца, а у меня деи он не взял ни одного города, а Азсторохань деи не наша Турская земля, то деи Московскому бог дал". А Сулейман деи салтана не стало под Петцким городом, как он ходил с своею ратью, а сказывают — его ушибло от пушки,⁴⁹ а после деи себя приказал сыну своему Селим-салтану, чтоб ся он с Кизылбашьским воевал и Кизылбаша б взял за себя. ⁵⁰А как деи Селим-салтан после отца своего сел на царство, и присылал деи к нему крымской царь, а приказал, что деи «от Царягорода в Кизылбаши тебе и твоей войне ходити добре далеко и путь не ближней, и в том деи будет твоей рати изрон великой в конех, а отцу деи твоему был шах недруг, и тебе деи посылати свою войну в Кизылбаши на Азсторохань, а от Асторохани деи х Кизылбаши добре ближе, а се водяным путем. Да в Азсторохань же деи приходят из Кизылбаши гости, а опричь деи Азсторохани проходу из Кизылбаши никуды торговым людем не будет, и тебе бы деи Азсторохань за себя взяти, и Кизылбаш деи будет за тобою наборзе, и ты б деи послал со мною войну свою к Азсторохани, а яз деи с собою возьму своей рати тысяч со сто и шед деи тебе возьму Асторохань одного часу, да и Казань деи твоя же будет, а не возьму деи яз Азсторохани,⁵¹ и ты деи меня тогда не жалуй». А Касим деи кафинской писал к Турскому же и присылал с Крымским вместе, и ялись взяти Азсторохань и писал о всем потому же, как и прежнему Сулейман-салтану о Асторохани говорил. И умышлял деи Крымской о астороханском походе заодин же. И Турской деи посылаа к Литовскому послов своих для того, чтоб Литовской пошел на московского государя: «И яз деи сам с Крымским на него идем же и шед деи у него города поемлем». И Литовской деи к нему приказал: «Пойти деи нам заговором на Московского непригоже, а хоти деи шед у него и Москву возьмем, и нам деи какая в том похвала и честь будет, что мы на него пойдем заговором? А будет деи не возьмем у него городов, и нам деи в том будет великой сором и безчестье, а Московской⁵² деи государь сильной и стоит за себя крепко». И Турской деи по прежней присылке крымского

царя и по Касимове велел послати к Асторохани с Крымским царем войну свою турских людей изо Царягорода и из Онодольские земли, да добринских, да белгородцких татар, да енычан, и всего велел послати своей войны турок восемьдесят тысяч, а наряд деи, пушки, и подкопы и людцкой запас везли изо Царягорода и из ьных городов, которые пришли блиско моря, да ис Кафы, а провадили наряд и всякие запасы в Азов морем, а конные деи люди шли на Кафу, а из Кафы к Азову сухим путем, а у турских деи людей был в головах Касим-бег кафинской да санчаки из Онодольские земли, а о енычанех де к Турскому писал Крымской именно, чтоб их послал к Азсторохани, а без них деи приступа к городу делать нельзе. А как деи турецкие люди пошли изо Царягорода, и тем деи людем иным грамоты жаловальные Турского подавали, где кому на котором приказе быти как было, взяв Азсторохань. И у многих деи людей во Царегороде турки на отъезде имали и задатки наперед деньги за полон, которых было им привести из Асторохани во Царьгород. И как деи Крымской пошел к Азсторохани и побил на Донце на Северском казачьа атамана, Иваном зовут Мотякин, а с ним было козаков человек с сорок, и прислал деи к Турскому гонца, что он на Донце взял казачий² город, атаманов и казаков убил, сказал, с пять тысяч, и Турской деи тому стал быти весел. А как деи к Турскому пришла весть из-под Асторохани, что деи Крымской и Касим у Азсторохани с воинскими людьми были, а промышляли, что было им Азсторохань взяти подкопом, и подкопу деи было зделати нельзе потому, что вода заняла, и им деи было посылати старого городища к городу приступати людей, и из Азсторохани деи з города учили по их шатром бити из пушек, и стали деи пушки ходити далеко, и турецкие деи меж себя с крымскими стали говорити, кое им к Азсторохани нельзе приступати, и людем их чинитца изрон, и корму у них людцкого не стало, да и пошли деи все прочь от Асторохани. А стояли под нею на старом городище день з десять, а шли деи от Азсторохани нарознь, идучи з голоду и с нужи многие люди мерли, и тех деи турских людей не пришло назад из Азсторохани ни четвертого жеребья, да и санчаки деи не все ж

назад пришли — иные померли, а енычан деи только пришло из под Асторохани во Царьгород трех тысяч только человек с семьсот, и те деи все были больны. А смотрели деи тех янычан и перекликивали по имяню по книгам во Царегороде, по которым давано им жалованье. А которые деи турские люди и енычане пришли из-под Азсторохани во Царьгород, и те деи люди били челом Турскому, что им в том азстороханском походе стал великой убыток и людем изрон: «И казне деи твоей стал великой убыток, а будет деи станешь к Асторохани вперед нас посылати, и ты деи вели здесе казнити смертью, чем деи нам там напрасно померети же, а Асторохань^а деи от Царягорода не блиско и приступати к ней долго, хотя деи сам пойдешь; и тое деи у тебя твою государеву казну и воинских людей потеряли напрасно Крымской да Касим-бег кафинской, да крымской же деи царь пошел был наперед нас от Асторохани с своею ратью, а нас деи был покинул. И мы деи учали Крымскому говорити, чтоб деи он нас не метал, и в том бы от тебя в слове не был, и Крымской деи велел нас подвозити, а только б деи Крымской наперед пошел, и нам деи было всем на дороге перепропасти, а к Озову бы не дойти; да и то деи стало быти твоим государевым счастьем, что деи к нам встречу московские люди не пришли, а только б деи на нас пришли московские люди, и нас бы деи и достольных побили, а московского деи государя сказывают людьми сильна и тебе деи государю воеватись с ним не за что». И турской деи салтан стал о том на Крымского и на Касима быти добре кручиновать и ополелся, а говорил: «Потеряли деи у меня казну и людей и ввели деи меня в великой сором, кое не взяли Азсторохани»; да приказал деи пашам, а велел, собрав чаушей, послати извести крымского царя да Касима. И крымской деи царь сведал, что его Турской посылает извести, да прислал о том к сыну своему, которой ныне живет в ымени у Турского, а велел деи бити челом Селим-салтанове родной сестре вдове Нафыт-царевне, что была за Брастан-пашею, да Маамет-паше большому, чтоб им Турской опалу отдал и не велел их убить, и царевна деи и паша о Крымском и о Касиме били челом Селим-салтану, чтоб их пожаловал,

не велел извести, а что деи они Азсторохани не взяли, тому деи так бог велел быти. И Турской деи для сестры своей и Маамет-пашина челобитья Крымского и Касима не велел извести, а то деи им Турской сказал: «Вперед деи им от меня быти же изведеным».⁵⁰ Да Селим же деи салтан говорил сестре да паше: «Крымской деи заветда царем больши меня, а посаженный деи он на Крыму отца моего,⁵¹ да он же деи ссылаетца с Московским, и послы и гонцы меж их ходят, а меня деи они забыли, и то деи Крымской чинит добро ли?». Так да и по ся мест деи Турской на Крымского гнев держал. А крымской деи царь и Касим-бег оттого Маамет-паше прислали великий поминки, что их у Турского³ отпечаловал, а ныне деи Касим в Царьгород ехати к Кафы боитца убийства от турецких людей, которые были у Азсторохани, а стал им в Касиме изрон. А опричь деи Крымского и касимовы присылки к Турскому о астороханском походе бити челом не прихаживал никаких человек.

Да Ивану же сказывал Касимов человек, который его провожал, про азстороханской ж поход: „Присылал деи х Касиму из Нагаи Урус-мурза да азстороханцы⁵² и велели ему итти к Азсторохани — «и Азсторохани деи возмем до приходу, а за кем деи будет Азсторохань, и мы того ж будем». И как деи Касим пошел к Асторохани и на дороге деи изгibli турок пять человек, три Турского, а два человека Касимовых, а поимали деи были тех людей Тинехматовы тотарове и держали их под Астороханью для языков у азстороханцов, дружачи государю московскому. И Касим деи писал к Урусу-мурзе, чтоб тех турок добыв, прислал к нему; и Урус деи у астороханцов тех турок выбаял да прислал их к Касиму. А доколе деи турецкие люди стояли у Азсторохани, и до тех мест нагаи азстороханцы присылали с кормы; а только б деи к туркам они корму не присылали, и многим было з голоду у Азсторохани померети и не отойти прочь. А стояли деи Крымской и турецкие люди под Астороханью на старом городище и промышляли, что было им Асторохань взяти подкопом, а посылали деи к городу крымского Мустофу с товарищи досматривати, где быти подкопу и иным приступом — «и подкопом деи взяти ее нельзя, что деи

вода блиско и стоять деи у ней долго и людей потерять». И меж деи Крымского с Касимом стала прека быти, да пошли деи прочь от Асторохани. Да астороханские ж деи тотарове говорили Касиму: «Служили, деи, мы государю московскому, а ныне деи мы люди Турского». А которой Касимов человек про то сказывал, и тот у Азсторохани с Касимом был же. Да Касим же писал к Мамет-паше, как Иван был в Царегороде, да и чертеж астороханский прислал, а написал деи в грамоте, чтоб деи Селим-салтан у московского государя просил Азсторохани и за то б деи постоял. И паша деи, прочедчи грамоту, кинул и избранил на него, а молвил: «И так деи Касим ходили в опале, чего деи ему доглати и меж государей ссаривает? Али деи ему не жаль своей головы? Ведь деи на нем не две головы!». А азстороханской чертеж приносил к Ивану на подворье и казал Маамет Чилибей, служащи государю царю и великому князю, да и вперед добре государю хочет служить. А к Азсторохани от Турского вперед войны не чают.

Да про азстороханской же поход во фрянские города весть пришла, что Азсторохани не взяли, а людем учинился великой изрон, и фрянки деи о том возрадовались и меж себя учили говорить: «Государь деи московской великой, и кому деи против его стояти, а от неверных деи его бог обороняет».⁵³

С Цысарским в дальнем Турской в дружбе.⁵⁴

⁵⁵ А Кизылбашской деи летось у Турского в трех городех людей побил, да и пашю убил в то же время, как турецкие люди ходили к Асторохани, а что Азсторохани не взяли и людей истеряли, и то деи шаху стало за честь же, и меж их с Турским война.⁵⁵

⁵⁶ С Литовским Турской в дружбе: был во Царьгороде при Иване литовской посланник, а приезжал деи с поминки. Да Литовской деи король присылал к прежнему к турецкому к Сулейман-салтану, как у него царь и великий князь взял Полоцк, а просил у Турского воинских людей, а приказал деи Литовской: «Московской деи у меня много городов поимал, а иные деи велел поставить на моей же земле, и вперед деи от него пребыти нельзе, и ты б деи прислал ко мне воинских людей, и яз деи на Москов-

ского сам пойду против его, а не пришлешь деи ко мне своей войны, и яз деи передамся к Московскому, и ты деи с меня вперед поминков не проси". И Сулейман деи ему отказал: "У меня деи тебе войны на Московского ныне нет, потому яз деи сам иду на своего недруга, на Фрянского короля, и мне деи война себе надобе. Да и потому деи мне к нему войны послати не мочно, что деи путь неближней и проходит далек, и итти будет им через чужую землю, и король деи у меня людей истеряет, а московского де и государя ратью сказывают сильна, а поминки деи ко мне присылай таки по-старому".⁵⁶

А коли деи у Селеймана родился Селим-салтан, и тогда деи царица просила у Селеймана, чтоб он с Литвою не воевался, потому что царица, Селимова мати, родом литовка,⁵⁷ и Сулейман деи с Литовским был в дружбе же и по свой живот, а Селим деи салтану приказал и с Литовским воеваться не велел же.

С Угорским Турской в дружбе.⁵⁸

А с мозярским королем и с арапы Турской не в дружбе⁵⁹ — меж их ныне война.

⁶⁰ Другово цысаря, что питцкой король, был при Иване у турского посол, а пришел до Иванова приходу с поминки, а с Турским сказывают в дружбе, а и еще изо Царягорода навад не отпущен.⁶⁰

⁶¹ А со Фрянским с паном королем Турской не в дружбе, потому что Фрянского короля город Кыборз стоит на Белом море меж турских городов, а турским людям от киборзян живет шкота и изрон великой — ходят деи корабли изо Царягорода в Мисюрскую землю и из Мисюря во Царьгород, и киборзяне деи турок громят добре часто и убытки им чинят великие, а опричь деи Кыборза в Мисюрскую землю иным путем ходити некуды, да киборзяне же деи громили трожды Турского казну мисюрскую, а с Мисюрские деи земли сходит в год турскому по 1600 юков золотых. И Турской деи посылал ко Фрянскому, чтоб ему дал город Кыборз — "А не даст деи мне Кыборза, и яз деи на него сам пойду, и города у него поемлю". И Фрянской ему отказал и города не отдал. Да ко Фрянскому же приказал питцкой король: "Пойдет

деи на тебя Турской своею войною, и ты деи стой против его крепко, а мы деи тебе пришем на помощь своих людей". И Турской сего лета послал под Киборз трех паш, а с ними людей воинских пятьдесят две тысячи, а сам деи Селим-салтан под Киборз не пошел за тем — дожидался вестей из Азова, а начаялись приходу к Азову и к Кафе московского государя воинских людей, а турецкие деи люди меж себя говорили: однолично деи московские люди пришед Азов и Кафу возьмут. Присылали к Селим-салтану из-под Киборза турецкие люди чауша о том, что под Киборзом турок побили большую половину и Киборза еще не взяли, и Турской⁶¹ бы деи прислал к ним под Киборз в прибавку людей на помощь, а только деи не пришет, ино и достальным от города не отойти прочь. И Селим деи салтан стал быти в великой кручине, а говорил пашам: уж деи других людей побили, а не доспели пути ничего; да велел послати под Киборз из Царягорода и достальных людей, которым было людем итти с самим с Селимом под Киборз.⁶¹

А посол Фряского во Царегороде засажен.

⁶² Турской ж послал сего лета к городу к Еминю, что стоит в Арапской земле, для береженья восемьдесят тысяч четыре тысячи людей, а воевода у них был санчак из Урюмской земли, и тех деи турецких людей всех побили арапы наголову.⁶²

⁶³ Да сего ж лета фрянки у Турского взяли три города: Малту да Венедих да Белгород, а те деи города были изстари фрянские же, а взяли их турки при прежнем салтане.⁶³

⁶⁴ У Селим-салтана большой сын Мурат-салтан 18 лет, а сидит на уделе на дву городех в Урюмской земле город Амая, а другой Утегея. У салтана он не бывал от тех мест, как Селим на царстве сел. Другой сын Баазыт, а родился сего году. Селимова же дочь за Маамет-пашою.⁶⁴

⁶⁵ У Селим же салтана крымского царя сын Ган-султан, а живет в городе в Янбоге, а к салтану не приезжает, а ест салтанову олафу, по пятидесят османок на день, а людем его олафу дают, которые у него живут, а жалованья ему идет на год от Турского по сороку тысяч османок, а руская четыреста рублей; да Ган-султану же дают платье по трожды на год, а то

деи у турских салтанов ведетца изсстари, что крымского царя по одному царевичу у них жити, а говорят про того царевича, будто ему быти на отцово место на Крыму, как его не станет, или его изведут, а сказывают того царевича дородна.

У Турского ж салтана астороханской Дервиш Алеев сын Магмет-царевич, а живет в Урюмском городке за сторожи, а из города его вон не выпускают, а ест Турского олафу, а к себе ему Турской ездити не велит.⁶⁵

⁶⁶ Турского паши, на которых большое земское дело лежит: большой Маамет паша, а за ним салтанова дочь, другой Пертав-паша, третей Зал-паша, четвертой Пиала-паша, пятой Агмат-паша, шестой Магмут-паша, семой Мустофа-паша. А которое дело похочет зделати большой Маамет-паша, и то деи зделает, а Турской его жалует и слушает его во всем и з большими делы з земскими опричь пашей к салтану не ходит никто. Казначей большой Сан-Чилибей, другой Дервиш-Чилибей, третей Магмет-Чилибей, печатник Магмет-Чилибей. Стольник капы-ага Сысьяуш-ага. Еничанской большой воевода надо всеми агами Сьяуш-ага. Дефтердары, а по-русски дьяки: большой Мугабег, другой Мукат-ази, третей Уазнамизи. А в патриарше у салтана место муфти-кадлешкир, а митрополиты и владыки: Маалим-зада кадлишкер молла Чилибей. Турского же большой толмач Ибреим-бег.⁶⁶

⁶⁷ Да Ивану же говорит чауш, которой у него в приставех: „Велел, господине, тебя спросити Маамет-паша, чего для деи государь ваш на Терке город поставил?

И Иван ему отказал: „Как мне лучитца быти на салтанове дворе, и яз про то пашам скажу“.

И паша приказал, чтоб деи „Иван виделся со мною у меня на подворье, а поговорим деи с ним о дороге, которою ему итти назад к своему государю“.

И как Иван к паше приехал, и паша его спросил: „Которою, господине, дорогою тебе итти назад к своему государю? И государь наш велит тебя отпустить, а чтоб тебе итти не на Азов же“.

И Иван ему молвил, чтоб его салтан велел отпустить на Азов, а проводить бы велел до государевы царевы и великого князя украинны.

И паша сказал: „Как тебя салтан отпустит — и проводит велит“.

Да паша ж спросил Ивана: „Чего для деи государь ваш велел на государя нашего земле на Терке город поставить?“.

И Иван сказал: „О которых, господине, делех вам со мною говорити о салтановых, и вы мне говорите на салтанове дворе, а здесе нам о государевых делех говорити непригоже“.

И Маамет-паша сказал: „Велел, господине, мне тебя про то спросити государь мой Селим-салтан, а то у нас ведетца изстари: о которых делех лучитца, и мы на подворьях послов выпрашиваем, а то дело нам не лежит, и ты, господине, скажи про то ныне“.

И Иван сказал: „Государь наш царь и великий князь Темрюка князя Айдаровича Черкаского пожаловал, взял у него за себя дочь его государыню нашу, царицу и великую княгиню, и Темрюк-князь присылал бити челом государю нашему, которые черкасы ему были послушны, и те учали ему многие убытки делати, и крым-шевкальцы и кумуки учали его обидети, и государь бы пожаловал, на его земле велел для недругов город поставить для Темрюкова челобитья, чтоб ему от своих недругов жити безстрашно, а та земля изстари были от Кабарды от Темрюкова юрта по Терке по реке и до моря его Темгрюкова, и зверь бил и рыбу ловил“.

И паша сказал: „То все земля черкасы и кумуки и крым-шевкалы государя нашего и вера наша же, а государь деи наш того для посылал летось людей своих и того места досматривати, где стал город на Терке“.

И Иван сказал: „От Кабарды до Бесленей верст с пятьсот, и та земля далеко отошла от тех черкас, которые вашему государю приклонились и служат, а не владел тою землею, где город Терка стал, опричь Темгрюка никто. Да наперед того Темгрюк же князь присылал к нашему государю бити челом сына своего Байгарука-князя, чтоб государь его, Темгрюка-князя, держал в своем имени и войну ему свою дал на крым-шевкальцов, и государь наш Темгрюка князя пожаловал, войну свою к нему посылал, и

на крым-шевкалы Темгрюк-князь с нашего государя воинскими людьми ходил и крым-шевкалы воевал".⁶⁷

Июля в 15 день перед Ильиным днем в субботу приезжал с салтанова двора пристав чауш, и говорил Ивану: „Велели, господине, тебе паши сказати, что тебе завтра государю нашему челом ударити и отпуск к тебе отсюды к Москве, да со мною же, господине, прислали к тебе государское жалованье, платье, кафтаны, да османки“. Да положил на Ивана два кафтана — один бархатен, а другой отласен, оба з золотом, да ему дал десять тысяч османок, а московская сто рублей, а на Иванова сына, да на подьячего, да на кречатника, да на толмача положил по кафтану по бархатному з золотом на человека, да им же по тысяче османок человеку, и того по десяти рублей. Да чауш же сказал, что деи, те кафтаны положив на себя, к салтану в них ехати.

А на завтрее того в неделю был Иван на дворе у салтана, а встретили его на дворе и проводили в полату, и паши против Ивана вставали по тому ж, как и на приезде.

А как Иван сел, и Маамет-паша спросил: „Как, господине, государь ваш с Кизылбашским? И послы и гости меж их ходят ли?“.

И Иван сказал: „Ко государю, господине, к нашему Кизылбашской послов своих присылает, и гости его ходят, да и из ыных, господине, орд ко государю послов присылают“.

И паша сказал: „Государю деи нашему Кизылбашской великой недруг, а посылал деи государь наш летось своих людей мимо Асторохань проведывати дороги, куды итти на Кизылбашского“. А про крымского царя паша в те поры не именвал ничего.

А после того погода паша же спросил Ивана: ⁶⁸ „Как, господине, государь ваш с Крымским живет?“.

И Иван сказал: „Послы, господине, и гонцы меж государей ходят, а неправды господине Крымского перед нашим государем добре много, и ни в котором своем слове в правде не стоит, а зоветца в своей в бусурманской вере всех царей больши“.

И паша сказал: „Крымской деи присылает к нашему государю на вашего з жалобю: как деи преж сего посылавал к нему

поминки, а ныне деи государь ваш к нему посылает поминки не так, как преж сего, да его ж деи послов у себя держит долго и к нему их не отпустит. А царем деи Крымской заветца велик потому, что деи его наш государь турецкой бережет. Да и к нам, господине, государь ваш присылает поминки не так, как наперед сего“.

И Иван ему про поминки молвил: „В том волен бог да государь наш, а Крымской, господине, государя нашего у себя послов и не одних держит же“.

И паша спросил: „Да сколь, господине, давно крымские послы на Москве и вашего государя в Крыме живут?“.

И Иван сказал: „Того, господине, яз не упомню, от коих мест на Москве живут крымские послы, а нашего государя послов в Крыме держат тому же осьмой год“.⁶⁸

И паша сказал: „Послы — люди невольные: куды их в которые государства посылают, с каким делом нибудь, и они ходят, и в том ведаютца меж себя государи сами, что будет меж их какое дело, и послов велел отпустить, а с Крымским деи меж их будет мир уже же деи и помиратца. Да чтоб деи государь крым-шевкальцов и кумуков вперед не велел воевати, и бухарцов и шамакейцов велел пропускати ко господню гробу“.

И Иван сказаваз: „Что, господине, со мною прикажет к нашему государю Селим-салтан, и яз то до своего государя донесу“.

Да после того погода немного паши пошли к салтану, а Ивану велели итти за собою и салтану челом ударить, и к руке к салтану Ивана и сына его и подъячего и кречатника и толмача водили капычей по тому же, как и на приезде. А сказали паши Ивану при салтане, что с ним ко государю от салтана письмо будет, а как Ивана отпустил салтан от себя, и ко государю, царю и великому князю, словом не приказал ничего. И проводили Ивана до подворья янычанские аги и спаги и енычане по тому же, как и на приезде. А у салтана Иван того дни не ел же, и в стола место ему корму не прислал. А сказали ему про то приставы: „Не лучилося деи тебе у государя ести для того, что деи государя нашего многие дела заняли, да и корму деи тебе

с нынешнего дни вперед не будет, а в обычае де у государя нашего держит: как которых послов отпустит назад, и по тот день и корм дают“.

И Иван им сказал: „Которых земель послы и посланники у государя, царя и великого князя, бывают, и тем послом кормы дают, доколе они на Москве пробудут, да и в дороге им кормы дают же и до государевы украинны“.

И Чилибей сказал: „То, господине, и яз ведаю — так у вашего государя ведетца, и мы, господине, про то, ехав, скажем Маамет-паше“.

А приехав от паши, сказали Ивану: „Паша, господине, о корму докладывал государя, и салтан, господине, пожаловал, велел тебе корм давати, доколе и во Царьгороде побудешь, а приказал деи к тебе паша: велел тебе государь давати корм для того, что меж государей доброе дело сстаетца у тебя деи государь учинил всех больши послов, а иных деи земель послом после отпуску некоторым корму не даывал“.

Да того же дни государевым служилым татаром, Девлет-Козиным товарищем четверем человеком, дали из Турского казны по кафтану человеку камочки обышние.

А после того на четвертой день, как салтан Ивана отпустил, говорили ему приставы: „Велел деи, господине тебе Маамет-паша сего дни с собою видетися у него на подворье“, и Иван у него того дни был.

И паша говорил Ивану: „Велел деи, господине, тебе государь мой салтан говорити: московской деи государь со мною подружился и назвал меня себе братом, и меж деи государей будет доброе дело, и которые деи черкасы мне служат, и московской бы деи государь их воевати вперед не велел, и бухарцов бы и шамаheyцов велел из Асторохани пропускати к господню гробу. Да и письмо деи о том от салтана ко государю будет, а как деи грамота поспеет, и яз де и к тебе пришлю ее с чаушем“. Да паша же сказал: „Яз деи, господине, ныне меж государей делаю доброе дело, чтоб меж их было любовь и братство, и государя нашего будут послы к Москве“.

И Иван сказал: „Что, господине, со мною салтан к государю царю и великому князю прикажет, и яз то до своего государя донесу, а похощь, господине, государева царева и великого князя жалованья и государю послужити и меж государя с салтаном дружбу делати, и яз то донесу до своего государя, и в том ведает бог да государь, как к тебе учнет жалованье свое держати“.

Да паша же говорил Ивану: „Которая, господине, рухлядь Мамет-Чилибеева осталась после его на Москве у торговых людей, и государь бы деи в тое рухлядь не велел вступатись“.

И Иван сказаал: „Которая, господине, рухлядь Чилибеева изгибла в почапси, чего не сыскали, и государь за ту рухлядь велел и деньги заплатити: по государя нашего приказу государя нашего казначеи за тое рухлядь Чилибею из казны и деньги заплатили“.

А Маамет-Чилибей в те поры туто же у паши был и сказал, что его за тое рухлядь, которая изгибла в почапси, деньги дошли все сполна, да бил челом паше: „Которую господине у меня рухлядь на Москве имали в цену торговые люди, а деньги еще не все заплатили, и Селим бы салтан пожаловал — для того велел отпустить мне племянника со государевым послом с Иваном Новосильцовым“. И паша о том говорил Ивану, что с ним ехал к Москве Чилибеев племянник.

⁶⁹ Да после того в неделю, канун оспожину заговейну, прислал к Ивану Маамет-паша с чаушем грамоту в отласном меху в золотном запечатану, а сказал чауш, что деи грамоту послал ко государю Селим-салтан,⁶⁹ да ко государю же деи Салтана приказал челобитие. Да чауш же дал Ивану две грамоты от салтана же в Кафу да в Азов о дороге, о судех и о провожатаех, чтоб Ивану пойти до государевы, царева и великого князя, украинны поздорову.

А пошел Иван изо Царягорода в оспожино заговейно на первой неделе, в середу, августа в 2 день. А с подворья его до карабля проводили приставы да енычане, а корму турецкого на путь не дали ничего, а проводить послали тех же людей, которые из Кафы во Царьгород провожали.

А как Иван в Кафу пришел, и стоял в Кафе у Нозыря же на подворье, а еству варили у Нозыря же и кормили Ивана из розходу из салтановы казны.

Да в Кафе же Ивану сказывали, что деи Крымской думал с своими царевичи и з ближними людьми, чтоб послати им наперед на Дон из Крыму казачьих атоманов и татар и казыевых казаков, а приходит б им ночью и громить Ивана на Дону, а для деи того ночью приходити, чтоб нихто не узнал татар, которые учнут громити, а крымскому б царю от Турского в том не быти в слове. А громити деи было для того, что деи к нему Иван в Крым не заехал. И Иван про то сказал Касиму кафинскому — кое Крымской втай посылает под него людей на Дон для погрому, а он бы о том отписал к Турскому, чтоб ему то было в ведомо. И Касим сказал: „То, господине, добре добро, что еси про то уведал, и яз о том ко государю своему отпишу, да и х Крымскому прикажу, и погрому, господине, на тебя не будет. Хоти и было Крымскому и послати тебя громити, и он ныне не пошлет, что еси уж про то уведал. А в Азов, господине, яз о том к Айдару прикажу и грамоту пошлю, чтоб тебя велел из Азова проводитьи до государевых людей бережно, да и и х Казью о том отпишу же, а Казый служит государю нашему и олафу емлет и на своих казаков, да и нагайские, господине, мирзы сего лета недавно приклонились к нашему ж государю, и за то, господине, яз изымусь, что уж на тебя от крымских и от казыевых и от нагайских погрому не будет“.

Да Касим же говорил Ивану: „Что деи, господине, тебе паши о Казани и Асторохани говорили?“. И Иван сказал, что с ним паши Казани и Асторохани ничего не говаривали.

⁷⁰ Ивану же сказывали: „Была деи кличь в Кафе крымским татаром, чтоб они лошади кормили и готовы были на службу с крымским царем в осень, как лед станет, а будто итти Крымскому на Литовского“.

Да при Иване же приезжал из Крыму в Кафу х Касиму татарин, а присылал деи его Крымской проводывати про Ивана, какова ему была честь от Турского и от пашей.

В Кафе же говорили крымские татарове со государевыми служилыми тотары: „Государь деи московской с Турским помирились, а нашего деи Крымского Турской хочет извести, и мы деи все государю своему говорили и на прямом слове стали, что деи нам своего государя Турскому не выдати, и против Турского и Московского стояти крепко. А будет деи сила несяжет и мы деи все помрем вместе и не дадимся деи никому“.⁷⁰

А как Иван ис Кафы пошел, и Касим ко государю, царю и великому князю, послал от себя грамоту, а Ивана послал до Азова проводить, и корм на путь дал свой, а про Иванову грамоту Михайлова сказал,⁷¹ что он ее отослал во Царьгород к Маамет-паше со государевою грамотою вместе, которую к нему отослал Иван с служилым татаринном. „А тебе деи есми тое грамоту велел показати на дороге человеку своему, а отослал деи яз грамоты для того—придчею хто тем примолвитца нашему государю, и яз бы деи в том в слове и в опале не был“. А Ивану Касимов человек грамоты на дороге не казывал, а что по Иванове грамоте ответ был, и Касим про то не сказал ничево же.

А как Иван в Азов пришел, и Сефер его встретил на берегу, а с ним было людей на встрече немного, а которые были в Азове приказные люди наперед того, и Ивана встретили, и тех людей с Сеферею и в Азове не было. И Иван про тех людей себе втаи спросил, где же люди ныне.

И азовской жилец, Сидором зовут, Чечюкин в спесивом сказывал, что деи азовской бешлейской вылазной воевода поехал на Русь на украину в войну с казыевыми татары, а всего деи их пошло человек з двести тысячи, да и Адаровы деи люди азовского санчака с теми ж людьми на Русь пошли, а тому уж больши месяца, как они из Азова пошли.

Да при Иване же привели в Азов с поля государевых, царя и великого князя, детей боярских, которые были в станице, Андрея Микулина с товарищи, а взяли их азовцы на поле.

И Иван о том говорил азовскому санчаку Айдару: „Меж, господине, государей ныне сставаецца доброе дело, а азовские деи люди пошли на государя нашего украину воевати, а твои

деи люди с ними пошли же, да азовцы, господине, взяли государя нашего станицу на поле детей боярских, а ныне же дети боярские здесе, и то, господине, добро ли ты так чинишь и меж государей ссариваешь? И не вели, господине, тех детей боярских продавати за море, которых взяли в станице. А мне, господине, про то про все сказати своему государю, а государю нашему о том на тебя писати к турецкому салтану“.

И Адар сказал: „Как, господине, яз приехал из Керча в Азов, а же те азовские люди нарежаютца, а итти им, сказали, на черкасы воевати, и яз, господине, сведал, что те азовцы идут на Русь, не на черкасы, и яз им говорил, чтоб они на Русь не ходили и меж бы государей ссоры не чинили, и они от меня утаились и пошли деи на Русь с казыевыми татары, а меня не послушали, а яз, господине, своих людей с ними не посылавал и моих людей с ними нету, и яз, господине, на тех азовцов отпишу к своему государю и салтану, а как те азовцы придут с Руси, и будет у них полон русской, и яз у них тот полон отниму до государя своего указу, а государевых, господине, детей боярских, станишников, взяли на поле казыевы татарове, а не азовцы, а меня они не слушают“.

Да Сидор же Чичюкин сказывал: „Однолично деи Айдаровы люди на Русь пошли, а ходят деи азовцы на Русь с казыевыми людьми и воруют заодин, и всякие деи вести с Москвы привозят нагайские татарове, у которых мурз живут на Москве. Да нагайские ж деи мурзы присылали из Нагаи послов х. Казы-мирзе, да х Крымскому,⁷² чтоб они пошли к Асторохани в осень как лед станет, и мы деи ваших воинских людей прокормим и Азсторохань возьмем. И Крымской деи царь и Казы-мирза на сей осени к Азсторохани готовы по леду, а с ними нагаи. А говорили деи крымцы меж себя, будто итти Крымскому на Литовского, а говорили для того, чтоб государю царю и великому князю про азстороханской поход известно не было, что им итти к Асторохани. Да Крымской же отпустил в Нагаи своих послов, как Иван приехал из Царягорода в Азов, а турецких людей с ними под Азстороханью не будет“.

Да Ивану ж сказывал крымской полоняник, а пришел в Азов при Иване: „Присылали деи х Крымскому нагаи для того, чтоб он пошел под Асторохань, как лед станет, а приказали деи нагаи — мы деи тебя и твоих воинских людей прокормим и Асторохань возьмем“.

А в Азове ныне наряду, которой был привезен для астороханского походу, — три пушки больших, а ядра у них поменьши головы человекьи, да под теми пушок с тридцать полковых, а стоят в городе, а старого наряду, сказывают, в Азове есть много, а лежит деи на береженье. А запасу людцкого, муки и ячмени в Азове добре было наложено много летось для астороханского походу. Да в Азове же лежит запас, которым было делати перекоп з Дону на Волгу: лопат и заступов, и топоров, и просеков всего 16 тысяч. А ино деи наряд пушки отвезены из Азова назад во Царьгород сего лета, а запас людцкой — муку и ячмень — почали отвозити, как Иван был во Царегороде, а которые карабли пришли в Азов с Иваном вместе, и в те корабли поклали муку и ячмень и повезли в Кафу, сказывают, продавати а иной запас перегнил и лежит не в береженье. А вперед к Асторхани от Турского войны в Азове не чают же.

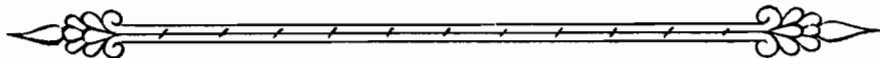
А корм давали Ивану в Азове и до походу, а как из Азова пошел, и Айдар его послаа проводить человек сорок до государевых царя и великого князя атоманов и казаков, а корму на на путь не дал, а проводили Ивана азовцы, не дошед первые станицы атаманские, под Кобяково городище.

А пришед Иван на Дон, о астороханском походе писал в Асторохань к воеводам, х Долмату х Карпову с товарищи, з донским атоманом с Нечаем з Башмаковым с товарищи сентября в 27 день, от Цымлы-реки не дошед Переволоки,⁷³ чтоб им то было в ведоме, кое Крымской и Казый и нагаи будут к Асторхани сее осени, как лед станет.

А после того о том же астороханском походе писал ко государю, царю и великому князю, с служилым татаринном з Балгилдеем з Девлеткозиным октября в 9 день, перешед Переволоку.

Да Иван же Новосильцов сказывал, что на первой день, как он пришел в Царьгород, и принесли ему царева корму 9 овец да 50 куров, 10 голов сахару, 6 свеч воощаных, 2 кожи овечьих шарапу.⁷⁴ А поденного царева корму давали Ивану и подъячему и толмачом и кречатнику по 80 хлебов, да на три дни по 6 голов сахару, по 10 золотников перцу, по 10 золотников гвоздики, по 10 золотников шефрану, по осмине без четвертника⁷⁵ пшена сорочинского, по 6 свеч воощаных, по 6 гривенок пресного меду, по 6 гривенок коровья масла, по 9 овец, да в неделю пригоняли по 12 овец, по гривенке зетинного масла,⁷⁶ по 2 гривенки соли, да в рыбной день рыбы приносили на день по пяти и по шти и по десяти рыб и боле того, а иногда меньши, и те не велики, по ковшу ягод зетинных, а иногда меньши, а мало их и носили, по 2 связки луку, по 20 пудов чесноку, по кувшинцу уксусу, по 10 ведр шарапу, по 4 пучки ретки, да однава принесли сперва преснова меду кадочку пудов в пять.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК Ф. А. ПИСЕМСКОГО

(Англия)

А се список посольства Федора Писемского
да подъячего Неудачи Ховралева как ся у них
в Аглинской земле государево
дело делалось¹

Лета 7090-го посол Федор Ондреевич Писемской да подъячей Неудача Ховралева пришли на Колмогоры² июня в 23 день и дожидались караблей на Корельском устье³ три недели и четыре дни; и в ыюле в 18 числе пришли х Колмогорской х Корельскому устью аглинских 11 кораблей.

И Федор Писемской да подъячей Неудача спросили аглинских гостей, Ивана Романова с товарищи, все ли те карабли у них пришли с торгом. И они сказали, что к ним с товары пришло девять кораблей, а два карабля де с ними пришли воинские, для того что им про датцкие розбойники⁴ слух был в Аглинской земле, и королевна де те два карабля воинские послала для береженья, чтоб торговым караблем от датцких людей итти было безстрашно; а голову де на тех на воинских кораблех королевна прислала своего дворянина Христофора Кярлеля.

И Федор Писемской и подъячей Неудача того же часа аглинским гостем Ивану Романову, да Ульяну Фомину с товарищи говорили, чтоб они отпустили их в кораблех в Аглинскую землю, не задержав. И они Федору и Неудаче сказали: „Отпустить де

нам вас за море наперед иных караблей нельзя, потому что на море ходят датцкого короля многие воинские карабли и как де мы товары свои во все карабли покладем, и мы де вас отпустим со всеми караблн вместе“.

И июля ж в 23 день, пришед к Федору и подьячему Неудаче, колмогорцы посадские люди Васка Товринов с товарищи сказали, что аглинские гости отпустили карабль назад в Аглинскую землю, а не ведают для чего. И Федор и подьячий Неудача тот же час к аглинским гостем, к Ивану к Романову с товарищи, послали толмача Елизара и велели им говорити: „Коим обычаем и для чего они карабль отпустили наперед в Аглинскую землю, а Федору и Неудаче того не сказав? А они ж Федору и Неудаче сказывали, что было им все карабли отпустити за море вместе, а не на рознь“.

И того ж дня к Федору и к Неудаче приехал аглинской гость Иван Романов и учал говорити: „Говорил де нам от вас толмач Елизар, будто мы карабль отпустили наперед за море; и мы де карабля за море не отпускавали, а отпускали де мы карабль в море войской сторожевой, а не товарной, для того что де наши ж аглинские три карабли забежали от датцких людей на море безвестно, и тот де карабль пошел искати тех трех караблей, да и датцких воинских людей проведывати, чтоб датцкие люди на аглинские карабли х Корельскому устью безвестно не пришли; а проведав де тех аглинских трех караблей и про датцкие про воинские люди, воротитца опять назад х Корельскому устью тот же час“.

И июля ж в 27 день к Федору к Писемскому да к подьячему к Неудаче привез от государя, царя и великого князя, сын боярской Семен Полтев государеву грамоту, а в грамоте написано: велено Федору и подьячему Неудаче ехать за море с аглинскими гостми от датцких розбойников с великим береженьем со всеми караблн, которые придут х Колмогорской пристани, сождавсь вместе, и не с одними с аглинскими, чтоб проехать от датцких людей приходу безстрашно. Да и аглинским гостем, и Ивану Белобороду, и иным купцом, которые х Колмогорской пристани

пристанут, велено Федору и подъячему Неудаче молыти государево жалованное слово, чтоб они над датцкими розбойники промышляли и себя б оберегали; а что аглинские гости и Иван Белобород откажут, и Федору и Неудаче то велено отписать к государю.

И в кой час государева грамота к Федору да к Неудаче пришла, и они тот же час аглинским гостем и Ивану Белобороду говорили, чтоб они с Федором и с Неудачею шли за море на всех караблех, сождався все вместе.

И Иван Белобород сказал, что пришло к нему пять караблей: „И яз де тем своим караблем аглинских караблей дожидатись велю и отпущу их с аглинскими карабли вместе; а шестой де карабль пришел из Голинские земли к доктору к Ивану к Илфу; и в тот де карабль докторовы Ивановы товары поклали, и хотят де на том карабле итти за море, не дожидаясь ево, Ивановных, караблей. И яз деи того карабля карабельщиком скажу то, что вы мне по государеве грамоте говорите; и поговорю им, чтоб они того карабля за море не отпускали, а дожидались бы аглинских караблей и шли, сождався со всеми карабли вместе; да что они мне откажут и яз де то вам скажу“. А аглинские гости сказали, что им про датцкие про воинские люди ведомо; и для де того к ним пришло с товары девять караблей больших и наряду на них много; да для де береженья королевна послала с теми товарными карабли два карабля воинские. „И мы де надеемся на бога, мочно нам и одними аглинскими карабли пройти и вас провести в Ангилею безстрашно; а Ивановы де Белоборода карабли аглин ким караблем не оборонь“.⁵

И на завтрее того дни июля в 28 день Федору да Неудаче Иван Белобород сказал, что он тем карабельщиком, которые пришли к Ивану к Илфу,⁶ государевым словом говорил, чтоб они дожидались аглинских да и его караблей и шли со всеми карабли вместе. И те де карабельщики ево не послушали и пошли за море. А которой карабль аглинцы отпустили в море наперед в июле в 23-м числе, а Федору и Неудаче сказали, что тот карабль, поискав аглинских караблей и проведав датцких воинских

людей, назад будет х Колмогорской пристани; и тот каравль навад х Колмогорской пристани по та места, как Федор и Неудача сели в каравль, не бывал.

И Федор и Неудача агличаном Ивану Романову с товарищи говорили: „Отпустили вы каравль наперед нас в ыюле в 23-м числе, а нам вы про него сказали, что послали на том каравле на море искати аглинских каравлей, которые забежали от датцких разбойников, да и про датцкие разбойники проведывати, а проведав про то про все, быти было тому каравлю навад х Колмогорской пристани. И тот каравль почему навад не бывал?“

И они Федору и Неудаче сказали: „Стоит де тот каравль и ныне на море на стороже от датцких разбойников, чтоб датцкие разбойники на нас безвестно не пришли; а как де мы до того каравля морем дойдем, и тот де каравль пойдет в Аглинскую землю с нами ж вместе и вы де ево и сами увидите“.

А сели в каравль Федор и Неудача у каравельщика, у агличенина у Рыцера Равсона, и пошли от Колмогорской пристани и с Корельсково устья за море с аглинскими гостми, с Иваном с Романовым с товарищи, и с Ивановыми Белоборода каравли вместе августа в 11 день; а всех каравлей пошло вместе от Корельсково устья аглинских десять каравлей, да Ивановых Белоборода пять каравлей. И шли полуденным ветром все каравли вместе два дни, а третей день встал ветр встречу с северу, и на море почала быть мгла и буря велика, и каравли многие портило и рознесло их врозь безвестно. А с Федором и с Неудачею осталось вместе всего три каравли аглинских да четвертой воинской каравль, на котором у них был голова Христофор Кярлель; и от того места шли те четыре каравли вместе датцкого короля до городка до Варгава⁷ девять ден; а с Колмогорской пристани шли до Варгава одиннадцать ден. И пришли под Варгав августа в 21 день, а по скаске каравельщиков от Колмогорской пристани до Варгава⁸... верст. И не приставая к берегу, каравли под Варгавом прошли мимо. А про городок про Варгав каравельщики сказывали, что городок камен, мал и худ; и люди в нем не живут, а живут люди немногие на посаде по ямам.

А от Варгава те четыре карабли шли с Федором и с Неудачею вместе блиско берега Датские земли 21 день; а прошед Датскую землю, шли блиско берега Шкотские земли три дни; а земля Шкотская была в праве. И прошед Шкотскую землю, пришли на рубеж к Аглинской земле в субботу сентября в 15 день; а на рубеже карабли, к берегу не приставая, прошли мимо; а карabelьщики сказывали, что на том рубеже стоит аглинской городок камен, а прозвище ему Барвык.⁸ А Федору и Неудаче того города с карабля было не видеть, потому что шли от берега далече. И всего шли от Варгава до рубежа Аглинские земли 24 дни; а от Колмогорской пристани шли до рубежа Аглинские земли пять недель; а по скаске карabelьщиков от Варгава до Аглинские земли 2350 верст, а от Колмогорской пристани до рубежа Аглинские земли 3100 верст; а до государства Аглинского до города до Лунды от Колмогорской пристани 3500 верст.

А в неделю сентября в 16 день пришли против аглинского городка Скарбара⁹ и тут встал ветер встречу и буря учла быть великая и карabelей к Лунде не пустило. И карabelьщики Федора и Неудачу отвезли с карабля в город Скарб; да с Федором и с Неудачею поехал в пристава место с воинсково карабля голова, дворянин королевнин Христофор Кярлель. И как Федор и Неудача под Скарбарм из судов вышли, и тут встретил их того городка урядник местер Пекот да с ним посадские лутчие люди; и, розспрося у толмача Елизара про Федора и про Неудачу, дали им двор, а к воеводе того городка послали с вестию.

И тот же час приехал того городка воевода Едвар Ган, и Федора и Неудачу учал розспрашивать: „Каким вы делом приехали, или в посланье?“

И Федор и Неудача ему говорили: „Приехали мы от государя своего, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, к вашей государыне, королевне Елизавети, о их государеве о великом деле посольством, а не с торгом; и ты нам вели дать корм и к городу к Лунде подводы“.

И он Федору и Неудаче сказал: „Подводы вам и корм готов“. Да тот же час велел дати корм. „А лошади под вас пришла утре“.

А город Скарбар камен, не велик; стоит у моря на берегу; а посад за городом не велик же: а в городе один воеводской двор.

И на завтрее того дни в понедельник сентября в 17 день, того города воевода Едвар Гян под Федора и под Неудачю, и под толмача и под люди прислал лошади свои и провожал сам до города до Хуля сорок верст. И приехали в Хуль-город¹⁰ того ж дни сентября в 17 день. А приехав, послали толмача Елизара того города к намеснику к Вакфилю и велели ему говорить, чтоб он велел послу подводы и корм дати. И он, распрося толмача Елизара, приказал к Федору и к Неудаче: „Корм де вам готов, а подвод де здесь мало, потому что город поморской; и яз де для подвод пошлю в уезд, а как подводы зберут, и яз их к вам пришла тот же час“. И в том городе Федор и Неудача за подводами жили два дни. А город Хуль камен и домов в нем много; а дома все камены; а стоит у губы морские.

И в четверг, сентября в 20 день, того города наместник Вакфиль прислал подводы и велел Федора и Неудачю проводить того города посадским людем тридцать верст до города до Ерка. И Федор и Неудача в город в Ерк¹¹ приехали того ж дни, сентября в 20 день. И в том городе живет удельной князь Езикской и как ему про Федора и про Неудачю сказали, и он велел дати двор и корм. А на завтрее того дни, в пятницу сентября в 21 день, тот удельной князь Езикской приехал к Федору и к Неудаче на подворье, да с ним того города лутчих немец дватцать человек; и учал Федора и Неудачю спрашивать: „Коим обычаем и для чего суды приезд ваш?“.

И Федор и Неудача говорили: „Посланы есмь от своего государя, царя и великого князя, х королевне Елизавети о их государевых о великих делех посольством; и ныне нам лучилась дорога через город Ерк, и ты вели нам дати к городу к Лунде подводы“.

И князь Езикской сказал: „Корм вам приказал яз вечер же давати, и подводы де велю ж збирати“.

И того дни подвод сполна не прислали, и Федор и Неудача того дни начевали в городе в Ерке же.

И на завтрее того дни, в субботу сентября в 22 день, привели подводы сполна, да и подорожную тот князь Езикской королевнину дворянину, что ехал с Федором и с Неудачею от Колмогор, Христофору Кярлею дал за королевниною печатью; а велел под Федора и под Неудачу подводы имати от города от Ерка и до Лунды. И Федор и Неудача, отъехав от города от Ерка тридцать пять верст, начевали в посадце в Донке.¹² А в неделю, сентября в 23 день, отъехав от того места сорок верст, начевали в городе в Мятингаме;¹³ а город Мятимгам камен не велик, а в городе дворов немного; а посад не велик же, а дома все камениые. А в понедельник сентября в 24 день, отъехав от того городка сорок верст, начевали в селе в Хабаре.¹⁴ А во вторник сентября в 25 день, отъехав от того места тридцать пять верст, начевали в селе в Станы Страндорфе.¹⁵ А в среду сентября в 26 день, отъехав от того села тридцать верст, начевали в королевнине селе в Сент-Албансе¹⁶ от Лунды за дватцать верст.

А в четверг сентября в 27 день приехали в село в Сент-Албанс к Федору и к Неудаче из Лунды навстречу агличане, гости которые с Федором и с Неудачею ехали з Руси, Иван Романов да Тамас Иванов; и сказали, что они на своих караблех в Лунду пришли здорово; „а на котором де карабле вы ехали, и тот де карабль ещо в Лунду не бывал“. А про королевну сказали, что ее в Лунде нет, выехала де из Лунды для морового поветрея и живет де ныне в городе Вынзоре,¹⁷ от Лунды за дватцать верст. „А нас де послали к вам на встречу королевнины советники; а велели де нам вас поставити до указу в селе в Татном Гей Красе,¹⁸ от Лунды за семь верст; да и корм де про вас готовлен в том же селе; а в Лунду де вас водити не велели для того, что в Лунде моровое поветрее. А до тех мест, покаместа королевна к вам пристава своего пришет, велено нам у вас быти в приставов место“.

И Федор и Неудача с темн с аглинскими гостями в село в Татно Гей Красно приехали того ж дни, сентября в 27 день.

А дворянин королевнин Христофор Кярлель, что ехал с воинского карабля с Федором и с Неудачею в пристава место, поехал из того села к королевне.

И на завтрее того дни, сентября в 28 день, учал Федор и Неудача агличан спрашивать про карабли, которые ходили на Русь, все ли те карабли в Лунду пришли здорово?

И агличане сказали: „Которые де карабли ходили на Русь, и те де карабли пришли здорово; а на котором де карабле ехали вы, и тот де карабль в Лунду еще не пришел; а весть де про него пришла же, что и тот карабль с моря в реку в Темис¹⁹ вошел здорово же и ждут его в Лунду сегодня“.

И Федор и Неудача толмачю Роману Бекману²⁰ говорили: „Отпустили агличане от Колмогорской пристани наперед нас карабль в мыле в 23-м числе, а нам про него сказали, что отпустили его на море на сторожу, чтоб дацкие люди безвестно не пришли; и мы того карабля едучи и до аглинские земли не видали; и ты проведай про тот карабль, сколь давно он в Лунду пришел — наперед ли нас или опосле?“.

И сентября в 29 день толмачь Роман Бекман Федору и Неудаче сказал: „Про тот де я карабль, что наперед вас отпустили агличане от Колмогорской пристани, проведаль: пришел де тот карабль в Ангилею за пять ден до вашего приезду“.

И Федор и Неудача про тот карабль и сами агличан спрашивали, которые умеют по-русски: „Сколь давно в Лунду пришел карабль с Руси наперед нас с вестью?“

И агличане сказали про тот карабль те же речи, что толмачь Роман Бекман сказывал: „Пришел де тот карабль с Руси за пять ден перед вашим приездом“.

А в понедельник октября в 1 день приехал от королевны дворянин Иван Апзь, и говорил Федору и Неудаче, сняв шляпу: „Сказали де про вас государыне нашей, королевне Елизавети, ее ближние люди, что вы пришли к ней от великаго государя в посланье. И она, слышав брата своего, а вашего государя, царя и великого князя, здоровье, рада, потому что государь ваш с нею живет в братцкой любви и в приязни и людей ее, которые

ездят на Русь, жалует. А вам де королевна велела поклониться и велела де вас спросити: здорово ли вы до Аглинские земли доехали? И как ехали Аглинскую землею, нужи какие и бещества вас от кого не было ли?"

И Федор и Неудача против королевнина слова говорили, сняв жешапки: „Государя своего, царя и великого князя, землею и морем до Аглинские земли доехали есмя, дал бог, здорово; и Аглинскую землею ехали есмя по ся места здорово же; и нужи нам, едучи Аглинскую землею, не было некоторые: подводы нам и корм в Аглинской земле давали. А на королевнине жалованье челом бьем, а тебе говорим: пришли есмя от государя своего к вашей государыне, к королевне Елизавети, о их государевых о великих делах, и ты то донеси до королевны или до ее советников, чтоб она велела нам у себя быти на посольстве, не замотчав“.

И он сказал: „Яз де до своей государыни, до королевны, те ваше речи донесу.“ А изговоря то Федору и Неудаче, поехал опять к королевне.

И на завтрее того дни, во вторник октября в 2 день, приехал к Федору и к Неудаче от королевны Христофор Кярлель, которой ехал с Федором и с Неудачею от Колмогор в головах на воинском карабле, и сказал: „Был де яз у королевны в городе Вынзоре, и про вас де королевне рассказал подлинно; и королевна де, слыша брата своего, а вашего государя царя и великого князя, здоровье, и его братцкой любви и приязни рада; и приказала вас своим советником покоити всем довольно. А быти де вам вскоре у королевны нельзе, потому что де в Лунде моровое поветрее, и она де для морового поветрея из Лунды выехала, а ближних своих людей розпустила по своим именьям“.

Да Христофор же Федору и Неудаче сказал: ²¹„Прислал де король литовской к королевне конца своего з грамотами; а пишет де к королевне, чтобы ей быти с ним в братстве и в соединенье и просит у королевны на войну людей; а того де не ведаю с кем у него война будет. И тот де гонец назад ещо не отпущон, и отказу ему королевна не учинила никоторого“. А сказав то, Христофор поехал в город в Лунду.

И Федор и Неудача толмачом Елизару да Роману Бекману говорили, чтоб они про тово литовсково гонца проведали: хто имянем и для чего у литовского короля с королевною ссылака?

И толмач Елизар Федору и Неудаче сказал те же речи, что Христофор Кярлель сказывал: „Пишет де король литовской х королевне, чтоб ему с королевною быти в братстве и просит у королевны людей на войну; а того де не ведомо с кем у короля война будет“.

А другой толмач, Роман Бекман, Федору и Неудаче сказал: „Про литовсково де гонца, для чего он х королевне прислан, проведывал и сказывают де, что писал король литовской х королевне о торговом деле, что ездили аглинские гости торговати во Гданеск и ныне де король хочет учинить торг всяким иноземцом в Прусех в городе в Мемеле; и королевна б велела своим гостем ездити торговати в Прусы в город в Мемель, а во Гданеск бы ездити не велела“.²¹

И после того в четверг октября в 4 день пришел к Федору и к Неудаче толмач Елизар и сказывал: „Велели де мне королевнины советники быти к себе в Лунду, а того де не ведаю для чего“.

И Федор и Неудача в Лунду х королевниным советником ехати ему велели и ево, Елизара, назад не было три дни.

А в неделю октября в 7 день приехав, толмач Елизар Федору и Неудаче сказал: „Был де яз в Лунде у королевниных советников и они де меня спрашивали: есть ли со мною х королевне от дохтора от Романа²² какое писмо? И яз де им сказал: есть со мною х королевне от дохтора от Романа грамота, да велено мне та грамота отдать королевне, а вам ее давати не велено. И королевнины де советники отослали меня х королевне в город Вынзор; и яз де королевнины очи видел и грамоту дохторову королевне отдал; и королевна де, взяв у меня грамоту, молыла мне: послом де у меня вскоре быти нельзе, для того что в Лунде моровое поветрее; и яз де живу здесь только с своими з дворовыми людьми, а ближних де своих людей и советников всех рпустила

по своим именьям. И изговоря то, королевна велела меня к вам отпустить“.

И в субботу октября в 13 день приехал к Федору и к Неудаче от королевны служивой немчин Христофор Хучдон²³ и говорил Федору и Неудаче от королевны, сняв шляпу: „Государыня наша Елизавет-королевна велела мне вас спросити: нет ли вам какие нужи и корм наш до вас доходит ли? Да и о том де велела вам говорить, чтобы вы не кручинились о том, что она вам у себя на посольстве быть долго не велит; затем вам у нее на посольстве быть вскоре нельзя, что в Лунде моровое поветрее и она живет в городе Вынзоре с своими в дворовыми не со многими людьми, а ближних всех своих людей и советников распустила по своим именьям, а держати де у себя многих людей для поветрея не смеет. А ныне де вас королевна приказала перевести в село в Улючь²⁴ и велела вас дати двор стояти лутче и пространнее тово двора, на коем вы ныне стоите и пристава де своего к вам пришлет часа сего“.

И Федор и Неудача на королевнине жалованье челом били, а ему говорили: „Нужи нам никакие по ся места королевниным жалованьем не бывало; и корм нам, ее жалованье, дают. А стоять нам, где ни велит королевна, тут нам ровно. Ныне нам то и большая нужда, что пришли есмя от своего государя, царя и великого князя, к вашей государыне, х королевне Елисавети, о их государевых о великих делах и живем в Аглинской земле больши трех недель, а королевниных очей не видали и посольства от своего государя к ней не исправили“.

Христофор Хучдон сказал: „Яз де те ваши речи до королевны донесу“.

И после того, октября в 18 день, приехали к Федору и к Неудаче аглинские гости, от которых на Москве торгуют: алдраман Барн, да алдраман Мартын, да алдраман Тоорсен, да алдраман Полисен,²⁵ да с ними торговых людей, от которых на Руси же торгуют, человек с тридцать, и говорили Федору и Неудаче от королевны: „Велела де нам вас государыня наша, королевна, с сего места перевести в ьное место, в село Вулучь и двор вам

велела дати лутче и пространнее того двора, на котором вы ныне стояли; и покоити вас приказада нам всем довольно“.

И Федор и Неудача им говорили: „Присланы мы от своего государя, царя и великого князя, к вашей государыне, х королеве Елисавети, о их государевых о великих делах; и мы жадаем того, чтоб королевна велела нам быть у себя на посольстве, не задержав нас. А двор нам стоять где ни велит дать, в том ее воля, по ее жалованью везде нам ровно“.

А аглинские гости говорили: „Иного де с нами приказу от королевны нет никоторово; только с нами и приказу от королевны, что вас велено перевести и поставить в селе Вулюче, и корм вам велено давать доволен“.

А изговоря то, Федора и Неудачю перевели в село Вулюч, от Лунды за восемь верст.

И в среду, октября в 24 день, приехали к Федору и к Неудаче от королевны дворянин ее, которой был у государя на Москве от королевны в посольстве Томос Рандолф,²⁸ да служивой немчин Христофор Хучдон, да с ними королевниных детей боярских четыре человеки. И говорил от королевны Федору и Неудаче Томос Рандолф, сняв шляпу: „Государыня де наша, королевна Елисаветь, велела вам поклонитца, да велела вас спросити: нет ли вам какие нужи, и корм вам доволен ли доходит?“.

И Федор и Неудача на королевнине на жаловальном слове челом били, и говорили против королевнина слова, сняв же шапки: „Королевниным жалованьем нам нужи нет никакие и корм нам дают; а тебе говорим, чтоб ты наши речи донес до королевны: чтоб нам королевна велела у себя быти на посольстве; пришли есмя от своего государя к ней о их государевых о великих делах“.

И он Федору и Неудаче сказал: „Яз де те ваши речи до королевны донесу“.

Да Томос же Рандолф в те поры Федору и Неудаче в розговоре говорил: „Был де яз послан от своей государыни, от королевны Елизавети, к вашему государю, к царю и великому князю, в посольстве и государя де вашего жалованье было к нему

великое; и яз де, поминая его государево к себе великое жалование, рад ему, государю, служить, где будет возможно, всем сердцем и до своего живота“.

И после того в неделю, октября в 28 день, приехали к Федору и к Неудаче из Лунды аглинской гость, которой был на Москве, Иван Романов и сказал Федору и Неудаче: „Был де приказ от королевны ее ближним людям в Лунде: в кой час поветрее учнет миноватись и вам бы у нее тотчас быть на посольстве; и грехом ~~де~~ нашим поветрее в Лунде еще не унялось и вам де у нее вборзе нельзе быть на посольстве“.

И Федор и Неудача ему говорили: „Сказываете вы нам, что королевна не велит нам у себя быть долго на посольстве за поветреем; и мы слышали, как пришли есмя в Аглинскую землю и в те поры приехал к королевне от литовского короля гонец, и стоял тот гонец в городе Лунде на посаде, а из Лунды был у королевны, да и назад в Литву тот гонец давно отпущен; а в Лунде сказываете поветрее; а мы, приехав, живем недель с пять и не в поветренных местах, а королевна нам на посольстве у себя быть не велит, и в том ее воля“.

И Иван Романов сказал: „Литовской де гонец был у королевны для того, что он человек лехкой, прислан з грамотами, потому ему и отпуск вборзе учинен; а вы де послы, и вам де у королевны быти на посольстве без ее советников и без ближних безо всех людей нельзе“.

И после того во вторник, октября в 30 день, приехал к Федору и к Неудаче тот же аглинской гость Иван Романов и сказал Федору и Неудаче: „Писали де по королевнину слову советники ее в Лунду к алдраманом, а велели вам сказать, что вам быти у нее на посольстве в городе Вынзоре на сей же неделе в воскресенье ноября в 4 день, а ехати де вам, отселе к королевне в пятницу“.

И в четверг, ноября в 1 день, приехал от королевны к Федору и к Неудаче аглинской большой гость алдраман Барн и сказал Федору и Неудаче: „Государыня де наша, королевна Елизаветь, едела вам у себя быть на посольстве в городе Вынзоре

в воскресенье ноября в 4 день; а мне де у вас велела быти в приставах; а ехати де вам к ней в город Вынзор завтра; а суды де под вас, в чем вам к ней ехати, хочет королевна прислати свои, в которых сама ездит, да и гребцов пришлет своих же; а за восемь де верст до города до Вынзора пришлет вас встречать своих ближних людей“.

И Федор и Неудача молили: „Мы де х королевские ехати готовы“.

И в пятницу, ноября в 2 день, прислала королевна к Федору и к Неудаче аглинских гостей, от которых торгуют на Москве, алдрамана Полисня, да алдрамана Мартына, да алдрамана Алетя с товарищи, всего дватцать человек; да с ними прислала суды и гребцы свои; а велела ехати Федору и Неудаче к себе в город Вынзор. И Федор и Неудача х королевне поехали: а с ними поехали пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости, которые приехали от королевны.²⁷ И ехали рекою Земисью подле города Лунду в сквозе посад; и проехав Лунду, начевали в селе в Кинксоне, от Лунды дватцать верст. А в субботу, ноября в 3 день, отъехав от того села дватцать верст, начевали в селе в Стеансе, от города от Вынзора за восемь верст.²⁷

А в неделю ноября в 4 день приехали к Федору и к Неудаче на встречу от королевны ее ближние люди: князь сар Гари Невель²⁸ да Томас Рандолф, что был у государя на Москве в посольстве; да с ними дворян королевниных три человека: Индрик Порт, да Рычарь Ален, да Борлосвир. А приехав, говорили от королевны Федору и Неудаче князь сар Гари Невель да Томас Рандолф, сняв шляпы: „Государыня наша королевна Елизаветь, любячи брата своего, царя и великого князи, вас чтит: послала нас к вам навстречу и велела нам с вами ехати к себе в город Вынзор; а быти вам у нее на посольстве сево дни после стола; а ехати де нам с вами до Инзора в судех, а как в город Вынзор приедем и королевна под вас пришлет колымаги свои“.

И Федор и Неудача на королевнине на жаловальном слове челом били и пошли с ними в суды. И шли до судов; князь сар Гари Невель шел и Томас Рандолф у Федора и у Неудачи

с левые стороны. А седчи в суды, приехали в город Вынзор к посадку часу в сегом дни; и как из судов вышли на берег и туто была встреча: королевнин конюшей Рофлянт²⁹ да с ним служивых немец дватцать человек. И шедчись с Федором и с Неудачею, Рофлянт витался за руки; а после того говорил от королевны, сняв шляпу: „Государыня де наша, королевна Елизаветь, для брата своего, а вашего государя царя и великого князя, любви вас жалует: прислала меня к вам на встречу, а со мною прислала под вас колымагу свою, в которой она сама ездит, да под толмачи и под люди под ваши шесть колымаг; а велела мне с вами ехать до себя“.

И Федор и Неудача на королевнине жалованье челом били и, седчи в колымаги, с ними х королевне поехали. И приехав в город, Федор и Неудача вышли из колымаги у королевнина двора и туто встреча была: королевнины ближние люди, князь викунт Мунтику,³⁰ да князь Норис,³¹ да с ними дворян королевнинных пятнадцать человек. И шедчись с Федором и с Неудачею, князь викунт Мунтику да князь Норис витались за руки; а витался, пошли с Федором и с Неудачею х королевне на двор; а шли они оба у Федора и Неудачи с левые стороны; а первая встреча князь сар Гари Невель да Томос Рандолф, и другая встреча королевнин конюшей и дворяне королевнины, которые приезжали навстречу с колымагами, шли наперед; а пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости, которые ехали х королевне с Федором и с Неудачею, шли назади у Федора и у Неудачи; а за гостми шли Федоровы и Неудачины люди. А пришед на двор ввели Федора и Неудачю в полату и велели посидети подождать от королевны присылки.

И в тот же час пришли к Федору и к Неудаче от королевны ее ближние советники: удельные князи — князь адмирал ер Линконской, да князь ерль Бедфорский, да князь Хундоць, да с ними королевнин думной дьяк Францыс Валсимгам,³² да дворян королевнинных десять человек. А пришедчи, Федору и Неудаче говорили: „Государыня де наша, королевна Елизаветь, прислала нас к вам: а велела вам молыти, чтоб вы о том не досадовали,

что вам велела здесь подождать; уже вам велит у себя быть“.

А изговоря, пошли к королевне, а с Федором и с Неудачею остались в полате князь викунт Мунтику да Норис, что встречали Федора и Неудачю у королевниина двора; да конюшей королевниин Рофлянт, да князь сар Гари Невель, да Томос Рандолф, да дворяне королевниины, которые были на встречах, да пристав алдраман Барн и гости аглинские, от которых торгуют на Руси.

И немного погода, велела королева Федору и Неудаче итти к себе; и Федор и Неудача пошли к королевне. А наперед шла встреча первая, что встречали в селе в Стеансе, да другая встреча, что встречали с колымагами; а с Федором и с Неудачею шла последняя встреча, что встреча у королевниина двора; а шла та последняя встреча у Федора и у Неудачи по левой стороне; а назади шли гости аглинские, а за гостми шли люди посольские.

И как Федор и Неудача вошли к королевне в полату, и встреча им была у дверей—королевниины ближние советники князи уделные, князь Робор Лестерской, да князь Унтюнтенской;³³ и шедчись с Федором и с Неудачею, витались за руки; а витався за руки, шла та встреча к королевне у Федора и Неудачи по левой же стороне. А середь полаты была встреча: королевнины же ближние советники—князь лорд Георд, да Христофор Хатен.³⁴

И пришедчи перед королевну, Федор учал правити от государя королевне поклон, королева против государева имени и поклону встала и, отшед от места с сажень, велела Федору и Неудаче к себе блиско подойти; и Федор и Неудача подступили к ней блиско и правил Федор королевне поклон по цареву и великого князя наказу. И королева Федора звала к руке; и Федор у королевны был у руки, являл ей от государя поминки, и королева государевы поминки принимала сама и отдавала своему казначею трезерю,³⁵ и на поминках государю челом била. И после того Федор подал от государя королевне верящую грамоту; и королева, приняв грамоту, посмoтpя ее печати, отдала диаку своему Францыс Валсимгаму, а Федору мошлыла: „Яз де рузской грамоте

не умею: будет у вас есть с тое грамоты список переведен на аглинской язык, и вы дайте мне список“.

И Федор взял у толмача у Елизара с верующие грамоты переводной список, подал королевне.

А после того Федор и Неудача явили королевне от себя поминков: Федор сорок соболей, да пару соболей, а Неудача сорок соболей, да толмачь Роман Бекман пару соболей. И королевна у Федора и у Неудачи и у толмача, у Романа, поминки приняла своими же руками и отдала своему казначею. И Федор говорил речь по цареву и великого князя наказу; а после Федора говорил речь Неудача; а после того говорил речь Федор же.

И королевна учла быть весела и говорила Федору и Неудаче: „Яз де брата своего, а вашего государя царя и великого князя, братцкой любви и приязни рада; и желаю того, чтобы мне велел бог самого брата своего, а вашего государя, в очи видети“.

И Федор и Неудача говорили: „У государя нашего, у царя и великого князя, со многими цари и короли ссылака, а ни х кому у государя у нашего такие любви нет, как с тобою имеет братство и любовь: имеет тебя себе сestroю любительною, а любит не словом, всею душою в правду, и хочет с тобою быть в братцкой любви и в докончанье“.

И королевна говорила: „Яз де брату своему, а вашему государю на его любви челом бью и в братцкой любви и в докончанье быти, и на всех недругов с ним стояти за один рада. Да хто будет государю вашему недруг, тот будет и мне недруг“.

Да королевна же учала Федора спрашивати про здоровье государевых детей, про царевичев.

И Федор говорил: „Государя нашего сын, царевичь князь Федор, дал бог здорово. А большова сына у государя нашего, царевича князя Ивана, божия воля ссталася, не стало“.³⁶

И королевна говорила: „Чтоб яз слышала про здоровье царевичево князь Иваново, и яз бы здравью его рада была; да в том божья воля, по та места судил бог ему жити. И яз де ныне слыша про брата своего, а вашего государя, здоровье и про сына его, про царевича князь Федорово радуюся“.

Да королевна жь Федора и Неудачи спрашивала: „Земля де ваша Руская и государство Московское по старому ли? И нет ли в вашем государстве в людех какие шатости?“

И Федор и Неудача говорили: „Земля наша и государство Московское, дал бог, по-старому; а люди у государя нашего в его государеве твердой руке; а в которых людех и была шатость, и те люди, вины свои узнав, государю били челом³⁷ и просили у государя милости, и государь им свою милость показал. И ныне все люди государю служат прямо, а государь их жалует“.

И королевна говорила: „Мне де то, по брата своего любви, за честь, что, дал бог, в его земле шатости нет, и служат ему прямо, а он их жалует“.

Да королевна же Федора и Неудачи спрашивала про свою про Аглинскую землю: „Ехали де есте нашею Аглинскою землею от города от Скарбара до Лунды, и вы видели какова Аглинская земля, и вам, едучи, нужи какие не было ли?“

И Федор и Неудача говорили: „Земля Аглинская людна добре и ужожа, и изобильна всем; и нам в твоей земле по ся места твоим жалованьем нужи не было нѣкоторые“.

А изговоря то, Федор подал королевне от государя государеву грамоту, которая грамота от государя к Федору и к Неудаче прислана на Колмогоры.

А подав грамоту, Федор королевне говорил: „Тое грамоту государь наш прислал к нам на Колмогоры, а велел нам ее отдати тебе, сестре своей Елизавет-королевне“.

И королевна, приняв грамоту, говорила: „Посольство де яз ваше выслушала и грамоту верущую вычла; а договору де подлинново о том деле, для чего вы ко мне присланы, севодни советником моим с вами чинити неколи: велю де вам у себя быти опять и в те поры прикажу с вами своим советником договор учинити о всем подлинно, или пришлю к вам советников своих о том деле говорить; а ныне вы поедьте к себе; а о том де не подосадуите, что яз вам долго у себя быти на посольстве не велела, для того, что в Лунде поветрее и яз здесь жила не со многими людьми, а ближние мои люди и советники были все розпущены по своим именьям“.

И Федор и Неудача, королевне удара челом, пошли от королевны ис полаты; и провожали их до дверей в полоте те же королевнины советники, которые у королевны в полоте Федора и Неудачю встречали; а как Федор и Неудача ис полаты от королевны вышли, и королевнин дворецкой сор Джемис Кравской учал Федора и Неудачю подбивати овощи и понесли питье.

И Федор и Неудача, прикушав овощей и питья, пошли в колымаги; а провожали их до колымаг те же королевнины ближние люди, которые Федора и Неудачю встречали у колымаг: князь викунт Мунтикую, да князь Норис, да дворяне королевнины, которые с ними были на встрече. А в колымагах до судов провожали королевнин конюшей, которой приезжал на встречу с колымагами, да первая встреча, что встречали в селе в Стеансе князь сар Гари Невель да Томос Рандолф, да дворяне королевнины, которые с ними были на встрече. А проводив до судов, Федору и Неудаче говорили: „Государыня де наша, королева Елизаветь, велела нам вас проводить до судов; а в судах велела де вас провожати до вашего стану, где вам дан двор, до села до Улюча аглинским гостем, которые с вами х королевне ехали; а в приставех де велела у вас быть аглинскому лутчему гостю алдраману Барну“. А изговоря то, поехали х королевне.

И Федор и Неудача с аглинскими гостями, седчи в суды, поехали к себе к стану и, отъехав от города Вынаора восемь верст, начевали в селе Стеансе. А в понедельник, ноября в 5 день, ис села ис Стеанся поехали к себе на стан в село Вулючь и, не доезжая Лунды за четыре версты, а от своего стану от села от Улюча за 12 верст, начевали в селе в Арчме.³⁸

А во вторник, ноября в 6 день, Федор и Неудача поехали к себе на стан в село Вулечь; и как ехали в сквозь Лунду, и в те поры почали стрелять ис пушок; а пристав алдраман Барн Федору и Неудаче говорил: „То де государыня наша, королева, любя брата своего, а вашего государя, вас жалует, велела вам учинить почесть, как вы поедете в сквозь Лунду и она в те поры приказала стреляти из наряду“.

И Федор и Неудача говорили: „Волен бог да королевна, как ей годно, так и чинит“.

А проводив гости Федора и Неудачю до стану до села до Улеча, поехали в город в Лунду. А у Федора и у Неудачи остался в приставех лутчей аглинской гость алдраман Барн.

А как Федор и Неудача у королевны на посольстве были и в те поры у королевны стояли по правой руке, а в полату идучи на леве, ³⁹ королевнины ближние советники: князь Робор Лестерской, да князь адмирал Линконской, да князь Бедфорской, да князь Хундоць, да князь лорд Георд, да князь Унтюнтенской, да Христофор Хатен, князь из Варвик, да князь из Нортумъбардянд, да князь из Ворнълянд, да князь ис Кент,⁶ да князь из Вилтон, да казначей лорд трезер, да лорд Рыч, лорд Чени, лорд Норт, Францыс Кнолцемис Крозтез, да дьяк Францыс Валсимгам,³⁹ а по левой руке у королевны, а в полат у идучи по правой стороне, стояли боярыни и девицы. А на дворе от ворот до полаты королевнины, по обе стороны, как Федор и Неудача шли, стояли с оружием человек с чetyреста и больши, а на всех платье шарлатно, а на иных скорлатно.

И ноября в 25 день приехали к Федору и к Неудаче из Лунды гости: пристав алдраман Барн, да алдраман Аучбарн, да Христофор Хучдон, да Иван Романов с товарищи, всего пятнатцать человек, и говорили Федору и Неудаче: „Государыня де наша, королевна Елизаветь, любячи своего брата, а вашего государя, царя и велкого князя, вас жалует: прислала нас к вам, а велела нам с вами ехать гуляти в свои заповедные острова олених бити, да и охотников де и псарей своих в то село для вас велела послати“.

И Федор и Неудача говорили: „На королевнине жалованье много челом бьем, а гуляти нас ныне ездити не пригодитца, потому присланы есмь от своего государя х королевне о их государевых о великих делах, и мы у королевны на посольстве были, а делу государеву, для чего мы присланы, по ся места и почин не бывал. А се ныне у нас говенье: мяса мы не едим и нам оленина к чему пригодитца?“.

И пристав алдраман Барн говорил: „Королевна вас жалует, любячи брата своего, а вашего государя, и хотя с ним доброго дела; а то де и мы ведаем, что у вас ныне говейно: вы мяса не едите, ино де мы мясо едим; а не поехали де вам с нами ныне, и королевне будет на вас досадно“.

И Федор и Неудача с ними гуляти ездили; и которые олени побили, и те олени гости по себе розняли.

И декабря в 17 день приехали к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и сказал: „Говорили де есте государыне нашей, королевне Елизавети, на посольстве, чтоб она советником своим с вами приказала о том деле, для чего вы к ней присланы, договор чинити. И государыня наша, королевна, приказала своим ближним советником удельным князем — князю Робору Лестерскому, да князю Унчдону, да Христофору Хатеню, да дьяку своему Францис Валсимгаму — с вами о том деле, для чего вы к королевне присланы, говорити. А съехатца де вам с ними завтра на королевнине дворе в селе в Греновичах“.⁴⁰

И Федор и Неудача алдрамана Барна спросили: „Сколь далече от тово села, где мы ныне стоим, до села Греновичь, и как нам до того села ехать — на конех ли или водяным путем?“

И алдраман Барн сказал: „До села де до Греновичь версты з две, а ехати вам в судех, а суды велю приготовить к утрею“.

И Федор и Неудача говорили: „Мы с советники съехатись, где нам велит королевна, и говорити о государеве деле, для чего мы присланы, готовы“.

И на завтрее того дни, во вторник, к Федору и к Неудаче приехали из Лунды гости, от которых торгуют на Руси, алдраман Мартын, да Скомер Смит, да Иван Романов с товарищи, всего их десять человек, и сказали: „Государыня де наша, королевна Елизаветь, велела вам съехатись с своими советники в селе Греновичи, а нам велела ехать с вами же“. И Федор и Неудача с приставом алдраманом Барном и с теми гостми, что приехали из Лунды, сетчи в суды, к советником в село Греновичи поехали.

И как в село в Греновичи под королевнин двор приехали и вышли из судов, и тут у судов Федора и Неудачю встретил ко-

ролевнин советник Христофор Хатен, а за ним пришло немец человек с шездесят; и встретясь Христофор с Федором и с Неудачею, витался за руки; а витався за руки, пошли на королевнин двор; а шол он у Федора и у Неудачи с левые стороны; а гости аглинские, которые с Федором и с Неудачею приехали, шли назади. И как пришли к королевнину двору, и перед ворота встречали Федора и Неудачю королевнины советники: князь Робор Лестерской, да князь Унчъдон, да дьяк Франдис Валсимгам; а сшедшись с Федором и с Неудачею, витались за руки, а витався за руки, пошли на королевнин двор; а шли у Федора и у Неудачи с левые стороны.

И как вошли в полату, и учили они Федору и Неудаче говорить: „Говорили де есте государыне нашей, Елизавет-королевне, на посольстве, чтоб она своим советником велела с вами о том деле, для чего вы к ней присланы, договор чинить. И государыня наша, королевна, велела нам вас спросити: что ваше посольство и о какове деле? Чтоб вы то дело объявили“.

И Федор и Неудача говорили: „Присланы есмя от своего государя, царя и великого князя, к вашей государыне, к королевне Елизавети, о их государевых о великих делех; и нам с вами о такове о великом деле при многих людех говорить нельзя; и вы тех людей, кому с нами о том деле говорить не приказано, велите выслати вон“.

И королевнины советники людей всех ис полаты выслали вон. А стали с Федором и с Неудачею о том деле говорить всего их королевниных советников четыре человека: князь Робор Лестерской, да князь Унчъдон, да Христофор Хатен, да дьяк Франдис Валсимгам.

И Федор и Неудача говорили: „Государь наш, царь и великий князь, прислал нас к сестре своей, а к вашей государыне, королевне Елизавети, для того: ⁴¹ из давних лет была государю нашему ссылка с вашим государем, съ Едвардом королем, и после того с Филипом королем и с королевою Марьею; и посланник у них был государя нашего Непея Григорьев; а после того с королевною Елизаветью многие ссылки государю нашему бывали, а дела доброго не совершалось; ⁴¹ и государь наш, хотя с вашею королев-

ною с Елизаветью братские любви и приязни, нас, послов своих, послал к ней о том известить: на какове мере с нею быти в докончанье, и на всякого недруга стояти с нею, и быти за один; и в какове мере сестре его, Елизавети-королевне, быти в докончанье возможно, и на всякого недруга стоять за один, и которым обычаем? О том велел сестры своей королевны Елизавети, да и вас, ее советников спросити“.

И королевнины советники Федора и Неудачи вспросили: „В какове же государь ваш докончанье с нашею государынею, с королевною Елизаветью, быть хочет и как на всех недругов за один стояти?“.

И Федор и Неудача говорили: ⁴² „Государь наш, царь и великий князь, хочет с своею сестрою, с королевною Елизаветью, а с вашею государынею в докончанье и в соединенье быти потому, что учинился государю нашему недруг Стефан, король польский и литовской, а спомогают ему папа и цысарь и иные короли. А королевнины Елизавети люди ото многих лет живут в государя нашего земле, и государь наш их жалует по тому же, как и своих людей. И государь наш того хочет от своей сестры, от королевны Елизавети, а от вашей государыни, хто будет государю нашему друг, тот бы и королевне Елизавети друг, а хто государю нашему недруг, тот бы и королевне Елизавети недруг; а хто королевне Елизавети друг, тот бы и государю нашему был друг, а хто королевне Елизавети недруг, тот бы и государю нашему недруг, и на всех бы недругов стоять за один, и где возможно туто способствовати другу друга людьми; а где невозможно людьми, иною казною способствовати другу друга, да и вогненой наряд: пушки, и пищаля, и доспехи, и всякой разной наряд; то б королевна Елизаветь велела к государю нашему пропускати и привозити; и серу, и нефть, и медь, и олово, и свинец, и всякое оружие, что к ратному делу пригожаецца; да и мастеров бы велела пропускати всяких, и ратных и рукодельных людей. А государь наш по тому же всякие товары из своего государства в Ангилейскую землю пропускати велит без вывету. И как королевне з государем нашим на Литовского и на его советников

стояти и в чом возможно быть и в чем невозможно, и о том бы о всем королевна Елизаветь вам, своим советником, с нами приказала договор чинити; и договора о всех о тех делах и каким докончальным грамотам межь государя нашего и королевны быть, и таковы списки, приговоря, напишем; и о том о всем приговоря, и с тем со всем делом нас бы отпустила королевна к государю нашему, а с нами послала вместе к государю нашему своих послов с тем приговором. И будет государю нашему то дело полюбитца, и государь наш по тому велит и докончальную грамоту написать и печать свою золотую велит привесити; и на той грамоте королевне правду учинить; и х королевне пошлет своих послов с ее послы вместе то дело довершити; и на той грамоте докончальной королевна по тому же правду учинит; и будет с нею государь наш в дружбе и в докончанье за один, и быти б государству Московскому с Ангилейским государством споможеньем всяким против всех своих недрузей общим заодно^{.42}.

И советники говорили: „Речи мы ваши выслушали, а договору нам о такове о великом деле с вами без королевнина ведома чинити нельзя; и вы нам дайте тем своим речем письмо, и мы то письмо донесем до королевны; а без письма нам тех ваших речей доности до королевны не испомнити; и на какове мере королевна о том деле прикажет с вами договор чинить, и мы тому всему письмо же к вам пришем тот же час“.

И Федор и Неудача им говорили: „Будет вам тем нашим речем письмо надобно, и нам за то стоять не за что: мы к вам тем своим речем письмо пришем; а что вам о том деле королевна скажет, и вы б то нам вестно же учинили“.

И изговоря то, Федор и Неудача хотели ехати к себе на стан, и советники королевнины учили Федора и Неудачю унимати, чтоб они с ними вместе сели; и Федор и Неудача от них отпрашивались, чтоб они их отпустили к себе на стан. И советники говорили: „До стану де вам до своего ехати, не едчи, долго; а приехав де вам к себе на стан, ести королевнино же; а здесь де про вас ести готовлено по королевнину же приказу; и вы б ехали к себе едчи“.

И Федор и Неудача с ними сели; а сидели Федор и Неудача в большом столе, а советники королевнины и пристав алдраман Барн и гости аглинские ели в кривом столе; а ели не за одним столом, потому что Федор и Неудача ели постную еству, а они ели мясную еству. А сидячи за столом, королевнины советники пили чашу до Федора да до Неудачи про государево, царя и великого князя, здоровье, и Федор и Неудача, про государево здоровье выпив чашу, да пили чашу до советников про королевнино здоровье.

А в розговоре королевнины советники Федору и Неудаче говорили: ⁴³ „Здесь де нам слух дошел, что папа римской похваляетца тем, будто он государя вашего с литовским королем помирил?“.

И Федор и Неудача говорили: „Воля папе что хочет, то говорить за очи; а коли б он государя нашего с королем помирил, и государь бы наш литовского короля себе недругом не называл и к сестре своей, а к вашей государыне х королевне Елизавети, недругом себе не писал“.⁴³

А после стола королевнины советники Федора и Неудачю взяли с собою и пошли казати королевниных хором. И как вошли в оружейную полату, и королевнин советник Христофор Хатен подарил Федора самопалом коротким да кордом; а Неудачю самопалом же коротким; а говорил: „Та де королевнина оружейная казна у меня в приказе, и яз де тем оружием и дарю“. И Федор и Неудача то у него приняли, и к нему против того свои поминки, у кого чтолучилось, посылали.

И как Федор и Неудача пошли с королевнина двора к судом, и те все королевнины советники Федора и Неудачю провожали до судов; а в судех до стану провожали пристав алдраман Барн да гости аглинские те же, которые от стану с Федором и с Неудачю ехали к советником.

И на завтрее того дни декабря в 19 день Федор и Неудача написав речи свои, что говорили советником, послали к ним с толмачом, с Елизаром, и приказали ему, отдав речи советником, говорить, чтоб они те речи донесли до королевны, и что коро-

левна откажет, и они б тому письмо же прислали к Федору и к Неудаче с ним же, с Елизаром.

И декабря в 20 день толмачь Елизар, приехав от советников, Федору и Неудаче сказал: „То де яз письмо, что вы со мною послали, советником отдал; и они де, взяв то письмо, мне велели ехать назад к вам; а говорили мне: «Мы де те речи донесем до королевны, и что королевна скажет и мы тем речем письмо к послу пришлем»“.

И тех речей советники к Федору и к Неудаче от тех мест генваря по 13 день не присылавали.

И Федор и Неудача говорили приставу алдраману Барну: „Говорили есмя с королевниными советниками о государских делах; и королевнины советники, выслушав наши речи, просили у нас тем нашим речем письма и хотели те наши речи до королевны донести, и что королевна приговорит, и они тому хотели к нам прислать письмо же часа того. И мы свои речи, что с советники говорили, написав отослали к ним на завтрее же того дни, как мы с ними говорили; а советники и по ся места нам тому, что королевнин приговор, письма не присылавали и того нам неведомо: донесли ли они наши речи до королевны или не донесли?“.

И пристав алдраман Барн говорил: „Яз де о том х королевниным советником доеду, и те ваши речи до них донесу; и что советники откажут, и яз вам то известно учиню тот же час“.

И генваря в 16 день приехал к Федору и к Неудаче от королевниных советников пристав алдраман Барн и сказал: „Был де яз у королевниных советников, и ваши речи, что вы мне говорили, до них донес; и советники де мне сказали, что они ваши речи до королевны донесли, и королевна де ваши речи слушала и приговорила, что вам у ней самой быть, а велит вам у себя быть вборзе“.

Да алдраман же Барн в розговоре Федору и Неудаче сказывал: „Государыня де наша, королевна Елизаветь, писала г Датцкому королю,⁴⁴ чтоб аглинские карабли, которые ходят торговати на Русь, велел пропускати мимо Датцкую земле без зацепок;

и король де датцкой к нашей государыне, х королевне, писал, что посылал он воинские карабли, а не велел пропускати на Русь шпанских да барабанских и иных земель караблей, а до аглинских караблей ему и дела нет; а ныне де прислал х королевне другую грамоту, а пишет, чтоб королевна агличаном на Русь в Усть-Колу и х Колмогорской пристани торговати ездити не велела; а будет де агличане учнут ездити в Усть-Колу и х Колмогорской пристани торговать, и мне де послати воинских людей и велети их побивати“.

И Федор и Неудача говорили: „То всчинает датцкой король безделье, поруша прежних королей и свое dokonчанье и крестное целованье, не хотячи видеть государя нашего с королевною в братцкой любви и в соединенье; и о том государь наш х королевне писал: будет датцкой король аглинских гостей на Русь не похочет пропускати, и королевна бы приказала гостем своим в Усть-Колу и х Колмогорам ездити с великим береженьем от датцких людей; а в Усть-Коле и у Колмогорские пристани государь наш по тому же велит береженье великое учинити, чтобы аглинским гостем к тем пристанем приходити было бы безстрашно.

И на завтрее того дня генваря в 16 день приехал к Федору и к Неудаче из Лунды тот же пристав алдраман Барн и сказал: „Пришла де ко мне от королевны севодни грамота, а велено вам сказати, что вам быть у королевны на сей неделе в воскресенье; генваря в 20 день, после стола; и о всем вашем деле прикажет с вами своим советником договор чинити; да велели де мне сказать вам советники, чтобы вы ехали х королевне не нарядным" делом и людей с собою имали не много, потому у королевны де ныне для вас наряду великого не будет, велела вам у себя быти за просто. А от королевны де вам ехати стояти в город Лунду; там де про вас, по королевнину приказу, двор и корм приготовлен. А поветрее де уже в Лунде унялось“.

И Федор и Неудача говорили: „Как нам королевна у себя прикажет быть, и мы так готовы“.

И в неделю, генваря в 20 день, приехали к Федору и к Неудаче от королевны гости аглинские: пристав алдраман Барн,

да алдраман Мартын, да алдраман Полисен, да алдраман Гарт⁴⁵ с товарищи, всего пятнатцать человек, и сказали Федору и Неудаче: „Государыня де наша, королева Елисаветъ, велела вам севодни быти у себя в селе в Рычмане, а нам де велела ехати с вами же; быть де вам у нее севодни после стола; а судно де под вас, в чом вам, к ней ехати, прислала королева свое“.

И Федор и Неудача им говорили: „Мы с вами х королевне ехать готовы“.

И сетчи в суды с ними, х королевне поехали.

И как х королевне в село в Рычман приехали, и из судов на берег вышли, и туто была от королевны встреча с колымагами, королевнины дворяне сар Лорд, да Джан Гартле да с ними детей боярских десять человек; а встретьсь с Федором и с Неудачею, витались за руки; а витався за руки и сняв шляпы, говорили: „Государыня де наша, королева Елизаветъ, любячи брата своего, а вашего государя, вас жалуе; прислала колымагу свою, в которой сама королева ездит; а прислала колымаги, для того, что вам пешим до королевнина двора итти далече и грязно“.

И Федор и Неудача на королевнине жалованье челом били. И сетчи в колымаги х королевнину двору поехали. А с Федором у с Неудачею ехали в колымаге королевнин дворянин, что встречал с колымагою сер Ренолд да толмач Елизар; а сидел тот королевнин дворянин в колымаге с толмачом с Елизаром в переднем месте против Федора и Неудачи; а другой королевнин дворянин, что с колымагами же встречал, ехал в особой колымаге с толмачом с Романом з Бекманом. И как х королевнину двору приехали и ис колымаги вышли, и тут Федору и Неудаче от королевны была встреча: королевнин ближней человек Ломли⁴⁶ да с ним детей боярских человек с пятнатцать. А встретьсь с Федором и с Неудачею, витались за руки, а витався за руки, пошли х королевне на двор; а шли они у Федора и у Неудачи с левые руки; а первая встреча, что встречали с колымагами, шла наперед; а пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости аглинские, от которых торгуют на Руси, шли назади; а за ними шли люди Федоровы и Неудачины. И как вошли в столовую полату, и туто

Федору и Неудаче была встреча: королевнины ближние советники, князи удельные: князь Робор Лестерской, да князь Унчдон, да лорд Кобам,⁴⁷ да лорд Карлус Георд. А среди полаты была встреча же: князь Унтинтон, да Христофор Хатен, да лорд Клинтон; а встретясь, те обе встречи с Федором и с Неудачею витались за руки, а витався за руки, говорили: „Государыня де наша, королевна Елизаветь, ныне в обиходных хоромах у себя; и вы де постойте с нами здесе в столовой полате, подождите от королевны присылки“.

А в те поры учили в той в столовой полате играти игрецы в сурны и в трубы и в ыные во многие игры; а дворяне королевнины з боярынями и з девицами учили танцевати.

И советники же Федору и Неудаче говорили: „В том де государыни нашей, королевны Елизавети, не осудите, что при вас танцуют; у государыни у нашей, у королевны, в обычае так ведетца: по вся дни после стола живут потехи и танциванье“.

И Федор и Неудача говорили: „Волен бог да королевна: нас для ей у себя чинов не переставить; как ей годно, так и чинит“.²

И помешкав немного, пришел от королевны советник ее, Христофор Хатен, и говорил Федору: „Государыня де наша, королевна, велела тебе итти к себе в обиходные хоромы“. А Неудаче молыл: „А тебе де королевна велела посидеть здесь в столовой полате; а как будет время, и тебе королевна велит же у себя быти“. И Федор, взяв с собою толмача Елизара, с советники пошел к королевне, а Неудача остался в столовой полате,⁴⁸ а с Неудачею остались ближние люди и королевнины дворяне, которые Федора и Неудачю встречали у королевнина двора за ворота и с колымагами у судов, да пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости аглинские, которые ехали к королевне с Федором и с Неудачею от стану.

И погодя с час пришел от королевны к Неудаче советник королевнин Христофор же Хатен и говорил Неудаче: „Государыня де наша королевна велела тебе итти к себе“.

И Неудача с ним к королевне пошел; и как пришел перед королевну, и королевна звала его к руке, а говорила: „Ономнясь

тебе у руки моей быть не случилось, потому что яз в те поры заговорила с Федором“.

Да королевна же Федора и Неудачу учала спрашивати: „Какова де Аглинская земля, и не было ли вам живучи в нашей земле какие нужи?“.

И Федор и Неудача говорили: „Земля Аглинская людна добре и ужога и изобильна всем; и нас в твоей земле по ся места твоим жалованьем нужи не было никоторые. То наша и большая нужда: государь наш, царь и великий князь, послал нас к тебе, к сестре своей, к Елизавет-королевне, о великом о своем деле; и мы как у тебя на посольстве были и в те поры тебе присланы — выслушати у нас всего подлинно не случилось; и ты велела нам с своими советники съехатись в селе в Гренючах; и то дело, для чего мы к тебе присланы, велела еси нам объявити своим советником; и мы, по твоему веленью, советником твоим то все дело, для чего мы от своего государя к тебе присланы, объявили; и советники твои тем нашим речем просили у нас письма и хотели те наши речи донести до тебя; и что ты приговоришь, на чом возможно меж вами доброму делу сстатись, и они тому всему язнулись нам письмо жь прислати. И мы тем своим речам письмо советником твоим дали, и они нам и по ся места тому делу ответу не учинили“.

И королевна говорила: „Те де яз ваши речи у советников своих выслушала, а ответу яз вам учинити не велела для того, что не ведомо мне было то дело, о котором деле мне ты, Федор, севодни говорил; а не выслушав всего дела ответу не чинят а ныне мне те все дела, для чего вы ко мне присланы, ведомы; и яз о тех ваших о всех делех с советники своими буду говорити, и приговоря о всем, велю вам ведомо учинить на чом возможно меж нами доброму делу сстатись. А ныне вы поедьте в город Лунду: приказала есми вас перевести из села из Улюча стояти в Лунду, чтоб вам стояти ко мне ближе; а поветрее в Лунде, дал бог, минулось“.

И Федор и Неудача, удара челом королевне, пошли от нее ис полаты, а советники королевнины, которые Федора и Не-

удачю встречали в столовой полате, князь Робер Лестерской, да князь Унчдон, да лорд Кобам, да лорд Карлус Георд, да князь Унтинтон, да Христофор Хатен, да лорд Клинтов, провожали Федора и Неудачю до тех же мест, где они их встречали; а с королевнина двора до колымаг провожали и в колымагах до судов те же королевнины ближние люди и дворяне, где которые встречали. А в судех до города до Лунды с Федором и с Неудачею ехали пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости аглинские те же, которые с Федором и с Неудачею ехали к королевне. А как в Лунду приехали и из судов вышли, и туто Федора и Неудачю встретили городовых алдраманов и гостей лутчих человек с тритцать конных; и под Федора и под Неудачю и под толмачей и под люди посольские привели лошади же и провожали Федора и Неудачю до тово двора, где Федора и Неудачю поставили; а поставили их на дворе торгового человека.

Как Федор и Неудача у королевны были, и в те поры у нее стояли те же ее советники, которые Федора и Неудачю встречали в столовой полате: князь Робер Лестерской, да князь Унчдон, да князь Унтинтон, да лорд Кобам, да лорд Карлус Георд, да Христофор Хатен, да лорд Клинтон; да у нее же стояли боярыни и девицы.

И во вторник, генваря в 22 день, пришел к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и сказал: „Пришла де ко мне от королевны грамота; а велено вам сказать, что вам быти у королевны на Егорьев день вешней; и о всем нашем деле в те поры велит королевна деи подлинной договор учинити; а до тех де мест вам у королевны не бывать“.

И марта в 10 день Федор и Неудача велели толмачю Елизару ехати к королевниным советником и велели им говорити: „О котором деле государь, царь и великий князь, к сестре своей, к Елизавет-королевне, Федора и Неудачю прислал, и они то все дело королевне по государя своего наказу объявили и королевна язнулась о том о всем деле с ними с своими советники говорити и, приговоря на чем возможно меж ними государи доброму делу сстатись, хотела тем ответным речем к Федору и к Неудаче

прислати письмо всему подлинно; и тово письма, что о том деле королевнин приговор, к Федору и к Неудаче не присылавали; и советники б о том деле Федору и Неудаче известно учинили: есть ли вам от королевны какой приказ?”.

И толмач Елизар, приехав от советников, сказал, что он у советников де был. „И речи де ваши советником говорил, и советники де мне сказали, что им от королевны о всем приказ есть, да еще у них письмо не изготовлено; и как де письмо изготовим, и мы к Федору и к Неудаче письмо пришлем часа того. Да они же де велели мне вам сказать, что королевна з государем в братцкой любви и в докончанье и на всех своих недругов стояти за один рада, только б де государь королевне то учинил известно: кто ему учинитца недругом, и королевна по этому его недругу пошлет послов своих и велит ему говорити, чтоб он з государем смирился и недругом ему не был; и будет он з государем не оправдаецца и учнет ему вперед быть недругом, и королевне на того недруга з государем стоять за один; а кто учинитца королевне недругом и государь бы по тому же послал к тому ее недругу послов своих для того, чтоб он с королевною смирился и недругом ей не был; и будет ево речей не послушает, и государю на того недруга с королевною стоять за один; а не сослався де послы с недругом и не оправдався перед ним, недружба мстить не пригодитца, потому что де в здешних во всех странах в крестьянских землях того не ведетца, что не оправдався перед недругом мстить ему недружба“.

И марта же в 19 день пришел к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и саазал: „Писали де ко мне королевнины советники, а велели мне вам молыти: о котором вы деле королевне на посолстве говорили, и против де того дела у них всему ответ изготовлен, и вы б к ним по то дело прислали толмача Елизара“.

И Федор и Неудача толмачю Елизару для того дела к советником велели ехать; и толмачь Елизар привез к Федору и к Неудаче от советников ответным речем письмо. И Федор и Неудача велели ему, Елизару, то письмо перевести, и он то письмо перевел.

⁴⁹ И в тех королевниных в ответных речех пишет: „Приговорила правовышняя и православная и велеможная государыня Елизаветъ, милостию божьею королевна Аглинская, Францовская и Хибирская, оборонитель веры крестьянские, как быти любви и докончанью промежь ее величества да и правовышним, православным и велеможным государем Иваном Васильевичем, милостию божьею с царем и великим князем всеа Руси, великим князем Владимирским, и Московским, Новугородцким, царем Казанским, царем Астраханским, государем Псковским, великим князем Смоленским, з Тверским, Югорским, Пермским, Вятцким, Болгарским и иных, з государем и великим князем Новагорода Низовские земли, с Черниговским, Резанским, Полотцким, Ростовским, Ярославским, Белозерским, Лифлянским, Удорским, Кондинским и всея Сибирския земли и Северные страны повелителем, с ее любимым братом и племянником.

Прошение того правовышнего и велеможного государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, чтобы меж ево и королевнина величества быти любви и вечному докончанью; и хто будет одному из них друг, тот бы был и другому друг, а хто будет недруг одному, тот бы и другому был недруг; и где возможно, туто б способствовати другу друга людьми и казною, и всяким оружием, что к ратному делу пригожаетца; и другу б на друга ево недругу пособи не давати; да и мастеров бы всяких, и ратных и рукодельных людей королевна к государю велела пропускати; а послом бы ходить и гостем торговати на обе стороны путь был чист безо всяких зацепок и товару у них не отимати.

И королевнино величество приговорила, чтобы ей быть з государем в братцкой любви и в докончанье; и хто будет одному друг, тот бы был и другому друг, а хто будет государю недруг, а королевне то будет известно, и королевна х тому недругу пошлет послов своих, чтоб он з государем смирился по суду божью в правду и недругом не был; и будет королевниных речей не послушает, и учнет быть недругом, и королевне на того недруга з государем стоять за один; а хто будет королевне недруг, а государю то будет известно, и ему х тому королевнину недругу

по тому жь послати от себя послов своих и велети говорить, чтоб он учинил мир с королевною по суду божью в правду и недругом ей не был; и будет он речей его не послушает, и государю с королевною стояти за один на того недруга. А как учнет у королевны или королевна у него на своих недругов прошати подмоги, и им другу друга спомогати людьми и казною, и всяким оружием, что к ратному делу пригожаецца, с великою любовью и с поспешаньем, как будет возможно. И недругу государеву королевне подмоги не давати и не пропускать пособи ни отколе, будет мочно устояти; а государю на королевну ее недругу по тому же пособи не давати и не пропускати ни отколе, будет мочно устояти. А которые ратные, или мастеровые и рукодельные люди похотят итти служить царю и великому князю, а у королевны будут они не на службе какой и по кабалам и по креспостем каким в Аглинской земле не удержаны, и тех людей королевна велела пропускати. А гостем бы торговати и всяким людем тех обеих государств прирожденным и подданным их людем ходити на обе стороны путь был чист и торговати всякими товарами ввести и вывести без вывету; и товаров у гостей не отимати, а которые товары понадобятца которому государю, и тому государю за те товары велети по цене денги платить. А жити б русским людем в Аглинской земле, агличаном на Руси по земскому суду, как в которой земле обычай ведетца. А торговати б русским и аглинским людем своими товарами, а чюжих бы товаров, емлючи у иноземцов за свои товары, никому не привозити; а хто учнет торговати чюжими товарами и те товары имати на того государя, в чью землю с чюжими товаром приедет. И иноземцом бы с Руси в Аглинскую землю на торговлю, ни в работниках не приходити некоторым обычаем. А у государя королевнино прошение, чтоб государь позволил ходити на Русь торговати одним агличаном, а из ыных бы земель гостем и агличаном, у которых не будет королевниных ослобоженных грамот х Колмогорским пристанем, и к Двинским устьям, ни на Обь-реку, ни в Варзугу, ни на Печеру, ни в Колу, ни на Мизень, ни к Печенге, ни к Соловкам, ни в ызлэнди, ни на реку Шамскую, и не х которому месту по за Двине к сиверной сто-

роне, ни посторонь Варгава, ни на караблех, ни в бусах ходити не велел. И чтоб государь и его царские дети правили с докончальные грамоты в век нерухомо. А что царь и великий князь освобождает агличаном ходити на Русь торговати всякими товары и дворы своими владети на Москве, и в Ярославле, и на Вологде, и на Колмогорах по их жаловальным грамотам: и королевнино величество то принимает от руки своего любимого брата, царя и великого князя, с великим челобитьем“.⁴⁹

И Федор и Неудача прочет ответным речем переводной список, велели толмачю Елизару то письмо, что он привез от советников, отвести назад к советником; а отдав им то их письмо, приказали ему советником говорити: „Для чего государь, царь и великий князь, Федора и Неудачю к сестре своей, к Елизавет-королевне, прислал, и они то все дело королевне объявили, на чом государю возможно с нею быти в братцкой любви и в докончанье, и каковым докончальным грамотам меж государя и королевны быти, то все королевне учинили известно. И они, королевнины советники, прислали к Федору и к Неудаче ответным речем письмо не против Федоровых и Неудачиных речей: пишут то, на чом меж государя нашего и королевной доброму делу сstattися невозможно; пишут государя нашего, царя и великого князя, королевне братом и племянником; а государь наш царь и великий князь королевну чтит, а не бесчестит: пишет ее сестрою любительною. И они бы такие непригожие речи, что к доброму делу не пристойт, оставили: писали б к государю нашему так же, как государь наш к королевне пишет. Да они же в ответных своих речех пишут, чтоб государь поволит ходити торговати на Русь одним агличаном по королевниным освобоженным грамотам, ее покорным людем, а опроче б агличан к Колмогорским пристанем, к Двинским устьям, ни ни Обь-реку, ни в Варзугу, ни на Печору, ни в Кола, ни на Мизень, ни к Печенге, ни к Соловкам, ни в ызленди, ни в реку Шамскую и ни к которым местом по за Двине к северной стороне, ни посторонь Варгава из ыных земель гостем торговати ни в караблех, ни на бусах ни отколе ходити не велети; а с Руси б в Аглинскую земаю ходить торговати

русским прирожденным и подданным людем с своими товары, а иноземцов бы с Руси в Аглинскую землю ни отколе не пропускати. И тому делу как сстатись, что ходити на Русь х Колмогорским ко всем пристанем торговать одним агличаном, а из ыных бы земель ни отколе гостем на Русь торговати ходити не велети? И то бы собе советники сами розсудили: возможно ли тому статись, что Аглинской земле быти об одном об русском торгу, а с ыными б землями не торговати ни с кем, и к себе б не пускати ни с какими товары? Так руским людем об одном об аглинском торгу быти нелзе. Государь наш, царь и великий князь, хочет с своею сestroю, с Елизавет-королевною, быти в братцкой любви и в докончанье в такове: хто будет ему государю друг, тот бы и королевне друг, а хто государю недруг, тот бы и королевне был недруг; а хто королевне друг, тот бы и государю нашему был друг, а хто недруг, тот бы и государю нашему был недруг; и на всех бы своих недругов стоять за одно; а послом бы их и гостем ходити на обе стороны путь был чист безо всяких зацепок; и которые послы или гости с товары из ыных земель отколе нибудь пойдут на Русь к государю нашему через Аглинскую землю, и королевна б тех послов или гостей с товары на Русь велела пропускати безо всяких зацепок; а х королевне отколе послы или гости с товары отколе пойдут через Рускую землю, и государь наш по тому же велит пропускати безо всяких зацепок. И будет королевна похочет з государем нашим доброво дела — быти в братцкой любви и в докончанье в такове, как ей Федор и Неудача по государя своего наказу на посольстве объявили, — и она б приказала по тому и договор чинити; а мимо тово дела Федору и Неудаче ни которого дела зделати невозможно“.

Да и о том Елизару приказали советником молыти, что пишут они в своих в ответных речех во всех статьяx у королевны государево прошанье; а государь, царь и великий князь, прислал Федора и Неудачю к сестре своей, к Елизавет-королевне, и велел им королевне объявити, на чом ему, государю, с нею быти в любви и в докончанье возможно, а королевны велел спросити: на какове мере ей з госу-

дарем нашим быти в любви и в докончанье возможно, а в упрос у королевне ни которых дел государь наш просити не приказал.

И толмачъ Елизар, приехав от советников, Федору и Неудаче сказал: „У советников я был и письмо их ответным речем им отдал, и что вы мне велели им говорить, то все им от вас говорил. И советники де, взяв у меня своим ответным речем письмо, мне молили: «Которые де статьи написаны были не гораздо, не зная русково обычая, и мы де те статьи велим исправить; а братом и племянником де королева государя писала потому, что в эдешнем обычае брат и племянник—то одно любовное слово, и коли де в русском обычае то слово безчестно и королевна вперед племянником писать не учнет, а учнет его писати, как ему государю годно; а о пристанех де о Колмогорских, будет Федору и Неудаче не наказано, и они бы де те королевнины речи донесли до государя своего, что она того просит у государя, чтоб поволил х Колмогорским ко всем пристанем одним агличаном ходити, а опроче б агличан иных земель гостем ходити не велел; а своим де послом королевна о том государю наказала же о всем по-долго»“.

И в понедельник, апреля в 22 день, приехал к Федору и к Неудаче от королевны дворянин ее Томос Рандолф и говорил Федору и Неудаче от королевны, сняв шляпу: „Государыня де наша, королевна Елизаветъ, велела мне вам говорить, чтоб вы у нее завтра на праздник на Егорьев день⁵⁰ хлеба ели“.

И Федор и Неудача на королевнине жалованье челом били.

И во вторник, на Егорьев день, приехали к Федору и к Неудаче гости аглинские, от которых торгуют на Руси, пристав алдраман Полисен с товарищи, всего пятнадцать человек, и говорили Федору и Неудаче: „Государыня де наша, Елизавет-королевна, велела нам ехать с вами до себя“.

И Федор и Неудача с ними х королевне поехали и ехали х королевне рекою в судех; и как х королевне в село в Гренючь приехали и из судов на берег вышли, и туто Федору и Неудаче была встреча: королевнины ближние люди—лорд Норф, да лорд Комтон,⁵¹ да Томос Рандолф; и встретяся с Федором и с Неуда-

чею, витались за руки, а витався за руки, шла та встреча к королевне на двор у Федора и у Неудачи по левой стороне; и взошедши на двор, не ходя к королевне, свели Федора и Неудачу в полату, а введши в палату, лорд Норф, да лорд Комтен, да Томос Рандолф Федору и Неудаче говорили: „Государыня де наша, Елизавет-королевна, велела нам вас поставить в сей полате, чтобы вам было видеть, как она пойдет к церкви молиться“.

И немного погодя от королевниных хором пошли попы к церкви и подьяки и учили, идучи, пети; а толмачи сказывали, что пели псалмы; а на попех на всех ризы золотные, а на подьяках ризы полотняные; а за попы шли королевнины советники, а за советники перед королевною шли боярыни и девицы; а над королевною несли четыре человека солнешник. А от хором королевниных и до церкви, как королевна шла, по обе стороны стояли с оружием человек з двести; а на них платье шарлатно, а на иных и скорлатно. И быв у церкви, королевна прошла к себе в хоромы, а Федору и Неудаче в те поры велели итти к королевне за стол.

И Федор и Неудача перед королевну пришли, и королевна им говорила: „Ныне у нас праздник, и яз де вчера посылала вас звати к себе хлеба ести; а ныне вас сама зову, чтоб вы у меня сегодня ели“, — а изговоря то, королевна села за стол, и Федору и Неудаче и советником своим велела садиться за стол же.

И Федор и Неудача королевне на ее жалованье ударя челом, пошли за стол; и посадили Федора и Неудачу за особным столом от королевны по левой руке, а в полату вшед направе.⁵² А советники королевнины ближние: лорд Клинтон ерль Ленконской, Егорей Талбат ерль Шрозберской, воевода аглинской, Томос Ралеф ерль Сусикской, Робор Дудли ерль Лестерской и Дедбихской, Ондрей Кари лорд Ундунчской, воевода и наместник Барвыкской Чарлес Хаорд лорд Ефингенской, казначей Улям Сисель князь и лорд Бурлевской, Филип Гаворд ерль Сурийской и Арандерской, Едвард Станлии ерль Дарбирской, Ренолд Кгре ель Кенской и лорд Руфинской, Улям Гарвей ерль Урстюской, Ондрей Гастин лорд и ерль Хунтютинской, Абрис Дудли ерль Уорвыкской и Лислилской, Фрянцыс Русиль ерль Бедфорской, Хадберд ерль

Пенбрукской, Едвард Семер ерль Арфордъской, да дьяк Францыс Валсимгам, ссели за другим столом против Федора и Неудачи у королевны по правой руке, а в полату вшед на леве.⁵² А опроче больших своих советников королевна за стол сести никому не велела.

И за столом сидя, королевна пила чашу про государево, царево и великого князя, здоровье; а пив чашу, велела понести государскую чашу к Федору и к Неудаче и к советником своим. И Федор и Неудача и советники про государево здоровье чашу пили же; а пив чашу, Федор и Неудача королевне говорили: „Мы видя твою любовь к брату своему, а к нашему государю, то ему известно учиним“.

Как стол отшел и королевна Федору и Неудаче говорила: „Ныне у меня праздник — отпуску вам ныне не будет: и вы поедьте к себе — велю вам быть у себя на отпуске и отпущу вас; и посла своего к брату своему, а к вашему государю пошлю со всем с тем делом, о чем вы от государя своего мне на посолстве говорили“.

И Федор и Неудача, ударя челом, пошли от королевны к судом, а провожали их до судов те же королевнины ближние люди, которые встречали их у судов. А в судех в город Лунду и до двора, где Федор и Неудача стояли, провожали их алдраман Барн и иные алдраманы и гости, которые ехали с Федором и с Неудачею к королевне.

И мая в 9 день пришел к Федору и к Неудаче на подворье Шкотцкие земли посол Яков Арбил,⁵³ да с ним королевнин дворянин Томос Рандолф; и пришед к Федору и к Неудаче, Томос Рандолф говорил от королевны, сняв шляпу: „Государыня де наша, Елизаветь-королевна, велела мне с шкотцким послом итти до вас; а ему де хотелось с вами видеть для того, что вы пришли от государя великого из земли из дальние, а государь его, шкотцкой король, государыне нашей королевне друг и приятель“.

И Федор и Неудача говорили: „Волен бог да королевна, как ей годно, и она так и чинит, а мы ему, своему господину, ради“.

А посол шкоцкой говорил: „Пришел де есми к вам челом ударити для того, что вы пришли от государя великого из земли из дальние; а се есми слышал, что государь ваш с королевною живет в братстве и в любви; а нашъ государь, шкоцкой король, королевне племянник, и мы тому ради, хто королевне друг, тот бы и государю нашему королю был друг же. Да и для того я пришел к вам, что вам итти мимо государя нашего Шкоцкую землю; и нечто вас на море займет какова невагода и вы б ко государя нашего берегу приставали без боязни: государь наш, король, примет вас с любовью и бесчестно вам и государя нашего земле не будет. А наперед сего был в Аглинской земле государя вашего посланник Непея,⁵⁴ и грех де стался над ним, на море у Шкоцкие земли разбило карабль, и ему де в Шкоцкой земле бещестья никоторого не было, и до Аглинские земли допровадили его честно“

И Федор и Неудача говорили: „Мы тебе, своему господину, ради, а на любви на твоей челом бьем“.

И подчивали их Федор и Неудача питьем; и они, не много посидев, пошли к себе.

И мая жь в 25 день в субботу пришел к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн и сказал: „Государыня де наша, Елизавет-королевна, велела мне вам сказать, что вам быти у нее завтра, мая в 26 день, после стола, да и отпуск вам совсем учинит; а быти де вам у нее в селе Гренючах, от Лунды за три версты; а ехати де вам к ней водяным путем в судех; а быв де вам у королевны, ехати стояти в село Вулечь, где вы наперед сего стояли, для того, что карабли на Русь пойдут мимо то село и вы туто в карабли и сядете“.

И Федор и Неудача ему говорили: „Как нам велит королевна у себя быть, и мы тот час готовы“.

И в неделю, мая в 26 день, приехали к Федору и к Неудаче на подворье гости аглинские, от которых торгуют на Москве, пристав алдраман Барн, да алдраман Полисен, да с ними торговых людей десять человек; а приехав к Федору и к Неудаче, говорили: „Государыня де наша, Елизавет-королевна, велела нам с вами ехать до себя“.

И Федор и Неудача с ними х королевне поехали.

И как в село Гренючь приехали и из судов вышли, и туто Федору и Неудаче от королевны была встреча: королевнины ближние люди лорд Вынзор, да лорд Морлей,⁵⁵ да с ними дворян королевниных и детей боярских человек з дватцать; и встреться, лорд Вынзор да лорд Морлей с Федором и с Неудачею витались за руки, а витався за руки, шли они х королевне на двор у Федора и у Неудачи по левой руке, а дворяне и дети боярские, которые с ними были на встрече, шли вперед, а пристав алдраман Барн и иные гости, которые ехали с Федором и с Неудачею х королевне, шли за Федором и за Неудачею, а за гостями шли люди посолские. И как вошли х королевне в полату, и тут Федора и Неудачю встретил у дверей королевнин советник Христофор Хатен; а встреть Федора и Неудачю, велел им итти х королевне. А у королевны в те поры играли игреды в трубы, и в сурны, и в ыные во многие игры; а дворяне ее з боярынями и з девицами танцевали.

И как Федор и Неудача перед королевну пришли, и королевна призвала их к себе, и велела поставити против себя блиско стулец, и велела Федору сести, и учала говорить: „Отпускаю де я вас ныне к себе; а о котором деле вы мне от моего брата, а от своего государя на посольстве говорили, и яз де во всех тех делах на государя вашего волю далась в дружбе и в докончанье с ним быти, и на всех недругов стояти рада, только б де то мне было от государя вашего известно: хто ему учинитца недругом, а мне будет он друг, и мне, не сослався с ним послы и не оправдавсь перед ним, и не здав своей правды воевать ево нельзе; коли он речей моих не послушает и перед государем вашим не оправдаецца, и я в те поры на того недруга з государем вашим стоять за один рада, где возможно тут спомогати людьми, а где людьми невозможно, и я рада вспомогати казною и всяким оружием, что к ратному делу пригожаецца. А хто де учинитца недругом мне, а государю вашему он друг, и государь ваш по тому ж к тому к моему недругу послал своих послов, и велел ему говорити, чтоб он со мной смирился и недругом мне не был; и будет от

государя вашего речей не послушает и учнет мне вперед быть недругом, и государь бы ваш по тому же на того моего недруга стоял со мною за один.⁵⁶ А послы де, которые пойдут от государя вашего через мою землю в ьные в кои государства, или ис коих государств послы пойдут к вашему государю через мою землю: и тем послом ходить через мою землю путь чист, опричь папина посла; а папе б де меня государь ваш не выдал — папа мне недруг:⁵⁶ только поволити ево людем ходить через Аглинскую землю, и они учнут ходить не для посольского дела — высматривать земли моей. А мастеров де всяких и ратных и рукодельных людей, и товары всякие из своего государства к государю вашему, что ему пригодитца, вею пропускати без вывету. И все хотенье государя вашего, о чом вы мне на посольстве говорили, исполню. А государю де вашему я об одном челом бью и прошу у него тово, чтоб он жаловал гостей моих, которые ходят торговати в его государство; и пожаловал бы им дал такову жаловальную грамоту, какову был он им пожаловал для меня наперед сего, что опроче моих аглинских гостей х Колмогорским ко всем пристамам из ьных ни ис которых земель гостей торговать не ходити; и продаж бы и правежей гостем моим чинити не велел“.

И Федор и Неудача королевне говорили: „О котором деле государь наш к тебе к сестре своей с нами наказал, на какове мере ему с тобою в братцкой любви и в докончанье быти возможно, и мы те все речи по государя своего наказу до тебя донесли; и будет тебе на такове мере, как мы тебе на посольстве объявили, з государем нашим быти в братцкой любви и в докончанье возможно, и ты б по тому велела своим советником с нами и договор учинити и докончальные списки написати таковы же, каковы тебе объявили; а мимо того дела нам без государя своего ведома зделать ничего невозможно“.

И королевна говорила: „То де я и сама ведаю, что вам без государя своего ведома некоторого дела зделать нельзе, о чом я государю вашему челом бью и прошу у него. И яз о тех делех вам говорю, чтоб вы те мои речи донесли до государя своего подлинно. А для того яз ныне посылаю с вами к брату своему,

а к вашему государю, посла ближнево человека своего Дзерег Боуса⁵⁷ и о всех о тех делах наказываю с ним подлинно“.

И Федор и Неудача говорили: „Которые речи ты с нами к государю нашему прикажешь, и мы те речи до государя своего донесем. И в том волен бог да государь наш“.

И после того королевна учала говорити о дохторе о Романе „Писал де государь ваш ко мне о дохторе, и яз де по его любви послала к нему из своих дворовых дохторов досужего дохтора Романа: а он здесе моим жалованьем убог и нужен ничем не был, послала есми его любячи брата своего, а вашего государя. И вы де те мои речи донесите до государя своего, чтоб он его для меня жаловал, а он бы на меня не плакал, а мне б в том от бога греха не было“.

И Федор и Неудача говорили: „Мы те твои речи до государя своего донесем; а на посольстве есмя тебе от государя своего сказывали, что он и все аптекари, которые с ним приехали, у государя нашего пожалованы всем довольно“.

И королевна Федора и Неудачю учала отпускать, а отпускаючи, говорила Федору: „Брату де моему, а своему государю, исправь де от меня великое челобитье“. А изговоря то, звала Федора и Неудачю к руке.

И Федор и Неудача, быв у руки, ударя челом королевне, пошли от королевны к судом. И провожали их от королевны до судов те же королевнины ближние люди, которые встречали у судов: лорд Вынзор да лорд Морлей; а в судах до стану, до села до Улеча провожали пристав алдраман Барн и иные алдраманы и гости, от которых торгуют на Руси. А проводив до того села, поехали назад в город в Лунду.

А как Федор и Неудача у королевны на отпуске были, и в те поры у королевны были те же ее советники, которые у королевны были в те поры, как Федор и Неудача были у нее впервые на посольстве.

А в субботу, июня в 1 день, приехали к Федору и к Неудаче от королевны дворянин ее Томос Рандолф да с ним пристав алдраман Барн; и говорили они Федору и Неудаче от королевны:

„Государыня де наша, Елизавет-королевна, велела нам вам говорить, чтоб вы те ее речи донесли до государя своего: что наперед ее аглинских гостей на Руси х Колмогорским пристанем ни ис коих земель гости ходить дороги не прознали; а агличане де тое Колмогорские пристани искали много лет, и убытки себе поделали великие. И как они тое пристань нашли, и государь де ваш агличан пожаловал, велел им к той пристани приходить и торговать в своем государстве всякими товары без вывету и беспошлинно; а опроче де агличан х Колмогорским ко всем пристанем ни ис которых земель гостем ходити было не велено; да и грамоты де жаловальные таковыаглинским гостем подаваны были, и они де по тем жаловальным грамотам учили ходить ежелет и привозить всякие товары про его государев обиход и на продажу, и торговали по тем жаловальным грамотам беспошлинно. И после де того государь ваш те свои жаловальные грамоты велел у агличан поймати и велел подавати иные грамоты, что им ходить на Русь торговать всякими товары, а пошлину свою велел на них имати; и агличане де после прежних жаловальных грамот на Русь торговать ходили же и пошлину государеву платили. И государь де ваш сверх своей пошлины взял на аглинских гостех в два года тысячу пятсот рублей, а не ведают за что. И королевне де то досадно, что тое пристань нашли агличане, а государь ваш свои прежние жаловальные грамоты у них велел порудить и велел на них имати пошлину, да на них же де сверх пошлины взяли тысячу пятсот рублей. А Бараманские де земли немчин Иван Белобород прознал дорогу х Колмогорам за агличану, а торгует ходя беспошлинно и правей на нем никаких не живет. И ныне де королевна все хотенье государя вашего, о чем вы ей на посольстве говорили, исполняет, а у государя вашего просит того, чтоб государь ее людей аглинских гостей жаловал и велел бы ходить х Колмогорским ко всем пристанем одним агличаном, а Ивану б Белобороду и иным гостем ни ис которых земель х Колмогорским ко всем пристанем ходити не велел“.

И Федор и Неудача говорили: „То мы ведаем, что государь наш, царь и великий князь, прежь того по королевнину слову

и по ее грамотам ее людей аглинских гостей пожаловал, велел им в своих государствах торговати всякими товары без вывету и беспошлинно как никоторых государств гостем такие повольности не даывавано; да и дворы их государь с великими с полатами и со всяким устроеньем пожаловал на Москве, и в Ярославле, и на Вологде, и на Колмогорах беспошлинно же; да и грамоты им свои жаловальные подавал. И аглинские гости торговали в государя нашего государстве всякими товары без вывету много лет беспошлинно и прибыли себе великие поделали; а как учили торговати большими своими товары, и промыслы их стали велики; и государь наш велел с них имать свое пошлыны половину, а другие половины с них пошлын и ныне по государеву приказу не емлют. А на тех их дворех на Москве, и в Ярославле, и на Вологде, и на Колмогорах по тому же многие торговцы живут и торгуют всякими товары без вывету; а с тех дворов с их пошлын никаких и оброку и по ся места не имали. А как государю нашему учинилась война с литовским с Стефаном королем и с крымским царем и с ыными с пограничными своими суседы, и государь наш для тое войны и для своего подъему с аглинских гостей и с их торговли, и с их промыслов, и с их воров оброку взяти велел на 89-й год тысячу рублей, да на 90-й год пятьсот рублей. Да и з своих государь наш со всяких торговых людей, и с тарханов,⁵⁸ и з гостей, и с торговых людей, и со всей своей земли, для тое войны деньги по розводу взяти велел. А коли войны не будет вперед, и тогды того имати не велят. А Белобород, сказываετε, ходит торгует беспошлинно; и хотя б государь наш Белоборода пожаловал, велел ему в своих государствах торговати беспошлинно, и в том ему, государю, воля: в своем государстве как хочет ково, так жалует; только то вам сказывають не гораздо, не ведаючи: мы вам сказываем подлинно, что на Белобороде пошлыну с его со всяких товаров емлют; и в подъеме государевы денги на нем по розводу взяли же; да не томко Белобород, и из ыных изо многих земель гости приходят в государя нашего землю, а беспошлинно ниhto не торгуєт“.

И Томос и алдраман Барн говорили: „Сказываете вы, что на агличенех те деньги взяли для войны в государя вашего подъема; и мы ныне, ведаем, у государя вашего войны ни с кем не было. А гости аглинские, которые живут на Москве, х королевне писали, что на них ныне сверх пошлинных и подъемных денег, что на них взяли полторы тысячи рублей, правят ныне пятьсот рублей, а не ведают за что“.

И Федор и Неудача говорили: „Про те мы деньги не ведаем, пошлинных ли, или иных каких денег на них правят, потому что учинилось то после нас, или будет на них не правят ничего, а они тем государя нашего облыгают. Мы те все ваши речи до государя своего донесем: чего мы не ведаем, да и от государя с нами с которым деле приказу нет, и нам того и делати нельзя“.

И Томас и алдраман Барн говорили: „Для де того королевна нас к вам и прислала, и велела вам говорить, чтоб вы все те речи донесли до ее брата, а до своего государя; а с послом де своим те речи все королевна к брату своему, а к вашему государю, приказала же“.

А изговоря те речи, Томос и алдраман Барн поехали х королевне.

Июня в 14 день, в пятницу приехали к Федору и к Неудаче гости, от которых торгуют на Руси, пристав алдраман Барн, да алдраман Мартын. А приехав, алдраман Мартын Федору и Неудаче говорил: „Государыня наша, Елизавет-королевна, вас жалует — прислала к вам со мною по кубку, и велела вас отпустить к себе на Русь; а карабли те, в коих вам ехати, изготовлены, и посол де королевнин с вами ехати готов же; а сести де вам в корабли завтра в селе в Гразевни,⁵⁹ от сего села пятнадцать верст. А нам де королевна велела вас проводить до караблей, а севодни де приказала нам королевна заехати х караблем своим и показати вам велела свои воинские карабли; а стоят де те воинские карабли блиско села Гразевни, где вам в карабли садитца“.

И Федор и Неудача на королевнине жалованье челом били, а ево алдраман Мартына дарили у кого что лучилось; и караблей

королевниных с ними смотреть ездили. И воинских всего дватцать четыре карабли, только карабли велики и крепки добре и снаряду на них много: на всяком карабле пушок по семидесят и по осмидесят, а на ином больши; а людей карабелных и воинских, сказывают, живет на всяком карабле до тысячи человек. А как Федор и Неудача на караблех были, и в те поры стреляли изо многово наряду, а пристав алдраман Барн да алдраман Мартын говорили: „То де государыня наша, королевна Елисавет, велела вам учинить почесть: как вы приедете ея карабелей смотрити, и в те поры приказала из наряду стреляти“.

И Федор и Неудача говорили: „Волен бог да королевна, как ей годно так и чинит; а мы на ее жалованье челом бьем“.

А смотрив карабелей того дня, Федор и Неудача начевали в селе в Гразевни, а пристав алдраман Барн и алдраман Мартын начевали с Федором же и с Неудачею.

А на завтрее того дни, в субботу, июня в 15 день, принес к Федору и к Неудаче пристав алдраман Барн от королевны ко государю грамоту; а принесчи грамоту, Федору и Неудаче говорили: „Государыня де наша, Елисавет-королевна, тое грамоту прислала ко мне топерво и велела ее отдать вам, чтоб вы тое ее грамоту донесли до государя своего“.

И Федор и Неудача тое грамоты у нево взять не хотели, а ему говорили: „Нам грамота к государю своему от королевны вести не пригодится: королевна б послала ее к государю нашему с своим послом“.

И пристав алдраман Барн говорил: „Королевна де с своим послом такову грамоту к государю вашему посылает же, а с вами де посылает другую грамоту для того, что пишет к государю о великом деле, а ход морской и путь дальней: каков грех учинитца на море над ее послом, ино б де вы довели такову грамоту до государя своего; а над вами де учинитца, а ее посол пойдет здорово, ино он тое грамоту донесет до государя вашего; а то бы дело, о чом королевна пишет к государю вашему, было известно“.

И Федор и Неудача у нево грамоту взяли.

И в те жь поры толмач Елизар привез к Федору и к Неудаче от королевниных советников ответным речем письмо; а отдав письмо толмач Елизар Федору и Неудаче сказал: „Советники со мною к вам приказали: о котором деле королевне вы на посольстве говорили, и они де, советники, против тех ваших речей написав свои ответные речи, посылали к вам со мною жь, Елизаром, наперед сего; и те де ответные речи вам не полюбились; которые де статьи написаны были не гораздо, и они де, советники, язнулись те статьи справити; а справя и переписав ответные речи, хотели прислати к вам, и того де писма ответным речем отослати им к вам не случилось; и они, по королевнину приказу, ответные речи, написав подлинно, послали к вам со мною с Елизаром“.

И Федор и Неудача, взяв у Елизара от советников ответным речем письмо, пошли в каравль. И посадили их пристав алдраман Барн, да алдраман Мартын в каравль у каравельщика у Ульяна у Бесчетета. И в кой час Федор и Неудача на каравль взошли, и каравли тот же час пошли на Русь; а всех каравлей шло с Федором и с Неудачею и с королевниным послом семь каравлей. А шли морем от Аглинские земли до Колмогор пять недель и пять ден; и пришли на Колмогоры в пятницу июля в 26 день.

А которые ответные речи от советников толмач Елизар привез в те поры, как шли в каравли, в тех ответных речей на каравле толмачю переводить было нельзе, потому что на море была волна велика; а сказывал толмач Елизар, что в тех ответных речах королевна государыня писала „братом“, а титла государева и королевнина и ответные речи о всех делах писаны по тому же, как и в первых ответных речах было написано, только де и переправлено, что в первых ответных речах писано было о всех делах государево у королевны „прошанье“, и те статьи написаны „хотеньем“, а не „прошаньем“. Да в тех же ответных речах пишет: „Хотенье правовышнево и велеможново государя, чтоб его послом и всяким людем, которым лучитца итти в ныня государства через Аглинскую землю, путь был чист безо всяких

зацепок; или ис которого государства пойдут послы на Русь через Аглинскую землю, и королевна б их по тому жь велела к государю пропускати безо всяких зацепок; и королевнино величество приговорила: которые государи с нею живут в дружбе и в докончанье и веруют с нею одну веру,⁶⁰ и государевым послом и всяким людем к тем государем и от них к государю на Русь ходить через Аглинскую землю путь чист безо всяких зацепок". А вперед в их ответных речех тое статьи не было.

У Федора жь да у подьячева у Неудачи в государеве наказе написано: велено разведывати, как аглинская королевна живет со францовским королем, и с литовским, и с папою, и с цысарем? И за что меж папы и королевны недружба? И как ныне цысарь с турским и с францовским? Да и про всякие дела и обычей велено разведывати подлинно, как ся у них которые дела делают, и сколь велика Аглинская земля, и много ли у них воинских людей живет?

И Федор и Неудача, живучи в Аглинской земле, разведывали про то про все подлинно: королевна аглинская со францовским королем, и с литовским, и с цысарем в миру—войны межь ими и недружбы никакие нет,^{61,62} а с папою де у королевны недружба великая за то, что Аглинская земля преж того была римской закон, и королевна де Елизаветь римской закон оставила и утвердила во всей Аглинской земле люторской закон.⁶³ А войны де великие у папы с королевною мало же бывало, потому что Аглинская от Римской земли удалела: ⁶³всего де одинова папа присылал х Кибирской земле, что под королевною же, воинские люди, тому три годы минуло; и они, пришед х Кибирской земле, взяли город, а прозвище ему Дингин, и, как ево взяв, засели, и королевна де, сведав то, послала своих воинских людей, и они, пришед, тот город взяли назад; а которые люди римские в нем сидели, и тех всех побили,⁶³ а после де того у папы с королевною война не бывала.

А цесарь со францовским королем в миру, а с турским у него война.⁶⁴

А земля Аглинская не велика; стоит на море на одном острову с Шкотцкою землею; всего, сказывают, Аглинские земли верст с пятьсот, а поперег с триста верст; только земля людна добре, и богата, и изобилна всем; а воинских людей, сказывают, збирается в Аглинской земле до пятидесять тысяч; а коли де чают приходу воинских людей к Аглинской земле, и в те поры де збираетца в Аглинской земле всякого человека бойца до полутора ста тысяч и больши.

⁶⁵ А з датцким королем королевна была в миру жь; а ныне король дацкой не хочет агличан пропускать на Русь к Колмограм и в Коу, для того что агличане ходят торговать мимо ево Датцкую землю, а пошлины проезжие ему не платят; и он де их беспошлинно пропускати не хочет.⁶⁵

А се таков список посольства тайново подал
государю Федор Писемской

Месяца генваря в 18 день королевна Елисавет велела быти у себя, в селе в Кринмонде, Федору и Неудаче, слышати у них посольства тайного. И как они пришли на двор королевнин, и встречали их от королевны князи и бояре; и как они пришли в полату, и королевна велела у себя быти Федору в тайной полате, и говорила ему: „Приказывал еси ко мне с толмачом с Елизаром, и сам еси мне говорил на посольстве, что есть у тебя от государя твоего тайной приказ; и мне было у тебя тогда выслушати нельзя, что было в те поры людей много. И ныне есми призвала тебя на одине, и ты мне извести, что ко мне приказ от государя твоего“.

И Федор говорил: „Государь наш, царь и великий князь, велел тебе, сестре своей любительной, Елисавети королевне, говорити: Выпрашивали есмя дохтора Романа, которой от тебя ко мне прислан, естли у тебя какова государская дочь, вдова ли государская жена, или девица от государского прироченья, и дохтор Роман нам сказал, что есть у тебя удельного князя дочь Хунтинтинского, а тебе де, королевне, племянница, а имя ей Мария Хастин.⁶⁶ И ты б,

сестра наша любительная Елизавет-королевна, послу нашему Федору тое девицу показала, и парсон ее велела написати, и прислала бы к нам с Федором. А будет она пригодитца к нашему государскому чину, и мы о том деле будем с тобою говорить, как будет пригоже“.

И королевна Елисавет говорила: „Любя брата своего, вашего государя, рада с ним быти в свойстве; а слышала есми, что государь ваш любит красные девицы, а моя племянница не красна, и чаю, что государь ваш ее не полюбит; и яз о том государю вашему много челом бью, что, любячи меня, хочет меня к себе имети в свойстве; а лица ее написати и к государю вашему послати соромлюся, что она не красна, а неможет добре, и лежала воспицею, и лице ее красно и ямовато“.

И Федор говорил: „Государь наш, царь и великий князь, послал меня, посла своего, к тебе, сестре своей любительной, надеючись на твою любовь, и свою любовь к тебе прямо держит и крепко; и ты бы, государыня, тое девицу велела мне показать, парсон бы ее велела написать, какова она есть“.

И королевна говорила: „Топерво дитя-девица недомогает, а так, какова она теперво есть, не мочно парсон ее велети написати, хотя мне давай всего света богатество“.

И Федор говорил: „То бы, государыня, от тебя государю нашему большая любовь, чтоб ты велела написать парсон ее, какова она есть“.

И королевна говорила: „Коли де так, ино как она обможетца, и яз ее тебе покажу, и парсон ее велю написати“.

Да королевна же говорила Федору: „Есть ли де у тебя иной приказ, как тому делу великому естатца?“.

И Федор говорил: „Приказ у меня от государя моего есть, что велел мне о том деле говорить, а закрепить мне того дела не велено, а приговорити велено. А даст бог, государыня, как твои послы у государя нашего будут, а полюбитца ему твоя племянница, и он о том деле приговор велит учинити, и закрепить“.

И королевна говорила: „Яз де, не договорясь и не укрепя подлинно, не отпущу не токмо свою племянницу, и моложе тое

без крепкого договору не отпущу; и ты де мне скажи, ест ли за тобою больше того речей о том деле, как моей племяннице быти за государем вашим“.

И Федор говорил: „Государь, государыня, мне наказал о том деле приговорити; и каким обычаем мочно тому делу сстатись промежь государя нашего и тебя, государыни нашей Елизавет-королевны, а закрепить того не велено“.

И королевна говорила: „И ты де мне объяви все, а говорю с тобою сама о том деле, а советником своим о том с тобою говорить не велела“.

И Федор говорил: „Государь, государыня, наш велел говорить: как судом божьим за государя за нашего зговоришь своею племянницею, и быти твоей племяннице за государем за нашим во крестьянской вере, в одной вере з государем нашим. А которые с нею будут бояре, и боярыни, которые похотят жити у твоей племянницы на дворе на государском, и тем быти во крестьянской вере с нею; а которые похотят ехати назад в Аглинскую землю, и тем поехать с государским великим жалованьем добровольно, и путь им чист по договору, на чем dokonчанье приговорят. И вперед послом, которых ты, королевна Елисавет, пошлешь к государю, или к своей племяннице, тем путь чист приехать и отъехать с государским великим жалованьем добровольно“.

И королевна говорила: „А толко будут дети у государя вашего с моею племянницею?“.

И Федор говорил: „Дай, боже, государю нашему многолетствовати. А быти на государстве сыну государя нашего, государю нашему царевичю князю Федору и его детям; а которых бог даст детей государю нашему с твоею племянницею, и тем детям государевым быти на уделех по их государскому чину, как у них у государей издавна чин ведетца; а учнет государь их жаловати в ровенстве по степени с царевичем Федором“.

И королевна говорила: „А только будет у государя у вашего дочь, и тогда как быть?“.

И Федор говорил: „Государи наши дают свои дочери за государей и за государских детей“.

И королевна говорила: „А за кого де государь ваш своих дочерей давал, за которово государя?“.

И Федор говорил: „У государя у нашего дочери были, и их не стало во младенчестве; а у отца его, у великого князя Василья, дочерей не было, а была дочь у государя у деда его, у великого князя Ивана, великая княжна Олена, и была за Олександром, королем польским“.⁶⁷

И апреля в 5 день приезжал к Федору Томос Рандолф, а говорил от королевны Федору: „Говорил еси от своего государя королевне, чтоб тебе показала Хунтинтинского князя дочь, а свою племянницу Марию Хастинс, а парсон бы ее велела написати, и послала бы с тобою к государю вашему; и яз де сказала тебе, что она неможет, и как будет здорова, и яз ее тебе велю показать, и парсону ее велю написати, и с тобою пошлю к брату своему; и племянница де моя ныне неможет, и тебе ее казати и парсону ее писати не мочно“.

И Федор говорил: „Государь наш хотел с королевною доброго дела и кровной связки, чтоб вперед межъ государя нашего и королевны Елисавети была дружба неподвижно. И будет похочет королевна Елисаветь государя нашего к себе любви и братства, и дружбы, и королевна б по тому делала, как со мною государь мой о тех делех наказал; и будет по тому делати не похочет, и королевна б меня велела отпустить к государю моему“.

И Томос Рандолф говорил: „Яз де речи твои донесу до королевны, волен бог да королевна“.

И на завтрее того Томос Рандолф прислал по Елизара, и говорил ему: „Что де Федор добиваетца у королевны племянницы смотреть? А как вы поехали, и у государя был один сын, а ныне де у него другой сын родился“.⁶⁸ А те речи он Елизарю говорил втайне; и Елизарей ему говорил: „Что те речи ссорные и мне де Федору те речи сказати“.

И пришед, Елизарей сказал Федору, и Федор послал Елизаря к советникам, и велел ему говорить: „Чтоб королевна ссорным речем не верила; лихие люди ссаривают, не хотя промеж государя да королевны доброво дела видети; а верила б королевна

государской верующей грамоте, да мне, послу его; а то все видел Елизарей толмач, перед ним меня государь отпуская, да и наказывал о том деле“.

И советники молвили: „Тем де речем королевна не верит, а будет все так, как государь с Федором х королевне приказывал“.

Майя в 17 день приезжал Томос Рандолф от королевны, а говорил Федору: „Яз де речи твои донес до королевны, и королевна велела тебе сказать, что племяннице ея дал бог легче, и тебе ее велела показати; а смотреть тебе ее велено здесь, в Лунде, у своего советника у канслира у князя Томоса Брумлева,⁶⁹ а велела тебе королевна взять с собою одного Елизаря, а опроче бы его, иного бы еси не взял с собою; а тамо таково же не будет никого, опроче князя Томоса, да ее брата князя Хунтинтинского и их семей“. И взяв Томос Федора, поехали к судну; а в судно сядши, поехали х канслиру; и как приехали на канслиров двор, и канслир его встретил, а с ним князь Хунтинтинской, и повели Федора в сад, а в саду чердак наряжен, и в чердаке поставлены двои кресла, обиты бархаты золотными. И как пришел Федор в чердак, и князь Томос велел ему сести в кресле, а в другом кресле сам сел; а князю Хунтинтинскому и Томосу велел сести по лавкам; и говорил князь Томос Федору: „Говорил еси от своего государя государыне нашей, королевне Елисавети, чтоб тебе велела показати князя Хунтинского дочь Марию Хастинсу, и королевне было ее невозможно показати, и не хотя королевна послушались государя вашего, для его к себе великие любви, велела ее тебе показати, и парсону ее велела написать; и княжна Хунтинса ужо здесь будет с моею княгинеею“.

И погода немного, пришла княгиня Томосова, а другая княгиня Хунтинского князя, а промежь себя привели княжну Хунтинского Марию Хунтинсу; и с ними пришли многие боярыни и девицы. И как пришли против князя Томоса, и Федор и он встали и им поклонились, а они против поклонились; и князь Томос Федору говорил: „Высмотри гораздо, королевна велела тебе показать свою племянницу не в темне месте, ни в коморе, ни в полате—

на свету". И после того они пошли в сад гулять, и князь Томос, встав, в сад же ходил гуляти, и Федор с ними, и опять встретились, для того чтоб Федор высмотрил ее гораздо.

И говорил князь Томас Федору: „Ужли еси высмотрил гораздо?“.

И Федор гсворил: „Яз по государя своего наказу, и по королевнину веленью смотрил“.⁷⁰

И князь Томос опять Федора взял в чердак, и велел принести овощей и вин в кубках, и Федора подчивал. И Федор, немного посидев да к себе поехал, высмотря князя Хунтинского дочь; и князь Томос да князь Хунстинской проводили Федора до судна и воротились, и Томос Рандолф Федора проводил до двора.

И княжна Хунтинского Мария Хантис ростом высока, тонка, лицом бела, очи серы, волосом руса, нос прям, у рук пальцы тонки и долги.

И королевна Федору говорила на отпуске: „Племянницу еси мою высмотрил ли?“.

И Федор говорил: „По государскому наказу и по твоему велению смотрил племянницу твою, а парсоны ее мне в те поры не показали, и мне по ся места парсоны ее не даывали“.

И королевна Федору говорила: „Парсуну ее в те поры казати я не велела, а пришло к тебе парсун ее с Томосом с Рандолфом, у меня тово немногие ведают, а у тебя б по тому жь нихто не ведал, доколе будешь у государя своево; а делаю с братом своим в правду, а не оманкою, — какову еси видел, такову к тебе парсун ее пришло“.

И Федор говорил: „В том волен бог даты; а что есми видел, так известно и государю своему учиню“.

И королевна говорила: „Чаю де государь ваш племянницы моей не полюбит, не токмо государь ваш, чаю. кое ты ее не полюбил“.

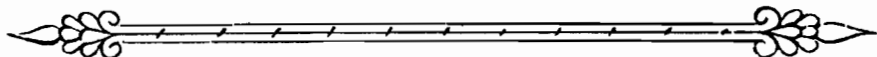
И Федор говорил: „Мне ся кажет, что племянница твоя красна, а сставаецца то судом божьим и будет судить бог племяннице твоей быти за государем нашим, и она ся ему полюбит. Что мне о том деле государю своему от тебя сказать?“.

И королевна о том говорила: „Я де о том приказала с своим послом“.

Королевна жь говорила: „Донеси слова мои до государя своего, до моего брата, что есми от его любви неотступна, и он бы ся на меня надеял, и угождати ему во всем рада, хотя мне о которых делех советники мои отговаривати станут, и яз их не стану слушати, а буду делати, что годно брату моему, а вашему государю; а о всех делех, и о тайном деле и о докончанье посылаю посла своего, и с ним о всем приказываю подлинно“.

Июня в 13 день Томос Рандолф приезжал к Федору в село в Улижь, и говорил: „Королевна де прислала к тебе парсун княжны Хунтинского, а своей племянницы, и велела тебе отвести к ее брату, а к своему государю“.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК Г. И. МИКУЛИНА

(Англия)

¹ Лета 7108-го мая в 15 день великий государь, царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси самодержец, послал в Аглинскую землю к сестре своей, к аглинской Елисавет-королевне, в посланниках дворянина своего Григорья Ивановича Микулина да подьячего Ивашка Зеновьева.¹

И посланник Григорей Микулин и подьячей Ивашко пришли к новому Архангельскому городу, к карабельной пристани, июля в 9 день. И по государеву царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси наказу, Григорей и Ивашко говорили Осипу Супоневу да подьячему Рохманину Воронову, чтоб они отпустили их в Аглинскую землю на аглинском карабле к аглинской Елисавет-королевне, не мешкав, по государеву указу. И Осип Супонев да подьячей Рохманин Воронов Григорью и Ивашку сказали, что пришло к Архангельскому городу² только два карабли, а затем ждут аглинских одиннадцати караблей. „И мы по государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси грамоте учнем говорити аглинским гостем, Ивану Ульянову³ да Рыцарю Юрьеву, чтоб вас отпустили на тех на аглинских на дву караблех, которые пришли ныне“. И того ж дни приходили к Григорью аглинские гости, Иван Ульянов да Рыцарь Юрьев и говорили Григорью и Ивашку: „Пришли деи к нам из Аглинские земли два карабли, а ждем деи к себе аглинских одиннадцати караблей; и нам деи вас на тех на двух караблех отпустить ныне не мочно,

потому что писала к нам государыня наша Елисавет-королевна, а велела нам, сождався со всеми караблѣ, пойти из Архангельскаго города для того, что датскаго короля и испанскаго многие люди на караблѣх гуляют по морю и хотят на наши аглинскіе караблѣ приходити.⁴ А как деи придут послѣдніе караблѣ, и мы де вас отпустим, не замешкав. Да и сам деи я, Иван, пойду с вами ж вместе; а нынѣ деи у нас изготовлен карабѣль, на чем вам итти в Аглинскую землю, и вам бы деи ехати и караблѣ посмотрети, где вам и запасом вашим быти“.

И июля в 19 день Григорей и Ивашко на карабѣль ездили и караблѣ смотрели, и места им гости, Иван Ульянов и Рыцарь, указали, где им быти и где запасы класти; а как приехали х королю и как с королѣм поехали, и в то время стреляли изо многих пушек; а говорили гости Иван и Рыцарь: „То деи мы чиним вам почесть для царскаго величества имени“.

И июля в 28 день пришли из Аглинскіе земли к новому Архангельскому городу аглинскихъ одиннадцать караблѣй; а на тех караблѣх пришол ко государю, царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии, аглинскіе Елисавет-королевынѣ посол князь Рыцарь Лей.⁵

И на завтрее того, июля в 29 день пришли к Григорью аглинскіе гости Иван Ульянов да Рыцарь Юрьев и говорили Григорью и Ивашку, что караблѣ их из Аглинскіе земли пришли все, дал бог, здорово: „А по царскому де его величеству приказу карабѣль, в чем вам итти за море, тот котораго вы наперед сего смотрели, готов; да и иные караблѣ, которым итти вместе с вами в Аглинскую землю, велели на спех выгруживати“.

И августа в 10 день аглинской гость Иван Ульянов из Орхангельскаго города отпустил три караблѣ, а велел им дожидатись себя с послѣдними караблѣ на устьѣ. И того ж дни Григорей и Ивашко пошли из Орхангельскаго города х караблѣм к устью в судех и з запасы своими; а запасов в карабѣль до устья не клали для мелей; а с послѣдними караблѣ Иван Ульянов остался у Архангельскаго города за своею розделкою. И августа в 11 день Григорей и Ивашко пришли к устью, и того же дни запасы свои

в карабль поклали и дожидались на устье Ивана Ульянова с последними караблями. И августа в 16 день Иван Ульянов из Орхангельского города пришел с последними караблями к устью.

И августа в 17 день Григорей и Ивашко сели в карабль. А пошло было з Григорьем из устья аглинских всех тринадцать караблей, и отошли от устья верст с пятнатцать, и встал на море встречной великой ветр, и караблы разнесло врознь; а осталось с Григорьем только три караблы, и стояли на якорех три дни с великою нужею.

И августа в 20 день погоды встречное переменялось, и караблы пошли и шли до Килдина острова⁶ пять ден, а от Килдина острова до Северного Носу⁷ три дни; и вошли в большое...⁸ августа в 20 день и шли большим морем одиннатцать ден, а берегу не было видеть ни откуды, и на большом море сошлись з Григорьем аглинских четыре караблы, которых было разнесло ветром, и пришли блиско берега Датцкие земли и оттоле пошли направо в малое море и шли блиско Шкотцкие земли.

И сентября в 8 день учало быти на море погоды великое встречное, и носило караблы сем ден, и шли с великим страхованием, спустя парусы с великою нужею.

И сентября в 14 день, в неделю, пришли Аглинские земли к берегу против аглинского городка Албрехта,⁸ и пошли караблы блиско берега по левой стороне; а берег по праву; а от Олбрехта пришли против городка Алферда:⁹ а от Олферда пришли против города Харвич; а от Харвич¹⁰ шли до устья реки Темзи верст с пятьдесят, и вошли в реку в Темзь и шли рекою Темзью до городка Грявзендя сорок верст; а те все городки, которых шли мимо, камены, с посады; и села стоят по берегу — вотчины княженецкие и боярские, и алдраманов и гостей.

И сентября в 18 день пришли под город Гравзендь от Лунды за дватцать верст, и гость Иван Ульянов говорил Григорью и Ивашку: „Чтоб деи вам вытти ис карабля в городок в Гравзендь, а мне деи, поставя вас на подворье, ехати наперед вас в Лунду, чтоб деи государыне нашей, Елисавет-королевне, про ваш приезд известно было“. И того ж дни Григорей и Ивашко ис карабля

высели под городком под Гравзендем; и встретили Григорья и Ивашка того городка приказной человек, а с ним посадцких людей человек з двести; а встретил у судов, а в те поры з городка из караблей стреляли ис пушек; а провожали Григорья и Ивашка приказной человек и гость Иван Ульянов и посадцкие люди до подворья, и поставили на гостине дворе; а гость Иван Ульянов, поставя на подворье и устроя, поехал тотчас в Лунду, а для корму и береженья оставил у Григорья агличан же торговых людей: Семена Яковлева, да Томаса Ондреева, которые ехали с Ываном с Москвы.

И сентября в 18 день приехал от королевны к Григорью в Гравзендь королевнин дворянин и воевода, хибирской князь, Ульян Розсей,¹¹ а с ним дворян королевнинных шесть человек, да гости: Фряничик Иванов¹² да Иван Ульянов. И шедчися з Григорьем и с Ывашком, витались за руки и говорил князь Ульян Розсей от королевны речь, сняв шляпу: „Ведамо де учинилось государыне нашей, Елисавет-королевне, что великий государь ваш, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержец, прислал к ней, к сестре своей, к Елисавет-королевне, тебя, посланника своего, Григорья Ивановича Микулина о их государских, о великих, о добрых делах. И государыня де наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, велела мне вас встретить и велела вам поклониться и о здоровье спросити: здорово ль есте морским путем до государства Аглинского дошли? И велела мне с вами ехать до Лунды в приставех, и суды под вас, в чем вам ехать, прислала свои. А государыни деи нашей, Елисавет-королевны, ныне в Лунде нет, живет в селех своих, от Лунды верст з дватцать“.

И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били, и говорил Григорей князю Ульяну: „Великого государя нашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца и многих государств государя и облаадателя, его царским величеством морским путем государыни вашей, Елисавет-королевны, до государства Аглинского дошли, дал бог, здорово“.

А изговоря, пошли со князем к судом и сели со князем Уल्याном в суды вместе; а шел князь Уляян из двора до судов и сел в судне у Григорья с левые руки.

И того же дни приехали к Лунде к пристани, и говорил князь Уляян Григорью и Ивашку: „В том деи месте, где вам вытти из судов, приставаает и выходит из судов, государыня наша, Елисавет-королевна, а опричь деи королевны никто из великих ближних людей, ни князи, ни бояре, и ни которых государств послы и посланники в том месте в судах не приставают; а велела деи государыня наша, Елисавет-королевна, вас встретити ближнему своему человеку дворовому воеводе лорд Харберту Пенброку,¹³ а с ним князем, и дворяном, и детем боярским и алдраманом, и гостем лутчим людем с великою честью, со многими людми; а то деи государыня наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, великого государя вашего, рада его царского величества к себе братцкой любительной ссылке, велела вам в том учинити почесть перед всеми иноземцы свыше иных государств послов и посланников“. И высели Григорей и Ивашко из судов на берег под Вышегородом.¹⁴

А как Григорей и Ивашко вышли из судов на берег, и встретил Григорья и Ивашка королевнин дворовой воевода, лорд Харберт Пенброк, а с ними князи, и дворяне, и дети боярские, и алдраманы, и гости на жеребцах и на конех, в наряде и в золотых чепях, человек с триста; и пешие многие люди, да королевнинных дворовых людей дробантов человек со сто, с рогатинами з золочеными и с корды, в скорлатном червчатом платье; а на платье у дробантов шиты королевнины печати золотом.

И спедчися, лорд Харберт з Григорьем и с Ывашком витался за руки и говорил лорд Харберт от королевны речь, сняв шляпу: „Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, а вас жалуя, прислала меня, воеводу своего дворового, а велела вас встретить с великою честью; и велела мне вас спросити про любительного своего брата, про великого государя вашего, царя и великого князя

Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, и его царского величества сына, про царевича князя Федора Борисовича всеа Руси, здоровье“.

И Григорей против королевнина слова говорил, сняв шапку, лорд Харберту: „Как есмя поехали от великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, и многих государств государя и облаадателя, и великий государь, царь наш, царское величество, и сын его, великий государь наш, царевич, князь Федор Борисович всеа Руси, дал бог, в добром здоровье“.

И после того лорд Харберт говорил Григорью и Ивашку: „Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, жалуя вас, прислала под вас кочи¹⁵ свои, в чем вам ехать, и велела мне с вами ехать и подворье вам указать“.

И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били и сели в кочи: а сидел Григорей в большом месте, а против Григорья сидел лорд Харберт; а по сторонам в дверцах сидели с правые стороны князь Ульян Розсей, а с левую сторону сидел гость Иван Ульянов. А в другой коче сидели подъячей Ивашко да переводчик Ондрей Грот, а с ними сидел гость Фрянчик Иванов. А люди Григорьевы ехали в кочех же; а князи, и дворяне, и дети боярские, и алдраманы, и гости ехали верхи перед кочами и около кочь по сторонам. И ехали лорд Харберт и князи, и дворяне, и алдраманы, и гости з Григорьем до подворья; и провожали на двор и в хоромы. И говорил лорд Харберт Григорью и Ивашку: „Великая де государыня наша Елисавет-королевна, жалуя вас, велела про вас ести готовить своим поваром; а вперед деи на вашей воле — как похотите, королевниным ли поваром ести про себе велите варити, или своим, а суды деи к вам серебряные купки, и столы, и достаканы, и блюда серебряные присла своей казны; и велела вас подчивати и корм давати доволен чего похотите; и в приста-вов место велела у вас быти до времени, до своего королевнина указу, гостю Фрянчику Иванову да Ивану Ульянову, покаместа государыня наша, королевна, ведет у вас быти большим приставом“. И поставя лорд Харберт Григорья и Ивашка на подворье, и устроя,

приказал быти гостем Фрянчику Иванову да Ивану Ульянову и корм приказал давати доволен, а сам поехал к королевне.

А как Григорий и Ивашко въехали в посад в Лунду и в те поры было по реке по Темзе в судах, и по берегу по обе стороны, и по улицам людей было в зборе добре много; а з города и с караблей стреляли изо многово наряду. А город Лунда Вышегород камен, не велик, стоит на высоком месте, и около его воды обводные. А большой город, стена камена ж, стоит на ровном месте около его версты с четыре и больши; а через реку Темзь меж посадов мост камен, а на мосту устроены дома каменные и лавки, и торг великой устроен со всякими товары.¹⁸

И сентября в 25 день приехал от королевны к Григорью и к Ивашку королевнин ближней дворянин, князь Еремей Боус, который был на Москве в послех, а с ним королевнинных дворян и детей боярских десять человек; и шедчися князь Еремей з Григорьем и с Ывашком, витался за руки.

И говорил князь Еремей Григорью и Ивашку от королевны речь, сняв шляпу: „Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, а вас жалуя, прислала меня к вам, а велела вас спросити о здоровье и нет ли деи вам в чем какие нужи и недостатку в кормех?“.

И Григорей и Ивашко на королевне жалованье челом били и говорили князю Еремею: „По приказу государыны вашей, Елисавет-королевны, ее жалованьем всем довольны и покойны, и недостатку нам в кормех и ни в чем некоторые нужи нам нет; только нам то скорбно, что мы государыны вашей, Елисавет-королевны, очей ее по ся места не видали и по великого государя нашего его царского величества наказу посольство государыне вашей Елисавет-королевне по ся места не правлено.“

И королевнин дворянин князь Еремей Боус говорил Григорью и Ивашку: „Я деи те ваши речи до государыни, до Елисавет-королевны донесу, а вам бы деи в том не подосадовати, что естя по ся места королевнинных очей не видали, потому что королевна ныне в дальних своих селех, а будет часа того в ближних своих

селех от Лунды поближе, и тогда вам велит быти у себя на посольстве, не замешкав“.

¹⁷И после того говорил князь Еремей Григорью и Ивашку в розговоре: „Преж деи сего, как есми посылан был от государыни своей, Елисавет-королевны, к великому государю вашему, блаженные памяти к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, в послех и его деи царская милость и жалованье, и честь ко мне была великая, свыше моего достоинства, и как деи его великого государя божим судом не стало, и я деи был опозорен и обезчестен и не чаял себе живу быти от бояр, ото князя Ивана Мстиславского да от Шуйских, да от Никиты Романова, да от диака от Ондreja Щелкалова; да жив деи есми по ся места и свет вижу великим милосердием и промыслом великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца: как еще он, великий государь, был во властодержавном правительстве, и он деи, государь, призрел на меня своим великим милосердием и не подал меня ни в чем никому, и с великим жалованьем и с честью отпустил меня ко государыне нашей, к Елисавет-королевне; и мне деи его царской великой милости нельзе забытьи, и во всем деи есми ему великому государю рад служитьи, и его царское величество и великое его милосердие славити до века своего“.¹⁷

И октября в 9 день приехал от королевны к Григорью и к Ивашку королевнин ближней дворянин, князь Елизарей Хоби,¹⁸ а с ним королевниних дворян и детей боярских десять человек; и сшедчися в Григорьем ис Ывашкою, витался за руки.

И говорил от королевны князь Елизарей Хоби Григорью и Ивашку, сняв шляпу: „Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, великого государя вашего царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца, а вас жалуя, прислала меня к вам, а велела вас спросити о здорovie; и велела вам говорити, чтоб вы о том не покручинились, что вы по ся места у ней на посольстве не бывали и очей ее не видали, потому что королевна была в дальних своих селех, а ныне приехала в ближнее свое село в Речмант, от Лунды десять верст, и велела

вам сказать, что быти вам у ней на посольстве октября в 14 день, во вторник“.

И Григорей и Ивашко на королевнином жаловальном слове челом били. И говорили князю Елизарью: „Как нам государыня ваша, Елисавет-королевна, велит нам быти у себя на посольстве, и в то б время иных государей послом и посланником с нами вместе быти у себя на посольстве не велела“.

И князь Елизарей Хоби Григорью и Ивашку говорил: „Я деи те ваши речи до государыни своей до Елисавет-королевны донесу, а чаю де, что государыня наша, Елисавет-королевна, велит учинити так, как великому государю вашему, его царскому величеству, годно“.

И октября в 14 день приехал к Григорью и к Ивашку от королевны князь Еремей Боус, а с ним королевниных дворян и детей боярских тритцать человек, да алдраманы и гости, которые торгуют на Москве; и шедчися з Григорьем и с Ивашком, витался за руки.

И говорил от королевны князь Еремей Григорью и Ивашку, сняв шляпу: „Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, велела вам сегодня, после стола, быти у себя на посольстве в селе своем, в Речманте, от Лунды десять верст, и прислала под вас кочи свои, в чем вам ехать, и велела мне с вами ехать в приставех; и вы будьте готовы. А в то время, как вам быти у ней на посольстве, иных некоторых государей послом и посланников быти у себя не велела“. И Григорей и Ивашко князю Еремею говорили: „Мы у государыни вашей, у Елисавет-королевны, на посольстве быти ради и ехать с тобою готовы“.

И говорил князь Еремей Григорью: „Как деи тебе ехать, то на твоей воле: будет мне велишь сидети с собою в коче вместе, и я готов; а будет велишь опроче в другой коче, то на твоей же воле“.

И шел з Григорьем князь Еремей у Григорья до кочи с левые руки. И сел Григорей в кочю, а з Григорьем сидел в коче з государевою грамотою подъячей Ивашко; а по сторонам в дверцах сидели переводчик Ондрей Грот, да гость Иван Ульянов. А пристав князь Еремей Боус ехал за Григорьем в другой коче. Да алдраманы, и гости, и дворяне, и дети боярские ехали на конех верхи и в кочах. А как приехали к королевнину двору в село

в Речмант, и высели ис кочь у ворот; и встретил Григорья от королевны в воротах ближней дворянин лорд Гре,¹⁹ а с ним дворян и детей боярских человек с пятьдесят; и сшедчися з Григорьем и с Ывашкою, сняв шляпу, витался за руки. А среди двора встретил Григорья лорд Ипенга.²⁰ И шли оба встречники у Григорья с левые руки; а з государевою грамотою шел позади у Григорья подьячий Ивашко; а дворяне и дети боярские, которые встречали с лордом Гре, и Григорьевы люди шли наперед; а алдраманы и гости шли позади; а перед королевниным двором в то время людей было много.

А как пришли х королевниным полатам к леснице, и встретил Григорья королевнин боярин, лорд Кумарлан;²¹ и сшедчися з Григорьем и с Ывашкою, сняв шляпу, витался за руки, и шел у Григорья с левые же руки. И вшед в переднюю полату, говорил лорд Кумарлан Григорью, чтоб „деи вам в сей палате посидети немного подождати от королевны присылки“. И погодя немного, велела королевна Григорью итти к себе в полату. И как Григорей и Ивашко пришли к королевниной полате, и встретил Григорья в сенех от королевны ближней ее человек, боярин и дворетцкой лорд чамберлин,²² и сшедчися з Григорьем, сняв шляпу, витался за руки; и шел з Григорьем х королевне в полату с левые ж руки, а прежние встречники шли позади.

А как Григорей и Ивашко пришла перед королевну и королевне челом ударили, и королевна с места своего встала и, отшед от места с сажень, велела Григорью приступить к себе поближе. И Григорей, приступясь х королевне, правил от великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, Елисавет-королевне поклон и поздравленье по наказу. И королевна против царского поклону и поздравленья поклонилася. А после того Григорей правил королевне от великого государя, царевича, князя Федора Борисовича всеа Русии, поклон и поздравленье по наказу же. И королевна против государева царевичева поклона поклонилася.

И спрашивала королевна Григорья о здоровье про великого государя, царя и великого князя, Бориса Федоровича всеа Русии

самодержца, и про великие государыни царицы и великие княгини Марьи Григорьевны, и про великого государя, царевича, князя Федора Борисовича всеа Русии, и про великие государыни царевны и великие княжны Оксиньи Борисовны.

И Григорей говорил: „Как есмя поехали от великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, и многих государств государя и облаадателя, и великий государь наш, царское величество, и великая наша государыня, царица, и великая княгиня Марья Григорьевна, и великий государь наш, царевич, князь Федор Борисович всеа Русии, и великая государыня наша, царевна, и великая княжна Ксенья Борисовна, дал бог, в добром здорovie“.

И королевна, слышав царского величества нмя и про их государьское здорovie, обрадовалась с великою сердечною любовью и учела быти весела.

И после того Григорей подал королевне от царского величества грамоту.²³ И королевна царскую грамоту принела сама с великою радостью. И после того говорил Григорей королевне речь по наказу,²⁴ а королевна в то время сидела. А как Григорей речь изговорил по наказу сполна.

И королевна, с места своего встав, говорила: „Слышела деи есми прежь сего от подданных своих от гостей, которые в Московском государстве, про великого государя вашего, что он, великий государь ваш, мой любительный брат, богом избран учинился на великом Московском государстве великим государем, царем и великим князем, всеа Русии самодержцем: и яз деи тогда ж его царскому величеству с великою сердечною желательною братцкою любовью обрадовалась, помня его великого государя к себе прежнюю братцкую любовь и к подданным моим великое его жалованье, как еще он, великий государь, был во властодержавном правительстве при великом государе, царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии, славные памяти. А ныне деи слышу и вижу подлинно про его царское имя и про его царское здорovie и к себе братцкую любительную ссылку; и яз деи ноипаче того с великим сердечным доброхотеньем добре радуюся, и молю

бога, чтоб ему, великому государю, а моему любительному брату, в своем царском величестве и с своею царицею и великою княгинею Марьею Григорьевною и з своим царским сыном, с наследником царствия своего, с царевичем со князем Федором Борисовичем, и с своею царевною и великою княжною Ксеньей Борисовною многолетно здравствовать. А на том ему, великому государю вашему, на его царской великой братцкой любви, много челом бью, что он великий государь не забвенную мя учинил, прислал ко мне тебя, посланника своего, государство свое обестити, и про свое царское здоровье сказать, и мое, сестры своей, здоровье видеть. Со многими деи у меня с великими крестьянскими государи братцкая любовь и ссылка, а ни с которым государем у меня такие братцкие любви и ссылки и крепкие дружбы нет, что с ним, с великим государем вашим; и надежу держу во всем на его царского величества братцкую любовь; и против деи его братцкие любви рада есми всею душою, и доброхотеньем, и дружеским воздавати, как его царскому величеству годно“.

А изговоря, позвала Григорья к руке, а после позвала к руке Ивашка.

И после того Григорей явил королевне от себя поминки сорок соболей да две пары. И королевна, похваля поминки, и велела их принять трезерю²⁵ своему; и велела Григорью сести, и говорила: „Как деи вас бог морским путем нес? А слышела деи есми, что вам морской путь добре был нужен и болезнень“.

И Григорей говорил: „Божиею милостию и великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, его царским величеством и жалованьем, дал бог, ехали здорово; а которая нам на море нужна была, и мы ныне, как увидели твои очи и великое твое к себе жалованье, тое нужно всее забыли“.

И после того королевна встала с места своего и велела к себе Григорью приступить и говорила: „Грамоту де есми любительного своего брата, великого государя вашего, у тебя принела и речь слушала с великою сердечною любовью; и мне деи наизусть не вспомнить — дай де мне тем речем, что еси от царского величества мне говорил, письмо“.

И Григорей поднес королевне речем письмо.

И королевна, взяв письмо, говорила Григорью: „Яз деи великого государя вашего, любительного своего брата, любительную грамоту и речи, что еси мне от его царского величества говорил, перевести велю на аглинской язык и, те все дела выслушав и выразумев подлинно, против того о всем с тобою к великому государю вашему отпишу. А что тебе от великого государя вашего сверх тех речей наказано о иных делах мне говорить, и яз деи о тех делах прикажу с вами говорить ближним своим бояром иным временем“.

А изговоря, отдала государеву грамоту и письмо речем ближнему своему секретарю Робору Сыселю²⁶ и отпустила королевна Григорья и Ивашка, а велела ехать на подворье.

И Григорей и Ивашко, королевне удара челом, пошли от королевны ис полаты; и провожали их те ж королевнины бояре и дворяне, которые встречали. А как Григорей и Ивашко от королевны вышли ис палаты в сени, и говорил Григорью от королевны королевнин боярин и дворетцкой лорд чамберлин: „Государыня де наша, Елисавет-королевна, велела мне вас подчивати овощи и вины в столовой своей полате“. Да лорд чамберлин же говорил: „Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси, а вас жалуя, приказала мне о вас; а велела вас чтити и беречи, и всем покоити, чтоб были честны, и всем довольны, и нужи б вам никакие не было. А в приставех у вас велено быти ближнему своему дворянину князю Еремею Боусу, да лутчему алдраману сер Джан Гарту,²⁷ да гостям Фряичику Иванову, да Ивану Ульянову“. И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били, и в столовой полате были, и, вин и овощей прикушав, пошли х кочам. А провожали Григорья боярин и дворетцкой лорд чамберлин до крыльца, а лорд Кумарлан провожал с лесницы, а лорд Гре и лорд Ипенга провожали до ворот; а пристав князь Еремей и дворяне и алдраманы и гости провожали Григорья до подворья.

²⁸ А как Григорей был у королевны на посольстве, и в то время

были при королевне митрополит Кантоборинской да два епископа лундских, да бояр: лорд-кипер да эрль адмирал Нотимган, да конюшей боярин лорд Устерь, да боярин и дворетцкой лорд чамберлин, да боярин лорд Кумарлан, да лорд Люмли, да лорд Томас Гавард, да лорд трезер Бокъгорст, казначей большой, да другой казначей князь Иван Фоский; да думные дворяне: лорд Кобан, лорд Вынзор, да лорд Бурли; да ближние думы секратари: Робор Сысель, да Гарбет; да вотчинные большие князи: эрль Дарбей, да эрль Шрозбори, да эрль Акшард,²⁸ и иные многие князи и дворяне стояли при королевне по правой стороне; а по левой стороне стояли многие боярины и девицы.

И ноября в 1 день приехал от королевны к Григорью дворянин сер Джан и говорил Григорью от королевны: „Государыня деи наша, Елисавет-королевна, велела деи вам говорити, чтоб деи вам съехатися з бояры моими в Лунде на дворе у боярина у лорд-кипера говорити о тех делех, что вам от великого государя вашего наказано“.

И Григорей говорил: „Мы по королевнину веленью ехати к бояром на королевнин двор, где нам королевна велит быти на своем дворе, для государева дела готовы; а к бояром нам на боярской двор о царском деле ехати не годитца“.

И королевнин дворянин сер Джан Григорью и Ивашку говорил: „В обычае де у великие государыни наша ведетца так, которые послы и посланники из ыхных великих государств бывають у государыни нашей: цесаревы, короля ишпанского, и францовского, и польского, и турского салтана, и иных государей, и те все послы и посланники, после посольства, съезжаютца з бояры у боярина на дворе, к которому велит королевна, и тут о государевых делех з бояры договор чинят“.

И Григорей говорил королевнину дворянину сер Джану: „В том волен бог да королевна, а нам по царскому величеству тех некоторых государств послы и посланники не образец: они делают, как хотят, а будет и по своему достоинству по наказу государей своих; а я — посланник царского величества, от великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца,

и многих государств государя и обладателя; а великий государь наш, царское величество, над великими славными государи высочайший великий государь, самодержавной царь, и нам к бояром на двор царскому величеству ни к кому не езживать; а на королевнин двор, где нам велит королевна для государева дела на своем дворе у бояр быти, и мы тотчас ехати готовы“.

И королевнин дворянин сер Джан говорил: „Я деи те твои речи до королевны донесу“.

И ноября в 3 день приехал от королевны к Григорью пристав князь Еремей Боус и говорил от королевны: „Доносил деи до государыни нашей, до Елисавет-королевны, по вашему приказу королевнин дворянин сер Джан, которой к вам прислан сказать, как вам для государства дела быти у бояр на дворе; и вам о государевых делах у бояр на дворе по царскому величеству быти невместно. И государыня де наша, Елисавет-королевна, то отговорила, что вам быти у бояр на дворе; а прислала меня к вам, а велела вам сказать, чтоб вам съехатися з бояры ее и з ближними людьми сегодни в Лунде, на ее королевнине, на казенном дворе, говорити о государевых делах, что вам от царского величества приказано. А приказала с вами говорити ближним своим бояром, лорд-киперу, да лорд-адмиралу, да казначеем лорд-трезерю да князю Ивану Фоскии, да ближним своим секретарем Робору Сыселю да Гарбору. А велела, те государевы дела у вас выслушав, известити себе“.

И Григорей и Ивашко говорили князю Еремею: „Мы по королевнину изволенью на ее королевнин двор к бояром ее ехати готовы“.

И того ж дни ноября в 3 день Григорей и Ивашко на королевнине дворе в Лунде у бояр были; и встречали Григорья и Ивашка среди двора королевнины дворяне, а на леснице, и на крыльцах, и в сенех, вышед ис полаты, встречали бояре: лорд кипер, да лорд адмирал с товарищи порознь; а шли в полату у Григорья все с левые руки. А вшед в палату, указали бояре Григорью сести в большом месте, и сами сели по местом; а приставом и дворяном велели ис полаты вытти вон; а гостем: Фрянчику Иванову да

Ивану Ульянову выходить не велели для толмачества и роспросу.

И Григорей говорил бояром речь по государеву наказу о датском деле, да о дохтуре о Вилесе;²⁹ а как речь изговорил и королевнины бояре, лорд кипер с товарищи Григорью и Ивашку говорили:

„Которые есте государевы дела нам по государеву наказу говорили, и нам тех дел без письма тех дел вспомнить немочно: в том деи на нас не позазрите — дайте нам речем, что есте говорили, письмо, и мы де по тому письму те государевы дела велим перевести на свой аглинской язык и, подлинно выразумев, донесем до государыни своей до Елисавет королевны“.

И Григорей и Ивашко говорил бояром лорд-киперу с товарищи: „Будет вам тех государевых дел, что мы вам говорили, речью без письма не вспомните, и мы к вам на те речи письмо пришлем“.

А изговоря, Григорей и Ивашко по государеву наказу пошли ис полаты, и провожали Григорья королевнины бояре лорд кипер с товарищи до тех же мест, где встречали.

Ноября в 5 день приехал от королевны к Григорью пристав князь Еремей Боус, и говорил Григорью и Ивашку: „Государыня деи наша, Елисавет-королевна, велела вам говорить, что сего дни из села своего Речманта в Лунду приезд ее будет, и вам бы де ее королевнина приезду и чинов посмотри, как ее учнут встречати князи и бояре, и дворяне, и лунской лорд-мер, и алдраманы, и гости, и все посадцкие люди; а двор деи вам изготовлен будет на той улице, куды королевне на свой двор ехать; а из того де двора будет вам видети ее королевнин приезд; а королевне деи от вас то будет за честь, а только деи не поедете, и королевне на вас будет кручинно“.

И Григорей и Ивашко против королевнина слова говорили князю Еремею: „Волен бог да королевна, будет деи то годно, что нам приезд ее видети, и мы повеленья ее послушатись не смеем: очи ее видети и чинов ее посмотри ради, только б нам не было в чем безчестья и иноземцов при нас в то время, где нам быти, не было никого“.

И того ж дни Григорей и Ивашко ездили и королевнии приезд видели из двора, которой был для того изготовлен; и в те поры ехали против королевны на встречу митрополит Кантоборинской, да другой митрополит Лунской, да князи вотчинные большие, и бояре, и приказные люди, и дворяне порознь по чином, а с ними люди их в чистом платье и в золотых чепях; а опосле того ехал лунской лорд-мер, а с ним двенатцать человек судей, которые с ним sprawy держат, и алдраманы, и гости многие в платье в скорлатном и в золотых чепях; а за ними ехали посадцкие люди человек с тысячу. А встретили королевну за посадом; а приехала королевна в посад в два часа ночи; а наперед ее ехали посадцкие люди и дети боярские по два и по три в ряд; а за ними ехали гости, а за гостями дворяне, а за дворяны ехали лорд-мер и алдраманы, и судьи земские; а за ними ехали митрополиты, а за митрополиты ехали князи вотчинные большие и бояре; а по сторонь королевнины колымаги ехали ближние люди; да перед королевною ж шли многие люди с свечами и с вонари человек до пятисот и больши; да перед королевною ж ехали трубники и трубили в трубы; а за королевною ехали боярини и девицы. А в то время стояли многие люди посадцкие з женами и з детьми по обе стороны улицы, и королевне поздравляли, и королевна спрашивала их о здоровье и нет ли им от кого обид.

Ноября в 17 день приехал от королевны дворянин лорд Винзор и говорил от королевны Григорью, сняв шляпу: „Государыня наша, Елисавет-королевна, велела вам сегодня после стола быти у себя и очи свои видети; а в том деи королевне на вас добре за честь, что есте третьево дни приезд ее видели и ее повеленья не ослушались“.

И Григорей и Ивашко против королевнина слова говорили, сняв шапки: „Волен бог да королевна; как нас для царского величества пожалует, и мы ее жалованью жадны и очи ее видети ради“.

И того ж дни Григорей и Ивашко у королевны были. И как вошли х королевне в полату, и королевна Григорья и Ивашка спрашивала о здоровье и говорила Григорью: „Сего деи дни праздную яз тому дни, в которой день села яз на королевство,³⁰

и яз деи для того велела вам сего дни у себя быти, и очи свои видети, и потехи своей смотрити“. И велела Григорью и Ивашку стояти у себя в полате и смотрити потехи от собя ис полаты.

И Григорей и Ивашко королевнину потеху видели, как перед нею билися, съезжаясь меж себя, князи и боярские дети, и дворяне в полных доспесех на аргамацех и на жеребцех древцы. А в то время при королевне в полате иных некоторых государств послы и посланники не были, а были барбарейского царя послы,³¹ и те стояли на дворе под навесом с рядовыми людьми. А как потеха миновалась, и королевна велела Григорью и Ивашку ехать к себе на подворье, а лорд Винзор и князь Еремей Боус провожали до подворья.

Декабря в 8 день приехал к Григорью и к Ивашку дворянин королевнин большого казначея сын Саквелд³² и говорил: „Приехал деи есми к вам челом ударити, и с вами видетца, и слышати от вас про великого государя вашего, про его царское величество; во многих деи есми государствах бывал, и про великого государя вашего, про его царское величество, и дородство и храбрость, и счастье, и премудрой разум, и милосердой его царской обычай слышел; и про то, что, сказывают, многие орды бусурманские под его царскою рукою ему, государю, служат; и я деи хочу у вас ведати про нагаи: как нагаи с великим государем вашим? А как деи есми был у цесаря своею волею, и бился с турскими людьми, и у нас деи был тот слух, что будут на цесаря с Крымским царем нагайские многие люди; и то деи не сталося — нагайские люди на цесарскую землю не бывали, а не пропустил деи их, сказывают, великий государь ваш, вспомогаючи цесарю“.

И Григорей и Ивашко говорили: ³³„Великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Руси самодержцу и многих государств государю и облаадателю, и царского величества сыну, великому государю, царевичю, князю Федору Борисовичю всеа Руси, многих бусурманских царств цари, и царевичи, и многие орды татарские со многими людьми служат; а Нагаи Заволжские издавна служат великим государем нашим, а ныне Иштерек-князь и нурадын Кучюк-мурза з братьею, и с

племянники, и со всею Нагайскою ордою и свыше прежнего великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русии самодержцу, и его царского величества сыну, великому государю, царевичю, князю Федору Борисовичю всеа Русии, в прямом холопстве учинились; и где им великий государь наш, царское величество, велит быти на свою государеву службу, и они всегда готовы; а воинских людей в Заволжских Нагаех болши осмидесят тысяч. А...⁶ Барагазы-князь з братьею и з детьми, и с племянники—восьмидесят мурз, а у них воинских людей пятьдесят тысяч; и те, были, Нагаи поворовали, хотели отстати от государя нашего к турскому салтану; и великий государь наш, блаженные памяти царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии самодержец, указ свой царской к Заволжским Нагаем послал, а велел их посмирить; и Заволжские Нагаи, по государеву указу, на них ходили и их повоевали и розгромили, и жены их, и дети в полон поимали. И Казыева улуса мурзы, узнав свои вины, ныне великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русии самодержцу, добили челом и в прямом холопстве учинились, и во всей его царской воле послушны. А внове прибывые государства учинились под великого государя нашею царскою рукою: Иверской Александр царь з братьею, з грузинскими цари; Казадкие и Колматцкие орды, Тевкел-царь з братьею и со всею Казадкою ордою и Колматцкою; Черкаская земля Кабардинская, Шевкальское царство, Кумыки, Оуки, Барагуни, Абазы, Эрпили, Минкизы, Тюмени; Чорного князя Оварская земля. И дань с тех государств идет великому государю нашему: всякие дорогие узорочья. А куды великий государь наш, царское величество, велит им итти на своего недруга, и они сами ходят, и братью, и детей своих с своими людьми посылают; и во всей государеве воле“.³³

И генваря в 4 день приехал от королевны к Григорью дворянин дохтур Паркин,³⁴ и говорил от королевны Григорью и Ивашку, сняв шляпу: „Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, а вас жалую,

велела вам у себя на праздник на крещеньев день хлеба ести".³⁵ И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били и дворенина королевнина Григорей дарил.

И генваря в 6 день приехал к Григорью от королевны пристав князь Еремей Боус, а с ним королевниных дворян четырнатцать человек; и говорил Григорью и Ивашку от королевны, сняв шляпу: „Великая де государыня наша Елисавет-королевна прислала меня к вам, а велела мне с вами ехать к себе за стол и кочи под вас, в чем вам ехать, прислала свои“.

И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били и, седчи и колымаги, поехали к королевне; а сидел в коче Григорей в большом месте, а против сидел князь Еремей Боус. А как приехали к королевнину двору, и высели ис кочь, и встретил Григорья у ворот ближней дворянин лорд Бетфорт,³⁶ а называют королевне племянником по матери, да лорд Винзор; и шедчися з Григорьем, витались за руки и пошли з Григорьем в полату; а шли у Григорья с левою руку. А как вошли в переднюю полату и лорд Бетфорт говорил Григорью, „чтоб деи вам здесь посидети немного“. И того ж часу пришел от королевны ближней человек боярин и дворетцкой лорд чамберлин, и витался з Григорьем за руки и говорил Григорью, „чтоб деи вам не подосадовати, а яз деи про вас королевне скажу“. И пошел лорд чамберлин к королевне, и лорд Винзор; а лорд Бетфорт и князь Еремей сидели з Григорьем; и немного погодя, пришел от королевны лорд Винзор и говорил от королевны, сняв шляпу: „Государыня деи наша, Елисавет-королевна, велела вам итти к себе“.

И как Григорей и Ивашко вошли к королевне в полату и королевне челом ударили, и королевна, встав с места своего поклонилась и спрашивала Григорья о здоровье, и говорила: „Любя де яз брата своего, великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, а вас жалуя, велела вам сего дни на праздник у себя хлеба ести; а иду яз к обедне, и вы подите, посмотрите наших чинов и обычаев, как мы по своей вере богу молимся, и обедню у нас поют“. И велела Григорью итти перед собою з ближними своими бояры.

А как королевна вышла ис полаты в сени, и в те поры, на выходе, в сенех, ударил челом королевне Италиянские земли князь; и королевна с ним розговаривала, и звала его к себе хлеба ести; а сказали про него приставы, что он Италиянские земли флоренской удельной князь Верджен Аурсинов,³⁷ а францовскому деи королю имаецца он шурин; а приехал деи он королевне челом ударити, и Аглинское государство видети, и чинов королевных посмотри; и королевна деи его звала хлеба ести; а за столом деи ему у королевны с вами вместе не сидети, а ести деи ему в другой полате з бояры“.

А как королевна шла в церковь и наперед королевны шли дворяне, а за дворяны шли бояре, а за королевною шли многие боярини и девицы; а в полатах и по сенем стояли по обе стороны: по правой стороне — дворяне, а по левой стороне стояли боярини и девицы. И вышед королевна ис полат своих, пошла к церкви, а Григорья и Ивашка приставы ввели в полату, а ис тое полаты видеть было в церковь; а как королевна вошла в церковь, и в те поры учили играти в церкви в варганы и в трубы, и в иные во многие игры, и пети; а сказывали приставы, что поют псалмы Давыдовы. А место, где попы служат, зделан рундук, а на рундук поставлен стол покрыт камкою, а на столе лежат две книги обложены золотом, а называют апостолом да евангилием; да на столе ж поставлены две свечи не зажжены. А попы стояли в ризах золотных, а по крыласом стояли поддиаки в стихарех в белых. А как учили отпевати обедню, и королевна, подшед к месту, где попы служат, приклякнула на колени, и дала попом на блюдо в трех бумашках; а сказывали приставы, что королевна по своей вере по вся праздники приносит дар к богу злато и ливан, и змирну; и, отдав, пошла к себе в полату.

И пришел от королевны к Григорью и к Ивашку в полату боярин и дворетцкой лорд чамберлин и говорил Григорью и Ивашку: „Велела деи королевна вам итти в столовую полату и дожидатися себя у стола своего“.

И после того, не много погода, пришла королевна в столовую полату и велела митрополиту и попом говорити перед столом

„Отче наш“; и села за стол; а Григорья и Ивашка и переводчика Ондreja велела посадить за особным столом у себя по левую руку. А митрополиты и попы, проговоря „Отче наш“, пошли ис полаты вон. А бояре и дворяне, которые были при королевне у стола, все стояли, а не сидел ни один; а подчивали Григорья и Ивашка за столом лорд Бетфорт, да князь Еремей Боус, стояли ж, а не сидели; а лорд Вынзор стоял у королевны у стола в других кравчих; а перед королевну ставили ести стольники человек с тридцать, а чашники перед королевну пить наливали пять человек боярские дети; а перед питьем ходил с отливкою боярин лорд адмирал; а поставцы были два: один серебрян, а другой золот со многими судми.

А как сели за стол, и королевна прислала к Григорью с кравчим подачу — колачъ на блюде покрыт ширинкою; и говорил Григорью: „Великая де государыня наша, Елисавет-королевна, подает тебе своего жалованья колачъ да тебя ж деи жалует ширинкою“.

И Григорей на королевнине жалованье на подаче и на ширинке челом бил. И как перед королевну пить понесли, и королевна, встав, пила чашу про великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, здорovie; и пив чашу, велела подати государеву чашу Григорью.

И Григорей, вышед из-за стола, пил государеву чашу, и пив чашу, говорил: „Вижу, государыня, твою любовь к великому государю нашему, к царскому величеству, и как, аже даст бог, буду у царского величества, и яз про твою любовь великому государю своему извещу“.

А после того королевна пила чашу про великую государыню, царицу и великую княгиню Марью Григорьевну и, пив чашу, велела подати Григорью; и Григорей, вышед из-за стола, пил чашу великие государыни, царицы и великие княгини Марьи Григорьевны. А как у королевны стол шел, и перед нею играли во многие игры многие игрецы. А как у королевны стол отшел, и королевна из-за стола встала и почала умывать руки и, умыв руки, велела серебряник с водою поднести Григорью; и Григорей на коро-

левнине жалованье челом бил, а рук не умывал, и говорил: „Великий государь наш, царское величество, Елисавет-королеву зовет себе любительною сестрою, и мне, холопу его, при ней рук умывать не пригодится“.

И королева почала быть весела и Григорью то похвалила, что ее почтил, рук при ней не умывал.

И после того королева позвала Григорья и Ивашку и переводчика Ондreja к руке, и велела ехать на подворье. И Григорей и Ивашко, ударя королевне челом, пошли из полаты; и провожали Григорья и Ивашку королевнины дворяне, лорд Бетфорт да лорд Вынзор до ворот, а князь Еремей Боус провожал до подворья.

И февраля в 5 день присылал к Григорью и к Ивашку лундской лорд-мер³⁸ звать хлеба ести, неделе февраля к осмому числу. И того ж дни сказывали Григорью гости Фрянчик Иванов да Иван Ульянов: „Присылал деи вас лорд-мер звать хлеба ести с королевнина ведома; только деи мы тебе то объявляем, как будете у него, и ему сидети по своему чину в большем месте, о вам деи сидети ниже его места, потому что де он у нас в Лунде именуется в королевнино место, сидит в Лунде во всех земских роправах и не поседает деи его никто; а которые деи из ыных из земских государств послы и посланники бывают у него на пиру, и те деи сядятца ниже его“.

И Григорей и Ивашко говорили Фрянчику и Ивану: „Нам некоторых государств послы и посланники не образец: великий государь наш, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Руси самодержец, и многих государств государь и облаадатель, над великими славными государи высочайший великий государь, самодержавный царь; будет лорд-мер похочет нас видети у себя, и ему нас чтити для царского величества имени, и мы к нему едем; а будет ему чину своего порушити и меня местом выше себя почтити нельзя, и мы к нему не едем; и вам бы Фрянчику и Ивану в том ему отказать“.

И потому Григорей и Ивашко у лорд-мера и не были.

³⁸ И февраля в 8 день учинилась в Лунде великая смута

в людех: город заперли и улицы чепми замкнули и люди учили ходити в збруе, в доспехах и с пищальми.⁵

И Григорей и Ивашко спрашивали Фрянчика Иванова да Ивана Ульянова: „Что у вас такая смута учинилась в земли для чего?“.

И гости Фрянчик и Иван сказывали: „Грехом деи нашим учинился великой грех, каков в Аглинской земли не бывал на нашей памяти: был деи у королевны великой ближней человек, вотчинной князь, боярин конюшей эрл Эксетджой в опале, и был деи за приставом преж сего, и от пристава освобожен; а жил в вотчине, а из вотчины без королевнина ведама ездити ему не велено; и недавно деи приехал в Лунду из вотчины без королевнина ведама; и королевне деи ведамо учинилося от ближних людей, что он хочет изменить, королевну хочет убить, а сам хочет сести на Аглинском королевстве королем, а с ним деи многие в заговоре князи и дворяне, и дети боярские; и королевна деи пригласила к нему на двор больших своих бояр лорд-кипера с товарищи, а велела его поимати; и он деи себя поимати не дал, а тех бояр лорд-кипера запер у себя на дворе в полате, а сам прибежал в город в Лунду; а с ним были его заговору князи и дворяне, и дети боярские, и его двора с пятьсот человек в доспесех с ружьем; а понадеелся деи на то, что за него станут лунские посадские люди, потому что преж сего, как он был в королевнине в великом жалованье, и как он королевне служил правдою, и с недруги ее бивался, и в Ышпанскую землю и в ыные земли воевать хаживал в великих воеводах, и везде ославился великим богатырством, и разумом, и счастьем, и за то его всею Аглинскою землею добре любили; а как деи он прибежал в город в Лунду, и за ним деи тотчас прислала королевна ближняго своего дворянина, а велела лунским людем всем говорить, чтоб за него никто не стоял, и к нему не пристава, потому что изменил, помыслил на королеву убивством; а хто за него встанет или к нему пристанет, и тому быть кажену смертью; и лундяне за лорда за ...никто не стал... к нему никто не пристал;⁶ и увидев то лорд эрль Эксетджой, что за него лундяне не стали, побежал к себе опять на двор, а которые князи были с ним в заговоре, и те многие от него отстали; да с ним же был в думе лорд чиф

джестес, и тот лорд, отстав в Лунде от лорда эрль Эксетцкого, прибежал наперед его на лорд эрль Эксетцкой двор, и тех бояр, лорд-кипера с товарищи, которых был лорд Эксетцкой на своем дворе в полате запер, выпустил, и з бояры пришел к королевне, и что было Эксетцкого умышление, и он то все известил королевне, и королевна ему за то пеню отдала, его пожаловала. А лорд Эксетцкой после его прибежал к себе на двор и заперся на дворе, а с ним три князи вотчинные большие: эрль Сеуфгамтен, да эрль Роклин, да лорд Сенс, да его двора люди, и хотел битца на смерть; и королевна прислала к его двору боярина своего лорд-адмирала со многими людьми и с нарядом. И лорд де адмирал говорил ему: „Прислала деи меня королевна, а велела тебя взяти и привести к себе; и ты де против государыни как стоишь?“. И лорд де Эксетцкой ему говорил: „Я деи против государыни своей, Елисавет-королевны, не стою и ей не изменник, а стою де против своих недругов, секретаря Робора Сыселя и его заговору, что хотят меня убить; а ныне деи вижу тебя, что ты прислан от королевны, великой боярин, и я деи тому верю и против тебя не стою: волен бог да королевна надо мною“. И, сняв с себя саблю свою, положил перед лорд-адмиралом, да и те три князи, которые с ним сидели; и лорд-адмирал, взяв их, привел на королевнин двор; и королевна лорд Эксетцкого и тех трех князей велела в Вышегороде посадить в тюрьму; а после того велела королевна быти у себя в зборе многим людем конным и пешим для того, чаючи в земли великой шатости и за него стояния“.

И Лунда-город был заперт недели з две, а улицы замкнуты были чепми, а лунские люди все ходили в зборе наготове, в доспесех, с пищальми, остерегаячи королевну и опасаячися от иных окресных ближних государств эрл Эксетцкому вспоможенья, потому что он в Аглинской земли и в ыных государствах славен был и любим.

И февраля в 17 день сказывали Григорью и Ивашку гости, Фрянчик Иванов да Иван Ульянов: „Сего деи эрль Эксетцкому суд был, а судили деи его вотчинные большие двадцать четыре князи; и по суду деи Эксетцкой стал виноват и осужден на

смерть". И февраля в 24 день эрль Эксетцкой кажен смертью в Вышегороде; и после его по нем в Лунде было великое сетование и плачь великой во всех людех.³⁹

А опосле того кажены его заговору вотчим его, да три князи, да дворецкой его, да дьяк;⁴⁰ а иные князи и дворяне, и его люди многие сидят по тюрьмам.

Апреля в 12 день приходили к Григорью от посла шкотцкого короля три человеки, люди его, и правили Григорью от посла поклон, и спрашивали о здоровье, и говорили: „Посол деи короля шкотцкого эрль Бодвель Гарр⁴¹ велел тебе говорити, чтоб деи для любви мне с вами видетца; а как деи мне велишь у себя быти, и яз деи буду“.

И Григорей говорил посольским людям: „Будет хочет посол шкотцкой с нами видетца, и он бы к нам ехал; а мы его приезду ради и видетца с ним хотим“.

И велел Григорей посольских людей подчивати вины и меды.

И после того сказывали Григорью и Ивашку гости Фрянчик Иванов да Иван Ульянов: „Приходили деи к вам от шкотцкого короля посла три человеки, и нам деи после того ведомо учинилось, что приходил к тебе сам посол, а назвался своим человеком“.

Апреля в 15 день приехал от королевны к Григорью дворянин князь Иван Стафер, и правил Григорью от королевны поклон и спрашивал о здоровье, и говорил: „Государыня наша, Елисавет-королевна, жалует тебя оленем, а того деи оленя королевна застрелила сама“. И Григорей на королевнине жалованье челом бил и князя Ивана дарил.

И апреля в 22 день приехал от королевны пристав князь Еремей Боус и говорил Григорью и Ивашку: „Государыня де наша, Елисавет-королевна, велела вам говорити; чтоб деи вам завтра у меня быти и очи мои видети и чинов моих посмотри, как я празную мученику Георгию“.

И Григорей и Ивашко говорили князю Еремею: „Мы государыни вашей, Елисавет-королевны, очи ради видети, только б в то время, как нам королевна велит у себя быти, иных государств послом и посланником с нами вместе быти не велела“.

И князь Еремей говорил: „Яз деи те ваши до королевны донесу“.

И Григорей спрашивал князя Еремея: „У государыны вашей, у Елисавет-королевны, ныне послов, кроме францовскаго, и барбаринскаго царя, и шкотцкаго короля, есть ли внове от которых государей послы и посланники, и для каких дел францовскаго посол и шкотцкаго х королевне присланы?“.

И пристав князь Еремей Боус Григорью и Ивашку сказывал: „У государыни деи у нашей, у Елисавет-королевны, ныне опроче францовскаго и шкотцкаго короля, и барбаринскаго царя послов, иных государств послов и посланников внове нет никого; только слышел деи есми, что приехали в Аглинскую землю ис Цесарские области три князи королевне челом ударити и чинов ее посмотреть, своим хотеньем, а не посольским обычаем; а сам деи есми их не видал. ⁴²А францовской деи король ко государыне нашей прислал посла своего о братстве и о дружбе; а в обычае ведетца для укрепления фрацовскаго короля послы живут у государыни нашей, переменясь без съезду; а королевнины послы у францовскаго короля так же живут без съезду; а францовскому деи королю государыни нашей, Елисавет-королевнины, дружбы и любви нельзе до веку своего забытьи, за то: как его шпанской король хотел с королевства согнати, и как у него была з землею рознь, и государыня де наша, Елисавет-королевна, в тех его незгодах вспомагала всякими мерами; толко деи Аглинское государство ото Францовскаго государства остерегаетца для прежних недружб и в том им не доверяют. ⁴²А шкотцкаго де короля посол для чего пришел х королевне, и того деи подлинно, опроче королевны, никто не ведает, только деи мы догадываемся и чаем, для того ссылка меж ими, государи, что ему, шкотцкому королю, быти после королевны на Аглинском королевстве; и просит у королевны того, чтоб Аглинского королевства имя нарчено было при ней, покаместа она жива, а королем бы ему быти аглинским и шкотцким, потому что по родству х королевне ближе его племяни нет никого. А барбаринскаго деи царя посол пришел о дружбе; да у него же деи в земли объявилась золотая руда и у него мудрых людей рудокопцов в земли нет, и он деи ко государыне нашей, королевне, прислал бити

челом, чтоб пожаловала прислала к нему мудрых людей рудокопцов“.

Апреля в 23 день на Егорьев день приехал к Григорью пристав, князь Еремей Боус, а с ним королевниных дворян пять человек; и говорил князь Еремей от королевны Григорью и Ивашку: „Государыня де наша, Елисавет-королевна, велела вам сего дни у себя быти, очи свои видети; а в то деи время, как вам у королевны быти, иных государей послом и посланником с вами вместе государыня наша королевна быти у себя никому не велела“.

И того ж дни Григорей и Ивашко х королевне ездили; а ехали в кочех до реки, а рекою ехали в королевниных судах до королевнина двора; вышли из судов позади королевнина двора в королевнин сад, и шли садом на королевнин двор до королевниных полат; и вошли в королевнины полаты, и ввели в невеликую особенную полатку, откуда как мочно видети королевну и чины ее. И немного погодя, шла королевна из своих полат к церкви и, быв в церкви, и пошла из церкви около своего двора; а перед нею шли митрополит, да владыко, и попы в ризах золотных, а несли две книги, а называют их евангалие да апостол; а пели, сказывают, псалмы Давыдовы; а за митрополитом, и за владыкою, и за попы шли бояре; а над королевною несли солнычник камчат червчат; а около ее шли дворяне с рогатинами, а перед нею несли саблю; а за королевною шли боярины и девицы. А как королевна пришла против Григорья, и Григорей и Ивашко королевне челом ударили. И королевна, став, поклонилась, и спрашивала о здоровье, и говорила: „Ныне деи у меня праздник — празную святому Георгию, и яз деи велела вам у себя быти, и очи свои видеть, и чинов моих посмотреть, а есть деи вас потому не зову, что ныне у меня день чинной“. И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били.

И после того Григорей бил челом королевне об отпуске, чтоб пожаловала велела отпустить к царскому величеству. И королевна говорила: „Как деи карабли изоспеют, и яз деи вас отпущу к великому государю вашему, не замешкав, тотчас“.

И ходив королевна около своего двора и вошла в церковь, и принесла митрополиту золотой, а бояре и князи носили митро-

политу по золотому. И Григорей и Ивашко, королевне ударя челом, поехали на подворье, а провожали князь Еремей и дворяне до подворья.

И апреля в 24 день приехал к Григорью королевнин боярин, князь Ондрей Лей, брат князю Рыцарю Лею,⁴³ которого послала королевна к царскому величеству в послех, а с ним двора его человек с пятьдесят. И Григорей встретил князя Андрея в сенех, а Ивашко встретил на крыльце. И князь Андрей, сшедчися з Григорьем, сняв шляпу, витался за руки, и, вшед в хоромы, сел по местом, а сидел Григорей в большом месте.

И говорил князь Андрей Григорью: „Приехал деи есми вам челом ударити и розсказать вам, что писал ко мне брат мой с Москвы, что великий государь ваш для любительные своей сестры, нашей государыни Елисавет-королевны, жалует его своим царским великим жалованьем свыше нашего достоинства, и мы деи его царское величество и его государево великое жалованье должны славить до века своего; а в том деи на меня не подосадуите, что у вас по ся места не бывал, потому что жил в вотчине, а ныне деи вам челом бью, что деи вам пожаловати ехати ко мне гуляти в вотчину мою; а яз деи вам за государево жалованье буду челом бити“.

И Григорей и Ивашко князю Андрею говорили: „Мы на твоей любви челом бьем; честь твоя до нас дошла, а ехать нам с тобою неколи; путь морской поспел, и мы бьем челом королевне об отпуске“.

И подчивал Григорей князя Ондreja вины и меды красными и белыми; и провожал князя Ондreja Григорей до дверей, а за дверь Григорья князя Ондreja провожати себя не пустил, а Ивашка провожал князя Ондreja до крыльца. А как Григорей и Ивашко были у королевны на Егорьев день, и видели князя Ондreja при королевне в боярех, в рыцерском чину в шестом месте, которые князи празнуют Георгию.⁴⁴

Апреля в 25 день приехали к Григорью Цесарские области из Муравские земли князи,⁴⁵ три брата: Рудольф, Жигимонт, Фредерик, а отечеством словут бароны. И сшедчися з Григорьем

и с Ывашком, сняв шляпы, виталися за руки и говорили: „Приехали деи есмя к вам для любви, с вами видетца, потому что меж великими наши государи братцкая великая любовь и ссылка“.

И Григорей говорил князем: „Мы вашей любви и приезду ради для того, что великий государь наш, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, с великим вашим государем, с Руделфом цесарем, в братцкой любви и в ссылке, и в крепкой дружбе“.

И спрашивал Григорей князей: „Сколь давно от государя своего ис Цесарские земли и каким обычаем сюда приехали?“.

И князи говорили: „Как деи мы поехали от государя своего из Цесарские земли, из своего дому, тому деи осмой месяц; а ездили деи по розным государствам для науки и посмотриети в государствах обычаев, своею волностью, и грамота де у нас проезжая цесарская; и были деи мы у францовского короля, а ото францовского приехали к аглинской королевне, а из Аглинского деи государства ехати нам к шкотцкому королю, а от шкотцкого к датцкому, а от датцкого к свейскому королю; а от свейского мыслим ехати к Москве и жадаем того, чтоб нам видети великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Русии самодержца, слышачи во многих розных государствах про его государево царское величество и к инородцам его царское великое жалованье“.

И Григорей спросил князей: „Каким обычаем хотите ехати к царскому величеству: на его ли имя служить или, быв у его царского величества, хотите ехати в свою землю?“.

И князи говорили: „Мы де хотим к великому государю вашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русии самодержцу, к его царскому величеству, ехати для того, чтоб нам его царские очи видети, и перед ним, перед вашим государем, против его государства недруга служба своя показати“.

И Григорей и Ивашко говорили князем: „К великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русии самодержцу и многих государств ко государю и

обладателю, к милостивому и счастливому, и храброму, и премудрому, едут служить изо многих розных государств цари и царевичи, и королевичи, и государские дети, слышачи про его царского величества дородство и храбрость, и счастье, и премудрой разум и не изказанное к людем милосердие; и ему, государю, и его царского величества сыну, великому государю нашему, пресветлому царевичю, князю Федору Борисовичу всеа Руси, служат, а великий государь наш, царское величество, их жалует своим царским великим жалованьем по их достоинству; и живут в его царском в великом жалованье в покое и в тишине, и во благоденственном житие; а вы, будет только похотите ехати к великому государю нашему и его царского величества к сыну, к великому государю нашему, к царевичю, ко князю Федору Борисовичю всеа Руси, служить, и великий государь наш, царское величество, также пожалует вас своим царским жалованьем по вашему достоинству“.

Да спрашивали Григорей и Ивашко князей: „Как ныне цесарь с Турским — в перемирье ли, или меж ими война? И вперед меж ими чего чаять? И не вдавне меж ими бои бывали и на которую сторону больши изрону, и чьей рати в собранье больше было: цесарские ли или Турского? И крестьянские государи цесарю людьми и казною против Турского помогают ли и которые государи цесарю помогают?“

И князи говорили: ⁴⁶ „В прошлом деи 108 году были в собранье с обе стороны цесарские и Турского рати великие, а бою деи большого меж ими не было; только взял Турской у цесаря город Каниз, а здал его цесарской воевода изменою; а иного деи дела подлинно не ведаем, потому что мы поехали из Цесарские земли давно. А вспоможенье деи цесарю против Турского чинят людьми и казною папа римской, король шпанской; а францовского де короля и иных государств воинские люди наемные служат цесарю на его цесарской казне. А Волошская деи земля ныне за Литовским; а Седмиградцкая де земля от цесаря отложилась, а живет деи на ней воевода о себе, а достигил деи он ту землю вспоможеньем зятя своего, канцлера польскаго Яна Замозского“.⁴⁶

И Григорей князей спрашивал: „Великий государь нашъ, царское величество, посылал к великому государю вашему, к Руделфу цесарю, посланника своего и ближние думы диака Офонася Власьева;⁴⁷ и вам то ведомо ли, как он у цесаря был и как отпущен?“.

И князи говорили: „Как деи был от великого государя вашего у великого государя нашего посланник Офонасей Власьев и мы деи в то время были в Цесарской земли, в своей отчине, а при цесаре не были; а слышали деи есми про то, что он приходил от великого государя вашего к великому нашему государю о великих о добрых делах, о братцкой любви и о ссылке, и о крепкой дружбе, и великий деи государь наш посланника государя вашего жаловал своим великим жалованьем и отпустил его от себя с великою честью, какова честь некоторых великих государей послом и посланником у цесаря не бывает, какова честь ему была; а посланник деи великого государя вашего Офонасей Власьев ославился во всей Цесарской области, в ыных в окрестных государствах своим великим разумом“.

И подчивал Григорей князей вины и меды красными и белыми и князи, прикушав вин и медов, поехали к себе на подворье.

И апреля в 28 день приехал к Григорью королевнин ближней дворянин, лорд трезерев сын Саквелд, и говорил Саквелд Григорью в розговоре: ⁴⁸ „Появились деи у нас новые вести из Аталиянские земли, что был Турской с Кизылбашским в перемирье, а ныне деи Кизылбашской, собрався с великою ратью, пошел на Турского войною“.

И Григорей и Ивашко говорили Саквелду: „Мы у тебя хотим ведати, как ныне цесарь с Турским, и как Свейское королевство с коруною Польскою и с великим княжеством Литовским и что арцы-Карло учинил над Лифлянской землею? А про кизылбашского шаха, как он с Турским, и мы про него сами ведаем; а будет похочешь у нас то ведати, и мы тебе про него подлинно розскажем; из давних лет с великими государи нашими цари росийскими персидцкие шахи бывали в ссылке; а нынешней Аббас-шах присылал к великому государю нашему, блаженные памяти к царю и

великому князю Федору Ивановичю, всеа Руси самодержцу, многижда послов своих с великим прошенъем и челобитьем, просячи того, чтоб великий государь наш, царское величество, принял его в дружбу и в любовь, и вспоможение ему против Турского учинил. И великий государь наш, царское величество, в дружбу и в любовь его принял, и для его многие города в восточной стране на Терке, на Сунше, и на Койсе поставити повелел, блиско турских городов Дербени и иных, которые города Турского смежны с Кизылбашскою землею, и которою дорогою на Кизылбашского преж сего хаживали Турского и Крымского рать; и тое дорогу у них теми городами отняли, и ныне тою дорогою на Кизылбашского Турского и Крымского люди не ходят для государя нашего городов, что в них государя нашего многие люди; а учинился государь наш в дружбе с шахом и вспоможенъе ему учинил, и города блиско турских городов велел поставити; а сего году вспоможенъем великого государя, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, кизылбашской Аббас-шах взял у Турского Бухарского государства города начальные, которые ныне послы Бухарского Абдулы-царя приложились были к Турскому, а наперед того бывали Персидского же государства: Хоросан, Мешет, Ири и иные великие места; да Курди-станскую, да Маздронскую землю. А надежу во всем держит шах Аббас на великого государя нашего, и его царским вспоможенъем всем своим недругом стал страшен; и вперед, за великого государя нашего любительную дружбу, хочет быти во всей государеве воле. И ныне у великого государя нашего на Москве Аббас-шахов большой посол Перкулы Бек с товарищи, а прислал их Аббас-шах к государю нашему, к его царскому величеству, просячи того, чтоб великий государь наш царское величество, был с ним в дружбе и в любви, и вспоможенъе бы ему против Турского чинил, так же как с ним был в дружбе и в любви блаженные памяти царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси, а что государя нашего к персидскому шаху повеленье ни будет, и он во всей царской воле готов. И великий государь наш, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Руси самодержец,

с персидским шахом в дружбе и в любви хочет быть, и вспомо-
жение ему против Турского хочет чинить и свыше прежнего.
И послал великий государь наш к шаху послов своих: князя
Александра Засекина с товарищи. И Аббас-шах с Турским в пере-
мирье не бывал, да и вперед Аббас-шах без великого государя
нашего, его царского величества, повеленья с Турским в пере-
мирье и в дружбе не будет и до века“.

Да Саквелд же сказывал Григорью и Ивашку: „Ведамо де
ныне нам есть, что цесарь ныне против Турского готовитца
великою ратью, а чают деи в зборе Турского рати больши преж-
него; и сего де году чаять меж ими быть великой войне и боев.
А про арцы-Карла деи нам были вести, что он поймал лифлянские
города многие; да и что деи нам было вестно, будто канцлер
польской Ян Замозской пошел против арцы-Карлуса со многою
ратью под те города, которые арцы-Карло поймал; а подлинные
деи вести про то по ся место нет, а чаем деи вскоре будет нам
подлинно вестно ис Цесарские земли, как ныне цесарь с Турским,
и из Свейские земли будет же вестно, как ныне арцы-Карло с кору-
ною Польскою и с великим княжеством Литовским; а как деи нам
про цесаря и про арцы-Карла придут подлинные вести, и яз деи
у вас тотчас буду и для любви про то про все подлинно вам
розскажу.“⁴⁸

И майя в 4 день говорил Григорью гость Иван Ульянов:
„Шкотского деи короля посол эрль Бодвель велел тебе говорить,
чтоб ему у вас быть и с вами видетца, и в том вам добить челом,
что он приходил к вам на велик день безвестно, имя свое утая,
в человека своего место“.

И Григорей и Ивашко говорили гостю Ивану Ульянову: „Так
шкотского короля посол учинил не по пригожу, что приходил
к нам безвестно, имя свое потая, за человека своего место; а мы
того не ведали и подчивали его за простого человека место;
а коли бы он приехал к нам явно, не утаясь, и мы б ему во всем
честь учинили по его достоинству; и в том ему безчестье от себя,
а не от нас; и будет похочет ныне с нами видетца, и мы его
приезду ради“.

И мая в 7 день приехал к Григорью шкотского короля посол эрль Бодвель Гарр, а с ним королевских дворян шесть человек, да людей его человек с пятьдесят; и встречал посла переводчик Ондрей Грот на дворе, сшед с лесницы, а подьячий Ивашко встретил, на крыльце, вышед из сеней, а Григорей встретил, выступя из полаты из дверей. И посол, сшедшися з Григорьем, витался за руки, а после витался с Ивашком и с Ондреем; и, вшед в полату, учел Григорью говорити, сняв шляпу: „Приехал деи есми к вам для любви и за свою вину бити челом, что есми приходил к вам простым обычаем, хотя вас видети и про царское величество великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси, у нас слышети тайно; и чаял того, что вам того неведомо будет, и вас то не утаилось; и яз вам ныне за то челом бью — в том меня простите“.

И Григорей и Ивашко говорили послу: „Мы тебе на нынешней твоей любви, что еси к нам приехал и с нами видетись похотел, челом бьем; а в прежнем, что еси приходил к нам безвестно, за человека своего место, имя свое утая, и мы тебя так и чтили и подчивали за обышного человека место, а только б ты тогда приехал к нам, объявя имя свое, не утаясь, и мы б тебя во всем почтили по твоему достоинству; и тебя в том дивить на себя, а не на нас“.

И сели по местом, и Григорей подчивал посла за гость большим местом, а посол в большом месте не сел, а сел в судках, а в большом месте сидел Григорей.

И говорил посол Григорью: „Ныне деи меж нас любовь починаетца не великим делом, а нечто б деи дал бог нам вперед то видети, чтоб меж великим государем вашим, его царским величеством, и государем нашим Якубом-королем любительную ссылку и дружбу видети“.

И Григорей и Ивашко говорили послу: „К великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичу, всеа Руси самодержцу и многих государств ко государю^х и облаадателю, и к его царского величества к сыну, к великому государю, царевичу, ко князю Федору Борисовичю всеа Руси, присылают многие великие государи послов своих и посланников на государствах

поздравляти, и с прошенъем его царские к себе любви, чтоб великий государь, царское величество, был с ними, с великими государи, в братцкой любви и в ссылке, и в крепкой дружбе, и в соединенъе; и великий государь наш, царское величество, хочет с ними, с великими государи крестьянскими, быти в братцкой любви и в ссылке и в крепкой дружбе, и в соединенъе; а и преж сего о том радел и промышлял, чтоб все крестьянские великие государи меж себя были в крепкой любви и в дружбе; а ныне великий государь наш, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Руси самодержец, наипаче того хочет, чтоб все великие крестьянские государи были меж себя в любви и в соединенъе, и стояли б на бесермен за один; и будет государь ваш, Якуб король, похочет быти в любви великого государя нашего, и государь бы ваш так же слал к великому государю нашему, к царскому величеству, послов своих; и государь наш, царское величество, велит с ними о всем бояром своим договор учинити — как с ним, с нашим государем, государю вашему быти вперед в любви и в ссылке“.

И посол говорил: „Государь де наш, Якуб король, про великого государя вашего, про его царского величества дородство и храбрость, и счастье, и премудрой разум слышит и ждет его царские к себе любви, и хочет к нему, к великому государю вашему, слать великих своих послов с прошенъем его царские к себе любви“.

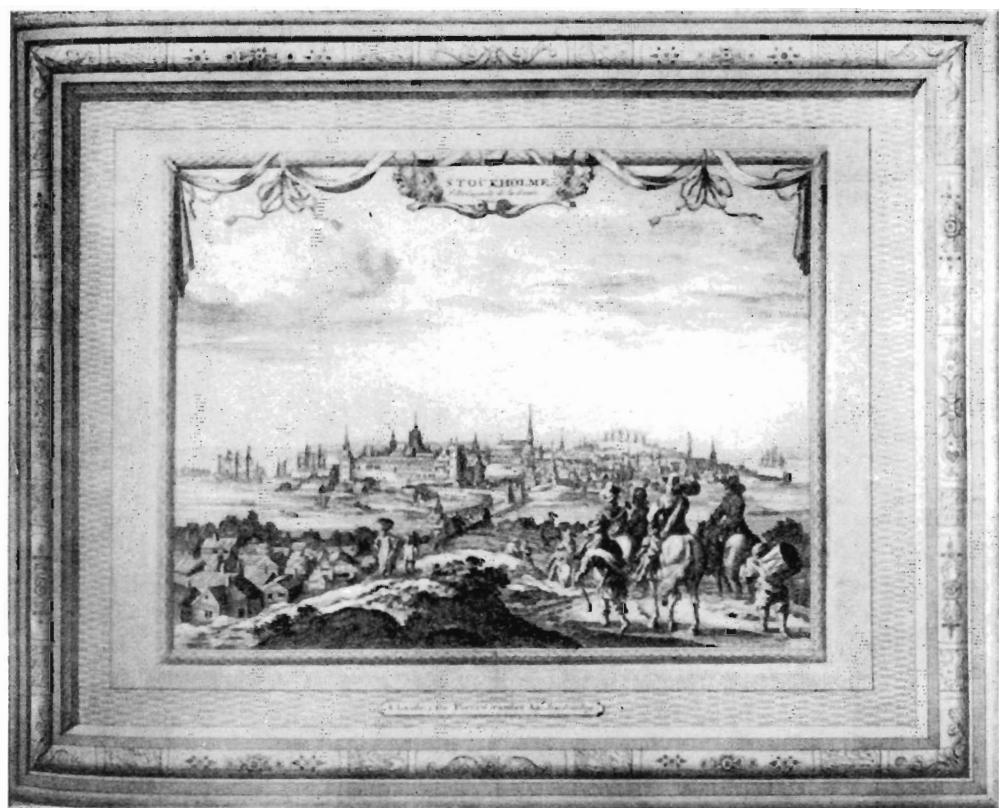
И после того посол спрашивал Григорья: „Как ныне с великим государем вашим татаровя?“.

И Григорей и Ивашко послу говорили: „О которых татарех спрашиваешь? — у великого государя нашего, у его царского величества, служат многие бусурманские цари и царевичи, и Татаровя многие люди царств Казанского и Астороханского, и Сибирского, и Казацкие, и Колматцкие орды и иных многих орд, и Нагаи Заволжские, и Казыева улуса в прямом холопстве; а Заволжских Нагаи и Казыева улуса болши ста тритцати тысяч“.

И посол говорил: „То де дело великое слышим от вас, что столько бусурманских многих розных орд великому государю вашему, его царскому величеству, служат. А крымской де царь, как ныне с великим государем вашим?“.

И Григорей и Ивашко послу говорили: ⁴⁹ „Преж сего блаженные памяти с великим государем, царем и великим князем Федором Ивановичем, всеа Руси самодержцем, крымской Казы Гирей, царь, в дружбе был и в его царском повеленье; и как божим судом великого государя нашего, царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, не стало, праведная его и безпорочная, и преблагая душа от сего света к богу отошла, оставль земное царство, отъиде в вечное блаженство, в небесное царство, и крымской Казы Гирей царь, правду был свою порушил, и хотел на государя нашего землю наступить, и приходить по ссылке турского салтана на украинные места; а чаял того, любо какая рознь учиница в государя нашего в государстве; и как та весть учинилась от крымских языков, которых прислали из новых городов, которые города поставлены на Дону и по Осколу, что крымской Казы Гирей царь, со многими ратьми с турскими и с крымскими людьми собрався, а пошел был войною на государя нашего украинны, и великий государь, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Руси самодержец, прося у бога милости, пошел против его с своими царьскими ратьми рускими и татарскими и розных государств с воинскими со многими людьми; и сведав про великого государя нашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, поход, Крымской Казы-Гирей царь, что великий государь наш, царское величество, идет против его со многими своими ратьми на прямое дело, и Крымской Казы-Гирей царь, и калга Саламет-Кирей царевичь, на государя нашего украинны не пошли, а прислал ко государю нашему, к царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руси, посланника своего Алей-мурзу с великим покореньем и с челобитьем, и с прошеньем, чтоб великий государь наш его держал в дружбе и в любви, а он во всей воле его хочет быти, и царского величества поведенья со всем Крымом на государевых недругов и непослушников хочет ходити, где государь повелит“.⁴⁹

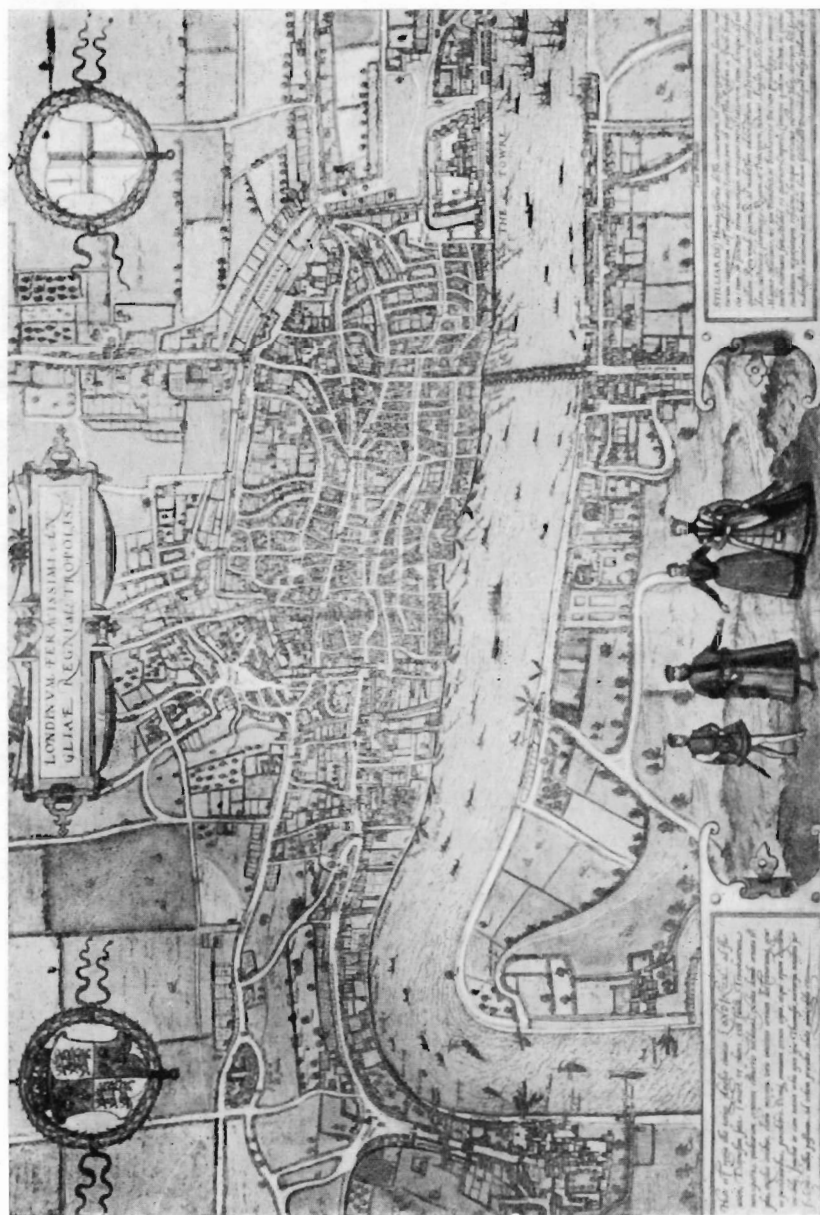
И после того спрашивал Григорей шкотцкого посла: „Государь ваш, Якуб король, ныне с которыми государи в миру и с которыми не в миру?“

Вид г. Стокгольма.
Гравюра XVI в.

План г. Константинополя.
Гравюра XVI в.

План г. Лондона.
Гравюра XVI в.

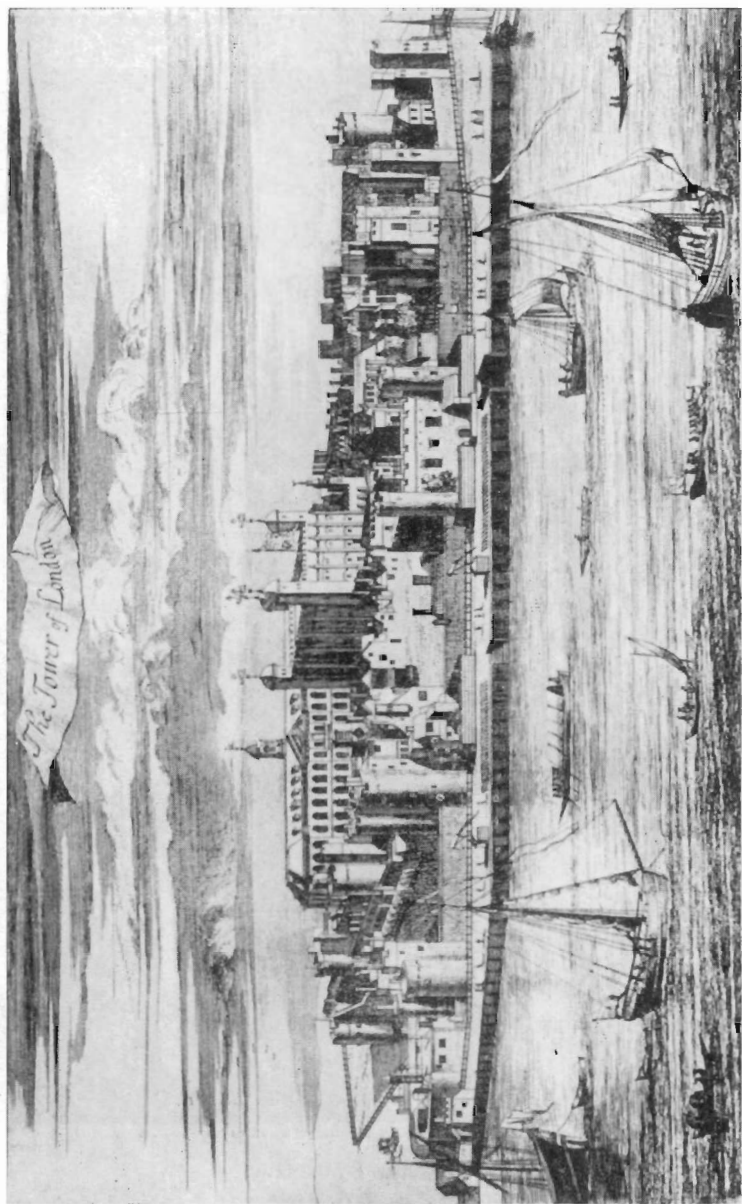

Охота при Елизавете.
Гравюра XVI в.

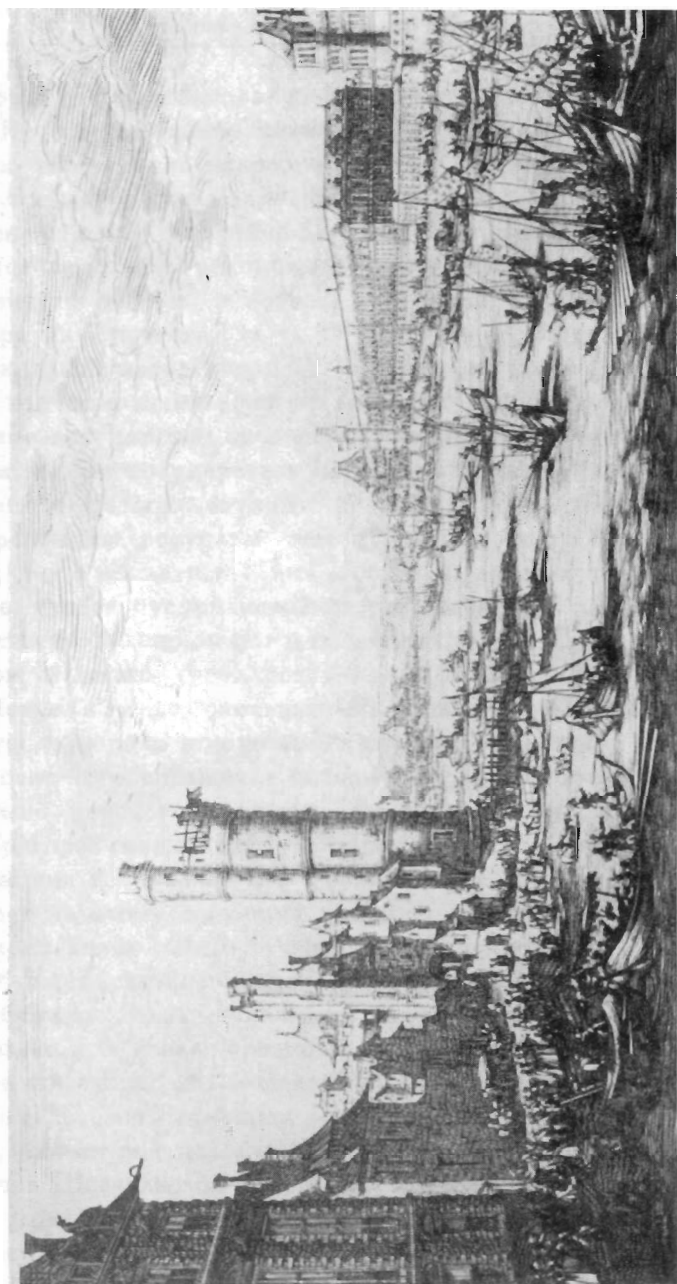
Григорий Иванович Микулин.

Портрет работы неизвестного художника начала XVII в. (Масло).

Тоуэр ("Вышгород") в Лондоне.
Гравюра XVI в.

Вид г. Парижа.
Гравюра Колло XVII в.

И посол шкотцкой говорил Григорью: „Государя деи нашего, короля Якуба, все крестьянские государи любят, и недруга деи государю нашему нет никого; а хто деи Аглинскому королевству недруг, тот деи и государю нашему недруг будет“.

Да спрашивал Григорей посла: „Как государь его, Якуб король, с Руделфом цесарем, вспоможенье против Турского людьми и казною чинит ли цесарю, и которые государи цесарю вспоможенье чинят против Турского?“.

И шкотцкой посол говорил: „Цесарь де государю нашему не недруг, а вспоможенья ему от государя нашего нет, потому что Цесарское государство от нашего государства далеко и меж ими разошли многие государства; а людем деи своим воинским государь наш к цесарю служить из найму ходити не запрещает; а с Турским деи государю нашему николи ни о чем ссылки не бывало, да и зсылатися с ним государю нашему не о чем и не пригоже, что он бусурманской государь и недруг из начала всему крестьянству. А вспомогают деи цесарю против Турского людьми и казною ближние государства — папа, король шпанской, князи венедейские и иные окольные поморские княжата; а ото францовского де короля вспоможенья ему нет никакого“.

И после того спрашивал посол Григорья про турского салтана: „Как ныне царское величество с турским салтаном?“.

И Григорей говорил послу: ⁵⁰ „Прежние турецкие салтаны с великими нашими государи цари росийскими в ссылке бывали; а не в давне к великому государю нашему, блаженные памяти к царю и великому князю Федору Ивановичю, всеа Руси самодержцу, турецкой Мурат-салтан присылал посланника своего Резван Чеуша о порубежных делах, что великого государя нашего люди из Асторохани и с Терки салтановым порубежным городом и людем, которые живут в Кизылбашской земле в Дербени и в ьных городах, многие убытки починили и земли, которые были преже сего за ним, многих под царскую руку подводят, и города блиско его городов в Шевкальской земле многие государевы люди поставляли; а донские казаки Озов без престани воют и блиско Азова по Дону многие города потому ж ставят. И великий государь

наш, блаженные памяти царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси, Мурат-салтанова посланника без дела отпустил, и ответа ему никакова не учинил. А ныне с великим государем нашим, царем и великим князем Борисом Федоровичем всеа Руси самодержцем, Турскому ни в чем ссыла не бывала".⁵⁰

А после того Григорей посла и дворян подчивал вины и меды красными и белыми, и посол, прикушав вин и медов, пошел к себе; и провожал Григорей посла, где встречал, а подъячей Ивашко и переводчик Ондрей провожали посла до тех же мест, где встречали.

И майя в 8 день спрашивал Григорей гостя Ивана Ульянова про дон Онтон и про шахова посланника.⁵¹ „Есть ли им про них подлинно ведамо — где они ныне, и чают ли им быти в Аглинской земле у королевны?“.

И гость Иван Ульянов сказал: „Подлинно деи нам есть ведамо, что дон Онтон и шахов посланник был у цесаря, и цесарь их принял с великою честию, и жаловал великим своим жалованьем; а ныне деи они у папы, а подлинно деи про Онтон ведает отец его сор Томас Шерли; и будет деи похотите ведати про них подлинно, и яз деи вам приведу отца его и он подлинно вам про них розскажет“.

И майя в 10 день приехал к Григорью сор Томас Шерли, дон Онтонов отец,⁵² а с ним гость Иван Ульянов, и сказал про него Иван, что он в Аглинской земли великой человек; а ныне деи королевна держит на него гнев в Ексетцком лорде, что сын его дон Онтон был Эксетцкому великой друг. И Григорей и Ивашко сор Томаса встречали, и виталися за руки, и во всем чтили; и звал Григорей сор Томаса хлеба ести, и сор Томас у Григорья хлеба ел. И в розговоре говорил Григорью сор Томас: „Приехал деи ис Цесарские земли королевнин дворянин, князь Иван Галис, а ездил деи гуляти; и сказывал деи мне, что сын мой, дон Онтон и Кизылбашского шаха посланник у цесаря был; и цесарь, их жаловав великим жалованьем, отпустил; и ныне деи они у папы; и яз деи того дворянина, князя Ивана, для того к вам пришлю, и он вам про них и про всякие вести, как ныне цесарь с Турским,

подлинно розкажет, потому что он сам был у цесаря в Праге и он про все подлинно ведает“.

И майя в 12 день пришел к Григорью королевнин дворянин, князь Иван Галис.

И Григорей спрашивал князя Ивана: „Есть ли тебе ведамо, как ныне цесарь с Турским в миру или не в миру? И прошлого лета цесаревым людем с турскими и с крымскими людьми где бой бывал ль, и будет был, и на которую сторону больши изрону людем, и которые города цесарь у Турского назад поимал, или будет Турской у цесаря внове города поимал? И вперед меж ими чего чаять: миру или войне? И ссылка о миру у цесаря с Турским бывала ли? И сколь цесарь силен людьми и казною? И где ныне Турского рать и крымской царь стоит, и много ль у Турского и у Крымского цесаревы люди побили, и в которых местех побили? И Мутьянская земля, и Седмиградцкая с цесарем против Турского стоят ли, или к Турскому опять приложились? И Волошская земля ныне за Турским ли или за Литовским? И папа римской, и король шпанской, и францовской, и князи венецейские и иные которые государи и княжата поморские цесарю людьми и казною помогают ли, и чем хто вспомагает, и вперед ему вспомагать и стояти с ним на Турского хотят ли? И есть ли тебе ведамо про дон Онтонa и про кизылбашского посланника Исеналея — где они ныне?“.

И князь Иван розказывал Григорью: „Был деи есми в Цесарской земли прошлой осени, а ездил своею охотою, и хотел цесарю службу свою показати против Турского; и жил деи в Цесарской земле три месяца; и было при мне в собранье цесарские рати против Турского только дватцать тысяч, а Турского рати и и крымских людей было восмъдесят тысяч; и в сентябре деи месяце ходили цесарские рати семь тысяч конных и пеших на станы, где стояли турские люди в Угорской земле под городом под Канисом; и в то де время была мгла, и цесарские деи люди Турского многих людей побили, а того не ведает, сколько числом побили, и взяли семнадцать пушек больших; а цесарских деи людей не убит ни один человек; а было деи в загоне крымских людей

семь тысяч, а того не ведает, был ли сам царь или нет; и воевали до Петрыня города⁵³ и полон были поймали многой; и цесарские люди, послыша их в загоне, на них пришли и их побили и полон цесарской отполонили. И ныне деи цесарь на Турского збираетца великим собраньем; а помогают деи ему против Турского людьми и казною папа, король ишпанской, и князи венецейские; а то де подлинно ведамо, что италиянские князи все в собранье хотят итти к папе в Рим на собор, а из Риму с собору хотят итти к цесарю на помощь; а все деи те крестьянские окольные государи, которые цесарю против Турского помогают, сослався меж себя послы, и укрепясь о соединенье, прося у бога милости, хотят крепко и единомышленно стати за один против Турского. А большая де надежа цесарю против Турского о вспоможенье на великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси;⁵⁴ и слава про него, про великого государя, во всех государствах про его царское величество, и дородство, и храбрость, и зчастье, и премудрой разум, и неисказанное к людем милосердие, к своим и к иноземцом; и цесарю такова друга нет, как великий государь ваш, а слава та, что помогает цесарю свею царскою и всякими мерами; а францовской⁵ деи король цесарю казною и людьми не помогает, а людем ратным своего государства цесарю из найму служить не запрещает. А Угорская деи верхняя земля за цесарем, а нижняя Угорская земля за Турским; а Волошская земля на двое, которые города блиско Турского рубежа, и те послушны Турскому, а которые блиско Цесарского рубежа, те послушны цесарю. А дон деи Онтон и кизылбашского шаха посланник был у цесаря при мне; и цесарь деи шахове ссылке добре рад, и дон Онтон и шахова посланника добре жаловал и честь ему у цесаря была великая, и корм им даван великой для того, что они пришли о великих, и добрых делех, что годно всем великим крестьянским государем. И унимал деи цесарь дон Онтон у себя, чтоб служил ему, и давал деи ему цесарь сорок тысяч ефимков,⁵⁵ и хотел его пожаловати рыцерским великим именем, и дон Онтон деи того не похотел, и у цесаря не остался, для того, что он уроженец Аглинские земли, и отец

его, и мать, и все родство в Аглинской земле; и отпустил деи их цесарь, пожаловав своим великим жалованьем, с великою честью к папе, и был деи дон Онтон у папы; и как деи пришли к папе, и папа деи велел его встретить митрополитом и во всем дон Онтон чтил великою честью, и корм давал деньгами великой; а был деи у папы недели з две; и ныне деи дон Онтон и шахова посланника чайть у Францовского; а чаем деи от Францовского такова ж ему честь будет, и пожалует его великим своим жалованьем за прежние его к нему службы; а преж деи сего францовской король пожаловал его рыцерским именем за его великую службу".⁵⁶

И того же дни приехал к Григорью королевнин ближней дворянин, князь Елизарей Хоби, и говорил Григорью от королевны: „Государыня деи Елисавет-королевна велела тебе поклониться и велела тебе говорить, чтоб деи вам сего дни ехати гуляти в ее, королевнины, заповедные острова, от Лунды верст з десять, оленей бити и зайцы травить; и колымагу деи под тебя прислала свою, в чем сама ездит; а в островах деи ловчей сор Робор Врах готов, ждет тебя, по королевнину приказу, со псари и з собаками. Да королевна ж деи приказала ловчему своему сор Робору Враху, а велела тебе бити челом, чтоб вам у него хлеба ести и начевать, а двор деи его в заповедных островах“. И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били. И того ж дни Григорей и Ивашко в острова ездили, и, не доезжая острова, встретил королевнин ловчей сор Робор Врах со псари с конными и с пешими, и з собаками з борзыми и з гончими; и, съехався з Григорьем и с Ивашком, витался за руки, и говорил сор Робор от королевны: „Государыня деи моя, Елисавет-королевна, приказала мне: а велела мне вас тешить в своих заповедных островах, где сама тешитца; а в те деи острова никто не въезжает, ни князи, ни бояре, и иных некоторых государств послы и посланники; а то де королевна делает, любя брата своего, великого государя вашего, а вас жалючи; велела вам свою потеху показати; а после б деи того, чтоб вам пожаловати у меня сегодни ужинать и ночевать, и завтра в островах тешитца, и после потехи

у меня хлеба ести". И Григорей и Ивашко в островех были, и потеху королевнину видели, и у ловчего сор Робора ужинали и начевали. И на завтрее того в островех были, и олени били, и у сор Робора обедали; а в те поры, как был Григорей, были у него многие люди за столом: князи и дворяне, и алдраманы, и гости.

И майя в 15 день пришел к Григорью и к Ивашку гость Френчик Иванов, и говорил Григорью и Ивашку: „Велела деи вам королева сказать, что быти вам у нее в неделю на отпуске после стола, а будет де от королевы по вас дворянин, великой человек“.

И майя в 16 день приехал от королевы к Григорью и к Ивашку ближней дворянин лорд Сусекс,⁵⁷ а с ним королевных дворян шесть человек и, сшедчися з Григорьем, витался за руки и говорил от королевы, сняв шляпу: „Государыня деи наша, Елисавет-королева, велела тебе поклониться и о здоровье спросити; и велела деи вам сего дни быти у себя, в селе своем, в Гренюче, от Лунды три версты, то деи вам к великому государю вашему от государыни нашей от королевы и отпуск будет“.

И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били, и поехали на двор к королевне; а ехали до реки в кочах, а сидел з Григорьем лорд Сусекс в коче против Григорья в переднем месте, а в судне сидел у Григорья с левые руки. А как приехали к королевнину двору и высели из судов блиско ворот, и встретил Григорья за ворота от королевы боярин эрль * Дарбей,⁵⁸ а с ним многие королевнины князи и дворяне; и сказывали про него приставы, что он великой человек, князь вотчинной; и сшедчися з Григорьем, эрль Дарбей витался за руки, и пошли в королевнины полаты; а шел у Григорья эрль Дарбей с левые руки, и как вошли в палаты, и говорил эрль Дарбей Григорью, чтоб Григорей посидел немного в полате; а сам эрль Дарбей пошел про Григорья сказывати королевне; а Григорей дожидался королевнины присылки в передней полате, а з Григорьем в то время был в полате лорд Сусекс, да князь Еремей Боус, да дворяне, которые встречали; и немного погодя, пришел к Григорью эрль

Дабрей, и говорил Григорью: „Государыня де наша Елисавет-королевна велела тебе итти к себе в полату“.

И как вошли х королевне в полату, и королевна с места своего встала, и велела Григорью подойти к себе поближе, и спрашивала о здоровье, и говорила: „Ныне деи время приспело, что мне к великому государю вашему, к любительному моему брату, вас отпустить, чтоб деи великому государю вашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Руси самодержцу, любительному моему брату, многолетно здравствовать, а вам бы де здорово ехать, и его царские очи в радость видети, и про нашу сердечную любовь ему, великому государю, сказать. Да жаль деи мне того, нечто будет вы в моем государстве были не прохладны“.

И Григорей говорил королевне: „По твоей любви к великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Руси самодержцу, к нам, холопом его, твое великое жалованье, и всем твоим великим жалованьем были довольны и покойны, и прохладны, и честны“.

Да королевне ж Григорей говорил: „Прислал великий государь наш, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, к тебе, к любительной сестре своей, к Елисавет-королевне, меня, посланника своего и дворянина, а велел тебе свое государство обестити и про свое царское здоровье сказать и твое, сестры своей, здоровье видети; а в своей царской грамоте писал к тебе великий государь наш, царское величество: что учну я тебе говорить, и тебе б тому верити; и яз, по великого государя своего, его царского величества, наказу тебе, Елисавет-королевне, от великого государя нашего, его царского величества, и его царского величества сына великого государя нашего, царевича князя Федора Борисовича всеа Руси, поклон и поздравленье правил, и речь по наказу сполна говорил, и об ыных делах з бояры твоими говорил; и мне, его царского величества посланнику, о тех о всех делах по ся места ответу не было; а ныне отпускаешь к царскому величеству меня, посланника его; что со мною к вели-

кому государю нашему, к его царскому величеству, речью приказ будет?”.

И королевна говорила Григорью: „Завтра деи яз к тебе пришло думново своего секретаря Гарберта, с любительною грамотою к великому государю вашему, к его царскому величеству, и ответ о всех делах, что еси от великого государя, от любительного моего брата, говорил мне речью на посольстве, и о которых делах говорил есте с моими бояры“.

И позвала Григорья к руке; и Григорей был у руки, ударя челом королевне, пошел от королевны ис полаты.

И пристава, эрль Дарбей да лорд Сусекс ввели Григорья в столовую полату и учили подбивати овощи и вины. И Григорей за овощи не пошел и говорил эрль Дарбею да лорд Сусексу: „Государыня ваша, Елисавет-королевна, к царскому величеству нас отпустила, а челобитья к великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Русии самодержцу, и его царского величества к сыну, к великому государю нашему, к царевичю, ко князю Федору Борисовичю всеа Русии, не приказала. А того не ведаю, для чего и которым обычаем то ся учинилося, и мне к великому государю своему, к его царскому величеству, с чем приехати?“.

И эрль Дарбей говорил Григорью: „Яз деи те твои речи сесь час донесу до королевны; а тебе б деи пожаловати, не покручиниться подождати немного от королевны на твои речи приказу“.

И пошел эрль Дарбей к королевне.

И немного погодя, пришел от королевны к Григорью эрль Дарбей и говорил Григорью: „Государыня деи наша, Елисавет-королевна, велела тебе говорити: то деи вам у меня не отпуск был, а позвала тебя к руке, жалуючи, и велела вас подбивати овощи и вины в столовой своей полате; а после де того быти вам у меня в постельных коморех, и оттуды вам от меня и отпуск будет“. И Григорей и Ивашко за овощи пошли, и, овощей и вин прикушав, на королевнине жалованье челом били.

И пришел от королевны к Григорью ближней дворянин, лорд адмиралов сын, лорд Ефимган,⁵⁸ и говорил от королевны Григорью,

сняв шляпу: „Государыня де наша, Елисавет-королевна, велела тебе итти к себе в постельные коморы; а велела с тобою итти подъехать Ивану, да переводчику Ондрею; а людем бы вашим остатца в передней полате“.

И Григорей и Ивашко и переводчик Ондрей х королевне в коморы пошли, а эрль Дарбей шел у Григорья по прежнему с левой же руки; и вошли х королевне в невеликую полату. И королевна с места своего встала и велела Григорью приступить к себе близко и говорила: „Того деи себе и в мысли не держу, что был вам давеча отпуск; мне деи то как учинити, что к любительному моему брату, к великому государю вашему, к его царскому величеству, не подлинно наказав и челобитья не приказав, вас отпустить; а давеча де тебя позвала к руке, жалуючи, и велела вас в столовой полате подбивати овощи и вины, чтоб деи тебе быти прокладну; а теперво деи вам от меня отпуск подлинной“. И велела поставить стула блиско подле себя, и велела Григорью сести.

И Григорей на королевнине жалованье челом бил, и блиско королевны не сел, и отдвинув стула от того места с сажень, и сел на стуле; и посидя немного, встав королевна с места своего, говорила: „Теперво деи вас отпускаю: поедте к великому государю своему з божиею помощью; а приказываю деи с тобою к любительному моему брату, к великому государю вашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Русии самодержцу, великое челобитье, и к великой государыне вашей, царице и великой княгине Марье Григорьевне, и к царевичю, ко князю Федору Борисовичю, и к царевне и великой княжне Ксенье Борисовне; и яз деи молю бога о их здоровье, чтоб деи ему, любительному моему брату, великому вашему государю, и его царице, и их царским детем многолетно здравствовать, и ко мне б ему любовь свою держати попрежнему, и свыше прежнего; а яз деи его, любительного своего брата, братцкой любви, и ссылке, и крепкой дружбы, с великим сердечным доброхотеньем добре жадна; а на той его братцкой великой любви много челом бью, что прислал ко мне тебя, посланника своего, государство свое обестити и

про свое царское здоровье, и своего царского величества сына, царевича, князя Федора Борисовича, сказати, и мое, сестры своей, здоровье видети“.

И Григорей говорил королевне: „Вижу, государыня, к великому государю нашему, к царскому величеству, твою любовь, и приказ твой слышу; а как, аже даст бог, буду у великого государя нашего, у его царского величества, и я, государыня, приказ твой до великого государя нашего, его царского величества донесу“.

И после того королевна позвала Григорья к руке, а после Григорья позвала к руке подьячего Ивашка, да переводчика Ондreja Грота. И говорила королевна: „Завтра де яз пришла к тебе любительную свою грамоту⁶⁰ к великому государю вашему з думным своим секретарем, с Гарбертом, а в ней писано о всем подлинно“.

И Григорей, быв у руки, ударя челом королевне, пошли ис полаты; а провожали Григорья эрль Дарбей и дворяне до тех же мест, где встречали; а лорд Сусекс и князь Еремей Боус провожал и до подворья.³

И майя в 17 день приехал от королевны к Григорью думной секретарь Гарберт, и говорил Григорью от королевны, сняв шляпу: „Государыня наша Елисавет-королевна посылает к великому государю вашему, царю и великому князю Борису Федоровичю, всеа Руси самодержцу, к его царскому величеству, свою любительную грамоту; а велела ее тебе, царского величества посланнику, отдать“.

А после того говорил Григорью секретарь Гарберт от королевны речь: „Великая государыня наша, Елисавет-королевна велела тебе говорити: писал к нам великий государь ваш, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Руси самодержец, мой любительный брат, в своей грамоте, которую ты к нам привез, что он, великий государь ваш, послал к нам свое государство обестити, и про свое царское здоровье нам сказати, и наше здоровье видети, тебя, дворянина своего и посланника, Григорья Ивановича Микулина; что ты, его дворянин, учнешь нам говорити, и нам бы тому верити, то есть царская речь. И ты нам, Григорей, правил от

великого государя своего, брата нашего, поклон и поздравленье, и от его царского величества, сына великого государя, царевича князя Федора Борисовича всеа Руси поклон и поздравленье, и о нашем здравье спрашивал, и государство великого государя своего, по его царскому наказу, обестил, что великий государь ваш, царь и великий князь Борис Федорович, всеа Руси самодержец, богом избран, учинился на Московском государстве и на всех государствах Росийского царствия, и хочет с нами быти в братцкой любви и в сылке, и в крепкой дружбе, и подданных наших хочет жаловати попрежнему, как был с нами в братцкой любви и в сылке, и в крепкой дружбе, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, и сын его, великий государь, царь и великий князь Федор Иванович, всеа Руси самодержец; и мы, слыша его царское имя и про его царское здравье, и про его царского величества сына, царевича князя Федора Борисовича всеа Руси, добре радуемся сердечною любовью; и его царской братцкой любви, ссылке и крепкой дружбы добре жадны; и хотим к себе его царские любви, чтоб его любовь к нам неподвижна была во веки; а мы с своей стороны всякою дружбою и доброхотеньем дружелюбство делати ради. Да говорил еси нам на посольстве о Турского деле: и мы писали к великому государю вашему в своей грамоте о том с тобою подлинно, да и преж сего о том писали же есмя, что у нас того и в мысли не бывало, да и вперед того не будет, что нам Турскому против цесаря помогати.⁶¹ Да ты ж говорил бояром нашим о датцком деле, и о дохтуре о Вилесе, и о том о всем писали есмя к великому государю вашему в своей грамоте с тобою подлинно“.

И майя в 20 день приехал от королевны к Григорью королевнин ближней дворянин, князь Елизарей Хоби, и правил от королевны Григорью поклон, и спрашивал о здравье и говорил: „Государыня деи наша, Елисавет-королевна, любя брата своего, великого государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича, всеа Руси самодержца, а тебя, его царского величества посланника и дворянина, жалует против твоих поминков, что ты королевне ударил челом на посольстве, сорок соболей да две

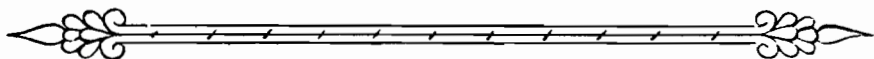
пары — шесть кубков: кубок большой с покрывшкою, да три кубки не велики с покрывшками, да два кубка без покрывшки, да две суеи круглые серебряные, да лохань, да рукомойник серебряны же“. А после того князь Елизарей дал от королевны подьячему Ивану Зеновьеву кубок серебрян с покрывшкою, да переводчику Ондрею Гроту кубок же с покрывшкою. И Григорей, подьячей Ивашко и переводчик Ондрей Грот на королевнине жалованье челом били. И за королевнино жалованье Григорей дарил князя Елизаря шубою горностайною, под камкою круживо и петли золоты, шапку черну лисью, лук крымской, 20 стрел черкасских; людем его, 3-м человеком, по соболу.

Да князь Елизарей же Хоби говорил Григорью: „Государыня деи наша, Елисавет-королевна, велела мне вам проводить, как вы поедете из Лунды до Гравзендя, и велела вам показати свои воинские карабли“.

И майя в 21 день посланник Григорей Иванович Микулин и подьячей Ивашко Зеновьев, и переводчик Ондрей Грот из Лунды поехали; а провожали, по королевнину приказу, Григорья до Гравзендя князь Елизарей Хоби, да гости: Фрянчик Иванов да Иван Ульянов, и того ж дни приехали в Гравзендь. И на завтрее того, майя в 22 день, ездил Григорей и Ивашко со князем Елизарьем смотрети королевниных воинских караблей: от Гравзендя верст с десять под городком под Ротчестером, на реке на Медве,⁶² стоят 26 караблей воинских, а на них многой наряд — пушки медяные и железные, а карабли великие, высокие и долги; а живут деи на них в воинское время человек по семи сот и по осми сот, а на иных и по тысяче; а пушек на карабле по сороку и по пятидесяти, а на иных по штидесяти и больши. Да на той же реке, на Медве, на устье городок Квынборок,⁶³ а в нем деи великой наряд для остереганья тем караблем от недругов, да чепь железная через всю реку; а воевода в нем князь Елизарей Хоби, которой проважал Григорья. Да князь Елизарей же сказывал, что иные королевнины воинские многие карабли гуляют по морю для остереганья от испанских людей. И, смотрив караблей, приехал того ж дни в Гравзендь.

И на завтрее того, майя в 23 день, в неделю, сели Григорей и Ивашко на карабль; а провожал Григорья до карабля князь Елизарей Хоби; и проводя до карабля, поехал к королевне в Лунду; а гости: Фряничик Иванов да Иван Ульянов на карабле з Григорьем дневали и начевали, и отошли от городка Гравзендя верст с пятьдесят; и учало быти погоды великое северное встречу, и караблей из устья на море не пустило, и карабли поворотилися назад, и зашли в реку Медву; и стояли в реке Медве на одном месте четыре недели; и июня в 21 день погоды встречное переменялося, и карабли пошли, и того ж дни вышли на море, и шли морем до устья Двины-реки три недели, и пришли к новому Архангельскому городу июля в 14 день.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ФЕДОТА ЕЛЧИНА

(Грузия)

Лета 7147-го мая в 29 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу указал государь быти на своей государеве службе в Дидьянской земли¹ Федоту Ялчину да с ним попу Павлу да подьячему Федьке Баженову.

У руки царьской были мая в 29 день. Отпущены с Москвы июня в 2 день.

На Коломну приехали июня в 6 день. Отпущены того ж числа.

В Переслав Резанской приехали июня в 8 день. Отпущены из Переслава июня в 10 день.

В Касимов приехали июня в 13 день. Отпущены июня ж в 14 день.

В Мурам приехали июня в 16 день. Отпущены того ж числа.

В Нижней приехали июня в 18 день. Отпущены из Нижнева июня в 21 день, держали за провожаты стрельцами.

В Кузмодемьянской приехали июня в 22 день. Отпущены того ж числа.

В Казань приехали июня в 24 день. Отпущены из Казани июля в 3 день.

В Тетюши приехали июля в 6 день. А Тетюшах дожидались кизылбаских купчин² июля по 10 день.

На Самару приехали июля в 16 день. Отпущены с Самары июля в 18 день.

На Саратов приехали июля в 23 день. Отпущены с Саратова июля в 24 день.

На Царицын приехали июля в 28 день. Отпущены с Царицына июля в 30 день.

На Черной Яр приехали августа в 2 день. Отпущены августа в 3 день.

В Астрахань приехали августа в 7 день. Отпустили августа в 19 день.

На Терек приехали августа в 29 день. Отпущены с Терка сентября в 22 день.

В Алегукину Кабарду³ приехали октября в 2 день. А в роздачу дано: Хапуке-мурзе⁴ четыре аршина сукна краснова аглинскова, да зеркало немецкое с потальею⁵ большое; да Отажук-мурзе дано четыре аршина сукна краснова аглинскова, да зеркало большое немецкое с потальею; да Алегукиной жене дано зеркало большое немецкое с потальею; да провожатым, Хапукину узденю⁶ Пшуке, дано два аршина сукна краснова аглинскава, которые провожали да Карочаев ис Кобарды.

А в Корочаеву Кабарду⁷ пришли октября в 13 день. Да карачевским князьям двум братом дано, Елбуздуку да Елистану, четыре аршина сукна краснова аглинскава да восемь киндяков.

Да Олегука прислал из Обазы⁸ октября в 22 день узденя своего Уранбу, а велел у меня, у Федота, взять четыре аршина сукна краснова аглинскава.

А пошли ис Корачеев октября в 28 день. А пошли, покинули седла в Корочаях, а после нас Хопука, мурьза черкаскай, взял к себе лошади.

А пришли в Сонскую землю⁹ в деревню Влешкараш ноября в 1 день. А пошли из Влешкараша ноября в 2 день.

А пришли в Ескеру таго же числа.

Да оне ш несли вьюк ис Корачаи, а изо вьюка вынесли сукна лазоревава десять аршин, да два зеркала большие немецкие с потальею, да двенацать ножей да кумач; да им жо дано за пранос два аршина сукна.

А и[с] Соней пошли ноября в 9 день. А в Дидьянскую землю пришли ноября 13 день, в деревню в Худоню. Да сонским провожатым дано, которые провожали да Дидьянския земли, четыре

аршина сукна настрафилю краснова да восемь ножей немецких да четыре зеркала. А провожал уранканской князь Обоза.¹⁰

Ноября 18 день пришел поп Гаврила, а сказал Федоту: „Прислаал де ко мне наш царь грамоту Левонтей“. И грамоту перед Федотам чол. А в грамоте к нему Гаврилу писона от Левонтья царя от дидьянскава жалованья и слова похвальная: „Рад де я тебе, Гаврила, что тебя бог ко мне принез ис такава дальняго государства; и таму де обрадовался, слышучи, што с тобою есть от великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца, послальник; и тебе б де от меня ему сказать поклон, да спросить об здоровье — здорова ль он шол дорогою?“. И Федот против ево, царева, слова поклонился ниско.

Ноября в 21 день приехал от царя Левонтья от Дидьянскава епискуп Ондрей да с ним архиморит Артемей, звал к себе Федота и попа Павла обедать; а приходил звать поп Гаврило, кой на Москве был послом, да с ним пристав, кой нас встречал на первом наслеге, а имя ему Мануило. И как мы пришли к нему, у него стоит крест серебряной и позолочон, а на кресте распятия Христа по правую сторону богородицын оброз, по левою сторону Иван Предотеца, а на возглавье архангил Михаил, а у подножья Иван Богослов; пот крестом округ четвероугольной, напреди округа у подножья пречистые богородицы Одегитрея, а на правой строне великого мученика Георгия, а по левою сторону Федора Стратилата, а назади округа мученика Дмитрея Селунского; округ утвержон на посохе. И мы кресту поклонились, и у епискупа у благословленья были и у него за столом сидели. И епискуп спрашивал про государя, царя и великого князя Михаила Федоровича *всеа Русии, про ево, государское, многолетное здоровье. И Федот говорил: „Как есми поехал от государя своего, от его царьсково величества, и милостью божью государь наш царь и великий князь Михайло Федоровичь, всеа Русии самодержець, многих государств государь и облодатель, на своих царьских великих и преславных государствах в добром здоровье“.^a

И опять спросил о потриархе Иасафе московском¹¹ и всеа Русии. И Федотава слова: „Как я поехал по государеву указу

с Москвы, и велики господин светейший Исаф, патриарх московский и всеа Руси, при государьской державе милостию божію дал бог здрав“.

Ноября в 23 день приходил к нам епискуп и с архиморит с Ортемьем и поседел. Архиморит стал говарить, стал спрашивать попа Павла: „Вѣра де у нас одна христьянская, только де нас бог языки рознил“. Стали они говарить с попом Павлом архиморит: как господь сотворил небо и землю; и по тому: отто Адама што была родов, и хто ково родил. И да тава дашло — архиморит стал говарить: „Прежде был Еноха Илья“. И поп Павел стал говорить: „Енох де был да потопу, а Илья де был и по потопе много лет спустя“. И потом у них стал спор, а розвести не умели, да и покинули говарить.

Таго ж дни были мы у вечерни съ епискупам с Ондреям. И епискупа мы стали спрашивать, идучи от вечерни, задирать распросам оп той же речи, штобы с ним опять поговарить. И епискуп Ондрей моыл: „Ведоем де мы и сами, што ваша христьянская вера тверда. А у нас де нонеча кручина“. И Федот моыл: „Што у вас за кручина?“. И епискуп сказал: „В прошлом де во 147-м году царца де у нас преставилась юня в 1“.

Декобря в 2 день приехал Гаврила поп от царя Левонтья, а сказал Федоту: „Велел тебя царь Левонтей спросить об здравьи“.

Таго же числа поп Гаврила стал гаварить: „Поедем де мы в Рожественской монастырь, богу помолимся и святыни божьи посмотрим, и святых мощей увидишь“.

Декобря в 3 день, а ездил епискуп Ондрей, да Федот, да поп Павел в Рожественской монастырь, и там начавали. И показывали нам после завтрени в цѣркве икону пречистые богородицы Одегитрея в ките, и тот образ ис кивота вынимали; и в ките под образом святых многих мощи, а поимянна нам не рассказывали — каторых святых мощи. Другой обрас показывали с киотам, киот задвижной, а на киоте многих святых и мучеников написана на серебре; под тем оброзом в той же ките решотки дробные, и в тех решотках святых мощи, которые на образе печатыны, а имян тоже не рассказывали. В той же ките за иконою крест,

а сказывают, тот крест таво древа, на чом Христос был распят; а в том же кресте вставлена святых мощи во шти местех, маленькие жеребейки. А иконы во храму и деисусы¹² и месные оброзы обложены серебром и позолочены и жемчугам обложены. Стенное писание все по достоянию; а в небе написан Саваоф. А в олтарь двери одни царьские, а сиверских дверей нет. А на престоле стоит оброз да крест большой, серебром обложен и позолочон, и каменя видели многия, а окрест креста писоны святых. А во храм идучи предел в левой руке стоит пуст, а икон в нем нет; в том же пределе лежит камень большой, а на серетке камени кольцо железное, а пот тем камням, сказывают, пещора, а в той пещоре, сказывают, прежних царей кладьбища.

Таго же числа ездили в монастырь к Спасу Всемилоствому. А в церкве оброзы и деисусы и месные оброзы все по достоянию, а окладу добре много; в месном оброзе посреди его врезан Спасав оброз; и оне вынимали, показывали нам. А зделона киот задвижной и обит серебром на обе стороны и позолочон; и киот разнимали Спасава образа, врезан крест животворящей, а сказывают, таво древа, на чом Христос был распят, а посторонь писоно царя Костеньтина¹³ и матери его Елены. Да на той же цке врезаны святых мощи жеребейками, по гнездом подписаны; и нам сказывали по потписям епискуп Ондрей — которых святых: мощи Козьмы и Дамьяна, мощи Азария и Мисаила, мощи Понтелимона, мощи Данила Столпника и Кирьяка, мощи Ивана Дамаскина, мощи Варвары, хрестовай мученицы, мощи Анастасеи, Аньны, мощи святых мученицы Анны, мощи святых мученицы Марины, мощи святых мученицы Феклы, мощи святых мученицы Екотерины, мощи Димитрея Селунского, мощи святого мученика Харлампия, мощи Ондreja Критцкаго, мощи Федора Тирона, мощи Егоргия стростотерпца, мощи Григория Богослова, мощи святого апостала Матвея, мощи святого мученика Прокопия, мощи великого чюдотворца Антония, да ризы пречистыя богородицы малой жеребей, да гупки малая часть, как Христа распинали и поили желчью на кресте, мощи мученика Киприяна, мощи свещеннамученика Власия, мощи Якава Перскаго, мощи Федора Стратилата, мощи Ивана

Милостиваго, мощи Василия Кисарийскаго, мощи святаго чюдотворца Николы, мощи святаго Спиридона, мощи святаго апостала Мотвея.

У царьских дверей на левой стороне притворец, а в притворце казали мощи, а потъписей на них нет, которых святых; у подножья оброза на правой строне притворец, а в притворце рука крестителя господня Иванна. И мы стали спрашивать: „Откуды та рука принесена и кем?“. И оне сказали нам: „Принес де ту руку потриарх Ерусалимской, а той де руке по се число сто семдесят лет, а потриарху де мы имя пропрямятовали“. И мы спрашивали про иных святых мощи, которые писаны. И оне сказывали: „Те де мощи принесены от Ерусалима при прежних царех; а летописи у нас оп том нет, а наизусть сказать не помним“.

Да образ отца царя Левонтья Дидьянскаго Мануила моление, оброз месной, серебром обложон и позолочон и камень втирона; на левой строне притворец, а в притворце святые мощи, а потписей нет, которых святых. Евангелья строенья царя Левонтья Дидьянскаго писана по харатье, украшено серебром и золотом и жемчугам с обе стороны, а промеж евангилья писаны святые золотом, а креста на том евангилья нет; а другое евангилья вынасили все в золоте с одну сторону распятия христового.

Декабря в 3 день епискуп от нас поехал и поп Гаврило с ним жо.

Таго ж дни перевели нас ис Спасава монастыря версты с четьре в деревню Жахар.

Ноября в 7 день сказал Осип: „Гурьельская царства¹⁴ под Диянским царем, а прежде сего владел Гурьелской князь Симон, а за ним де была царя Левонтья сестра. Во 148 году таво князя Симона поланил царь Левонтей, и царства под себя взял, и глаза ему выжох; и он де у нево был в зоточенье з год, потому де у нево он ушол и по си места безвесно. А грузинских царей царство Тюфлис,¹⁵ а владеет им ныне шах, а посожон от шаха их жо грузинской царевичь, а имя ему Урустам. А ныне де Левонтей, царь дидьянской, выдал за нево сестру свою“.

Декобря в 12 день прислал Левонтей царь двух псарей в денщики к Федоту.

А в новой год действуют с Васильева дни. Да к Федоту по утру рано приходили поздравствовать, а приносили пшена сарачинского, а на пшене лежит винаград да яйцо, да на шешлыке приносили лапатку мяса да яблоко, да у всякаго человека в руках по хворостинки плоду, всякаго плоду; а сказали: „У нас де так ведецца, с ноешнево дни починаецца новой год“.¹⁶

Декобря в 4 день прислал Левонтей царь азнаура, а имя ему Тавей, роду Кучилянскаго. А говорил Федоту: „Велел де вас Левонтей царь спросить об здравье“. И говарил Федоту: „Не кручинна ль де вам?“. И Федот говарил: „Милостию божію, государским жалованьям и великого государя царя и великаго князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца, и Левонтья, царя дидьянскаго, не кручинна; одна леша на нас забота, что не дал долго царь Левонтей очей своих видить, и мы бы исправили поведенья великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русии самодержца“. И азнаур¹⁷ молил: „Што бы де вам пожаловать, не подосадывать: ныне де у нашего царя Левонтья кручина по царице; а как будет ево время, и он вас велит перет собою поставить.“

А царь Левонтей дает турецкому царю дань¹⁸ по осмисот аршин полотна да ясырю дает по трицети душ и по сороку; а дает для таго, чтоб приходили карабли с торгом, а кой год не будут карабли, и у них тот год скудна солью и железом. „А не бывали к нам оне со ста чetyредесят четвертаго году; а миром говорят: потому де оне к нам не ходят каряблями, что бояцца казаков; с тех де мест мы им и дани не даем“.

Генворя в 31 день поехали из деревни Жахара, а приехали начавать в деревню в Боджи; а в Боджах съехались съ епискупам с Ондреям.

Февраля в 1 день приехали в деревню в Кедзи; а ис Кедзей поехали в село в Пудцкур февраля в 2 день. А в селе в Путцкуре стоит церковь деревеная во имя Сеимиона Богопримца подле двора царева.

Февраля в 5 день выехали мы по реке по Моргуле к морю Чорному на конех. Епискуп Ондрей говорил да крестовой поп

Гаврила сказал: „Есть де у нас река Рьян.¹⁹ Приехали де к нам казаки и стали на устье; и нашава де царства люди выхадил и всякою торговлею с ними торговали. И услышал Турской, да прислал шеснатцать катарг и казаков побили. И потому де турской царь стал на Левонтья, царя, рен держать, потому что де у вас одна вера христьянская с рускими людьми, а разаряете де вы заодно с казаками мое государство; и будет не захочешь с рускими людьми заодно, и я де тебе дам людей, и ты забей по рекам устья, чтобы им не было пристанища. И наш де царь Левонтей таво не похотел. И он де турской царь, на то розгневась, да прислал каторги во 145 году мая во 18 день и велел монастырь розломать и розметать. А монастырь был во имя пречистые богородицы Одегитрея; а нашава де царя Левонтья не было дома, ходил на бошачюйскаво князя²⁰ войною. Да у нашава де царя Левонтья надежа на бога да на великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержда, на заступу; только будет к нашему царю Левонтью, и он хочет и сам противитца против турецкого царя. Да как де бы государь поволит казаком, инде бы добре была нашему царю Левонтью помощь от казаков: как де бы оне ходили на турецкие украинные города. и назат идучи, на море изнимет фуртыны или катаржнаа высылка, и оне б приставали к нашему царству, которые реки из нашава царства пали в моря, и наш де царь Левонтей их оберегал; а на босурманские языки ходили за одно“.

Февроля в 6 день были в монастыре съ епискупам с Ондреям Федот да поп Павел. В том монастыре храм каменной во имя пречистые богородицы, Одигитрея в киоте, а на другой строне крест распятия христова, а в том кресте мощи, две кости ручные, што от локтя к ладони; и сказал епискуп, што те мощи святых мученицы Варвары. Да показывали обрас в киоте, а на том оброзу написана распятия христова, у подножь креста шесть жеребейков втерто святых мощей; и мы их роспрашивали про те мощи: „Сколь давно те мощи у вас, и кем принесены и каторых святых во имя?“. И оне нам сказали: „Летописи, скать, у нас нет, потаму што турецкие люди приходили, и монастырь разарили

и летописи пожг[л]и, а наизусть сказать не помним“. А назат поваратили таго же числа иною дарогою.

Февроля в 7 день начавали в деревне Пщехапе.

Февроля во 8 день начавали в деревне в Китоуле.

Февроля в 9 день были мы в монастыре в Мокшенском съ епискупам с Ондреям да с Максимам; показывали нам, Федоту да попу Павлу, мученика Стефана орьхидьякона руки обе целы и ножьные кости да кре[ст] таво древа, на чом Христос был распят; да нам же показывали дробные жеребейки святых: мощи мученицы Ирины, мощи мученицы Меланьи, мощи мученицы Евгении, мощи мученика Никиты, мощи мученика Меркурья, мощи мучеников Проваторха и Аньдроника, мощи приподобнаго Лариона, мощи Власия, мощи святаго чудотворца Николы, мощи Лазаревы, мощи Амбросимовы Медиаламскаго, мощи Луки евангелиста, мощи мученика Аверкия.

Февроля в 9 день были мы в монастыре в Егорьевском,²¹ Федот да поп Павел, а ездили с епискупом с Ондреям. Среди церкви перет царьскими дверми зделон престол, а на престоле стоит крест большой, а на кресте писаны чюдеса страстотерпца Гегоргия мучения, да оброз пречистыя богородицы Одегитрея; а другой оброз стоит страстотерпца хрестова Гегоргия со крестом. А кругом монастыря ограда каменная, а ворота одни, притворы железные. А чюдеса мученика Гегоргия рассказывали: „Ноября в 3 день приедет де наш царь Левонтей на ево прозневство молитца и все провославные христьяне съедутца. Волею де божью бывает тут приведен бык; и таво де быка велит царь Левонтей освежавать и всем провославным христьяном росдаст по малой части, каму што дастанетца, да плечо пошлет Гурьельскому князю, а другое пошлет плечо Бошечуйскому князю“.

Февроля в 10 день были мы в монастыре, Федот да поп Павел, а ездили съ епискупом с Оньдрейм. А монастырь во имя пречистыя богородицы Одегитрея, а таво нам разводу не дали, каторой во имя богородицы — веть, скать, одна богородица. Да тут жа в монастыре оболокся епискуп Ондрей в ризы да с ним поп, вынасили из олтора со престола господня в чорном бархате, а шита

кругла, што голова; а на бархате вышита распятия христова, подле распятия христова вышита образ богородицы, а по другую сторону Иван Предотеца, а назади главы вышит крест, а держит царь Костеньтин и мать ево Елена. „А тут де за царьскою печатью гвоздя да связи и волосы и бороды господа нашего Исуca Христа, а показать де мы не смеям бес царя, царь де вам сам покажет“. А епискупа в том монастыре завут Евтихей.

Февроля в 14 день приехали к Ондрею епискупу в монастырь в Троетцкой; а из монастыря поехали в 17 день, а приехали в деревню в Дежихи.

Февраля⁶ в 23 день говорил Федоту ключник дворцовой Дементей царя Левонтья: „Грехом де нашим учинилось, што у нас де царицы не стала; а поиск де был царьские милости государя царя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Руси самодержца, по ее царицыну умысленью, говарила она царю Левонтью, што послать посла к царьской милости и проведать Московское государство и рассмотреть православная вера христьянская вера; а для де таво, што от донских казаков многа им налогу и разаряют их государство, а хатят они таво государския милости, штобы к ним казаки не ходили и шкоты бы им не чинили“. Да он жо сказывал: „Нонеча де у нас царь Левонтей в великой кручине, а ходит де в черном платье; а как де царица умерла, с тех мест царь не ест ни рыбы и мяса, ни сыра, ни яиц, ничево скорому. Да съезжались де к Левонтью царю ближние люди и власти, а гаварили ему оп том, што положить печаль на радость, а платья переменить, а царицу поминать хлебом да солью, а скоромное кушать: волею де божию у мужа жена умирает, а у жены муш умирает, а потому прилагают печаль на радость; а прежде таво у отца и у деда таво оброса не бывала. И он им отказал с кручиною: А таво де у меня никто не ведает, што у меня на серцы; поспели б де вы мне говарить, как и години вышли, а и тагда, скать, как бог благоволит“.

У Левонтья царя отец был Монулла, тешился за оленем да с коня упал да ушибся; а привезли де ево дамою жива. А брат де у него был меньшей Юрья, и он де ево к себе призвал да при-

вел ево ко кресту, штобы ему самому царьством не завладеть, а посадить ево сына на царства Левонтья; а царь Левонтей остался молот, а приказал ему владеть, дакуды Левонтей царь взмужает. И он на правде устаял: как Левонтей царь взмужал, ин ево и посадил на царства. И он, будучи царем, да отнял у дяди у роднова у Юрья жену, а понел ее себе женою; и он де с кручины так и сканчался и умер. А с ним у нее была два сына, адин Юрья, а другой Мелхей; а мы их при царе видели близа. А с царем Левонтьям у нее была два сына да две дочери; а сыновья и нонеча живы, а дочь одна умерла, а другую дочь послал Гурьельскому князю на збереженья к Вортаму.

От Ондreja от епискупа поехали февроля в 17 день, а приехали таго ж числа в волость в Лежики.

Марта в 1 день послал Левонтей царь в Кабарду к Олегуке-мурзе посла своего азнаура Кучалянского роду, а имя ему Тавей, просить за сына своего за большова за Олександрю дочери.

Марта в 23 день приежжал к Федоту кизылбашенин, а имя ему Беисрякуль, и Федот ево розпрашивал: „Давно ль ты здесь?“. И он сказал: „Мне де здесь пять лет, а пришел де я с кизылбаским послом. А был де я в слонавщиках, и слон умер в прошлом во 146-м году. И с тех де мест меня царь Левонтей не отпустил, а держит у себя; а для де таво не отпустит: как от шаха придет грамота, так я прочитаю, а как де от царя Левонтья посылка с чем, так де я пишу“. И Федот ево спрашивал: „Богдат ныне за кем утвердился,²² за турским ли царем или за кизылбаским шахам?“. И он сказал: „За Турским. А Турской де как Богдат взял, так де посылал х кизылбаскому шаху посла оп том: что де мы деремся? У нас отна вера босурманская. По шахову договору с турским царем Мурат-салтаном, что быть козылбаским обызым²³ по их бусурманскому закону у святых в Богдате да шаху де давать была на год по 300 вьюков сырду шолку; на том у них и мир учинился. И после таво во 147-м году посылал Турской царь Марат султан к шаху кизылбаскому, чтобы шах ту дань прислал; и он де ему отказал: не дам. И в нонешнем де во 148-м году турской царь хотел подыматца на нево войною“.

Да про царя Левонтья сказывал, что де „он голдует на обе стороны,²⁴ Турскому и Казылбаскому; а от казылбаскава шаха царю Левонтью идет жалаванье по тысени темсней²⁵ жалованье на год. И деньги в ево шах Софеево²⁶ имя делает; да ему же от шаха повольно будет: ему ратные люди надобет, и ему шах позволил по Куру-реку всяких служивых людей, которые шаху служат. Да царь же де посылает Левонтей к Турскому царю и к везиру ясырей, поклоняетца, что де я твой царьской халоп“.

А поехали из Дежики марта в 23 день.

А поехали из Жюги марта в 26 день; а приехали в монастырь пречистыя Богородицы в Мордули к митрополиту Митрофану. И он встретил нас Федота в церкви в ризах съ евангильям, потом обедню служил сам; после обедни имал нас к себе за стол. А как мы пришли к нему в столовую, и он спросил про государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси.²⁷ И Федот говорил: „Как есми поехал от государя своего, от его царьсково величества, и милостью божью государь наш, царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Руси самодержежь, многих государств государь и обогодатель; на своих царьских великих и преславных государствах в добром здравье“. Митрополит спросил про светейшего патриарха Иасафа Московсково и всеа Руси здравья и про²⁸ спосение, да еще спросил про православное христьянство и про весь причот церковной. И Федот говорил: „Божиею милостию, великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастьям и ево государскою молитвою праведною православние христьянства пребывают по закону христову и по учению апостольскому в ево государеве державе“.

Да великой мы четверг были у обедни в том же монастыре. А у обедни были два причастника; а пришли х тайне божьей, не прекрестясь, а прочь также пошли от причастья, креста не целовали у потиру.²⁷ В великою пятницу митрополит ставил середь церкви крест, а по обе стороны лежали мощи, да тут жо лежала перет крестом евангилья; крест был накрыт пеленою. После вечерни крест и мощи снес в олтарь, а на павечерницы принес

воплощеницу на одре, как господа нашего Исуса Христа сняли со креста, напечатана, поставил против царьских дверей галовою на полночь, а ношками на полдни. А на завтрени в великою субботу выносил вон и круг церкви с мощми опшед, опока принесли во храм, поставили в олторе перед престолом; а митрополит шел наперед с евангильям, а пели, идучи наперед, а каженья не было. После завтрени мы говорили митрополиту, что „довелось было тебе итить назади мощей, а дьяконом наперед, да кадить“. И митрополит молил: „Знаю де я и сам, только де одиночество мое“.

Месяца февроля турской царь умер Мрат-солтан,²⁸ а на ево место сел брат ево меньшей Абраим-сальтан.

Апреля в 5 день обеда[ли] у митрополита Федот да поп Павел за столом. И митрополит спрашивал про Руское государство: „Давно ль крестилась во имя отца и сына и святого духа?“. И мы сказали: „Руское государство крестилось 652-й год при великом князе Владимире Киевском“.²⁹ И мы ево против таво розпросило: „Давно ли ваши царьство крестилось в православную христьянскую веру?“. И митрополит сказал: „Наша де царьство крестил Ондрей Первозванной,³⁰ а наизусть де я не помню сказать, давно ль царьство крестилась; а се де наше царьство после таго трижды веру теряли, да после таго опять веру исправили от Синайских гор от царя Контентина. А те Грузинские земли, Темразова³¹ и Бошечуйская и Тюфлское и Гурьельское, крещены опосле нашия Дидьянския земли; а прислала, скать, некая праведная девица от Ерусалима, а имя ей Ненила, по ее присылке те земли крестились. Да в прошлом де во 141-м году присылал де к нам папа Рымской шести старцов³² на искушенья; да прислал де рызы церковные и клябук светительской ко мне к митрополиту, а говорил нам так: что де вы потеряли христьянскую веру, папа де нас прислал вас учить и веру утвердить. И мы де их розпросили: как у вас ведетца? И они де стали сказывать: Как де выдешь из бани да станешь платье одевать, доведетца, скать, рызы и клябык положить под ноги. И мы де о том пособоровали и подумали, видим де, что они к нам пришли на искушенья, и мы де им отказали: Не надобить де вам ваша вера и ученья“.

Апреля в 7 день поехали из монастыря из Морьдули, а приехали таго ж числа к стростотерпцу Гегоргию.

Апреля в 23 день въ Егорьевском монастыре были у заутрени; а у заутрени был потриарх Максим, да митрополит Митрофан, да Гурьельской князь Вартам, да и все тут были ближние царьские люди да и всей земли тут был съезд. После заутрени до обедни вышли на площадь потриарх и митрополит и все люди многия, а вынесли месною икону страстотерпца христова Гегоргия, поставили на столбе ликом на полночь. Против ево, оброта, сел мужик на храму³³ да вдел на себя другой оброт страстотерпца Гегоргия, да стал говарить во весь мир, а миру в те поры запретили, чтоб ни кто не говарил: „Послушайте де меня. Яз де ныне начевал во храму, а сказывал де мне ныне Гегоргей: Людей де моих ни зобижайте, которые в мое имя веруют“. А сказал им то, что во весь год родитца ль хлеб и плодитца ль скот, и кому живу быть или кому умереть. А таво сказывал с час з боевой, а в те поры у оброта службы не было и ни кадили кадилком. И мы про то спросили: „Почему тот человек пророчествует: святой ли он или богу подвижон и грамоте умеет ли?“. И они сказали: „Грамоте не умеет; а то де у них тот род их ведетца, которой умрет, и из их же роду иной человек станет розказывать Егорьевы словеса в мир“. И они розпрашивали Федота: „Вы де верите ль тому?“. И мы им ответ дали: „Мы тому не веруем, ложь то есть, потому что после рожества Христова пророки льживы“. А как мужик слез с церкви, и [о]ни ударили в палки и в чекуши, и тут у них стал звук великой. И мы их оп том спросили: „што у вас то ведетца не по-крестьянски?“. И они сказали: „То де они молетца стростотерпцу Христову Егорью, а проклинаят тех, што у каво хто украдет или учинит насилиство“.

Да приходил к нам митрополит Митрофан, а говарил так: „Видите де вы сами, что они не крестьяня, творят дьявольщину“. А родам митрополит Темразовай земли ис Тюфлиа. Да тут же были гречиские старцы и они про то говорили: „Мы де такой веры нигде не видали“. Да тот же митрополит Митрофан был у Святых гор 12 лет, а учился грамоте греческой.

Апреля в 27 день велел Дядьянской царь Левонтей быть Федоту на посольстве в Зигуре. И как поехали на посольство, Левонтей царь выехал от двора версты с полторы, а с ним был потриярх и митрополит и епискупы, да конных с ним было с пятьсот человек, да перед ним несли крест и оброз пречистые богородицы. Съехався с ним, с лошадей ссели, и у руки были и грамоту государеву Федот Левонтью царю подал. По тому стал говорить против наказу титло. И он молил: „Садись де на конь да поедем на подворье, в ту пору и речь говори“. И мы сели на лошади, за царем поехали на подворье и Федоту царь велел ехать у себя по правую руку, а речей никаких едучи не было да не доезжаючи да подворья з гоны, царь поехал наперед, а нам велел ехать потихоньку. И мы слышали, что есть у нево ис Тюфанса посол, и мы ехать не хотели, потому: государева указу нет, чтобы с кизылбаским или с турским послом на посольстве быть вместе. И они нам сказали: „Не козылбаскова и ни турскава, наша де православная христьянства и друзья нам и свои; мы от них ничево не вскрываем“. И Федот тут стоял с час времени и ехать не хотел, а хотел поворотитца назад; и они нас не пустили. А с нашими речми ездили ко царю трижды, и царь от себя прислал ариморыта Микулаза. И архиморит говорил: „Поетте де, пожалуйста, не опозорьте царя, потому что царь встречал вас сам с потриярхом и с митрополиты и с епискупы; а таво не опасайтесь, поверьте моей черной ризе, что те люди не кизылбашене, а прислоны не от шаха. Да велел вам Левонтей царь говорить о том: Как будете передо мною, и вы леша обесстите про государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси про многолетное здравье; а каторые у вас будут царьственные речи, и я де у вас стану слушать с потриярхом да з дьяком, а иных людей не будет никаво“. И мы к царю пришли и, придет к царю, богу помолились. Федот стал говорить титло против наказу, каков ему в Посольском приказе дан за дьячьёю приписью; а изговоря речь, поклонился. И царь в те поры сидел и шапки не снимал. А по тому Леонтей царь спросил про здравье великого государя царя и великого князя Михаила Фе-

доровича, всеа Русии самодержца, сидя ш. И Федот против таво говорил: „Как есми я поехал от государя своего, от ево царьского величества, и божьею милостию великий государь наш, царь и великий князь Михайла Федоровичъ, всеа Русии самодержецъ и многих государств государь и облаадатель, на своих великих и преславных государствах в добром здравье“. И Леонтей царь моыл: „Слава тебе, господи, што велел бог слышать про такова великаго государя царя и великаго князя Михайла Федоровича, всеа Русии самодержца, про многолетное здравье“. Потом велел нам сесть против себя неподолеку; а речей никаких не была. Да дьяк прислал спросить потихоньку Федота: „Грамота де государева мошьно ли прочитатъ при всех людех?“. И Федот моыл: „Бог волен да Левонтей царь, как изволит, так и прочитает; а мне то несведома, царская мысль в божье руце“. А в шетре посидели с четверть часа, а в ту пору от царя Левонтья ис шетра люди все розъехались. И Федот, встав, речь говарил по наказу, каков ему дан ис Посольского приказу за дьячьёю приписью. А в ту пору царь Левонтей речь слушал с потриярхом да с дьяком своим думным.

А от митрополита поехали от Митрофана из Егорьевскаго монастыря апреля в 29 день. А ключник царев Дементей поехал от нас к царю апреля в 29 день, а на ево место приехал сытник Потап.

Апреля в 30^е день приехали в монастырь в Хони к орхимориту Микулазу и на монастырь пришли. И архиморит, оболочась в ризы, и з братьёю встретил нас с оброзом пречистые богородицы и со крестом и съ евангильем. И мы оброзу поклонились и у еваннилья и у креста были; а пошли во хром и во хромѹ обедню слушали. После обедни архиморит Микулас показывал пречистые богородицы срачицу,³⁴ да мученика Кирика ручка левая по запястья, да мученицы христовы Марыны ручка правая от ладони до лахтя, кость пересечена. А ворот пречистые богородицы мал, верышка на три. И мы про то спросили: „Чего ради ворат мал?“. И архиморит Микулаз сказал: „Волею де божью год от году ворот зарастает“. А срачица широка, а рукава коротки широки, а цветом выбайка багровая. И мы спросили про срачицу и про

мощи: „Откуды взято и с кем принесены?“. И архиморит сказал: „Яз де здесь недавно, таво не ведаю, откуды взято и с кем принесено; а летописи оп том не видал“. А после обедни архиморит звал нас за стол, и мы у него были и за столом была речь; спрашивал архиморит нас: „Давно ль де Русь крестилась?“. И мы сказали: „Руская земля крестилась до конца седмыа тысени за пясот за четьре годы, и от крещения Руския земли да сех мест шестьсот пятьдесят второй год“. А после таво спросил у архиморита Федот да поп Павел: „Много ль де лет ото Адама до сех мест? И орьхиморит сказал: „От Адама до сех мест семь тысяч сто пятьдесят два годы“. И поп Павел говарил: „В наших де кни[га]х написона лета семь тысящ сто четьре десять осмой год“. И архиморит посылал по книгу и в книгу смотрил, сказал: „У нас де в книге написана лета семь тысящ сто пятьдесят второй год“. И по том архиморит речь прекратил.

Мая в 1 день пришел Левонтья царя посланник из Олегукиной Каборды, имя ему Тавей, а с ним от Олегики пришел посол ко царю Левонтью, а имя ему Эльбуздук; договорились послы с царем Левонтьям взять у Олегуки за сына своего дочь, а дать ему, Левонтью царю, Олегуке сто душ есырю, да сто серебряных сосудов, да сто золотных платей, да сто кабылиц, сто быков, сто пищалей, на том у них и даговор стал. И Левонтей царь на том думному своему дяку Потапу и ближнему своему человеку Рамозану велел крест целовать на той правде, што ему по тому договору отдать.

Мая в 18 день нас Левонтей царь ис Шуайскова монастыря взял в Зубиди к себе; и приветчи нас, поставил на подворье. Прислал к нам епискупа Ондreja да Микулаза да стольника своего Рамозана кучюлянца, а говарили нам: „Прислал де к вам Леонтей царь“. А говарили мне епискуп и Рамазан: „Царь де Левонтей вас перет себя взять стыдитца, что де у него ус и борода побрита в кручине по царице, а велел де вам говарить: посылал де я ко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, посла своего попа Гаврила, и ево де держали 3 годы вь есырстве“. И Федот говорил, что „То Гаврила сказывает

ложно, а в есырстве его не держали ни единого дни, а была ему от государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси жалаванье полное и корм поденной. А хотя будет ево и держали на Терке, а про него в те поры писали к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве о указе, потаму что про ваше царство было прежде сего великому государю несведамо, а без государева указу терские воеводы ево пропустить не смели. А как пришел а том государев указ на Терек, и по государеву указу терские воеводы послали ево к Москве и отпустили без всякаго задержаня. А Терек от Москвы не ближнее место, а государства государя нашего, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси, великое. А посол ваш поп Гаврила как приехал к Москве, по государеву указу велели его поставить на подворье, а на другой день думной дьяк велел ево взять в Посольской приказ. И по государеву указу в Посольском приказе про Левонтья царя и про ваша царства думной дьяк спросил и, спрося, обестил великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси. А после таго, ден здеся спустя, государь ево пожаловал, велел ему видеть свои царские очи и быть ему на посольстве. И как пришло то время, государя нашего в государстве реки вскрылись, потому что зимы бывают студены и реки замерзают, и велики государь посла вашего попа Гаврила велел отпустить мая в 30 день. А о чем Левонтей царь писал к великому государю в грамоте своей, и великий государь прошенья Левонтья царя не [о]тставил, а посла вашего, попа Гаврила, своим царским жалованьем пожаловал. И епускуп и Рамазан говарили: „Видим де мы и сами, что великий государь христьянский; прежд де таво велики государь был в Риме, и там де нонеча перевелось,³⁵ а подал де бог вашему великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всеа Руси самодержцу. А наш де Левонтей царь надо всеми в Грузинских странах большой, а для де таво к Москве посылал, чтоб ваша христьянская вера посмотреть да поучитца. И мы де вам монастыри свои показывали, и светыни все видали и мощи святых. А нонеча де

великий государь как изволит, так к нам и пришлет". И Федот спросил епискупа Ондreja и Рамазана, што „х которой вы то силе говорите о присылке?". И они против таво ничево ответу не дали. Да в тое ш пору подана грамота к великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси. „А нонеча де у нашего царя Левонтья кручина, а как кручина минетца, и он де к великому государю посла пришлет", — говорил епискуп Ондрей и Рамазан. „Нонеча де вас царь Левонтей отпускает с Олегукиным послом, для таво што Олегукин посол Элистан говарил царю Левонтью, што приказыв[ал] говорить Олегука: отпустите государя, царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси, холопей, а моих кунаков. И царь де Левонтей по их слову отпускает вас с Олегукиным послом; а как де бы не Олегукина посла слова, и вам де было столько у нас жить, сколко у вас Гаврил на Руси жил".

Да в ту пору дали Федоту чарку серебряною да пятьдесят шесть яфимков,³⁶ да комку кизылбаскою, да дороги турецкие, а ценою они сочли и сказали на осемьдесят яфимков. Да попу Павлу дан бархат червчет да комку кизылбаскою на серетбе; да толмачю дали дороги, да человеку моему, которой писал список, дали дороги. Да им дал Федот, которые приносили, четыре яфимка.

Мая в 19 день отпустил Левонтей царь от себя, а подвод и корму не дал.

Диндянская земля вдоль подле моря верст с полтараста, а поперек от гор к морю верст с пятьдесят. А у них в земле нагота больша, мужеской пол и женской ходят наги. А таргов нет, один торг и есть армянской сорок дворов да десять дворов жидовских;³⁷ а ясырь продают и царь и власти и всякие помесные люди, хто где испомещан, а продают все в босурманскую веру, а не продать им есыря, ин де им и нужи своей нечим исполнить. А хлеб пашут капанидами, по горам и по холмам, розчищаючи лес и камень, а сеют бор;³⁸ а пшеница есть, дает чети. А боровые каши сворят в котле прохова, а за сталом сядут ниш и убог безместна, всякой сряду; а места столов потесаны доски долгия, а кладут их на земле, а сами сядут, подобгав ноги, а те у них доски вместо

столов и скатертей, блюд; а кашу повар розносит, лопатою ис котла черпуючи, а всякому дает порозну. А животину бьют всякою, повеся за нагу за заднюю на дерево, да вынем саблю да отрубят головы; а харавину снимет да кишки выкинет, а в части не рубит, так в котел и положит; а ворем щербу да льют на землю,³⁹ а мяся положат на насилки, принесут к столу, а делят комуждо по поем. А живут люди все в лесу, а где лесу нет, тут и людей нет. А винаградным питьем добре довольно; а сырец шолк у них родитца.

А корму нам указнава не было, а приносили, збирачу с волостей, а вар варили оны у себя на поварни, а нам давали за стол готовое пить и есть; а питья винаграднава была давольна, а кармливали нас по двожды на день.

А в Дидьянскою землю из Олегукиной Кабарды путь тесен, горы непроходимые, а конной дороги отнют нет, а пешия ходят з горям. А промеж гребеней лежит снег от зачатья свету; каторой год снег идет, и тот себе слоюм обледенев и лежит, а которые снеги старые от прежних лет, и те лежат позеленев, аки турской купороской.

А обедню служат власти и попы; первую просвиру вынимают, как и агниц;⁴⁰ а из другие просвиры как ис просвиры пречистые богородицы вынимаетца; а ис третье просвиры вынимают дробных 9 честей, и ис четвертьте просвиры вынимают дробные части за здравье, хто что скажет своих родителей поимянна, пришет к жертвенику. А евангилья чтут власти бес потрохели⁴¹ на обедни.

И поп Павел розпрашивал митрополита Митрофана: „Достоит ли евангилья честь без рис и без потрохели влаstem или попом?“. И митрополит сказал: „Нет; яз де таво нигде не видал в книгах, что честь евангилья без рис и без потрохели“. Федот молил да поп Павел: „Ездили де мы съ епискупам с Ондреям по монастырям, и мы то видели, что он везде по церквам, стоечи на своем святительском месте, чтет евангилья, не облачась и без потрохели“. И митрополит молил: „То де он зделал не по уставу“.

А в обедню выдут съ евангильям и станут против царьских дверей, а поют голомя не малое; а што поют, и мы тому толку

не проразумели. И пев пойдет в олтарь, да и в олтаре поют голомя не малое. А во храму иные стоят, а иные сидят. А после павечерницы и полуношницы и перед обеднею прощенья нет, а отпустить прост. А на ризах и на стихорях⁴² оплечья и креста и звезды и омету⁴³ нет. А после страшенья не ходят и ектеньи малой не говарят; забвонью молитву говарят, а просвир не выносят. А Филипов пост и во Спожино говейно и в Петрова говейно и в середу и в пятницу мирския люди ядят скоромное сплошь, акроме великого посту. А в чернды постригаютца из детства малыя; а взмужает, захочет — во властях будет, а не захочет, и он разтрижетца и женитца. А в великой пост х причастью мирския люди не говеют ис своей воли и у отца духовнава не бывають; а причащают при смерти, как человек умирает. А сватьбы играют в великой пост. А невесту к жениху возят, а жених по невесту не ездит; а привезет дружка да сваха, а лучитца где храм блиско, и оне во храму венчают, а не лучитца где храму блиско, и оне и дома венчают.

Мая в 22 день пошли из Дидьянския, а пришли в Сонскою землю мая в 26 день. А провожатым дано, Элистану да Билшуке, за провожанья пять аршин сукна да четверы дороги да два яфимка денех; да поп Павел дал пищаль да аршин сукна настрафилю лазорева.

Ис Соней пошли июня во 8 день, а пришли в Черказы к Хопукину в Коборду июня в 12 день. Да Хапука четверых коней не отдал, двое Федотавых да попова лошеть да подьячева лошеть: „Федотава, ска[за]л, одна пала, а те трое лошадей ваших украли.“

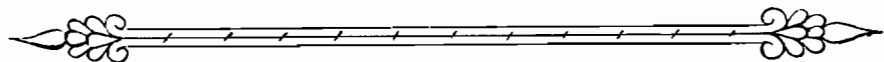
От Хапуки поехали июня в 28 день, а приехали в Ылдареву Кабарду июня в 29 день.

А из Ылдаравой Кабарды поехали июня в 30 день, а приехали в Онзоров кабак⁴⁴ таго ж числа.

Из Онзорова кабака поехали июля в 4 день, а на Терек приехали июля в 11 день.

С Терку поехали июля в 21 день, а в Астарахань приехали июля в 31 день.

А из Астарахани поехали августа в 13 день.

СТАТЕЙНЫЙ СПИСОК П. И. ПОТЕМКИНА

(Франция)

Да по указу же великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича,¹ всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества, стольник и наместник Боровской Петр Иванович Потемкин² да дьяк Семен Румянцов³ посылали из Ышпанского порубежного города Айрона⁴ во Французскую землю в город Байон⁵ к державцу генералу-порутчику эль маркезу де Санпею⁶ подьячего Андрея Сидорова да с ним толмача Романа Эглина⁷ объявить про приезд свой июня в 27 день.⁸

И как подьячей и толмачъ приехали к городу Байону, и в городских воротех служилые люди, которые стоят на карауле, остановили и спрашивали их: „Которого государства они люди, и от кого, и для каких дел х кому едут?“.

И подьячей Андрей и толмачъ Роман им сказали: „Присланы они от посланников великого государя, его царского величества, объявить державцу про их приезд, чтоб они сказали державцу и довели их до него“.

И караульщики им сказали, чтоб де вам побыть здесь покамест державцу известят. И пошли к державцу и про них ему объявили.

И, помешкав немного, взяли подьячего и толмача на двор к державцу. И как к державцу на двор приехали, и на дворе их встречали многие люди, а сам державец встретил, вышед ис полаты.

И подьячей Андрей державцу говорил речь: „Посланы от великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств

и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, от его царского величества, к великому государю вашему, Лодвику, королю Французскому и Наварскому, к его королевскому величеству, в посланниках стольник и наместник Боровской Петр Иванович Потемкин да дьяк Семен Румянцов великого государя, его царского величества, с грамотою о их государских делах,⁹ которые настоят к их государственой брацкой дружбе в любви наскоро. И он бы, державец, о приезде их к великому государю своему, к его королевскому величеству, отписал и, дав им корм и подводы, отпустил их к королевскому величеству, не задержав“.

И державец, выслушав речь у подьячего, говорил:

„Великого государя, его царского величества, посланником известите: о присылке их и о чем они, царского величества посланники, ко мне с вами наказывали, и о том писать буду в Париск маршалку дюку де Грамону,¹⁰ потому что город Байон и иные многие города ведает он по указу королевского величества, а ему, державцу, приказаны одне служилые люди ведать;¹¹ и дюка де Грамон королевскому величеству о том о всем известно учинит, и что указ королевского величества о том к нему будет, и он посланником тотчас известно учинит. А без указу королевского величества принять ему их, посланников, и подводы дать и отпустить к королевскому величеству невозможно“.

И подьячей у него, державца, спрашивал: „Сколь скоро чаять о том указу королевского величества?“.

И державец сказал: „Указу де королевского величества будет ждать недели с четыре и больши, потому что до Париса от сех мест больши девятисот верст“.¹²

И подьячей Андрей Сидоров да толмачь Роман Эглин державцу говорили: „Двор он в Байоне посланником до указу королевского величества даст ли и подводы под них и подо всех по-сольских людей, на чом до Байона доехать, велит ли дать?“.

И державец сказал: „Царского величества п сланником скажите: дворы им в Байоне готовы, сколько надобно, только за те дворы деньги платить им свои, и подводы нанимать собою ж; а ему

бес королевского указа того учинить, что дворы без найму и подводы дать, не мочно, потому что люди у них вольные, ни на каком дворе поставить ему без заплаты не мочно“.

И подьячего и толмача отпустил к посланником.

А от Айрона до Байона тридцать пять верст.

И подьячей Андрей Сидоров и толмачь о том о всем посланником ведомо учинили.

И стольник Петр и дьяк Семен, поговоря о том, чтоб им не зазимовать за морем, время приходит осеннее, а указу им королевского ожидать будет многое время, потому что от Айрона до Париса больша девятисот верст, а естли король французской не укажет им подвод дать и корму, или ему то за гнев будет, что живучи за рубежом в Ыспанском государстве ожидать его королевского указа о приеме,¹³ и чтоб тем великого государя, его царского величества, делу поруки не учинить и вконец бы всех людей государевых тем не поморить, естли зимовать прилучитца за морем, и послали по самой великой нуже во Французскую землю, в город Байон, к державцу подьячего Ивана Прохорова да толмача Романа Эглина.

Июня в 29 день в Байон к державцу ездили подьячей Иван Прохоров да толмачь Роман Эглин и говорили ему, державцу: „Приказывал ты к посланником царского величества с подьячим с Андреем Сидоровым, что без указа королевского величества подвод и корму дать и х королевскому величеству посланников отпустить не смеешь, и двора в Байоне дать им не смеешь же, а указу де тебе о том ожидать от королевского величества будет четыре недели и больша. И великого государя, его царского величества, посланники велели тебе говорить: «Вели двор дать в Байоне, и подводы под них посланников прислать на рубеж; и о заплате за двор и подрядчиком за подводы что будет платить, о том к ним посланником с нами накажи подлинно»“.

И державец подьячему и толмачю сказал: „Двор в Байоне готов, и подводы на рубеже под посланников великого государя, его царского величества, пришлю, не замешкав, и о цене о прямой подрядчиком накажу, чтоб лишнего не имали“.

Июля в 2 день поехали из Айрона рекою Уреею¹⁴ посланники и все посольские люди в барках, провожал их айронской воевода дон Гаврил де Ордин со многими начальными людьми за реку Урею, потому что подрядчики с лошадьми и с телегами в Ышпанскую землю за рубеж не поехали. А переехав посланники через реку Урею во Французскую землю, ночевали в деревне Бегобии на французском рубеже; и в тое деревню прислал державец дворянина да с ним салдат, кому посланников проводить до города Байона. И стольник Петр и дьяк Семен поехали из деревни Бегобии и дворяне и подьячие и все посольские люди на наемных подводах. А что найму дано, и то писано в росписи под статейным списком.

Июля в 3 день приехали в город Байон.

И того же числа приезжал к посланником Байона города державец эль маркез де Санпей и говорил: „О чем де вы, посланники царского величества, к нему наказывали, и он о том о всем и о приезде вашем к королевскому величеству и к дюке де Грамону писал. А подвод и корму до Париса без указа королевского величества дать никоими мерами невозможно. А ожидать вам будет королевского указа в Байоне, или как изволите“.

Того ж числа приходил к посланником французенин того двора, где они стоят, и говорил: „Как вы царского величества посланники изволите есть, а у него все готово“.

Стольник Петр и дьяк Семен ему велели сказать, что они в постные дни рано не едят, а как будет время, и у них готовить будут ествы свои повары.

И тот французенин сказал: „У нас де чин такой: хто у кого на дворе стоит, у того человека едят и пьют, а ему деньги за то платят“. И посланники велели у него спросить: „Сколько еств у него будет и каковы ествы, и что за весь стол ему будет взять?“.

И тот французенин сказал: „Изволили б де посланники кушать, все им будет готово, а лишние заплаты за тот стол не возьмем“.

И после того принесли челядники ево скатерть и ествы. И после обеда посланники велели спросить: „Что прислать к нему за тот обед заплаты?“.

И он велел прислать за тот обед пятьдесят ефимков;¹⁵ а только было девять еств рыбных да вино французское.

И Петер и Семен, видя такую безмерную высокую цену, и того опасаясь: естли королевское величество не велит им дать корму и подвод, и за двор, на котором стоят, заплаты учинить, а ждать будет королевского указу многое время, а на всякой день платить будет такая дорогая цена, посылали к державцу, чтоб с ними виделся.

Июля в 4 день державец к посланником приезжал. И Петр и Семен ему говорили: „Чаят ли он, что корм и подводы и за двор заплата, на котором ныне стоят, королевского величества будет ли или нет?“.

И державец посланником сказал: „У королевского величества иных государей послом корма и подвод не бывает,¹⁶ про то он ведает; а что об вас, посланниках царского величества, какой указ королевского величества будет, того ему ведать невозможно“.

Петр и Семен ему, державцу, говорили: „Естли королевское величество корма и подвод нам дать не укажет, и за двор за тот, что ныне стоим в Байоне, заплаты ис казны королевского величества не будет, а мы измешкаем, будучи в Байоне, многое время, и для того тебе, державцу, говорим, объяви нам подлинно: естли не чаешь о том указу королевского величества вскоре, и мы по самой великой нуже велим нанять подводы до города Бурдоя¹⁷ за свои деньги, для того чтоб великого государя нашего, его царского величества, делу от того порухи не учинилось, и не зазимовать бы нам за морем и июлем месяцем быть в Парисе у королевского величества. И к королевскому величеству о том о всем ты [б] отписал, чтоб про то про все королевскому величеству было известно, для чего подводы мы велели на свои деньги нанять до города Бурдоя, и чтоб за те подводы указал королевское величество из своей казны в Парисе заплатить нам деньги“.

Державец, выслушав у посланников, говорил: „Королевское величество укажет ли вам дать подводы или нет, того ему ведать

невозможно; а о том о всем, что вы мне говорили, отпишу в Парис к маршалку дюку де Грамону, а маршалок известит королевскому величеству. А то буди на воле вашей, как изволите: здесь ли ждать похотите королевского указа о всем или подводы велите нанимать на свои деньги. И буде вы велите нанимать подводы, и о том ему объявите, и он подрядчиком велит взять цену прямую“.

Июля в 5 день приходил к посланником полковник Корнилиус от генерала спросить о здоровье, и говорил: „Как вы посланники из города Байона ехать изволите в Бурдой, чтоб генералу про то было ведомо“.

Посланники говорили: „Как подводы наймут, тотчас и поедем“.

Того ж числа ввечеру приезжал к посланником генерал эль маркез де Сенпей со многими начальными людьми, а говорил: „Как вы изволите из Байона к королевскому величеству ехать, а он чаят, что королевского указа об вас вскоре не будет, и хочет он, державец, сего числа из Байона ехать в маестность свою, и чтоб вы, посланники, для ведомости дали ему роспись, что с ними к королевскому величеству есть каких даров, и их посольского платья, и всякой рухледи, для того что у них в Байоне таможенной откупщик збирает пошлину на маршалка дюка де Грамона,¹⁸ и говорит де тот откупщик, чтоб вы, посланники, все ему объявили, для того чтоб ему было ведомо, сколько взять с вас пошлины“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „У великого государя нашего, у его царского величества, послом и посланником всех государств бывает всякая достойная честь, а того никогда не бывает, чтоб их осматривать, сколько с ними каких даров и их посольского платья и всякой рухледи, и с того б имать пошлина никогда так не бывает, также ни в которых государствах великого государя нашего, его царского величества, послом и посланником того не бывает; и нам того никоими мерами учинить не мочно: посланы мы от великого государя нашего, от его царского величества, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, о их государских великих делах, которые надлежат кь их

государской брадкой дружбе и любви, в посланниках; а купчин с нами и товаров никаких нет, для чего бы нас осматривать и иметь пошлины“.

И по тех разговорах державец поехал к себе на двор.

Июля в 6 день приходил к посланником от генерала полковник Корнилиус и говорил: „Прислал де его генерал эль маркез де Сенпей и велел вам объявить: о котором деле вчерашнего числа была у вас с ним речь, и про то велел вам сказать: в Байоне де городе два откупщики таможенных збирают всякую пошлину — один на королевское величество, а другой збирает на маршалка дюку де Грамона; и королевского де величества откупщик генералу послушан во всем, и пошлин с вас не возьмет, а другой откупщик, что збирает пошлину на маршалка дюку де Грамона, и тот генералу де послушан, а говорит, чтоб вы, царского величества, посланники, написали, сколько у вас сундуков и чемоданов, и в котором сундуке или в чемодане какая рухель“.

И стольник Петр и дяк Семен ему говорили: „У великого государя нашего, у его царского величества, когда бывают великих христианских государей и мусульманских послы и посланники, и тем послом и посланником бывает всякая достойная честь, и того никогда не бывает, чтоб с платья их посольского пошлину иметь; и тем их не бесчестят. Скажи генералу: по самой великой нуже, чтоб нам в Байоне не замотчать и за морем не заимовать, велим роспись учинить, сколько у нас с посольским платьем и с рухелью сундуков и чемоданов; а осматривать не дадим, потому что ни в которых государствах великого государя нашего, его царского величества, послом того не бывает. И то мы чиним по самой великой нуже, что подводы наймаем до Бурдоа на свои деньги, а надеемся на милость королевского величества, что велит нам заплату за то учинить в Парисе“.

Полковник Корнилиус говорил: „Генерал эль маркез де Сенпей велел вам объявить, что он во всем вам, царского величества посланником, всякого добра делать рад; и о том бы вам было ведомо, каков во Французском государстве чин, и чтоб вам нигде никакова задержания и мешкоты ни за чем не было: в государ-

стве их такой обычай, со всяких чинов людей и с послов пошлину емлют, по тому — откупают пошлину у короля и у великородных его королевских людей и многие тысячи дают откупщики; и естли бы и королевское величество шол мимо тех городов, где откупщики пошлину емлют, и они б и с самого короля взяли пошлину, потому что такое у них в государстве право положено, и потому они с вас, послов, пошлину и емлют; а естли де вы изволите ево, державца, послушать и пошлину тому откупщику дать, что доведетца, и королевское величество велит вам тое пошлину заплатить в Парнсе, в том пожалуйте поверьте державцу; а он де, державец, говорил всем бургуmistром города Байона, чтоб и они того откупщика уговаривали; и бургуmistры де ему откупщику, с великим прошеньем говорили, чтоб он с вас пошлины не имал; и он державцу и бургуmistром отказал, что, не взяв с вас пошлин, из города выпустить не велит. А на державца б вам посланником в том не покручинитца, в государстве их люди вольные“.

И посланники говорили: „На приятстве генерала эль маркеза де Сенпея кланяемся, что он к нам любовь свою оказывает, и покладываемся в том на его приятство“.

Корнилиус говорил: „Про ваше приятство генералу он скажет; только извольте изготовить роспись, для того чтоб у вас впредь на дороге нигде ничего не осматривали; а велите роспись написать так, как вы изволите“.

Петр и Семен ему говорили: „Роспись у нас всему готова будет; только объяви все то генералу, что с тобою мы говорили, чтоб королевскому величеству известно было о том: емлет откупщик с посольского нашего платья пошлину“.

Корнилиус говорил: „О всем генералу объявит, и ведомо, не замешкав, вам посланником учинит“.

И того ж числа полковник Корнилиус взял у посланников роспись, сколько у них сундуков и чемоданов с посольским платьем и со всякою рухледью, и говорил: „Велел де вам державец сказать, что откупщик маршалков бес пошлины вас пропустить не хочет, а меньши двусот золотых червонных ему не

имывать, и то для прошения державца эль маркеза; и о том де как вы, царского величества послы, изволите?”.

Стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Скажи державцу эль маркезу де Сенпею, чтоб отпускал нас х королевскому величеству, не задержав; а что откупщик маршалка дюка де Грамона хочет с нас взять с посольского платья пошлину двести золотых червонных, и те 6 золотые взял у нас державец сам или бургомистры для того: говорил генерал, что королевское величество велит нам те золотые отдать в Парисе, и тому мы верим; и чтоб отписал он о том в Парис х королевскому величеству: даем мы те золотые по самой великой нуже, чтоб нам здесь для того не замешкать и за морем не зазимовать“.

Июля в 8 день приходили к посланником три человека бургомистров с тем же полковником Корнилиусом и говорили: „Пришли де они к вам челом ударить и сказать: королевского величества таможенной откупщик с вас, царского величества посланников, ничего не спрашивает. А что откупщик маршалка дюка де Грамона без пошлин вас не пропустит, они ево уговаривали, и он де их не слушает; только де у них тот откупщик таков: хотя своего государства послы или посланники куды идут, пошлину ему платят, а бес пошлины никого не пропустит; испанской де посол шел мимо Байон, и тот откупщик взял у него с платья и со всей его рухледи пошлину“.

Петр и Семен им говорили: „На вашем приятстве кланяемся, что вы нас пришли навестить. А такова бесчестья нам нигде не бывало, как и пошли мы от великого государя нашего, от его царского величества, из великого Росийского царствия, как ныне видим в государстве вашем от откупщиков: посланы мы от великого государя нашего, от его царского величества, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, о их государских делах и о брацкой дружбе и любви великого государя нашего, его царского величества, с любительною грамотою х королевскому величеству наскоро; и нам здесь подвод не дано, и для поспешенья подводы хотим мы нанять на свои деньги, и держат нас здесь неведомо за что, просит откупщик с посольского нашего

платья пошлины, что ни в которых государствах того послом и посланником великого государя нашего, его царского величества, не бывало“.

И в то ж время пришел к посланником откупщик, которой збирает пошлину на короля, и говорил: „Извольте вы, царского величества посланники, ехать к королевскому величеству в Парис, а пошлин ничего он имать у вас не будет; и в маршалкове де откупщике он не волен, извольте с ним видетца сами“.

И после того приходил к посланником откупщик маршалка дюка де Грамона, а говорил, чтоб ему посланники велели дать сто дублонов золотых пошлины всего, что у них есть посольского платья и всякой рухледи.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Купецких людей с нами и товаров никаких нет, кроме посольского платья, и никто ничего у нас не продаывал, имать тебе у нас пошлины не с чего“.

И тот откупщик увидел у посланников образы окладные, спасов да пресвятые богородицы, и говорил: „Не только де с вашего посольского платья и со свякой рухледи, пошлину возмет и с образов, что на них оклады серебряные с камением и з жемчуги“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Враг креста Христова, как ты не утрашился так говорить, что с образа содателя нашего и господа Исуса Христа, сына божия, и пречистые его матери пресвятые богородицы, что на тех святых и честных иконах утварь устроена по нашей благочестивой христианской вере, и ты и с того хочешь пошлину, скверной пес, взять; не токмо было тебе с тех пречестных и святых икон пошлина имать, и с посольского нашего платья и с рухледи никоими меры имать было не мочно, потому: посланы мы от великого государя нашего, от его царского величества, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, для великих их государских дел и для брацкой дружбы и любви; а купецких людей и товаров никаких с нами нет, для того и пошлин имать тебе с нас было не мочно. А видя твое безстыдство и нрав зверской, как псу гладному или

волку несыту, имущу гортань восхищати от пастырей овцы, так тебе бросаем золото, как прах“.

И выговоря ту речь, стольник Петр бросил ему сто своих золотых двойных¹⁹ на землю. И брося ему те золотые, взял на него письмо на галанском языке за его рукою, чтоб было про то ведомо у королевского величества в Парисе, с чего пошлину взял тот откупщик.

Июля в 10 день поехали посланники и дворяне и все посольские люди из Байона, наняв подводы до города Бурдоя. А что дано найму, и то писано под статейным списком. Провожал посланников за реку в барках полковник Корнилиус со многими начальными людьми. И, переехав реку,²⁰ поехали верхами, рухледь всякую повезли на лошедях вьюками.

А от города Байона до города Бурдоя тридцать миль.

И отъехав, стояли в деревне Ундресе.²¹

Июля в 11 день стояли в деревне Алеструи.

Июля в 12 день стояли в деревне Нурете.

Июля в 13 день стояли в деревне Ухреи.

Того ж числа посылали стольник Петр и дьяк Семен в Бурдой подъячего Андрея Сидорова да с ним толмача Романа Эглина объявить державцу про приезд свой. И подъячей и толмачь в Бурдое у державца у маркеза де Сентлука²² были. А как приехали к нему на двор, и на дворе встретил их секретарьус и пошли в полату к державцу. И подъячей Андрей говорил речь, как ему было наказано, а толмачь ту ж речь говорил по-цесарски.²³

И державец, выслушав тое речь у переводчика своего, говорил: „Великого государя, его царского величества, посланником скажите: хотя великого государя нашего, его королевского величества, ко мне указу об них не бывало, только он всякого добра им рад делать и чтоб ехали в город Бурдой; а двор до королевского указа велели б нанять на свои деньги, а ему без указа королевского величества двора дать им не мочно“.

И подъячей и толмачь ему говорили, чтоб он послал с ними служилого человека, с кем посмотреть им двора и о цене договоритца. И державец послал с ними бургумистра да трех человек

салдат. И подьячей и толмачь двора с ними смотрели; и от того двора просили у них по пятидесят ефимков на сутки.

И подьячей и толмачь с тою ведомостью поехали навстречу к посланником, и встретили их за четыре мили от города Бурдой и про то объявили. И стольник Петр и дьяк Семен в город Бурдой не поехали, а стали, не доезжая до Бурдой за пять верст, в селе Градиньяне. Стольник Петр стоял в том селе в саду в полатке персицкой.

Июля в 15 день посылали стольник Петр и дьяк Семен в Бурдой к державцу подьячего Андрея Сидорова да перевотчика Ивана Госенца,²⁴ а велели ему, державцу, объявить, что стали они посланники, не доехав до города Бурдой, за пять верст, для того что де к нему, державцу, королевского указу об них не бывало; а как указ королевского величества будет, и он бы им, посланником, учинил ведомо.

Державец говорил: „Которого числа королевского величества указ будет, и он им посланником тотчас учинит ведомо“.

Подьячей и перевотчик ему говорили: „Про приезд посланников царского величества писал ли ты, державец, х королевскому величеству?“.

И державец им говорил: „О приезде царского величества посланников х королевскому величеству он не писывал, писал к нему о приезде их из Байона генарал эль-маркез де Сенпей“.

И подьячей и перевотчик ему говорили: „Тому ныне три недели, как байонский державец сказывал, что царского величества о приезде посланников х королевскому величеству писал.²⁵ А ныне бы ты, державец, изволил х королевскому величеству в том писать же, чтоб царского величества посланником здесь не замотчать и великого государя его царского величества, и королевского величества их государским делам от того мотчанья и поруки не учинилось.“

Державец говорил: „Х королевскому величеству он отпишет тотчас о приезде царского величества посланников“.

И после того державец присылал к посланником дву человек дворян королевских спрашивать о здоровье, и велел им сказать:

„Х королевскому величеству он о приезде их писал; а как указ будет, и он тотчас учинит им ведомо“.

Июля в 18 день приезжал из Бурдоя королевской гвардии капитан²⁶ и говорил: „Приехал он к вам, посланником, челом ударить и спросить о здоровье вашем“.

И бил челом стольнику Петру и дьяку с великим прошением: „По коих мест королевского величества указ к вам будет, извольте стать на моем дворе в полатах, а ему то в великую честь, что великого государя, его царского величества, послы у него на дворе стоять будут“.

И стольник Петр и дьяк Семен со всеми посольскими людьми на двор к нему, капитану, переехали и стояли у него до тех мест, как по королевскому указу их приняли.

Июля в 20 день приезжал к посланником из города Бурдоя начальной человек а говорил: „Прислал де ево к вам державец для того: ведомо ему учинилось, что приходят к вам посланником всяких чинов многие люди смотреть из города Бурдоя и из ыных мест, и вам де от них беспокойно; и державец прислал к вам, царского величества посланником, для обереганья десять человек салдат“.

И стольник Петр и дьяк Семен на приятствие ево, державца, велели бить челом, что для обереганья к ним служилых людей прислал.

Июля в 31 день приезжал к посланником дворянин Катуй,²⁷ которой прислан ис Париса от королевского величества, да с ним два человека начальных людей. А пришед в полату, с посланники витался и говорил: „По указу королевского величества велено вас, царского величества посланников, принять и до Париса провожать ему, и кореты вам, посланником и дворяном и всем посольским людем, и верховые лошади, и под вашу посольскую рухель подводы, сколько надобно, готовы; да по указу ж королевского величества столы про вас, посланников, и про всех посольских людей везде будут готовы ж со всяким покоем; и во всем вам, царского величества посланником, велено честь чинить; и дворы, где вам и всем посольским людем стоять, готовы ж до Париса без вашей заплаты“.

Посланники говорили: „На милости великого государя вашего, его королевского величества, челом бьем, что для великого государя нашего, его царского величества, брацкие дружбы и любви нас указал принять со всякою достойною честью. А естли благоволит господь бог, увидим великого государя нашего, его царского величества, пресветлые очи, и о всем о том великому государю нашему его царскому величеству, известим. А как аж даст бог будут у великого государя нашего, у его царского величества, в великом Росийском царствии великого государя вашего, его королевского величества, послы или посланники, и им по тому ж будет во всем достойная честь“.

Пристав говорил: „Как вы, царского величества посланники, изволите ехать в город Бурдой, а кореты и лошади верховые и под вашу посольскую рухледь телеги готовы“.

Посланники говорили: „Как тебе наказано от королевского величества, так и делай, а мы ехать в город Бурдой готовы“.

Пристав говорил: „От великого государя их, от его королевского величества, ему наказано вам, посланником, всякую честь воздавать. И я во всем вам служить готов“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Буди все на твоей воле, как тебе наказано от королевского величества, так и делай“.

А по розговоре пристава и начальных людей потчивали по чину посольскому.²⁸ И после того поехал он в город Бурдой.

Августа в 1 день приехал из Бурдои пристав Катуй примать посланников с коретами, да с ним королевские дворяне. Первая корета была державца маркеза де Сентлюка, а в ней сидел стольник Петр Иванович Потемкин да с ним дьяк Семен, против их пристав Катуй, а дворяном и всем посольским людем было прислано шесть корет, во всех коретах было по шти возников, а под посольских людей верховых тритцать лошадей.

Дорогою едучи, пристав в розговорех сказывал посланником: „У великого де государя их, у его королевского величества, ныне радость, дал ему господь бог королевича,²⁹ пришла к ним из Париса весть нынешнего числа“.

Стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Дай господь бог великому государю вашему, его королевскому величеству, и с новорожденным ево сыном, с королевичем, здравствовать на многие лета“.

А как приехали в город Бурдой и стали на дворе, и державец маркез де Сентлюка прислал к посланником первого секретарюса.

А пришед, секретарюс говорил: „Великого государя нашего, его королевского величества, сего города державец прислал ево к вам, царского величества посланником, челом ударить и спросить про ваше здоровье; и о чем изволите к нему приказать, и он во всем вам споможенье чинить рад“.

Посланники говорили: „Милостию всемогущего господя бога до сего места доехали в добром здоровье. А на приятстве маркеза де Сентлюка челом бьем, что он прислал о здоровье нашем спросить и во всем хочет споможенье нам чинить“.

Секретарюс говорил: „Сего числа хочет быть к вам державец маркез де Сентлюка, челом ударить и ваше здоровье видеть; а вас пожаловать изволит после того быть в дому ево; а он вам служить во всем вседушно жалает“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „На приятстве державца маркеза де Сентлюка челом бьем, и приемлем то за великую любовь и приятство, что быть хочет у нас, а после бы и нам в дому ево быть же. И естли б нам мочно так учинить, и мы б вседушно ради того учинить, видя ево такое крайнее приятство и любовь; ³⁰ только за тем невозможно нам у него быть: не виде великого государя вашего, его королевского величества, очей и не отправя от великого государя нашего, от его царского величества, х королевскому величеству посольства, ни х кому прежь нам ехать не мочно.³⁰ И буде маркез де Сентлюка изволит к нам приехать и навестить нас, и мы ему вседушно ради, и за ево приятство будем ему бить челом“.

Секретарюс говорил: „Буде вы, царского величества посланники, к нему ехать не изволите, и ему к вам быть не мочно же, потому что он королевского величества великородной человек“.

Стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Королевского величества державцу на ево приятстве бьем челом, что он любовь свою к нам оказывает“.

И того ж числа посылали посланники, стольник Петр и дьяк Семен, к державцу маркезу де Сентлюку спрашивать о здоровье, и за его приятство велели бить челом.

И державец на их приятстве велел бить же челом и говорил: „Царского величества послом от меня за их приятство кланяйтесь, а я им во всем служить рад, сколько мочи моей будет“.

Того ж числа на посольском дворе был стол королевского величества про посланников и про всех посольских людей; ествы были готовы рыбные, и сахара нарядные, и овощи по их изычаем; потчивал посланников и ел с ними пристав Катуй, ествы отпущал королевского величества ключник, есть ставили перед посланников и перед всех посольских людей королевские дворовые люди на серебряных блюдах, поворы и приспешники присланы были нарочно от королевского величества ис Париса.

Того ж числа приходили к стольнику Петру и к дьяку Семену Бурдоя города бургомистры три человека.³¹ А пришед в полату, говорили: „Слыша они, что от великого государя, от его царского величества, из великого Росийского царствия приехали вы, посланники, и они пришли к вам челом ударить“.

Да они ж к посланником принесли сахаров и груш, и дуль, и дынь, да вина французского.

Стольник Петр и дьяк Семен им говорили: „На вашей любви что пришли известить нас и принесли к нам сахаров и иных овощей, и за то ваше приятство вам кланяемся“.

И потчивали их по чину посольскому. А салдатов, которые овощи принесли, дарил их от себя стольник Петр ефимками.

И после того приходили на посольской двор королевской пехоты барабанщики да трубачи; и пришед на посольской двор, трубили и по барабаном били. И стольник Петр дарил их от себя ефимками.

Из Бурдоя посланники поехали августа в 3 день рекою Горною.³² Провожали до барок три человека бургомистров. Кореты

под них присылал державец маркез де Сентлюка, перед коретами шол капитан да с ним пехоты с пятьдесят человек, провожали до барок же. И стольник Петр того капитана и служилых людей, которые провожали их, дарил от себя ефимками.

Того ж числа приехали в город Блей.³³

Августа в 4 день приходили к посланником города Блея бургуmistры челом ударить и принесли в сахаре розных овощей. Стольник Петр тех салдатов, которые принесли овощи, дарил ефимками от себя.

Августа в 5 день стояли на местечке Питиноре.³⁴

Августа в 6 день стояли в городе Аупуме.³⁵

Того ж числа приходили к посланником три человека бургуmistров и говорили: „Слыша они, что от великого государя, от его царского величества, из великого Росийского царствия идете вы, посланники, к великому государю их, к его королевскому величеству, пришли вам челом ударить и спросить про ваше здорovie; и что изволите приказать, и они во всем служить ради“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „За ваше приятство, что пришли навестить нас, и за любительные ваши слова кла-няемся“.

Августа в 7 день стояли в местечке Эйкиусе.³⁶

Августа в 8 день стояли в местечке Аинтлепер Мес Блей.³⁷

Августа в 9 день стояли в городе Лузиньяне.³⁸

Августа в 10 день стояли в городе Патии.³⁹

Того ж числа приезжал к посланником города Патии державец презедент⁴⁰ челом ударить и о здоровье спросить. Того ж города бургуmistры приходили к посланником челом ударить, и прислали с виноградом и с ыными овощами. И стольник Петр и дьяк Семен велели у них принять. А тех людей стольник Петр дарил от себя ефимками.

Того ж числа стояли в городе Шетлере.⁴¹ И того города державец приходил к посланником челом ударить.

Августа в 11 день стояли в местечке Портопиле.

Того ж числе стояли в местечке Метле.⁴²

Августа в 12 день стояли в местечке Фой.

Того ж числа стояли в городе Анбуесе.⁴³ И того города Анбуеса приходили к посланником бургуmistры челом ударить, и принесли розных овощей в сахаре. И стольник Петр дарил тех людей, которые принесли овощи, от себя ефимками. А как посланники с бургуmistры говорили, и в то время речь переводил переводчик Иван Госенц по-латине.

И бургуmistры посланником говорили: „Перевотчик ваш по-французски говорить умеет ли?“.

Стольник Петр и дьяк Семен им говорили: „Перевотчик умеет по-латине в достаток, и по-цесарски, и по-галански, и по-итальянски, а по-французски перевести совершенно не умеет, потому что во Французской земле по се время он не бывал“.

Бургуmistры говорили: „Есть здесь в городе домникан Урбановской,⁴⁴ приехал ис Польской земли, по-латине и по-французски, и по-польски умеет перевести совершенно, и по-русски говорить умеет же“.

Стольник Петр и дьяк Семен им говорили: „За ваше приятство, что приехали навестить и любовь и приятство свое оказываете, любительно вам кланяемся. Да просим вашего приятства, скажите тому домникану Урбановскому, чтоб с нами он виделся“.

Бургуmistры говорили: „Для вашего приятства домникана к вам пришем“.

И того ж числа домникан к посланником пришел. А в розговорах с посланники говорил: „Родом он Польские земли; а как де ты, стольник Петр Иванович Потемкин, по указу великого государя вашего, его царского величества, был в Польской земле и взял город Люблин, и он в то время в Люблине был же; а после того во многих землях был; а ныне живет во Французской земле для науки. А для великого государя вашего, его царского величества, во всем вам, посланником, служить он рад вседушно, сколько ево мочи будет“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Со французского на русской язык речь перевести может ли?“.

Домникан сказал: „По французски и по латине умеет в достаток, и с французского на русской язык речь скажет. И буде вы, цар-

ского величества посланники, изволите взять ево с собою в Парис, и он во всем великому государю, его царскому величеству, служить рад правдою в его государских делах, сколько мочи ево будет“.

И стольник Петр и дьяк Семен взяли ево с собою, для того что Иван Госенц с французского языка на русской перевести не умеет.

Августа в 13 день стояли в городе Дублее.⁴⁵

Августа в 14 день стояли в местечке Лоренсе.⁴⁶

Августа в 15 день стояли в городе Арлиансе.⁴⁷ И того города приходили к посланником бургумистры челом ударить, и принесли винограду и вина красново и белово. И стольник Петр тех людей, которые принесли виноград и вино, дарил ефимками от себя.

Того ж числа приезжал к посланником принцепс, которой тот город ведает, со многими начальными людьми челом ударить. А тот город Арлиянс за братом родным короля французского за князем Арлиянским,⁴⁸ многолюден добре и велик; сказывал пристав, что во Французском государстве не много таких городов, и дома в нем великие и строенье всякое в том городе каменное.

Августа в 16 день стояли в местечке Тури.⁴⁹

Августа в 17 день стояли в городе Атамне.⁵⁰

Того ж числа сказывал посланником пристав Катуй, что по указу королевского величества велено вам, посланником, стоять, не доехав до Париса за две мили, в местечке Кролеве,⁵¹ а ис местечка в Парис ехать августа в 20 день; а примать будет вас королевского величества ближней человек маршалок, и кореты под вас с ним будут королевские.

Августа в 18 день приехали в местечко Кролево.

И того ж числа ввечеру сказывал посланником пристав, что по указу королевского величества велено ему ехать в Парис.

И пристав к королевскому величеству ездил августа в 19 день; а приехав сказывал посланником: „По указу де великого государя их, его королевского величества, будет к вам посланником его королевского величества подскарбей де Берлис⁵² сего числа,

чтобы вам, царского величества посланником, было ведомо. А примать вас будет королевского величества ближней человек маршалок де Бельфон⁵³ в здешнем местечке Кролеве; и кореты под вас королевского величества присланы будут с ним же, маршалком“.

И того ж числа подскарбей де Берлис к посланником приезжал. И вшед в полату, с посланники по своему извычаю витался и говорил: „Великий государь их, его королевское величество, велел вас, посланников, спросить о здоровье: до сех мест доехали вы, царского величества посланники, и все посольские люди здорово ль, и во всяком ли покое ехали государством великого государя нашего, его королевского величества?“.

И стольник Петр и дьяк Семен подскарбию говорили: „Милостию господя бога и великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, его царского величества, счастьем до сех мест доехали в добром здоровье. А великому государю вашему Лодвику, божиею милостью королю Французскому и Наварскому и иных, на ево королевской милости челом бьем, что прислал нас спросить о здоровье тебя, подскарбея своего де Берлиса, и что по ево, королевского величества, указу от города Бурдоя ехали мы во всяком покое и со всякою честью, провожал нас пристав Катуй от города Бурдоя и до сех мест“.

И после того подскарбей говорил посланником: „По указу королевского величества велено ему вам, посланником, говорить: великого государя вашего, его царского величества, какова с вами грамота х королевскому величеству послана, и вам с тое царского величества грамоты послать список отсюды со мною ж х королевскому величеству, чтоб про то королевскому величеству было ведомо, для чего великий государь ваш, его царское величество, вас шлет к королевскому величеству“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Посланы мы от великого государя, царя и великого князя Алексея Михайло-

вича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и государя, и наследника, и облаадателя, от его царского величества к брату его, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, с любительною великого государя нашего, его царского величества, грамотою. А велено нам тое его царского величества грамоту поднести королевскому величеству и посольство отправлять перед ево королевского величества лицом, а не за две мили от королевского величества.⁵⁴ А естли нам с тое великого государя нашего, его царского величества, грамоты список с тобою послать преж х королевскому величеству, не видев ево королевских очей, и посольство наше будет не в посольство,⁵⁴ и из здешнего места будет и отправлено, а х королевскому величеству ехать нам будет и не для чего. И тебе б о том сказать королевского величества ближним думным людем, чтоб они донесли до королевского величества: з грамоты, какова с нами послана от великого государя нашего, от его царского величества, списка послать нам х королевскому величеству никоими мерами не мочно преж того, покамест не увидим его королевского величества очей, и посольства не отправя и грамоты любительной великого государя нашего, его царского величества, не поднесши королевскому величеству. Да и ни в которых государствах у великих государей того не бывает послом и посланником великого государя нашего, его царского величества. И чтоб королевское величество велел нам видеть свои королевские очи и посольство у нас изволил выслушать, о чем мы от великого государя нашего, от его царского величества, посланы к его королевскому величеству, и грамоту великого государя нашего, его царского величества, у нас принял. То начало брацкой дружбе и любви к великому государю нашему, к его царскому величеству, королевского величества, чтоб вперед их государская брацкая дружба и любовь от того множилась навеки“.

И подскарбей говорил: „О том о всем, что от вас, посланников, слышел, известит королевскому величеству; а что о том

изволит королевское величество, ведомо вам, посланником, учинит, не замотчав“.

Да подскарбей же де Берлис говорил: „Думные люди королевского величества велели вам, царского величества посланником, говорить, чтоб вы прислали роспись имен своих и всех посольских людей к королевскому величеству“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему, де Берлису, говорили: „Как мы пришли во Французскую землю в город Байон, а после того в город Бурдой, и тех городов державцам королевского величества о приезде нашем ведомо и о наших именах, и всем посольским людям именная роспись для подлинного ведома по их державцов прошенью к ним послано, и к королевскому величеству они о том писать хотели. А как по его королевского величества указу приняли нас в городе Бурдое дворянин его королевского величества Катуй с товарищи, и от того дворянина мы слышали, что королевскому величеству от тех державцов о том о всем известно“.

И подскарбей говорил: „Чтоб де вам, царского величества посланником, на ближних людей королевского величества о том не подивить, что со мною они наказали с вами о том говорить, потому: преж вашего во Французское государство приезда от великого государя вашего, от его царского величества, грамоты об вас не бывало и ведать было про вас достаточно не по чему“.

И стольник Петр и дьяк Семен подскарбию говорилили: „Что преж нашего приезде во Французскую землю грамоты от великого государя нашего, от его царского величества, к королевскому величеству об нас не бывало, и то учинилось за дальним розстоянием, а для проезду мимо иных государств посланы с нами от великого государя нашего, от его царского величества, проезжие грамоты“.

И подскарбей де Берлис говорил: „Естьли возможно вам, царского величества посланником, тое грамоту великого государя вашего, его царского величества, что вам дана для проезду мимо иных государств во Французское государство, ему пока-

зять, чтоб королевскому величеству совершенно в том ему известно учинить”.

И стольник Петр и дьяк Семен тое грамоту великого государя, его царского величества, что послана с ними для проезда во Французскую землю, подскарбею королевскому для ево прошения показали. И подскарбей, видев грамоту великого государя и печать его царского величества на той грамоте великого государя, безмерно обрадовался и говорил: „Извещу де о том королевскому величеству, что вы, царского величества посланники, такую любовь свою к нему объявили, что тое грамоту великого государя, его царского величества, которая дана для проезду во Французское государство, ему показали“.

А по розговорах подскарбей де Берлис поехал с посольского двора к королевскому величеству.

Августа в 20 день сказывал пристав стольнику Петру и дьяку Семену: „Ездил де он вчерашнего дня к королевскому величеству, и слышал от королевского величества, что в Парис вам, посланником, ехать августа в 21 день, и примать будет вас королевского величества ближней человек, маршалок де Бельфон, да с ним подскарбей де Берлис и иные начальные люди, да с ними ж будут присланы восемь корет под вас, посланников, и под дворян, и подо всех посольских людей, первая корета королевского величества, а другая королевина величества“.

И августа в 21 день приезжал в местечко Кролево примать посланников за две мили от Париса королевского величества маршалок де Бельфон, да пристав де Берлис, да начальных людей верхами человек з дватцать; и приехал тот маршалок де Бельфон к стольнику Петру на двор, встречали ево у кореты переводчик да подьячие, да толмачь, на крыльце дворяне, перед полотою в сенях дьяк Семен, в полате у дверей стольник Петр; для того такая встреча была учинена, что тот маршалок де Бельфон ближней человек королевского величества и чесной.”

И вшед в полату, маршалок де Бельфон говорил: „Великий государь их Лодвик, король Французской и иных, его королевское величество, прислал ево, ближнего своего человека, да с ним

подскарбия своего и дворян, а велел принять вас, царского величества посланников, со всякою честью, и корету свою королевского величества, а другую королевина величества прислал с нами под вас, царского величества посланников, в которых королевское величество ездят, и под дворян и подо всех посольских людей шесть корет королевского ж величества присланы; а некоторых государств преж сего послом и посланником того не бывало, чтоб ближним людям королевского величества на две мили от Париса встречать; и то де великий государь наш, его королевское величество, велел учинить для великого государя вашего, его царского величества, брацкие дружбы и любви“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Великий государь ваш Лодвик, король Французской и Наварской и иных, его королевское величество, велел тебе, ближнему своему и честному человеку, маршалку де Бельфону, да подскарбею де Берлису и дворяном своего королевского величества принять нас со всякою достойною честью. И естли даст господь бог нам видеть пресветлые очи великого государя нашего царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, его царского величества, и о том о всем ему, великому государю нашему, его царскому величеству известим. А как, аж даст бог, будут послы или посланники великого государя вашего, его королевского величества, в великом Российском царствии у великого государя нашего, у его царского величества, и великий государь наш, его царское величество, послом или посланником великого государя вашего, его королевского величества, по тому же велит учинить всякую достойную честь“.

И после того маршалок де Бельфон со стольником Петром и з дьяком Семеном и з дворяны по своему обычаю витался. И пошли ис палат: стольник Петр по правую сторону, маршалок де Бельфон подле ево с левую сторону, дьяк Семен подле маршалка с левую сторону, подскарбей де Берлис да прежней пристав Катуй шли перед посланники с посольскими дворяны

вместе, а дворяне королевские преж посольских дворян шли да подьячие.

В первой корете сидел стольник Петр Иванович, подле его с левую сторону маршалок де Бельфон, подскарбей де Берлис да прежней пристав Катуй сидели против их, в стремени перевотчики; в другой корете сидел дьяк Семен Румянцов да с ним товарищ подскарбея де Берлиса королевской дворянин; дворяне сидели в трех коретах, подьячие да попы крестовые в дву коретах, толмач да люди посольские ехали верхами перед коретами на королевских лошедях.

А как приехали в Парис на посольской двор⁵⁵ и, вшед в полату, маршалок говорил: „Великий государь наш, его королевское величество, желая с великим государем вашим, с его царским величеством, братцкой дружбы и любви, велел вас принять, царского величества посланников, мне с товарищи, и проводить на посольской двор; и всякую достойную честь указал королевское величество во всем вам чинить сверх иных государств послов, и столы королевского величества про вас, посланников, по чину посольскому по вси дни будут; а потчивать вас указал королевское величество стольнику своему да подскарбею де Берлису с товарищи“.

И стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Великий государь ваш, его королевское величество, желая быть с великим государем нашим, съ его царским величеством, в брацкой дружбе и любви, велел нас принять тебе, ближнему своему и честному человеку маршалку де Бельфону с товарищи, и во всем достойную честь указал нам чинить. И как, аж даст господь бог, увидим великого государя нашего, его царского величества пресветлые очи, и мы о всем о том великому государю нашему, его царскому величеству, известим. А как, аж даст господь бог, будут у великого государя нашего, у его царского величества, послы или посланники великого государя вашего, его королевского величества, и им по тому ж у великого государя нашего, у его царского величества, честь будет во всем против их достоинства великая“.

И по тех розговорах маршалок де Бельфон поехал к королевскому величеству; провожали его стольник Петр и дьяк Семен до дверей другой полаты, дворяне до среднего крыльца, подьячие и толмачь и люди посольские до кореты.

Того ж числа ввечеру стол по чину посольскому был королевского величества на посольском дворе про посланников и про дворян, и про всех посольских людей; а потчивать посланников прислан был от королевского величества стольник да с ним три человека дворян;⁵⁶ да с посланники же ел прежней пристав Катуй; а новой пристав подскарбей де Берлис поехал с маршалком объявить королевскому величеству, что царского величества посланники в Парис приехали. А королевского величества в то время в Парисе не было, был в походе с королевою и со всем двором своим королевским в четырех милях от Париса, в селе своем королевском Санжармене.⁵⁷

Августа в 22 день сказывал стольнику Петру и дьяку Семену пристав подскарбей де Берлис: „Королевское де величество указал вам, царского величества посланником, быть на посольстве у своего королевского величества сего месяца в 25 день в селе Санжармене. А как приедете из Париса в то село и на королевской двор, и вам, посланником царского величества, итить будет в его королевскую полату, где про вас стол изготовлен по чину посольскому; и в той полате до посольства вам указал королевское величество кушать, а после стола быть у его королевского величества и посольство от великого государя вашего, от его царского величества, отправлять, для того, что вам, не кушав, будет истомно; а от того королевского села Санжармена до Париса четыре мили“.⁵⁸

Стольник Петр и дьяк Семен приставу де Берлису говорили: „У королевского величества на посольстве быть они готовы, как его королевское величество изволит. А о том извести королевскому величеству, что преж посольства есть нам на дворе его королевского величества невозможно потому: преж нам видеть надобно великого государя вашего, его королевского величества, очи и посольство отправя от великого государя нашего, от его

царского величества, королевскому величеству и поднести великого государя нашего, его царского величества, любительную грамоту его королевскому величеству. А потом, естли изволит королевское величество, есть нам у его королевского величества или как о том его королевского величества будет изволение, и мы волю его, королевского величества, ради исполнять, как о том ево королевское величество изволит. А за то ево королевскую милость, что жалует, об нашем здоровье милосердо разсуждает и хочет нас видеть в добром здоровье, челом бьем за его королевского величества жалованье“.

И пристав говорил: „Королевского величества о том он доложит; и как королевское величество изволит, и он о том им, посланником, ведомо учинит“.

Августа в 23 день стольнику Петру и дьяку Семену сказывал пристав де Берлис: „О чем вы, царского величества посланники, мне наказывали, и о том королевского величества он докладывал. И королевское величество, хотя быть с великим государем вашим, сь его царским величеством, в брацкой дружбе и любви, велел вам сказать: буди то на вашей воле, как годно вам, так королевское величество и велит учинить“.

Стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Великого государя вашего, его королевского величества, на милости челом бьем, что жалует, такую к нам милость свою являет. И естли велит господь бог нам видеть великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, его царского величества, пресветлые очи, и мы о том о всем ему, великому государю нашему, его царскому величеству, известим. Да и о том королевскому величеству извести: как нам у его королевского величества на посольстве быть, и чтоб в тот день и в то время у королевского величества иных государств послов и посланников и гонцов никого не было“.⁵⁹

Пристав говорил: „Про то де ему ведомо подлинно: как вы, царского величества посланники, будете у королевского величества,

и в то время и в тот день иных государств послов и посланников у королевского величества никого не будет“.

Августа в 24 день сказывал стольнику Петру и дьяку Семену пристав де Берлис: „Королевское величество велел вам видеть свои королевского величества очи и з грамотою великого государя вашего, его царского величества, быть на посольстве сего месяца в 25 день. С коретами к вам будет королевского величества маршалок де Бельфон, которой вас встречал и в Парис провожал. А ехать вам на посольство к королевскому величеству в село Санжармен, для того что в Парисе двор королевского величества строят весь вновь“.

И стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Где великий государь ваш, ево королевское величество, изволит видеть нам свои королевского величества очи и быть з грамотою великого государя нашего, его царского величества, у их королевского величества и посольства изволил у нас выслушать, и то на ево королевской воле, а мы быть готовы“.

Августа в 25 день стольник Петр и дьяк Семен у королевского величества на посольстве были в селе Санжармене.⁶⁰

С королевскими коретами приезжал к посланником маршалок де Бельфон да приставы де Берлис да Катуй; прислано с ними восемь корет, да под людей посольских тридцать лошадей. В первой корете сидел стольник Петр да с ним по левую сторону маршалок де Бельфон, против их приставы де Берлис да Катуй, в стремени перевотчик; в другой корете дьяк Семен да с ним королевской дворянин товарищ пристава подскарбия де Берлиса; в четырех коретах сидели дворяне, в достальных подьячие, а посольские люди ехали верхами. И приехали в то село Санжармен на королевской первой двор к полате, которая изготовлена для их приезду; и, вшед в полату, немного помешкали, для того что платье переменяли; и, убрався, поехали в тех же коретах на другой королевской двор, в котором его королевского величества покоевые полаты. А от тех королевских палат, где посланники платье переменяли, до королевских же покоевых полат с пятьдесят сажен площадью, а только стена одна меж теми дворами

да мост в воротех запрометной. И възвехав на двор, немного не доехав до полат, ис корет маршалок с товарищи наперед вышли, а посланники после вышли, и в королевские полаты пошли.

А как посланники ехали к королевскому величеству, и перед королевскими обеими дворами и на дворах стояли пеши начальные люди, полковники и подполковники, и капитаны, и райтары пеши с карабины, которые при королевском величестве бывают, да пехота надворная с мушкеты и с пикы в латах, з знамены и з барабаны; а на лесницах и в сенях и в проходной полате стояли с одной стороны райтары с карабины, а з другой стороны — надворная пехота с протазаны,⁶¹ а протазаны были неоправные; а всего было райтар и пехоты надворной с три тысячи человек⁶² в то время на стойке, платье на них лазоревое да красное суконное с шолковыми голунами.

Встретил посланников ближней и великородной человек, королевского величества дворянин де Рот, на дворе перед полатами и говорил: „Великий государь их, его королевское величество, велел вас, царского величества посланников, мне, ближнему своему человеку, встретить“.

И пошел перед посланники, а маршалок де Бельфон шол по левую сторону у стольника Петра, немного попрех дьяка Семена. И как вошли в проходную полату, встретил посланников генарал и полковник всей надворной королевской пехоты, и с стольником Петром и з дьяком Семеном витался, и шол перед ними до дверей королевской полаты.

И как вошли в полату к королевскому величеству,⁶³ и посланники, увидя королевское величество, шапки сняли и, пришед к королю блиско рундука, по обычаю поклонились. И король в то время встал и шляпу снял и, надев шляпу, сел.

И, немного помешкав, посланники, стольник и наместник Боровской Петр Иванович Потемкин и дьяк Семен Румянцов, от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, королевскому величеству поклон правили. И королевское величество в то время стоял, шляпу сняв, и про здоровье великого госу-

даря, его царского величества, спрашивал стоя жь и шляпу сняв. А говорил: „Великий государь, брат наш любительнейший, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, в добром ли здорovie?“

И стольник Петр говорил: „Как мы поехали от брата вашего, от великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, от его царского величества, и брат ваш, великий государь наш, его царское величество, на своих великих и преславных государствах Росийского царствия, дал бог, в добром здорovie“.

И, немного помотчав, стольник Петр, подступя блиско х королевскому величеству и приняв у дьяка Семена великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества грамоту, поднес королевскому величеству в камке. А как стольник Петр принял великого государя грамоту у дьяка, и король тотчас встал и шляпу снял и с руки рукавицу, и принял великого государя грамоту с великим учтивством, и держал ее в руках своих во все посольство, покамест посланники ис полаты пошли.

А приняв королевское величество великого государя, его царского величества, грамоту, велел итить к руке посланником, и дворяном, и перевотчику, и подьячим, и толмачю.

А быв у руки, говорили речь посланники королевскому величеству о делах великого государя по наказу.

И король, выслушав речь о делех, витал и, шляпу сняв, говорил: „Великому государю, брату нашему, его царскому величеству, за ево брацкую любительную присылку челом бьем, что изволил он, великий государь, брат наш, его царское величество, своею братцкою любительною дружбою нас, брата своего, навестить. И что меж их, великим государем братом нашим, его царским величеством, учинился покой и перемирья учинено с польским королем,⁶⁴ сь его королевским величеством, и о том нам брату своему учинил ведомо, и мы тому зело радуемся и просим

у всемогущего господа бога, чтоб тот мир и в вечном докончании совершен был“.

И стольник Петр и дьяк Семен, выслушав речь у королевского величества, говорили: „Слыша мы вашу, королевского величества, к великому государю нашему, к его царскому величеству, к братцкой дружбе и любви совершенную подвижность, радуемся. И чтоб господь бог меж вами, великими государи, как меж великим государем нашим, его царским величеством, также и меж вами, великим государем, вашим королевским величеством, вашу государскую дружбу и братцкую любовь умножил навеки. А как, аж даст бог, увидим великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, его царского величества, пресветлые очи, и о том ему, великому государю нашему, его царскому величеству, известим“.

А после того стольник Петр поднес королевскому величеству в дарех от себя саблю булатную, оправа серебряная золочена сь яшмами да с бирюзами, два сорока соболей, испод золотной ферезей, испод соболей пластинной, испод кафтана турецкого, испод соболей пупчатой, лисицу черную, три меха горностаевых, две камки кизылбашские золотные; да сын его стольник Степан два сорока соболей, испод дву кафтанов турецких, два испода соболевых пупчатых, рукав соболей, по их изычаю зделан, нож булатной оправной, камку кизылбашскую золотную, два меха горностаевых; ⁶ всего королевскому величеству стольник Петр и сын его стольник Степан поднесли в дар по цене на тысячу на двести на сорок на восемь рублей; ⁶ дьяк Семен Румянцов три сорока соболей, испод соболей пластинной с пухом бобровым, два испода соболевых пупчатые, рукавицы соболевые пластинные, десять мехов горностаевых, три меха бельи хребтовые; ⁶ дьяк Семен Румянцов на семьсот на девяносто на шесть рублей.⁶

И королевское величество у стольника Петра саблю и мех пластинной соболей и лисицу черную принял сам, и у сына его,

у стольника Степана, и у дьяка Семена первые дары принял сам же, и велел все те дары класть перед собою; и принял королевское величество дары их с великою милостью и говорил: „На ваших посольских дарех помозибо, примаю ваши дары с великою любовью“.

А после того королевское величество говорил: „Которые дела от великого государя вашего, от его царского величества, вы, посланники, нам на посольстве ныне объявили, и про то нам ведомо. А как грамоту великого государя вашего, его царского величества, велим перевести, и тогда вам велим на все учинить ответ. А естли что от великого государя вашего, от его царского величества, с вами наказано к нашему королевскому величеству сверх его царского величества грамоты о иных каких делах, и мы укажем ближнему нашему человеку с вами о тех делах говорить в ыное время в Парисе“.

И стольник Петр и дьяк Семен говорили: „От великого государя нашего, от его царского величества, что к вам великому государю, к вашему королевскому величеству, сверх той его великого государя нашего, его царского величества, грамоты с нами наказано, о тех делах, которые настоят к вашей, обоих великих государей, братцкой дружбе и любви, будем говорить с вашими королевского величества думными людьми в ответе, в которое время ваше королевское величество изволит. А прежде надобно нам видеть ваши королевского величества очи, и потом быть в ответе у думных людей на вашем королевского величества дворе“.

И королевское величество говорил: „Для брата нашего, великого государя вашего, его царского величества, братцкия дружбы и любви велим учинить, хотя в нашем государстве и в посольских обычаях того и не бывает; только учините ведомо, в которой день мочно быть вам на нашем королевском дворе и видеть наши королевского величества очи, и в ответе у наших думных людей быть; для того нам ведать надобно, чтоб вам было не истомно“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Ваша королевского величества воля, как вы изволите, великий государь, в то время

готовы мы быть. А за вашу великого государя, вашего королевского величества, милость челом бьем, что к нам крайнюю милость являете“.

И королевское величество говорил: „Объявите нам подлинно, в которой день быть вам у нашего королевского величества, чтоб о том нам ведать“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Ваша королевского величества воля, хотя завтра готовы мы видеть ваши королевского величества очи и у думных людей быть в ответе, только тебе, великому государю, будет истомно. А естли ваша королевского величества на то воля будет, чтоб нам ваши королевского величества очи видеть и у думных людей быть в ответе сего месяца в 27 день“.

И королевское величество стольнику Петру и дьяку Семену изволил сказать: „Буди то на вашей воле, только бы вам не истомно было“.

Стольник Петр и дьяк Семен челом удара королевскому величеству. И как пошли ис полаты, и король в то время встал и шляпу снял.

И как посланники ис королевской полаты вышли в другую полату, и генерал и полковник всей королевской пехоты проводил их до дверей и с ними витался, а прежней встрешник проводил до тех мест, где сели посланники в литеры у самого нижнего крыльца; и, посадя в литеры, стольника Петра и дьяка Семена и дворян понесли до тех королевских полат, где стол был изготовлен про посланников и про всех посольских людей; потчивали посланников и дворян по чину посольскому маршалок де Бельфон да с ним стольник королевской да подскарбей де Берлис с товарищи с великим учтивством; и пили за столом про многолетное здоровье великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества, и великия государыни, благоверные царицы, и великие княгини Марьи Ильичны, и их государских благородных чад, благородного государя, царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии, благо-

родного государя, царевича и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии, благородного государя, царевича и великого князя Семюна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии, благородного государя, царевича и великого князя Иоанна Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и про королевское и королевино и королевичей их королевского величества здоровье.

И после стола поехали с королевского двора стольник Петр и дьяк Семен и все посольские люди в Парис в тех же коретах; провожал ис полат маршалок де Бельфон до корет, а пристав подскарбей де Берлис с товарищи в Парис до посольского двора; и проводя посланников в палаты, поехали с посольского двора.

Дорогою, едучи до Париса, пристав де Берлис в разговорах сказывал посланником: „Королевское де величество великого государя вашего, его царского величества, любительной присылке и выслушав у вас посольства безмерно обрадовался, и ваши посольские дары похваляет, и за великую честь у вас принял“.

Августа в 26 день, ввечеру, сказывал посланником пристав де Берлис: „Был де он у королевского величества и видел его королевские очи. И великий де государь их, его королевское величество, велел вас, посланников, о здоровье спросить, до Париса доехали в добром ли здоровье, как поехали от королевского величества? Да вам же его королевское величество велел сказать: видеть вам его королевского величества очи и после того у думных людей быть в ответе на их же королевском дворе в полате, где думные люди за его королевскими делы сидят“.

Посланники говорили: „Великого государя вашего, его королевского величества, на милости, что пожаловал велел просить об нашем здоровье, челом бьем. А в которой день изволит королевское величество нам видеть свои королевские очи и у думных людей быть в ответе, и мы готовы быть, как изволит его королевское величество“.

Да стольник же Петр и дьяк Семен приставу говорили: „Великого государя нашего, его царского величества, грамота, что подали мы королевскому величеству на посольстве, переведена ль,

и о чем от великого государя нашего, от его царского величества, в той любительной грамоте писано, его королевскому величеству известно ли?”.

Пристав говорил: „Великого государя вашего, его царского величества, грамота по се число не переведена, потому на русском языке переводчика сыскать вскоре не мочно“.

Стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „По указу великого государя нашего, его царского величества, послан с нами с тое великого государя грамоты список на латинском языке для подлинного ведома“.

И пристав говорил: „Королевскому величеству о том извещу, хотя вы видеть великого государя вашего, его царское величество, а государем нашим, с его королевским величеством, в брацкой дружбе и любви навеки, что про список з грамоты великого государя вашего, его царского величества, объявили; и естли изволите тот список послать ныне со мною, и то будет безмерно годно королевскому величеству и к совершенной брацкой дружбе и любви с великим государем вашим, съ его царским величеством, и отвезу тот список к королевскому величеству тотчас“.

И стольник Петр и дьяк Семен тот список з грамоты великого государя, его царского величества, на латинском языке ему, приставу, отдали. И пристав тотчас поехал с списком к королевскому величеству.

И после того пристав подскарбей де Берлис сказывал стольнику Петру и дьяку Семену: „Королевское де величество вас посланников, тебя, стольника и наместника Боровского Петра Ивановича Потемкина, и дьяка Семена Румянцова, милостиво похвалает, что вы с любительной грамоты великого государя вашего, его царского величества, какову на посольстве подали, список на латинском языке прислали. И королевское величество, выслушав того списка и видя братцкую дружбу и любовь великого государя вашего, его царского величества, к его королевскому величеству, зело обрадовался“.

И августа в 29 день стольник Петр и дьяк Семен у королевского величества были в том же селе Санжармене, и очи коро-

левского величества видели и у думных людей в ответе были на ево королевском дворе. От королевского величества приезжали к стольнику Петру и дьяку Семену съ ево королевскими коретами приставы подскарбей де Берлис да Катуй да де Пей; в первой корете сидел стольник Петр, против ево приставы де Берлис да Катуй, в стремени перевотчики Иван Госенц да Урбановской, их переводчик; в другой корете сидел дьяк Семен, с ним третьей пристав де Пей; а в иных коретах дворяне и подьячие и люди посольские ехачи верхами; а на королевской двор приехали в коретах к самым полатам королевским, и переменя платье в полате, пошли до королевского величества.

А как пришли к королевской полате, и посланников встретил ближней и великородной человек, королевского величества дворянин де Сент.⁶⁵

И пришед стольник Петр и дьяк Семен к королевскому величеству, били челом на ево королевском жалованье за ево королевские столы.

И королевское величество в то время стал и шляпу снял; и после того сел и спрашивал их о здоровье и говорил: „Во всяком ли де вы, царского величества посланники и все посольские люди, у нас живете в покое в Парисе?“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Милостию божиею и великого государя нашего, его царского величества, жалованьем, так же и вашим королевского величества во всяком живем покое и изобильстве“, и поклонились по обычаю.

И королевское величество говорил: „О которых делах от великого государя вашего, брата нашего любительнейшаго, с вами наказано сверх ево царского величества грамоты, и о тех делах указали мы, королевское величество, с вами говорить и быть в ответе думным нашим ближним людям на нашем королевском дворе“.

И стольник Петр и дьяк Семен, челом удара королевскому величеству, пошли в ответную полату к думным людям. А та ответная полата блиско королевских полат, где были у королевского величества на посольстве.

А как стольник Петр и дьяк Семен пришли в сени ответной полаты, встречали их те думные люди, которым велено с ними быть по королевскому указу в ответе: в сенях встретил первой секретарь де Лона,⁶⁶ у дверей ответной полаты встретил маршалок Вильро⁶⁷ да казначей Кольберт,⁶⁸ и с стольником Петром и а дьяком Семеном витались и пошли в ответную полату по левую сторону у стольника Петра; и, вшед в полату, сели в креслах, с правую сторону стольник Петр да дьяк Семен, а думные люди по левую сторону за столом; стол в той полате был накрыт сукном, а полата вся обита коврами.

И, помолчав немного, королевского величества думные люди говорили: „О чем великий государь ваш, его царское величество, ко брату своему, к великому государю нашему, к его королевскому величеству, в своей царского величества любительной грамоте посал, и про то королевскому величеству и им думным людям ведомо. А что сверх той великого государя вашего, его царского величества, любительной грамоты с вами наказано, и о тех делах великого государя вашего, его царского величества, говорить по указу королевского величества с вами будем“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Великий де государь наш, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчичь, и дедичь, и наследник, и государь, и обладаатель, его царское величество, о чем к брату своему, к великому государю вашему, к Лодвику, королю Французскому и иных, к его королевскому величеству в любительной грамоте своей писал, и о том королевскому величеству и вам, думным людям, ведомо. А что сверх той великого государя нашего, его царского величества, любительной грамоты с нами наказано, и о тех делах великого государя нашего, его царского величества, вам думным людям королевского величества объявляем. Великий государь наш, его царское величество, с великим государем вашим, сь его королевским величеством, в братцкой дружбе и любви быть хочет по тому, как и с ьными окрестными великими государи христианскими по братцкой дружбе и любви

пребывает. И великий бы государь ваш, его королевское величество, к брату своему, к великому государю нашему, к его царскому величеству, по тому ж слал своих королевского величества послов или посланников о братственной меж ими, великими государи, дружбе и любви и о добрых делех, которые настоят меж их обоих великих государств, и с ними о всем наказали подлинно, как им, великим государем, меж себя во братственной любительной дружбе и в сылке впредь быть. Также и о том мы объявляем, чтоб на обе стороны великих государей подданные торговые люди ходили и торговали великого государя нашего, его царского величества, и государя вашего, его королевского величества, в государствах, и прибылей себе и пожитков искали, чтоб от того великим государствам прибавленья и разширенья прибывало“.

Думные люди, выслушав речь, говорили: „Великий государь ваш, его царское величество, изволил с вами наказать, чтоб великий государь наш, его королевское величество, слал к нему, великому государю, к его царскому величеству, своих королевского величества послов и посланников; и королевского величества на послов есть ли с вами царского величества опасная грамота?“.

И стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Великий государь наш, его царское величество, хотя быть во братцкой дружбе и любви с великим государем вашим, съ его королевским величеством, свою царского величества опасную грамоту на послов королевского величества прислал с нами“.

И тое грамоту великого государя, его царского величества, опасную на послов королевского величества думным человеком отдали.

Думные люди, приняв тое великого государя, его царского величества, грамоту опасную на послов королевского величества, чли список по-латине, что з грамотою вместе запечатан, и говорили стольнику Петру и дьяку Семену: „Говорите вы, царского величества посланники, что великого государя нашего, его королевского величества, купецким человеком ездить в великое Российское государство; и о том есть ли с вами великого государя вашего, его царского величества, грамота, чтоб купецким человеком королевского величества торговать в великом Российском царствии?“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Грамоты великого государя нашего, его царского величества, о том нет потому: наказано с нами от великого государя нашего, от его царского величества, о купецком деле говорить з думными людьми в ответе; а не о всяких было делех великого государя нашего, его царского величества, посылать грамоты х королевскому величеству“.

Думные люди говорили: „Буде великий государь наш, его королевское величество, поволит своим торговым людям ездить и торговать в великом Российском царствии, и им в которые места и с какими товары приезжать, и в Российском государстве какие товары есть, и в торговле какая им повольность будет?“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Буде великий государь ваш, его королевское величество, поволит своего государства купецким людям торговать великого государя нашего, его царского величества, Российского царствия с купецкими людьми, и им мочно со всякими товары приезжать х карабельной пристани Российского царствия к Архангельскому городу и в ыные города, где лучитца приехать, и торговля им с рускими людьми дана будет повольная; а пошлины с товаров учнут имать по указу великого государя нашего, его царского величества, какова устава положена в великом Российском царствии“.

Думные люди говорили: „Буде торговым купецким королевского величества людям в Московское государство для торговли ездить, и чтоб о том договоритца подлинно, и поставить на мере и, написав, закрепить те статьи вам посланником своими руками“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „От великого государя нашего, от его царского величества, о чем с нами наказано сверх его царского величества любительной грамоты, и о том вам, думным людям, о всем объявили. А что закрепить нам своими руками договорные статьи, и того учинить без указу великого государя нашего, его царского величества, нам не мочно. А естли вы, королевского величества думные люди, сомневаетесь и не доверяете тому, что мы с вами говорили ныне в ответе о купецких людех обоих государств и о торговлях их, что грамоты о том от великого государя нашего, от его царского величества, нет х ко-

ролевскому величеству, и о том как изволит великий государь ваш, его королевское величество. А о чем великий государь наш, его царское величество, изволил послать нас к брату своему, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, о их государских общих делах, которые настоят к их государственной дружбе и любви, и о том писано в ево государственной грамоте; и о том объявлено в той же великого государя нашего, его царского величества, грамоте, что и о иных надлежащих делах обоих их великих государей дружбе и любви нам предложить, чтоб впредь между их великих государей, как меж великим государем нашим, его царским величеством, также и королевским величеством надежная дружба и любовь соблюдалась. Да и вы, думные люди, в ответе нам о том объявили ж: о чем великий государь наш, его царское величество, к брату своему, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, в своей царского величества любительной грамоте писал, и про то ево королевскому величеству и вам, думным людям, ведомо. И нам то в великое подивление, что вы, ближние люди, таким великим свидетельством не уверились, что писано в любительной великого государя нашего, его царского величества, грамоте к великому государю вашему, к его королевскому величеству, и о тех купецких статьях, что мы о торговле обоих государств купецких людей с вами, думными людьми, говорили, в ответе сомневаетесь и не доверяете. А то збытное ли дело, что собою сверх указу великого государя нашего, его царского величества, о каких делах нам говорить, естли бы о чем нам наказано с нами было. И вам бы, думным людям, известить о том королевскому величеству: сверх указу великого государя нашего, его царского величества учинить собою того не смеем, что договорные статьи руками своими закрепить. А о чем с вами от великого государя нашего, от его царского величества, наказано, и мы вам, думным людям, о том объявили“.

Думные люди говорили: „Нестаточное то дело, что нам тому не верить о которых делах великого государя вашего, его царского величества, в ответе с нами вы говорили. И то самое великое надобное дело, что королевского величества купецким

людем в Росийское государство ездить для торговли, только б о том деле были статьи на письме и закреплены руками вашими, для того чтоб о том было надежно с обе стороны впредь“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Чтоб великий государь ваш, его королевское величество, слал своих послов или посланников к великому государю нашему, к его царскому величеству, и с ними о всем наказал подлинно, на какове мере хочет его королевское величество с великим государем нашим, сь его царским величеством, в братственной дружбе и любви и в ссылке и о иных добрых делах, которые настоят меж их обоих великих государств, и о торговле купецких людей с теми ж своими послы или посланники подлинно наказал, или о торговле купецких людей на письме с ними послал“.

Думные люди говорили: „О том они известят королевскому величеству, чтоб Московского государства торговым людем ездить во Французское государство, а французским в Московское государство для торговли. А великий государь наш, его королевское величество, с великим государем вашим, с его царским величеством, в брацкой дружбе и любви и в ссылке быть хочет, и купецким своим людем в Росийское государство ездить чаять поволит. И что с вами, царского величества посланники, в ответе мы говорили, о том о всем королевскому величеству известим. А что о том королевское величество изволит, и вам о всем ведомо велим учинить“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Слышали мы от пристава, что великий государь ваш, его королевское величество, хочет итить вскоре в дальней поход; и вам бы, думным людем, объявить нам: как чаять его королевского величества поход буде отсюда, и сколь далече, и многое ль время его королевскому величеству в том походе быть?“.

Думные люди говорили: „Королевского величества поход будет вскоре отсюда, верст с полтораста от Париса, на два месяца и больши, осматривать будет городов и дома свои королевские и в них строенья“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили думным людем: „Хотя было о том ныне с вами, думными людьми, и время не дошло говорить, однако ж по случаю такому не мочно не объявить, что поход великому государю вашему, его королевскому величеству, вскоре будет отсюды, а и от Париса великий государь ваш, его королевское величество, ныне в четырех милях, и нам в ыное время с вами говорить будет о делах великого государя нашего, его царского величества, неколи для того скорого королевского и дальнего похода. Доложите королевского величества, чтоб велел нас к великому государю нашему, к его царскому величеству, отпустить, не задержав, и против великого государя нашего, его царского величества, любительные грамоты слал с нами свою королевского величества любительную грамоту. И в той бы своей королевского величества грамоте великий государь ваш, его королевское величество, великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титла велел написать сполна против его царского величества достоинства, как он, великий государь наш, его царское величество, сам себя описует и как все великие государи его царского величества имянованье и титла пишут против великого государя нашего, его царского величества, достоинства; и с той своей королевского величества грамоты велел прислать к нам список на латинском языке прежде отпуска, нашего, чтоб нам ведать, с чем великий государь ваш, его королевское величество, к брату своему, к великому государю нашему, к его царскому величеству, нас отпускает, и сполна ль великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титлы в той королевского величества грамоте будут написаны, чтоб нам о том о всем подлинно ведать. Да и о том королевскому величеству известите, чтоб великий государь ваш, его королевское величество, хотя с великим государем нашим, съ его царским величеством, быть в брацкой дружбе и любви, на отпуске велел нам быть у себя, великого государя, и грамоту к великому государю нашему, к его царскому величеству, велел отдать при себе, великом государе, и отпустил нам от своего королевского лица; то меж их, великих государей, начало доброму делу и любви,

а для того вам, думным людем, и объявляем: у великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, у его царского величества, в посольских обычаях так имеетца: от которых великих государей послы и посланники к великому государю нашему, к его царскому величеству, приходят, и великий государь наш, его царское величество, тех послов и посланников жалует, на приезде и на отпуске велит им видеть свои царского величества пресветлые очи, и отпускает их от своего царского величества пресветлого лица, и грамоты к тем государем послом и посланником отдают при его царском величестве. Да и у всех великих государей христианских, у цесаря римского и у иных великих государей и у королей, так послом и посланником бывает великого государя нашего, его царского величества: отпускают их от своего государского лица и грамоты подают при них, государех. А объявляем мы о том великому государю вашему, его королевскому величеству, хотя того, чтоб великого государя нашего, его царского величества, и великого государя вашего, его королевского величества, их государская брацкая дружба и любовь множилась и возрастала навеки“.

Думные люди, выслушав тех всех статей, говорили: „Королевскому величеству о том о всем, что от вас, посланников, слышали, они известят“.

Стольник Петр и дьяк Семен думным людем говорили: „Как мы из Ыспанского государства приехали в город Байон великого государя вашего, его королевского величества, и того города таможенной откупщик, которой откупил пошлину у маршалка дюка де Грамона, учинил бусурмански, взял у нас пошлину з животворящего креста господня и с образа пресвятые богородицы и с нашего посольского платья двести золотых червонных, и тем учинили нам великое бесчестье; а того ни в которых государствах, не только в христианских, и в мусульманских не бывает, чтоб с послов и с посланников великого государя нашего, его царского величества, имать пошлину; и великому государю вашему, его королевскому величеству, про то

известно ль и вам, думным людем, о том ведомо ль, что такое бесчестье нам учинено? Да и о том его королевского величества доложите: как мы приехали из ышпанского порубежного города Айрона в город королевского величества Байон, и к державцу того города эль маркезу де Сенпею посылали про свой приезд объявить, чтоб он велел нас принять и, дав корм и подводы и провожатых, отпустил х королевскому величеству в Парис не задержав, для того: время приходит осеннее, и чтоб нам за морем не зазимовать и от того б делу великого государя нашего, его царского величества, порухи не учинилось; и державец сказал, что ему без указа королевского величества принять нас и подводы и корм и провожатых дать невозможно, писать он о том будет х королевскому величеству, а указу де будет ждать ис Париса королевского величества о том с месяц и больши, и двора, где стоять нам, без найму не дал же; и по самой великой нужде, чтоб нам в Байоне не замочать и за морем не зазимовать и порухи б делу великого государя нашего, его царского величества, тем не учинить, велели нанять подводы дорогою ценою от города Байона до города Бурдоа под себя и подо всех посольских людей на свои деньги; и после того говорил нам державец генерал эль маркез де Сенпей, что за те подводы заплата нам будет от королевского величества в Парисе. И вам бы, думным людем, о том королевскому величеству известить; а что королевское величество изволит, о том ведомо нам учинить“.

И думные люди говорили: „Королевскому величеству о том до сего времени было не известно; а ныне слыша они про то, королевскому величеству известят и вам, посланником, ведомо учинят; и чтоб вам, посланником царского величества, о том не покручинитца, учинилось то без ведомо королевского величества, что взял откупщик с вас пошлину, государство здесь вольное; и велит де королевское величество за те золотые, что взяты у вас в Байоне, из своей королевской казны заплатить вам здесь. А королевское де величество желает быть с великим государем вашим, сь его царским величеством, в брацкой дружбе и любви, и вам, его царского величества посланником, во всем велел честь

чинить, чтоб было к вечной меж ими, великими государи, любви братственной, а не к розорванью“.

И после того стольник Петр и дьяк Семен з думными людьми витались и ис полаты пошли. Маршалок да казначей провожали ис полаты в сени, а секретарь провожал до верхнево крыльца, полковники и начальные люди провожали с лесницы, около посланников шли салдаты с протазаны; и проводили полковники и начальные люди посланников до тех мест, где сели у нижнего крыльца в литеры; и несли их и дворян всех в литерах по два человека французан до полаты, где стол был изготовлен королевского величества про посланников на королевском же дворе; и подчивали посланников и дворян и всех посольских людей против того ж, как и в первом приезде.

И после стола стольник Петр и дьяк Семен и дворяне поехали с королевского двора в Парис в тех же коретах, провожали приставы, подскарбей де Берлис с товарищи, до посольского двора.

А как посланники приехали к королевскому величеству в Санжармен и оттуды поехали в Парис, и начальные люди с пехотою перед обейми королевскими дворами и на дворех таким же строем стояли, как и в первом приезде.

Августа в 29 день привез пристав де Берлис от королевского величества ис походу к посланником о делех пункты на французском письме и говорил стольнику Петру и дьяку Семену: „Великий де государь, их королевское величество, велел вам подать те о общих делех пункты обоих государств, которые настоят к вечной любви и дружбе с великим государем вашим, сь его царским величеством, великого государя нашего, его королевского величества, и о торговле и о пожитках купецких людей государства Московского и Французского государства. И чтоб против тех всех статей вам, царского величества посланником, учинить ответ на письме и, закрепя своими руками, прислать к его королевскому величеству“.

Стольник Петр и дьяк Семен велели ему, приставу, королевскому величеству известить: „Те о делех статьи, что присланы с тобою подскарбием де Берлисом от королевского величества

к нам, велим их перевести; и что в них писано выслушав, и учиним отповедь королевскому величеству с тобою ж подскарбием де Берлисом в ыное время“.

И велели те статьи стольник Петр и дьяк Семен перевести со французского языка на руской язык доминикану Урбановскому, потому что перевотчик Иван Госенц по-французски перевести не умеет.

А в переводе Урбановского пишет:⁶⁹ „Буде по том добрый и долговечный покой и соединение и приятство стало промеж великого государя, его царского величества, и королевского величества и детей их государских, которые ныне есть и которых впредь даст бог. И будут во всяком покое и в брацкой любви, и будут о себе отдавать честь и славу в ыные страны и окрестные государства. И будучи в таком приятстве и в брацкой любви, и постоновят меж собою крепко навеки, чтоб один на другога не наступал и друг другу убытка не учинил. Людем великого государя, его царского величества, мочно торговать и переходить до Французского и Наварского государства, также и чрез акиян и море Медитаранское с великою вольностью, за переезд ничего не платя. А с товаров их во Французском государстве пошлину имать будут так же, как иных государств с торговых людей емлют, которые приезжают с товары во Французское государство. Московского государства купецким людем мочно с товары приходить и продавать во всем Французском и Наварском государстве безо всякого иного королевского указа и его королевского величества наместников. И мочно им наймать дома и погребы и анбары безо всякой трудности всякими добрыми способами. Мочно провозить товары до Французского государства чрез море и сухим путем и чрез реки безо всякие помешки, и торговля им повольная дана будет, как похотят. А для того их купецкого приезду вольно им устроить дворы и анбары товарные и погребы с такою ж вольностью, как и Французского государства купецким людем. Московского государства люди, которые приедут до Французского государства, мочно им товары с караблей складывать и на карабли класть, которые товары им будут

надобны, и сколько похотят. А как с товары приедут и с караблей складут, и с тех товаров в то время пошлин иметь не будут, а учнут иметь в то время, как станут продавать. Которые русские люди учнут всякие товары покупать во Французском государстве, и с тех товаров с покупки пошлин иметь не будут, а учнут пошлину иметь в то время, как те товары из Французского государства повезут в Московское государство или в ыные государства, где кому годно. Мочно руским купецким людям всякие товары, которые есть во Французском государстве, возить и до иных государств, где кому надобно, и будут класть в анбары, а пошлины платить учнут также, как французские купецкие люди платят пошлину, а лишку иметь не будут. Московского государства купчины, которые будут ведать всякие купецкие товары, а будут во Французском государстве при королевской милости, и они не будут никаких лишних податей платить перед французскими торговыми людьми. Чтоб поволено во Французском государстве какому судье Московского государства, которой бы судил и всякие росправы чинил меж московскими людьми против указу великого государя, его царского величества, и королевского указу, которые сходны к нашим извычаем. Московским купецким и иных чинов людям во Французском государстве вольно по своей вере отправлять божественую службу.

Чрез Московское государство Французского государства купецким и иных чинов людям в ыные государства вольно ль будет приехать, и о вере и в торговле вольности также ли даны будут, как московским торговым людям во Французском государстве? Французского государства купецким и иных чинов людям великого государя его царского величества чрез Московское государство вольно ль будет проезжать до Персидского государства и до иных окрестных государств? И чтоб всякие запасы, которые им будут надобны, продавали за их деньги. А которые поедут с товары и бес товаров, и их пропускать, а пошлины не иметь. С французских купецких людей на приезде и на отъезде пошлин не иметь, а с товаров бы их пошлин иметь половина, как было поволено в Московском государстве Аглин-

ские земли торговым людем. А буде в Московском государстве учинитца о том и иной указ о купецком деле, то и во Французском государстве так же будет. Которые всякие товары из Французского государства привезены будут в Московское государство, а об них будет заказ, что тех товаров не продавать, и тех товаров у них безденежно не имать, а велеть им те товары продавать же“.

И против тех всех статей о делех стольник Петр и дьяк Семен приставу подскарбею де Берлису учинили ответ не на письме и велели ему о том известить королевскому величеству: „Великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, его царского величества грамоту, какову подали мы великому государю вашему, Лодвику, королю Французскому и Наварскому и иных, его королевскому величеству, и про то его королевскому величеству ведомо с каким братственным любительным намерением великий государь наш, его царское величество, к нему, брату своему, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, в любительной своей грамоте писал; и наивышши того свидетельства быти не мочно о вечной и соединительной их великих государей братственной дружбе и любви, что та великого государя нашего, его царского величества, любительная грамота. А сверх той великого государя нашего, его царского величества, грамоты с нами наказано объявить, что великий государь наш, его царское величество, с великим государем вашим, с его королевским величеством, в братственной дружбе и любви быть хочет по тому, как и с ыными окрестными великими государи христианскими в брацкой дружбе и любви пребывает; и о том в ответе говорили мы королевского величества з думными людьми; также и великого государя нашего, его царского величества, грамоту на послов королевского величества, опасную, в ответе ж будучи, отдали его королевского величества думным людем, и с тою великого государя нашего, его царского величества опасною гра-

мотою для подлинного ведома список по-латине запечатан. И о том великому государю вашему, его королевскому величеству, ведомо же, какую к братственной любви подвижность имеет великий государь наш, его царское величество, к его королевскому величеству, чтоб послы и посланники безо всякого опасенья приходили от королевского величества в великое Российское царствие к великому государю нашему, к его царскому величеству. А естли королевское величество похочет быть в совершенной братственной дружбе и любви с великим государем нашим, съ его царским величеством, и великий б государь ваш, его королевское величество, по тому ж к великому государю нашему, к его царскому величеству, слал своих королевского величества послов или посланников о братственной меж ими, великими государи, дружбе и любви и о добрых делах, которые настоят меж их обоих великих государств, и с ними обо всем наказал подлинно, как им, великим государем, в братственной дружбе и любви быть впредь. А как, аж даст бог, будут послы или посланники королевского величества в великом Российском царствии, и увидят великого государя нашего, его царского величества, пресветлые очи, и грамоту любительную королевского величества великому государю нашему, его царскому величеству, поднесут, и великий государь наш, его царское величество, изволит той его королевского величества грамоты выслушать. И как послы королевского величества будут в ответе великого государя нашего, его царского величества, з думными людьми, и о чем будут с ними говорить, и о том думные люди великому государю нашему, его царскому величеству, донесут. И которые ныне пункты от королевского величества присланы к нам на французском письме, и о тех бы всех делах великий государь ваш, его королевское величество, наказал с послы или с посланники своими. И великий государь наш, его царское величество, выслушав брата своего любительнейшаго великого государя вашего, его королевского величества, грамоту, и усмотря к любви подвижность, как в своей грамоте великий государь ваш, его королевское величество, будет писать к великому государю нашему, к его царскому величеству, и

о чем послы его королевского величества в ответе з думными людьми царского величества будут говорить, и думные люди великому государю нашему, его царскому величеству, донесут и известно ему великому государю о том учинят, и великий государь наш, его царское величество, по своему государскому рассмотрению, как ему, великому государю нашему, его царскому величеству, годно, так изволит и учинить, и ко брату своему любительнейшему, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, велит в своей царского величества грамоте о том отписать; и послом королевского величества укажет великий государь наш, его царское величество, на все те дела, о чем з думными людьми будут говорить, ответ учинить; и отпустить их велит от своего государского пресветлого лица со всякою своею царского величества милостию и з достойною честью, как у него, великого государя нашего, милосердного и хвалам достойного, в великом Росийском царствии его царского величества чин належит. А ныне нам сверх того собою ничего учинить невозможно, потому что от великого государя нашего, от его царского величества, о каких делех с нами было наказано, и о том мы з думными людьми говорили в ответе, и королевскому величеству от его думных людей о том извесно“.

Пристав говорил: „Королевскому величеству о том о всем он известит. А великий государь наш, его королевское величество, зело радуется, что великий государь ваш, его царское величество, своею государскою брацкою любовью его королевское величество поискал, и хочет с ним великим государем, с его царским величеством, быть в брацкой дружбе и любви навеки, чтоб и детям их государским в такой же дружбе и любви быть.“

И поехал пристав с посольского двора к королевскому величеству.

Августа в 31 день приходили к стольнику Петру и дьяку Семену французские купецкие торговые первые люди шесть человек⁷⁰ и говорили: „По указу де великого государя их, его королевского величества, велено им у вас, царского величества посланников, быть для того: говорили вы, царского величе-

ства посланники, з думными людьми королевского величества в ответе, чтоб Французского государства торговые люди со всякими товары приезжали торговать в Московское государство. И мы вас, царского величества послов, пришли доложить: великого государя вашего, его царского величества, в Московском государстве у купецких людей какие товары, извольте нам пожаловать, о том дать ведать, а мы вам, царского величества послам, объявим, какие товары есть во Французском государстве, и к которому городу государства Московского к каравельной пристани приезд нам будет для купечества?“.

Да те ж купецкие люди говорили: „Естьли де нам со всякими товары ездить торговать в Московское государство, и чтоб вы послы дали им проезжей лист за своими руками, чтоб им в Московское государство ездить торговать было надежно“.

Стольник Петр и дьяк Семен им говорили: „Великого государя нашего, его царского величества, в великих и преславных государствах Росийского царствия всяких товаров множество. И буде великий государь ваш, его королевское величество, поволит своего государства купецким людям ездить в великое Московское государство, и им мочно приезжать со всякими товары к каравельной пристани ко Архангельскому городу и в иные города, и тем купецким людям с рускими купецкими людьми торговля дана будет повольная, а пошлины с товаров учнут имать по указу великого государя нашего, его царского величества. А что вы говорите нам, чтоб дать вам проезжей лист за своими руками, и о том будем мы говорить с приставом с подскарбием королевским з де Берлисом, и учинит ведомо он вам о том, потому: по указу королевского величества велено нам обо всяких великого государя нашего, его царского величества, делех говорить с ним. А о том вам объявляем, чтоб вы безо всякого опасенья на кораблях ехали со всякими товары торговать к каравельной пристани великого государя нашего, его царского величества, к Архангельскому городу надежно“.

И торговые люди говорили: „Что вы, царского величества послы, нам говорите, тому мы всему верим. А для опыту изго-

товили б и ныне к Архангельскому городу шесть кораблей со всякими товары, да время приходит осеннее, с кораблями от Архангельского города воротитца во Французское государство нам не успеть. А естли изволит бог, в приидущее лето французские карабли с товары у Архангельского города будут“.

И стольник Петр и дьяк Семен велели переводчику им сказать: „Как, аж даст бог, пойдут французские карабли с товары к Архангельскому городу, и на тех бы караблях заповедных товаров агварденту, по-руски двойного вина, и табаку отнюдь не возили, и вам бы про то было ведомо. А буде объявитца табак или вино двойное на караблях, и тот табак и вино будут имать безденежно на великого государя. Для того вам и объявляем, чтоб от того ссоры не учинилось“.

Торговые люди говорили: „За то вам послам челом бьем, что нам объявляете, и тех заповедных товаров в Московское государство возить не будем для продажи“.

И стольник Петр и дьяк Семен велели переводчику сказать им, торговым людям, про всякие товары, какие в государстве Московском есть у торговых людей.

И они, выслушав, говорили: „Многие де товары те, о которых мы от вас слышим, в государстве Французском надобны, и покупать их и на товары менять будут: соболи, куницы, горностаи, мехи горностаевые, бельи мехи, выдры, норки, выхохоли, юфти, сало говяжье, сало ворвань, поташ, пенька“.

А после того велели у них спрашивать о их товарах. И те купецкие французские люди сказывали о товарах своих, с какими они будут торговать х корабельной пристани к Архангельскому городу: золотые ефимки, алтобасы, бархаты, обьяри золотные, отласы, камки, сукна и иные товары, и вино красное и белое.

И, поговоря о том, французские торговые люди, и удара челом посланником, пошли с посольского двора.

Сентября в 10 день⁷¹ сказывал стольнику Петру и дьяку Семену пристав де Берлис, что „х королевскому величеству в село Санжармен он ездил, и о чем вы с ним наказывали, и по вашему приказу думным людям обо всем он сказывал, а думные люди

королевскому величеству о том о всем известили. И королевское величество указал вам, царского величества посланником, быть у своего королевского величества на отпуске сего месяца в 13 день. И как будете у королевского величества, и грамоту к великому государю вашему, к его царскому величеству, отдаст королевское величество из своих рук вам, посланником; а список с той королевской грамоты пришлют к вам, посланником после отпуску на другой день на посольской двор. А королевское величество из села Санжармена идет в поход сего месяца в 14 день, а быть ему в том походе месяца з два и большеи“.

Стольник Петр и дьяк Семен приставу говорили: „Скажи ближним людям, чтоб донесли до королевского величества; список з грамоты королевского величества, какову шлет с нами к великому государю нашему, к его царскому величеству, чтоб указал прислать к нам преж нашего отпуску дни за четыре и большеи, надобно нам ведать подлинно, с чем королевское величество к великому государю нашему, к его царскому величеству, нас отпускает, и сполна ль великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титулы в его королевского величества грамоте будут написаны, чтоб нам про то совершенно ведать преж отпуску. А буде королевское величество не изволит прислать к нам списка преж отпуску дни за четыре и большеи, и нам у королевского величества на отпуске, не видеи з грамоты списка по-латыне, быть не мочно некоторыми делы, и грамоты к великому государю нашему, к его царскому величеству, у королевского величества принять нам будет невозможно, потому: не ведаем мы тово, с чем нас королевское величество отпускает к великому государю нашему, к его царскому величеству, и сполна ль в той королевской грамоте великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титулы будут написаны“.

Пристав посланником говорил: „Как ему королевское величество указал, так он вам и объявляет. А королевское величество хочет с великим государем вашим, сь его царским величеством, быть в братцкой дружбе и любви навеки, и в любительной своей грамоте к царскому величеству отпишет также со всякою царского

величества достойною ево великого государя превысокою честью, как великий государь ваш, его царское величество, писал в своей царского величества любительной грамоте к его королевскому величеству“.

Стольник Петр и дьяк Семен приставу говорили: „Сказываете вы, что великий государь ваш, его королевское величество, с великим государем нашим, сь его царским величеством, в братцкой дружбе и любви быть хочет навеки. Для чего ж королевское величество списка с той своей королевской грамоты не велит к нам прислать преж отпуску нашего? Великий государь наш, его царское величество, прислал нас к великому государю вашему, к брату своему, к его королевскому величеству, хотя братцкой дружбы и любви, как со всеми окрестными великими государи християнскими в братцкой дружбе и любви пребывает“.

Пристав говорил: „Про все про то ближним думным людем он скажет, чтоб донесли до королевского величества. А что о том королевской указ будет, и он ведомо вам посланником учинит“. И поехал с посольского двора к королевскому величеству.

И того же числа ввечеру приезжал к стольнику Петру и к дьяку Семену пристав де Берлис и говорил: „Ближним людем о том он сказывал, что вы с ним наказывали, и ближние люди королевского величества докладывали. И королевское величество велел вам сказать: список с ево королевского величества грамоты, какова послана будет с вами, к великому государю вашему, к его царскому величеству, пришлет к вам на двор после отпуску на другой день“.

Стольник Петр и дьяк Семен приставу говорили: „Сказываешь ты, что королевское величество с своей королевской грамоты список велел к нам прислать на двор после отпуску на другой день; объяви нам: для чего?“.

Пристав говорил: „Как вы, посланники, приехали в местечко Кролево и стояли от Париса в дву милях, и великий государь наш, его королевское величество, прислал к вам меня, чтоб вы, посланники, з грамоты великого государя вашего, его царского

величества, прислали список со мною на латинском языке, чтоб королевскому величеству о том ведать, для чего вы от великого государя вашего, от его царского величества, к великому государю нашему, к его королевскому величеству, присланы; и вы мне отказали и списка не дали, а отдали список после посольства на другой день. А великому государю нашему, его королевскому величеству, указать некому, как его королевское величество изволит, так и делает“.

Стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Посланы мы от великого государя нашего, от его царского величества, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, с любительною его царского величества, великого государя нашего, грамотою, а велено нам тое царского величества грамоту поднести королевскому величеству, и посольство отправлять перед ево королевским величеством, а не за две мили от королевского величества; а есть ли б нам с тое царского величества грамоты список с тобою послать х королевскому величеству наперед, не видев его королевского величества очей, и наше б посольство в том местечке и отправлено было, а х королевскому величеству и ездить было и не для чего. Извести королевского величества думным людям, а думные бы люди донесли до королевского величества, чтоб указал с той своей королевского величества грамоты список прислать к нам на латинском языке преж отпуску нашего дни за четыре. А естли королевское величество не изволит к нам списка по-латыни прислать со своей королевской грамоты, какову с нами к великому государю нашему, к его царскому величеству, хочет слать, и королевское б величество в том на нас гневу не подержал — не видев списка, грамоты у королевского величества взять нам будет не мочно, для того: надобно нам ведать, с чем королевское величество к великому государю нашему, к его царскому величеству, нас отпускает, и сполна ль его великого государя нашего, его царского величества, именованье и титулы в той королевской грамоте будут написаны“.

И пристав говорил: „Королевского величества ближним людям про все известит, а они доложат королевского величества.

И что будет о том королевской указ, и он им, посланником объявит“.

Сентября в 11 день сказывал стольнику Петру и дьяку Семену пристав де Берлис, что „у королевского величества в селе Санжармене был и ближним людям о чем вы с ним наказывали сказывал, а ближние люди королевского величества докладывали. И королевское величество, хотя с великим государем вашим, с его царским величеством, быть в братцкой дружбе и любви, список с своей королевского величества грамоты на латинском языке со мною к вам изволил прислать“. И тот список посланником пристав поднес.

И стольник Петр и дьяк Семен, у пристава приняв список, велели переводчику Ивану Госенцу да домникану Урбановскому перевести на руской язык. И у того списка на подписи, как быть на подлинной грамоте, написано:

„Наивысшему, нозацнейшему, номощнейшему и велеможнейшему великому государю, брату любительнейшему, великому приятелю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, Московскому, Киевскому, Владимирскому, Новгородскому, царю Казанскому, царю Астараханскому, царю Сибирскому, государю Псковскому, и великому князю Смоленскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятцкому, Болгарскому и иных, государю и великому князю Новагорода Низовские земли, Черниговскому, Рязанскому, Ростовскому, Ярославскому, Белоозерскому, Удорскому, Обдорскому, Кондинскому и всеа Северных страны, повелителю и государю Иверские земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкасских и Горских князей, и иных многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчию, и дедию, и наследнику, и государю, и облаадателю“.

А вначале в списке не написано было великого государя, его царского величества, имянованья и титла и королевского имени.

И стольник Петр и дьяк Семен, выслушав того з грамоты списка, говорили приставу: „Скажи королевским думным людям, чтобы донесли до королевского величества: на списку, каков к нам прислан на латинском языке, на подписи великого государя нашего,

его царского величества, имянованье и титулы написаны сполна, и вначале в списке великого государя нашего, его царского величества, имянованья и титула не написано: и чтоб в подлинной грамоте вначале и на подписи великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титулы были написаны все сполна, как великий государь наш, его царское величество, сам себя описует и как ево, великого государя нашего, его царского величества, все великие государи, христианские и мусульманские, описуют по его царского величества достоинству. Да и в списке б с тое грамоты на латинском языке написать против того же слово в слово“.

И пристав говорил: „Королевское величество хочет быть с великим государем вашим, сь его царским величеством, в братцкой дружбе и любви. А естли в государстве Французском в посольских обычаех чего и не повелось, и для братцкой дружбы и любви великого государя вашего, его царского величества, велит учинить королевское величество и не в образец, и в подлинной грамоте вначале великого государя вашего, его царского величества, имянованье и титулы и на подписи опишет все сполна, и список велит переписать вновь“. И взял тот список с собою.

Сентября в 12 день говорил пристав де Берлис стольнику Петру и дьяку Семену: „К думным людям королевского величества о чем вы с ним наказывали, и он о всем им сказывал, а ближние люди докладывали королевского величества. И великий государь наш, его королевское величество, для великого государя вашего, его царского величества, братцкой дружбы и любви не токмо к великому государю вашему, к его царскому величеству, свою королевского величества грамоту отдаст вам из своих королевских рук и список на латинском языке с той своей королевской грамоты отдаст вам из своих же королевского величества рук, а в грамоте и в списке великого государя вашего, его царского величества, имянованье и титулы написаны будут все сполна, как великий государь ваш, его царское величество, писал в своей царского величества в любительной грамоте к его королевскому величеству“.

Стольник Петр и дьяк Семен говорили: „Великого государя вашего, его королевского величества, к великому государю нашему, к его царскому величеству, видим к братцкой дружбе и любви великую подвижность: не токмо любительную свою грамоту к великому государю нашему, к его царскому величеству, и список с той грамоты хочет ево королевское величество отдать нам из своих королевского величества рук; и то меж их великих государей братственной дружбе и любви к доброму делу начало. Только то тебе объявляем, чтоб великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титулы были написаны в той ево королевской грамоте сполна. А что великий государь ваш, его королевское величество, с той своей королевской грамоты список хочет нам отдать вместе с тою своею королевского величества грамотою, а не наперед к нам прислать, и то буди на его королевской воле“.

Сентября в 13 день стольник Петр и дьяк Семен у королевского величества на отпуске были в селе Санжармене. С коретами приезжал маршалок де Бельфон да с ним пристав де Берлис, да Катуй, да де Пей. В первой корете сидел стольник Петр, подле ево с левую сторону маршалок де Бельфон, против их приставы де Берлис да Катуй, в стремени сидели переводчики Иван Госенц да Урбановской; в другой корете дьяк Семен, с ним третьей пристав де Пей; в ыных коретах сидели дворяне и подьячие, а посольские люди верхами.

И, едучи дорогою, говорил стольник Петр моршалку, „чтоб он королевскому величеству известил: взял откупщик в городе Байоне с них, посланников, и з дворян и со всех посольских людей пошлины двести червонных золотых с образа пресвятые богородицы и с животворящаго креста, с окладов, и с посольского п[л]атья; и как были они посланники в ответе, и о том думным людям говорили, чтоб королевское величество велел те двести золотых нам отдать. Да в ответе ж мы говорили з думными людьми о наемных подводах, что наймовали от шпанского рубежа до французского города Бурдоа, чтоб королевское величество указал за те подводы деньги нам заплатить из своей королевской казны.

И моршало де Бельфон сказал, что он о том о всем известит королевскому величеству.

И приехали на королевской двор в коретах и вошли в полату переменять платья. И, немного помешкав, приходил от короля ближней человек и спрашивал от королевского величества стольника Петра и дьяка Семена о здоровье, и говорил стольнику Петру и дьяку Семену. чтоб „вы, царского величества посланники, не покручинились, королевское величество велел вам помешкать с полчаса здесь в полате, и чтоб де вам о том было не в кручину“.

И стольник Петр и дьяк Семен на королевском жалованье, что прислал их спросить о здоровье, велели бить челом.

И после того пришел от королевского величества маршало де Бельфон и стольнику Петру и дьяку Семену говорил: „Королевского де величества он докладывал о пошлинах, что с вас в Байоне откупщик взял двести золотых червонных, и о подводах, что вы наймовали от рубежа шпанского до французского города Бурдоа. И королевское величество указал: что взято с вас пошлины двести золотых червонных, тотчас велел отдать; а о подводах указу никакого королевского нет“.

Стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Великому государю вашему, его королевскому величеству, бей челом, что указал нам те золотые отдать, что взяты в городе Байоне. А о подводах поверили мы державцу эль маркезу де Сенпею, он нам сказал, что королевского величества ис казны заплата будет в Парисе за те подводы и за дворы, что наймовали мы на свои деньги в городе Байоне для поспешенья, чтоб за тем за морем не зазимовать и порухи б делу великого государя нашего, его царского величества, тем не учинить“.

И моршало говорил: „В великое де подивленье в государстве их о том, преж сего николи того не бывало, чтоб послам подводы давать, некоторых государей послом того не бывало, что ныне вам, царского величества послом, подводы из Бурдоа даны и столы королевские по вся дни про вас, послов, и про всех посольских людей были дорогою и в Парисе“.

И опосле того со стольником Петром и з дьяком Семеном пошел маршалок де Бельфон к королевскому величеству; встречал у нижнего крыльца тот же ближней человек королевского величества, которой в первом и в другом приезде был на встрече, а в сенях встречал всей королевской пехоты генарал и полковник.

А как пошли стольник Петр и дьяк Семен в полату, и королевское величество в то время встал и шляпу снял. И стольник Петр и дьяк Семен поклонилися королевскому величеству по обычаю, и после того били челом королевскому величеству на ево королевском жалованье за столы, что по его королевскому указу по вся дни столы были полные по чину посольскому про них, посланников, и про всех посольских людей.

И после того поднес к королевскому величеству первой секретарь де Лиона грамоту.

И король, приняв грамоту,⁷² встал и, шляпу сняв, говорил: „К великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу, к брату нашему любительнейшему, к его царскому величеству любительная грамота“.

И грамоту отдал королевское величество сам стольнику и наместнику Боровскому Петру Ивановичю Потемкину, и после того с той грамоты список отдал королевское величество, стоя, из своих же рук стольнику Петру, и после того сел. И приняв у королевского величества тою грамоту и список з грамоты на латинском языке, отдал стольник Петр дьяку Семену Румянцову.

И после того королевское величество встал и, сняв шляпу, говорил: „Великому государю, брату нашему любительнейшему, его царскому величеству за приятельскую его царского величества присылку, как, даст бог, увидите вы, посланники, его царского величества пресветлые очи, и вам бы ему, великому государю, его царскому величеству, от нас бити челом“.

И стольник Петр говорил королевскому величеству против того речь: „Великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных

и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, его царского величества, аж даст бог увидим пресветлые его царского величества очи, и ему, великому государю нашему, его царскому величеству, про вашу великого государя, вашего королевского величества, братственную дружбу и к любви подвижность известим“.

А покамест королевское величество речь говорил, все стоял, шляпу сняв, с великим любительством. И после того королевское величество стольника Петра и дьяка Семена, и дворян, и переводчика, и подьячих, и толмача жаловал к руке и отпускал с великою милостью и честью.

И, быв у руки, стольник Петр и дьяк Семен, поклонясь королевскому величеству по обычаю, хотели ис полаты итить, и в то время королевское величество встал и шляпу снял; и стольник Петр и дьяк Семен вдругорядь его королевскому величеству поклонились по обычаю, для того что королевское величество в то время встал и шляпу снял; и, поклонясь, пошли ис полаты; провожали их ближние королевского величества люди те ж, которые в первом и в другом приезде встречали; и проводили до нижнего крыльца и с стольником Петром и з дьяком Семеном витались и пошли к королевскому величеству. И посланники пошли в ту же полату, в которой с приезде были на королевском дворе; и до той полаты провожали посланников полковники и дворяне королевские; а та полата блиско королевских покоевых полат.

И пришед стольник Петр и дьяк Семен от королевского величества, велели переводчику Ивану Госенцу да домникану Урбановскому прочесть з грамоты список, что дал им королевское величество на латинском языке на отпуске, и у королевской грамоты подпись со французского на русской язык велел перевести Урбановскому. И домникан Урбановской у той королевского величества грамоты подпись со французского на русской язык перевел тотчас. И на подписи у той королевской грамоты написано было не против списка великого государя, его царского величества; в титлах написано не сполна, а прописано было: „самодержца, отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя“.

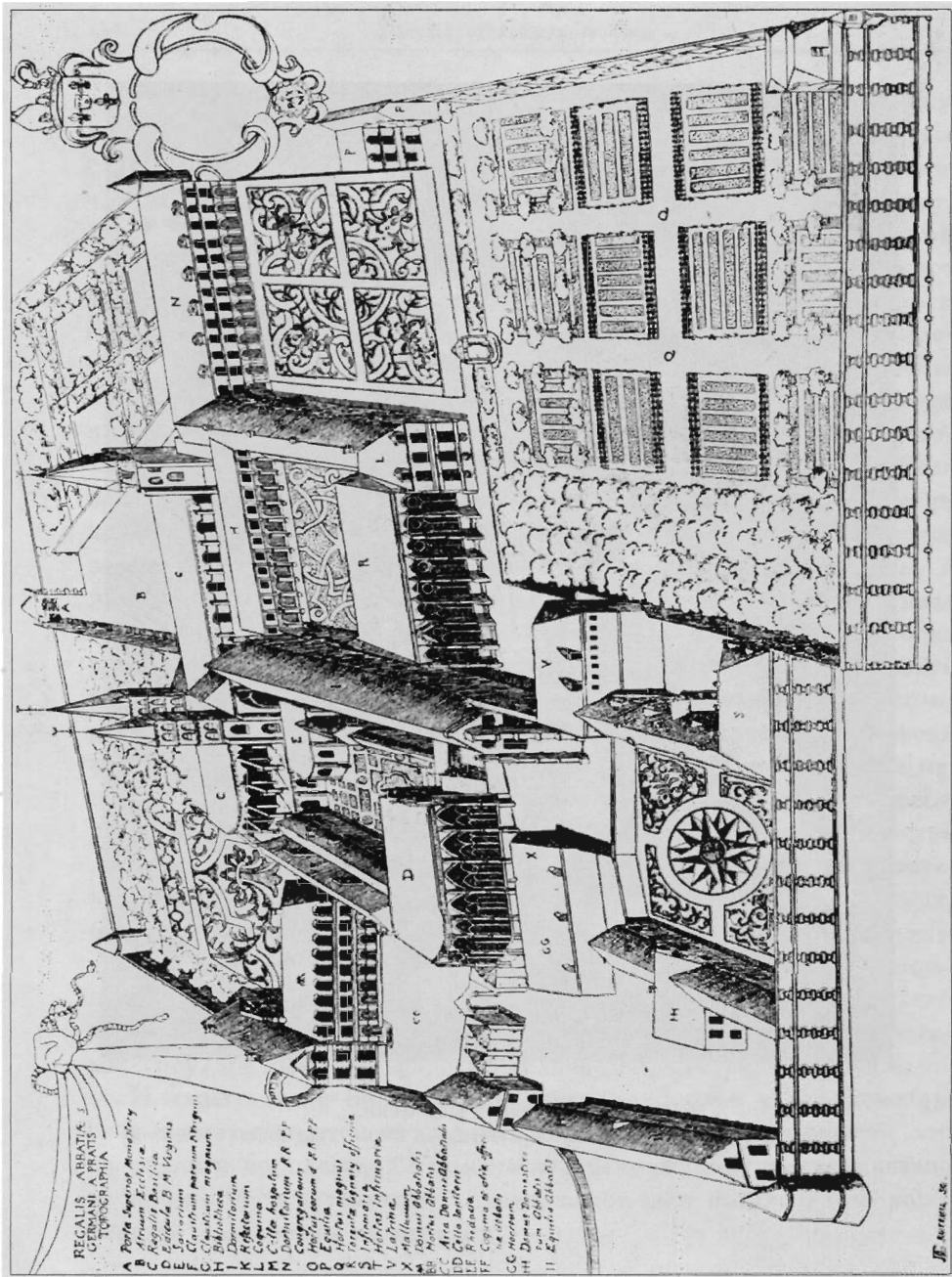
И стольник Петр и дьяк Семен выговаривали о том ближнему королевского величества человеку маршалку де Бельфону и приставу де Берлису: „Великий государь ваш, его королевское величество, к великому государю нашему, к его царскому величеству, любительную свою грамоту и список с той своей королевской грамоты на латинском языке отдал нам из своих королевского величества рук. И в том списке имянованье и титулы великого государя нашего, его царского величества, написаны сполна против его царского величества достоинства; а у подлинной грамоты на подписи в первых и великих самых титулах великого государя нашего, его царского величества, написано не сполна, самые высокие титулы прописаны: «самодержца, отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя» у той грамоты на подписи не написано. И великий б государь ваш, его королевское величество, велел тое свою королевского величества грамоту исправить, и велел бы в ней великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, его царского величества, имянованье и титулы написать сполна, как великий государь наш, его царское величество, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, в своей царского величества грамоте писал, и как великого государя нашего, его царского величества, все великие государи, христианские и мусульманские, описуют по его царского величества достоинству, что ему, великому государю нашему, от прародителей ево, от великих государей, царей и великих князей российских, бог дал. И они б о том известили королевскому величеству тотчас, и чтоб королевское величество велел, тое свою грамоту исправя, переписать вновь, и великого государя нашего, его царского величества, имянованье и титулы велел написать сполна, как великий государь наш, его царское величество, сам себя описует“.

И маршалок де Бельфон и пристав де Берлис у тое королевские грамоты подпись с латинским списком чли и, разсмотря, что на подписи королевской грамоты на французском языке написано не против того латинского списка, каков дал посланником королевское величество на отпуску.

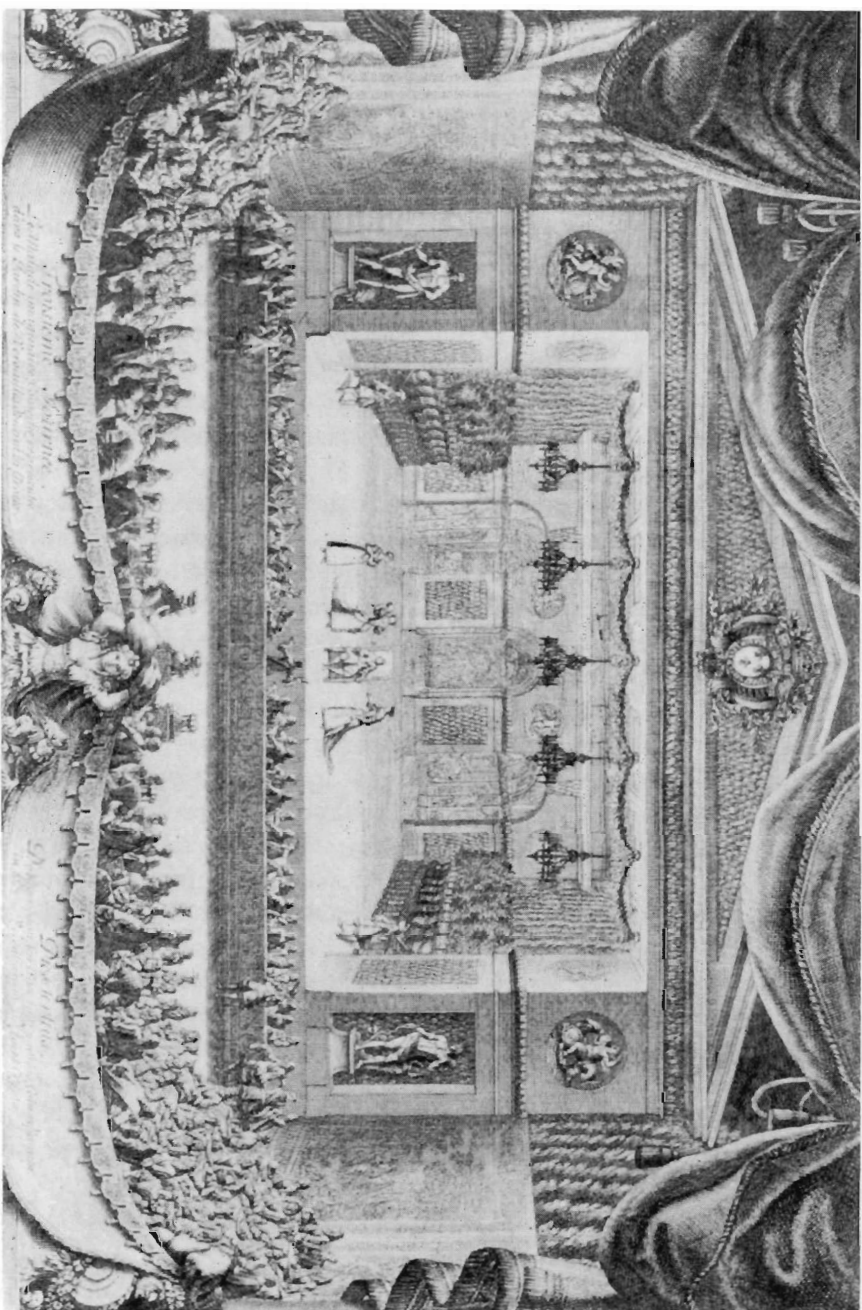

Петр Иванович Потемкин.

Портрет английского художника Кнеллера, копия XVII в. Гос. Эрмитаж. (Масло).

План аббатства Сен-Жермен во второй половине XVII в.

Представление комедии Мольера в придворном театре.
Гравюра Де-Ба XVII в.

И маршалок де Бельфон говорил посланником: „Известит он о том королевскому величеству тотчас“.

И грамоту и список взяв у стольника Петра и у дьяка Семена, пошел к королевскому величеству и говорил: „Время вам, царского величества посланником, кушать, а я де к вам буду, помешкав у королевского величества немного“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Не только нам есть, и на свет зреть не можем, великого государя нашего, его царского величества, в самом в великом ево государском деле видя страшное нарушение, что меж такими великими государи не к любви склоняетца, но к розорванью вечному, а нам нестерпимое о том смертное уязвление; как можем мы то слушать и живы быть, что великого и пресветлого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, его царского величества, чести его государственной остерегательно не желают хранить, и ево государственную братцкую дружбу и любовь королевское величество в презрении чинит, такие великие и высокие титулы великого государя нашего, его царского величества, в его королевской грамоте прописаны, а тое грамоту свою королевское величество отдал нам из своих королевских рук“.

И маршалок де Бельфон, выслушав у стольника Петра и у дьяка Семена тое речь, в великом недоумении стал, а говорил: „Незбытное то дело, что великому государю, его королевскому величеству, того исправить не велеть, учинилось то никак не хитростью, чтоб вам, царского величества посланником, на королевское величество не подивить, а самим о том в великую печаль не вдавать себя; тотчас о том о всем великому государю нашему, его королевскому величеству, известно учиню, и тотчас с подлинным ведомом к вам буду“.

И пошел маршалок де Бельфон к королевскому величеству.

А стольник Петр и дьяк Семен ему, маршалку, сказали: „Не дождався о том совершенной отповеди, за стол итить не будем“.

И, немного помотчав, прислал королевское величество к посланником пристава де Берлиса и велел им сказать: „Грамоту к великому государю вашему, к его царскому величеству, королевское величество приказал тотчас исправить, и велел написать, как великий государь ваш, его царское величество, в своей любительной грамоте писал к его королевскому величеству“. И звал посланников за стол.

И стольника Петра и дьяка Семена и дворян понесли в лите-рах по два человека в ту полату, где стол королевской изготовлен и потчивали их, посланников, стольники королевского величества и пристав де Берлис, покамест маршалок де Бельфон у королевского величества был.

И, немного помотчав, маршалок де Бельфон от королевского величества за стол к посланником пришел и говорил: „Великий государь наш, его королевское величество, велел вас, царского величества послов, потчивать ему, маршалку, да трем человеком стольником. А грамоту, что к великому государю вашему, к его царскому величеству, посылает с вами королевское величество, исправя, принесут тотчас. И велел вам королевское величество говорить, чтоб вам на него, королевское величество, не подивить, учинилось то не хитростью, что у грамоты на подписи в титлах великого государя вашего, его царского величества, прописано: за поспешеньем писарь в грамоте то прописал, королевское величество идет в поход отсюда в дальней завтра, и дела многие королевские на тех писарех положены; также и секретарь де Льона от многих королевских дел не успел на грамоте подписи рассмотреть“.

И стольник Петр в то время, как маршалок ему о грамоте объявил, про многолетное здравье великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества, чашу пил; и маршалок с товарищи и все посольские люди про многолетное здравье великого государя, его царского величества, чашу пили ж.

И, немного помешкав, королевской секретарьюс грамоту принес и подал маршалку, а маршалок поднес стольнику Петру.

И стольник Петр, приняв грамоту у маршалка, почал ее разсматривать; и того ж часу осмотрели, что та же грамота, которую на отпуске королевское величество им дал, а не вновь написана; а на подписи у грамоты вычищено и написаны те титулы на чищенной строке, что было прописано великого государя, его царского величества, в титулах.

И стольник Петр маршалку говорил: „Великий государь ваш, его королевское величество, к брату своему к великому государю нашему, к его царскому величеству, грамоту свою королевского величества любительную отдал мне из своих рук, и отпустил нас от своего королевского величества лица; и у той грамоты на подписи великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества, первые и высокие титула были не написаны; и о том говорили мы тебе, маршалку, чтоб известил ты королевскому величеству, что в грамоте его королевского величества великого государя нашего, его царского величества, титул первых и великих не написано; и ты нам сказал, что королевское величество указал тое грамоту исправить тотчас; и той грамоте исправление, что вычищено на той же королевской грамоте, и приправлено на чищенной строке великого государя нашего, его царского величества, титул первое «самодержца». Извести королевскому величеству: не токмо с такою его королевскою грамотою ехать к великому государю нашему, к его царскому величеству, и смотреть мне на нее страшно, что чинитца здесь не х чести великого государя нашего, его царского величества, пресветлому его государскому имени. А великий государь наш, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержец, хотя быть в брацкой дружбе и любви с великим государем вашим, с его королевским величеством, в грамоте своей государской писал к нему, брату своему, к великому государю вашему, к его королевскому величеству, с пре-высокою честью, и в титулах его королевских ничего не прописано; и королевское величество также в брацкой дружбе и любви обещался быть с великим государем нашим, сь его царским вели-

чеством, навеки, и о том мы от вас, ближних людей, и от пристава многожды слышали. И тебе б, ближнему человеку маршалку де Бельфону, королевскому величеству известить: такой чищеной грамоты нам не имывать и к великому государю нашему, к его царскому величеству, с такою грамотою нам не езживать, естли не укажет королевское величество переписать ее вновь; и изволил бы королевское величество наказать думным своим людем накрепко о том, чтоб остерегательно розсматривали они в той королевской грамоте великого государя нашего, его царского величества, в ымянованье и в титлах, чтоб написаны были сполна и ничего б было не прописано; а естли чего будет не дописано, или и написано, а не по чину, и нам такой грамоты не имывать“. И отказал стольник Петр ему впрямь.

И маршалок де Бельфон, выслушав у стольника у Петра речь, говорил: „Великий де государь их, его королевское величество, хочет с великим государем вашим, сь его царским величеством, в брацкой дружбе и любви быть навеки, и во всем королевское величество хочет, чтоб великого государя вашего, его царского величества, имени было х чести и к повышенью и к вечной меж ими, великими государи, дружбе и любви братственной. А что на той же королевского величества грамоте вычищено, и то учинено для поспешинья: королевскому величеству завтра отсюды поход будет; и вам бы, посланником, по тому ж здесь не замешкать. И чтобы вам, посланником царского величества, пожаловать, о том не подивить. А грамоту королевское величество написать вновь укажет тотчас, и для того, не помешкав, до королевского величества пойду“.

И, взяв грамоту у стольника Петра, маршалок де Бельфон отдал ее секретарьюсу и приказывал ему, чтоб он тое королевскую грамоту тотчас переписал и напцсал великого государя, его царского величества, имянованье и титлы с великим опасеньем, чтоб ничего было не прописано, справясь с латинским списком.

Да он же, маршалок, говорил: „Изволите ль вы, царского величества посланники, после стола погулять и посмотреть королевского саду, и королевское величество велит вас тешить арапу,

ездить перед вами на лошади стоячи без седла и скакать во всю пору“.

И стольник Петр ему говорил: „Как великий государь ваш, его королевское величество, изволит, а мы его королевской милости ради, и его королевского величества саду смотреть готовы, и гулять в нем будем“.

И после того стольник Петр говорил маршалку де Бельфону: „По указу королевского величества встречал ты, маршалок де Бельфон, нас, и х королевскому величеству до Сан жармена провожал, и по указу ж королевского величества нас потчиваешь со всякою достойною честью; а наипаче всего видим, что хочешь со всяким усердием меж великим государем нашим, его царским величеством, также и государем вашим, его королевским величеством, вечные дружбы и любви; и за такой твой превысокой разум и к нам многую любовь и приятство дарю тебя, приятеля моего, любительными и чести твоей высокой достойными дары“.

⁷³И, сняв с себя шапку стольник Петр бархатную двоєморхую с соболем, запона на ней с камнем, петли жемчужные, цена той шапке со всем больши семидесят рублей, и положил тое шапку ему, маршалку де Бельфону, на голову.⁷³

И маршалок де Бельфон говорил стольнику Петру: „Выше де моей меры твои посольские мне дары, и не заслужил я тово тебе, приятелю моему милостивому, что такими великими дары меня даришь“. И почал шапку отдавать стольнику Петру.

И стольник Петр шапки у него не принял, а говорил: „Хотя малые мои дары против твоей, приятеля моего любезного, достойной чести, только от правого сердца своего тебя, друга моего, дарю; изволь шапку мою носить в добром здоровье, на знак любви и на память приятства моего та шапка на тебе будет“.

И маршалок, шапку поцеловав, на себя надел, а на стольника Петра шляпу свою маршалок положил, а на той шляпе запаны никакой не было.

И стольник Петр, приняв у него шляпу, говорил: „На твоих, приятеля моего, дарех кланяюсь усердно и за великое приятство приемлю“.

И маршалок говорил: „Чтоб ты, царского величества посол, на меня в том не покручинился, что дары мои малые пред твоими, приятеля моего, высокими дарами“.

И встав маршалок из-за стола, пошел к королевскому величеству в той шапке стольника Петра и говорил: „В твоей де посольской шапке пойду перед королевское величество и великому государю своему, Лодвику королю, ево королевскому величеству, про твою посольскую любовь объявлю“.

И после того, с полчаса помешкав, прислал королевское величество стольника своего, и говорил стольник: „Великий государь наш, Лодвик, король Французской и иных, его королевское величество, велел тебе, послу великого государя, его царского величества, стольнику и наместнику Боровскому Петру Ивановичю Потемкину говорить: показал ты приятную любовь свою к ближнему ево королевского величества человеку, к маршалку де Бельфону, дарил ево за столом шапкою своею посольскою; и в той шапке он пришел перед ево королевское величество; и великий государь наш, его королевское величество, за такую твою к ближним его людям приятную любовь милостиво жалует, похваляет и велел сказать: помозибо, что ты хочешь видеть в вечной дружбе и братственной любви с великим государем вашим, с его царским величеством, королевское величество“.

А для того стольник Петр дарил того маршалка де Бельфона шапкою своею, что соболи казны великого государя все в роздаче; а естли бы ево дары нарочитыми не подарить, и ему б то было за зло, человек самой ближней королевского величества, беспреستاني живет при короле, и чтоб от того какой порухи в деле великого государя, его царского величества, не учинилось, естли б ево не подарить; да он же приезжал от королевского величества навстречу к посланником за две мили с коретами, и к королевскому величеству двжды из Париса ездил с посланники; а от приставов и от переводчика Урбановского слышали стольник Петр и дьяк Семен, что он самой великородной человек, и в крайней близости у королевского величества.

И после того пришел от королевского величества пристав

де Берлис и говорил: „Великий де государь их, его королевское величество, прислал ево к вам, царского величества послам, чтоб вы изволили итти в сад ево королевской гулять“.

И стольник Петр и дворяне по изволенью королевского величества в королевской сад ходили; и в саду в королевском арап на лошади скакал, стоячи во всю пору без седла многое время перед стольником Петром; и велел ему, арапу, дать стольник Петр два ефимка. ⁶А дьяк Семен в то время был болен.⁶

А в том королевском саду строенья, виноград и иные многие деревья плодовые улицами устроены, и воды взводные разными образцы.

А ис королевского саду стольник Петр и дворяне пошли в полату, провожали их стольники королевского величества и начальные многие люди до той полаты, где стол про них был.

А как стольник Петр из саду королевского пошел в полату и, немного помешкав, пришел пристав де Берлис да с ним секретарьус и говорили: „Великий де государь их, его королевское величество, грамоту свою к великому государю вашему, к его царскому величеству, указал, исправя, переписать вновь, и прислал тое грамоту с ними и велел поднести вам, царского величества посланником“.

Стольник Петр и дьяк Семен грамоту у них тое приняли и велели домникану Урбановскому у той грамоты на подписи перевести со французского языка на руской, потому что переводчик Иван Госенц со французского языка перевести не умел.

А в переводе Урбановского у той грамоты на подписи великого государя, его царского величества, имянованье и титулы написаны сполна, как великий государь, его царское величество, в любительной своей грамоте к королевскому величеству писал.

И после того вскоре королевино величество и королевичь в поход пошли от того села с милю в кляштор⁷⁴ молитца. Сидела королевино величество в корете, против ее две вдовы, сидели в другой корете королевичь большой, против ево сидели дьяки да мама ево вдова; кореты королевина и королевичева были не

закрыты, сидели попросту; в третьей корете за ними ехали вдовы и мужни жены.

Во всех трех коретах было по шти возников светлосеры, перед королевиною коретою ехали человек с шесть рейтар, шпаги у них в руках наголо, около кореты пеших человек з десять со шпагами ж, шпаги у них у руках наголо же, за королевичевою коретою четыре человека конных дворян да рейтар три человека; а больши того никаких людей конных и пеших за королевою в походе не было. А помешкав после того с час, шли ис походу королева и королевич тем же местом, конные люди те же перед нею ехали да пеших два человека подле кореты; за королевичевою коретою только два человека ехали верхами да пеших два же человека подле кореты шли. А как шла ис походу королева, и за нею не было третьей кореты, только ее, королевина величества, да королевичева корета; а больши трех корет и в то время не было, как и в поход шла королева. А шла в поход мимо тех полат поблиску, где стояли стольник Петр да дьяк Семен и все посольские люди. И в то время посланники смотрели с приставом и дворяне ис полат, а люди их на королевском дворе перед теми же полатами. И королевино величество и королевичь нимало не укрывались, как и от своего государства людей. А рейтары и пехота в то время стояли по королевскому двору и перед двором на стойке для посланников; и как увидели, что идет мимо их королевино величество, все с великим опасеньем стояли в то время, шляпы сняв, и по барабаном били, и знаменщики знамены укрывались, и трубачи трубили, и сипошники играли, покамест королевино величество и от двора далече отошла.

И стольник Петр и дьяк Семен спрашивали у пристава у подскарбия де Берлиса: „Всегда ли за королевиним величеством в походе бывает таково людно, как ныне мы видели?“.

И пристав сказывал: „Как де их королевское величество изволят, бывает того и меньше, а в ыное время человек по сту и больши бывает рейтар и пехоты за королевским величеством; а естли де дальней поход, и в то время бывает человек по тысяче и и больши“.

А покамест посланники были у королевского величества в Санжармене, и в то время на королевском дворе и перед двором стояли начальные люди с пехотою в строенье, а райтары пеши с карабины по тех мест, как и в Парис поехали посланники от короля.

И после того стольник Петр и дьяк Семен поехали в Парис, провожали их приставы подскарбей де Берлис да Катуй да де Пей до посольского двора.

Сентября в 14 день королевское величество пошел из села Санжармена в поход с королевою и со всем своим королевским двором.

Сентября в 15 день к стольнику Петру и к дьяку Семену приезжал от королевского величества з дары пристав де Берлис да с ним товарищ ево де Пей: стольнику Петру Ивановичю три персоны, королевского и королевина и королевичева величества, да объяри золотные шеснатцать аршин, отласу золотново шеснатцать же аршин, два отласа червчатых по шеснатцати же аршин, сукно червчатое шеснатцать же аршин, пять ковров браных з золотом, двои часы золотые с алмазы, четверы часы золотые же бес камня, часы боевые гирные в меди; стольника Петра Ивановича сыну ево, стольнику ж Степану, шпага з золотым крыжом, три пищаля долгих, пара пистолей, объяри золотной шеснатцать аршин, отласу золотново шеснатцать же аршин, два отласа травчатых по шеснатцати аршин, сукна червчатова шеснатцать же аршин, шестеры часы золотые без камня; дьяку Семену Румянцову шесть ковров наборных, каймы золотные, три ковра травчатые, на двенатцать стулов наметов браных цветных, сукна червчатова шеснатцать аршин, часы боевые гирные в меди.

Стольник Петр пристава де Берлиса и товарища ево дарил от себя: кубок серебряной золочен, две пары соболей, два меха белых хребтовых; сын ево, стольник Степан: две ж пары соболей, да фляшку оправную кости рыбьей, два меха белых, нож оправной; а дьяк Семен Румянцов дарил пристава де Берлиса ⁶с товарищи чем, и то писано в росписи под статейным списком.⁶

Сентября в 16 день пристав де Берлис стольнику Петру привез по указу королевского величества сто дублонов, что взял у него в Байоне пошлины откупщик маршалка дюка де Грамона.

Того ж числа после стола пристав де Берлис привез от королевского величества переводчику Ивану Госенцу семдесят дублонов золотых, толмачю Роману Эглину тридцать дублонов золотых, и говорил: „Великий де государь их, его королевское величество, пожаловал, указал дать вам, переводчику и толмачю, золотые своего королевского величества жалованья, для того что в государстве их такой чин, переводчиком всегда королевское жалованье бывает“.

А что в Парисе от дел великого государя дано приставу, подскарбею королевскому де Берлису, да товарищу ево де Пею, да прежнему приставу Катую, да переводчику Урбановскому казны великого государя соболей, и то писано в расходных книгах.

Ис Париса поехали посланники стольник Петр и дьяк Семен и все посольские люди сентября в 16 день; под посланники и под дворяны, и подо всеми посольскими людьми восемь корет королевских было, во всякой корете по шти возников, да тридцать лошадей верховых под посольскими людьми.

А по указу королевского величества провожал посланников прежней пристав Катуй до карабельного пристанища, до города Калиса, да с ним был ключник королевского величества путной, и дворовые люди человек з десять, поваров и приспешников королевских з дватцать человек. И как поехали стольник Петр и дьяк Семен, и по указу королевского величества столы ево королевские были готовы про них, посланников, и про всех посольских людей на всех станех по чину посольскому с великою честью, и дворы в городех и в местечках по указу королевского величества, где стоять стольнику Петру и дьяку Семену и всем посольским людям, занимали лутчие, и кровати и постели нарядные посланником и дворяном и всем посольским людям везде были изготовлены, и с великою честью до карабельного пристанища и на карабль проводили пристав и ключник с товарищи.

А как поехали из Париса, стояли в местечке Боме.⁷⁵

Сентября в 17 день стояли в городе Бовесе.⁷⁶

Сентября в 18 день стояли в местечке Посье.⁷⁷

Сентября в 19 день стояли в городе Абевиле.⁷⁸

Сентября в 20 день стояли в городе Мунтреле.

Того ж числа приходили к стольнику Петру и к дьяку Семену бургомистры челом ударить, и присылали с сахарными ествы и с овощами и с красным вином. И стольник Петр людей их дарил ефимками от себя.

Сентября в 21 день стояли в городе Болоние.⁷⁹

И того ж числа приходили того города бургомистры к стольнику Петру и дьяку Семену челом ударить, и прислали к ним с сахарами нарядными. И стольник Петр людей их, которые от них с сахара приходили, дарил от себя ефимками.

Сентября в 22 день стольник Петр и дьяк Семен приехали в порубежной французской город Калис.⁸⁰

И того ж числа приехали к ним, посланником, того города воевода да презедент и начальные многие люди челом ударить и говорили: „По указу де королевского величества велено им вас, царского величества посланников, со всякою честью проводить до карабля“.

И стольник Петр и дьяк Семен велели нанять карабль. И в городе Калисе наняли карабль у французенина до Галанские земли до Амстрадама,⁸¹ найму от того карабля дано сорок золотых дублонов, а червонными иметца восемьдесят золотых.

А как стольник Петр и дьяк Семен поехали на карабль, и пристав Катуй и того города воевода и презедент и многие начальные люди провожали их до карабля, пехота человек с тридцать шли около кареты, в которой ехали посланники. И стольник Петр и дьяк Семен пристава Катую и клюшника, и дворовых королевских людей, и поваров и приспешников королевских, которые были посланы ис Париса по указу королевского величества с ними, посланники, до города Калиса, дарили их от себя. А что им в дарех дано, и то писано в росходной росписи под статейным списком. И пошли на том карабле из Французской земли от города Калиса к Галанской земле сентября в 23 день.

Сентября в 25 день пришли в Галанскую землю под город Ротродам⁸² на карабле.

И того же числа посылали стольник Петр и дьяк Семен к бурмистром в Ротродам подьячего да толмача про приезд свой объявить, и велели им говорить, что „пришли из Французские земли, от города Калиса, на карабле великого государя, его царского величества, стольник и наместник Боровской Петр Иванович Потемкин да дьяк Семен Румянцов; а посыланы были они от великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, от его царского величества, в посланниках х Карлусу, испанскому королю, да к Лодвику, французскому королю, к их королевскому величеству, о их государских общих делах, которые настоят к их государственной брацкой дружбе и любви. А к великим государем, королем, и курфюрстом, и арцыкнязем, и вольных городов к бурмистром и ратманом посланы с ними о пропуске их от царского величества проезжие грамоты, как ведетца у всех великих государей. И они б, бурмистры велели их пропустить к великому государю, к его царскому величеству, в великое Московское государство без задержанья со всяким поможательством, и карабль и провожатых дать им до Риги велели. А как будут послы или посанники Галанские их земли в великом государстве Московском, и великий государь наш, его царское величество, пожалует, велит учинить им честь всякую по тому же“.

И того ж числа к стольнику Петру и к дьяку Семену приезжал из Ротродама от бурмистров секретарьус и говорил: „Слыша де ваш посольской приезд, бурмистры прислали о вашем здравье спросить“. И стольник Петр и дьяк Семен секретарьусу говорили: „На приятстве бурмистров, что прислали о нашем здравье спросить, кланяемся“.

Да тот же секретарьус сказывал посланником, что послали бурмистры к Статом⁸³ в Гагу⁸⁴ объявить про приезд их.

Сентября в 26 день приезжал к стольнику Петру и к дьяку Семену на карабль первой секретарьус и говорил: „Слыша де

бурмистры про ваш царского величества посольской приезд, прислали ево, секретарьюса, про ваше здоровье спросить“.

Да он же, секретарьюс, говорил: „Как де вы посланники пришли к городу Ротродаму и присылали к бурмистром про приезд свой объявить, и бурмистры того ж числа писали в город Гагу Недерлянские и Галанские земли к велеможным статом, как вас велят принять и отпустить к великому государю вашему, к его царскому величеству; и о том ведомости от Статов бурмистры ожидают вскоре“.

И стольник Петр и дьяк Семен секретарьюсу говорили: „На приятстве бурмистров кланяемся, что приятство свое к нам являют, и о здоровье нашем спрашивать присылают. А как к ним от велеможных стат будет ведомость об нас, чтоб бурмистры любовь свою показали, дали нам о том ведать, не замотчав“. И, потчивав его по чину посольскому, отпустили.

А отпуща ево, секретарьюса, посылали стольник Петр и дьяк Семен в город Ротродам к бурмистром подьячего да толмача спрашивать о здоровье, и за их присылку велели кланяться. И бурмистры подьячему и толмачю велели посланником на их приятстве бить челом, и велели проводить до карабля с великою честью.

Сентября в 28 день приезжал к стольнику Петру и к дьяку Семену из Ротродама секретарьюс от бурмистров и говорил: „Будет де к вам, царского величества посланником, сего числа от Стат агент; и что с ним от Статов наказано, про то он вам объявит. И в которое время ему изволите у себя быть?“.

И стольник Петр и дьяк Семен с тем же секретарьюсом к бурмистром приказали, чтоб тот присланной от Стат агент приехал к ним на карабль, не замотчав.

И того ж числа приезжал тот агент к стольнику Петру и к дьяку Семену и, пришед на карабль, говорил: „Прислали де его из Гаги велеможные Статы Недерланские и Галанские земли к вам, царского величества посланником, и велели о вашем здоровье спросить: ис таких дальних государств здорово ль до Галанские земли дошли до города Ротродама?“.

Стольник Петр и дьяк Семен ему, агенту, говорили: „Милости господа бога и великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича и наследника, и государя, и обладателя, его царского величества, счастьем до сех мест доехали в добром здравье. А велеможным Статом Недерляньские и Галанские земли за их приятную любовь, что прислали тебя, чesнова человека агента, спросить о нашем здравье, челом бьем“.

Агент говорил: „Да по указу де велеможных Стат велено ему, агенту, с товарищи принять вас, царского величества посланников, с великою чesтью, и барки под вас, посланников, и подо всех посольских людей нарядные, в которых послов принимают, с ним присланы, и столы про вас, царского величества посланников, и про всех посольских людей по чину посольскому велено готовить со всякою достойною чesтью. А как, даст бог, до Амстрадама доедем, и в Амстрадаме велено вас, посланников, поставить на посольском дворе, где всех государств послов ставят“.

И того ж числа стольник Петр и дьяк Семен вышли из карабля со всеми посольскими людьми на барки, и пошли на тех барках через город Ротродам прокопными водами, и шли теми водами два дни до города Амстрадама. А как дорогою ехали, потчивал агент посланников и всех посольских людей с великим учтивством.

Сентября в 29 день приехали посланники в город Амстрадам; поставили их в Амстрадаме на посольском дворе, где всех государств послов ставят.

Сентября в 30 день приезжал в Амстрадам из Гаги тайным обычаем на посольской двор стат да секретарь. И в которое время стольник Петр ел з дворяны и с приставом в той полате, где по их чину послов подчивают, и в то время тот стат, вшед в полату, стал блиско стола. Стольник Петр, видя, что отменитой человек ото всех людей, которые были в полате в то время, и стоит поблиску стола, спрашивал у пристава агента про него; „Какова чину?“ И пристав назвал его полковником, и стольнику

Петру говорил пристав, чтоб ему велел сесть за стол с собою. И стольник Петр велел ево посадить за стол. И он, пришед, с великим учтивством с стольником Петром витался, и сел в креслах за столом выше пристава.

И после того пришел бурмистр города Амстрадама в ту ж полату и, вшед, с стольником Петром витался. И стольник Петр говорил ему, чтоб сел он с ним есть. И бурмистр сел с другой стороны против стата. И, немного помешкав, стольник Петр и дворяне и все иноземцы, которые сидели за столом, пили чаши про многолетное здорovie великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и великие государыни, царицы и великие княгини Марии Ильиничны, и благородного государя, царевича и великого князя Алексея Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и благородного государя, царевича и великого князя Федора Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии, и благородного государя, царевича и великого князя Семииона Алексеевича, всеа Великия и Малыя Белья Росии, и благородного государя, царевича и великого князя Иоанна Алексеевича, всеа Великия и Малыя Белья Росии, а после того про велеможных Стат.

И говорили пристав и стат, и бурмистр, и секретарь стольнику Петру: „Для великого государя вашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и обладателя, его царского величества, к нам милости во всем вам, посланником, ради честь чинить и всякое споможенье“.

И стольник Петр говорил им: „Недерлянские и Галанские земли велеможным Статом и бурмистром за их приятство и любовь челом бьем, что велели принять нас в городе Ротродаме тебе, агенту, честному человеку, и барки под нас и подо всех посольских людей дать, и провожать нас велели до Амстрадама тебе, агенту, с товарищи с честью и с великим покоем. И ныне в Омстрадаме, по их велеможных стат розказанью, также бурмистров,

видим во всем приятство ваше и любовь к нам. И чтоб в совершенстве та крайняя любовь и приятство велеможных стат и бурмистров к нам учинилася, велели б отпустить нас к великому государю нашему, к его царскому величеству, не задержав; и чтоб велели дать нам карабль до Риги. А естли, даст господь бог, увидим великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества пресветлые очи, и о том о всем ему великому государю нашему, его царскому величеству, известно учиним, и великий государь наш, его царское величество, по тому же велит учинить всякую достойную честь послом или посланником Недерлянские и Галанские земли, как аж даст бог будут в великом государстве Московском“.

И выслушав речь, они у стольника Петра говорили: „Великого государя вашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества, не токмо послом и посланником всякую честь и споможение должны чинить велеможные Статы, но и всяких чинов людем его царского величества великого Московского государства добра и приятства всякого желают, и карабль вам, царского величества посланником, и всем посольским людем до Риги будет готов без найму, и отпустят вас, царского величества посланников, из Омстрадама со всякою честью. А как, аж даст бог, увидите великого государя вашего, его царского величества, пресветлые очи, известите ему, великому государю, его царскому величеству: писали велеможные Статы к великому государю, к его царскому величеству о новоприбылых пошлинах с посланным его царского величества, что вновь ныне почали пошлину гривенную у Архангельского города имать; и о том от великого государя, от его царского величества, по се время к Статом никакова ведома не учинено. А в Галанской де земле о том у торговых людей великое сумнительство, что вновь такой образец чинитца, и многие де торговые люди не хотят ездить торговать к Архангельскому городу для тех новоприбылых пошлин“.

И стольник Петр говорил им: „По указу великого государя, его царского величества, посыланы оне к великим государем к испанскому да ко французскому королю для их государских общих дел, которые настоят к их государственой брацкой дружбе и любви; а ныне они ис тех государств едут в великое Московское государство к великому государю, к его царскому величеству, и по случаю приехали в Галанскую землю; и о том им, посланником, неведомо, о чем писали Статы к великому государю, к его царскому величеству, с посланным его царского величества. А как придет время, и по указу великого государя нашего, его царского величества, ведомо учинят велеможным Статом, как о том великий государь наш, его царское величество, изволит. А что ныне от вас слышим, и о том великому государю нашему, его царскому величеству, извесно учиним“.

И после того, помешкав немного, стат и бурмистр и секретарь поехали с посольского двора.

И того ж числа, пришед к стольнику Петру и дьяку Семену, пристав агент сказывал: „Говорил ты им, царского величества стольник, о карабле; и по указу велеможных Стат карабль вам, царского величества посланником, и всем посольским людям готов до Риги, как изволите ехать на карабль, чтоб ему о том ведать, в которое время велите ему быть з барками к посольскому двору, на чом вам ехать к карабельной пристани“.

И стольник Петр и дьяк Семен велели ему, приставу, быть з барками незамотчав.

И октября в 2 день приехал пристав, агент, к посольскому двору з барками; барки были с стеклами, внутри писано по золоту сусальному розными красками.

И говорил агент стольнику Петру и дьяку Семену: „Недерлянские и Галанские земли города Амстрадама бурмистры прислали под вас, царского величества посланников, барки свои с секретарем первым, почитаючи великого государя вашего, его царского величества, пресветлое имя, и велели вас велеможные статы проводить с честью на карабль мне, агенту, да секретарю первому города Амстрадама. Да вам же, царского величества

посланником, велеможные Статы велели говорить: буде изволите посмотреть наряду, пушек и всяких пушечных запасов, и караблей воинских и карабельного всякого строенья, как в полатах устроены для опасения прихода неприятельского, и ратуши, где бурмистры и граф и судьи за всякими росправными делы сидят, а таковой де ратуши ни к которых государствах строеньем нет“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему, агенту, говорили: „На премномом приятстве велеможных Стат челом бьем, что карабль нам велели дать до Риги, и с честью проводить до карабля нас велели вам. И естли, даст господь бог, увидим великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, его царского величества пресветлые очи, и о том о всем ему, великому государю нашему, его царскому величеству, известим. А воинских караблей и всякого карабельного строенья и наряду и ратуши смотреть будем для приятства велеможных Стат и бурмистров“.

И того ж числа поехали стольник Петр и дьяк Семен и дворяне и все посольские люди на тех барках на карабль, провожал их агент да секретарь. И, едучи на карабль, заезжали смотреть воинских караблей, и на тех воинских караблях пушек по осмидесят бывает, воинских людей на великом карабле по шtisот человек и больши бывает, длиною те воинские карабли по сороку сажен, а иные и меньши; а когда у них ни с кем войны нет, и с тех караблей пушки и всякие карабельные запасы в полаты кладут, и всякого карабля у пушек и у пушечных запасов и что каких запасов карабельных ни бывает, ко всему ярлыки приложены до последней маленькой штуки; и естли неприятель на них вскоре наступит в малое время, со всем карабль у них будет готов: ис тех полат, где наряд и всякие запасы пушечные и карабельные лежат, зделаны на море ворота, и к тем воротам подвезут барки, и на тех барках пушки и всякие запасы пушечные и карабельные на карабль возят.

И, смотрев того их строенья, стольник Петр и дьяк Семен поехали на карабль и говорили агенту и секретарю: „На приятстве и на любви велеможных стат и бурмистров челом бьем, что

нас велели проводить до карабля с честью, и велели нам оказывать воинские карабли и всякого пушечного и карабельного строенья“.

И пристав, агент, и секретарь поехали в Омстрадам.

А чем стольник Петр и дьяк Семен дарили их от себя, и то писано в расходной росписи под статейным списком.

Октября в 3 день прислали бурмистры к стольнику Петру и к дьяку Семену с секретарем барки, на чом ехать смотреть ратуши. И стольник Петр и дворяне ездили смотреть ратуши; и в той ратушке строенье великое, полаты многие, над теми полатами устроены часы безмерно стройны делом.

Октября в 4 день поехали на карабле стольник Петр и дьяк Семен и все посольские люди от Омстрадама, и шли из устья до моря три дни.

Октября в 13 день пошли из Зунта⁸⁵ х Капнагаву.⁸⁶ И того ж числа в ночи буря была великая и погода на море была страшная, дерево парусное переломило, и парус весь изорвало, и карабль было потопило в самую в полночь.

Октября в 14 день пошли мимо столицы дацкого короля Капнагава.

Октября в 18 день пришли к Риге,⁸⁷ и стояли на корабле в устье на реке Двине четыре дни, для того что противная была в то время погода. И стольник Петр и дьяк Семен посылали в Ригу дву человек подьячих да переводчика да толмача, а велели про свой приезд графу-генаралу и воеводе объявить; и подьячие и переводчик и толмач у графа генарала были и про приезд посланников объявили.

Октября в 21 день прислали из Риги граф-генарал к стольнику Петру и к дьяку Семену капитана з барками. И как капитан пришел на корабль, и ево встречали переводчик да подьячие и пришли с ним к стольнику Петру и к дьяку Семену, где они на корабле жили на корме. И пришед, капитан говорил: „Слыша де про ваш посольской приезд, граф-генарал и воевода прислали ево, капитана с товарищи, о вашем здоровье спросить: в добром ли здоровье морем шли от Амстрадама до Риги?“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „Милостию господа бога и великого государя нашего, царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчича, и дедича, и наследника, и государя, и облаадателя, его царского величества счастьем до сех мест доехали в добром здорovie“.

И после того капитан говорил: „Прислал ево из Риги граф генарал, и велел вас, посланников, принять, и барки, на чом вам, посланником, и всем посольским людем до Риги ехать, с ним прислал, и велел вас провожать со всякою честью; а в Ригу вас ожидают с коретами на берегу, граф-генарал прислал свою корету под тебя царского величества стольника, а под товарища твоего воевода свою корету прислал, а под дворян и подо всех посольских людей прислали бурмистры две кореты свои да из ратуши две кореты же; и будут вас примать у пристанища со всякою достойною честью для великого государя вашего, его царского величества, бурмистры да секретарь“.

И стольник Петр и дьяк Семен ему, капитану, говорили: „Графу-генаралу и воеводе за их приятную любовь челом бьем, что принимают нас с приятством“. И поехали на тех барках к Риге, потому что на карабле за встрешною погодою итти было не мочно.

И как приехали на барках к Риге к карабельному пристанищу, и у пристанища ожидают с коретами их, посланников, бурмистры: и пришед, бурмистр говорил: „Граф-генарал и державец рижской велели вас, царского величества посланников, принять нам со всякою честью, и кореты под нас готовы“.

И стольник Петр и дьяк Семен велели бурмистру графу-генаралу и воеводе за их приятство бить челом. И поехали в тех коретах на двор, а поставили их на русском дворе, где послы и посланники преж сего ставили, и велели тому иноземцу, которому тот двор приказан, коромы лутчие очистить. И провожали до двора посланников многие начальные люди верхами, и бурмистр и пристав ехали в коретах с стольником Петром, а сидели против ево.

Октября в 22 день присылали к стольнику Петру и к дьяку Семену граф-генарал капитана да секретарьуса спрашивать о здоровье.

И Петр и Семен говорили: „На приятстве графа-генарала кланяемся, что велел принять нас с приятством и со всяким учтивством, и прислал спросить о нашем здоровье“.

Да ему ж, капитану, стольник Петр и дьяк Семен говорили; а велели ему графу-генаралу объявить, чтоб граф-генарал и воевода велели дать под них посланников и под всех посольских людей подводы до Пскова. „И как, аж даст бог, будут послы или посланники королевского величества у великого государя нашего, у его царского величества, и великий государь наш, его царское величество, велит учинить по тому же послом или посланником королевского величества всякое споможенье и честь“.

Капитан говорил: „Про то он графу-генаралу скажет и вам, царского величества посланником, ведомо учинит“.

Октября в 23 день посылали стольник Петр и дьяк Семен к графу-генаралу спросить о здоровье подьячего Андрея Сидорова да переводчика Ивана Госенца, а от графа присланы под них были лошади по чину посольскому нарядные, да с ними ж ехал капитан. И как подьячей и переводчик приехали к графу на двор и пошли в полаты, и граф встретил их в полате у дверей. И подьячей Андрей спрашивал о здоровье от стольника Петра и от дьяка Семена графа-генарала и говорил ему о подводах, как наказано было ему от посланников.

И граф, выслушав речь у Андрея, говорил: „Для великого государя, его царского величества, во всем посланником ево царского величества помогать рад; а подвод без указу королевского величества дать ему под посланников и подо всех посольских людей никоими мерами невозможно; а указу королевского величества ожидать им в Риге будет о подводах многое время. И о том как великого государя, его царского величества, посланники изволят?“.

И проводил подьячего и переводчика до тех же мест, где встретил.

Октября в 24 день присылал к стольнику Петру и к дьяку Семену воевода рижский капитана спрашивать о их здоровье.

И стольник Петр и дьяк Семен ему говорили: „На приятстве воеводы королевского величества кланяемся, что прислал навещить нас“.

И после того посылал стольник Петр и дьяк Семен к воеводе подьячего до толмача спрашивать о здоровье, и за присылку велели кланяться.

И как подьячей и толмачь приехали к нему на двор и вошли в полаты, и воевода встретил их у дверей. И подьячей говорил речь, как было ему наказано.

И воевода, выслушав речь, говорил: „Великого государя, его царского величества, посланником на их приятстве, что прислали ко мне про свое здоровье сказать, челом бью. А в чем будет мочно, и он помогать им во всем рад“. И проводил подьячего и толмача до крыльца и велел их отвести к той же корете, в которой приехали; провожал их в корете капитан до посольского двора.

И стольник Петр, заняв у того иноземца, которому русской двор приказан, триста десять ефимков любских и наняв подводы под себя и подо всех дворян, и под переводчика, и под подьячих, и под толмача, и под целовальника, и под людей их, и подо всякую их рухледь, и под своих людей и под рухледь, а дьяк Семен, заняв у того ж иноземца девяносто ефимков, и наняв под себя и под людей своих и под рухледь подводы, поехали из Риги октября в 30 день. А в которое время посланником из Риги ехать, и к ним прислали граф-генерал и воевода и бурмистры с капитаном пять корет, и велели провожать тому капитану с товарищи, да конных людей человек з дватцать, трубачей шесть человек, пехоты с пратазаны человек з дватцать, провожали от Риги с полмили.

И как прохали из Риги в тех коретах стольник Петр, и в то время стрельба была ис пушек.

А того капитана дарил стольник Петр — рукав соболей покрыт бархатом, а конных и пеших людей, которые провожали ево за

город с капитаном, дарив же всех от себя ефимками. А что им дано, и то писано в расходной росписи под статейным списком.

А на рубеж приехали посланники ноября в 7 день. И как стольник Петр ехал мимо порубежного Новагорода, и капитан, которому тот город приказан ведать, встречал стольника Петра, вышед за город с пехотою и стал блиско дороги х корете с великим учтивством, и спрашивал о здоровье стольника Петра, и велел в то время срезать ис пушек, покамест он мимо города ехал; а пристав проводил ево до рубежа, который их, посланников, дорогою провожал от Риги. И стольник Петр пристава и капитана и пехоту, которые встречали в Новом городке, дарил от себя ефимками.

И того ж числа приехали стольник Петр и дьяк Семен в Печерской монастырь и стояли в слободе монастырской два дни.

Во Псков посланники приехали ноября в 10 день. И, приехав во Псков, занели денег стольник Петр и дьяк Семен у архиепископа Арсения да Печерского монастыря у архимарита для росплаты с тем иноземцом, у которого заняли ефимками, будучи в Риге, для найма подвод; и за те заемные ефимки заплатили посланники во Пскове тому иноземцу — стольник Петр триста десять ефимков, а дьяк Семен девяносто ефимков.

И ноября в 13 день писали к великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу, к Москве из Пскова стольник Петр и дьяк Семен о приезде своем; а отписка послана со стряпчим конюхом с Федором Калмаком.

О дружбе французского короля, с которыми
государи и с короли послы ссылаетца.⁸⁸

С папою римским⁸⁹ в дружбе и в любви, потому что единоверны с ним, и послы ссылаютца. И как де родился королевич у нынешняго Лодвика, короля французского, и папа римской присылал от себя ко французскому королю кардинала в свое место крестить королевича, а во крещении имя ему велел дать

Лодвик-Климент-Август. И стольник Петр и дьяк Семен спрашивали у пристава: „Для чего три имени королевичю?“. И пристав сказывал: „По изволенью де то учинилось папину: первое имя велел дать ему Лодвик для того, что отца ево имя тож; другое имя Климент, для того что папе имя Климент же, и то де учинил папа для того, что крестил ево он; а третье имя Август, потому что король де французской Лодвик от Августа, цесаря римского корени“.

С цесарем римским⁹⁰ бывали в сылке и в дружбе, а после того, как у французского Лодвика короля была война с ышпанским королем за приданое,⁹¹ в то ж время и с цесарем римским учинилась ссора у французского короля для того: как ишпанской король Филипп четвертой выдал дочь свою за Леополдуса, цесаря римского, и дал за нею великое приданое з дватцать миллионов золотых и ефимков; а преж того, как за французского Лодвика короля выдал дочь свою большую замуж он же, ишпанской король Филипп четвертой, и приданое де ему не все было дано; и по смерти ево, короля Филиппа, французской король Лодвик, наступя с великим войском сам на Фландерскую землю, и завладел у шурина своего, у Карлуса, ишпанского короля, половину той Фландерской земли за приданое, что ему было не додано; и цесарь де римской хотел помогать шурина своему, Карлусу, ышпанскому королю, и за то у французского короля с цесарем римским учинилась было недружба; и как французский король с ышпанским королем помирились, и у французского короля с цесарем римским войны нет, а любви мало. Да и впредь чаять любви меж ими быть не мочно, потому что за цесарем Филиппа, ишпанского короля, и королевы ево доньи Марианы де Устрии⁹² дочь, а за французским Лодвиком королем Филиппа короля дочь, а королевы доньи Марианы де Устрии патче-рица.

С ышпанским королем⁹³ французской король помирился, а любви совершенной нет. Да и впредь не чаять: хотя малая причина будет, за што может французской король мирное постановление розорвать, и он де тотчас, войско собрав, да вне-

запу на которые города придет и, поймав города, да опосле будет миритца, а что завладеет, и того мало поступаетца назад; а чаять де того, что и достальными городами Фландерской земли завладеть ему будет у испанского короля.

С королем аглинским⁹⁴ в дружбе и послы ссылаютца. Французского короля за братом его родным, за князем Арлиянским, аглинского короля сестра родная: как было в Аглинской земле смятение и убили короля, и в то время королева аглинского короля з дочерьми своими з двумя королевнами приехала во Французскую землю, и король французской их принял и дал им дом и корм великой; и после того королева аглинская выдала дочь свою королевну замуж за родного брата французского короля, за Арлиянского князя; да и ныне живет аглинская королева, вдова, з дочерью своею с королевною у французского короля в Парисе.

С португальским королем⁹⁵ в дружбе и в любви и послы ссылаютца. Португальского короля родная сестра за аглинским королем; и как испанской король с португальским королем мирился, посредником был меж ими аглинской король, и мирил аглинского же короля посол.

Со князем флоренским⁹⁶ в дружбе и в любви и послы ссылаютца.

Со князем венецыйским⁹⁷ ссылаютца.

З дацким королем⁹⁸ ссылка бывает же.

С свийским королем⁹⁹ послы ссылаютца.

С польским королем¹⁰⁰ в дружбе и в любви и послы ссылаютца. Да и ныне французской король хочет на королевство Польское Наиборского князя,¹⁰¹ для того что купил у него французской король порубежной город за малую цену ныне тому другой год; и тот де князь Наиборской пошел до Польской земли для промыслу, чтоб ему быть на королевстве Польском; и денег де к нему послали ис Цесарской земли, из вольного города ис Франкфорта купецкие люди дватцать четыре тысячи ефимков через Амстродам во Гданеск; а столица того Наиборского князя город Тыселдорф.¹⁰² Да французской же король хочет на коро-

левство Польское Летренгерского вольного князя, города его во Французской земле, только он королю не винен служить.

Со свицарскими¹⁰³ французской король в дружбе и в любви, и людей служилых к нему на помощь отпускают, как ему понадобится, потому что со Французскою землею смежна Свицарская земля, а покамест служат у французского короля за плату, им ис королевской казны дают.

С Галанскими Статы послы ссылаютца, а дружбы меж ими мало, для того что галанцы помогают шпанскому королю.

С турецким салтаном¹⁰⁴ в дружбе и послы ссылаютца, и торговые французские люди для купчества в Турецкую землю ездят.

С персидским шахом в дружбе и в любви и послы ссылаютца. И купечские люди ис Французского государства для торга ездят в Персиду, а Персидские земли торговые люди во Французское. А итить в Персиду из Французской земли морем на караблех з год.

Во Французском государстве вера каталицкая под паствою папы римского. Люди во Французском государстве человечны, и ко всяким наукам, к философским и к рыцарским, тщательны. Из ыных государств во Французскую землю, в город Парис и в ыные города, приезжают для науки философской и для ученья ратного строя королевичи и великородные и всяких чинов люди, потому что город Парис великой и многолюдной и богатой, и школ в нем безмерно много, студентов в Парисе бывает тысяч по тридцети и больше.

Дом королевского величества в Парисе строят весь вновь, полаты каменные великие; длина тому королевскому двору будет с полверсты; у того ж королевского двора сады строят великие, воды в тех садах взводные розными образцы. И по изволению королевского величества того ево двора, и потешных ево королевских дворов, и зверинцов, и где ево королевское золотое и серебряное дело делают и ковры набирают смотреть ездили стольник Петр и дьяк Семен; и в то время прислан был ближней человек от королевского величества нарочно, и показывал посланни-

ком в казенных полатах королевское платье и суды всякие; и стольник Петр и дьяк Семен королевского платья и судов смотрели; и платье королевского величества делано образцом отменным по их извычаю; судов золотых и серебряных и хрустальных и каменных розными образцы, и рукомоев, и лоханей великих, и поддонов серебряных великих же, на чом при короле овощи ставят, и паникадил великих хрустальных много ж; в полатах строенье многое по их извычаю.

И на потешных королевских дворах полат и всякого строения много, и в садах строенье великое и всяких доброплодных древ множество, винограду, винных, миндальных ядер и ягод, лимонов, яблос, груш, дуль великих, слив розных, орехов гредких без числа много, цытронов, гранатов, аранцов и иных овощей.

В зверинцах львы, бобры, слоны, рыси и иных зверей много.

Птиц индейских из восточной и из западной Индей, и которые во всей Италии и во Французской земле есть, и тех всяких птиц у королевского величества много.

А которыми места шли посланники через Французскую землю сухим путем с тысячу с триста верст и больши, и те места безмерно жилы, города великие и многолюдные и крепкие, и пехоты в городех много же, и сел великих и деревень много, и людно безмерным обычаем; по селам и по деревням дома ковалерские каменные великие, и всякое строенье в селех и в деревнях каменное же; хлеба и винограду, и овощей, и птиц всяких, и скота во Французской земле много.

ПРИЛОЖЕНИЯ

XX

Д. С. АНХАЧЕВ

ПОВЕСТИ РУССКИХ ПОСЛОВ КАК ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Повести русских послов, представляющие собой обширные письменные отчеты о выполнении ими своих поручений, о всем виденном и слышанном за границей и известные в исторической литературе под названием „статейных списков“, как их называли потому, что послы в них обязаны были отвечать на „статьи“ даваемых им наказов — отнюдь не принадлежат к памятникам художественной литературы.

Перед нами документы деловой письменности, предназначенные для деловых целей, для нужд делопроизводства Посольского приказа в первую очередь. Однако если бы мы захотели учесть их роль в историко-литературном процессе, то именно это обстоятельство не могло бы заставить нас сбросить их со счетов литературы.

Деловая письменность всегда в большей или меньшей степени вступала в контакт с литературой, пополняя ее жанры, освежая ее язык, вводя в нее новые темы, помогая сближению литературы и действительности. Особенно велико было значение деловой письменности для литературы в первые века развития литературы, в период перехода от условности церковных жанров к постепенному накоплению элементов реалистичности.

С самого своего начала развитие литературы совершалось в тесной близости к деловой письменности. Литературные и „деловые“ жанры не были отделены друг от друга непроницаемой стеной.

К „деловой“ письменности частично относится летопись, особенно новгородская. Это были сочинения исторические, документы прошлого, иногда материал для решения генеалогических споров в княжеской среде и т. п. К „деловой“ письменности относится „Поучение“ Владимира Мономаха, развивающее форму „духовных грамот“-завещаний и самим Мономахом названное „грамотицей“, но неоспоримое в своей художественности, живости и богатстве языка, тонкой наблюдательности и большом человеческом содержании. Практические, а отнюдь не литературные цели ставило себе и „Хождение за три моря“ Афанасия Никитина.

Тесные связи литературы с деловой письменностью отнюдь не уводили историко-литературный процесс вспять. Художественная литература постепенно отделяется от деловой письменности. Постепенно кристаллизуется специфика художественного творчества. Литература художественная постоянно черпает новые формы, новые темы из письменности деловой. Однако процесс идет неравномерно. В периоды, когда литература особенно остро откликается на классовую и внутриклассовую борьбу своего времени, когда старые формы перестают удовлетворять новым потребностям, — литература вновь и вновь обращается к деловой письменности, чтобы набираться новых тем, обновлять язык и сбрасывать выработавшиеся условности. Особенно велика роль деловой письменности в XVI и XVII вв. XVI век — как раз то время, когда в публицистике под эгидой поднимающегося служилого сословия развиваются новые темы, вызванные новыми потребностями действительности. Публицистика черпает отовсюду новые формы. Она вступает в тесные взаимоотношения с деловой письменностью. Отсюда необычайное разнообразие форм и жанров: челобитные, окружные и увещательные послания, повести и пространные исторические сочинения, частные письма и дипломатические послания.

Перед нами любопытное взаимодействие деловой литературы и литературы художественной. В публицистике XVI в. иногда трудно решить — где кончается публицистика и начинается деловая письменность; трудно решить что претворяется во что: в де-

ловую ли письменность проникают элементы художественности или в художественной литературе используются привычные формы деловой письменности.

Иван Пересветов пишет челобитные, но эти челобитные — отнюдь не произведения деловой письменности и очень сомнительно, чтобы они предназначались только для приказного делопроизводства. Это литературно-публицистические произведения в самом подлинном смысле этого выражения. Замечателен также „Стоглав“. В „деяния“ Стоглавого собора внесена сильная художественная струя. „Стоглав“ — факт литературы в той же мере, как и факт деловой письменности. „Великие Четьи-Минеи“ митрополита Макария называют „энциклопедией“ всех читавшихся книг на Руси, но в эту энциклопедию вносится и деловая предназначенность и сильная художественная и публицистическая направленность. Между деловой письменностью и художественной литературой стоит „Домострой“. Дипломатическая переписка Грозного склоняется то ближе к литературе, то к письменности чисто официальной. В литературу вносится язык деловой письменности, близкий живой, разговорной речи и далекий языку церковнославянскому.

В XVII в. формы деловой письменности широко проникают в литературу демократических слоев посада. На основе пародирования этих форм возникает литература сатирическая: все эти „Калязинские челобитные“, „Азбуки о голом и небогатом человеке“, „Лечебники как лечить иноземцев“, „Шемякин суд“ и „Повесть о ерше“, пародирующие московское судопроизводство, форму лечебников или форму учебных книг.

Немало литературных произведений выходит из стен приказов — в первую очередь приказа Посольского, своеобразного литературного центра XVII в.

В русской дипломатической практике издавна огромное значение имели письменные отчеты послов о выполненных ими поручениях и описания самих событий, послуживших причиной переговоров.

Насколько позволяет судить материал летописей, дипломатические переговоры между отдельными русскими князьями в XI—XIII вв. велись по следующему обычаю. Князь призывал своего посла и в присутствии свидетелей поручал ему передать те или иные „речи“ тому, к кому он его посылал. Эти „наказные речи“ могли быть более или менее обширны, и посол передавал их по назначению устно же — „правил посольство“ в присутствии нескольких лиц.

Вот как, например, отряжал своего посла к Юрию Долгорукому Вячеслав Владимирович Киевский. Вячеслав просит Изяслава и его брата Ростислава присутствовать при „отряжении“ посла как живых поручителей его правдивости, а затем наказывает послу следующее: „Поеди к брату Гюргеви, брата от мене поцелуй; а вы брата и сына, Изяслава и Ростислава, слушайте, перед вами и отряжю; тако молви брату моему: «Аз есмь, брате, тебе много молвил и Изяславу, обеима вама, не пролейта крови хрестьяньскы, не погубита Рускы земли...»“ и т. д.¹

Русский обычай „ссылаться речми“, а не грамотами, был очень прочным. Хотя происхождение его восходит, несомненно, к дописьменному периоду истории Руси, тем не менее и позднее, даже спустя несколько веков после введения письменности, русские послы попрежнему изустно говорят порученные им „речи“, лишь записывая их для памяти, но не передавая самих этих грамот.

Возвращаясь, русские послы составляли письменные отчеты о переговорах, о всем, что могло интересоваться в ходе дипломатических сношений между княжествами или между странами.

В этих письменных отчетах послов можно наблюдать две ясные тенденции. С одной стороны, письменные отчеты послов все более приближаются к художественной литературе, становятся все более реалистическими и подробными. С другой стороны, послы стремятся сделать свои отчеты как можно более „деловыми“, краткими, удобными для служебного пользования. Развитие этого жанра

---

¹ Ипатьевская летопись под 1151 г.

неравномерно. Литература и деловая письменность борются в этих посольских повестях, попеременно одолевая друг друга.

Первые из известных нам посольских повестей отличаются блестящими литературными данными. Это повесть посла Василия об ослеплении Василька Теребовльского в 1097 г. и о его дипломатических миссиях в связи с последовавшими за тем событиями, повесть Петра Бориславича о его посольстве от Изяслава Мстиславича Киевского к галицкому князю Владимирке в 1151 г., повесть Кузьмища Киянина об убийстве Андрея Боголюбского, и др.

Первая повесть — живая, драматическая, психологически наблюдательная — дошла до нас в составе Повести временных лет, вторая и третья — в составе Ипатьевской летописи. Все три повести выходят за рамки описания выполнения послом его поручений. Они охватывали своими повествованиями события, имевшие более общее значение, касались княжеских клятвенных нарушений, ослепления, убийства, а потому и переписывались, читались и сохранились до нас в составе летописей.

Это были своеобразные документы, но документы, составленные в живой манере, подробные, с точно переданными речами действующих лиц. Повести эти должны были убеждать читателя фактами, верностью всей нарисованной картины в целом, в виновности одной стороны и правоте другой. Поэтому они избегают стилистических трафаретов (хотя и не лишены их), точны в своих реалиях, убедительны психологически. Они нередко далеки от средневекового схематизма в изложении фактов и стремятся как можно ближе следовать действительности, оставаясь в то же время политически тенденциозными. С протокольной точностью в повестях этого типа передаются речи действующих лиц, как имеющие особенную документальную ценность. Как произведения деловой литературы, они написаны на деловом русском письменном языке, полны юридической, военной и политической терминологии своего времени. Это чисто светская литература, иногда только подвергавшаяся позднему оцерковлению.¹

¹ См. о них: Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 170—176.

Татаро-монгольское нашествие пагубно отразилось на жанре посольских повестей, но не изменило обычая. От первых двух веков татаро-монгольского ига на Руси до нас не дошло ни одной повести, составленной послом. И это понятно. Сознание подвластности русских князей чужеземной власти снижало сознание ответственности переговоров, снижало и правовое сознание. Вместе с тем, феодальная раздробленность Руси постепенно приходила к концу и возвышающаяся Москва не придавала столь ответственного значения дипломатическим переговорам с отдельными русскими княжествами. Центр тяжести русской дипломатии в XV и XVI вв. постепенно был перенесен из междукняжеских отношений в сферу переговоров с иностранными государствами.

К повестям послов отчасти могут уже быть отнесены три сказания о Ферраро-Флорентийском соборе 1438—1439 гг. — одно, составленное неизвестным суздальцем,¹ другое — „Повесть како римский папа Евгений состави осмый собор с своими единомышленники“, составленная суздальским иеромонахом Симеоном на основании записок, веденных им во время пребывания на соборе,² и третье — повидимому, его же описание путешествия в Италию.³ Однако эти три сказания все же близки по своей форме и кругу интересов к „хождениям“ паломников в „святую землю“.

Возобновление интенсивных дипломатических отношений с иностранными державами в конце XV в. привело к развитию дипло-

¹ Рукопись Московск. публ. музея (Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина), № 939, лл. 43—58, XVII в. (см.: Ф. Делекторский. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о Флорентийской унии. ЖМНП, 1895, № 7).

² Издано несколько раз и по разным спискам: митр. Макарием (Материалы для истории русской церкви, ч. I, Харьков, 1861, стр. 60—75), А. Поповым [Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.), М., 1875, стр. 344—359], А. С. Павловым (Рецензия на назв. соч. А. Попова: Отчет о 19-м присуждении наград гр. Уварова, СПб., 1878, стр. 384—396).

³ Неудачно издано И. Сахаровым: Сказания русского народа, т. II, кн. 8, 1849, стр. 77—90.

матических обычаев, упорядочивало самые формы ведения переговоров и вводило письменные отчеты послов в определенные традиционные рамки.¹

Искусственно оторванное от остальной Европы в годы татарского ига, „внезапно“ появившееся в конце XV в. перед глазами „изумленной Европы“, Русское государство сразу же должно было взять на себя решение сложных дипломатических задач. Но для выполнения этих задач не было нужных лиц — русские люди того времени мало знали западные языки и западную обстановку, а иностранцы, жившие при дворе Ивана III и его преемников, не всегда заслуживали доверия. Иван III принужден был пользоваться услугами заезжих греков — слуг своей жены; преемники его предпочитали посылать русских послов с иностранцами-переводчиками. И в этом и в другом случае требовался бдительный контроль из Москвы. Отсюда ряд специфических черт московской дипломатии: точные рамки, ставившиеся перед послом, стремление заранее предусмотреть (в форме вопросов и ответов) все возможные дипломатические разговоры, которые он будет вести и, конечно, обязательный отчет посла обо всем сделанном и виденном.

Отчет этот не сразу приобрел ту форму обстоятельной повести (почти дневника), которую он имеет в „списках“, представленных в настоящем издании. Во времена Ивана III послы обычно сообщали о своих делах и наблюдениях с помощью грамот, присылавшихся ими из-за границы; заключительных отчетов — „списков“ — в этот период еще не встречается. Правда, термин „список“ появляется уже во времена Ивана III: в 1495 г. русские послы, князь Семен Иванович Ряполовский и боярин Михаил Яковлевич Русалка, сопровождавшие дочь Ивана III Елену, выданную замуж за литовского князя Александра Казимировича, прислали „список... из Вилны к великому князю“.² Династический брак между литовским князем и русской княжной имел немалое политическое значение: Иван III, добившийся от Александра обещания „не нудить“ его дочь к переходу в католичество, видел в православном испо-

¹ Дальнейший раздел до середины стр. 328 написан Я. С. Лурье.

² Сб. РИО, т. 35, № 35, стр. 182.

ведании своей дочери гарантию незыблемости православия в Литовской Руси вообще — послы должны были повсюду бдительно следить за исполнением этого условия. Ряполовский и Русалка подробно описывали Ивану III венчание Елены по смешанному католическо-православному обряду, сообщили даже о любопытном инциденте во время венчания, когда русский поп Фома возгласил в костеле православную молитву, мешая католическому „бископу“ молиться по-латыни, и хотя „бискуп и князь великий (Александр) о том побранили накрепко“, настоял на своем: „таки молитвы говорил“. Но несмотря на свою обстоятельность, отчет Ряполовского не может все-таки считаться посольским „списком“ того же типа, что „списки“ XVI в.: это не общий отчет, представленный в заключение посольства, а сообщение по специальному вопросу, присланное из-за границы.

Первым посольским списком, имеющим характер заключительного отчета, является список посланника Владимира Племянникова, ездившего в 1518 г. к германскому императору.¹ Список Племянникова резко отличается от обычных в XV и начале XVI в. грамот с „вестями“ (известиями о международных отношениях и внутренних делах того или иного иностранного государства). Подобно спискам второй половины XVI—XVII в., список Племянникова построен в форме дневника и охватывает все время пребывания посланника при дворе императора (здесь нет только, в отличие от более поздних списков, описания путешествия посла за границу и обратно). Состоит он почти исключительно из диалогов между послом и „цесарем Максимьяном“ (Максимилианом I), „Жигимонтом Гербенъстеном“ (Герберштейном, ездившим незадолго до приезда Племянникова в Москву в качестве императорского посла) и другими советниками императора. Первый известный нам посольский список, составленный в форме дневника, список Племянникова, не представляет, однако, большого интереса ни в историческом, ни в литературном отношении: миссия Племянникова была непро-

---

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851.

должительна и список невелик по размерам и довольно беден по содержанию.

Список Племянникова был, повидимому, необычным явлением для первой половины XVI в.: вплоть до 60-х годов этого века преобладающей формой посольского отчета были, поскольку мы можем судить, отдельные грамоты с „вестями“, посылавшиеся до возвращения посла,¹ а не заключительные отчеты-дневники. Именно такой характер — грамот с „вестями“ — имели и многочисленные „отписки“, отправляемые из Крыма послом Афанасием Нагим, жившим там безвыездно в течение 10 лет (1563—1573). Миссия Нагого имела в глазах Грозного чрезвычайное значение — находясь при дворе хана, Нагой должен был следить за крымской политикой и удерживать хана от враждебных действий. Естественно, что дожидаться возвращения этого посла для получения от него отчета о крымских делах царь не хотел: Нагой писал в Москву систематически, отправляя свои „отписки“ с гондами, часто ездившими в Крым и обратно. Сообщения его часто представляли выдающийся интерес для Ивана IV: Нагой находился в Крыму во время двух крымских походов на Русь (1564—1571 гг.) и турецкого похода на Астрахань. Вопреки строгому режиму, установленному для него ханом, ему удалось многое разведать относительно закулисной стороны этих событий; обо всем этом он сообщал в Москву.²

„Отписки“ Нагого именуются в „Посольских делах“ по-разному: грамотами, вестями, иногда списками, один раз даже „разговорным большим списком“, построены они тоже по-разному — иногда в форме дневника, иногда в форме грамоты, но всегда — это отчеты за сравнительно короткие промежутки времени. Заключительный отчет, список Нагого, не сохранился: вероятно, сообщения его за десять лет, изложенные в многочисленных грамотах

¹ Ср. „список о вестех“ Голохвастова 1542 г. (Сб. РИО, т. 59, стр. 202), „список вестей литовских“ М. Я. Морозова (там же, стр. 590) из Польши и др.

² См. ЦГАДА, Крымская посольская книга, № 11, лл. 178—275; № 13, лл. 242—286 об.; № 14, лл. 1—22. „Отписки“ Нагого до сих пор не изданы; издан только рассказ Семена Мальцева.

и списках, вообще не были суммированы в едином списке-отчете.¹ Образцом такого списка-отчета могут служить два посольских списка, относящиеся к тому же времени, что и грамоты Нагого, — к 60-м годам XVI в. Это — печатающийся в настоящем издании список посольства Воронцова в Швецию и список посольства Умного-Колычева в Польшу (1567 г.).² Оба эти списка — пространные рассказы, охватывающие всю историю соответствующих посольств, все разговоры, веденные послами, и т. д. С середины XVI в. такой тип списков становится обычным; статейные списки второй половины XVI и XVII в. неизменно начинаются с рассказа о путешествии посла в то государство, куда он направлен, подробно излагают день за днем (по числам или церковным праздникам) историю его пребывания за границей и завершаются описанием обратного пути. „Вести“ — информация по отдельным вопросам, собранная послом в соответствии с данными ему инструкциями, — часто примыкают к основному („статьейному“) списку посла; иногда они вставлены в середину рассказа (как в списке Новосильцева), чаще приводятся в конце (ср. в списке Писемского).³

В статейных списках, помимо протокольного отчета о самих переговорах, отмечаются этикет, тонкости и оттенки проявленного иностранцами уважения к московскому государю, пререкания сторон. В этой своей протокольной части статейные списки представляют собой выразительные документы чрезвычайного упорства, с которым московские дипломаты стремились отстаивать честь русского царя и государства. Упорные в своих притязаниях, щепетильные в обычаях, расчетливые в издержках, русские послы отражали, вместе с тем, в своих статейных списках и личные впечатления от виденного, описание „обыкностей“ и диковинок европейских городов.

¹ Нагой был выслан („выбит“) ханом из Крыма в конце 1573 г. (ЦГАДА, Крымская посольская книга, № 14, лл. 171 об. — 191 об.; списка Нагого здесь нет).

² Сб. РИО, т. 71, стр. 523.

³ См. стр. 80—89 и 148, 149.

Большой интерес представляют статейные списки с точки зрения их языка. Все они написаны деловой прозой своего времени: русской в своей основе (а не церковно-славянской), сжатой и точной. Особенное значение в языке этих статейных списков имело обилие прямой речи. Через эту прямую речь входили в письменность элементы разговорного, живого и непринужденного языка своего времени, непосредственной устной интонации. Так, например, в статейном списке Воронцова рассказывается, как русские послы упорно добивались аудиенции у шведского короля; чопорные переговоры послов прерываются, наконец, раздраженным и ироническим вопросом русских: „И король у вас есть ли?“. На предложение ожидать аудиенции за городом, русские послы отвечают: „И за какую вину в село нам ехать?“.

В статейном списке Потемкина рассказывается, как русские послы, возмущенные попыткой французского откупщика обложить пошлиною не только посольскую одежду и „рухлядь“, но и драгоценные ризы на иконах, возмущившись, вместо соблюдения официального тона речи бранят его последними словами: „Враг креста Христова, как ты не утрашился так говорить... и ты и с того хочешь пошлину, скверный пес, взять... А видя твое безстыдство и нрав зверской, как псу голодному или волку несыту, имущу гортань восхищати от пастырей овцы, так тебе бросаем золото как прах“.

Наше издание открывается статейным списком И. М. Воронцова. Статейный список посольства Воронцова в Швецию (1567—1569 гг.) не содержит описаний страны, ее населения и природы. С деловитой сухостью, а вместе с тем точностью и правдивостью отражает он ту исключительно сложную обстановку, в которую попало в Швеции русское посольство. Это была обстановка напряженной дворцовой борьбы, в результате которой шведский король Эрик XIV был свергнут с престола. Русское посольство было изолировано, его не допускали к королю. О короле сообщали русским, что он психически болен — „не сам у себя своею персоною“. Душевным расстройством короля воспользовались его противники и это до крайности усложнило положение русского

посольства. Посольство дожидалось пока король „обможется“. Послов стремились под разными предлогами выселить из „Стекольны“ — Стокгольма. Эрик XIV пытался завязать тайные переговоры с посольством о бегстве на Русь. Послы не верили посланцу короля, а король с своей стороны не доверял ему и не верил, что русские ему не верят. Не доверяли русским и заговорщики. В этой сложной атмосфере крайней подозрительности послы упорно отстаивали честь и достоинство Русского государства. Даже тогда, когда противники Эрика XIV пришли к власти, а в сумятице событий русские послы были ограблены, стоя в одних рубахах и переговариваясь через окна с своими оскорбителями, они проявили исключительную выдержку.

Не менее интересен с точки зрения завязавшейся дипломатической борьбы статейный список посольства Федора Писемского — выдающегося русского дипломата XVI в. Посольство это относится к 1582—1583 гг. Оно было вызвано сложной международной обстановкой, в которой оказалось Русское государство после окончания Ливонской войны, и в Англии ему пришлось преодолеть значительные дипломатические трудности. Сведения, которые собраны в статейном списке Писемского, отличаются деловым характером и точностью. Составитель этого списка — умный и трезвый человек, отметивший все существенное для внешней политики России и не очень дававший волю своей любознательности в других областях.

Статьейный список посольства Г. И. Микулина и И. Зиновьева в Англию в 1600—1601 гг. уже относительно более богат непосредственными жизненными впечатлениями от всего виденного и слышанного в незнакомой стране. Здесь есть и некоторые впечатления от Лондона (или Лунды, как он назывался по-русски), от его расположения, каменного моста через Темзу и др., описания церемоний и встреч, в частности торжественного богослужения на Крещение в присутствии королевы Елизаветы, обед у нее.

Довольно верно переданы в статейном списке Микулина и Зиновьева обстоятельства восстания Эссекса, свидетелями которого было русское посольство. Посольство Микулина привлекло

внимание иностранных дипломатов, находившихся в то время в Лондоне. Переговоры с ними Микулина облачают в нем ум, такт и умение с достоинством соблюдать интересы Русского государства.

Статейный список посольства Елчина в Дадианскую землю в 1639—1640 гг. представляет особый интерес тем, что в нем впервые отразились впечатления русских от примыкающих к Черному морю прибрежных земель Кавказа. Скованные особыми заданиями посольства — „веры их розсмотреть и разведать гораздо какова у них вера“, — автор статейного списка обратил преимущественное внимание на церковный быт Дадианской земли. Непосредственные впечатления от природы Кавказа и от его населения отражены в этом статейном списке скупо. Автор отмечает бедность — „наготу большую“ — населения. „Мужской пол и женской ходят наги“, хлебопашество неудобное: „капаницами“ (мотыгами) пашут по горам и холмам, очищая небольшие участки от леса и камней. Описывает автор, как „бьют животину“: „... а животину бьют всякою, повеся за нагу за заднюю на дерево, да вынет саблю да отрубит головы; а харавину снимет да и кишки выкинет, а в части не рубит, так в котел и положит“. К столу мясо несут на носилках. Столы заменяют „долгие“ доски, которые кладут прямо на землю. Вокруг этих досок, заменяющих не только столы, но и скатерти, садятся на землю, поджав ноги, причем повар разносит „боровую кашу“, „лопатою из котла черпуючи“. Автор отмечает, что в Дадианской земле виноградного питья „добре довольно“. О горах автор пишет, что в Дадианскую землю „из Олегукиной Кабарды путь тесен, горы непроходимые, а конной дороги отнют нет“, а пешие ходят „с горем“. Привлекли его внимание и вечные снега: „... а промеж гребней лежит снег от зачатья свету; который год снег идет и тот себе слоem обледенев и лежит, а которые снега старые, от прежних лет и те лежат позеленев, аки турецкой купороской“ (т. е. зеленые, как турецкий купорос).

Статейные списки второй половины XVII в. отражают типичный для этого времени интерес к быту. В них больше внимания

к природе посещенных стран, к нравам их жителей, к непосредственным жизненным впечатлениям.

Вкусы и интересы москвичей второй половины XVII в. оставили значительные следы в содержании статейных списков. Многие из того, что задумывалось на Москве — разведение красивых садов, устройство театра, заведение органной музыки или европейской обстановки, открытие больниц, мощение каменных мостовых, устройство фонарного освещения и т. д. — все это сказалось в особенно пристальном внимании послов к этим сторонам иноземного быта.

Один из статейных списков, живо отразивших впечатления послов от иноземных стран, относится к 1659 г. и принадлежит посольству Василия Лихачева.¹

Лихачев с многочисленными спутниками (28 человек) выехал из Архангельска в непривычное для москвичей длительное морское путешествие на английском корабле. Послы обогнули Европу и, нигде не останавливаясь, прибыли в Ливорно. По дороге умер Тимофей Топорковский — переводчик с итальянского языка, волною снесло „во мгновение ока“ „рабочего человека“, бурей проломило у корабля „скулу“, несколько раз угрожали турецкие корсары. Уже в виду Ливорно корабль трепала буря, и морская вода „рядом лилась“ на корабельные палубы. „Корабельные деревья (мачты) все переломало и к воде склонило: по кораблю ходить стало нельзя, веревками перевязывались; а с корму в казенку (каюту) вода врывалась“.

Впечатления от Ливорно скупо отражены в статейном списке. Сказано лишь, что город „безчисленно строен и люди тщательны“. Более подробно описана его гавань, в которой послам пришлось задержаться на корабле довольно долго. Пространно описано пребывание послов во Флоренции. Центральное место в этом пребывании составлял парадный обед у флорентийского „князя“. На обеде, на котором „яства были все деланы с вымыслом мастерским“, „пили государское многолетнее здравие, и про царицино, и про царевичев, и про царевен“, а „прежде питья титлы

---

¹ Напечатан: Древняя российская вивлиофика, ч. IV.

говорили полные“, следовательно не было нанесено урону чести Русского государства.

Особо отмечено в статейном списке все, что могло заинтересовать двор Алексея Михайловича: органы, увлечение которыми во второй половине XVII в. составляло характерную черту придворного быта на западе, театральные представления, сады, зверинец. Поразила послов музыка: „...а за тем и игр, органов, кимвалов и музыки много; а иные люди сами играют в органах, а никто ими не движет; а много описать не уметь: по тому, кто чего не видал, тому и в ум не придет“.

„А в садах красота и благоухание ароматное, древа все кедровые и кипарисные. В феврале месяцы плоды зреют: яблока предивныя и лимоны двои: одни величеством по шапке, и виноград двойной: белый да вишневый, и анис. А питья, вино церковное свежее, и белое французское, и малвазия, и аликант; а водок нет никаких, только лишь яковитка“.

Особая глава „О комидиях“ посвящена театральным представлениям. Незнание итальянского языка не позволило русским послам понять смысл театрального действия. Статейный список касается лишь внешней стороны зрелища: „перемен“ и что в переменах „объявилось“. „Объявились палаты, и быв палата и вниз упадет“; „спущался с неба же на облаке сед человек в карете, да против его в другой карете прекрасная девица, а аргамачки под каретами как быть живы, ногами подрягивают: а князь сказал, что одно солнце, а другое месяц“. В заключение главы статейный список приводит и цену театральных постановок (8000 ефимков), очевидно имея в виду устройство подобных же представлений в Москве.

В ответ на приезд в Москву венецианского посла Альберто Вимшина да Ченеда, имевшего целью заключение союза против Османской Порты, в следующем 1656—1657 г. по стопам Лихачева через Архангельск было отправлено в Венецию посольство Чемоданова. Статейный список Чемоданова¹ носит еще более

¹ Напечатан: Древняя российская вивлиофика, ч. IV..

официальный и деловой характер, чем статейный список Лихачева.

Испытав „волнение безмерное“ и нападение „турских воровских людей“, корабль с посольством пристал к Ливорно. Путешествие по Италии описано с официальной сухостью и деловитой мелочностью. Подробно изложены детали церемоний: как „честь воздавали“ посольству и царю, как пили государеву чашу, сняв шляпы, как сели за стол на торжественном обеде, как жители городов, встречая посольство, кричали „виват“, и т. д. Затем лаконично даются некоторые сведения о внешности виденных посольством городов и крепостей.

Ко второй половине XVII в. относятся попытки завязать торговые отношения с Испанией и Францией. Статейные списки посольства Потемкина, побывавшего сперва в Испании, а затем во Франции, помимо официальной части — описания приемов, церемоний и пересказов произнесенных речей — заключают некоторые, впрочем самые скупые, характеристики посещенных мест.¹ В Испании, например, посольство Потемкина посетило дворцы и сады Севильи, Мадрида, Эскуриала, которые показывал им „пристав Францышка де Лира“. В заключении первого статейного списка дается подробная характеристика международного положения Испанского государства, перечисляются титулы испанских „великородных людей“, в общих чертах описывается одежда испанцев, торговля, монеты, земледелие, затем характеризуются, по рассказам, испанские колонии и бискайская земля, в которой горы „безмерно высоки“, так что „облаки трутся об тех горах“. Среди этих деловито и скупко составленных описаний встречаются кое-где и личные впечатления послов: „... в испанском государстве воздух здоров и весел“, испанцы „в нравах своеобычны, высоки“ и т. д.

Из Испании Потемкин отправился во Францию ко двору Людовика XIV. Статейный список посольства Потемкина, дважды переведенный в XIX в. на французский язык (полностью и в от-

¹ Напечатан там же. См. также статью В. Иконникова об Ордыне-Нащокине: Русская старина, 1883, X.

рывках), еще скупее личными впечатлениями послов, чем статейный список путешествия по Испании. Несмотря на то, что, по французским известиям, посланники просили показать им все замечательное в Париже и в окрестностях его, были в знаменитой гобеленовой мастерской у живописца Ле-Брена, в Лувре, Венсене, Версале, Сен-Клу, Сен-Жермене, восхищались фонтанами и присутствовали на представлениях обоих парижских театров, в одном из которых Мольер показывал им своего только что поставленного на сцене „Амфитриона“, — несмотря на все это, составитель статейного списка остался безучастен к этой стороне путешествия посольства. Великолепный двор Людовика XIV в Сен-Жермене, пышностью которого французы хотели поразить русских послов, удивил их, напротив, простотою церемоний, любезностью и „великим учтивством“ короля. Вместе с тем, большое впечатление вынесли от посольства сами французы, удивлявшиеся (в стихотворной газете) великолепию подарков, присланных Людовику XIV. Споры со сборщиками податей и с хозяевами гостиниц, недоразумения из-за титула царя в грамотах Людовика XIV к Алексею Михайловичу, описание церемониалов, приемов и обедов составляют основное содержание статейного списка. Лишь в конце его отмечено, что „люди во французском государстве человечны и ко всяким наукам, к философским и рыцарским тщательны“, что школ в Париже „безмерно много“ и по всей Франдии „города великие и многолюдные, и крепкие, и пехоты в городах много ж, и сел и великих деревень много и людно безмерным обычаем“.

К самому концу XVII в. относится путешествие на Мальту знатного московского боярина Бориса Петровича Шереметева.¹ Шереметев командовал против турок русским войском под Белгородом, успешно действовал в первом Азовском походе Петра (1695 г.) и хотя отправился в Италию „по своей охоте“, но неофициальной целью своего путешествия, очевидно, имел заключение против турок военного союза с „славными в воинстве“

---

¹ Описание его путешествия напечатано в „Древней российской вивлиофике“, ч. V.

мальтийскими кавалерами. Ко времени своего путешествия (1697—1699) Шереметев имел уже 45 лет от роду и изрядный дипломатический опыт. В 1686 г. он участвовал в переговорах с польским королем Яном Собеским, а затем бывал в Вене у императора Леопольда.

Путешествие Шереметева было обставлено с чрезвычайной помпой. Он истратил более 20 тысяч рублей, тогда как обычные посольства, обставлявшиеся с достаточной пышностью и отличавшиеся многолюдством, тратили не более полутора тысяч.

Шереметев, не скупясь, одаривал европейских государей, папу, кардиналов и гротмейстера мальтийских рыцарей, нанимал сотни людей, предварительно очищавших для него дорогу в Альпах, несших его „рухлядь“, служивших ему в пути и т. д.

Описание путешествия Шереметева составлено одним из его участников, который с подобострастием подчиненного следил, главным образом, за действиями своего господина, отмечал, где он бывал „своей особою“, какие боярин „изволил в том пути принимать великие себе трудности“ и т. д. Это уже не статейный список, но произведение еще очень близкое к этому типу литературы. Как и статейные списки, описание путешествия Шереметева ведет подробный счет его расходам, отмечает церемонии проводов и „визитаций“, описывает прием у папы и кардиналов, у владетельных особ, у мальтийского „гранмиистра“. Автор точно отмечает, в скольких каретах приехали к боярину гости для отдачи визитации, где встретили боярина, до какой палаты проводили, сколько раз стреляли из пушек „для гонору боярского“, кто спрашивал о здоровье и, спрашивая, снимал ли шляпу, не было ли в чем урону царской чести, было ли на приемах в питье и в „канфектах“ великое „уконтенткование“.

Наиболее трудная часть пути Шереметева пришла на Польшу, где худые и грязные дороги и внутренние беспорядки, доставляли много хлопот многолюдному посольству и вынудили Шереметева „утаивать достоинство свое и имя“. Несмотря на это, Шереметева встречали всюду торжественно, а в Замойске у пана Шидловского „банкетовали и танцовали часу до осьмого ночи с паньями,

которые пришли из замку от паньи Подскарбиной“ (графини Замойской).

В Кракове Шереметев присутствовал на торжественной мессе, в Вене был принят императором Леопольдом. Католическое духовенство усиленно ухаживало за Шереметевым, очевидно, рассчитывая получить в России в его лице мощного покровителя. В особенно торжественной обстановке принят был Шереметев папою, с которым, как равный, обменялся богатыми подарками.

Переправляясь на Мальту, Шереметев по приглашению мальтийцев принял на себя командование мальтийской флотилией из нескольких галер. Встреча с турецкими кораблями дала повод Шереметеву выказать отменное хладнокровие, восхитившее мальтийцев.

На Мальте Шереметева встретили с необычайной пышностью. В нем видели победителя турок, т. е. человека, способствовавшего решению задачи, которую преследовал мальтийский орден, и наградили мальтийским крестом, после чего гроссмейстер „здравствовал боярина в ковалеры“.

На обратном пути в Неаполе Шереметев видел извержение Везувия и посетил иезуитскую академию, где учащиеся поздравляли его латинскими стихами и показывали „великие игры“.

Повидимому, официальная пышность путешествия Шереметева не дала возможности его участникам подробнее всмотреться в мелочи быта и жизни итальянских государств. Сам Шереметев инкогнито ездил в Венецию, чтобы видеть венецианский карнавал, но автор описания путешествия его не сопровождал и впечатления Шереметева остались для нас неизвестными.

Заканчивается описание путешествия Шереметева подробным титулом последнего, в котором полученное им звание мальтийского „кавалера“ заняло почетное место.

В царствование Петра официальные статейные списки дают начало новому жанру — частным дневникам путешествий. Эти дневники путешествий своею обстоятельностью, точностью и

наблюдательностью во многом обязаны литературной традиции статейных списков. Отсюда они заимствуют умение вести повествование, стремление запечатлеть все новое, свой патриотизм, порой критическое отношение к иноземным обычаям. Вначале эти дневники путешествий еще наивны и грубоваты в отборе впечатлений, но уже в конце XVII в. — в дневнике путешествия стольника Н. Толстого — перед нами умное и деловитое произведение литературы нового времени.

Знаменитое Великое посольство 1697—1699 гг., в котором инкогнито под видом десятника Петра Михайлова принимал участие сам Петр I, отразилось в путевом журнале Неизвестного.¹ В XVIII в. авторство „Журнала путевого“ было приписано Петру. В 1788 г. он был издан под названием „Записная книжка любопытных замечаний Великой особы, странствовавшей под именем дворянина российского посольства в 1697—1698 гг.“. Маршрут Неизвестного сильно отличается, однако, от маршрута Великого посольства и Петра. Неизвестный подробно описывает, например, свое путешествие по Италии, куда ни Петр, ни посольство не заезжали. Неизвестный автор „Журнала путевого“ был, повидимому, довольно знатным лицом. В Гааге он едет в одной карете с главой посольства — Лефортом, один отдает формальный визит цесарскому послу, самостоятельно сносится с сановниками папского двора.

Обстоятельства пребывания Великого посольства известны довольно хорошо. Это не было обычное русское посольство. Пышность его, стоившая русскому государству около 2¹/₂ миллионов рублей, должна была прикрывать собой простой образ жизни Петра за границей и поддерживать его престиж.

Великое посольство представляло собою многочисленную толпу, чрезвычайно разнохарактерную и цестро одетую: послы, часть двора, пажи и трубачи в европейском платье, посольские лакеи в красных ливреях с серебряными галунами, гайдуки в красных суконных кафтанах по-венгерски с серебряными топориками,

---

¹ Русская старина, 1879, XXV.

волонтеры в зеленых русских кафтанах с серебряными плетеными нашивками, затем татары, калмыки и монголы в „добром“ национальном платье с саблями и саадаками, подьячие, собольщики и, наконец, имеретинский царевич в полном кавказском наряде — составляли для иностранцев удивительное зрелище.

Чтобы покрыть непредвиденные расходы по содержанию такого многолюдного и пышного посольства, голландское правительство, снабжавшее его столовыми припасами, предоставлявшее ему квартиры и лошадей, даже ввело дополнительные налоги на свое население. Несмотря на радушный прием, отношения Великого посольства с местными властями отличались по обычаю того времени мелочною придирчивостью и строгим наблюдением за выполнением этикетных правил обеими сторонами. Однако эта официальная сторона путешествия, составлявшая обычно важную часть содержания статейных списков, почти не отразилась в „Журнале путевом“. В большей мере, чем какое бы то ни было другое описание путешествия, журнал Неизвестного отражает на себе частные интересы своего составителя, черты живой непосредственности и праздного любопытства. В то время, когда Петр осматривал в Голландии мануфактуры, лесопильни, сукновальни, учился артиллерии, работал плотником на верфи в Саардаме, слушал лекции по анатомии, Неизвестный ищет лишь развлечений, дивится фокусникам, уродам, акробатам и усердно осматривает различные курьезы. „Журнал путевой“ во всех отношениях представляет собою скорее дневник досужего лица, путешествовавшего „по своей охоте“, чем отчет члена Великого посольства, дипломата или мемуариста.

В Голландии Неизвестный видел зажигательное стекло, хамелеона, танцующую собачку, кукольную комедию, анатомирование трупа, персону из меди, травлю быков собаками, рыбу-пилу, „фонтаны предивные“, младенца о двух головах, чучело крокодила, канатоходцев, „метальника“, „который, через трех человек перескоча на лету обернется головою вниз и станет на ногах“, морскую потеху — примерный морской бой, устроенный для посольства, слона великого, „который играл миноветы, трубил

по-турецки, по-черкасски, стрелял из мушкетанта и многие дела забавы“.

Неизвестный посещал синагоги, церкви квакеров, приюты, госпитали, ярмарки. „В Остродаме ужинал в таком доме, где стояли нагие девки; кушанья на стол и пить подносили все нагие, а было их пять девок, только на голове убрано, а на теле никакой нитки; ноги перевязаны лентами, а руки флерами“. В Венеции Неизвестный смотрел, как играют сенаторы мячом кожаным: „надут духом, гораздо бьют руками, а на руках у их, кто играет, в то время инструмент точеной, деревянной, будто лукошко“. В Венеции же Неизвестный видел, „как хитро мужик делал: два гвоздя железные в нос забил и на тех гвоздях на веревке малого поднимал лет 18-ти. Он же камень ел и воды выпил ушат большой...“. Во Флоренции Неизвестного поразила лошадь, „которая имела гриву 11 сажень длины, мерял сам“. В Риме у князя Панфилия (Phamphili) особенно заинтересовал фонтан: „Мужик на лошади в рог трубит очень громко, водою же. Еще на горе девять девок лежат, у каждой флейта в руках и органы великие: как пустят воду — девки и органы играют очень приятно, никогда не вышел бы“.

Наивный интерес к диковинкам и курьезам и жажда развлечений резко отличают дневник Неизвестного от других русских путешествий своего времени. Больше всего Неизвестного привлекают различные монстры, „натуральные вещи“, аптеки с анатомическими редкостями и акробатические хитрости „метальников“. Другие впечатления Неизвестного отражены в „Журнале“ отрывочно и неполно. Вот, например, запись о виденном им в Генуе фонтане Микель Анджело: „Фонтаны превеликие: три лошади, на них мужик стоит, у средней лошади из языка вода течет, а у тех из ноздрей; кругом тех лошадей робятки маленькие из мрамора высечены“. Запись эта показывает, что гениальное произведение Микель Анджело произвело на Неизвестного не большее впечатление, чем восковая фигура в доме курфюрста Бранденбургского, на которую „что ближе смотришь, то больше кажется жив“.

Описания городов еще напоминают сухие отчеты статейных списков: „Город велик, — пишет Неизвестный о Флоренции, — по улицам нечисто, дома изрядного строения, окончины бумажные, редко — стеклянные“. В Генуе Неизвестный записал следующим образом о виденном: „Сад хорош и фонтаны текут“, „в церкви были, — все золото, велика“. Перед нами действительно записная книжка, со всем присущим для записных книжек лаконизмом и отрывочностью.

На обратном пути во Франкфурт Неизвестный записывает меню своего обеда: „Обедали в Франфорте от персоны по ефимку. Яствие было: салат, гусь жаркой, 3 курицы в расоле, потрох гусиной, оладьи пряженцы, капуста с маслом, дрозды жаркие, да фруктов блюдо; тут же и ужинали и ночевали“. Только под конец путешествия Неизвестный отвлекается от развлечений: „Проезжали князя курляндского землю; самой нужной проезд; народ убогой, хуже наших русских“.

Одно из наиболее замечательных литературных явлений конца XVII в. — дневник путешествий по Италии стольника П. Толстого,¹ впоследствии министра Петра и следователя по делу его сына Алексея.

Будучи человеком не первой молодости (52 лет) и воспитанником московских порядков середины XVII в., Толстой добровольно вызвался ехать за границу обучаться морскому делу, „знать чертежи, карты и прочие признаки морские“.

Толстой первый из русских путешественников смог составить себе благодаря знанию итальянского языка² довольно точное представление об общественных и политических учреждениях, „обыкностях“ и культурной жизни Италии.

Толстой беседовал с самыми разнообразными людьми, с некоторыми входил даже в дружбу, знакомился с библиотеками, гостеприимствами, школами, с неутомимой энергией передвигался с места на место — то ища встречи с турецкими корсарами, то восхищаясь

¹ Русский архив, тт. I и II, 1888.

² Толстой знал итальянский язык настолько, что отмечает в дневнике разницу в итальянских наречиях.

„красовитыми местами“; присутствовал при судопроизводствах, ученых диспутах, религиозных процессиях; вступил однажды в спор с капитаном, когда увидел, что тот неправильно определил местонахождение судна в пасмурную ночь. Несколько раз корабль Толстого трепала буря так, что „пушками чертило по волнам морским, и вода взливалась на верх корабля от великих валов“. Марцильясы, галиасы, галеры, пиоты, фрегадоны и прочие типы кораблей постоянно встречаются в его рассказе. Итальянские, голландские, а часто и русские морские термины пересыпают его повествование. После одного из плаваний в Адриатическом море, во время которого видел „много смертных страхов“, Толстой получил лист, свидетельствовавший его личное бесстрашие и знание им морского дела. В этом листе капитан фрегата Кара-тели свидетельствовал, что Толстой „купно с солдатом (спутником Толстого) всегда был небоязлив, стоя и опираясь злой фортуне“.

Там, где предшественники Толстого, Чемоданов и Лихачев, видели лишь „яблоки“, на которых „написаны всех государств земли“, Толстой мог определить уже „глобусы“. Толстой отмечает, что непомерная жара в Неаполе происходит от того, что он „близок к экватору“: „Всего высоты на сороке трех градусах“. В одном из венецианских монастырей его восхищает библиотека в 15000 томов, он подробно описывает миланское книгохранилище и „дохтурскую академию“ в Падуе, а также падуанские горячие воды, причем с похвалой отзываясь о разуме „обитателей итальянских“. В Венеции Толстой обращает внимание на то, что „ученых людей зело много“, а во Флоренции отмечает обилие мастеров и живописцев. Толстой касается содержания церковных проповедей, интересуется книгами. В Польше он ссылается на „гистории печатные, на польском языке“, в Венеции при описании города отсылает к печатной „Венецкрь истории“ на итальянском языке, в Сербии он обратил внимание на „церковные книги московской печати“, в неаполитанской библиотеке знакомится с книгой о Московском государстве.

Подробно описывая виденные им здания, Толстой делает правильные архитектурные наблюдения. Так, например, он отмечает

сходство деталей Миланского замка с одновременной ему по построению московской Грановитой палатой. Он отмечает отличия неаполитанской архитектуры от остальной итальянской, которая „в иных местах подобиется много московскому палатному строению“. В описании различных диковинок и предметов искусства Толстой больше, чем его предшественники, интересуется тем, как они сделаны, откуда привезены, какой работы. В Падуе в костеле францисканцев его поразило „стенное письмо по многим местам греческой работы“, в Варшаве в королевском дворе он обращает внимание на обилие картин „итальянских дивных живописных писем“. Больше всего Толстого поразили в Италии остатки античности, которые он внимательно осматривал в окрестностях Неаполя. Особенное впечатление произвели на него остатки фресок („на левкасе и на извести“) в развалинах „божницы поганского (языческого) бога Каприссория“; „Предивною и удивления достойной работы было то дело, и какую живностию изображены те поганских богов образы, о том подлинно описать не могу“.

Настоящим знатоком показывает себя Толстой во всем, что касается внутреннего устройства помещений и одежд. Подробно описывает Толстой обивку стен и мебели, шпалеры, бархаты, галуны, бахромы, затем зеркала, фонтаны, кресла, каминны, „вещи стекольчатые“, кареты, коляски и т. д. Читая дневник Толстого, удивляешься, как точно и подробно видел все его жадный до роскоши глаз москвича. Восхищение Толстого вызывают и итальянские сады, на описании которых он всегда подробно останавливается, отмечая иногда, что в каком-нибудь из них он „гулял, мешкая час довольный“. Здесь его внимание привлекают фонтаны, стрижка деревьев, сорта деревьев, подробно им перечисляемые („лимоны, померанцы, миндали, оливы, каштаны, персики, сливы, разных родов дули, груши, яблоки, орехи грецкие, черешни, вишни и иные всякие овощи“), и т. д.

Подробно описывает Толстой быт и нравы Венеции, уличную жизнь, удобства венецианских „остерий“, каналы, от которых „дух зело тяжелый“, процессии, церемонии и одежды, которые

он отличает от одежд других венецианцев и французов. „Женский пол и девицы всякого чину убираются зело изрядно особою модою венецкого убору и покрываются тафтами черными сверху головы даже до пояса, а иные многия убираются по-французски. В женском поле употребляют цветных парчей травчатых больше, и народ женский в Венеции зело благообразен и строен и политичен, высок, тонок и во всем изряден, а к ручному делу не охоч, больше заживают в прохладах“. На площади св. Марка его привлекают кукольные комедии, проповеди „законников“, бродячие астрологи, акробаты, знаменитые „боевые часы“, здесь же видел он человека с двумя головами, чьи „персоны“, т. е. изображения, „ныне и в России обретается немало“. В игорном доме в Венеции Толстой удивился, что „играют молча, для того, что ни подбору в картах, ни обману, ни обчету в деньгах отнюдь не бывает“. Заходил Толстой и во дворец дождей. Не понравились Толстому только танцы: „... а танцы итальянские не зело стройны: скачут один против другого вокруг, а за руки не берут друг друга“. Венецианский карнавал вызывает следующее замечание: „И так всегда в Венеции увеселяются и не хотят быть никогда без увеселения, в которых своих веселостях и грешат много“. Описав карнавал, Толстой следующим образом обобщает свои наблюдения, с очевидным намерением противопоставить венецианские порядки московским: венецианцы, по его мнению, „ни в чем друг друга не зазирают и ни от кого ни в чем никакого страху никто не имеет: всякий делает по своей воле, кто что хочет. Та вольность в Венеции и всегда бывает, и живут венециане всегда во всяком покое, без страху и без обиды и без тягостных податей“. От его наблюдательного глаза не ушли и внутренние противоречия венецианской жизни. Отмечая ссоры и драки, которые часто происходят между жителями двух сторон Венеции, Толстой добавляет: „Да и нарочно венецкие сенаторы подлый народ костелянов с николистами ссорят, чтоб они не были между собою согласны, для того, что боятся от них бунтов, и бывают между подлым народом у николистов с костелянами великие кулачные бои“.

Политическое устройство и политические учреждения иноземных государств привлекают особенно пристальное внимание Толстого. Критически относится он, например, к политическим порядкам в Польше. „Для елекции (выборов короля) через реку Вислу сделан был мост на судах и по тому мосту стоял караул, потому что во время елекции между поляков бывают многие ссоры, ибо также и у Литвы между собою, и у поляков с Литвою бывают многие драки и смертное убийство; а больше на мосту дерутся за ссоры и за пьянство, и всегда у них между собою мало бывает согласия, в чем они много государства своего потеряли“. Особенно возмущает Толстого отсутствие постоянного моста в Варшаве через Вислу. „А начальники польские, — замечает он по этому поводу, — то видя, за бездельным своим гулянием моста через ту реку под Варшавой не имеют для успокоения народа“.

Дневник Толстого обильно насыщен иноземными словами и выражениями, иногда сопровождаемыми им пояснениями: „Фрегадон наш шел бордами, а по-голландски лавирами“, „был я на оружейном дворе, который двор по-итальянски зовется арсинал“, „невеликие штилеты подобны ножам остроколым“, „фрукты, т. е. овощь“, „батименты, т. е. суда“, „декрет, т. е. вершение делу и указ“, „вахта, т. е. караул“ и т. д. Эти разъяснения и переводы представляют драгоценный материал для истории русского языка.

Выказывая себя представителем нового мировоззрения, Толстой вместе с тем на каждом шагу проявляет себя знатоком религиозных обрядов, детально описывает различные богослужебные церемонии католических, лютеранских, кальвинистских, униатских церквей и сравнивает их с богослужебными обычаями „благочестивой греческой веры“.

Подробно и систематически останавливается Толстой на различных религиозных достопримечательностях, встреченных им в итальянских городах, входит в сношение с греческим духовенством, жившим в Италии, и специально посещает город Бар, чтобы поклониться там мощам Николая Чудотворца.

Возникшие на основе литературной традиции статейных списков дневники путешествий на Запад во многом предваряют литературу нового времени. В старые формы литературного языка и в традиционные нормы литературных жанров не укладывались новые жизненные впечатления, обильно нахлынувшие на их авторов во время их трудных, длительных, а порой и опасных странствий. Эти новые впечатления встречали их во всех странах, во всех слоях европейского общества — от дворов иностранных государей и до шумной толпы уличного „машкерада“. Они и в самом деле были оглушительны и ошеломляющи. Надо было иметь необыкновенное самообладание, чтобы систематически и литературно излагать все эти калейдоскопически пестрые наблюдения, и естественно, что они не укладывались ни в какие привычные нормы. В языке записок смешивается книжная речь с разговорной, славянизмы с руссизмами, иностранные слова всех европейских наций. Так же пестры эти записки и по содержанию: в них можно встретить и наивное удивление их авторов от различных „кунштов“ и первые попытки критически отнестись ко многим недостаткам социальной жизни виденных стран. В записках этих уже мало специфически „древнерусского“. В них, может быть, ярче, чем где бы то ни было, отразился переход от старого к новому.

Итак, статейные списки сыграли большую роль в развитии русской прозы. В них вносились черты живой действительности, свежих впечатлений, деловой язык смешивался в них с разговорным, развивалось искусство диалога, искусство ведения повествования. Статейные списки подготовили появление сложной литературы путешествий: путевых записок и литературно обработанных повествований — вроде повествования стольника П. Толстого.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Общие замечания

Отчеты русских послов о их пребывании за границей — вестовые и статейные списки — появляются в „Посольских делах“ уже с XV в. В XVI и XVII вв. эти списки становятся неотъемлемой частью „Посольских дел“ — почти каждая миссия русского посла за границу сопровождается специальным отчетом; в некоторых случаях послы представляют по несколько списков за одно посольство.¹

Из огромного числа дошедших до нас статейных списков нами выбраны для настоящего издания шесть наиболее интересных в литературном и историческом отношении, в том числе один неизданный (посольство Новосильцева в Турцию).

Как составлялись отчеты послов об их путешествиях, кто их писал и каким образом они вносились в „Посольские дела“? Проверялось ли их содержание предварительно и корректировались ли они кем-либо? Вопросы эти не только не разрешены, но даже не поставлены в исторической науке: посольские списки, насколько нам известно, ни разу не были предметом специального исторического исследования.² Единственное свидетельство, которое мы имеем в данном случае, — часто цитируемое замечание беглого подьячего Котошихина, весьма скептически оценивавшего известия статейных списков: „И кто что в посольстве своем говорил какие речи сверх наказа, или которые речи не исполнят против наказа: и все те речи, которые говорены и которые не говорены, пишут они в статейных списках не против того как говорено, — прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство, чрез чтоб доставить у царя себе честь и жалованье большое; и не срамляются того творити, понеже царю о том кто на них может о таком

¹ См. стр. 327.

² Несколько слов о статейных списках содержится в работе С. А. Белокурова: О Посольском приказе, М., 1906, стр. 72; а также в предисловии М. А. Полневкова к изданию „Посольство стольника Толочанова и дьяка Ивлева в Имеретию“, Тифлис, 1926, и в его книге „Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе“, Тбилиси, 1932.

деле объявити?"¹ Как и остальные желчные замечания Котошихина, эта его характеристика статейных списков, несомненно, требует самого критического отношения к себе. Однако, для того чтобы проверить ее правильность, необходимо как раз выяснить, как в действительности составлялись статейные списки.

Кое-какой материал для такого исследования можно найти в самих списках, в том числе и в списках, публикуемых в настоящем издании. Внимательно читая „Список посольства Федора Писемского да подъячего Неудачи Ховралева“, мы находим там некоторые указания по вопросу об авторстве статейных списков. Посольство состояло из двух лиц — Писемского и Ховралева, но функции этих лиц были различны. Писемский, один из наиболее опытных и талантливых русских дипломатов XVI в., имел от Ивана Грозного особые поручения, не доверенные его помощнику. 20 января 1581 г., когда Писемский и Ховралев находились в Ричмонде у Елизаветы, Писемский был вызван к королеве на тайную аудиенцию. „Королевнин советник“ сказал Ховралеву: „А тебе де королевна велела посидеть здесь в столовой палате; а как будет время и тебе королевна велит же у себя быть“. Далее список сообщает о разделении участников посольства: „Федор, взяв с собой толмача Елизара, с советники пошел к королевне, а Неудача остался в столовой палате“. За кем же теперь следит статейный список: за ушедшим Федором или за оставшимся Неудачей? Оказывается, за Неудачей. Здесь говорится о лицах, оставшихся с ним в „столовой палате“, о вызове его к королеве и о речах, обращенных Елизаветой лично к нему. Ясно, что автором этих строк, как, вероятно, и остального списка, был Неудача Ховралев — подъячий и секретарь посольства. Но тайная аудиенция Федора Писемского тоже нашла отражение в списке. После окончания основного текста списка мы читаем новый заголовок: „А се таков список посольства тайново подал государю Федор Писемской“. Эта часть списка, несомненно, написана самим послом. Итак, отчет о посольстве Писемского был написан двумя лицами.

В статейном списке Писемского следы двух авторов обнаруживаются в разных местах списка. В списке посольства „дворянина Григория Ивановича Микулина да подъячего Ивашки Зиновьева“ в Англию (1601 г.) мы замечаем следы работы двух лиц в одном и том же месте. Произошло это благодаря счастливой для нас случайности. В рукописи ЦГАДА, сохранившей текст статейного списка Микулина, дважды повторяется несколько листов (в заключительной части списка). Внимательно просматривая эти дублированные листы, мы обнаруживаем, что они не вполне совпадают между собой: перед нами два разных варианта одного текста. Один из этих вариантов (повидимому, окончательный) мы включили в основной текст списка (стр. 198), другой — поместили в „Археографическом обзоре“ (ниже, стр. 352), отметив (разрядкой и подстрочными

¹ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 52.

примечаниями) различия между ними. За исключением нескольких, чисто стилистических, различия эти сводятся к одному: текст, публикуемый нами ниже, систематически упоминает рядом с „Григорием“ — Микулиным еще и „Ивашку“ — Зиновьева; основной текст отодвигает Ивашку на второй план, но зато включает ряд подробностей, относящихся к одному Григорию Микулину. Здесь, например, не упоминается, что „эрл Дарбей“ встречал наряду с „Григорьем“ еще и „Ивашку“; не указывается, что „Иван“ наряду с „Григорьем“ отказался от угощения „овощами и вином“, когда Елизавета не передала окончательного ответа царю; не упоминается, что „лорд Ефимгам“ передал вторичное приглашение к королеве обоим лицам, „Григорью и Ивашку“. Зато мы читаем в основном тексте подробное описание того, как Микулин „дождался“ (а не „дожидались“) приглашения к Елизавете, кто с ним в это время сидел, как его позвали к королеве. Говоря о том, как участников посольства звали „к руке“ королевы, автор шепетильно подчеркивает, что „подьячего Ивашка“ позвали „после Григорья“. Еще более интересны речи Микулина к Елизавете (с выражением благодарности за „любовь“ к царю), читающиеся в основном тексте и отсутствующие в другом. Естественно возникает предположение, что один из текстов восходит к Зиновьеву, а другой (основной) — к Григорию Микулину. Несомненно также, что оба текста не должны были сосуществовать рядом на страницах „Посольских дел“¹: отмеченная нами дублировка случайна и в других местах списка не встречается. Один из текстов представляет собой первоначальный вариант, связанный с одним из участников посольства, другой — его обработку на основании материалов, собранных обоими участниками. Какой же из текстов является первоначальным, какой окончательным? Вероятнее предположить, что первоначальные и основные записи вел, как и в списке Писемского, подьячий — „Ивашка“; посол же, которому принадлежало последнее слово, выбросил чересчур частые и нескромные упоминания своего помощника о его роли в переговорах¹ и вставил зато более точный и пространственный список речей, произнесенных и слышанных лично им.

Так или иначе, мы встречаемся здесь с указанием на то, что статейный список, читающийся в „Посольских делах“, не был идентичен тому отчету-дневнику, который велся во время пребывания послов за границей. При включении в „Посольские дела“ предварительный отчет подвергался какой-то обработке и исправлению.

Более определенное представление о характере такой обработки мы можем получить из одного статейного списка, который (не представляя особого интереса в литературном отношении) не включен в настоящее издание. Это — список Сугорского и Арцыбашева, послов, ездивших в 1576 г. к германскому императору

¹ Доказательством этого могут служить явные ляпсусы основного текста — следы множественного числа в протографе: „Говорил естя с моими бояры“ (стр. 200); „Григорей . . . пошли ис полаты“ (стр. 202).

Максимилиану II. Статейный список этих послов, содержащийся в „Посольских делах“ („Книгах Цесарского двора“, ЦГАДА) довольно давно известен в исторической науке.¹ Но существует и другой список Сугорского и Арцыбашева, лишь недавно введенный в научный оборот. Находится он в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.² Сравнение этой рукописи со статьейным списком, содержащимся в „Посольских делах“, обнаруживает значительную разницу между ними. Список, сохранившийся в ГПБ, как и известный прежде текст, построен в форме дневника, но это — дневник в гораздо более точном и буквальном смысле, чем текст „Посольских дел“ и вообще чем все известные нам посольские списки. Все события (и даже грамоты, полученные послами) расположены здесь по дням, причем автор не пропускает ни одного дня, ни одного, даже самого мелкого события, ни одного пункта на пути послов. Список из „Посольских дел“ опускает множество подробностей, сохранившихся в этом дневнике — он гораздо более краток и деловит. И вместе с тем оба источника, несомненно, теснейшим образом связаны между собой: в ряде мест они текстуально совпадают. Едва ли можно сомневаться, что именно официальный текст, внесенный в „Посольские дела“, является окончательным текстом, сократившим первоначальный текст дневника, — выпустив значительную часть несущественного с государственной точки зрения материала, статейный список в ряде случаев исправляет неверные показания дневника.³ Перед нами, таким образом, опять пример обработки предварительного отчета-дневника, но пример гораздо более разительный. Если от предварительного текста списка Микулина сохранилось всего несколько листов, то здесь мы встречаем целый предварительный дневник. И масштабы обработки также оказываются значительно большими, чем мы могли думать: окончательный список во много раз сократил свой первоисточник.

Более внимательное сличение предварительного и окончательного списка Сугорского позволяет сделать еще одно наблюдение. Редактор списка не только сократил предварительный дневник, не только исправил отдельные показания, но и сделал некоторые добавления к тексту. Исправить текст можно было, быть может, с помощью простых припоминаний участников посольства. Но откуда взялись дополнения? Одно из них, повествующее о визите нескольких членов посольства („государевых дворян Третьяка и Мамлея“) в костел, занимает в печатном издании⁴ две колонки убористого текста. Здесь мы читаем подробные указания, где сидел „цесарь“, где „посол папы римского“, где „цесаревы

¹ ПД, т. I, стлб. 664—696.

² ГПБ, Эрмнт., 98. Ср.: Я. С. Лурье. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. Исторические записки, т. 27, 1949, стр. 291.

³ Например, неверная дата приема послов в „Дневнике“ (14 июля) исправлена в списке (16 июля) (см. там же, стр. 295, прим. 17).

⁴ ПД, I, стлб. 679—681.

сыны", как "государевых дворян" "поставили на переходах мало не над цесарем", как в церковь "взошли немки и девки многие", как они "стояли на перилцах и на стулах присиживали", как "по цымбалам и по трубам дьяки пели" и т. д. Чтобы внести все эти подробности в текст статейного списка, редактор, кроме предварительного дневника, должен был обладать дополнительным источником — чьими-то записями, сделанными параллельно с дневником. Подобный дополнительный источник был, вероятно, и у редактора статейного списка Микулина — из него он мог почерпнуть речи Микулина, читаемые только в одном из вариантов текста. Таким образом, мы можем предположить, что статейным спискам в "Посольских делах" предшествовал даже не один, а несколько предварительных источников.

Приведенных наблюдений, разумеется, еще далеко не достаточно, чтобы восстановить весь процесс работы над посольскими списками. Однако даже на основании этих примеров мы имеем право заключить, что дошедшие до нас статейные списки являются результатом большой, сложной и весьма ответственной работы нескольких лиц. Это относится и к спискам, печатающимся в настоящем издании.

Статьейный список И. М. Воронцова

Статьейный список И. М. Воронцова был издан в "Сборнике Русского исторического общества" (РИО, т. 129, СПб., 1910) в качестве составной части "Памятников дипломатических сношений с Швецией" (под № 12).

Статьейный список Воронцова сохранился в следующих рукописях.

1) ЦГАДА, Книга швейцарских посольств, № 2 (1569—1572), в четверку, относится ко второй половине XVI в., т. е. современна самому статейному списку. Текст статейного списка находится на лл. 9—108. Эта рукопись использована при издании: Сб. РИО, т. 129; по этой же рукописи публикуется текст и в настоящем издании.

2) ГПБ, Q. IV. 221, в четверку, конец XVIII — начало XIX в. Это — копия с "Книги швейцарских посольств № 2" в целом. Список Воронцова на лл. 11 об. — 156 об. К изданию не привлекается.

Статьейный список И. П. Новосильцева

Статьейный список И. П. Новосильцева издается впервые. Два отрывка из него были изданы в приложении к статье П. А. Садикова "Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г." (Исторические записки, № 22, 1947 г., стр. 164—166). Рукопись — в ЦГАДА, Книга Турецкого двора, № 2, в четверку, второй половины XVI в., т. е. современна самому списку. Текст статейного списка Новосильцева находится на лл. 62—136 об.

Статьейный список Ф. А. Писемского

Статьейный список Ф. А. Писемского впервые был издан (с пропусками) в журнале "Северный архив", 1822 г., ч. I, кн. 4. Полностью издан в "Сборнике

РИО" (т. 38, СПб., 1888) в качестве составной части „Памятников дипломатических сношений с Англией“. Рукопись — в ЦГАДА, Книга Английского двора, № 1, в четверку, конца XVI в., т. е. современна самому статейному списку. Статейный список Писемского на лл. 29 об. — 118 об.

Статейный список Г. И. Микулина

Статейный список Г. И. Микулина был издан в „Сборнике РИО“ (т. 38, СПб., 1888) в составе „Памятников дипломатических сношений с Англией“ (подробный пересказ содержания этого списка был сделан еще в статье Н. В. Чарыкова „Посольство в Англию дворянина Григория Микулина“ и сборника „Древняя и Новая Россия“, № 8, 1876; отд. изд. — М., 1878). Рукопись в ЦГАДА, — Английские дела в столбцах, № 2 (31), 1600—1601, начала XVII в., т. е. современна самому статейному списку. Статейный список занимает всю связку (столбец) № 2. В рукописи имеется ряд дефектов — края листов (верх и низ) в ряде случаев оборваны, так что в настоящее время отсутствуют иногда даже те слова, которые читались при издании и в 1888 г. Текст на лл. 58—65 дублируется на следующих за ним лл. 66—69. Издатели списка Микулина в Сб. РИО, т. 38, опустили текст лл. 66—69 (никак не оговорив это в своем издании). Мы также не включаем этого отрывка в основной текст, ибо его наличие в составе списка Микулина, несомненно, является случайностью. Однако совершенно игнорировать этот отрывок не следует: сличение лл. 66—69 (Б) с лл. 58—65 (А) показывает, что это — два разных варианта одного текста. Мы воспроизводим поэтому текст Б здесь, для наглядности отмечая разрядкой все места, отсутствующие в А, и отмечая в примечаниях наиболее важные места, имеющиеся в А (полный текст А см. выше, стр. 198) и отсутствующие в Б.

„И мая в 16 день приехал от королевны к Григорью и к Ивашку королевня ближней дворянин лорд Сусекс, а с ним королевниных дворян шесть человек и, сшедши с Григорьем, витался за руки и говорил от королевны, сняв шляпу: Государыня, деи наша, Елисавет-королевна, велела тебе поклониться и о здорьвии спросити; и велела деи вам сего дни, быти у себя, в селе своем, в Гренюче иа отпуске.¹

И Григорей и Ивашко поехали на королевнин двор;² а ехали до реки в кочах, а сидел з Григорьем лорд Сусекс в коче против Григорья на переднем месте, а в реке ехали в королевниных судах, а сидел у Григорья с левые руки. А как приехали х королевнину двору и высели из судов блиско ворот и встречал Григорья и Ивашка от королевны боярин эрль Дарбей, а с ним многие королевнины князи и дворяне; и сказывали

¹ А сшедши с Григорьем, витался за руки и говорил от королевны, сняв шляпу: „Государыня деи наша, Елисавет-королевна велела тебе поклониться...“.

² А — на королевнине жалование челом били.

про эрль Дербей, что он великой человек, князь вотчинный; и шедчися з Григорьем эрль Дарбей витался за руки, и пошли в королевнины полаты; а шел эрль Дарбей у Григорья с левые руки, и как вошла в полаты и дожидались от королевны присылки в передней полате.¹

А как вошли х королевне в полату и королевна с места своего встала, и велела Григорью подойти к себе поближе, и спрашивала о здоровьи, и говорила: «Отпускаю вас к² к великому государю вашему царю и великому князю Борису Федоровичю всея Руси самодержцу любительному моему брату, что б ему многолетно здравствовать».³ И позвала Григорья к руке.

И Григорей королевне говорил: ⁴ «Великий государь наш, царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель к тебе, к любительной сестре своей, к Елисавет королевне прислал меня⁵, а велел тебе свое государство обестити, и про свое царское здоровье сказати и твое, сестры своей, здоровье видети;⁶ и я, по великого государя нашего, его царского величества наказу тебе, Елисавет-королевне, от великого государя нашего, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси самодержца и его царского величества сына великого государя нашего, царевича князя Федора Борисовича всеа Руси, поклон и поздравление правил и речь по наказу говорил, и обычных делех з бояры твоими говорил: а ныне нас отпускаешь к царскому величеству к великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю всея Руси самодержца к его царскому величеству и его царского величества сыну, к великому государю нашему, к царевичу Федору Борисовичу всеа Руси, приказу со мною нети ответу нам на те дела не учинено».⁷

¹ А и говорил эрл Дарбей Григорью, чтоб Григорей посидел немного в полате; а сам эрл Дарбей пошел про Григорья сказывать королевне, а Григорей дожидался королевниной присылки в передней полате, а з Григорьем в то время был в палате лорд Сусекс, да князь Еремей Боус, да дворяне которые встречали; и немного погодя, пришел к Григорью эрл Дарбей и говорил Григорью: „Государыня де наша, Елисавет королевна, велела тебе итти к себе в полату“.

² А — подробнее.

³ А — подробнее (вопрос к послам, как они жили в Англии).

⁴ А — сперва ответ Микулина — об их жизни в Англии.

⁵ А — после этого посланника своего и дворянина, а велел тебе...

⁶ А — подробнее (цитата из верительной грамоты Микулина).

⁷ А з бояры твоими говорил; и мне, его царского величества посланнику, о тех всех делех по ся места ответу не было, а ныне отпускаешь к царскому величеству меня, посланника его; что со мною к великому государю нашему, к его царскому величеству речью ответ будет?

И королевна говорила Григорью: «Завтра деи яз к тебе пришлю думного своего секратора Гарберта, с любительною грамотою к великому государю вашему, к его царскому величеству, и ответ о всех делах, что ты от великого государя, от любительного моего брата, говорил мне речью на посолстве, и о которых делах говорили есте с моими бояры, пришлю».¹

И Григорей был у руки, ударя челом королевне, пошел от королевны ис полаты.

И встречник эрль Дарбей да лорд Сусекс подчивали Григорья и Ивашка² овощи. И Григорей и Ивашко за овощи не пошли³ и говорил Григорей эрль Дарбею да лорд Сусексу: «Государыня ваша Елисавет королевна, так учинила не попрежнему, и великому государю нашему, царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси, и его царского величества к сыну, к великому государю нашему к царевичю ко князю Федору Борисовичю всеа Руси, челобитья не приказала. И мне к великому государю нашему царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси и к его царского величества сыну, к великому государю нашему к царевичю ко князю Федору Борисовичю всеа Руси,⁴ с чем приехати?»...⁵

Пришел к Григорью и Ивашку ближней дворянин лорд адмиралов сын Ефимгам и говорил сняв шляпу: «Государыня наша Елисавет-королевна велела вам итти к себе в постельные коморы».⁶

И Григорей и Ивашко и переводчик Ондрей х королевне в коморы пошли, а как вошли х королевне в полату,⁷ и королевна с места своего встала и велела Григорью приступить к себе близко и говорила: «Того деи себе и в мысли не держите, что был вам давеча от меня отпуск, то как учинити, что к великому государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси самодержцу и к любительному моему брату,⁸ не подлинно наказав и челобитья не приказав, вас отпустить; а давеча деи яз тобя, Григорья, позвала к

¹ А говорил есте с моими бояры. И позвала Григорья к руке.

² А ввели Григорья в столовую палату и учили подчивать.

³ А не пошел.

⁴ А — вместо этого: А того не ведаю, для чего и которым обычаем то ся учинилося.

⁵ Б — следует абзац, совпадающий с А (приглашение к столу, см. стр. 200).

⁶ А — велела тебе итти в постельные коморы; а велела с тобою итти подыачему Ивану, да переводчику Андрею; а модели бы вашим остатца в передней полоте.

⁷ А — подробнее.

⁸ А — иной порядок (титул короче).

руке, жалуючи, и велела вас как в столовой полате подчивати овощи и вины».¹ И велела Григорью сести на стул близко к себе. И Григорей на королевине жалованье бил челом и блиско королевине не сел, и отодвинув стула от того места с сажень и сел на стуле; и посади немного, королевина, встав с места своего, говорила: «Теперь деи вас отпускаю к великому государю вашему, царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руси самодержцу, а к любительному нашему брату, а приказываю с тобою великое челобитье,² и к великой государыне вашей царице и великой княгине Марье Григорьевне и царевичу князю Федору Борисовичу всеа Руси и царевне и великой княжне Ксенье Борисовне; а яз деи молю бога о их здоровье, чтоб деи ему, любительному моему брату, великому государю, царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Руси самодержцу и его царице, и их царским детям многолетно здравствовать, и ко мне б ему любовь свою держати попрежнему и свыше прежнего; а яз деи его любительного своего брата, братцкой любви, и ссылки и крепкой дружбы с великим сердечным доброхотеньем добре желаю; а на той его братцкой великой любви много челом бью, что прислал ко мне тебя, посланника, государство свое обестити и про свое царское здоровье и своего царского величества сына царевича Федора Борисовича всеа Руси сказать, и мое сестры своей здоровье видети».³

А яз говоря королевина речь позвала Григорья и Ивашка⁴ и Ондreja к руке и отпустила на подворье.⁵

Статейный список Ф. Елчина

Статейный список Ф. Елчина был издан С. А. Белокуровым в „Чтениях в Обществе истории и древностей российских“, 1887, кн. 2, стр. 257—376.

Сохранился статейный список Ф. Елчина в двух рукописях. Списки эти отличаются друг от друга. Ф. Елчин, повидимому, был неграмотным (он не смог сам приложить руку к поданному им в Посольский приказ статейному списку). Состоявший при посольстве подъячий, который, как можно думать, и начал писать список, умер еще до перехода посольства через перевалы главного

¹ А — подробнее: Чтоб деи тебе быть прохладну, а теперво деи вам от меня отпуск подлинной. И велела поставить стула блиско подле себя.

² А — иной порядок слов.

³ А — далее: И Григорей говорил королевине: — Вижу, государыня, к великому государю нашему, к царскому величеству твою любовь, и приказ твой слышу; а как, аже даст бог, буду у великого государя нашего, у его царского величества, и я, государыня, приказ твой до великого государя нашего, его царского величества, донесу.

⁴ А — И после того королевина позвала Григорья к руке, а после Григорья позвала к руке подъячего Ивашка.

⁵ А — подробнее заключение (речь Елизаветы Микулику, проводы его из полаты).

Кавказского хребта в Грузию (см. Чт., ОИДР, 1887, кн. П); далее список писал „человек“, т. е. холоп Елчина, очевидно, частью с его слов, частью самостоятельно (см. выше, стр. 224). Это объясняет простоту изложения. Второй список подвергся официальной обработке, сопровождавшейся несомненно дополнительным опросом Елчина или кого-либо из участников его посольства. С. А. Белокуров в своей публикации издал первый список с разночтениями по второму. В настоящем издании мы воспроизводим только первый список, потому что для нас список Елчина важен как литературный памятник, с этой стороны второй список мало что прибавляет к первому. Столбец, содержащий этот список, хранится в ЦГАДА, фонд 110 (Сношения России с Грузией), дела в столбцах, № 4, 1639—1640 гг., 56 сставов, писан разными почерками. При переплетении лл. 13 и 14 перепутаны местами.

Статейный список П. И. Потемкина

Статейный список был издан в „Древней российской вивлиофике“, изд. 2-е, 1790, ч. IV, стр. 457—564, по копии, принадлежавшей К. Масальскому, опубликован последним в „Сыне отечества“, 1850, №№ 5 и 6 и 1851 г. № 7 (посольство в Испанию и начало посольства во Францию).

Подлинный статейный список П. И. Потемкина хранится в ЦГАДА, в фонде Посольского приказа, французские дела, № 5. Рукопись XVII в., в четверку, на 523 листах, в кожаном переплете сумкой. Содержание рукописи: лл. 2—228 — статейный список посольства П. И. Потемкина в Испанию, лл. 230—480 — во Францию, лл. 484—523 об. — расходящая книга того же посольства по листам скрепа: „Диак Семен Румянцов“. На л. 1 запись: „177-го июня в 15 день подали посланники стольник Петр Потемкин да дьяк Семен Румянцев“. На л. 2, перед текстом, виньетка, расписанная красками и золотом. Начало текста также писано золотом.

Статейный список П. И. Потемкина состоит из двух частей. В первой описано его посольство в Испанию, во второй — во Францию. Посольство во Францию было непосредственным продолжением посольства в Испанию. Мы публикуем только вторую часть статейного списка П. И. Потемкина — описание его посольства во Францию.

При публикации текста приняты следующие правила. Сохранены особенности правописания рукописей со следующими отступлениями: „ъ“ в конце слов опущен; буквы „ѣ“, „і“, „ѳ“ и „ѡ“ заменены соответственно буквами „е“, „и“, „ф“ и „о“; проставлен „й“. Текст печатается с раскрытием тита и введением в строку надстрочных букв. При этом после согласных, произносимых мягко, вставляется „ь“. Необходимые по смыслу буквенные дополнения ставятся в прямые скобки. Славянская буквенная цифирь передается арабскими цифрами.

Текстологические примечания даны под буквами, а ссылки на комментарий — под цифрами.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Статейный список И. М. Воронцова (стр. 7—62)

^а В ркп. с нет. ^б Испр. ркп. лы. ^в Испр.; в ркп. инокю.

^г В ркп. и мы вам сказываем: Государю нашему царю и великому князю за такое государя вашего великое неисправление никак не молчать, дела его не делал и по ся место и нас у себя задержал дважды.

Статейный список И. П. Новосильцева (стр. 63—99)

^а В ркп. сарае. ^б В ркп. яуш-ага. ^в В ркп. одал. ^г Испр.; в ркп. Торского. ^х В ркп. Асторони. ^о В ркп. Москов. ^ж В ркп. казаки. ^з Испр.; в ркп. Торского. ^и В ркп. Турско.

Статейный список Ф. А. Писемского (стр. 100—155)

^а В ркп. пробел. ^б Испр.; в ркп. иксент. ^в Испр.; в ркп. после пробела нарядным. ^г В ркп. И Федор и Неудача... так и чинит написано на полях другим почерком.

Статейный список Г. И. Микулина (стр. 156—205)

^а В ркп. оборван низ листа. ^б В ркп. оборван верх листа. ^в В ркп. в настоящее время слова и люди учели ходити в збруе, в доспехах и с пищалями оборваны (низ листа). ^г В ркп. оборван низ листа; оборваны слова да за... никто не стал... к нему никто не пристал. ^х В ркп. в настоящее время слова самодержцу и многих государств ко государю оборваны (низ листа). ^о Испр.; в ркп. Францовского. ^ж В ркп. эрль вытерто. ^з Следует (в ркп. на лл. 66—70) текст, дублирующий стр. 198—202 (в ркп. на лл. 58—65); см. этот дублирующий текст выше, на стр. 352—355.

Статейный список Ф. Елчина (стр. 206—226)

^{а—в} В ркп. текст повторен на особом листке другим почерком. ^б В рукописи марта. ^{в—в} В ркп. текст написан на особом листке другим почерком. ^г В рукописи 3.

Статейный список П. И. Потемкина (стр. 227—315)

^а и чесной приписано другим почерком. ^{б—б} Добавлено другим почерком.

КОММЕНТАРИИ

Статейный список Воронцова

(Стр. 7—62)

¹ А се приезд ис Свейские земли царевых и великого князя послов боярина Ивана Михайловича Воронцова с товарищи. „Великие послы“ Ивана Грозного, И. М. Воронцов и другие, находились в Швеции с июля 1567 по июнь 1569 г. Приезду их предшествовали оживленные русско-шведские дипломатические сношения, завершившиеся в феврале 1567 г. заключением русско-шведского союзного договора. Согласно этому договору Ливония, бывшая главным предметом соперничества между обоими государствами, должна была быть поделена между ними (большая часть ее присоединялась к Русскому государству), обе стороны должны были оказывать военную помощь друг другу; шведский король Эрик XIV должен был свободно пропускать иностранных купцов и ремесленников на Русь (в русских „Свейских делах“ не сохранилась та часть, где описывается заключение этого договора — см. его текст в шведском издании: Rydberg. Sverges Tractater. Stockholm, 1888, стр. 538; русское изложение: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., т. I. СПб., 1889, стр. 493—495). В целом договор 1567 г. был, несомненно, большой удачей русской дипломатии, и, если бы его удалось осуществить, Иван Грозный достиг бы основных целей, поставленных им в Ливонской войне. Что касается шведского короля, то для него союз с Русским государством был особенно необходим в связи с трудной внутренней борьбой в Швеции. Подобно Ивану Грозному, Эрик XIV вел энергичную борьбу с феодальной знатью, противопоставляя ей мелкое дворянство. Брат Эрика XIV Иоганн (Юхан), герцог Финляндский, в противоположность королю, был тесно связан со знатью; подозревая Иоганна в заговоре, Эрик подверг его заточению. Своеобразным обеспечением договора 1567 г. должно было быть обязательство Эрика XIV выдать Ивану IV жену Иоганна, сестру польского короля Катерину Ягеллон. Договор 1567 г. был подписан в Александровской слободе шведским канцлером Гюлленшерной; Воронцов и другие русские послы должны были принять от Эрика XIV присягу

(„крестное целование“) в исполнении этого договора. — Иван Михайлович Воронцов, возглавлявший посольство, принадлежал к старому московскому боярскому роду (отец его был наместником в Новгороде, дядя — приближенным Ивана IV), неоднократно выполнял важные военные и дипломатические поручения. Другими членами посольства были Василий Иванович Наумов и дьяк Иван Васильевич Лапин-Курган (см. стр. 18).

² к Ондрею к Васильеву. Андрей Васильев — разрядный дьяк, затем (с 60-х годов) младший дьяк Посольского приказа, помощник Висковатого (см. прим. 3). Возможно, что этот Андрей Васильев — одно лицо с Андреем Васильевичем Безисосовым-Монастыревым, новгородским дьяком, казненным Грозным во время карательной экспедиции в Новгород в 1570 г.

³ с казначеем Никитою Фуниковым да с печатником с Иваном Михайловым. Казначей Н. А. Фуников-Курцев и дьяк-печатник И. М. Висковатый — крупнейшие административные деятели времени Грозного. Оба они были люди незнатные (особенно Висковатый) и выдвинулись благодаря своим способностям. Карьера Фуникова и Висковатого началась еще в период так называемой „избранной рады“, но падение этой группы не повредило им — оба они остались влиятельнейшими людьми и в последующие годы. Висковатый возглавлял Посольский приказ; с 1561 г. получил звание печатника (хранителя государственной печати; иностранцы называли его „канцлером“). В 1570 г. Фуников и Висковатый были казнены в связи с „новгородским изменным делом“.

⁴ Стекольна — русское название шведской столицы Стокгольма.

⁵ Бентер Гхлытер — повидному, то же лицо, что „Бент Гулта“ — Бенгт Гулта (Bängth Gyltta), член государственного совета, участник шведского посольства в Москву в 1557 г. (Сб. РИО, т. 129, № 2).

⁶ князь Штень Ириков — Стен Эрикссон Лейонхувуд (Sten Eriksson Leijonhufvud), один из виднейших представителей шведской феодальной знати, член государственного совета, дипломат, глава шведского посольства в Москву в 1557 г. За несколько месяцев до приезда русских послов в Швецию Стен Эрикссон вместе с другими представителями знати был подвергнут аресту (во время так называемого „дела Стуре“ — см. ниже, прим. 16) и спасся от смерти лишь благодаря случайности. В момент приезда русских послов (июль 1567 г.) Стен Эрикссон не только полностью восстановил свое прежнее влияние, но был (в связи с болезнью короля) одним из фактических правителей государства (ср. E. G. Geijer. Geschichte Schwedens, II. Hamburg, 1834, стр. 184).

⁷ Гаврил Крестернов — Габриэль Христиерсон Оксеншерна (Gabriel Christiersson Oxenstjerna), член государственного совета; впоследствии наместник в Ливонии.

⁸ Пантелей Юрьев — Бертель Юренсон (Bertil Jörenson), переводчик, представленный шведскими властями к русским послам.

⁹ От которых иных государей у вашего государя у короля послы есть ли? По неизбежному правилу, существовавшему в московской дипломатической

практике, русские послы никогда не являлись на прием к иностранным государям совместно с какими-либо иными послами (чтобы не ставить русского царя в равенство с какими-либо другими государями).

¹⁰ князь Нилш — Нильс Гюлленшерна (Nils Gyllenstjerna), канцлер Швеции, возглавлял шведское посольство в Москву в 1567 г. и заключил союзный договор, для ратификации которого приехали послы. Хитрый политик, Гюлленшерна занимал осторожную позицию в политической борьбе, происходившей в Швеции при Эрике XIV и впоследствии сумел сохранить свою власть и после свержения Эрика.

¹¹ два королевича, родной брат королю Карлус да Шакьшицкие земли королевичь Магнуш. Карлус — герцог Карл Эюдерманландский, младший брат Эрика XIV, будущий шведский король Карл IX; Магнус — сын германского герцога Саксен-Люнебургского, женатый на сестре Эрика XIV и живший в Швеции. Магнус играл двойственную роль в борьбе Эрика XIV с его врагами — он доносил Эрику о замыслах против него, но затем сам принял участие в свержении Эрика.

¹² боярин большой Петр Брагде — граф Пер Браге (Brahe), адмирал („воевода большой над суды“ — стр. 38), член государственного совета, разделявший со Стеном Эриксоном роль фактического правителя государства во время болезни короля. Как и Стен Эриксон, Браге был одним из вождей феодальной знати, и Эрик XIV незадолго до приезда послов намеревался его арестовать, но не успел сделать этого.

¹³ Иван Лаврентиев — Ганс Ларссон (Hans Larsson), шведский дипломат, несколько раз приезжавший в Москву. Последняя (перед приездом Воронцова) миссия Ларссона непосредственно предшествовала миссии Гюлленшерны (см. прим. 10).

¹⁴ А полского короля сестру . . . А нынеча государь наш не сам у себя своєю персоною. Эрик XIV впал в душевное расстройство летом 1567 г. — как раз во время приезда послов. Болезнь короля была использована его врагами — представителями феодальной знати для изменения как внутренней, так и внешней политики Швеции. Как мы можем видеть из комментируемых слов „королевских советников“, в начале болезни короля шведы собирались еще исполнить „прошение“ Грозного о „польского короля сестре“, т. е. одно из условий договора 1567 г. — о выдаче Катерины Ягеллон. В дальнейшем „советники“ Эрика, враждебные русско-шведскому союзу, сумели использовать его болезнь для срыва этого союза (см. прим. 20 и 26).

¹⁵ чтоб государь ваш помирил нашего государя з датским королем и с любчены. Шведско-датская война, так называемая „Северная Семилетняя война“ началась в 1563 г. Война эта была непосредственно связана с борьбой за Ливонию, распавшуюся после русского наступления 1558—1561 годов. В начале Ливонской войны русско-шведские отношения были весьма напряженными: шведский король взял под свое покровительство Ревель (Таллин), препятство-

вал торговле западноевропейских государств с русской Нарвой; именно вопрос о нарвской торговле был главной причиной, приведшей к участию в антишведской коалиции город Любек (немецкий город, входивший в Ганзейский союз), особенно заинтересованный в торговле с Нарвой. Серьезные неудачи, испытанные Эриком XIV в войне против Дании и Любека (на стороне которых выступала также и Польша), заставили его, однако, изменить свою позицию в отношении Руси и даже заключить с нею союз. Эрик, очевидно, рассчитывал, что русская помощь обеспечит ему если не победу над его врагами, то, по крайней мере, почетный мир с ними.

¹⁶ Пришел к нему топерво немчин, детинка молод, а сказался королевской жилец, а зовут его Бентер Кнутов, . . . боитца от своих бояр убивства, и он того для хочет на Русь ехати. Не доверяя знати, Эрик XIV нередко приближал к себе молодых людей. Бентер Кнутов (Бент Кнутсон) был, очевидно, одним из таких молодых приближенных Эрика. Событие, о котором он рассказывал послам — так называемое „дело Стуре“ — происходило в мае 1567 г., до их приезда. Грав Швант и его сыи Нилш — Сванте и Нильс Стуре (Sture), представители рода, выдвинувшего в XV и начале XVI в. (до воцарения династии Ваза) двух правителей Швеции — Стена Стуре старшего и младшего. У Эрика XIV были серьезные основания подозревать Стуре в подготовке государственного переворота. Эрик XIV еще в 1565 г. обвинял Нильса Стуре в измене, но не решился казнить его, а отправил его с дипломатическим поручением за границу. В начале мая 1567 г. (в отсутствие Нильса Стуре) король арестовал Сванте Стуре, его сына Эрика, Стена Эриксона Лейонхувуда, Ивара Иварсона („Ивара Иварева“), Абрама Густавсона Стенбока („Обрама Гюстеева“) и других видных представителей знати: 18 мая, на собрании представителей сословий в Упсале („Опсалим, Апсалим“), он обвинил их в государственной измене. Обвинения эти основывались в значительной степени на показаниях немецкого купца Петера Састорпа (вероятно, это и есть „Петершаш“, упоминаемый в статейном списке). „Бентер Кнутов“, рассказывавший послам о деле Стуре, явно более сочувственно относился к Эрику XIV, чем другие лица, повествующие об этом событии; согласно его рассказу, Нильс Стуре (присутствовавший, по его словам, на „съезде“ в Упсале) и другие заговорщики были убиты королем публично в ответ на их вызывающее поведение; согласно другим источникам, Нильс Стуре вернулся в Швецию только 21 мая, а 24 мая был убит королем в заточении; его отец и остальные заключенные были убиты королевскими драбантами („тровантами“) позже по приказу короля, при этом король приказал оставить в живых только „Стена“, в результате чего спаслись два арестованных, носивших это имя — Стен Эриксон и Стен Баиер (Geijer, *Geschichte Schwedens*, II, Hamburg, 1834, стр. 178—184; Rühls. *Geschichte Schwedens*, III. Halle, 1805, стр. 324—325; о тенденциях источников см.: Rühls, стр. 325, прим. V). Дионисьюс Бурбергус — учитель Эрика XIV, Дионис Берреус (Beurreus), убитый по приказу Эрика в лесу

(куда бежал король после смерти Стуре), после того как он пытался заступиться за арестованных. К моменту беседы „Бентера“ с русскими послами феодальная знать успела уже в значительной степени оправиться от удара, нанесенного ей во время расправы со Стуре. Попытка короля вступить в тайные сношения с послами, его желание „на Русь ехать“ говорит о том, что в это время он не мог считать себя реальным правителем Швеции.

¹⁷ боярину Миханлу Яковлячию Морозову. М. Я. Морозов был представителем одного из старых московских боярских родов, сохранивших свое влияние в XVI в. Участвовал во многих военных походах (Казань, Ливония); с 1564 г. (после бегства Курбского) был наместником царя в Юрьеве Ливонском (Тарту). Здесь и ниже (стр. 38, 42, 49) Морозов именуется „наместником Лифляндских земель“. После неудачи русско-шведского союза Морозов играл видную роль в войне со Швецией; в 1573 г. казнен за военную оплошность.

¹⁸ и тем естя боем и путь свой порушили — это не вполне понятное замечание шведских приставов, повидимому, имеет целью возложить ответственность за срыв русско-шведского союза на русских послов: допустив „бой“ (драку) между своей свитой и шведами, русские послы, по мнению приставов, тем самым разрушили свой „путь“ — дело, поручение, данное им их государем.

¹⁹ и про то князя Штеия держали в Новгороде заперта три недели и корму не давали и человека его в тюрьму кинули, а над вами то стаслось против того Штенева дела. Речь идет, очевидно, о посольстве Стена Эриксона Лейонхувуда в Москву 1557 г. Весь этот инцидент, выдвинутый в качестве оправдания для репрессий против русских послов, представляется весьма сомнительным: в русских „Свейских делах“ не только ничего не сообщается об этом происшествии с „князем Штением“, но указывается, что, прибыв в Новгород 5 февраля 1557 г., шведские послы уже 21 февраля приехали в Москву — следовательно, пробыли в Новгороде никак не больше двух недель (Сб. РИО, т. 129, стр. 23). Характерна, однако, сама ссылка на „князя Штеия“ — очевидно, Стен Эриксон Лейонхувуд, несомненный противник политических планов Эрика (в том числе и русско-шведского союза), фактически управлявший страной во время болезни короля (см. прим. 6), и изобрел это весьма сомнительное и запоздалое оправдание дурного обращения с русскими послами.

²⁰ Говориш нам от советников, а не от короля, что ехать нам в село . . . Уж то некоторую хитрость над нами хочет учинити. Подозрения послов относительно „хитрости“, скрывавшейся за попыткой удалить их из Стокгольма и многочисленными придирками со стороны шведских приставов (см. выше, стр. 19—22), были вполне обоснованы. Осенью 1567 г. власть в Швеции фактически не была в руках короля. Оппозиционная знать широко использовала болезнь короля, принявшую в этот период наиболее острые формы (сумасшедший король считал, что он уже свергнут с престола и царствует его брат Йоганн).

Перссон — ближайший сподвижник Эрика XIV, помогавший ему в борьбе с феодальной оппозицией (см. прим. 24) — был арестован и приговорен в октябре 1567 г. к смерти; герцог Иоганн выпущен из заточения (обстоятельства его освобождения не вполне ясны). Стен Эрикссон и другие фактические правители государства подготавливали срыв русско-шведского договора. Характерно, что послов уверяли, будто бы жена Иоганна Катерина Ягеллон, которую они должны были забрать с собой, „больна“ — не решаясь еще прямо заявить о расторжении договора с Иваном IV, „королевские советники“ исподволь готовили это расторжение.

²¹ погрубил государю нашему польской король, и он за то Полотца остал с товарищи. Полоцк был отвоеван Иваном Грозным у польского короля Сигизмунда II Августа в 1563 г. Русско-польская война, начавшаяся с этого года (и связанная с многолетней борьбой этих государств из-за западиорусских земель), непосредственным поводом имела ливонские события — в 1559 г. король принял под свое подданство последнего магистра ордена и тем самым выступил в качестве соперника Ивана IV в Прибалтике. В данном случае, однако, послы, вероятно, имеют в виду другую „грубость“ польского короля: непосредственно перед началом военных действий в 1563 г. между Русью и Польшей шли переговоры о женитьбе Ивана IV на сестре Сигизмунда — Катерине Ягеллон; Сигизмунд II Август отклонил предложение русского царя и выдал Катерину за брата шведского короля — Иоганна Финляндского. В устах послов, которые настаивали на том, чтобы отвезти в Москву эту самую Катерину Ягеллон, напоминание о „наказании польского короля за грубость“ звучало особенно многозначительно.

²² Слух наш дошел, будто деи государя вашего Ирика короля землю воюет датской король. Речь идет о вторжении в Швецию датских войск под командованием Рантцау осенью 1567 года. Поход Рантцау на шведские земли в начале происходил удачно — ему удалось довольно глубоко вклиниться в шведскую территорию, но энергичное сопротивление населения заставило его в конце концов (в феврале 1568 г.) вернуться в Данию (ср.: Г. В. Форстен, Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., т. I. СПб., 1889, стр. 453—454).

²³ марта в 17 день. В статейном списке Воронцова нет известий за три месяца — с декабря 1567 по март 1568 г. Объясняется это, повидимому, полным отсутствием известий: сознательно игнорируемые шведскими правителями, послы были изолированы от внешнего мира (из Стокгольма их переселить все-таки не удалось) и предоставлены самим себе вплоть до того момента, когда выздоровевший Эрик вновь (хотя, повидимому, и не полностью) вернул власть в свои руки (см. прим. 24).

²⁴ королевской боярин Юрьи Петров — Георг Перссон (Jöran Persson), королевский прокуратор и обвинитель сыскальной комиссии, ближайший сподвижник Эрика XIV. Человек простого происхождения (он не был дворянином и был возведен в дворянское достоинство за личные заслуги), Перссон получил прекрас-

ное по тому времени гуманистическое образование (в Германии) и уже в конце царствования Густава Вазы стал королевским секретарем. При Эрике XIV Перссон занимал должность канцлера, а затем королевского прокуратора. Перссон был последовательным и непримиримым врагом феодальной знати; по его инициативе был арестован герцог Иоганн Финляндский (Перссон настаивал на его казни, но не сумел добиться этого); сравнивая борьбу Эрика XIV с аристократией с аналогичными действиями Ивана Грозного, историк Г. В. Форстен именует Перссона „шведским Малютой Скуратовым“ (Г. В. Форстен Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., т. I, СПб., 1889, стр. 27—30). В период болезни Эрика Перссон был арестован и приговорен к смерти; после выздоровления короля и с прекращением датского нашествия он снова вернулся к власти. Визит к послам Перссона (повидимому, первая его встреча с ними, ибо „Тур Петров“, беседовавший с послами в июле—августе 1567 г. — стр. 12, 13 — едва ли идентичен Перссону) свидетельствовал о некотором изменении внутренней и внешней политики Швеции. Характерно, что именно Перссон сообщил послам об отражении датского нашествия, о выздоровлении короля и о предстоящем приеме их королем и „здоровом ответе“ с его стороны. Следует отметить, однако, что и после освобождения и возвращения к власти Перссона, влияние феодальной аристократии, поднявшей голову во время болезни короля, не было полностью ликвидировано: Иоганн Финляндский, освобожденный осенью 1567 г., находился на свободе, у власти оставались такие лица, как Стен Эриксон Лейонхувуд, Пер Браге и др. Им, как мы увидим (см. прим. 26), удалось добиться отклонения договора 1567 г.

²⁵ Государь ваш, царь и великий князь, прислал ко государю нашему дворянина своего Елизарья Леонтиевича Ржевского. По шведским источникам, Елизарий Ржевский („Eliasarus Liuonteoff sin Rzouschoi“) приехал в Швецию еще осенью 1567 г.: (ср. Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., I, стр. 498). Царь послал его для того, чтобы поторопить Эрика XIV с ратификацией договора. Ржевского под разными предлогами задерживали, и он только весной 1568 г. смог доставить царскую грамоту королю; очевидно, до весны 1568 г. его присутствие скрывалось от Воронцова. 18 апреля Эрик XIV послал с Ржевским грамоту Грозному, обещая в ближайшее время дать русским послам (Воронцову и др.) окончательный ответ (грамота, посланная с Ржевским, сохранилась только в шведских источниках — ср.: Geijer. Geschichte Schwedens, II. Hamburg, 1834, стр. 191, прим. 2).

²⁶ и ныне х королю бояре его и думные люди съехались, и король о том деле еще с ними думает. В действительности решение государственного совета (рейксрата) по вопросу о русско-шведском договоре было вынесено еще 23 июня, за пять дней до комментируемого разговора послов с приставом. Члены государственного совета заявили, что „не к чему заключать с Москвой новые договоры о мире и дружбе, когда старые ни с чьей стороны не нарушены“, предложили королю отвергнуть договор, подписанный его послами (в том числе

членом рейхсрата — Гюлленшерной) и вступить по этому вопросу в переговоры с герцогом Иоганном (Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., т. I. СПб., 1889, стр. 498—499). Герцог Иоганн Филяндский был признанным врагом промоксовской политики Эрика (и сторонником сближения с польским королем, на сестре которого он был женат); государственный совет, возглавляемый такими людьми, как Пер Браге, был тесно связан с Иоганном и защищал его внешнеполитическую программу. Таким образом, решение 23 июня 1564 г. было естественным завершением той политики, которая началась со времени болезни короля и освобождения Иоганна из заключения (после этого освобождения один из пунктов договора 1567 г. — о передаче Катерины Ивану Грозному — стал вообще невозможным).

²⁷ И государю нашему королю в то воскресенье жениться. 4 июля 1568 г. Эрик торжественно отпраздновал свадьбу с Карин (Катериной) Монсдоттер (описания свадьбы в списке Воронцова нет; руководители посольства были на нее приглашены, но отклонили приглашение). Провозглашение королевой Карин Монсдоттер, дочери капрала королевской стражи, было со стороны Эрика XIV таким же вызовом знати, как и приближение Перссона. Эрик, однако, надеялся, что Иоганн и его сторонники примирятся с этим фактом, так как только под условием согласия на брак короля с Карин (и признания права наследования за их потомством) Иоганн был выпущен осенью 1567 г. на свободу. Надежды короля не оправдались — женитьба его послужила сигналом к открытому восстанию Иоганна.

²⁸ для тое притчи, которая здесь от дьявола и от злых людей была. Характеристика политической обстановки во время его болезни, данная Эриком в беседе с послами, очень сходна с характеристикой, содержащейся в королевской прокламации, выпущенной 12 июля 1568 г. — на следующий день после приема послов (пересказ ее см.: Geijer. Geschichte Schwedens, II. Hamburg, 1834, стр. 190).

²⁹ И того же часу пришли к послом от короля советники... и он бы нас отпустил к нашему государю ко царю и великому князю. В соответствии с решением государственного совета (см. прим. 26) королевские советники во время приема 11 июля отказались от русско-шведского договора, подписанного в Александровской слободе. В оправдание этого отказа советники выставили самые противоречивые аргументы: они заявили, что Грозный сам не выполнил договор, не „доступив“ и не передав Швеции Ригу и „Дюнемень“ (Дюнамюнде, устье Западной Двины), хотя по смыслу договора 1567 г. распределение владений в Ливонии вовсе не означало, что русские должны „доступить“ для шведов предназначенные им территории; они указали также, что шведские послы, подписавшие договор 1567 г. (т. е. в первую очередь Нильс Гюлленшерна, участвовавший в приеме 11 июля), совершили это вопреки королевской грамоте, присланной с ними. Русские послы ответили на это изложением истории русско-шведских переговоров и указанием на некоторые элементарные

дипломатические правила того времени. Миссия Третьяка Пушечникова в Швецию, о которой они упомянули, относилась к 1565—1566 гг.; в феврале 1566 г. Третьяка, по известию летописи, „не стало поветреем“ (т. е. умер от заразной болезни; ПСРА, XIII, 401); впоследствии Грозный обвинял шведов в его умерщвлении (Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 150); за миссией Третьяка в Швецию следовала миссия в Россию Ганса Ларссона (см. прим. 13) и Нильса Гюлленшерны, подписавшего союзный договор. Дипломатические правила, которые напомнили шведам Воронцов и другие, заключались в том, что послу давалась обычная краткая „верующая“ (верительная) грамота, удостоверяющая его полномочия, а остальные инструкции содержались в „посольском наказе“, известном только послу, но не представителям другого государства.

³⁰ Есть у польского короля сестра девка, которая не замужем, и будет государю вашему она надобна, и государь наш станет ее достигати, а достигнув, даст ее государю вашему. „Предложение“ это, справедливо охарактеризованное послами (см. ниже, стр. 47) как „безлепешное слово“, относилось ко второй сестре Сигизмунда II Августа, Анне Ягеллон (впоследствии жене короля Стефана Батория).

³¹ Июля в 27 день были у послов Юрья Петров... язнулся о том ответ учинити вскоре. Второй визит Перссона к русским послам был еще более важным, чем первый: Перссон сообщил им, что герцог Иогани открыто восстал против короля. Восстание Иоганна началось в июле 1568 г., почти сразу же после свадьбы короля; в восстании принимал участие ряд представителей знати, в том числе „князь Штеи“ — Стен Эриксон Лейонхувуд (он был убит сторонниками короля перед самым падением Эрика XIV). Попытка компромисса с братом и его сторонниками не удалась Эрику XIV — в связи с этим он вновь вспоминал о своем договоре с Иваном IV. Известие статейного списка о беседе с Перссоном 27 июля помогает разрешить вопрос, давно занимавший шведских историков: намеревался ли когда-либо Эрик всерьез выполнить договор 1567 г.? Иогани III и после свержения Эрика верил в серьезность намерений своего брата в этом отношении; историки, однако, противопоставляют этому заявление Перссона, сделанное им под пыткой (после свержения Эрика), что король никогда не собирался это обязательство выполнить (ср.: F. Arnheim. König Erich XIV von Schweden, als Politiker, Historische Zeitschrift, 64, N. F. 28, 1890, стр. 471, прим. 1; Г. В. Форстен, Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., т. I. СПб., 1889, стр. 500). Однако из комментируемого места мы ясно видим, что после восстания Иоганна Эрик (отказавшийся было от договора 1567 г. ради примирения с Иоганном) обещал через Перссона „сделать“ то, „что государя нашего посла, князь Нильс Гулден, государю вашему посулил“; Перссон прямо заявил, что когда Иогани будет захвачен, „жеиу его Катерину государь наш отдаст вашему государю“. Заслуживает внимания также и то, что ответственность за прежнее решение Эрика отказаться от договора Перссон возлагал на „князя Штена (Стена Эриксона)“ и других.

³² Пришел к нему детинка немчин, а сказался королевской жилец, а зовут его Гансом Вилламов... и Ганс, сказал, и пошел от него. Вторая попытка короля связаться через „молодого детинку“ с русскими послами (ср. прим. 16) свидетельствует о том, что и после своего выздоровления и начала открытой борьбы с Иоганном король не чувствовал себя подлинным правителем и принужден был действовать тайно. Толмач Нечай Гамаров, которого король хотел привлечь к себе на службу в качестве лазутчика, был, повидному, в отличие от официального шведского толмача „Пантелея Юрьева“ (Бертеля Юренсона), членом русского посольства (потому он и спрашивал разрешения у Воронцова), и король мог не бояться, что он — сторонник Иоганна. Из сообщения „Ганса Вилламова“ послы узнали, что в восстании вместе с Иоганном участвует и герцог Карл — младший брат Эрика и Иоганна. Город „Штенъ“ — очевидно, Вадстена (Wadstena), где началось восстание Иоганна и Карла.

³³ Августа в 24 день был у послов по посольской присылке Юрьи Петров, а с ним Пантелей Юрьев... ответ вам, чаю, будет завтра о таковом же поре. Третье свидание послов с Перссоном происходило по инициативе послов: Воронцов правильно понял, что Перссон является наиболее подходящим „ближним человеком“ для тайного предложения Эрику XIV русской помощи в борьбе с братьями. Замечание Воронцова — „слышим, что земля Свейская короля не любят“, свидетельствует о том, что до послов дошли известия о многочисленных изменах Эрику, обнаружившихся в это время (на сторону Иоганна перешли мачеха Эрика — вдова Густава Вазы, сестры Эрика, муж его сестры — Магнус Саксонский, главнокомандующий шведскими войсками в Финляндии Ивар Монсон и т. д.).

³⁴ Ондрей Шерефединов — русский гонец в Швеции, впоследствии дьяк Посольского приказа (см. Сб. РИО, т. 129, стр. 357). Шерефединов был первым человеком, привезшим Грозному весть о государственном перевороте в Швеции в сентябре 1568 г. и о судьбе русских послов после этого переворота (его рассказ — см. Сб. РИО, т. 129, стр. 125).

³⁵ И послы поехали с ними к королю... а нас бы отпустил к нашему государю ко царю и великому князю. Рассказ статейного списка о последней аудиенции послов у Эрика XIV представляет, несомненно, выдающийся исторический интерес. Сообщение послов, лично беседовавших с королем и едва ли заинтересованных уже после свержения Эрика (в рассказе, не предназначенном для посторонних читателей) искажать истину, может считаться вполне доброкачественным источником. А между тем это сообщение явно противоречит шведским источникам. Согласно последним, Эрик незадолго до своего падения решительно объявил русским послам об отказе от договора 1567 г. и отклонил также предложенную ему русскую помощь против Иоганна в размере 10 000 человек (Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., т. I. СПб., 1889, стр. 499—500). Речь идет, конечно, о помощи, предложенной послами в беседе

с Перссоном 24 августа (см. прим. 34). Но в статейном списке мы не видим никакого решительного отказа со стороны Эрика — наоборот, король откровеннейшим образом беседует с послами о своей борьбе с Иоганном и уверяет, что „надежда ми вся на бога да на вашего государя“. Робкое возражение Эрика, что нельзя „у живого мужа жены взять“ едва ли даже можно считать отказом от данного Перссоном 27 июля обещания выдать Катерину после победы над Иоганном: в случае такой победы Иоганн был бы, несомненно, казнен и перестал бы быть „живым мужем“ (Перссон сознавался под пыткой, что после восстановления Иоганна король подсылал к мятежному герцогу убийц — Geijer, *Geschichte Schwedens*, II. Hamburg, 1834, стр. 191). Что касается предложения русской помощи, то король, сказав послам: „Вам, великий господе, на том познбо“ („помозибо“ — „помоги бог“, выражение, аналогичное „спасибо“), предложил поговорить об этом „втайне“ (не доверяя, очевидно, по своему обыкновению, лицам, присутствовавшим на официальной аудиенции). Тайная аудиенция была назначена на 13 сентября, затем перенесена на 14 сентября, а 14-го послам таинственно сообщили, что „на короля нашла кручина и вам ныне у него не быти“ и что „хотя вам быти у короля, королю с вами не говорити же“. Видимо, Эрик XIV опять стал „не сам у себя своею персоною“: дальнейшие мероприятия — арест Перссона, переговоры с Иоганном III (см. прим. 36) происходили, вероятно, не столько по инициативе короля, сколько от его имени (цитируемое Форстеном письмо короля своему наместнику в Финляндии, чтобы он приготовился встретить русских послов, „получивших от нас решительный ответ“, датировано 15 сентября и относится, следовательно, как раз к этому моменту).

³⁶ Юрья Петрова всю Свейскую землю изымали, да и отдали его и с матерью Ягану. 18 сентября (на следующий день после прихода Иоганна к Стокгольму) Перссон был арестован королевской стражей Эрика XIV. Фактически его арест был отказом от решительной борьбы с восставшими и попыткой компромисса с ними. Сопротивление Стокгольма войскам Иоганна и Карла было настолько слабым, что у русского гонца Шереметьева создалось даже представление, что вся эта борьба за шведский престол является комедией, разграниченной для того, чтобы одурачить русских послов и не выполнить взятых на себя по договору с Иваном IV обязательств: „А черные люди говорили, что то дело меж ими было оманкою, что по Иванову (Воронцова) посольству дела не хотели делати, стрельбою стреляли ухищрением на обе стороны, людем изрону не было“ (Сб. РИО, т. 129, стр. 125). Это объяснение переворота 1568 г. повторено и в послании Ивана IV Иоганну III: „И то уже ваше воровство все наруже — писал царь об этом перевороте — опрометывается как бы гад, розными видами“ (Послания Ивана Грозного, М.—Л., 1951, стр. 146). В действительности, конечно, переворот 1568 г. вовсе не был комедией: Эрик XIV был свергнут (спустя несколько дней, см. прим. 39) вполне „всерьез“, и из короля стал узником (впоследствии он был умерщвлен).

³⁷ берковесь — берковец, 10 пудов.

³⁸ Сентября в 23 сказывал послом Пантелей Юрьев, что Юрья Петрова и с матерью Яган казнил. Согласно „Хронике короля Эрика XIV“ („Konung Erik XIV: s. Kronika“ af Magnus Stigtomensis; Nya Handlingar rörande Scandianaviens historia, D. VIII, 1836, стр. 34). Перссон был казнен 22 сентября 1568 г. (после жесточайших пыток и мучительных истязаний — ср.: Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., т. I. СПб., 1889, стр. 30, прим. 1). О гибели его матери, выданной Иоганну вместе с сыном, существуют различные известия: по некоторым сведениям, она погибла, упав с коня, когда ее насильственно везли в лагерь Иоганна, по другим — была казнена через несколько дней после умерщвления ее сына.

³⁹ Сентября в 29 день Яган Стеколью взял, а в город въехал наперед Ягана брат его Карлус. . . корму не давали четыре дни. 29 сентября 1568 г. Эрик XIV был свергнут с престола и отправлен в заточение; королем стал Иоганн III. — Погром, учиненный над послами после победы Иоганна, был прекращен герцогом Карлом Зюдерманландским. В отличие от своего брата Иоганна, Карл очень хорошо понимал важность сохранения мирных отношений с Русским государством (стремление к мирным отношениям с Русью было характерной чертой Карла и впоследствии, когда он стал королем Швеции).

⁴⁰ Сентября в 30 день Яган в Стеколью въехал. . . И Пантелей велел писати грамоты. Шантаж и последующая ссылка послов свидетельствовали о явной враждебности Иоганна III Ивану Грозному. Воцарение Иоганна III означало начало войны с Московским государством. Военные действия (перемежаемые взаимными „укоризненными“ грамотами) длились в течение семи лет — на Карельском перешейке и в северной Ливонии (Эстонии). Только в 1575 г., потеряв ряд опорных пунктов в Эстонии, Иоганн III вынужден был пойти на заключение перемирия (Сб. РИО, т. 129, № 20).

Статейный список Новосильцева

(Стр. 63—99)

¹ А се таков список дал государю Иван же Новосильцов, как ся во Царегороде государево дело делалось. Посольство Ивана Новосильцева в Турцию относится к 1570 г. (январь—сентябрь). Участниками посольства (перечисление их см. в статейном списке, стр. 73 и 79) были: сам И. П. Новосильцев, его сын, подьячий Портник Износков, татарин Девлеткозя (вероятно, переводчик) и кречетник (лицо, приставленное к кречету — птице, привезенной в подарок султану). Формальной целью посольства было поздравление Селима II с восшествием на престол и установление с ним дипломатических сношений (Селим II вступил на престол еще в 1566 г., но до этого времени дипломатических сношений с ним не было). Фактически посольство Новосильцева было вызвано,

главным образом, стремлением Ивана IV урегулировать отношения с Турцией после неожиданного нападения султана на Астрахань в 1569 г.: занятый тяжелой войной в Литве и Ливонии, Грозный не имел ни желания, ни возможности вести одновременно войну на юге. В грамоте, посланной с Новосильцевым, Иван IV предлагал султану восстановить прежние дружеские отношения между обоими государствами (ЦГАДА, Турецкого двора книга, № 2, л. 3). — Иван Петрович Новосильцев, которому была поручена эта миссия, был лицом с некоторым дипломатическим опытом — в 1564—1565 гг. он вел переговоры с черкасским (кабардинским) князем Темрюком Айдаровичем (ПСРА, XIII, стр. 383, 397). После выполнения своей миссии при дворе султана, И. П. Новосильцев был в 1579 г. назначен начальником Печатного приказа.

² Рыльск, а из Рыльской на Азов. Рыльск — один из городов „Северской Украины“ Русского государства, на притоке Десны р. Сейме, недалеко от литовской границы. До начала XVI в. Рыльск входил в состав Литовского государства. Рыльск находился к западу от основного пути из Москвы на Азов (ср.: В. Е. Сыроечковский. Пути и условия сношений Москвы с Крымом. Известия Академии Наук, Отд. общ. наук, № 3, 1932, стр. 215, 228), и путешествие Новосильцева таким окольным путем скорее всего объясняется боязнью нападения крымцев, очень враждебно относившихся к непосредственным русско-турецким сношениям (ср. стр. 71, 96). От Рыльской почты, как сообщается ниже (стр. 76), направились к Северскому (Северному) Донцу, а оттуда на судах по Дону, его притоку (рукаву) — реке Аксай и снова по Дону до Азова.

³ к азовскому к диздар Сеферю мишкиных казаков. Имеется в виду казачий атаман Михаил (Мишка) Черкашенин, неоднократно выполнявший поручения царя. Официально Михаил Черкашенин вступил на государственную службу с 1572 г. (казаки его были „испомещены“, между прочим, в Рыльском уезде), но еще в 60-х годах он совершал набеги против турецких крепостей на черноморском побережье (ПСРА, XIII, стр. 272, 318); совершал он набеги и на Азов (ср.: С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве. СПб., 1910, стр. 111—112). — Зимовища атаманские — очевидно, и есть место расположения „мишкиных казаков“. — Диздар (слово иранского происхождения) — комендант крепости.

⁴ Оксайское устье — устье реки Аксай, вытекающей из Дона и вливающей в него. В устье Аксая находится в настоящее время станица Аксайская (между Новочеркасском и Ростовом н/Д, около 30 км к северу от Азова).

⁵ аги янычанские (тур. аға — господин, начальник) — командиры янычар; янычары (тур. уení çerî — новое войско) — постоянная военная сила, возникшая в Турции с XIV в. и составленная в основном из детей покоренного турками христианского населения.

⁶ по накрю били и в сурны играли. Накры — ударный музыкальный инструмент типа литавр или барабана; сурна (зуриа) — духовой инструмент типа свирели. Исполнители на этих инструментах именовались накрачами и сурначами.

⁷ ...казыевы татарове, а самого Казыя в те поры в Азове не было. Казы-мурза — основатель и глава так называемой Малой Ногайской орды, отделившейся от Большой Орды и кочевавшей между Доном и Кубанью, к востоку от Азовского моря. В отличие от „больших ногаев“, формально считавшихся союзниками Руси (см. прим. 22), „малые“, или „казыевы“ ногаи считали себя подданными султана и поддерживали союзные отношения с Турцией и Крымом. Крымский хан называл Казы-мурзу „каменной стеной Крымскому юрту и Азову“ (ср.: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке, 1948, стр. 16).

⁸ в судебню перед городными вороты. Речь идет, очевидно, о резиденции кадия — духовного судьи, игравшего большую роль в управлении мусульманских государств.

⁹ турского салтановы люди и Крымской у Асторохани были. Речь идет о турецко-татарском походе на Астрахань в августе—сентябре 1569 г. (подробнее о нем см. прим. 13). Новосильцеву был дан подробный наказ, что „проведывать“ об астраханском походе, и он этот наказ повторяет.

¹⁰ о резанских козакех о Колмаке с товарищи, с которыми послана грамота от Ивана Михайлова х Касыму. Рязанские казаки Колмак и Ширяй были в конце 1568—начале 1569 г. посланы из Москвы в Кафу (Феодосию) с тайной грамотой от дьяка Ивана Михайловича Висковатого к беглербею (наместнику султана) Касим-паше. По вероятному предположению П. А. Садикова, грамота Висковатого заключала в себе, повидимому, „предложения московского правительства Касиму «служить и дружить» московскому царю за жалованье, т. е. подарки, как делали это многие крымские мурзы“ (Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Исторические записки, т. 22, 1947, стр. 161). Миссия Колмака и Ширяя успеха не имела: Касим-паша был весьма активным сторонником войны с Москвой и одним из главных организаторов готовившегося похода на Астрахань (см. ниже, прим. 21 и 50); тайные посланцы были захвачены и использованы в качестве „вожей“ (проводников) при походе на Русь. Русский гонец Семен Мальцев, находившийся в течение долгого времени в крымско-турецком плену, писал царю: „И со мною, государь, на одном корабле сидели Колмак да Ширяй, которые от тебя, государя, х Касым-паше з грамотою присланы, и государьскую грамоту (Касым-паша) целовал и их 3 дни добре почтил и корм давал, а на четвертый день ко мне ж в тюрьму на одну чеп со мною посадил“ (цит. по Садикову, ук. соч., стр. 154). Ширяю, повидимому, удалось бежать, а Колмак был отпущен только после окончания похода на Астрахань.

¹¹ азовский санчак Айдар-бег. Санчак (от тур. *sançak* — знамя) — название военной или административной единицы в Турции; означает также (как в данном случае) начальника этой единицы — полководца или наместника.

¹² большой Абдула-кадый с товарищи проводили на каторги. Кадый — кадий, духовный судья (см. выше, прим. 8). Каторги — гребные судна (галеры).

В качестве гребцов на каторгах использовались обычно невольники, впоследствии — осужденные преступники. Отсюда — второй (современный) смысл слова.

¹³ Было деи под Асторохонью . . . многие с нужи перемерли на Дону. Известия о турецком походе на Астрахань в 1569 г., содержащиеся в статейном списке Новосильцева (см. также прим. 50), представляют большую ценность и могут считаться основным источником по истории этого похода, наряду с рассказом Семена Мальцева, очевидца похода (издан П. А. Садиковым в приложении к статье „Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.“; Исторические записки; т. 22, 1947, стр. 153). Несмотря на полную независимость друг от друга, известия Новосильцева и рассказ Мальцева сходно излагают историю астраханского похода: согласно обоим источникам, турки и татары шли первоначально вверх по Дону (на галерах — „каторгах“, находившихся под командой специального адмирала „капыдона“, и по берегу) до Переволоки (место переправы с Дона на Волгу) и затем, не сумев наладить переправу галер (Мальцев яснее говорит о неудачных попытках турок „копать“ канал), отправили к Астрахани одно пешее войско; однако штурмовать Астрахань это войско не решилось — нехватало „запасу“ (по словам Мальцева, турок смущали еще распушенные им слухи о приближении русского войска); с большими потерями от недостатка пищи и воды турецкое войско вернулось по степи назад к Азову. Об отходе турок без боя от Астрахани сообщает и третий современный русский источник — Разрядная книга (см. в Рукописном отделе БАН, 17.5.29, л. 232 об. — 233). В резко противоречии с этим известием стоит группа источников, возникших в Польско-Литовском государстве. Это — рассказ, записанный, повидимому, со слов каких-то русских эмигрантов в Польше агентом германского императора Циром, и пространная повесть „О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань“ польского посла в Турции Тарановского, включенная в сборники сочинений Курбского и в „Польскую хронику“ Мартина Бельского (об этих источниках см.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 550—552). Повесть Тарановского отразилась и в других польских источниках — в „Хрониках“ Стрыйковского, Гваньини и (через Гваньини) в „Скифской истории“ Лызлова. Во всех этих источниках говорится о военном поражении, нанесенном туркам русским войском под командованием князя П. Серебряного. Чем объясняется такое расхождение в источниках — умалчивают ли русские источники о победе Серебряного, казенного год спустя по „новгородскому изменному делу“, или, наоборот, источники, созданные на польской почве, приписывают ему незаслуженные лавры? В пользу рассказа Мальцева и известий Новосильцева говорят не только хорошая осведомленность авторов и неофициальный (без расчета на гласность) характер обоих источников, но и совпадение их с современным турецким источником — „Историей“ („Тарихи“) Печеви. Здесь также ничего не говорится о военном столкновении, и отступление объясняется плохой организацией похода („История“ Ибрагима Печеви, т. I. Стамбул, 1864/65, стр. 468—470; за перевод этого источника я весьма признателен А. С. Тверитиновой).

¹⁴ к Офонасью Нагово с служилыми татарами. Нагой Афанасий Федорович — выдающийся русский дипломат, выполнявший с 1563 по 1573 г. трудную роль „большого посла“ — своеобразного резидента в Крыму (см. прим. 68). В функции Нагого, несомненно, входил сбор информации о военных планах хана и отправки ее на Русь — крымский посол на Руси сообщал хану: „Что ся деи в твоём юрте ни деет, и послы деи московские выведывают и отпускают с вестями ко государю своему“ (ЦГАДА, Крымская посольская книга, № 13, л. 249). Такой сбор информации проводился Нагим с помощью ряда служилых татар: Собани Рязанова, Нагая Сеундюкова, Петра Ибакова и Лысого Разгозина (а через них с помощью традиционных „приятелей“ Москвы — Сулешевых — см. прим. 23). Через этих же татар, как мы видим, Аф. Нагой завязал сношения и с проезжавшим через Крым И. Новосильцевым.

¹⁵ встала на море хуртина, а се ветр встречу. Слово „хуртина“, разъясненное в данном контексте самим автором списка („а се ветр встречу“), очевидно, одного корня со словами „хурта, хуртовина“ (вьюга, вихрь, набег ветра), встречающимися в ряде русских диалектов (ср.: Даль, Толковый словарь, т. IV. М., 1935, стр. 586; в „Материалах к словарю“ И. И. Срезневского этого слова нет).

¹⁶ спаги (тур. spahi) — турецкое ополчение, набиравшееся из феодалов, получавших за военную службу земельные участки (тимары и зеаметы).

¹⁷ а нашему деи государю Кизылбашской великий недруг. „Кизылбаши“ („красноголовые“) — распространенное на Руси название персов (иранцев) по красному головному убору, символу верности исламу. О связи между астраханским походом и войной Турции с Ираном и о турецко-иранских отношениях см. прим. 50 и 55.

¹⁸ государь наш в которые земли похочет посылать, туды и посылает. Первоначальное решение о посылке Новосильцева, действительно, было принято Иваном IV еще в октябре 1569 г.; ни о каком обращении иогайцев по этому поводу в „Посольских делах“ не сообщается. Несомненно, однако, что миссия эта была связана с нападением турок на Астрахань, и поздравление Селима с восшествием на престол было лишь предлогом для посылки гонца (ЦГАДА, Турецкого двора книга, № 2, л. 35; ср.: Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII в., т. I. М., 1946, стр. 117).

¹⁹ да Нозыря, которому приказано в Кафе город и на салтана збирати всякие пошлины. В отличие от Касима, кафинского санчака, в руках которого находилась верховная военная и гражданская власть в Кафе и прилегающих к ней землях („генерал-губернатор“), Нозырь был, очевидно, главным казначеем („дефтедаром“) Кафы.

²⁰ на скелю (тур. iskele, итальянск. scala) — на пристань (термин этот встречается и ниже, в применении к стамбульской пристани — см. стр. 73).

²¹ И Касим сказал: ...посылал к нему крымской царь, а ялся: „Яз деи шед тебе возьму Асторохань, да и Казань деи твоя ж будет“. Стремление кафинского паши Касима возложить ответственность за астраханский поход на крымского хана в значительной степени объясняется тем, что он сам был одним из главных инициаторов этого похода. Ниже (стр. 82) мы увидим, что турецкие политические деятели, желая выгородить султана, обвиняли в подготовке этого неудачного похода двух лиц — крымского хана и самого Касима: еще будучи „большим дияком“ (дефтедаром), Касим убеждал султана Солимана II в необходимости этого похода; при Селиме II он организовал и возглавил этот поход (став кафинским пашой); после неудачи 1569 г. Касим пытался вновь поднять вопрос о завоевании Астрахани (стр. 86). Что касается крымского хана Девлет-Гирея, то его позиция в отношении астраханского похода была сложной и противоречивой. С одной стороны, крымский хан уже за несколько лет до похода занял в отношении Ивана IV враждебную позицию — в 1564 г. он даже выставил требование об уступке ему Казани и Астрахани; он не отказался от этого требования и после похода — напав на Москву в 1571 г., он провозгласил: „Жгу и пустошу то все для Казани и Астрахани“ (ЦГАДА, Крымская посольская книга, № 13, л. 406; Иван ответил, что готов „поступиться“ Астраханью, если хан изменит общую политику по отношению к нему — лл. 410, 416 об.). С другой стороны, во время самого похода 1569 г. Девлет-Гирей проявлял явную неактивность, заранее предупреждал Ивана IV о замысле „тяжелого человека“ — султана, выражал радость по поводу отмены похода. Такая позиция Девлет-Гирея объясняется, повидимому, тем, что он боялся перехода Астрахани под непосредственную власть султана. А. Л. Новосельский (Борьба Московского государства с татарами в XVII веке, 1948, стр. 26—27) объясняет противоречивость крымской политики в 1569 г. также противоречиями между самим Девлет-Гиреем и более агрессивными крымскими феодалами.

²² Да Касим же спросил про ногайских мирз ... царевича не одного убили. Речь идет о кочевавшей в низовьях Волги Большой Ногайской Орде, во главе которой стоял князь Тинехмат (Дин-Ахмед), сын дружественного Москве князя Измаила. Уверяя Касима, что Тинехмат также вполне „послушен“ Ивану IV, Новосильцев, однако, не раз отмечал в своем статейном списке (как и в донесениях в Москву), что Тинехмат — плохой и ненадежный союзник Руси (см. ниже, стр. 97—98). Борясь с Казахской ордой (хан Хакк-Назар) и опасаясь Крыма, Тинехмат стремился заручиться русской помощью, но одновременно он неоднократно обращался к Девлет-Гирею и султану с предложением совместных действий против Руси. В период турецкого нападения на Астрахань намечалось объединение Больших ногаев с Малыми (Казый; см. выше, прим. 7) и с Крымом против Руси, но практически такое объединение осуществлено не было (см.: П. А. Садиков. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Исторические записки, т. 22, 1947, стр. 134—135, 149; А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. 1948, стр. 27—28).

²³ приехал ден ис Крыма Сулеш-князь... а прислал ден Крымской по свою алафу. Князь (мурза) Сулеш и его потомки „Сулешовы“ играли в Крыму роль „амиятов“ („приятелей“) Москвы, выступали в качестве постоянных посредников между царем и ханом. Сулеш систематически получал от Ивана IV „поминки“ (подарки), сообщая ему иногда конфиденциальные сведения о крымской политике. Однако такая роль Сулеша и членов его рода не считалась предосудительной с крымской точки зрения — несмотря на общепризнанное „москвофильство“ Сулеша, хан, как мы видим в данном случае, поручал ему весьма деликатные миссии, связанные с выяснением направления московской политики. — Алафа (тур.) — жалование; в данном случае — оброк с татарского населения, живущего в Кафе.

²⁴ Иван человек приказной, печатник, да ему же приказана государева казна вести с казначеем с Никитою Фуниковым. О И. М. Висковатом и Н. Фуникове-Курцеве см. прим. 3 к статейному списку Воронцова. Выступление И. М. Висковатого в качестве неофициального посредника между царем и кафинским наместником султана представляет особый интерес в связи с известием двух иностранных источников о протурецких и прокрымских симпатиях Висковатого — связь с ханом и султаном была даже, по словам этих источников, поставлена ему в вину во время казни (Штаден. О Москве Ивана Грозного. 1925, стр. 84—85; P. Oderborn, Wunderbare, erschreckliche, unerhörte Geschichte... Görlitz, 1596, № 2). Следует заметить, что в момент написания и представления списка Новосильцева Висковатый был уже казнен (25 июля 1570 г. — Шлихтинг. Новое известие о России. Л., 1934, стр. 44—45).

²⁵ В третью неделю Петрова поста как Иван приходит с Черного моря в устье Белого моря. Наименование „Белое море“ встречается в „Посольских делах“ (Сб. РИО, т. 95, стр. 667), в летописях (ПСРЛ, VIII, стр. 126; ПСРЛ, XII, стр. 79) и в „Книге Большому Чертежу“ (изд. 1950 г., стр. 96) — всюду в связи с Византией и Константинополем (Константинополь находится между „Черным“ и „Белым“ морями). Составители указателей к ПСРЛ толковали „Белое море“ как Мраморное („Указатель к первым восьми томам“, СПб., 1907, стр. 22, „Указатель к Никоновской летописи“, ПСРЛ, XIV, 2, стр. 181). Однако в турецких источниках „Белым морем“ называется Средиземное море (В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской порты до XVIII в., СПб., 1887, стр. 10); ниже Новосильцев говорит, что на „Белом море“ стоит „Кибора“ — Кипр; следовательно, это — Средиземное море. „Устье Белого моря“ — очевидно, Босфор. В 1570 г. Петров пост начинался 22 мая. Новосильцев переехал Черное море на третью неделю Петрова поста — 4 июня.

²⁶ Большой ... Маамет-паша. Великий визирь Мухаммед Соколи (Соколу, Соколович). Славянин по происхождению, Соколи уже при Сулеймане II достиг выдающегося положения в государстве, а при последующих султанах — бездарных Селиме II и Мураде III — играл руководящую роль во внешней и внутренней политике: „Которое дело похочет зделати большой Маамет-паша, — писал Ново-

сильцев — и то деи зделает, а Турский его жалует и слушает во всем“ (стр. 89). Мухаммед Соколи был сторонником решительной борьбы с Испанией — главным противником Турции на Средиземном море. Как сообщают западноевропейские источники, Мухаммед Соколи считал необходимым оказать помощь маврам, борющимся в то время в Гренаде против Филиппа II; чтобы иметь свободные руки для оказания такой помощи, Турция, по мнению Соколи, должна была отказаться от других военных мероприятий (в частности от войны за Кипр). Астраханская экспедиция 1569 г. была, судя по турецким источникам, совершена с одобрения и даже по инициативе Мухаммеда Соколи („История“ Ибрагима Печеви, т. I. Стамбул, 1864/65, стр. 468), но, убедившись в бесперспективности войны с Русским государством, Мухаммед Соколи стал, повидимому, противником дальнейших столкновений в России (см. стр. 86).

²⁷ не доезжая Царягорода за пять верст под городом под Вакесенем ... а турской Селим салтан против того города был в сараех, а прозвище сараем Кандиль. Кандили — город на восточном (противоположном Стамбулу) берегу Босфора, верстах в 5—10 к северу от Стамбула. Напротив Кандили находятся в настоящее время поселения Арнауткой и Бебек. Сарай (тур. *saray*) — дворец.

²⁸ Маамет Чилибей, царев купец, которой был иа Москве. Пребывание Мухаммеда Чилибея в Москве отмечается в статейном списке и ниже (стр. 94), причем указывается на какие-то недоразумения, происшедшие с ним здесь. В „Турецких делах“, однако, есть указания только о приезде Мухаммеда Чилибея после 1570 г.; о пребывании его в Москве до этого года ничего не сообщается.

²⁹ чаушу. Чауш (тур. *savus*) — посланник или неофициальный помощник посла; в данном случае — дипломат невысокого ранга.

³⁰ А пришел Иван во Царьгород на третьей неделе в понедельник Петрова поста — 5 июня 1570 г. (см. прим. 25).

³¹ на третей день в среду — 7 июня.

³² И Иван того дни к паше ездил ... паши Ивана не спрашивали. Визиты И. Новосильцева к Мухаммеду Соколи, визирю-серасекиру Пертавпаше и к другим пашам до приема у султана представляли собой нарушение традиционного дипломатического ритуала — обычно послы категорически отказывались являться к кому бы то ни было до приема у государя (ср. стр. 13, 169 и 241). Едва ли Новосильцев решился на это по собственной инициативе: вероятно, ему было разрешено такое нарушение правил, ввиду особой важности улучшения отношений с султаном в этот период. На другое нарушение ритуала Новосильцев не согласился: он не отдал грамоту царя паше (вместо султана), как тот предлагал, но отклонил это предложение в необычайно мягкой форме (ср. стр. 109 и стр. 74).

³³ На той же неделе в субботу ... а вы ныне говеете, а рыбы здесь мало. Прием у султана состоялся в субботу, 10 июня 1570 г. Дело происходило, как мы уже знаем, во время Петрова поста — послы „говели“ (см. прим. 25).

³⁴ яныченской большой войвода Сьяуш-ага — командир янычаров Сьяуш-ага, впоследствии дважды занимавший пост великого визиря.

³⁵ копычен — придворные султана, формальной обязанностью которых была охрана дворцовых входов (тур. *karisi* — привратник).

³⁶ зуб рыбей — моржовые клыки, нередко приносимые в дар („поминки“) иностранным государям.

³⁷ „Да коею еси, господине, дорогою с Москвы шел?“ „... яз шел тою дорогою“. О необычности пути Новосильцева см. прим. 2. Спрашивая Новосильцева, зачем он не шел через Астрахань, паши, очевидно, хотели выяснить дальнейшие планы царя, связанные с этим городом (ср.: Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII в., т. I. М., 1946, стр. 121).

³⁸ „Ходят деи в Асторохань и к Москве бухарцы и шамохейцы... чтоб меж государей добро было“. Бухара была с середины XVI в. центром мощного Узбекского государства, возглавляемого ханом Абдуллой II. Шемаха — центр Ширванского ханства, занимавшего северную часть нынешней Азербайджанской ССР. В обоих государствах господствовала мусульманская религия, в связи с чем отсюда систематически отправлялись паломники в Мекку (так называемый „хадж“, хождение к гробу Мухаммеда). В грамоте, посланной Иваном IV султану после приезда Новосильцева, задержка паломников в Астрахани объяснялась нападением турок и татар на этот город; в дальнейшем Иван IV обещал открыть астраханскую дорогу (ср.: Н. А. Смирнов, Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, стр. 122). В доказательство того, что Иван IV не питает вражды к мусульманам, Новосильцев привел список мусульманских „царевичей“, служивших Грозному и игравших видную роль при нем (ср. приведенный им список с „Выписками о приезжавших на Москву царевичах и черкасских и нагайских мурзах, с 1552 по 1618“: РИБ, т. XXII, Дела Тайного приказа, кн. II, СПб., 1908, столб. 53 и сл.). — Мизгити — довольно распространенное на Руси (ср.: Срезневский, т. II, столб. 134) название мусульманских мечетей (тур. *misçit*); кишени (от турецкого *kiş* — вера) — также название мусульманских молелен.

³⁹ стали давати турским людям алафу турского в хамянных мехах... а срок деи тем людям давно алафе минул. Алафа (тур.) — жалованье; хамянные — не вполне понятное название какого-то материала, встречающегося и в других древнерусских источниках (Срезневский, т. II, столб. 1359). О расширении контингента лиц, получавших султанское жалованье и о нехватке в связи с этим жалованья сообщает и турецкий писатель XVII в. Кочибей Гомюрджинский (ср.: В. Д. Смирнов. Кучибей Гомюрджинский о причинах упадка Турции. СПб., 1873, стр. 94—95, 128—129). — „Османка“ — „акче-и-османи“ (перевод греческого „аспер“), мелкая турецкая серебряная монета; ниже (стр. 88, 91) она приравнивается к 1 копейке.

⁴⁰ турские митрополиты. Речь идет о высших представителях мусульман-

ского духовенства (см. ниже, прим. 66), выполнявших должность судей (в частности, в турецком войске).

⁴¹ а поклон правил стоя, а не на коленках, и салтан против того не промолвил ни одного слова. Особые почести для русского посольства отмечаются Новосильцевым и ниже, стр. 79. Русские послы уже с конца XV в. (посольство Плещеева) сумели добиться для себя значительно более почетных условий приема в Стамбуле, чем западноевропейские (ср. статью А. Неклюдова „Начало сношений России с Турцией“: Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел, вып. III—IV, М., 1883). Главной причиной этих преимуществ для русских дипломатов был, несомненно, страх султана перед могуществом царя — как отмечал один из венецианских дипломатов того времени, „великого князя московитов султан должен бояться также и потому, что он принадлежит к греческой церкви, как население Болгарии, Сербии, Боснии, Морен и Греции, которое ему в высочайшей степени предано, ибо оно придерживается того же греческого обряда, и они также вполне готовы взяться за оружие, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться господству великого князя“ (ср.: J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanisches Reiches, B. III, Gotha, 1855, стр. 529).

⁴² А салтан сидел . . . а под ним был тюшак золотный . . . а на салтане была чюга. Тюшак (тур. döşek) — матрац, тюфяк, подстилка; чюга (тур. çuha) — сукоинная материя, покрывало.

⁴³ приехав Совею — название это непонятно. Может быть здесь имеется в виду цареградская София — православная церковь, ставшая при султанах мечетью?

⁴⁴ подле его стоят с саадаком да з саблюю да з будями. Саадак (тур. saghdak) — род лука-самострела; будей, буди — ножи (ср.: Срезневский, т. I, стлб. 189).

⁴⁵ написано . . . имя в вышнем кругу золотом иным письмом. — В грамоте Ивана IV Селиму II „имя божье и царево и великого князя и турецкого Селим-салтана“ было „писано в трех крузах золотом“ (ЦГАДА, Турецкого двора книга, № 2, л. 2 об.). Написанный, вероятно, более вычурным почерком (вязью), текст этот показался особенно трудным турецким переводчикам.

⁴⁶ А как государеву . . . грамоту перед салтаном прочли, и Селим деи салтан стал быти добре весел. В грамоте, посланной с Новосильцевым, Иван IV писал султану, что между их государствами всегда была дружба, что „ныне всчиняется недружба неведомо за что“, и предлагал возобновить прежнюю дружбу (ЦГАДА, Турецкого двора книга, № 2, л. 2 об.—3). После неудачи астраханского похода, в обстановке начинающейся большой войны с Венецией, поддержанной другими католическими силами (см. ниже, прим. 61), султан едва ли мог отклонить эти предложения. Но полного успеха миссия Новосильцева все-таки не имела; как утверждал находившийся в это время в Стамбуле венецианский посол (РИБ, т. VIII, стр. III—IV), Новосильцев был недоволен тем, что султан не счел нужным послать ответное посольство.

⁴⁷ Да Иван же проводывал... как ныне салтан с цысарем и с Кизыл-башским и с Литовским и с Угорским. Новосильцев переходит от текущего „статейного списка“ (дневника) к „вестовому списку“, излагая (вплоть до стр. 89) собранные им „вести“ о политике (внешней и внутренней) султана. Предварительно он повторяет данный ему перед отъездом „наказ“, в котором перечислялись интересующие Ивана IV вопросы.

⁴⁸ и деялось деи при прежнем турском Сулейман-салтане... а с Кизыл-башским Турской за то был в недружбе и воевался с ним покаместа жив был. Восстание и гибель Баязета, младшего сына Сулеймана II (Великолепного), относятся к 1559 г. Баязет выступил против своего брата Селима (будущего Селима II), наследника престола, поднял мятеж в Малой Азии, был разбит войсками Сулеймана II и Селима, бежал в Иран и был там удушен по приказу шаха. Рассказ Новосильцева содержит ряд подробностей, отсутствующих в других источниках и основанных, вероятно, на устной информации, полученной послом от лиц, враждебных Селиму II. К числу таких подробностей относится утверждение Новосильцева, будто шах удавил Баязета по личной просьбе Селима и вопреки желанию Сулеймана: по известиям иностранных дипломатов, живших в Турции во время мятежа Баязета, Сулейман II был вполне удовлетворен умерщвлением сына и даже послал за это шаху богатые подарки. Маршрут Баязета, описанный у Новосильцева (Крым—Кафа—Северный Кавказ—Иран), также противоречит другим источникам, согласно которым Баязет потерпел поражение в Малой Азии, вблизи иранской границы и сразу же перешел эту границу (ср.: J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches, B. III. Gotha, 1855, стр. 39—50; N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, B. III. Gotha, 1910, стр. 128—132). — Али-паша — Али, занимавший пост великого визиря до 1565 г., когда его сменил Маамет-паша — Мухаммед Соколи. — Юк (тур. yük) — крупная денежная единица — 100000 асперов.

⁴⁹ А Сулейман деи салтана не стало под Петцким городом, как он ходил с своею ратью, а сказывают — его ушибло от пушки. Султан Сулейман II умер в сентябре 1566 г. во время войны с Германской империей, при осаде города Сигета в Венгрии (а не города Печ — Фюфкирхен, также бывшего предметом борьбы во время этой войны). Причиной его смерти была, повидимому, дизентерия (J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches, B. II. Gotha, 1855, стр. 908; N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches, B. III. Gotha, 1910, стр. 61).

⁵⁰ А как деи Селим-салтан после отца своего сел на царство... быти же изведенным. Рассказ об астраханском походе, услышанный Новосильцевым в Стамбуле, дополняет известия, полученные им во время пути (см. прим. 13), но не противоречит этим известиям. Как и в первом рассказе, здесь указывается, что прямого военного столкновения с „московскими людьми“ не было: „А только б деи на нас пришли московские люди, и нас бы деи и достольных

побили". Турецкие осведомители Новосильцева связывали астраханский поход с турецко-иранской борьбой — связь между этими фактами подчеркивают и другие источники: „История“ Печевы („История“ Ибрагима Печевы, т. I. Стамбул, 1864/65, стр. 468) и донесение французского поверенного в Турции, где говорится, что между шахом и русским царем велись в 1569 г. дружественные переговоры и что шах начал „волноваться“ („à brusler“) и захватил несколько турецких поселений на границе (Charriere. *Negociations de la France dans le Levant*, III, Paris, 1853, стр. 58, 63 и 83). Роль Касима в подготовке похода также отмечается Печевы. — Онодольская земля — Анатолия. — Не совсем понятно, о каком неудачном „подкопе“ во время похода идет речь — о попытке прорыть Волго-Донской канал (см. прим. 13) или о подкопе под самой Астраханью. — О сыне крымского хана, жившем в Турции, см. ниже, прим. 65.

⁵¹ а посаженный деи он иа Крыму отца моего. Крымские ханы были вассалами Турции. В 1551 г. по приказу султана Сулеймана II был свергнут и умерщвлен крымский хан Сахиб-Гирей, и на престол посажен его племянник Девлет-Гирей, живший до этого времени в Турции (ср.: В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. 420—423).

⁵² Урус-мурза да азстороханцы. Урус-мирза — брат и наследник (нур-аддин) Тинехмата, князя большой Ногайской Орды (см. выше, прим. 22), владевший „юртом“ (уделом), непосредственно примыкающим к Астрахани. Урус-мирза вел неискреннюю и двойственную политику по отношению к Руси, и еще до нападения турок на Астрахань в Москву доходили слухи о его сношениях с Крымом.

⁵³ Да про азстороханской же поход во фрянские города весть пришла, что Азсторохани не взяли, а людем учинился великий изрон, и фрянки деи о том возрадовались. Фрянки (frenk, frengi) — турецкое название западных европейцев; оно было принято и на Руси (особенно в применении к южной Европе). Радость „фрянков“ объяснялась, конечно, тем, что как раз в это время Венеция, папа и Габсбурги (Испания и Германская империя) вели ожесточенную борьбу с Турцией (война в Венгрии за несколько лет до приезда Новосильцева, война на Средиземном море во время его пребывания в Турции) и были заинтересованы в военном ослаблении султана. Известие Новосильцева о „радости“ в Западной Европе по случаю неудачи астраханского похода следует сопоставить с сообщением русского посла в Польше Мещерского, что „царь“ (германский император) укорял польского короля за помощь „крестьянстейших земель ненавистнику“ султану против русского „христианского государя“ и радовался неудаче турок (Сб. РИО, т. 71, стр. 800). Без помощи восточно-европейских государств Габсбурги не могли рассчитывать справиться с „Турком“. Это хорошо понимали их враги: „Если Московит и Поляк смогут примирить свои старые ссоры и смогут совместно напасть на это государство, — писал французский посол в Турции, — их силы будут более опасны, чем все

христианские принцы совместно. Также безнадежно рассчитывать потрепать этого человека на море (речь идет все о той же „священной лиге“ против султана, — Я. А.), если он не будет одновременно осажден на суше: иначе это все равно, что биться головой об стенку“ (Charriere, *Negociations de la France dans le Levant*, t. III. Paris, 1853, стр. 300—301). Западноевропейские враги султана проявляли большой интерес к миссии Новосильцева: венецианский посол в Стамбуле утверждал даже, что он беседовал с русским послом (РИБ, т. VIII, стр. III—IV), но Новосильцев об этом ничего не сообщает.

⁵⁴ С Царским з дальним Турской в дружбе. Сведения, полученные Новосильцевым об отношениях между Турцией и западноевропейскими государствами, были весьма путанными и неясными — обстоятельство, делающее сомнительным утверждение венецианского посла, что Новосильцев беседовал с ним (см. прим. 53). „Цесарем“ в русских документах именуется германский (габсбургский) император; но в данном случае он едва ли имеется в виду: ниже говорится о „другом цесаре, что Петцкий король“ — определение, более подходящее к императору (см. прим. 60). „Дальний цысарский“ — скорее всего французский король: Франция была в то время единственным западноевропейским государством, действительно поддерживавшим (еще с первой половины XVI в., со времени короля Франциска I и Сулеймана II) дружеские отношения с Турцией.

⁵⁵ А Кизылбашской... меж их с Турским война. Формально в царствование Селима II между Турцией и Ираном войны не было. Но фактически „Кизылбашский“ шах, несомненно, оставался в течение всего этого времени опаснейшим врагом султана (ср.: Jorga, *ук. соч.*, III, стр. 132—133). О связи между походом на Астрахань и турецко-иранской борьбой см. выше, прим. 50.

⁵⁶ С Литовским Турской в дружбе... поминки деи ко мне присылай таки по-старому. Польский король Сигизмунд II Август, действительно, старался поддерживать с султаном дружеские отношения и даже пытался получить от него помощь против Москвы: через год после завоевания Иваном IV Полоцка в 1564 г. Сигизмунд II ходатайствовал перед Сулейманом II о такой помощи (Charriere, *Negociations de la France dans le Levant*, t. II. Paris, 1850, стр. 758). В 1569 г. (см. выше, стр. 82) король, однако, не поддержал турок, напавших на Астрахань: это объясняется тем, что, убедившись в бесплодности дальнейшей войны с Москвой, Сигизмунд II вел в это время переговоры о перемирии с Иваном IV; кроме того, отношения между польским королем и султаном сильно ухудшились в связи с борьбой за престол в Молдавии. Желая урегулировать отношения, Сигизмунд II послал в 1569 г. в Стамбул своего посла Тарановского, бывшего очевидцем похода на Астрахань (о его рассказе см. прим. 13).

⁵⁷ царица, Селимова мати, родом литовка. Имеется в виду любимая жена Сулеймана II, Хуррем, часто именуемая в европейских источниках „Роксоланой“, т. е. „русской“. Роксолана была, повидимому, украинкой, в прошлом подданной Польско-Литовского государства („литовкой“). Влияние Роксоланы на Сулеймана II и вообще на турецкую политику, повидимому, преувеличива-

лось европейцами — во всяком случае, она едва ли сохранила какие-либо верноподданические чувства по отношению к „литовскому“ королю.

⁵⁸ С Угорским Турской в дружбе. Речь идет, очевидно, о трансильванском князе Яне-Сигизмунде Заполя, сыне Яна Заполя, венгерского магната, занимавшего (с помощью турок) венгерский престол. Как и Ян Заполя, Ян-Сигизмунд был вассалом султана; как и его отец, он претендовал на венгерскую корону, повтому он, очевидно, и именовался в Стамбуле „Угорским“.

⁵⁹ А с мозярским королем и с арапы Турской не в дружбе. „Можарами“ (мадьарами) называли на Руси венгров и Венгрию (ср., например: ЦГАДА, Крымская посольская книга, № 12, л. 45). Что же значит „мозярский король“? Это не может быть князь трансильванский — „угорский“, так как он упомянут в предыдущей фразе как друг султана; это не может быть и германский император — „питцкой король“, так как он упоминается в последующей фразе (см. прим. 60) в качестве особой политической фигуры. „Мозярский король“ — это, повидимому, габсбургский эрцгерцог Карл, брат императора Максимилиана II, владевший Штирией, Каринтией и Крайной — областями, входившими некогда в состав Венгерского королевства. Эрцгерцог Карл действительно непрерывно подвергался нападениям турок, в связи с чем он, будучи ревностным католиком, принужден был даже обращаться к помощи протестантов. — Арапы — очевидно, арабы; см. прим. 62.

⁶⁰ Другово цысая... еще из Царяграда назад не отпушен. „Питцким“, „Печским“ королем турки, очевидно, называли императора Германской Священной Римской империи (так именуется император в сообщениях Нагого из Крыма: ЦГАДА, Крымская посольская книга, № 12, лл. 339 об.—346). „Другим цысарем“ император именуется в отличие от упомянутого выше „дальнего цысая“ (французского короля? — см. выше, прим. 54). Военные действия между Германской империей и Турцией, во время которых умер Сулейман II (см. прим. 49), завершились в 1568 г. миром (перемирием) на восемь лет. Весной 1569 г. в Стамбул приехали послы императора Максимилиана II Минквиц и Провизионалли, привезшие ежегодный „дар“ (фактически — дань) в 30 тыс. дукатов (ср. J. Hammer. Geschichte des Osmanisches Reiches, В. II. 1834, стр. 375). „Дружба“ между „цысарем“ и султаном была, однако, чрезвычайно непрочной: ниже сам Новосильцев упоминает, что „Питцкой“ собирался выступить против султана во время нападения последнего на Кипр (стр. 87).

⁶¹ А со Фрянским с паном королем Турской не в дружбе потому, что фрянского короля город Кыборз стоит на Белом море меж турских городов... итти с самим Селимом под Кыборз. В списке Новосильцева описывается начало войны Турции с Венецией за остров Кипр („Кыборзь“ — ср. турецкое Kibris — „Кыбрис“ и греческое Κύπρος — „Кипрос“). Фрянский пан-король — очевидно, венецианский дож: Кипр принадлежал Венецианской республике, и перед завоеванием этого острова Селим II действительно обратился к Венеции с предложением уступить ему этот остров; венецианцы ответили решительным отка-

зом. Новосильцев приводит официальную турецкую мотивировку этого требования: султан утверждал, что Кипр некогда принадлежал Египту („Мисюръ“ — Мыср, турецкое название Египта), ставшему теперь его владением, и что венецианские власти Кипра препятствуют свободной навигации турок по Средиземному морю (ср.: J. Hammer. Geschichte des Osmanisches Reiches, B. II. 1834, стр. 402—403; N. Jorga. Geschichte des Osmanisches Reiches, B. III, стр. 143). Нападение турок на Кипр привело к образованию „Священной лиги“ католических государств, в которую входили, наряду с Венецией, папа и испанский король Филипп II (германский император — „Питцкий король“ — в лиге фактически не участвовал). Однако в обороне Кипра союзники мало помогли Венеции и ей приходилось оборонять его своими силами. Осада Кипра началась весной 1570 г., первые турецкие войска высадились в июле 1570 г. Во главе морских сил Турции стоял „капудан-паша“ Пиале и командующий сухопутными силами Лала-Мустафа (третий „паша“, названный в списке, — очевидно, один из помощников Пиале или Лала-Мустафы). Количество турецких войск, названное Новосильцевым (52 тыс.), примерно совпадает с цифрой, названной западными источниками.

⁶² Турской же послал сего лета к городу к Емию . . . турецких людей всех побили арапы наголову. Речь идет, повидимому, о войне в Аравии, ведшейся турками в 1565—1570 гг. В 1565 г. в южной Аравии (Иемене) вспыхнуло восстание под руководством Мутаггера. В 1570 г., однако, это восстание было в основном уже подавлено турецкими войсками под руководством Синан-паши (впоследствии многократно занимавшего пост великого визирия), и Мутаггер пошел на соглашение с султаном, сохранив за собой небольшие владения.

⁶³ Да сего ж лета фрянки у Турского взяли три города — Малту, да Венедих, да Белгород . . . а взяли их турки при прежнем салтане. Это известие статейного списка Новосильцева еще раз обнаруживает два характерных свойства его турецких информаторов; с одной стороны, фантастическое преувеличение турецкого могущества, причисление к султанским владениям таких областей, которые никогда туда не входили, с другой стороны, крайне пессимистический взгляд на международное положение Турции в последние годы — при Селиме II, подчеркивание личных неудач этого султана. В действительности ни остров Мальта, ни тем более Венеция („Венедих“ — Venedig, германское название Венеции) никогда не бывали „взяты“ турками. Остров Мальта принадлежал рыцарскому ордену иоаннитов; в 1565 г. Сулейман Великолепный предпринял осаду острова, но она кончилась неудачей. Венеция, значительно ослабевшая к XVI в., но все же весьма могущественная средиземноморская держава, вела в это время борьбу с Турцией из-за Кипра (см. выше, прим. 61); спустя год венецианцы в союзе с испанским королем Филиппом II и другими католическими силами нанесли туркам поражение в морской битве при Лепанто. Белгород — очевидно Белград. Белград действительно был завоеван турками

еще в 1521 г., но не был потерян ими при Селиме II (он оставался под турецкой властью еще несколько столетий).

⁶⁴ У Селим-салтана большой сын Мурат-салтан 18 лет... Селимова же дочь за Маамет-пашою. Мурад — старший сын Селима II, впоследствии (с 1574 г.) — султан Мурад III. До своего вступления на престол он жил в Малой Азии („Урюмская земля“, очевидно, означает „Румская“; „Рум“ — наименование малоазнатских владений Турции, прежде принадлежавших Византийской — „Римской“ империи; Амасья — город в Малой Азии). Принц Баязет и другие малолетние братья Мурада были умерщвлены при его вступлении на престол — как опасные конкуренты. Дочь Селима II была женой великого визиря Мухаммеда Соколи.

⁶⁵ У Селим же салтана Крымского царя сын Ган-султана... ездит не велит. В Турции жили два сына Крымского хана Девлет-Гирея — Ислам-Гирей, занявший впоследствии (1584—1588) крымский престол, и Гази-Гирей, также ставший потом (1588—1608) ханом (ср.: В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. 441—444). Астраханский хан („царь“) Дербыш (Дервиш)-Али бежал из Астрахани при завоевании ее русскими в 1557 г.; по известию русской летописи, он „бежал в Азов, а оттоле к Меки (т. е. в Мекку)“ (ПСРЛ, XIII, стр. 277). В дальнейшем он и его потомство, очевидно, обосновались в Турции.

⁶⁶ Турского паши... Ибреим-бег. Следует перечисление виднейших сановников (светских и духовных) Селима II. О великом визире Мухаммеде Соколи см. прим. 26. Пертав-паша — визирь-серасекир, впоследствии один из участников битвы при Лепанто (см. прим. 63). Ахмед („пятай Агмат-паша“) — будущий преемник Мухаммеда Соколи на посту великого визиря. Пиале („Пиала-паша“) — третий визирь, до этого — „капудан-паша“ (адмирал), командовавший турецким флотом при завоевании Наксоса и Кипра. Большинство перечисленных сановников было европейского происхождения („ренегаты“): Соколи был славянином (сербом из Черногории), Зал-Махмуд („Зал-паша“) — немцем, Пиале — венгром, Махмуд — („Магмут-паша“) — болгарин. „Патриархом“ Новосильцев именует „великого муфтия“, духовного главу мусульман, являвшегося одновременно и верховным военным судьей — „кады-аскером“ (тур. — *kadi asker*). Муфтием в этот период (1545—1574) был Эбу-сууд-Эфеиди.

⁶⁷ Да Ивану же говорит чауш... и крым-шевкалы воевал. С этого места снова продолжается текст статейного списка. Разговор Новосильцева с Мухаммедом Соколи касался вопроса о Терском городке — одного из самых важных для Турции и Крыма вопросов. В 1561 г. Иван IV женился на Марии Темрюковне — дочери кабардинского князя Темгрюка. Брак этот имел большое политическое значение: под русское влияние попадала Кабарда — центральное княжество Северного Кавказа. В 1563 г. русские поставили первый „город“ (крепость) на р. Терек; в 1567 г. был поставлен второй „город“ — недалеко от впадения Сунжи в Терек (см. статью Е. Н. Кушевой в „Исторических записках“, т. 34, стр. 275, 277, 278). На южном берегу Терека (по побережью

Каспийского моря) находились области, которые пытались включить в сферу своего влияния Крым и Турция, — кумыки („кумуки“), шамхалат в Дагестане („шевкалы“). Продвижение русских сил на Терек вызывало сильное беспокойство хана и султана. Крымский хан заявлял, что если Иван IV будет „на Терке город ставить, и он мне давай гору золоту, и мне с ним не мириватца“ (ЦГАДА, Крымская посольская книга, № 13, л. 41об.). Султан также считал ликвидацию Терского города одним из главных условий мира. В переговорах с Соколи Новосильцев указывал, что связь Ивана IV с Кабардой не затрагивает интересов турецких вассалов, так как „от Кабарды до Бесленей верст с пятьсот“ (Беслани — адыгейское племя бесленейцев, жившее между Кубанью и Лабой).

⁶⁸ „Как, господине, государь ваш с Крымским живет... послов в Крыме держат тому же осьмой год“. О русско-крымских отношениях в этот период см. прим. 21. Спор о „поминках“ (систематической присылке денег) для хана велся между Иваном IV и Девлет-Гиреем с 1564 г.: Девлет-Гирей требовал таких „поминок“, которые получал его отец Мухаммед-Гирей при Василии III (ср.: ЦГАДА, Крымская посольская книга, № 11, лл. 131—133), Иван IV не соглашался. Вопрос о „задержке“ ханом русских послов Нагого (см. прим. 14) и других в Крыму был сложнее, чем изображали послы: Иван IV сам не хотел отзываться этого посла из Крыма, несмотря на угрозы хана „выбить“ его насильственно, так как видел в его пребывании там некоторую гарантию стабильных отношений с Крымом (ЦГАДА, Крымская посольская книга, № 12, л. 69, 86; № 13, лл. 12—12 об., 153, 311; ср. ссылки на миссию Нагого в переговорах с Польшей — Сб. РИО, т. 71, стр. 265, 591 и др.). Нагой находился в Крыму с 1563 г. После крымского нападения на Русь в 1564 г. Иван IV на много лет задержал крымских послов — Ян Болдуя и др.

⁶⁹ Да после того в неделю... послал ко государю Селим саатан. В грамоте, посланной с Новосильцевым, султан фактически отказывался от претензий на Астрахань (признав, что „бог твоему величеству Астрахань поручил“) и выставлял требования, уже упомянутые в предыдущих переговорах: открыть астраханскую дорогу для мусульман-паломников, снести город на Тереке и отпустить задержанных Иваном IV крымских послов (ЦГАДА, Турецкого двора книга, № 2, л. 56; ср.: Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. М., 1946, стр. 121—122). Грамота была передана Новосильцеву в „неделю (воскресенье), канун оспожину заговейну“. Оспожино (богородицы) заговейне — день накануне Успенского поста, приходящегося всегда на 1 августа; следовательно это — 31 июля. „Канун оспожина заговейна“ — 30 июля.

⁷⁰ Ивану же сказывали... не дадимся деи никому“. Тревожные вести о подготовке крымского нападения на Русь, собранные Новосильцевым, были, повидимому, достоверными: спустя полгода после приезда Новосильцева, в мае 1571 г. Девлет-Гирей совершил большой поход на Москву и разграбил ее.

⁷¹ а про Иванову грамоту Михайлова сказал. Речь идет о грамоте И. М. Висковатого, посланной кафинскому наместнику Касиму с казаками — Колаком и Ширием (см. прим. 10).

⁷² Да нагайские ж деи мурзы присылали из Нагаи послов х Казы-мирзе, да х Крымскому. Речь идет, очевидно, о Больших Ногаях, так как Казы-мурза был вождем Малых Ногаев (ср. прим. 7). Таким образом, обнаруживается, что и князья Большой Ногайской орды, формально — союзники Москвы, вели враждебную Ивану IV политику (ср. прим. 22).

⁷³ От Цымлы-реки не дошед Переволоки. Река Цымла — правый приток Дона. Переволока — постоянное место переправы с Дона на Волгу (недалеко от Царицына). Обратный маршрут Новосильцева шел, таким образом, через Волгу, но не через Астрахань, как советовали ему в Стамбуле (путь от Азова к устью Волги представлял серьезную опасность для русских послов из-за кочевавших в этом районе ногаев).

⁷⁴ 2 кожи овечьих шарапу. Шарап (тур. şarap) — вино.

⁷⁵ по осьмине без четвертника. Осьмина и четвертник — древнерусские меры сыпучих тел. В осьмину входило примерно 3 пуда зерна; четверик — $\frac{1}{4}$ осьмины ($\frac{3}{4}$ пуда); следовательно, послы получали по $2\frac{1}{4}$ пуда (36 кг) пшена в деиь.

⁷⁶ зетинного масла (от турецкого zeytuni — оливковый) — оливкового масла.

Статейный список Писемского

(Стр. 100—155)

¹ А се список посольства Федора Писемского да подъячего Неудачи Ховралева как ся у них в Аглинской земле государево дело делалось. Пребывание Ф. А. Писемского и Ховралева в Англии относится к 1582—1583 гг. Эта дипломатическая миссия совпала с окончанием Ливонской войны; в начале 1582 г. было заключено перемирие на 15 лет (так называемый Запольский мир) с Польшей; в 1583 г. (одновременно с миссией Писемского) велись переговоры о перемирии со Швецией; оба эти перемирия были невыгодны для Русского государства (Иван IV терял все свои завоевания в Прибалтике). Готовясь к новой борьбе, Грозный искал союзников в Европе. Католические державы были явно враждебны русскому продвижению в Прибалтике: Грозный поэтому решил обратиться к Англии — государству, занимавшему независимую и даже враждебную позицию по отношению к католическому миру. Еще в 1580 г. он отправил к английской королеве Елизавете своего гонца — Джерома Горсея (англичанина, торговавшего в России и пользовавшегося особым благоволением царя) с тайными грамотами, очевидно, уже содержащими предложение военного союза (см.: Горсей. Путешествие в Московию — англ. изд.: *Russia at the close of the XVI century*, ed. by Bond, London, 1856, стр. 186; русск. перевод:

Записки о Московии XVI в. Горсея, СПб., 1909, стр. 45). Предварительные переговоры, веденные Горсеем, были, повидимому, успешны; продолжением их и должна была быть миссия Писемского и Ховралева (включавшая в себя вопрос о союзе наряду с вопросом о женитьбе царя на родственнице Елизаветы). Дворянин и наместник Шацкий Федор Писемский, избранный для осуществления этой миссии, был одним из наиболее опытных и умных дипломатов при дворе Ивана Грозного. С 1564 по 1573 г., в период, когда крымский хан не раз проявлял враждебность к Руси и было особенно важно сохранить с ним мир, Писемский был (вместе с А. Нагим) послом в Крыму. Грозный высоко ценил дипломатические способности Писемского и уже в 1571 г. отмечал его заслуги (ср.: П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 139).

² Холмогоры — Холмогоры, древний город в нижнем течении Северной Двины (в 70 км к югу от Архангельска); в летописях упоминается с XIV в.; до XV в. входил в состав Новгородской земли (Заволочье или Двинская земля). После присоединения к Русскому государству стал (несмотря на свою относительную отдаленность от моря) главным центром беломорской торговли. Сюда направлялись иностранные купцы, прибывавшие через Белое море; здесь находилась одна из торговых контор английской „Московской компании“. Лишь после построения Архангельска Холмогоры стали терять свою роль торгового центра.

³ на Корельском устье. Имеется в виду Никольско-Корельское устье Северной Двины. Здесь, на берегу Белого моря, находился Никольско-Корельский монастырь, к которому в 1553 г. пристал занесенный бурей английский корабль Ричарда Ченслера; с этого времени Никольско-Корельское устье стало постоянной пристанью английских кораблей.

⁴ датские разбойники. — В XVI в. Дания была сильнейшей морской державой на Балтике; датские пираты, обычно действовавшие с ведома и одобрения датского короля (каперы, приватиры), играли важную роль в войнах XVI в. — шведско-датской („Северной семилетней“) и Ливонской. В период русско-датского сближения, когда брат датского короля Магнус выступал в качестве „короля Ливонии“ и вассала Грозного, датские пираты нередко действовали на стороне русских — датский моряк Карстен Роде со значительными морскими силами поступил в 1570 г. на службу к Грозному. С 1575/76 г. в русско-датских отношениях наступил перелом: напуганный блестящими успехами русских войск, в частности завоеванием русскими северо-восточной Эстонии (Пернов, Апсал и т. д.), датский король Фридрих II стал обнаруживать первые признаки враждебности (ср. об этом ответ Грозного датским послам: Русские акты Копенгагенского Гос. архива, РИБ, XVI, СПб., 1897, № 34); в конце Ливонской войны (после измены Магнуса Грозному) Фридрих II фактически помогал врагам Грозного. После потери русскими Нарвы, когда торговля с Западной Европой вновь сосредоточилась в Северном Ледовитом океане, Фридрих II сделал попытку преградить морской путь на Русь и в этом направлении:

стал „вступаться в морской ход“ вдоль берегов Норвегии и приказал своим кораблям задерживать и грабить корабли, идущие на Русь. Грозный в 1582 г. решительно протестовал против такого „разбойного обычая“ датчан (там же, № 49).

⁵ Иванова де Белоборода карабли аглинским кораблем не оборонь. Иван Белобород — антверпенский купец Ян де Валле, многолетний и энергичный противник английских купцов на Руси. В исторической литературе Ян де Валле часто именуется „голландским купцом“ и борьба его с англичанами рассматривается как проявление англо-голландской торговой конкуренции (ср.: В. А. Кордт. Очерки сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов. Сб. РИО, т. 116, стр. LXXXII—LXXXVIII; И. И. Любименко. Торговля России с Англией и Голландией в 1553—1649 г. Известия АН СССР, 1933, VII сер., № 10, стр. 744). Однако сам Ян де Валле именовал себя „ишпанского короля гостем“, и у нас имеются веские основания считать его агентом испанского короля Филиппа II — злейшего врага Англии. В 1587 г. Ян де Валле выступал в качестве неофициального помощника при Н. Варкоче, который был послом германских Габсбургов (имевшем полномочия и от Филиппа II) в Москве; Валле должен был скрывать приезд Варкоча от англичан; в случае приезда непосредственных представителей испанского короля, Ян де Валле должен был подтвердить полномочия этих представителей. Борьба англичан против де Валле (они перехватывали его корабли и почту) может поэтому рассматриваться как борьба английских и испанских агентов на русской почве (см.: Я. С. Лурье. Английская политика на Руси в конце XVI в. Ученые записки Ленинградского Гос. пед. института им. А. И. Герцена, 1948, стр. 130—134).

⁶ к Ивану к Илфу. Имеется в виду нидерландский врач, находившийся на службе Ивана Грозного — Иогани Эйлоф. В отличие от своего единоплеменника „ишпанского короля гостя“ де Валле, Эйлоф был, повидимому, ревностным противником католицизма: папский посол Поссевино, приезжавший в Москву в 1581 г., жаловался, что „голландский доктор анабаптист“ вместе с англичанами мешал исполнению его миссии, настраивая царя против папы (ср.: В. А. Кордт. Очерки сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов. Сб. РИО, т. 116, стр. CCLXXXVII).

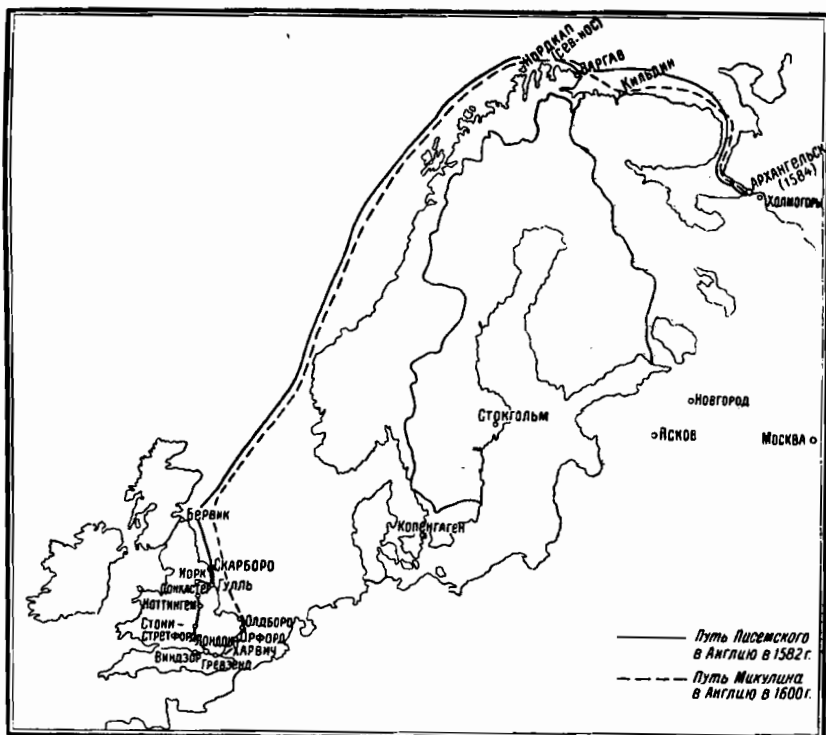
⁷ до городка до Варгава — Варде (Vardö), город в северо-восточной Норвегии (тогда — часть Датского королевства) на берегу Северного Ледовитого океана, недалеко от русской границы.

⁸ Барвык — английский город Бервик (Berwick-upon-Tweed) стоит при впадении реки Твид в Северное море, на границе между Шотландией и северной Англией (графство Нортемберленд).

⁹ городка Скарбора — Скарборо (Scarborough), город на восточном побережье Англии (графство Йоркшайр). Дальнейший путь послов — см. на карте, стр. 389.

¹⁰ Хуль — Гульль (Hull), город на восточном побережье Англии (графство Иоркшайр), стоит при слиянии рек Гульль и Хембер, превращающихся здесь в широкий залив („губа морская“).

¹¹ Ерк — Иорк (York), главный город графства Иоркшайр; один из древнейших городов Англии.

Карта путешествий послов Писемского и Микюлина в Англию.

¹² в посадце в Донке — Донкастер (Doncaster), город в южной части графства Иоркшайр на р. Дон.

¹³ в городе в Мятимгаме — Ноттингем (Nottingham), главный город одноименного графства.

¹⁴ в селе в Хабаре — Харборо (Harborough), город в северной части графства Нортхемптон.

¹⁵ в Станы Страндорфе — Стони-Стретфорд (Stony-Stratford), город в северной части графства Бэкингем.

¹⁶ в Сент-Албансе — Сент-Олбенс (St. Albans), город в графстве Хертфорд.

¹⁷ в городе Вынзоре — Виндзор (Windsor), город на границе между графствами Беркшайр и Бэкингемшайр, традиционная резиденция английских королей.

¹⁸ в селе в Татном Гей Кросе — Тотенхем Хай Кросс (Tottenham High Cross), северный пригород Лондона, в XVI в. представлял собой пригородное „село“. Название, очевидно, записано послами по слуху, так как оно довольно точно передает английское произношение (но не написание) этих слов.

¹⁹ Темис — река Темза (Thames).

²⁰ толмачю Роману Бекману. Имеется в виду ливонец Роман (Роберт) Бекман, бывший, повидимому, переводчиком при Писемском и Ховралеве и выполнявший также и другие, более ответственные, дипломатические поручения русского правительства. В 1585 г. Бекман был отправлен к Елизавете с жалобой на „непригожее“ поведение английского посла Бауса (Сб. РИО, т. 38, стр. 146; ср. ниже, прим. 57); летом 1588 г. ездил в Англию вторично для того, чтобы передать жалобу на английских купцов, а также для того, чтобы „будучи ему в Аглинской земле, проводывати себе тайно, с кем королева в братстве и в любви и в сылке... и с кем у ней нынче война“ (там же, стр. 245). Англичане считали, что Бекман „благожелатель фламандцев (a well willer of the Fflemings as it semeth)“ (Толстой, стр. 241), имея в виду, очевидно, таких фламандцев — врагов англичан, как Ян де Валле (см. прим. 5). Во всяком случае, вернувшись из своей поездки 1585 г., Бекман пожаловался царю, что Елизавета принимала его „в капустном огороде, где сажают лук и чеснок“, вызвав этим целый дипломатический инцидент (Сб. РИО, т. 38, стр. 167—168 и 171).

²¹ „Прислал де король Литовской х королевне... а во Гданеск бы ездити не велела“. Между Елизаветой и Стефаном Баторием действительно велась в это время переговоры о перенесении центра английской торговли из Гданьска (Данцига), но инициатором этих переговоров были, повидимому, англичане и центром своей торговли они хотели сделать не Мемель (Клайпеду), а Эльбинг (Эльблонг). Несмотря на огромную роль, которая имела для обеих сторон взаимная торговля (Польша была основным экспортером хлеба для Англии и Нидерландов), Баторий, боясь испортить отношения с Габсбургами и Ганзой (членом которой был и Данциг), не решился принять предложение англичан (ср.: Szelągowski, Z dziejów współzawodnictwa Anglii i niemiec, Lwów, 1910, стр. 115, 156—157).

²² от доктора от Романа. Речь идет об английском враче Роберте Якоби, прозванном на Руси Романом Романовым или Романом Елизарьевым. Роберт Якоби был на Руси в 1582—1584 гг. и был, судя по „Посольским делам“, одним из инициаторов переговоров о женитьбе царя на Мэри Гастингс (Сб. РИО, т. 38, стр. 3; см. также ниже, стр. 149). Вторично Якоби приезжал в Москву в 1586 г.

со специальными рекомендательным письмом от Елизаветы к царице Ирине (Сб. РИО, т. 38, стр. 175; Толстой, № 59; в указателе к т. 38 Сб. РИО, стр. XVI, „Романов“ — Якоби перепутан с купцом Робертом Пикоком, тоже называвшимся на Руси „Романовым“).

²³ Христофор Худдон — имеется в виду, повидимому, Кристофер Ходдсон (Hoddesdon), английский купец, принимавший активное участие в деятельности ряда торговых компаний — „Восточной“ („Балтийской“), „Купцов-искателей“ („Merchants—Adventurers“) и „Московской“.

²⁴ Улючь (ниже „Вулуч“) — Улвич (Woolwich), западный район „большого Лондона“; в XVI в. представлял собой отдельное „село“.

²⁵ аганские гости, от которых на Москве торгуют: алдраман Барн, да алдраман Мартын, да алдраман Тоорсен, да алдраман Полисен. Имеются в виду руководители „Московской компании“: Джордж Барн (Barne, Barnes), правитель (governor) и „главный купец“ компании, Мартин (Martin), Тоуэрсон (Towerson) и Полисон (Pullison). Все они принадлежали к верхам лондонского Сити и были членами городского совета — олдербманами (aldermen). Джордж Барн, кроме того, был лондонским шерифом (в 1576 г.) и затем — мэром (1586 г.) Помимо „Московской компании“, Барн, Тоуэрсон и Полисон занимали видное место в „Восточной компании“, ведшей торговлю на Балтийском море (главным образом с польскими владениями).

²⁶ которой был у государя на Москве от королевны в посольстве Томас Рандольф. Томас Рандольф, выдающийся английский дипломат XVI в., выполнял ряд ответственных дипломатических поручений Елизаветы в Шотландии и в Англии; был тесно связан (политически и лично) с государственным секретарем Фр. Уолсингемом (см. прим. 32). В 1568 г. был послом в Москве. Миссия Рандольфа была чрезвычайно трудной: он был отправлен Елизаветой к Ивану IV в связи с предложением последнего о русско-аглийском союзе (Толстой, № 12), но в инструкциях, данных ему ближайшим сподвижником королевы Сесиелем (лордом Бэрл), совершенно недвусмысленно указывалось, что он должен „удовольствовать“ царя „благопотребными речами“, „не давая повода... для заключения между нами такого союза, который называется наступательным или оборонительным“ (Толстой, № 15). Несмотря на эти инструкции, Рандольф в конце концов, повидимому, согласился на предложение царя — по словам Грозного в более поздней грамоте, они „приговорили о тех делах, как тем делом пригож меж нас быти, да и грамоты пописали“ (Толстой, № 28; Послания Ивана Грозного, 1951, стр. 142). По возвращении Рандольфа вместе с русским посланником Совиным в Англию Елизавета внесла в условия союза, выставленные Грозным, ряд существенных изменений (Толстой, № 21), а вместо предложенной им взаимной гарантии права убежища, односторонне обещала царю прием в Англии, если он будет „вынужден покинуть“ Русь (Толстой, № 26).

²⁷ И ехали рекою Земисью... от Вынзора за восемь верст. Виндзор, как и Лондон, стоит на Темзе; Писемский и Ховралев ехали вверх по реке. Кин-

ксон — Кингстон (Kingston) и Стеанс — Стенс (Staines) — города (в XVI в. — „седа“) на берегу Темзы, между Лондоном и Виндзором.

²⁸ князь сар Гари Невель — имеется в виду, повидимому, сэр Генри Невиль (Henry Neville), придворный и дипломат. В 1582—83 г. Генри Невиль был еще юношей, но мог уже принимать участие во встрече послов, так как с очень раннего возраста стал заниматься государственными делами (в 1584 г. он уже был членом парламента).

²⁹ королевнии конюший Рофлянт — имеется в виду, повидимому, Эдуард Меннерс, граф Рэтланд (Rutland), носивший с 1570 г. звание констебля (constable — букв. „граф конюшни“) Ноттингемского королевского замка.

³⁰ викунт Мунтику — имеется в виду, повидимому, Антони Браун, виконт Монтэгу (viscount Montague), впоследствии — участник суда над королевой Марией Стюарт.

³¹ князь Норис — имеется в виду, повидимому, барон Генри Норрис оф Рикот (Norris of Rycote), дипломат и придворный Елизаветы.

³² ближние советники: удельные князи князь адмирал ер Линконский, да князь ерль Бедфордский, да князь Хундоch, да с ними королевнии думной дьяк Францыс Валсимгам. Из перечисленных здесь „ближних советников“ Елизаветы наиболее видной, хотя и наименее знатной фигурой является, бесспорно, „думный дьяк“ — Фрэнсис Уолсингем, государственный секретарь Англии, организатор и вдохновитель энергичной борьбы с реакционно-католическими силами, разоблачивший заговор Марии Стюарт и добившийся ее казни. Уолсингем был сторонником организации широких международных коалиций для борьбы с Испанией и ее союзниками; он вел тайные переговоры о союзе с султаном; он считал, повидимому, весьма желательным привлечь к союзу против католических держав и „Московита“. Вместе с другими советниками Уолсингем, как мы увидим ниже, специально расспрашивал Писемского (см. стр. 124) об отношениях между Иваном IV и римским папой (об Уолсингеме см. монографию: Conyers Read, Mr. Secretary Walsingham and the policy of queen Elizabeth. 1925). Другие „ближние советники“: ер Линконский — Эдуард Клинтон граф Линкольн (lord Clinton and Saye, earl of Lincoln), главный адмирал (lord high admiral), член королевского совета, в 1582/83 г. уже не игравший активной политической роли (он умер в 1585 г.); ерль Бедфордский — Фрэнсис Россель, граф Бедфорд (Russel, earl of Bedford), дипломат и государственный деятель, активный протестант; князь Хундоch — Генри Кэйри, лорд Хансдон (Carey lord Hunsdon), кузен и фаворит Елизаветы, противник Уолсингема, сторонник „осторожной“ внешней политики.

³³ ближние советники князи удельные Робер Лестерский да князь Унтюнтенской. Роберт Дядли граф Лейчестер (Dudley earl of Leicester), фаворит и ближайший сподвижник Елизаветы. Лейстер был, подобно Уолсингему, сторонником энергичной борьбы с католическими державами; в 1585 г. он даже возглавлял (хотя и неудачно) английские экспедиционные силы, сражавшиеся

в Нидерландах против Испании. Геири Гастингс граф Гантингтон (Hastings earl of Huntington) — один из знатнейших вельмож Елизаветы, отец Мэри Гастингс, к которой сватался Иван Грозный.

³⁴ ближние советники — князь лорд Георд да Христофор Хатен. Имеются в виду Чарльз Хауорд барон Эффингем, граф Ноттингем (baron Howard of Effingham earl of Nottingham), главный адмирал (с 1585 г., после смерти графа Линкольна), командовавший английским флотом в 1585 г. во время отражения испанской „Непобедимой Армады“, или его дальний родственник Филипп Хауорд, граф Эрандель (Arundel), представитель католической знати. Кристофер Хаттон — фаворит Елизаветы, впоследствии (с 1587 г.) лорд-канцлер.

³⁵ назначеню трезерю. Имеется в виду Уильям Сесиль лорд Бэрли (Cecil lord Burghley), главный казначей (lord high treasurer) и фактический глава правительства при Елизавете, виднейший (наряду с Уолсингемом) английский политический деятель XVI в. В отличие от Уолсингема, Сесиль был сторонником „осторожной“ политики по отношению к католическим державам и вплоть до момента прямого разрыва с Испанией пытался „умиротворить“ Филиппа II.

³⁶ А болшова сына у государя нашего, царевича князя Ивана, божия воля естася, не стало. Старший сын Ивана Грозного, Иван Иванович, в ноябре 1581 г. был убит отцом (в припадке гнева). Выражение „божия воля естася“ имеет целью указать на случайный характер этого убийства. Гибель единственного полноценного наследника (второй сын Ивана — Федор был душевнобольным, третий, Дмитрий, родился вскоре после отправления Писемского) повергла самого царя в глубокое отчаяние (ср.: Н. П. Лихачев. Дело о приезде Поссевино. Летопись занятий археографической комиссии за 1888—1894 г., вып. 11, СПб. 1903, стр. 181—193).

³⁷ а в которых людей и была шатость, и те люди, вины свои узнав, государю били челом. Это замечание Писемского и Ховралева представляет большой интерес, так как свидетельствует о какой-то внутриполитической борьбе в Русском государстве в последние годы царствования Ивана Грозного. О „преступных и злокозненных поступках наших подданных, которые ропщут и противятся нам“ Иван IV говорил уже в 1575 г. (имея в виду, повидимому, события, связанные с опричниной и назначением „великого князя всея Руси“ Симеона Бекбулатовича) английскому послу Сильвестру (Толстой, № 39, стр. 181). В данном случае, однако, речь скорее идет о „шатости“, относящейся к более позднему времени — непосредственно перед приездом послов в Англию. Можно думать, что послы имеют в виду выступления против Грозного, имевшие место во время церковного собора 1580 г., когда было принято решение о некотором ограничении церковного землевладения (см. ниже, прим. 58).

³⁸ в Арчме. Писемский и Ховралев имеют в виду, вероятней всего, город Ричмонд (Richmond) на южном берегу Темзы между Стенсом и Лондоном. В XVI в. представляла собою село, где находился один из „королевских дворов“, куда, спустя несколько месяцев, ездили Писемский и Ховралев (стр. 127).

³⁹ королевнины ближние советники... да дьяк Францис Вальсимгам. Помимо уже упомянутых раньше лиц (Лейстер, Сесиль, Уолсингем и др.) на приеме русских послов присутствовали еще многие представители английской знати („статейный список“ называет их задним числом; очевидно, список этих лиц Писемский получал уже после приема). Из них заслуживает внимания упоминание князя из Нортумбарлянд — это, повидимому, Генри Перси, граф Нортемберленд (Percy earl of Northumberland), один из виднейших представителей католической знати северной Англии, участник нескольких заговоров в пользу Марии Стюарт. За несколько месяцев до приема русских послов Нортемберленд был заточен в Тоуэр, но вскоре выпущен и поэтому мог присутствовать при приеме Писемского. Князь из Варвик — это Эмброс Дедли, граф Уорик (Ambrose Dudley earl of Warwick), брат Лейстера. Князь из Кент — вероятно, Реджинальд Грей, граф Кент (Grey earl of Kent), упоминаемый ниже (стр. 137) как „Ренольд Кгре еалл Кенский и лорд Руфинской“. Князь из Вилтон — повидимому, Роберт Сетон, граф Винтон (Seton earl of Winton). Лорд Рыч — Роберт, лорд Рич (Rich), достигший влияния, главным образом, благодаря женитьбе на Пенелопе Девере, падчерице Лейстера. Францис Кнолдземис Крозтез — повидимому, Фрэнсис Ноллис (sir Francis Knollys), активный политический деятель пуританского (резко антикатолического) направления; почему Ноллис именуется „Крозтез“ — непонятно (в примечании к стр. 34 Сб. РИО, т. 38, „Крозтез“ расшифровывается как „Cross teeth“ — „кривоzubый“, но нет известий, что Ноллис носил такое прозвище). Кто имеется в виду под названием князь из Ворнблянд — непонятно; это не может быть граф Вестморленд, так как носитель этого титула, Чарльз Невиль граф Вестморленд, находился в это время в эмиграции. Не устанавливаются также личности лорда Чени и лорда Норта (Норфа? — см. прим. 51).

⁴⁰ в Греновичах — Гринвич (Greenwich), ныне один из районов „большого Лондона“, в XVI в. представлял собой „село“, где находился один из королевских „дворов“. Писемский несколько раз посещал Елизавету в этой резиденции (см. стр. 136, 140).

⁴¹ из давних лет была государю нашему ссылка с вашим государем с Едвардом королем... а дела доброго не совершалось. Русские послы впервые посетили Англию еще в 1524 г.; но постоянные торговые и дипломатические сношения между Русским государством и Англией начались в 1553 г. (приезд Ченслера), в царствование английского короля Эдуарда VI. В 1553 г. Эдуард VI умер, и королевой стала его сестра Мария (Кровавая), вышедшая замуж за испанского короля Филиппа II. Русский посол Непея Григорьев приезжал в Англию в 1557 г.; содержание его переговоров остается неизвестным — тайные поручения Филиппа II и Марии были переданы через Непею устю (Толстой, № 4, стр. 17). В 1558 г. Мария умерла и престол заняла ее сестра Елизавета; во время Ливонской войны, когда обнаружилась враждебность Габсбургов (испанского короля и германского императора) и к Русскому государству

и к Англии, Грозный предлагал Елизавете заключить союз (в 1567 г.), но она уклонилась от этого (см. прим. 26).

⁴² Государь наш, царь и великий князь хочет со своею сестрою... против всех своих недругов общим заодно. Предложение о союзе, сделанное Грозным Елизавете в 1583 г., в общем совпадало с предложением, сделанным им же в 1567/68 г. (см. прим. 26). Сопоставляя комментируемый текст с проектом договора 1567/68 г., сохранившимся в английском переводе вместе с ответами Елизаветы (Толстой, № 21), мы находим следующие совпадающие пункты: 1) предложение о союзе (Толстой, № 21, § 1), 2) общие друзья и враги (§ 2), 3) помощь людьми, казною и военными припасами (§ 3), 4) свободный пропуск мастеров ремесленников на Русь (§ 5), 5) свободный вывоз товаров из Руси (§ 7), 6) оформление договора печатью и т. д. (§ 10). Пункты о запрещении какой-либо помощи врагам обонх государей и о свободе проезда купцов (Толстой, §§ 4 и 8), пропущенные в комментируемом тексте, также, очевидно, имелись в предложениях 1583 г., так как ниже (стр. 132) они упоминаются. Не упоминается в тексте 1583 г. только пункт о свободном выезде вообще всех подданных из обонх стран (Толстой, § 6; против этого пункта делала оговорку в 1569 г. Елизавета). Но главное отличие предложений 1583 г. от 1567/68 г. заключается в другом: в комментируемом тексте Грозный прямо связывает предложение о союзе с общей враждой обонх государств к католическим силам („папе и цесарю“, обнаружившейся в начале 80-х годов (для Руси — во время наступления Стефана Батория в 1579—1581 гг.). Это сходство международного положения обонх государств давало предложениям Грозного в 1583 г. реальную основу.

⁴³ „Здесь де нам слух дошел... и государь бы наш литовского короля... недругом себе не писал“. Речь идет о Запольском мире (пятнадцатилетнем перемирии) 1582 г. Как и польский король, Иван Грозный рассматривал это перемирие как временное и готовился к новой войне (см. прим. 1). Запольское перемирие было заключено при участии папского посредника Поссевино; англичане относились к папскому посредничеству между Россией и Польшей с большой тревогой и враждебностью: англичанин Горсей, находившийся в это время в Москве, имел прямые столкновения с папским легатом (Горсей. Записки о Московии, СПб., 1909, стр. 94; см. выше, прим. 6); в ответ на предложение Ивана IV привлечь к участию в антитурецкой лиге „всех христианских государей“, Поссевино заявил: „А Датцкой король и Свейской и Английская королева — тех папа и цесарь в помочь себе и примати не хочет (ПД, т. X, столб. 345).

⁴⁴ г Датцкому королю. О попытках датского короля помешать проходу иностранных, в частности английских, кораблей на Русь см. прим. 4 и 65.

⁴⁵ да алдраман Гарт — олдермэн Джон Гарт (Hart) занимал, наряду с Барном, должность правителя (governor) „Московской компании“; был шерифом (1578) и мэром (1589) Лондона. Упоминаемый ниже Джан Гартле (стр. 127), вероятно, одно лицо с Джоном Гартом.

⁴⁶ королевнин ближний человек Ломли. Имеется в виду, вероятно, барон Джон Ломли (Baron Lumley), близкий свойственник и политический единомышленник виднейших представителей католической знати — Эранделя и Нортемберленда. Несколько раз подвергался аресту за участие в заговорах в пользу Марии Стюарт; но в 1582/83 г. был на свободе и поэтому мог участвовать во встрече русских послов.

⁴⁷ лорд Кобам — имеется в виду, вероятно, сэр Генри Кобхэм (Cobham), дипломат, находившийся до 1583 г. в Париже, но в этом году отозванный в Англию.

⁴⁸ И Федор, взяв с собою толмача Елизара, с советники пошел к королевне, а Неудача остался в столовой палате. Содержание этой тайной аудиенции Ф. Писемского здесь не объяснено: дальнейшее изложение посвящено описанию времяпрепровождения Ховралева, ждавшего своего старшего товарища (ср. стр. 348). В „списке посольства тайново“ Ф. Писемского, приложенного к основной части его списка (стр. 149), излагается содержание тайной аудиенции Писемского, во время которой посол беседовал с Елизаветой о женитьбе Ивана Грозного на ее дальней родственнице („племяннице“) Мэри Гастингс. По месту действия (Ричмонд — „Рычман“, „Кричмонд“) беседа, описанная в „тайном списке“, совпадает с аудиенцией, упомянутой в комментируемой части списка, но по времени немного расходитсЯ: в комментируемом месте говорится о приеме 20 января 1583 г.; а в „тайном списке“ — 18 января. Мы не можем поэтому с уверенностью сказать, была ли тайная аудиенция 20 января посвящена вопросу о сватовстве или какому-нибудь другому вопросу — например о взаимном праве убежища (ср. Сб. РИО, т. 38, стр. 14).

⁴⁹ И в тех королевнинных ответных речах ... с великим челобитьем. Ответ Елизаветы на предложения Грозного о союзе, данный ею в 1583 г., в значительной степени воспроизводил ее ответ в 1569 г. на аналогичное предложение о союзе (см. прим. 26 и 42). Как и в предыдущий раз, Елизавета вместо безусловной взаимной помощи „на всякого недруга“ предлагала предварительное мирное посредничество, и только в том случае, если недруг „королевнинных речей не послушает и учует быть недругом, и королевие на того недруга с государем стоять заодин“ (ср. Толстой, № 21, § 1); она соглашалась отпустить на Русь лишь тех мастеров, которые „по кабалам или по крепостям каким в Аглинской земле не удержаны“ (Толстой, № 21, § 5); соглашалась на взаимную свободу торговли только своими товарами (§ 7) и только для природных русских и англичан (§ 8). Возобновляя выставленное уже в 1569 г. требование об английской торговой монополии в России, Елизавета конкретизировала это требование, дав список всех северных портов Руси (ср. Толстой, № 21, § 9 и № 44). Загадочное место „ни к Соловкам, ни к ызленди“, читающееся в комментируемом тексте (и ниже, стр. 134), объясняется при сравнении с английским текстом, где читается „Solonetskie islant“ (Толстой, № 44, стр. 198): переводчик русских послов понял слово „island“ (острова), как географическое

название „Ызлендь“. Установление английской торговой монополии на Руси было предметом постоянных домогательств со стороны Елизаветы; Иван Грозный и его преемники неизменно отвергали это притязание (см., например, Сб. РИО, т. 38, стр. 90—91). Некоторым изменением в ответе 1583 г. по сравнению с 1569 г. было отсутствие оговорки со стороны Елизаветы, что она окажет своему союзнику помощь лишь поскольку „обстоятельства времени и места позволят ее оказать“ (Толстой, № 21, § 3).

⁵⁰ на праздник на Егорьев день — день св. Георгия (23 апреля) был английским национальным праздником, так как святой Георгий считался патроном Англии.

⁵¹ Лорд Норф, да лорд Комтон. В первом случае могут иметься в виду несколько лиц, носивших фамилию Норт (North): Джон Норт, ездивший в 1581 г. с дипломатическим поручением в Польшу (ср.: *The private diary of John Dee*, L. 1862, стр. 19) или братья Роджер и Томас Норт, также выполнявшие ряд дипломатических поручений Елизаветы. Лорд Комтон — может быть, Уильям Комтон, граф Нортхэмптон (*Compton earl of Northampton*).

⁵² А советники королевнины ближние . . . в полату вшед на леве. Во время праздничного приема послов в день св. Георгия присутствовали те же лица, что и во время первого приема (см. прим. 39) и кроме того: Егорей Талбат — Джордж Тальбот граф Шресбери (*earl of Shrewsbury*), выполнявший в течение многих лет трудные обязанности главного стража Марии Стюарт; Томос Ралеф — Томас Радклифф граф Сассекс (*Radcliff earl of Sussex*), известный военный деятель елизаветинского времени, разделявший в дипломатических вопросах „осторожную“ тактику Бэрли; Хадберт ерль Пенбрукской — Генри Херберт, граф Пемброк (*Herbert earl of Pembroke*) и Эдвард Семер — Эдуард Сеймур, граф Хертфорд (*Seymour earl of Hertford*), сын графа Коммерсета, фактического диктатора Англии во время царствования Эдуарда VI. Не совсем понятно, кто имеется в виду под именем Улям Гарвей ерль Урстюсский — последнее слово может быть значит „*earl of Worcester*“, но этот титул не носили представители фамилии Гарвей (во времена Елизаветы известен *William Somerset earl of Worcester*); именуя Стенли, графа Дерби (*Stanley earl of Derby*) — Эдвард Станли ерль Дарбирской, составитель списка, вероятно, ошибся, так как в то время этот титул носил Генри Стенли, а не Эдуард. В целом список участников приема 23 апреля составлен гораздо тщательнее (полные титулы), чем список участников предыдущего приема — русские послы, очевидно, получили письменное перечисление всех упоминаемых лиц.

⁵³ Шкотцкое земли посол Яков Арбил. В мае 1583 г. в Англии находилось посольство от шотландского короля Якова VI (впоследствии — английский король Яков I). Во главе посольства стояли полковник Уильям Стюарт (*William Stewart*) и Джон Кольвиль (*John Colville*); в числе известных нам членов их свиты (см. *Calendar of Scottish Papers*, v. VI, Edinburgh, 1910, стр. 440, № 444) нет лица с именем Яков (Джемс?) Арбил.

⁵⁴ государя вашего посланник Непея. О посольстве Непеи Григорьева в 1557 г. см. прим. 41. Непея действительно потерпел кораблекрушение у берегов Шотландии, причем спутник его, возвращавшийся на родину английский посол Ченслер, погиб, а русский посол был доставлен в Англию по суше.

⁵⁵ лорд Вынзор да лорд Морлей — имеются в виду, вероятно, барон Фредерик или Генри Виндзор (Windsor) и Эдуард Паркер барон Морлей (Morley).

⁵⁶ А послы де которые пойдут от государя вашего через мою землю в ыные в кои государства . . . папа мие недруг. Пункт о свободном пропуске иностранных послов был впервые включен Иваном Грозным в условия союза в 1582 г. — в условиях союза, предложенных в 1567—1568 гг., этого пункта не было (ср. Толстой, № 21, стр. 80—81 и № 44, стр. 199—200). В статейном списке Писемского пункт этот, пропущенный в изложении беседы Писемского и Ховралева с „советниками“ 18 декабря 1582 г. (стр. 122—123, ср. прим. 42), упоминается впервые в „королевинных ответных речах“ при перечислении предложений царя (стр. 132): „ . . . а послом бы ходить . . . на обе стороны путь был чист. . . “. Елизавета ничего не ответила в своих „ответных речах“ на это требование царя и лишь во время прощальной аудиенции высказала свою позицию по этому вопросу, заявив о невозможности проезда папского посла через английскую территорию. В письменном ответе царю (полностью сохранившемся на английском языке — Толстой, № 44, стр. 198 и 200) англичане сделали это ограничение еще более широким, заявляя, что королева пропустит на Русь иностранных посланников только в том случае, „если их государи одного вероисповедания с ее величеством и в союзе и в дружбе“ с нею (ср. ниже, стр. 148). В комментируемой речи Елизаветы во время прощальной аудиенции прямо назван в качестве недруга только папа (а не „испанский король“), вероятно потому, что Елизавета уже не сомневалась (после декларации Писемского), что Ивану известна ее вражда с папой, но она еще не была уверена, что он осведомлен и о ее соперничестве с Филиппом II. В действительности Иван IV еще в 1581 г. получил от своего гонца Шевригина известие об англо-испанской войне (ПД, т. X, стлб. 19).

⁵⁷ И для того яз ныне посылаю . . . ближнево человека своего Джерг Боуса. Джером Баус был послан Елизаветой в качестве посла к Ивану IV в июне 1583 г.; он отправился вместе с Писемским. Инструкции, данные ему при отправлении, показывают, что на этот раз Елизавета относилась к предложениям царя гораздо серьезнее, чем в 60-х годах. Если в 1568 г. Рандольфу было поручено отделаться от предложения о союзе „благопотребными речами“ (см. прим. 26), то в 1583 г. Баусу поручалось вполне конкретное дело — посредничество в русско-шведской войне (Толстой, № 45 и № 46). Однако на предложенные Иваном IV условия союза Елизавета попрежнему не была согласна и вносила в эти предложения почти те же оговорки, что и прежде (см. прим. 49). Позиция Елизаветы, таким образом, была двойственной. Отсюда — колебания в выборе посла: сперва королева хотела послать в Россию У. Россела,

сторонника активного внешнеполитического курса (см. прим. 11 к списку Микулина), но затем остановила выбор на Баусе, стороннике „осторожной“ политики. Тем самым предопределялся отказ Англии от предложений Ивана IV.

⁵⁸ и с тарханов. Тарханами назывались в древней Руси земли, владельцы которых обладали иммунитетными правами — производили суд, взымали налоги и различные поборы и выполняли полицейские функции. Иммунитетные права бояр-вотчинников в значительной степени были ликвидированы уже в середине XVI в. (ср.: И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944, стр. 33); к концу царствования Грозного такими правами обладали главным образом церковные феодалы-монастыри. Упомянутые Писемским нарушения иммунитетных прав монастырей стоят, очевидно, в связи с энергичными мероприятиями, проведенными московским правительством в 80-х годах XVI в. для ликвидации хозяйственного кризиса в конце Ливонской войны (об этих мероприятиях см.: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. 1946, стр. 797—802; С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в северо-восточной Руси, т. I. 1947, стр. 99—107). В 1580 г. Иван Грозный созвал специальный „освященный собор“ для обсуждения вопроса о церковном землевладении. Англичанин Горсей, находившийся в Москве во время этого собора и пользовавшийся каким-то письменным источником о нем, сообщает, что требование об ограничении церковного землевладения вызвало сильное противодействие со стороны духовенства (Джером Горсей. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 38). „Приговор“ этого собора, дошедший до нас (СГГД, т. I, № 200; ср. ААЭ, т. I, № 308), говорит только о запрещении церкви расширять свои земельные владения; о наложении налогов на „тарханы“ (т. е. о ликвидации „тарханов“) говорится в соборном „приговоре“ 1584 г., составленном уже при Федоре Ивановиче (СГГД, т. I, № 202 — этот „приговор“ представляет собою точное повторение „приговора“ 1580 г. с дополнением статей о „тарханах“). Отсюда историки делали вывод, что на созванном им соборе Иван Грозный еще „не решился поставить вопрос о податных привилегиях духовенства“ (С. Б. Веселовский, ук. соч., стр. 103). Из сообщения Писемского мы узнаем, что и нарушение иммунитетных привилегий церкви было проведено уже Иваном Грозным в последние годы его царствования.

⁵⁹ в селе в Гравезни — Гревсенд (Gravesend), портовый город в нижнем течении р. Темзы, недалеко от места впадения ее в Северное море.

⁶⁰ которые государи с нею живут в дружбе и в докончанье и веруют с нею в одну веру — об этой оговорке см. прим. 56.

⁶¹ Королевна Аглинская со Францовским королем и с Литовским и с цысарем в миру — войны меж ими и недружбы никаких нет. Англо-французские отношения в этот период были довольно сложными. Французский король Генрих III, несмотря на свой католический фанатизм (он был одним из организаторов Варфоломеевской ночи), неоднократно предлагал Елизавете союз для

совместной борьбы против Испании и готов был даже поддержать (вместе с Елизаветой) нидерландцев, восставших против Филиппа II. Однако до прямого союза дело не дошло — отчасти из-за противодействия сторонников „осторожной“ политики в Англии (см. прим. 32 и 35), отчасти из-за религиозной борьбы во Франции. — Об англо-польских отношениях см. прим. 21. — Отношения между Елизаветой и германским императором („цесарем“) Рудольфом II не могли считаться дружественными: политика Рудольфа II находилась в тесной зависимости от политики Филиппа II — главного врага Англии. Но непосредственных политических противоречий между Англией и Германской империей в те годы тоже не было (существовало только экономическое соперничество между английскими и ганзейскими купцами). Лишь в конце 80-х годов, когда началась открытая англо-испанская борьба, император наложил эмбарго на английскую торговлю в Германии.

⁶² а с папою де у королевны недружба . . . во всей Аглинской земле люторский закон. Реформация в Англии была проведена в 1531—1534 гг., при короле Генрихе VIII. В царствование Марии Тюдор (1553—1558) происходит реставрация католицизма; с воцарением Елизаветы (1558) вновь восстанавливается реформированная (англиканская) церковь (по форме близкая к лютеранской). Римский папа с самого начала не признавал протестантку Елизавету законной королевой Англии, но, находясь в сильной зависимости от испанского короля Филиппа II — могущественнейшего католического государя, он не решился прямо отлучить ее от церкви, пока англо-испанские отношения носили дружественный характер. Булла об отлучении Елизаветы была издана в 1570 г., после того как обнаружилась враждебность Елизаветы к Филиппу II.

⁶³ всего де единова папа присылаа х Кибирской земле, что под королевною жь, воинские люди . . . и тех всех побил. Итальянско-испанская католическая интервенция, о которой сообщают Писемский и Ховраев, имела место в сентябре 1580 г. 800 человек, преимущественно итальянцев, высадились на юго-западном берегу Ирландии (по-латыни Hibernia — откуда „Кибирская земля“) и заняли города Дингль („Дингин“) и Смервик в графстве Керри. Хотя они отплыли из испанского порта, но Филипп II, не решаясь еще на открытую войну, не взял на себя ответственности за эту экспедицию — формально участники ее считались посланными римским папой. В ноябре 1580 г. участники экспедиции принуждены были сдаться англичанам; почти все они (за исключением нескольких испанских офицеров) были перебиты; вопреки утверждению хроники Кемдена (Camden. *Annales rerum Anglicarum*. London, 1627, стр. 293—296) Елизавета вполне одобряла эту расправу (ср.: I. A. Froude. *History of England*, XI. London, 1870, стр. 238).

⁶⁴ А цесарь со Францовским королем в миру, а с Турским у его война. Отношения между германским императором и французским королем действительно носили в тот период мирный характер. Последним проявлением соперничества между этими двумя силами была борьба за польский престол в 1572—

1574 г. („первое бескорольеве“); борьба эта закончилась победой французского кандидата Генриха Валуа, но он вскоре покинул Польшу, став французским королем под именем Генриха III. Между императором Рудольфом II и Генрихом III значительных столкновений не было — оба они были слишком слабы в международно-политическом отношении и заняты внутренней борьбой в своих государствах. Турция была опаснейшим врагом германских Габсбургов. Борьба за польский престол („второе бескорольеве“), которую вел в конце своего царствования император Максимилиан II против трансильванского князя Стефана Батория (будущего польского короля), едва не привела в 1576 г. к войне с султаном, поддерживавшим кандидатуру Стефана; однако смерть Максимилиана II и изменение политики Батория предотвратили эту войну. При императоре Рудольфе II вплоть до 1593 г. между Империей и Турцией формально сохранялся мир, но фактически пограничные инциденты никогда не прекращались; в 1593 г. они перешли в открытую войну (см. прим. 46 к статейному списку Микуляна).

⁶⁵ А з датским королем королевна была в миру жь; а ныне король дацкой не хочет англичан пропускать на Русь. Вообще англо-датские отношения носили в этот период дружеский характер; однако вопрос о проходе английских судов на Русь был постоянным предметом спора между обоими государствами. В июне 1582 г. (во время отправления Писемского в Англию) была достигнута формальная договоренность по этому вопросу (датский король разрешил английской „Московской компании“ свободный проезд вдоль норвежских берегов, при условии выплаты ежегодной пошлины — ср.: Russia at the close of the XVI century. London, 1856, предисловие Э. Бонда, стр. XLVI—VII), но фактически спор о плавании на Русь подымался и в более позднее время (см. прим. 4 и 29 к статейному списку Микулина).

⁶⁶ удельного князя дочь Хунтинтинского, а тебе де, королевне, племянница, а имя ей Мария Хастин. Мэри Гастингс, дочь Генри Гастингса, графа Гантингтонского (см. прим. 33) не была племянницей Елизаветы, а находилась с ней (через свою мать) в весьма отдаленном свойстве. Отец ее, граф Гантингтонский, претендовал на родство с английскими королями Йоркской династии.

⁶⁷ великая княжна Елена и была за Олександром, королем Польским. Дочь Ивана III Елена Ивановна была выдана замуж за великого князя литовского (впоследствии — короля польского) Александра в 1494 г. Согласно заключенному при этом договору Елена должна была сохранить православное вероисповедание; попытки принудительного обращения ее в католичество послужили формальным поводом к русско-польской войне 1499—1503 гг.

⁶⁸ как вы поехали, а у государя был один сын, а ныне де у него другой сын родился. Царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного от его седьмой (пятой венчанной) жены Марии Нагой, родился 19 октября 1582 г., во время пребывания Писемского и Ховралева в Англии. Женитьба Грозного на Марии Нагой произошла еще до отправления послов в Англию; на возможный вопрос англи-

чан: „Государь де ваш женат, и тому делу как статись?“. Писемский, согласно полученной им инструкции, должен был отвечать: „Государь де наш по многим государствам посылал о том, чтоб ему, государю великому, по себе прискаты невеста, да тот случай не нял; и государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе. А будет королевина племянница дородна и того великого дела достойна, и государь наш . . . свою оставя, зговорит за королевину племянницу“ (Сб. РИО, т. 38, стр. 6). Кто принес в Англию известие о рождении сына у Ивана IV? Скорее всего, эти „ссорные речи“ могли прийти из Польши. Но источником их не мог быть „литовский гонец“, упомянутый в начале списка, — уже 28 октября 1582 г. русские послы говорили, что он „давно отпущен“ (стр. 112). Источником „ссорных речей“ мог быть польский вельможа Альбрехт Лаский, находившийся в Англии как раз весной и летом 1583 г. (Camden. Annales rerum Anglicarum, t. I. London, 1615, стр. 344; The private diary of J. Dee, стр. 20).

⁶⁹ у канслера у князя Томаса Брумлея. Сэр Томас Бромлей (Bromley) лорд-канцлер Англии с 1579 по 1587 г., крупный политический деятель елизаветинского времени, один из организаторов суда над Марией Стюарт.

⁷⁰ Яз по государя своего наказу, и по королевину велению смотрил. Несмотря на секретный характер этих „смотря“, слухи о них — несомненно в сильно искаженном и преувеличенном виде, — ходили по Англии. В „Рассказе о путешествиях“ Джером Горсей следующим образом описывает встречу Писемского с Марией Гастингс: „Посол, в сопровождении разных других дворян и господ, был представлен лэди: но вдруг, растерявшись, упал к ее ногам, встал и побежал от нее задом, с обращенным к ней лицом. Лэди Гастингс и все прочие изумились такой выходке. Тогда посол заявил через переводчика, что довольствуется одним взглядом на ангела, которого он надеется видеть супругой своего государя, и восхвалял ее ангельский вид, стан и удивительную красоту. После этого приключения близкие друзья лэди при дворе прозвали ее московскою царицею“ (Записки о Московии XVI в. Горсея. СПб., 1909, стр. 53).

Статейный список Микулина

(Стр. 156—205)

¹ Лета 7108-го мая в 15 день великий государь, царь и великий князь Борис Федорович . . . в посланниках дворянина своего Григорья Ивановича Микулина да подьячего Ивашка Зеновьева. Г. И. Микулин и И. Зинovieв были отправлены в Англию 15 мая 1600 г. Формальной целью их миссии было сообщение Елизавете о вступлении Бориса Годунова на престол (в 1598 г.). Помимо этого Микулин должен был выяснить характер отношений между английским правительством и соседями Русского государства — Польшей, Швецией и Турцией (см. прим. 24 и 29). — Григорий Иванович Микулин, избранный

Борисом Годуновым для выполнения этой миссии, не был, повидимому (в отличие от Писемского), профессиональным дипломатом — имя его не упоминается в других „Посольских делах“; вероятно, посол Микулин есть тот самый стрелецкий голова Григорий Микулин, который стал после смерти Бориса активным приверженцем Лжедмитрия I (ср.: Н. В. Чарыков. Посольство в Англию дворянина Гр. Микулина. М., 1878, стр. 22, прим. 35). Подьячий Зиновьев — также мало известная фигура; акад. И. Х. Гамель (Англичане в России в XVI и XVII ст., статья 2-я. СПб., 1869, стр. 228, прим. 4) предполагает, что именно он был автором комментируемого статейного списка (это мнение, никак не аргументированное Гамелем, может быть подтверждено нашими наблюдениями над текстом — стр. 349).

² к новому Архангельскому городу. Город Архангельск основан в 1584 г. (назван по имени находившегося здесь Архангельского монастыря). До этого времени корабли отправлялись непосредственно от Никольско-Корельского монастыря, а ближайшим городским поселением в этом районе были Холмогоры (см. прим. 2 к статейному списку Писемского).

³ Ивану Ульянову. Имеется в виду один из наиболее известных и деятельных английских купцов на Руси Джоя Меррик (Meurick, Merrick). Отец его, Уильям Меррик („Ульяновым“ Меррик именуется по отчеству), был одним из основателей английской купеческой „Московской компании“, и Джон Меррик уже в юности жил на Руси. Как и другие английские купцы, Меррик вел на Руси энергичную борьбу с купцами и агентами враждебных Англии государств (Сб. РИО, т. 38, стр. 242), но, в отличие от других купцов, не утратил благоволения русского правительства и после разоблачения этой его деятельности. В 1598 г. Джон Меррик был уже одним из директоров „Московской компании“. Вместе со своим тестем Фр. Черри (см. прим. 12), сэром Джеромом Баусом и Джоном Гартон, Меррик был приставом при Микулине и Зиновьеве во время их пребывания в Англии — с их слов, в первую очередь, Микулин и сообщает известия об Англии. После 1600 г. Меррик продолжал играть видную роль в истории русско-английских отношений: он был английским послом на Руси в 1602 г.; находился в Москве во время восстания Болотникова в 1607 г. (и написал весьма ценное донесение об этом — см. публикацию И. И. Смирнова в „Исторических записках“, т. 13); был посредником при заключении в 1617 г. Столбовского мира между Росней и Швецией.

⁴ для того, что датского короля и испанского многие люди на караблах гуляют по морю и хотят на наши английские корабли приходить. О позиции датского короля по отношению к англо-русским морским сношениям см. прим. 4 к статейному списку Писемского и в данном комментарии прим. 29. — Испания находилась в состоянии войны с Англией еще с 1587 г.; после неудачи „Непобедимой Армады“ в 1588 г. испанцы снаряжали еще несколько морских экспедиций против Англии (Армады 1596 и 1597 гг.); в свою очередь английский флот неоднократно нападал на Испанию и ее колонии. В последние годы цар-

ствования Елизаветы неоднократно делались попытки заключения англо-испанского мира (в частности, в 1600 г.), но ко времени миссии Микулина эти попытки еще не привели к какому-либо результату, и война на море продолжалась.

⁵ Елизавет-королевы посланец князь Рыцарь Лей. Английский посланец Ричард Ли прибыл в Архангельск 28—29 июля 1600 г. (во время пребывания там Микулина); уехал (через шведскую Ливонию) в мае 1601 г.; он находился на Руси как раз в то время, когда Микулин был в Англии. Содержание переговоров, которые вел Ли в Москве, нам, к сожалению, недостаточно известно; в сохранившихся „Делах“ Посольского приказа утрачены как раз те страницы, на которых эти переговоры должны излагаться (между инструкциями Бориса о приеме посла и концом беседы посла с боярами — см. Сб. РИО, т. 38, стр. 401). Некоторое представление о политических целях, которые ставил перед собой Ли, можно получить только из письма Борису Годунову, отправленного послом из Ивангорода на обратном пути (Сб. РИО, т. 38, стр. 413—419; об этом письме см. ниже, прим. 61).

⁶ до Кильдина острова. Остров Кильдин находится в Баренцевом море в нескольких километрах от материка (Кольского полуострова) недалеко от впадения в море Кольской губы.

⁷ до Северного Носу — имеется в виду, очевидно, Нордкап (норв. — Северный Мыс), крайняя северная оконечность Европы, мыс на северном побережье острова Магерэ (Дания, ныне Норвегия).

⁸ против аглинского городка Албрехта — имеется в виду, очевидно, город Олдборо (Aldeburgh, Aldborough) на восточном побережье Англии, в графстве Саффок (Suffolk). Микулин и Зиновьев подошли к английскому берегу значительно южнее, чем Писемский и Ховралев (см. карту на стр. 389).

⁹ против городка Алферда — имеется в виду, очевидно, Орфорд (Orford), маленький городок в графстве Саффок, немного южнее Олдборо.

¹⁰ Харвич (Harwich), город на восточном побережье Англии, в графстве Эссекс (на границе с графством Саффок).

¹¹ Хибирской князь Ульян Розсей — имеется в виду, очевидно, Уильям Россель (Russel), сын Фрэнсиса Росселя, графа Бедфорда (см. прим. 32 к статейному списку Писемского), предназначавшийся в 1582/83 г. к роли посла в России. Уильям Россель был активным участником войны в Нидерландах против Испании; с 1594 по 1597 г. был наместником в Ирландии (Hibernia — отсюда „князь Хибирский“).

¹² Фрянчик Иванов — английский купец и путешественник Фрэнсис Черри (Cherry, Cherrie). Как и его зять Меррик, Черри уже с юных лет жил в Москве; он настолько хорошо владел русским языком, что нередко привлекался в качестве переводчика. Черри выполнял и дипломатические поручения, перевозя русские грамоты в Англию и английские — в Россию (в 1587 и 1591 г.). В 1598 г. Черри был отправлен Елизаветой в Россию для опровержения слу-

хов об англо-турецком союзе (см. прим. 61); Черри не застал уже в живых Федора Ивановича и был принят новым царем Борисом.

¹³ дворовому воеводе лорд Харберту Пенброку — имеется в виду, очевидно, Уильям Херберт, молодой придворный (покровитель Шекспира, которому посвящено первое издание шекспировских пьес), получивший звание графа Пемброка (Herbert earl of Pembroke) спустя несколько месяцев после приезда Микулина (его отец Генри Херберт, носивший это звание в тот момент, был уже болен и вскоре умер).

¹⁴ под Вышегородом — имеется в виду, очевидно, лондонский Тоуэр (The Tower of London), древняя крепость в центре Лондона (на северном берегу Темзы). Когда-то игравший роль лондонского „Кремля“, Тоуэр уже во время пребывания Микулина был в первую очередь тюрьмой для важнейших государственных преступников.

¹⁵ кочи — этим словом статейный список Микулина передает, очевидно, английское слово „coach“ — экипаж, карета. В древнерусском языке тоже существовало слово „кочь“, но оно означало гребное судно, здесь же явно идет речь о сухопутном экипаже (ср. ниже, стр. 175, слово „кочь“ заменяется словом „колымаги“).

¹⁶ А большой город, стена камена ж, стоит на ровном месте около его версты с четыре и больши, а через реку Темзь меж посадов мост камен. „Большим городом“ в статейном списке называется, повидимому, Сити (City) — центральная и древнейшая часть города (на северном берегу Темзы). Сити связывалось с южной частью города, Саутуорком, знаменитым Лондонским мостом (London bridge), построенным еще в XIII в. Вплоть до перестройки этого моста в начале XIX в. на нем действительно стояли „дома каменные и лавки“.

¹⁷ И после того говорил князь Еремей . . . славити до века своего. Джером Баус был послом в Москве в 1583—1584 гг. (см. прим. 57 к статейному списку Писемского). Дипломатическая деятельность этого посла окончилась полной неудачей — главным виновником этой неудачи, несомненно, был сам посол, уклонившийся от серьезных переговоров на политические темы, начатых Иваном Грозным. Бесплодность миссии Бауса обнаружилась уже при Грозном; однако, желая избежать недовольства английского правительства и „Московской компании“, Баус объяснил свою неудачу (отмену английской торговой монополии в России), тем, что во время его пребывания в Москве умер Грозный и „царями“ („emprors“) стали боярин Никита Романов и дьяк Андрей Щелкалов — враги англичан (Толстой, № 52; отчет Бауса переведен Середонинным и издан в „Чтениях общества истории и древностей российских“, 1884, кн. 4, стр. 102). В августе 1584 г., покидая Русское государство, Баус отправил в Москву беспримерную по резкости грамоту (возвращая при этом подарки, посланные Федором Елизавете), советуя Федору „срубить голову с плеч“ „двух дрянных царей“ — Романиова и Щелкалова (Толстой, № 52). Против И. Ф. Мстиславского и Шуйских никаких претензий Баус в то время не заявлял; вклю-

чение их в 1600 г. в число его гонителей объясняется, может быть, тем, что Баусу было известно о расправе Бориса Годунова с И. Ф. Мстиславским (в 1585 г.) и И. П. Шуйским (в 1587 г.) — двумя опаснейшими соперниками Бориса в борьбе за власть. — Во время пребывания Микулина в Лондоне Баус был главным приставом при русском поселе.

¹⁸ князь Елизарей Хоби — имеется в виду, вероятно, сэр Эдуард Хоби (Hoby), дипломат и член парламента.

¹⁹ лорд Гре — очевидно, один из представителей фамилии Грей (Grey), игравшей видную роль в тудоровские времена; может быть, Реджинальд Грей, граф Кент (см. прим. 39 к статейному списку Писемского).

²⁰ лорд Ипенга — имя, несомненно, искажено и не поддается точному определению. Может быть, имеется в виду лорд Эффингем (Effingham), т. е. Чарльз Хауорд барон Эффингем граф Ноттингем, упоминаемый в списке Писемского (прим. 34) и ниже в списке Микулина (прим. 28), или его сын (см. прим. 59).

²¹ Кумарлан — имеется в виду, повидимому, Генри Клиффорд, граф Кемберленд (Clifford earl of Cumberland), участник разгрома испанской Армады, организатор многочисленных морских экспедиций против Испании.

²² боярин и дворецкой лорд чамберлин — имеется в виду, очевидно, не собственное имя Чемберлен (представители этой фамилии упоминаются в XVI в., но не при дворе Елизаветы), а должность „lord great chamberlain“ (главный камергер, нечто вроде министра двора). Во время пребывания Микулина в Лондоне должность эту занимал Эдуард де Вер, граф Оксфорд.

²³ от царского величества грамоту. Грамота Бориса Годунова, привезенная Микулиным, носила характер верительной („верующей“) грамоты (см. текст ее в Сб. РИО, т. 38, стр. 278); сущность посольства должна была быть изложена в речи посла (см. прим. 24).

²⁴ говорил Григорей королевне речь по наказу. Текст этой речи, заранее данный Микулину, приводится в „Английских делах“ перед статейным списком Микулина (Сб. РИО, т. 38, стр. 278—282). Микулин должен был сообщить о смерти царя Федора Ивановича и о воцарении Бориса, подтвердить торговые привилегии английских купцов (там же, стр. 281) и выразить удовлетворение по поводу того, что слухи об англо-турецкой дружбе, ходившие на Руси „от многих людей“, не подтвердились (там же, стр. 282).

²⁵ трезеру — lord treasurer, главный казначей. Эту функцию с 1599 г. (после смерти лорда Бэрли) выполнял Томас Сэквилль, барон Бэххэрст (Sackville baron Buckhurst).

²⁶ ближнему своему секретарю Робору Сыселю — имеется в виду Роберт Сесиль (Cecil), государственный секретарь, сын лорда Уильяма Бэрли (см. прим. 35 к статейному списку Писемского), заявивший после смерти своего отца роль фактического главы правительства Елизаветы. О роли Р. Сесили в восстании Эссекса см. прим. 39.

²⁷ лутчему алдраману сер Джан Гарту — имеется в виду олдермен Джон Гарт, бывший мэр Лондона (см. о нем прим. 45 к статейному списку Писемского).

²⁸ А как Григорей был у королевны в посольстве . . . да эрль Акшард. На приеме 14 октября 1600 г. помимо уже указанных лиц (Р. Сесиль и др.) присутствовал еще ряд придворных Елизаветы — перечисление их после описания приема делается, очевидно, на основании сведений, полученных Микулиным после окончания аудиенции. Митрополит Кайтоборинский — архиепископ Кентерберийский, глава английской церкви. Во время пребывания Микулина сан этот носил Джон Уитгифт (Whitgift), гонитель и злейший враг буржуазного движения пуритан. Лорд кипер — „lord keeper of the great seal“ (хранитель большой государственной печати) — должность, обычно совмещавшаяся с должностью лорда-канцлера; в 1600 г. должность эту занимал Томас Эджертон (о его роли во время восстания Эссекса см. ниже, прим. 39). Конюшний боярин лорд Устер — Эдуард Соммерсет, граф Устер (Sommerset earl of Worcester), помощник лорда-конюшего (deputy master of the horse), католический придворный Елизаветы, арестованный Эссексом во время его восстания. Лорд Томас Гавард (Howard — Хауорд) — брат Филиппа Хауорда (см. прим. 34 к статейному списку Писемского). Другой казначей князь Иван Фоский — Джон Фортезкью (Fortescue), канцлер казначейства и помощник лорда-казначея. Лорд Бурли — Томас Сесиль, лорд Бэрли (Burghley), сын Уильяма Сесилия-Бэрли (см. прим. 35 к статейному списку Писемского) и брат Роберта Сесилия; Гарбет — второй государственный секретарь Джон Херберт. Ряд лиц, присутствовавших на приеме Микулина (эрль адмирал Нотимган — Чарльз Хауорд граф Ноттингем и др.), участвовал уже в приеме Писемского (см. о них в комментарии к статейному списку Писемского, прим. 32, 33, 34, 39, 52); Дарбей (Derby) и Шрозбори (Shrewsbury), присутствовавшие на приеме Микулина, это не те лица, которые участвовали в приеме Писемского (прим. 52), а младшие представители тех же родов. Не совсем понятно, кто такой эрль Акшард: „Акшард“ могло бы означать Оксфорд (Oxford), но носитель этого титула Эдуард де Вер, граф Оксфорд, уже упоминается в этом списке выше как „лорд-чамберлин“ (главный камергер). Люмли и Кобан — ср. стр. 396, прим. 46 и 47.

²⁹ И Григорей говорил бояром речь по государеву наказу о датском деле, да о дохтуре Виллисе. В этой речи, произнесенной 3 ноября 1600 г., Микулин, в соответствии с полученными им инструкциями (см. Сб. РИО, т. 38, стр. 288—291) поставил перед советниками Елизаветы два вопроса. Первый из этих вопросов касался датского пиратства, серьезно задевавшего и русские и английские торговые интересы еще при Иване Грозном (см. прим. 4 к статейному списку Писемского). В царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова русско-датские столкновения не прекратились: новый датский король Христиан IV (вступил на престол в 1588 г.) выставила претензии на всю Лапландию (Кольский полуостров), решительно отвергаемые русскими царями (ср.: Форстен.

Сношения Дании с Россией в царствование Христиана IV. ЖМНП, т. IV, 1892, стр. 283—288). Только в 1601 г., уже после отправки Микулина, русско-датские отношения стали улучшаться (в связи с переговорами о браке сына датского короля с дочерью Бориса — Ксенией). Второй вопрос, поставленный Микулиным, был еще более важным: речь шла об английской политике по отношению к двум соседям России — Польше и Швеции. В 1587 г., во время борьбы за польский престол между Габсбургами и Сигизмундом Вазой (сыном тогдашнего шведского короля Иоганна III), Елизавета поддержала кандидатуру шведского принца; после избрания Сигизмунда она помогла ему разрешить одну из важнейших задач польской внешней политики: выступила посредником при заключении польско-турецкого мира (см.: Camden. Annales rerum Anglicarum, t. II. London, 1627, стр. 22). С русской точки зрения Сигизмунд Ваза, наоборот, был наименее приемлемой кандидатурой на польский престол (его воцарение означало объединение Польши и Швеции в одно враждебное Руси государство); борьба с Сигизмундом была одной из главных причин, приведших Русское государство в царствование Федора Ивановича к некоторому сближению с Габсбургами (см.: Я. С. Лурье. Английская политика на Руси в конце XVI в. Ученые записки Ленингр. Гос. пед. инст. А. И. Герцена, 1948, стр. 139—144). Однако после вступления Сигизмунда на польский престол положение быстро изменилось; Сигизмунд III сблизился с Габсбургами; шведский престол захватил его дядя Карл IX, решительный противник габсбургско-католической политики; между Сигизмундом и Карлом началась с 1598 г. открытая война. Для Бориса Годунова выступление Карла было выгодно уже потому, что оно ликвидировало опасность объединения Польши и Швеции. Какую позицию в этой шведско-польской войне занимает Англия? Этот вопрос, естественно, весьма занимал царя. Еще недавно Елизавета помогала Сигизмунду и враги ее утверждали, что она продолжает ему помогать. Когда в 1599 г. в Москву приехал английский доктор Уильмс, он был запрошен по этому поводу. Уильмс утверждал, что Елизавета на стороне Карла IX: „Посылала Елизавет-королевна гонца в Свею к арцы-Карлу для любви, чтоб меж ними была любовь, а толко будет ему от полского короля какая теснота, и она хочет помогати втайне“ (Сб. РИО, т. 38, стр. 270). Показания Уильмса, однако, не носили вполне официального характера и не вызвали полного доверия в Москве; Микулину было поручено вторично расследовать этот вопрос. Английский посол Ли, находившийся на Руси во время миссии Микулина, энергично доказывал сочувствие Елизаветы Карлу и враждебность Сигизмунду III (там же, стр. 414).

³⁰ Сего, деи, дни праздную яз тому дни, в которой день села яз на королевство. Елизавета вступила на престол 17 ноября 1558 г. после смерти своей старшей сестры Марии (Кротовой).

³¹ барбарейского царя послы — имеются в виду послы марокканского шерифа (государя) Ахмеда IV, связанного с турецким султаном и ведшего оже-

сточенную морскую войну с Испанией. Именно благодаря своей антииспанской позиции этот „нехрист“, сношения с которым вызывали некоторое смущение в Англии (The letters of J. Chamberlain, v. I. Philadelphia, 1939, № 33, стр. 108), являлся для Елизаветы естественным союзником.

³² большого казначея сии Саквелл — имеется в виду младший сын лорда-казначея Сэквиля-Бэххерста (см. прим. 25), Томас Сэквиаль, участвовавший в 1595 г. в войне против турок (в Венгрии, в войсках императора).

³³ великому государю нашему... во всей государеве воле. Послы перечисляют целый ряд восточных и юго-восточных земель и государств, бывших к концу XVI в. в сфере русского влияния. Орда Больших нагаев (находившаяся к востоку от нижнего течения Волги) переживала в последнем десятилетии XVI в. внутренний кризис. В сложной династической борьбе между князем Иштереком и его двоюродными братьями Борис Годунов поддержал Иштерека: астраханский воевода Сицкий торжественно „посадил“ Иштерека на престол и признал „нурадыном“ (наследником) его брата Кучука-мурау. Таким образом, Орда Больших нагаев формально признала московский сюзеренитет (А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в., 1948, стр. 38—40). Орда Малых нагаев (называвшаяся по имени ее основателя также „Казыевым улусом“) находилась под крымским влиянием и кочевала в прикрымских степях (см. прим. 7 к статейному списку Новосильцева). Кахетинский царь Александр („Иверской“ от слова „Иберия“ — древнее название Грузии) присягнул на подданство русскому царю в 1587 г. Казахские земли с середины до конца XVI в. входили в состав Узбекской (бухарской) державы Абдуллы II (см. прим. 38 к статейному списку Новосильцева); после распада этой державы Казахская орда на некоторое время обрела независимость (к этому времени и относятся сношения казахского хана с Борисом Годуновым). Далее Микulin перечисляет ряд народов и земель Северного Кавказа (кумыки, Кабарда, „Шевкальское царство“ — шамхалат в Дагестане и др. — см. прим. 67 к статейному списку Новосильцева). Подробнее см.: Е. Н. Кушева. Политика русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. Исторические записки, т. XXXIV, стр. 236—287.

³⁴ дохтур Паркия — имеется в виду, повидимому, сэр Кристофер Перкинс (Perkins, Parkins), дипломат (ездивший, между прочим, в Польшу), в прошлом — член иезуитского ордена.

³⁵ в праздник на крещеньев день хлеба ести. — Праздник богоявления, или крещения (6 января), отмечался в Англии с особой торжественностью как заключительный „Двенадцатый день“ зимних рождественских и новогодних праздников (Twelfth day). По наименованию этого праздника названа известная комедия Шекспира „Двенадцатая ночь“.

³⁶ Лорд Бетфорт — Эдуард Россель граф Бедфорда (Edward Russel earl of Bedford), внук Фрэнсиса Росселя-Бедфорда (см. прим. 32 к статейному списку Писемского) и племянник Уильяма Росселя (см. прим. 11).

³⁷ флоренской уделной князь Верджен Аурсинов — Вирджинио Орсини (герцог Браччиано), был представителем одного из наиболее знатных римских (а не флорентийских) патрицианских родов. Присутствие Орсини одновременно с русскими послами на праздновании „Двенадцатого дня“ в 1601 г. отмечается в письме современника, Джона Чемберлена (*The letters of John Chamberlain*, v. I. Philadelphia, 1939, № 36, стр. 115).

³⁸ лундской лорд мер — Уильям Райдер (Ryder, Rider), лорд-мэр Лондона с осени 1600 г. Как и большинство лорд-мэров, Райдер был представителем купеческого Сити. На содействие Райдера рассчитывал Эссекс во время восстания 1601 г. (см. прим. 39), но Райдер не решился его поддержать.

³⁹ И февраля в 8 день учинилась в Лунде великая смута... и плачь великой во всех людех. Рассказ о восстании Эссекса в 1601 г., содержащийся в статейном списке Микулина, несомненно представляет собой выдающийся интерес не только для русской, но и для английской истории. Будучи непосредственными свидетелями „смоты в Лунде“ и имея подробную информацию от Дж. Меррика и Фр. Черри, русские послы нарисовали довольно точную картину восстания, совпадающую в основном с английскими источниками. Так, в „статейном списке“ верно отмечена основная направленность заговора Эссекса — не против королевы, а против политической линии ее секретаря Роберта Сесия, проводника „осторожной“ внешней политики и сторонника умиротворения Испании (Эссекс и его сторонники обвиняли Сесия в намерении провозгласить дочь Филиппа II наследницей английского престола). Правильно названы в „списке“ имена ближайших сподвижников Эссекса: „эрль Сеуфрамтен“ — Генри Райотселл, граф Саутгемптон (*Henry Wriothesley earl of Southampton*), друг и покровитель Шекспира, „эрль Роклин“ — Роджер Мэннерс, граф Рэтланд (*Roger Manners earl of Rutland*) и „лорд Сенс“ — лорд Уильям Сэндис (*Sands, Sandys*). В изложении фактической стороны событий „статейный список“ расходится с английскими источниками только в одном: согласно этим источникам, группа вельмож, задержанных Эссексом в его доме во время восстания в качестве заложников — лорд-хранитель печати Эджертон, главный судья Попхэм и др., — была самовольно освобождена сподвижником Эссекса Фердинандо Горджем, купившим себе таким образом прощение королевы (*Camden. Annales rerum Anglicarum*, т. II. London, 1627, стр. 225; *Cobbet's Compleat Collection of State Trials*, vol. I. London, 1809, стр. 1345, 1418—29; Эссекс разрешил Горджу освободить одного Попхэма, а Гордж освободил всех); статейный список приписывает роль освободителя арестованных „бояр“ самому „чиф джестесу“ (*Chief Justice* — главный судья) Попхэму и утверждает, что он первоначально был „в думе“ с Эссексом, но затем изменил ему и получил помилование Елизаветы. Но наиболее интересным представляется в статейном списке не фактическое изложение, а общая оценка восстания и отношения к нему „посадских людей“. Трижды подчеркивается в списке „любовь“ к Эссексу в Англии (и особенно в „Лунде“), заслуги его и „плач великий по нем во всех

людях". Ценность этого известия еще усиливается благодаря тому, что сам Микулин не имел никаких оснований лично сочувствовать Эссексу: по словам Елизаветы в ее грамоте Борису (Сб. РИО, т. 38, стр. 313), Микулин даже предлагал ей принять участие в подавлении восстания. Очевидно, сочувствие Эссексу „посадских людей“ было настолько ясно и наглядно, что русские не могли этого не заметить. Несомненно, что сторонники Эссекса были среди лиц, которые окружали послов и снабжали их информацией, — отсюда ряд похвал Эссексу в рассказе. Весьма вероятно, в частности, сочувствие Меррика и Черри восстанию: одним из видных участников восстания был Джильс Меррик (см. прим. 40), может быть родственник Джона Меррика. Спустя несколько дней с послами имел свидание Томас Ширли, причем послов специально предупредили о его близости к Эссексу (стр. 194). Чем объясняется эта связь между сторонниками Эссекса и русскими послами? Для понимания ее следует иметь в виду, что Эссекс выступал за активную антииспанскую внешнюю политику; сторонники такой политики еще в 80-х годах считали необходимым сближение с восточноевропейскими странами, в частности с „Московией“ (см. прим. 32 к статейному списку Писемского).

⁴⁰ А опасая того казней его заговору вотчим его, да три князи, да дворецкой его, да дьяк — имеются в виду сподвижники Эссекса, казненные в марте 1601 г. „Вотчим“ Эссекса — сэр Кристофер Блаунт (Blount), третий муж его матери, Летиции Девере (вторым ее мужем был Роберт Лейстер, умерший в 1588 г.) Блаунт был близким другом своего пасынка и принимал непосредственное участие в восстании 8 февраля. „Дворецкий“ Эссекса — Джильс Меррик, один из активнейших участников восстания. На суде его обвиняли, между прочим, в том, что он для поднятия духа лондонцев заставил актеров шекспировского „Глобуса“ поставить в день восстания историческую хронику „Ричард II“, где изображается свержение и убийство короля. „Дьяк“ Эссекса — его секретарь Генри Кафф (Cuff, Cuffe), приговоренный к смерти несмотря на то, что он не принимал участия в восстании (за „подстрекательство“ Эссекса). Не совсем понятно, кто такие „три князи“: из лиц, казненных в связи с делом Эссекса, только двое (Блаунт и Чарльз Деиверс) были настолько знатными фигурами, что их удостоили казни в Тауэре; Меррик, Кафф и третий незнатный участник восстания — Джон Дэвис были казнены в Тайберне, где казнили людей простого происхождения. Там же за несколько дней до этого был казнен Томас Ли, пытавшийся освободить Эссекса (уже после восстания и ареста Эссекса).

⁴¹ Посол ден короля Шкотцкого эрль Бодвель Гарр. Начиная с февраля 1602 г. в Лондоне находилось шотландское посольство во главе с Джоном Эрскином, графом Мар (earl of Mar). Основной задачей этого посольства было разрешение вопроса о престолонаследии в Англии. Граф Мар был тесно связан с Эссексом и знал его подготавливавшемуся выступлению (ср.: Correspondence of King James, L. 1861, appendix, p. 82—86). С этим, может быть, связан его визит „никогнито“ (см. стр. 181) к русскому послу в этот тревожный момент.

⁴² А Францовской деи король ко государыне нашей прислал посла своего о братстве и о дружбе... и в том им не доверяют. Французский посол — герцог Бирон, посетивший Елизавету, чтобы передать ей поздравления от французского короля Генриха IV по случаю благополучного исхода восстания Эссекса. Заслуживает внимания сделанное Баусом указание на англо-французские противоречия („прежние недружбы“, недоверие) в эти годы. Противоречия эти были вызваны в значительной степени непоследовательной и неискренней политикой английской королевы по отношению к Генриху: Елизавета мало и плохо помогала ему в его войне с Испанией, длившейся до 1598 г., а вместе с тем рассматривала французского короля как своего ставленника, требуя от него даже территориальных уступок (характерно, что Баус в беседе с послами подчеркивал благодеяния Елизаветы „французскому королю“). Не имея возможности продолжать дальнейшую войну с Испанией, Генрих IV заключил в 1598 г. мир с нею, что в свою очередь вызывало недовольство Елизаветы.

⁴³ князь Ондрей Лей, брат князю Рыцарю Лею, — сэр Генри Ли (Lee), крупный землевладелец и административный деятель (master of ordnance — оружейничий, фельдцейхмейстер) елизаветинского времени. Генри Ли был братом Ричарда Ли, находившегося в то время в Москве (см. прим. 5) и состоял в родстве с Томасом Ли, казненным сподвижником Эссекса (см. прим. 40).

⁴⁴ видели князя Ондрея при королевне в боярех, в рыцерском чину в шестом месте, которые князи празнуют Георгию. Генри Ли был кавалером ордена Подвязки (Order of Garter, важнейший английский орден); день св. Георгия (23 апреля) был не только общим английским праздником (см. прим. 50 к статейному списку Писемского), но и специально праздником этого ордена.

⁴⁵ Цесарские области из Муравские земли князи — Моравия, часть Чехии, находилась с 1526 г. (после распада Венгерско-Чешского государства Людовика Ягеллона) под властью Габсбургов (германских императоров).

⁴⁶ В прошлом деи 108 году были в собранье с обе стороны цесарские и Турского рати великие... канцлера польского Яна Замозского. Война между германским императором Рудольфом II и султаном началась в 1593 г.; военные действия шли с переменным успехом; большую роль в турецких войсках играли крымско-татарские силы. В 1600 г. турецким войскам удалось отвоевать у императора важную венгерскую крепость Каниша (к югу от озера Балатон); командующий этой крепостью Георг Парадайзер был за сдачу этой крепости казнен императором. — Еще в 1594 г., после первых успехов императорских войск, восстали против турецкой власти три вассальных княжества — Трансильвания („Седмигородье“), Молдавия и Валахия („Мутьянская“ и „Волошская“ земли). Трансильванский князь Сигизмунд Баторий (племянник польского короля Стефана Батория), находившийся под сильным влиянием иезуитов, сперва решил полностью уступить свое княжество императору; но, натолкнувшись на сильнейшее

недовольство населения, выступил затем против императора и заявил о своем переходе под польскую власть (1600 г.). Недовольство Габсбургов такой политикой Сигизмунда Батория нашло свое выражение в сообщении, сохранившемся в русских „Цесарских делах“: „Жигимундус Батура в Полше в канслерском городе . . . и тутю он зажег, а сам отъехал, а им оставил гасить. . . а чаю то, что совесть его упрекает и не ведает, где ему со страха деться, и господь такого непокойного человека без наказания не учинит“ (ПД, т. II, стлб. 749). В решении Сигизмунда Батория порвать с „цесарем“ несомненно важную роль играл его зять, польский канцлер Ян Замойский — энергичный противник Габсбургов; делом рук того же Замойского было и кратковременное установление польского влияния Молдавии и Валахии.

⁴⁷ посланника своего и ближние думы диака Офонася Власьева. Речь идет о миссии Аф. Власьева к германскому императору Рудольфу II в 1599 г. Формальная цель миссии Власьева заключалась, повидимому, в том, чтобы известить императора о воцарении Бориса (грамоты, посланные с Власьевым, и его речь на приеме у императора не сохранились — см. ПД, т. II, стлб. 691). В беседе с „думными людьми“ императора Власьев уверял их, что Борис готов помочь императору в его борьбе с Турцией и хочет сам выступить против турок, но этому мешает союзник султана — польский король; он предлагал поэтому заключить союз против Польши (там же, стлб. 697—698). Власьев был принят императором весьма любезно, но предложение о союзе против Сигизмунда III принято не было.

⁴⁸ Появились деи у нас новые вести из Аталиянской земли, что был Турской с Кизылбашским. . . про все подлинно вам розкажу. Во время этой второй беседы с Томасом Секвиллем русские послы обсуждали два вопроса — о турецко-иранской войне (в этом вопросе они проявили большую осведомленность, чем Секвиль) и о шведско-польской войне в Ливонии. Области, бывшие объектом войны между иранским шахом Аббасом I и Турцией (Хоросан, Мешед и др.), входили до 1597 г. в состав Узбекского государства, возглавлявшегося бухарским ханом Абдуллой II (см. прим. 38 к статейному списку Новосильцева). Борьба за эти области (и вообще турецко-иранская война) длилась еще много лет и кончилась лишь в 1639 г. Иранский посол Перкулы-бек (Пир-Кули) находился на Руси в 1599—1600 гг.; „дело“ о его приезде и приеме в русских „Персидских делах“ не сохранилось; имеются лишь материалы о его отправлении обратно в Иран вместе с русским послом А. Ф. Жировым-Засекиным в конце 1600—начале 1601 г. (Труды Восточного отделения Русского археологического общества, т. XXI, СПб., 1892, стр. 28—143). — Война шведского короля Карла IX против польского короля Сигизмунда III в Ливонии происходила в 1600 г.; Карлу удалось завоевать Нарву, Ревель (Таллин), Пернов (Пярну), Феллин (Вильянди) и Дерпт (Тарту). В начале 1601 г. польский король сосредоточил в Ливонии (в первую очередь для обороны Риги) крупные силы во главе с канцлером Яном Замойским.

⁴⁹ Преп сего блаженные памяти с великим государем, царем и великим князем Федором Ивановичем, всея Руси самодержцом, крымский Казы-Гирей царь . . . хочет ходити, где государь поведит. В общем русско-крымские отношения при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове могут быть охарактеризованы как относительно мирные (см. прим. 54). В 1598 г., узнав о смерти Федора Ивановича и рассчитывая на междоусобную борьбу в Москве, крымский хан сделал попытку напасть на Русь. В Москве, однако, своевременно узнали о подготовке такого похода; Борис Годунов собрал огромное войско для его отражения и хан не решился напасть. Неудачная попытка хана весьма содействовала популярности Бориса: была сложена даже песня, посвященная этому событию (см.: В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия Ричарда Джемса и П. А. Квашнина. Труды Отдела древнерусской литературы Инст. русской литературы АН СССР, т. II, 1935, стр. 167). После этого события отношения Бориса с Казы-Гиреем и его наследником (калгой) Саламет-Гиреем носили опять относительно мирный характер.

⁵⁰ Прежние турецкие салтаны с великими нашими государи цари российскими в ссылке бывали . . . турецкому ни в чем ссылка не бывала. Сношения Русского государства с Турцией в конце XVI в. были довольно частыми. В 1592 г. русское правительство посылало в Турцию своего посла Нащокина. Осенью 1593 г. султан прислал на Русь своего посланника Резвана-чауша, предлагая дружбу и выражая недовольство тем, что донские казаки нападают на Азов. Вопреки утверждению Микулина, Резван-чауш не был отпущен „без дела“: вместе с ним был отправлен русский посол в Турцию Истленьев, а в ответных грамотах к султану царь писал, что вопреки предложениям многочисленных врагов султана, он не собирается порывать „дружбы“ с ним, и отрицал, что его подданные нападают на турецкие владения (ЦГАДА, Турецкого двора книга, № 3, лл. 288—328).

⁵¹ про дон Онтона и про шахова посланника. Речь идет об англичанине Антони Ширли (Shirley, Sherley) и иранском посланнике Хусейне Али-беке („Исен-Алее“), находившихся на Руси в 1599—1600 гг. (проездом на запад) одновременно с иранским послом к Борису Пир-Кули-беком (см. выше, прим. 48). Антони Ширли представлял собой характерный тип политического авантюриста XVI—XVII вв., выступавшего под разными знаменами и в разных (иногда диаметрально противоположных) политических ролях. Начав свою карьеру с участия в антииспанских войнах в Нидерландах (под руководством Лейстера) и во Франции (под руководством Эссекса), он закончил ее в качестве католического эмигранта в Германии и Испании (сохраняя при этом в течение ряда лет связь с английским правительством и даже снабжая его от времени до времени политической информацией о европейских делах). В 1599—1600 гг. Ширли, во всяком случае, действовал не как противник, а скорее как агент своего правительства: ведя с шахом Ирана, а затем с русским царем переговоры о союзе против Турции, он стремился не столько к заключению такого союза, сколько

к подрыву влияния испанской агентуры в этих странах. До нас дошли чрезвычайно красноречивые памятники этой борьбы: рассказ Дон Хуана Персидского, крещеного перса, перешедшего в испанское подданство, и рассказ спутника Ширли, Уилльяма Перри. Первый рассказ резко враждебен Ширли, второй — дружествен, но оба они говорят об ожесточенной борьбе внутри посольства. Дон Хуан сообщает, что Ширли убедил шаха не заключать союза с одним испанским королем, ибо „на Западе есть много других королей, также христианских и могущественных“, в том числе — его королева, и что на Руси Ширли посадил под арест и ограбил католического монаха — участника посольства (Чт. ОИДР, 1899, I, стр. 2 и 17). Перри утверждает, что виновником столкновения был сам монах, что в конце концов Ширли убедил московских правителей конфисковать его имущество, и заканчивает: „Велел ли канцлер (Вас. Щелкалов) перерезать ему (монаху) горло — неизвестно, но не невероятно“ (Чт. ОИДР, 1899, IV, стр. 10).

⁵² сэр Томас Шерли дон Онтонов отец — сэр Томас Ширли (Shirley), известный политический деятель елизаветинского времени, член парламента, участник войны в Нидерландах против Испании. В отличие от своих сыновей Антони (см. прим. 51), Роберта и Томаса, выступавших за границы в качестве активных католиков, Томас Ширли-старший оставался в течение всей своей жизни верен протестантской религии.

⁵³ и воевали до Петрыния города — имеется в виду, очевидно, город Петриня в Хорватии. Хорватия, входившая до 1526 г. в состав Венгерского королевства, была после этого года частично завоевана турками, частично (в меньшей степени) вошла в состав габсбургской Германской империи. В войне 1593—1606 гг. (см. прим. 46) Хорватия была одним из театров военных действий.

⁵⁴ А болше де надежа цесарю против Турского на вспоможенье на государя вашего, царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси. Это замечание „Ивана Галиса“ не было, повидимому, с его стороны простой любезностью по отношению к русским послам. В связи с серьезными трудностями, испытанными „цесарем“ в войне 1593—1606 г., и особенно в связи с большой ролью, которую играли в войсках султана крымские полки, император неоднократно обращался к Федору Ивановичу и Борису Годунову за помощью. Габсбургские дипломаты настойчиво убеждали русских, что „такого подобного (благоприятного, — Я. Л.) времени не бывало, как ныне“ для учинения „шкоты“ Крыму (ПД, т. II, стлб. 74—75, 118, 451, 508); в 1604 г. императорский посол Логау говорил Борису: „Мочно, деи, тебе государю . . . переняти и в цесареву землю не пустити крымского царя, толко ты, государь, похочешь“ (там же, стлб. 906). Борис Годунов умело использовал этот возросший интерес Габсбургов к русской внешней политике, неоднократно заявляя о своей готовности „соединиться“ с ними для борьбы против „бесерменских государей“. В действительности, однако, он отнюдь не собирался воевать с Крымом и Турцией и, наоборот, стремился к мирным отношениям с этими странами. В 1601—1602 гг. во время „посоль-

ского размена" с крымцами русский посол специально подчеркнул, что Борис мог „государю вашему недружбы учинити в то время, как Казы-Гирей царь ходил на Можары (т. е. на войну в Венгрии, — Я. Л.), да великий государь наш . . . некоторые недружбы ему не учинил" (ЦГАДА, Крымские дела в столпах, № 2, л. 118).

⁵⁵ сорок тысяч ефимков. Ефимок — русское название германской серебряной монеты иоакимсталер (чеканившейся из серебра, добываемого в рудниках Иоакимсталь в Чехии). Ефимки в XVII в. ходили и в России (со специальной надчеканкой — „признаками") и считались равными 1 рублю (28.4 г серебра).

⁵⁶ Францовской король пожаловал его рыцерским именем за его великую службу. Антони Ширли действительно получил от Генриха Наваррского рыцарское звание (ордена св. Михаила) за службу в его войсках в 1591—1593 гг., но Елизавета усмотрела в принятии им иностранного рыцарства измену, и по возвращении Ширли был принужден отказаться от этого звания. Тем не менее он продолжал именовать себя рыцарским титулом „сэр" (в России он поэтому именовался „дон Антон").

⁵⁷ лорд Сусекс — Роберт Рэдклифф, граф Сассекс, сын Томаса Сассекса (см. прим. 52 к статейному списку Писемского).

⁵⁸ боярин враль Дарбей — Уильям Стенли, граф Дерби, сын Генри Стенли (см. прим. 52 к статейному списку Писемского).

⁵⁹ лорд адмиралов сын, лорд Ефимган. — У адмирала Чарльза Хауорда, имевшего звание барона Эффингема и графа Ноттингема (см. прим. 34 к статейному списку Писемского), было двое сыновей — Уильям и Чарльз.

⁶⁰ любительную свою грамоту. Грамота Елизаветы Борнсу Годунову, о которой она говорила во время „отпуска" послов (заключительной аудиенции), приводится в „Английских делах" перед статейным списком Микулина и Зиновьева (Сб. РИО, т. 38, стр. 310—313). Елизавета выражала в этой грамоте „радость" по поводу избрания Бориса Годунова на престол и отвечала на вопросы, поставленные Микулиным в его „речах" (см. прим. 24 и 29). Она специально отмечала в этой грамоте „радение и россуждение" Микулина, обнаруженные им во время его пребывания в Лондоне.

⁶¹ вперед того не будет, что нам Турскому против цесаря помогати. Это замечание секретаря Джона Херберта затрагивает один из важнейших вопросов английской внешней политики того времени. В борьбе, которую вела Англия с католическими силами, возглавляемыми Испанией, „враг всего христианства" турецкий султан был для нее естественным союзником. Уже с начала 80-х годов XVI в. англичане установили систематические сношения с султаном, тайно побуждая его выступить против „государей-идолопоклонников" — католиков. Во время нашествия испанской Армады на Англию Елизавета, как сообщал русский посол в Турции, „прислала к Турскому послов своих о том, чтоб с нею был на Ишпанского заодин и послал бы рать свою морем" (ЦГАДА, Турецкого двора книга, № 3, лл. 254—255). Хотя до прямого военного вмеша-

тельства султана в англо-испанскую борьбу дело не дошло, несомненно, что даже сама по себе турецкая угроза на Средиземном море содействовала отвлечению части испанских сил от Англии. Тем не менее, не желая чересчур раздражать католические государства и боясь „общественного мнения“ феодально-абсолютистской Европы, Елизавета всячески скрывала и отрицала свою связь с султаном. Отрицала она эту связь и в переговорах с русским государем: уже в 1597—1598 гг. она писала Федору, что обвинение со стороны католических государств, будто „мы подмогали Турскому“ — „лихие, безделные, наносные слова“ (Сб. РИО, т. 38, стр. 252—259), в 1601 г. эти опровержения были еще раз повторены Микулину. Осторожный намек на истинную политику Англии позволил себе только посол Ли, бывший в Москве в то время, когда Микулин был в Англии, — может быть, именно потому, что он успел убедиться, что анти-турецкие планы Бориса Годунова далеки от действительности. Ли писал Годунову, „что папешане (католики) больше того недруги христианским государем, как великой недруг богу и людем Турской“ (там же, стр. 414).

⁶² под Ротчестером на реке на Медве — имеется в виду город Ротчестер (Rochester) в устье реки Мидуей (Medway) в графстве Кент (юго-восточная Англия).

⁶³ городок Квинборок — город Квинборо (Queenborough) в графстве Кент, на острове Шеппи у устья реки Мидуей.

Статейный список Федота Елчина

(Стр. 206—226)

¹ в Дидьянской земли. В статейных списках русских послов XVII в. Дадиянской землей называется Мегрельское княжество по титулу владетельных князей Мегрелии — Дадияни. Мегрелия (будем называть эту часть Грузии ее традиционным названием) расположена по долинам рек Риони, Ингури, Цхенисцхали, впадающих в Черное море. Она издавна привлекала к себе внимание путешественников. Сведения древнегреческих писателей об этой стране, называемой в те времена Колхидой, восходят еще к VI в. до н. э. С Колхидой связано и известное сказание об аргонавтах. В XVII в. Мегрелию посетило несколько путешественников, среди них следует отметить двоих: Арканджело Ламберти, католического миссионера, целью которого было распространение католицизма среди местного населения, и французского коммерсанта Шардена. Ламберти и Шарден оставили пространные и любопытные описания истории и нравов Мегрелии. Но на их сведениях лежит печать тенденциозности (см.: Арканджело Ламберти. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис, вып. 43, 1913, стр. 1—232; Chardin. Voyage de Paris á Ispahan. Paris, 1830; существует русский перевод Е. В. Бахутовой и Д. П. Носовича: Путешествие Шардена

по Закавказью в 1672—1673 гг., Тифлис, 1902). Статейный список русского посла Ф. Елчина, бывшего в Мегрелии в 1639—1640 гг., представляет для науки большой интерес. В нем мы находим ценные сведения о географическом положении Мегрелии, об отношениях Мегрельского княжества с соседними странами, о сельском хозяйстве и торговле, о нравах и обычаях, царивших среди жителей Мегрелии, о их вере, о монастырях. В начале XVI в. Грузия окончательно распалась на три царства: Кахетинское, Карталинское, Имеретинское, и княжество Самцхе-Саатабаго. В условиях феодального развития было естественно, что Имеретинское царство в свою очередь распалось на отдельные княжества. Одним из таких феодальных владений и была так называемая Дадиянская земля — Мегрелия. Мегрельский князь Леван I (1532—1572 гг.) объявил себя независимым владетелем, признавая только формально первенство имеретинского царя. Леван II Дадияни (1611—1657 гг.), о котором идет речь в статейном списке Елчина, продолжил политику своих предшественников, направленную на усиление местной власти в Мегрелии. Это был умный, энергичный правитель, талантливый военачальник, который, вместе с тем, в продвижении к намеченной цели не пренебрегал такими средствами борьбы, как заговор, измена, убийство и т. п. Стремясь подчинить своей власти всю Западную Грузию, он вел с соседями бесконечные войны, тяжелым бременем ложившиеся на плечи трудового населения страны. Подчинив своему влиянию соседнее грузинское княжество — Гурию, Леван продолжил борьбу с имеретинским царем. В 1635 г. Леван одерживает победу над имеретинским войском, взяв в плен самого царя Георгия IV (1604—1639 гг.). Усилив таким образом свою власть, Леван стал называть себя царем. Большой интерес в этом отношении представляет грамота кахетинского царя Теймураза I Михаилу Федоровичу 1639 г.: „Тот же Дадиян хочет истребить царское имя в Иверской земле и считаться единым царем Иверской земли; а отец его был сперва ериставом. . .“ („еристави“ — воевода). (См.: Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями. СПб., 1861, стр. 23). „Дидиянский был раб мой и давал дань мне, — пишет имеретинский царь Александр III (1639—1661 гг.). — И ныне отложился от меня и соединился с царегородским турским салтаном. И собрав воинских людей, приходит на меня по двжды и по тржды. . .“ (См.: Перевод с письма имеретинского царя Александра III к русскому царю Алексею Михайловичу 1646 г. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650—1652 гг. Изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1926, стр. 4). В Зугдиди, в своей резиденции, Леван устроил монетный двор и стал чеканить деньги. Заботился о развитии торговли в стране, об укреплении феодального правосудия. По приказанию Левана делались росписи в храмах Западной Грузии. В связи с этим можно вспомнить, что в 1640 г. в письме к русскому царю Михаилу Федоровичу Леван просил прислать ему русских иконописцев. В отношениях между Россией и Грузией стало уже традицией завязывать связи культурного и политического значения. Из исторических документов известно, что в Грузии, начиная с 1589 г.

до середины XVII в., работало десять русских художников-иконописцев. (М. Полиевктов. Новые данные о московских художниках XVI—XVII вв. в Грузии. Тбилиси, 1941). „Неизвестно, по какой причине, — пишет проф. Ш. Я. Амиранашвили, — под воздействием ли русских живописных икон, покрытых ризами с вырезами для ликов и рук, или вследствие технических затруднений при передаче рельефов ликов, или под влиянием обеих причин, но в иконах, выполненных по заказу Левана II, лики оставлены плоскими и расписаны художниками-иконописцами“ (Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I. М., 1950, стр. 291). Следуя примеру царя Теймураза I, Леван II в поисках надежного покровителя обращается к России. В 1638 г. в Москву приезжает посол Левана II — священник Гавриил. В привезенной им грамоте от Левана к русскому царю Михаилу Федоровичу говорится: „...покланяетца его царскому величеству он раб его, со святыми божиими церквами и со святыми мощми и со главою своею и со всею областию своею и со всем державством своим поддаетца служить его великому царствию и бьет челом, чтоб он великий государь пожаловал его, прислал к нему посла с своими царскими грамотами и принял бы их под свою царскую высокую руку...“ (Чт. ОИДР, кн. II, 1887, стр. 272). В ответ на это посольство в 1639 г. из Москвы были отправлены в Дадиянскую землю послы: Федот Елчин и священник Павел Захарьев. На Елчина было возложено вести переговоры с Леваном относительно его подданства русскому царю; и при желании последнего посол мог привести его к крестоцеловальной записи на верность России. Из статейного списка Ф. Елчина видно, что Леван II холодно принял послов и что о подданстве русскому царю не могло быть и речи. Таким образом, основная цель посольства оказалась невыполненной, но зато послы привезли в Москву много полезных и нужных сведений, касающихся жизни Западной Грузии, которые обогатили представление русских людей того времени о странах Закавказья.

² кизылбаских купчин. Кизылбаши (тур.) — красноголовые. Название идет от красных тюрбанов, которые носила шахская гвардия времен династии Сефевидов (XVI—XVIII вв.). Шиитские тюрокские племена, из которых вербовалась гвардия, также назывались кизылбаши. В дипломатической переписке того времени между Москвой и Грузией — обычное название персов.

³ В Алегукину Кабарду. Кабарда — страна, расположенная на Северном Кавказе. Через нее шел один из путей, связывавших Русское государство со странами Закавказья. Этим объясняется и раннее знакомство русских с Кабардой. Уже при Иване Грозном (1547—1584 гг.) кабардинские феодалы признают себя вассалами Московского государства (см. ПСРЛ, т. 20, Львовская летопись за 1557 г., стр. 585). Политические связи обеих стран были скреплены и династическими узлами (женитьба Ивана Грозного на кабардинской княжне Марии Темрюковне). Территория Кабарды была поделена между отдельными феодалами. Отсюда и встречающиеся названия: Алегукина Кабарда (т. е. владения Алегука Шеганукина), Муидарова Кабарда и т. п.

⁴ Хапуке Мурзе. Мурза — от персидского „мирза“, титул феодальной знати и членов царской семьи у некоторых народов Востока.

⁵ зеркало немецкое с потальею. Поталь — употребляемые для позумента тонкие полоски из сплава меди и цинка.

⁶ Хапукину узденю. Уздень — лицо, принадлежавшее к феодальному дворянству Кабарды.

⁷ в Корочаеву Кабарду. Корочаева Кабарда — часть Кабарды.

⁸ из Обазы. Повидимому, имеется в виду северокавказская народность — абазинцы (самоназвание — абазы).

⁹ в Сонскую землю. В научной литературе до сих пор точно не установлено — какая именно часть Грузии называется в русских статейных списках Сонской землей. Можно указать лишь на попытки объяснить это загадочное название, см., например: Исторический сборник, кн. III, Тифлис, 1928, стр. 112—113 (на грузинском языке).

¹⁰ Уранканской князь Обоза. Трудно понять, о каком князе идет речь, но имя князя — Обоза — говорит за его принадлежность, видимо, к абазинцам.

¹¹ о потриархе Иасафе Московском. Иоасаф I был патриархом всея Руси с 1634 по 1640 гг.

¹² иисусы (греч.). Деисус — икона или род икон, на которых изображены Христос, богородица и Иоанн Предтеча. Деисус был традиционно-излюбленной композицией в росписях древних грузинских храмов.

¹³ царя Костеньтина. Речь идет о святом христианской церкви, Константине I Великом — римском императоре в 306—337 гг. Константин перенес столицу из Рима в Византию. Новая столица получила название — Константинополь. Константин покровительствовал христианской религии.

¹⁴ Гурьельская царства. Гурийское княжество, входившее в Имеретинское царство, занимало часть Черноморской низменности и предгорий Малого Кавказа. В 1625 г. князь Симон приказал убить своего отца, с тем чтобы самому стать владетельным князем Гурии. Поступок Симона вызвал возмущение среди народа. Леван II поспешил воспользоваться удобным моментом, напал на Симона, победил его и выжег ему глаза. Жену Симона Мариам, свою сестру, Леван II в 1633 г. выдал замуж за картлийского царя Ростом. Владетельным князем Гурии стал грузино-абхазский католикос Малакия — ставленник Левана II.

¹⁵ А грузинских царей царство Тюфлис. В течение нескольких столетий вел грузинский народ борьбу за свою независимость. В XVII в. Восточная Грузия принадлежала Персии. В Тбилиси — главном городе Восточногрузинского царства — жил наместник шаха, назначаемый обычно из числа членов царствующего дома. Очень часто грузинские цари вынуждены были при этом принимать мусульманство, хотя у себя дома они попрежнему оставались христианами. В статейном списке князя Ефима Мышецкого мы встречаем сведения, которые подтверждают правильность сообщения Елчина и уточняют его:

„И по рассмотренью и по разведыванью в Грузинской земле князь Ефима Мышецкого Карталея и Тефлиз за шахом, а владеет Карталеєю и Тифлизом по шахову указу тефлисской Рустем-хан“ (Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643. Изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1928, стр. 158). С 1632 по 1744 г. в Восточной Грузии правили цари-мусульмане, носившие титул „вали“, т. е. „наместник шаха“. Первым таким наместником шаха в Картли был царь Ростом (1632—1658 гг.). Он был умным и опытным правителем. Не посягая на религию, обычаи и язык, утвердившиеся в стране, он направил свою деятельность на развитие ремесел и торговли, на укрепление феодального правопорядка. Страна почувствовала некоторое облегчение. Жена Ростом Мариам, сестра Левана II Дадлиани, была христианкой. Она проявляла заботу о развитии грузинской литературы. Памятником ее деятельности является сделанный по ее распоряжению список „Картлис цховреба“ (сборник исторических трудов феодальной Грузии), известный в науке под ее именем. В борьбе против мусульманского засилья в Грузии важное значение приобретали ее мероприятия по восстановлению и украшению церквей. По ее заданию работал русский иконник Иван Данилов Костромитин, прибывший в Грузию в 1637 г. в составе посольства кн. Волконского. Упоминание о Костромитине мы находим в статейном списке Н. Толочанова, который был в Имеретии в 1650—1652 гг.: „... потому Ростом хан тефлисский бусурман, а жена его называется христианка, и по ее приказу тот иконник Иван Данилов пишет в церкви стеновое письмо за крепкими приставами“ (Посольство стольника Толочанова. . . Изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1926, стр. 44).

¹⁸ „У нас де так ведетца, с noneшнeво дни починаетца новой год“. Культурно-исторический интерес представляют замечания русских послов о начале нового года в Грузии (известно, что в допетровской Руси новый год начинался с 1 сентября). За несколько дней до нового года срезают длинную ореховую ветку (1—2 метра). Вершину ветки расчлениают на четыре части, вставляют туда четыре острокопечные палочки в виде креста. В новый год на вершине ветки (или как ее называют — чичилаки) зажигают свечи. Чичилаки украшают фруктами и сладостями. Русские послы, говоря о „хворостинке плоду всякого плоду“, вероятно, имели в виду вышеописанную „чичилаки“.

¹⁷ азнаур — дворянин. Первоначальное значение этого слова — „свободный“. В дальнейшем азнаурами стали называть свободных людей, владеющих землей. Грузинский историк XVIII в. царевич Вахушти дает следующее объяснение: „А азнаур имел род и происхождение и какое-либо укрепление в горах или в долине и селения, дабы он мог выступить со своими запасами, палатками и приспособлениями к ним, а помимо этого он не назывался азнауром“ (Царевич Вахушти. География Грузии. Записки Кавк. отд. Русск. геогр. общ., кн. 24, вып. 5, Тифлис, 1904, стр. 5).

¹⁸ А царь Левонтей дает турецкому царю дань. Западная Грузия, оказавшаяся в зависимости от Турции, была обложена данью, которая росла год от

года. Положение трудового народа было чрезвычайно тяжелым. Большим социальным злом, страшным бичом для населения была укоренившаяся в стране продажа крестьян в рабство. Рынки Передней Азии были полны рабами из Западной Грузии. Бывший проездом в Грузии (в 1655 и в 1666 гг.) Антиохийский патриарх с гневом писал о тех огромных размерах, которые приняла в стране продажа христиан в рабство (П. Жузе. Грузия в 17 столетии по избранию патриарха Макария. Казань, 1905). Кахетинский царь Теймураз I в беседе с русским послом кн. Мышецким с горечью говорил ему: „Да он же (дадианский князь, — Л. Ш.) продает бусурманам на всякий год по десяти и по пятнадцати тысяч человек робят христианских детей, да к турецкому султану и к везиру посылает в поминках по сту по двадцати человек робят же и дает турецкому царю о себя дань“ (Посольство кн. Мышецкого... Изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1928, стр. 37).

¹⁹ река Рьян — река Риони.

²⁰ бошачойскаво князя. Под бошачойским князем имеется в виду имеретинский царь Александр (1639—1661 гг.). *Basaçik* (тур.) — с непокрытой головой. Так турки называли имеретин, которые носили в качестве головного убора маленькие войлочные шапки. В дипломатической переписке Московского государства с Грузией башачицкой землей именуется Имеретинское царство. Так, например, в грамоте к Михаилу Федоровичу 1618 г. кахетинский царь Теймураз I, говоря о последствиях вторжения персидского шаха Аббаса I в Кахетию, пишет: „И яз против его постоял иемного и, увидя свое неизможенье, пошел из своей земли прочь в башачицкую землю. А та земля православная ж крестьянская вера, а по-грузински нмя той земле Имерель, а тут лежит Динара царица“ (М. Полиевктов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615—1640. Тбилиси, 1937, стр. 45). Как и другие грузинские царства, Имеретия обращалась к Московскому государству с просьбой о покровительстве и защите страны от неверных. В 1650 г. в Имеретию был отправлен посол Н. Толочанов. Он успешно справился со своей миссией: царь Александр и его феодалы присягнули на верность московскому государю. В стейном списке Н. М. Толочанова содержится много интересных сведений как об имеретинском царе Александре, так и о самой стране. Дается описание столицы Имеретии — гор. Кутаиси, древнего Гелатского монастыря. (Посольство стольника Толочанова... Изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1926).

²¹ в монастыре в Егорьевском. Культ св. Георгия был очень популярен в Грузии. Ему посвящена Илорская церковь, находящаяся в 3 км от Очамчиры (Западная Грузия). Ежегодно 23 апреля и 10 ноября отмечали там праздник в честь св. Георгия. По народному поверью в предпраздничную ночь св. Георгий приводит в церковную ограду быка. Подробное описание этого праздника можно найти у Ламберти. (Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис, 1913, стр. 152); у Шардена (Путешествие Шардена в Закавказье... стр. 95—96);

а также см.: Царевич Вахушти. География Грузии. Записки Кавк. отд. Русск. геогр. общ., кн. 24, вып. 5, Тифлис, 1904, стр. 228); С. Макалатия. История и этнография Мегрелии. Тбилиси, 1941, стр. 348—354. (На груз. языке).

²² Богдат иныне за кем утвердился. Город Багдад — столица Ирака — основан в 762 г. Халифом Мансуром. На протяжении XVI—XVII вв. был предметом борьбы между Турцией и Персией и неоднократно переходил из рук в руки. В 1638 г. Багдад вновь был во власти турок.

²³ козылбаским обызым. . . Абыз (тат.) — мулла.

²⁴ что де он голдует на обе стороны. „Голдовать“ — зависеть от кого-нибудь; голдовник — „вассал“ (см.: Посольство стольника Толочанова. . . Изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1926, стр. 203).

²⁵ идет жалавань по 1000 темней. Темсии или тюмени — искаженное персидское слово „туман“ (золотая персидская монета).

²⁶ Шах Софеево имя. Шах Сефи вступил на престол после смерти Аббаса I в 1628 и правил до 1641 г.

²⁷ у потиру. Потир (греч.) — чаша, из которой причащают в православной церкви.

²⁸ Мрат-солтан — Мурад IV, сын Ахмеда (1609—1640 гг.), правил с 1629 г.

²⁹ при великом князе Владимире Киевском. Владимир Святославич — князь Киевский (год рождения неизвестен — умер в 1015 г.). Около 988 г. христианство было объявлено государственной религией древней Руси. Число 652 указывает на количество лет, прошедших со времени крещения Руси до 1640 г.

³⁰ И митрополит сказал: „Наша де царьство крестил Ондрей Первозванной. В данном случае информатор русских послов — митрополит Митрофан — оказался не на высоте своего положения. Его сведения относительно принятия Грузией христианства весьма сбивчивы. Восточная Грузия (Картли или Иберия) приняла христианство в качестве государственной религии при царе Мириане около 337 г. обстоятельный рассказ об обращении Грузии в христианство имеется в „Картлис цховреба“. (См.: М. Brosset. Histoire de la Géorgie, t. I. St.-Petersbourg, 1849, стр. 110—114). В Западной Грузии (Лазике) христианство сделалось государственной религией несколько позже. В 523 г. римский император пригласил наследника лазского царя Цате приехать в Константинополь для получения короны. В Константинополе Цате было предложено принять христианство, что он и сделал.

³¹ А те Грузинские земли, Темразова — Темразова земля, т. е. владения царя Теймураза I. Теймураз I вступил на кахетинский престол в 1606 г., все свои усилия направил он на сохранение национальной и политической независимости Грузии. Ему было ясно, что достичь этого он сможет лишь при наличии прочного союза между отдельными грузинскими царствами и при укреплении дружественных отношений с Московским государством. Отсюда ряд посольств в Москву: в 1615, 1618, 1623 и 1636 гг. и личное посещение им русского царя Алексея Михайловича в 1658 г. Умер в Персии, в Астрабадской

крепости, в 1663 г. Много ценных сведений о Теймуразе I и о Грузии того времени находим мы в статейном списке русского посла кн. Ефима Мышецкого (Посольство кн. Мышецкого... Изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1928).

³² Да в прошлом де, во 141-м, году присылал де к нам папа римской шести старцов. Еще в XIII в. в Грузии была основана католическая епархия, которая ставила перед собой цель распространить власть папского престола на Грузию. Чтобы успешно выполнять свое задание, католические миссионеры устраивали в стране школы, занимались лечебной практикой. Но их деятельность не находила поддержки среди широких масс населения. В этом отношении примечателен рассказ французского путешественника Шардена, бывшего в Мегрелии в XVII в. „Театинцы (монашеский орден, основан в 1524 г. в Риме) прибыли в Мингрелию в 1627 году и были приняты, как лекаря... Театинцы в прежние годы имели дома в Туркестане, Грузии, в землях черкесов и в Имеретии, но теперь дома эти все истреблены, а сами театинцы оставили названные места, видя, что в них не прививается римская религия и что медицина, из которой они сделали профессию, стала надоедать туземцам. Они часто уверяли меня, что по тем же соображениям давно покинули бы и Колхиду, но что остаются тут ради чести римской церкви...“. И далее: „В общем театинцы очень жалки в Мингрелии: их грабят, обижают, не чувствуют никакого уважения и совершенно в них не нуждаются...“ (Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Тифлис, 1902, стр. 113—114). В связи со все усиливавшейся в Грузии русской ориентацией католическая пропаганда все меньше находит себе приверженцев; и со второй половины XVIII в. деятельность римских миссионеров постепенно замирает.

³³ сел мужик на хрому. Прорицание было одним из важных моментов, входивших в церемониал праздника в честь св. Георгия. „Прорицатель забирался на Илорскую колокольню и оттуда начинал вещать во имя св. Георгия Илорского“. (См.: С. Макалатия. История и этнография Мегрелии. Тбилиси, 1941, стр. 355. Перевод с грузинского наш, — Л. Ш.).

³⁴ богородицы срачицу. „Сорочка богородицы“, хранящаяся в церкви ее имени в селении Хопи, была одной из национальных святынь грузинского народа. Русским послам показывали ее, подробно излагая легенду о ее появлении в Грузии. Посол Толочанов, бывший в Имеретии в 1650—1652 гг., в своем статейном списке также упоминает об этой реликвии (Посольство стольника Толочанова... Изд. М. Полиевктова, Тифлис, 1926, стр. 158). Вахушти, известный грузинский историк XVIII в., пишет: „На северной стороне этой реки, на берегу моря, находится Хопи. Здесь находится церковь с куполом, благолепная и украшенная. Здесь в церкви покоится рубаха Пресвятой Богородицы, чудотворная“ (Царевич Вахушти. География Грузии, Записки Кавк. отд. Русск. геогр. общ., кн. 24, вып. 5, Тифлис, 1904, стр. 226). Об этом же свидетельствует и Арканджело Ламберти (Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис,

вып. 43, 1913, стр. 129). Культ богородицы был особенно распространен в древней Грузии. С ним связана старинная легенда о том, как на долю богородицы выпал жребий проповедовать христианство в Грузии. (См.: М. Brosset. Histoire de la Géorgie, t. I. St.-Petersbourg, 1849, стр. 55). В дипломатической переписке грузинских царей с Москвой, где вопросы христианской религии занимали довольно значительное место, неоднократно подчеркивается, что Грузия — жребий богородицы.

³⁵ „великий государь христианский; преж де таво велики государь был в Риме, и там де нонеча перевелось“. Это заявление грузинских политических деятелей свидетельствует об их знакомстве с популярными в Москве политическими теориями о русских государях как законных преемниках римско-византийских императоров. Такие взгляды были впервые высказаны в конце XV в. московским митрополитом Зосимой, назвавшим Москву „новым градом Константином“, а великого князя Ивана III — „новым Константином“. В начале XVI в. эта идея получила новое выражение — в „Послании о Мономаховом венце“ (переработанном затем в „Сказание о князьях Владимирских“) и в теории „Москва — третий Рим“, сформулированной псковским политическим деятелем Филофеем. Эти же взгляды были выражены потом в „чине венчания“ Ивана IV в 1547 г. и в акте о патриаршестве 1589 г.. (Ср. Н. С. Чаев. „Москва — третий Рим“ в политической практике московского правительства XVI в., Исторические записки, т. 17, 1945; Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы Акад. Наук СССР, т. VIII, 1951, стр. 191—195). Очевидно, в XVII в. соответствующие теории стали известны и в Грузии.

³⁶ яфимков. Ефимок — древнерусское название талера (см. прим. 55 к статейному списку Микулина).

³⁷ А торгов нет, один торг и есть армянской 40 дворов да 10 дворов жидовских. „В 1636 году Леван Дадияни победил имеретинского царя Георгия, который победителю уступил чихорских купцов и чхарских армян и евреев“ (Царевич Вахушти. География Грузии. Записки Кавк. отд. Русск. геогр. общ., кн. 24, вып. 5, Тифлис, 1904, стр. 207—208). Пятьдесят семейств армян и евреев поселил Леван II в селении Рухи.

³⁸ а сеют бор. Здесь и дальше русские послы по ошибке называют гоми — древнейшую злаковую культуру Кавказа — бором.

³⁹ а ворем щербу да льют на землю. Щерба (тат.) — горячая похлебка, навар.

⁴⁰ агниц — частица, вынимаемая из просвиры во время обедни и предназначенная для совершения таинства.

⁴¹ поттрохель — епитрахиль, часть облачения священника.

⁴² Стихоря — церковная одежда, прямая, длинная, с широкими рукавами.

⁴³ Омету нет. Омет — одежда, накидываемая на плечи.

⁴⁴ Онзоров кабак. Кабак — владение того или иного феодала; село; деревня. См., например: "... и поставили послов Микифора и Алексея имеретийских (т. е. имеретинских, — Л. Ш.) послов у себя в кабаках, по-русски в селех" (Посольство стольника Толочанова... Изд. М. Полневкова, Тифлис, 1926, стр. 118).

Статейный список П. И. Потемкина

(Стр. 227—315)

¹ По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича. Царский указ „стольнику и наместнику Боровскому Петру Ивановичу Потемкину да дьяку Семену Румянцеву ехать для своего государева дела к Ишпанскому Филиппу да ко Французскому Лодвику королям в посланниках“ был дан 4 июня 1667 г. (он опубликован К. Масальским: Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию. Сын отечества, 1850, кн. V, стр. 1—8; кн. IX, стр. 1—9).

² Петр Иванович Потемкин. Видный военный и политический деятель России XVII в. Родился в 1617 г. Будучи стольником, принимал участие в русско-польской войне 1654—1655 гг., во время которой командовал войсками, осадившими и взявшими в конце 1655 г. польский город и крепость Люблин. В декабре того же года был послан от воеводы князя Ромодановского к царю с донесением об успешном ходе военных действий. В январе 1656 г. отряд под командованием П. И. Потемкина занял в устье Невы шведскую крепость Канцы, или Шанцы; летом того же года П. И. Потемкин, разбив шведов в верхнем течении Невы, овладел важнейшим опорным пунктом на путях к Балтике — крепостью Орешек, впоследствии утраченной и вновь завоеванной Петром I. После заключения Андрусовского перемирия с Польшей (январь 1667 г.) П. И. Потемкин вместе с дьяком Семеном Румянцевым отправляется в качестве посланника во главе русского посольства в Испанию и во Францию (июнь 1667 г.). Официальным мотивом посольства было сообщение о прекращении военных действий между Россией и Польшей, действительной целью — зондирование почвы относительно возможности заключения военных союзов для борьбы с Турцией. На время посольства П. И. Потемкину в соответствии с русским посольским обрядом был дан титул наместника Боровского. 7 июля 1667 г. посланники отправились из Москвы в Архангельск. 4 декабря 1667 г. на голландском корабле русское посольство прибыло в испанский порт Кадикс. Это было первое русское посольство, отправленное непосредственно к испанскому королю, на что указывала „любительная“ грамота Алексея Михайловича, адресованная Филиппу IV: „... многие окрестные великие государи любительную и спомочную ссылку с нами... имеют, а с вами великим

государем братом нашим... любительные ссылки даже и до времени сего или за отдалением страны или по воле всемогущего бога, строящего вся непостижимо во ожидании лучшего времени, удержаны" (К. Масальский. Тайный наказ. Сын отечества, 1850, кн. IX, стр. 11). Французская пресса того времени с интересом комментировала пребывание русского посольства в Испании. „Газет де Франс" приводила сообщение из Мадрида от 4 января 1668 г., в котором говорилось: „Нам пишут из Кадикса, что туда прибыл голландский флот, конвоируемый военными кораблями... Московский посланник (un ambassadeur de Moscovie), находившийся на одном из кораблей, сойдя на берег, заявил губернатору, что ему поручено ведение переговоров при [испанском] дворе, и попросил, чтобы ему было предоставлено помещение и оплачены дорожные расходы" (цит. по: E. Galitzin. La Russie de XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale. Paris, 1855, стр. 415). В феврале 1668 г. русское посольство прибыло в Мадрид, и 7 марта посланники получили аудиенцию у малолетнего короля Карла II (Филипп IV умер в 1665 г.). 17 марта русские представители были приняты регентшей — королевой Марией Австрийской (подробный отчет о пребывании посольства в Испании см.: Древняя российская вивлиофика, т. III, ч. V). В ходе переговоров с испанским правительством обсуждался вопрос о возможности единых военных действий против турок и о расширении торговых связей между Россией и Испанией. „Посланники Москвы, — говорилось в сообщении из Мадрида, от 15 апреля 1668 года, помещенном в „Газет де Франс", — продолжают вести переговоры, но мало вероятно, что они могли бы заключить торговый договор, который они предложили". Испанское правительство взяло на свой счет содержание русского посольства. В Испании посольство Потемкина было до июля 1668 г. Затем, в соответствии с полученными в Москве инструкциями, оно отправилось сухим путем во Францию. Во Франции русское посольство было с июля по сентябрь 1668 г. Посланники были дважды приняты Людовиком XIV, вели переговоры с Кольбером, де Лионом и другими крупнейшими политическими деятелями Франции того времени. Непосредственным результатом миссии Потемкина явилось укрепление русско-французских торговых связей и, в частности, основание в 1669 г. по инициативе Кольбера так называемой „Северной компании" (Compagnie du Nord) для торговли с Россией и скандинавскими странами (см. прим. 68). Посольство в Испанию и во Францию в 1667—1669 гг. не было единственной дипломатической миссией, выполненной П. И. Потемкиным. В 1674 г. он был послан в Вену к императору Леопольду, в 1680—1682 гг. вторично посещает Париж и Мадрид. Умер П. И. Потемкин около 1700 г. в должности воеводы Новобогородицка на р. Самаре.

³ дьяк Семен Румянцев — дьяк Тобольский (с 1658 по 1664 г.), затем — дьяк Новой Четы (с 1665—1667 г.). В качестве посланника вместе с П. И. Потемкиным был отправлен в Испанию, а затем во Францию. В июле 1669 г. — дьяк Поместного приказа. В 1667—1678 г. — дьяк астраханский. В 1679 г.

вместе со стольником Семеном Алмазовым был назначен посланником в Данию к королю Христиану и в Пруссии к курфюрсту Фридриху-Вильгельму. В 1680—1685 гг. Румянцев был дьяком Сибирского приказа.

⁴ ... из Испанского порубежного города Айрона. Ирун (Irún), испанский город в области басков (северо-западная Испания), в 1 км от франко-испанской границы.

⁵ Байон — Байонна, французский город и порт в департаменте Нижние Пиренеи на берегу Бискайского залива. В XVII в. Байонна была сильной крепостью и главным опорным пунктом Франции на границе с Испанией.

⁶ к державцу генералу-порутчику эль маркезу де Санпею. Повидимому, генеральный наместник (lieutenant-général), заместитель губернатора и комендант крепости Байонны маркиз де Санпе (Saint-Pée).

⁷ подьячего Андрея Сидорова да с ним толмача Романа Эглина. В составе русского посольства, помимо обеих посланников, насчитывалось также 7 дворян и 3 подьячих (не считая слуг).

⁸ июня в 27 день — 7 июля н. ст. Параллельные французские источники указывают даты, по новому стилю с расхождением на 10 дней от русского календаря.

⁹ с грамотою о их государских делах. Посланникам одновременно с указом о посольстве была дана царская грамота, адресованная Людовику XIV. В грамоте содержались указания на цели посольства. Учитывая важность этого документа для характеристики русско-французских отношений XVII в., приводим наиболее существенную ее часть: „Мы, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея великие и малые и белая России самодержец [следует полный титул царя] пресвятейшему великому государю брату нашему Людовику Бурбонскому четвертому надесять, божьей милостью королю французскому и наварскому и иных. Царский меж великих государей христианских и богу приятный имеется обычай содевающихся в нас великих и к общему добру надлежащих делах друг другу через любительные грамоты объявлять доброхотию ведущим, како добрии друзи веселятся о дружном благополучии, яко о своем благом приобретении, между которых от бога многих похвал достойных нам, великому государю, к нашему царскому величеству изряднейшего вас брата нашего, великого государя, ваше королевское величество хотим имети. И понеже в перешадаших недавних летах за некоторые ссоры, что нередко в обхождении всемирного корабля сего бывают, между нас... и брата нашего наияснейшего великого государя Яна Казимира короля польского и великого князя литовского и между наших великих государств война имелась, которая напоминающая об успокоении в предварших от воплощения единосущего безлетному отцу слова 1654 года нашего царского величества с гонцом Константином Мачерниным и 1660 лета вашего королевского величества и о добром после Делюмбреса к нам, великому государю, нашему царскому величеству вы, брат наш великий государь, ваше королевское величе-

ство, любительные и братские пользы исполненные грамоты прислали есте, назнаменуя приятельски есть ли нам... полюбится, вы брат наш... меж нас обеих великих государей нашего царского величества и его королевского величества польского для утешения выше названной войны поволите быть доброхотным посредником и со всяким желательством обещаетесь сердцем радеть о том и добром деле с пожитка нашего царского величества и мы... те ваши брата нашего... приятельские помянутые грамоты любительно приняли, яко доброе и братское деле напоминание и хотя во многом продолжении братственных наших обоих великих государей любительных ссылок и не было, время военное на сие недопустило, однакож мы... не забытого на вас брата нашего... надежность имея и братственную любовь соблюдая неотменно ко всяким благополучным поступкам любительную подвижность содержим. А из сего нашего доброго намерения довелось нам... приятельскую нашей грамотой и наведать вашего королевского величества нам желательно здоровье слышать и радость святого и богу приятного христианского покоя объявить, что в нынешнем в 175 [1667] году по общем нас обеих великих государей нашего царского величества и королевского величества польского ссылаках, съезжалась наши царского величества великие и полномочные послы, боярин и наместник Шацкий Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нашекин с товарищи его королевского величества с великими и полномочными послы и комисара и на тех съездах нами... вышеименованные великие и полномочные послы с польскими и литовскими великими и полномочными послы и комисары учинили договор на перемирие на тринадцать лет и на шесть месяцев, а в те перемирные лета были нам обим великим государем... в братской дружбе и любви, а между себя во всяких мерах и общего добра хотели, и брат брату лучшего искати и не дружба всем, которые от начала войны мечем или иным каким неприятельством учинили, во всем отставленным и успокоенным и пред немстительным и непомятым быть. И этот договор записями укрепили и верою утвердили да наших царского величества и великие и полномочные послы с польские и литовские послы и комисары договор учинили, что в тех перемирных летах обим нам великим государям ссылатись и полномочными послы с обе стороны и искати всякими способы вечного мира и по склонности нас обоих великих государей постановленно, что то нынешнее постоянное перемирие для надежды, чтоб нерушимо было к вечному покою во всем великим окрестным государям в наших любительных грамотах объявить, чтоб то перемирие у братьи нашей великих государей окрестных не без ведомости было, и надеемся, что вам брату нашему... сие наше любительное объявление в доброе будет повеселение, для чего мы... с богом начав о покое христианском с охотою соседей наших и поздравляти изыскали есмы и ко всякой благодарственной вещи побуждати, пачеж благоприятный и всем христианам утешный мир возвещати в приятство сие почтете, и с которого ваше королевское величество неусумневаемся, яко государь христианский

за общую христианскую утеху приняв и не меньше оных о вечной дружбе с нами. . . неперменную и некончаемую братственную спомочную дружбу и любовь похочем имети и приятными и добрототственным соседям и другом быти, и с сего б пограничные соседи наши, яко солтан турский и иные, уведав нашу христианскую и богоугодную и братолюбивую подвижность и крепчайшей обороне совет, насилие и кровопролитие на христиан страхом божьим отложат и в дружбе соседственной со всеми христианскими народы сдержательны будут, и ныне послали мы великий государь наше царское величество к вашему королевскому величеству с сею нашего царского величества любительною грамотою посланников наших стольника и наместника Боровского Петра Ивановича Потемкина да дьяка Семена Румянцева. . .” (К. Масальский. Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию. Сын отчества“, 1850, т. IX, стр. 7).

¹⁰ маршалку дюку де Грамону — герцогу Антуану де Грамону (1604—1678), маршалу Франции, видному военному деятелю XVII в. В описываемое в источнике время занимал должность губернатора Байонны и сенешала провинции басков.

¹¹ а ему державцу приказаны одне служилые люди ведать. К XVII в. генеральные наместники, некогда соединявшие в себе военные и административные функции, превратились по сути дела в начальников немногочисленных гарнизонов, расположенных в пределах провинции. Административная власть перешла к интенданту, присылаемому из Парижа.

¹² до Париса от сех мест больши девятисот верст. Расстояние от Байонны до Парижа составляет 783 км.

¹³ ему (т. е. Людовику XIV) то за гнев будет, что живучи за рубежом в Ыспанском государстве ожидать его королевского указа о приеме. Незадолго до прибытия русских послов к франко-испанской границе 2 мая 1668 г. Аахенским мирным договором закончилась так называемая деволуционная война между Испанией и Францией, в результате которой Франция получила ряд крепостей в Бельгии. Несмотря на мирный договор, отношения между обоими государствами оставались крайне напряженными.

¹⁴ поехали из Айрона рекой Уреею. Название реки сильно искажено.

¹⁵ ефимков. Ефимок — русское название талера (см. прим. 55 к статейному списку Микулина).

¹⁶ У королевского величества иних государей послом корма и подвод не бывает. По русскому посольскому обряду содержание иностранных послов с момента их вступления в пределы Московского государства полностью переходило к русскому правительству, которое выдавало им натуральный „корм“ и обеспечивало транспортировку. Такого обычая не существовало в других европейских государствах, и исключение делалось лишь для официальных представителей России.

¹⁷ Бурдя. Бордо (современный департамент Жиронда) — крупный фран-

гузский порт в устье Гаронны, в XVII в. центр провинции Гиень, резиденция губернатора (или его наместника) и парламента провинции.

¹⁸ таможенный откупщик собирает пошлину на маршалка дюка де Грамона. В число прерогатив, предоставленных сенешалу пограничной провинции, входило также взимание таможенной пошлины в свою пользу, помимо пошлины, взимаемой в королевскую казну. Взимание таможенной пошлины обычно сдавалось на откуп (наряду с другими поборами), что являлось источником быстрого обогащения (см. ниже в тексте списка: „откупают пошлину у короля и у великородных его королевских людей и многие тысячи дают откупщики“).

¹⁹ сто своих золотых двойных — то же, что и „двести червонцев“ (100 дублонов). Дублон — золотая испанская монета, имевшая широкое хождение во Франции (содержала около 7.5 г чистого золота).

²⁰ И, переехав реку — по всей вероятности, река Адур (Adour), на берегу которой в 5 км от Бискайского залива расположена Байонна.

²¹ и отъехав, стояли в деревне Уидресе. Название деревни искажено. Очевидно, Ондр (Ondres), современный департамент Лаида, близ Байонны, на правом берегу Адюра.

²² у державца у маркеза де Сеитлука — генерального наместника Гиени Франсуа д'Эпинье, маркиза де Санлюка (Saint-Luc; ум. в 1670 г.).

²³ по-цесарски — по-немецки. Цесарь — обычное на Руси наименование германского императора.

²⁴ перевотчика Ивана Госсенца — курляндского купца Иогана Гаса (или Госсенса), находившегося в составе посольства в качестве переводчика. Сохранилось письмо Кольбера к Госсенсу от 17 мая 1669 г. (т. е. спустя полгода по прибытии русского посольства в Москву), из которого следует, что Госсенс выполнял функции торгового агента Франции в Москве. „Я получил ваше письмо от 7 марта, — писал Кольбер, — из которого был рад узнать о вашем возвращении в Москву и о том, что Вы были бы готовы всячески услужить по даанным [французского] короля, которые будут торговать в этой стране. Ввиду того, что сьер де Фремон (de Fremont), один из акционеров компании, образованной для северной торговли, даст Вам знать обо всем, что он будет считать важным для успеха предприятия, я не буду входить в детали. Я ограничусь лишь тем, что попрошу вас полностью доверять всему тому, что он вам сообщит, и уверением, что я выставлю в надлежащем свете перед королем услуги, которые вы окажете северной компании“ (I. B. Colbert. Lettres... р.р. P. Clement, t. II. Paris, 1863, стр. 605; здесь и ниже перевод наш, — В. Р.).

²⁵ Тому ныне три недели, как байонский державец сказывал, что царского величества о приезде посланников к королевскому величеству писал. — Сообщение о прибытии во Францию русского посольства было получено в Париже в первых числах августа (н. ст.). Одновременно пришло и письмо Потемкина, написанное по-латыни, в котором он уведомлял Людовика XIV о цели своей

миссии и просил взять расходы по содержанию посольства на королевский счет. 5 августа сьер де Като (de Catheaux), помощник командира кавалерийского полка и камергер короля, получил приказ немедленно направиться в Бордо для встречи посланников, приветствовать их, сопровождать и освободить от всех расходов, „ибо, — писал Като в своем дневнике, — великий князь московский поступает так по отношению к послам, которые прибывают в его государство“ (дневник Като, в котором изо дня в день, подробно описывается пребывание русского посольства во Франции, опубликован в „Bibliothèque russe“, nouv. serie, t. III, Paris, 1860. В дальнейшем сокр. BR. См. ниже, прим. 25, 27, 43, 47, 51, 54, 55, 61). Вскоре после отъезда русских посланников из Парижа церемониймейстер де Сенто (Saintot) составил на основании „дневника“ Като мемуар, посвященный пребыванию русского посольства. Он опубликован Е. Галициным в приложениях к его сборнику: E. Galitzin. La Russie de XVII siècle dans ses rapports avec l'Europe occidentale. Paris, 1855.

²⁶ королевской гвардии капитан. Автор списка не указывает имени „капитана“. Королевский комиссар де Като, прибыв в Бордо 9 августа, нашел посланников у некоего Мунье (Mousnier), который предоставил им свой дом (см. „Дневник“ Като: В. R., стр. 2).

²⁷ дворянин Катуй — Сьер де Като (см. прим. 25).

²⁸ А по разговорех пристава и начальных людей потчивали по чину посольскому. Автор списка неполно передает содержание разговора посланников с королевским комиссаром. Сам Като приводит из него одно место, очевидно умышленно опущенное автором списка. В разговоре с Потемкиным Като дал ему понять, что Людовик XIV остался недоволен тем, что русское посольство раньше отправилось в Испанию и лишь затем во Францию. В ответ Потемкин заявил, что это произошло неумышленно (sans dessin) и что море и направление ветра было тому причиной (В. R., стр. 3). В действительности, направляясь прежде в Испанию, посланники следовали царскому наказу: „А наперед быти им у Ишпанского Филиппа короля“ (Сын отечества, 1850, кн. V, стр. 3).

²⁹ дал ему господь бог королевича. Королевич — сын Людовика XIV — Филипп, герцог Анжуйский (род. 5 августа 1669 г. — ум. в 1671 г.).

³⁰ только за тем невозможно нам у него быть... ни к кому прежь нам ехать не мочно. По русскому посольскому „обряду“ дипломатические представители России, находясь за границей, обязаны были нанести первый официальный визит лицу, стоящему во главе государства (см. „Тайный наказ“ посольству Потемкина: „А будет в котором городе удельные князи или в вольных городах бурмистры и ратманы, или во французской земле удельные князья, и королевские советники, и ближние люди велеть им быти, у себя, или кто их позовет к себе ести, а у короля еще не были. И им к ним не ходить, а отговариваться...“ (К. Масальский. Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию. Сын отечества, 1850, кн. IX, стр. 1).

³¹ Бурдоа города бургомистры три человека — бордоские „жюра“ (от фр. jurats — присяжные), члены муниципалитета (jurade).

³² рекою Гороною — Гаронна.

³³ город Блей — Блэ (Blaye), крепость и порт в устье Гаронны (современный департамент Жиронда).

³⁴ в местечке Питиниоре — город Птиниор (Petit-Nior).

³⁵ в городе Аупуме — здесь искажение текста: по всей вероятности — Пон (Pons), современный департамент Нижняя Шаранта (В. Р., стр. 8).

³⁶ в местечке Эйкнусе — искажено. Очевидно, Экуйе (Equ oueux) (В. Р., стр. 8).

³⁷ Антлелеп Мес Блей — сильно искажено. По всей вероятности, местечко Сантлежер Мель (Saint-Leger Mesle).

³⁸ в городе Лузиньяне — город Лузиньян (департамент Вьенна).

³⁹ города Патии — Пуатье (Poitiers), центр департамента. Верхняя Вьенна (один из древнейших городов Франции).

⁴⁰ приезжал к посланником города Патии державец президент — по всей вероятности, президент палаты косвенных сборов (Cour des aides).

⁴¹ в городе Шетлере — Шательро (Chatelroux), главный город департамента Эндра.

⁴² в местечке Метле — правильно Монлуи (Montlouis), город в департаменте Эндра и Луара, в 11 км северо-восточнее Тура.

⁴³ Амбуесе — Амбуаз (департамент Эндра и Луара) крупный город на левом берегу реки Луары.

⁴⁴ доминикан Урбановской — доминиканец, член монашеского ордена того же названия. Доминиканский орден, основанный в начале XIII в. и существующий до сих пор, является одним из основных орудий папства в его борьбе с ересями и проводником реакционной политики Ватикана. Первые доминиканские монастыри появились в Польше в XIII в. в связи с развитием немецкой колонизации на Востоке. Подозрительно „счастливое“ стечение обстоятельств, приведших к встрече Потемкина с Урбановским в Амбуазе, наводит на предположение, что Урбановский был специально направлен к Потемкину. Като переносит эпизод с Урбановским в город Блуа (В. Р., стр. 9).

⁴⁵ в городе Дублее — искажено Бауа, город на правом берегу Луары, центр департамента Шер и Луара.

⁴⁶ в местечке Лоренсе — город Санлорен (департамент Шер и Луара).

⁴⁷ в городе Арлиансе — Орлеан, главный город департамента Луара, один из наиболее древних городов центральной Франции.

⁴⁸ А тот город Арлянас за братом родным короля французского за князем арляянским. Графство Орлеан, старинное владение французских королей, с 1344 г. несколько раз было предоставлено с герцогским титулом младшим сыновьям французского королевского дома. В 1660 г. Людовик XIV отдал герцогство Орлеанское своему брату Филиппу (1640—1701 гг.). Сьер де Като

приводит любопытную бытовую деталь, характеризующую осторожное поведение П. И. Потемкина за границей. В Орлеане русским посланникам были представлены несколько местных красавиц (*belles dames*). Като попросил Потемкина сказать, что он думает о женщинах. Посланник ответил, что он у себя на родине уже взял в жены одну из женщин и что ему нельзя больше рассматривать других настолько, чтобы высказать свои чувства (В. Р., стр. 10).

⁴⁹ в местечке Тури (*Toury*), департамент Луара.

⁵⁰ в городе Атамне — Этамп (*Etampes*), город в департаменте Сена и Уаза, в 50 км к югу от Парижа.

⁵¹ не доехав до Париса за две мили, в местечке Кролеве. „Местечко Кролево“ — переведенное на русский язык название Бур де Рень (*Bourg de Reine*), в 7 км юго-западнее Парижа.

⁵² будет к вам посланником его королевского величества подскарбей де Берлис — помощник казначея (*soustrésorier*), сеньор де Берли (*Berlis*). Помощник казначея — довольно крупный пост в финансовом аппарате абсолютистской Франции. Французский источник называет де Берли „вводителем послов“ (*introduceur des ambassadeurs*), в обязанность которого входило представление королю иностранных посольств (В. Р., стр. 11). Именно в качестве „вводителя послов“ де Берли был „приставлен“ к русскому посольству.

⁵³ королевского величества ближний человек маршалок де Бельфон — Бернарден де Бельфон (1630—1694), маршал Франции, видный военачальник и дипломат, участник франко-испанских войн, впоследствии чрезвычайный посол Франции при английском дворе.

⁵⁴ А если нам с тое великого государя... посольство наше будет не в посольство. Отказываясь передать королевскому представителю копию („список“) царской грамоты, русские посланники действовали в соответствии с требованием посольского „обряда“ и „тайного наказа“, врученного им перед отправлением из Москвы.

⁵⁵ А как приехали в Парис на посольской двор. „Посольский двор“ (*Hotel des ambassadeur extraordinaires*) — бывший дворец маршала д'Анкра, первого министра Франции в период регентства Марии Медичи, на улице Турнон. „Газет де Франс“ в номере от 7 сентября 1668 г., описывая въезд русских посланников в столицу, подчеркивала, что въезд этот был совершен с большой пышностью. Като в своем „Дневнике“ замечает, что Потемкин, который еще в Бур де Рень запасся мелкими деньгами для раздачи бедным, рассчитывал встретить огромное количество жителей (*une grande foule de monde*), собравшихся его приветствовать. Он был весьма разочарован, встретив лишь небольшую группу парижан (*fort peu de gens*), и несколько раз жаловался на это. Но ему объяснили, что так происходит всегда при встрече послов наиболее могущественных государей Европы (В. Р., стр. 13).

⁵⁶ а потчивать посланников прислан был от королевского величества стольник да с ним три человека дворян. Согласно свидетельству Като (В. Р.,

стр. 14), в течение трех дней русских посланников обслуживали королевский камердинер (maitre d'hotel) сеньор Детублон (Destoublons) и контролер съёра де Шамуа (Chamois).

⁵⁷ в селе своем королевском Санжармене — Сен-Жермен ан-Ле (департамент Сена и Уаза), город в 19 км от Парижа. До завершения строительства дворца в Версале служил загородной резиденцией для французских королей.

⁵⁸ а от того королевского села Санжармена до Париса четыре мили. Здесь „миля“ обозначает французскую меру длины — лье (4.5 км).

⁵⁹ и чтоб в тот день и в то время у королевского величества иных государств послов и посланников и гонцов никого не было — см. прим. 9 к статейному списку Воронцова.

⁶⁰ Августа в 25 день стольник Петр и дьяк Семен у королевского величества на посольстве были в селе Санжармене. Обращает на себя внимание тот факт, что посольство Потемкина было сравнительно быстро принято королем. В Испании русские посланники получили аудиенцию у Карла II спустя четыре месяца после высадки в Кадиксе и через три недели после прибытия в Мадрид. Людовик XIV принял посланников уже на пятый день их пребывания в столице Франции. Данный факт объясняется не только тем, что посланники опасались, как бы им „не зазимовать за морем“, но и тем, что французское правительство действительно было глубоко заинтересовано в укреплении русско-французских отношений, в частности в развитии торговли между обеими странами. „Газет де Франс“ и дневник Като дают подробное описание церемонии приема русского посольства Людовиком XIV. Перед королевским дворцом в Сен-Жермене были выстроены отряды гвардии и швейцарцев (см. в тексте списка: „...райтары пеши с карабина, которые при королевском величестве бывают, да пехота надворная с мушкеты и с пики в латах“). Посланников встретил во дворе граф де Люд, первый камергер короля и губернатор Сен-Жермена. Впереди посланников шел посольский дворянин, который нес саблю, украшенную драгоценными камнями и предназначенную в подарок королю. Затем шли два „секретаря“ (подьячих), двадцать швейцарцев из личной гвардии короля и пятнадцать польских слуг, несших другие подарки, за ними другой „секретарь“, который держал на темно-красной тафте царскую грамоту. Шествие заключал остальной состав посольства.

⁶¹ с протазаны. Протазан — парадное оружие (типа копья), которым были вооружены царские телохранители.

⁶² а всего было райтар и пехоты надворной с три тысячи человек. Автор списка значительно преувеличивает численность королевской гвардии, выстроенной для встречи посольства. По данным де Като, во дворце и на площади перед дворцом было выставлено 600 гвардейцев личной охраны короля и 100 швейцарцев (В. R., стр. 16).

⁶³ И как вошли в полату х королевскому величеству. Помимо Людовика XIV, на приеме русских посланников присутствовали брат короля герцог Филипп Орлеанский, наследник престола, и королева. Последняя находилась никогниго среди придворных дам (см. В. Р., стр. 17). В библиотеке французской академии в 1890 г. находился эстамп, изображающий прием Людовиком XIV „послов великого князя Московского“ в 1668 г. (См.: A. Rambaud. Recueil des instructions données à ambassadeurs et ministres de France... Russie, t. I. Paris, 1890, стр. 56, прим. 1).

⁶⁴ перемирья учинено с польским королем — Андрусовское перемирие с Польшей, заключенное 30 января 1667 г.

⁶⁵ ближней и высокородной человек, королевского величества дворянин де Сент. Де Сенто (Saintôt) — церемониймейстер французского двора, составитель „Мемуара“ о пребывании посольства П. И. Потемкина во Франции.

⁶⁶ первой секретарь де Лона — де Лион, маркиз де Берни (1611—1671), видный политический деятель Франции в первый период правления Людовика XIV. Сын известного французского математика, де Лион при поддержке Мазарини добился высоких государственных постов. В 60-х годах XVII в. де Лион в должности первого секретаря руководил иностранными делами французского королевства.

⁶⁷ маршалок Вильро — Николя де Невель, герцог Вильруа, маршал Франции (1598—1685), видный дипломат и военачальник, приближенный Людовика XIV.

⁶⁸ казначей Кольберт — Жан-Батист Кольбер (1619—1685), крупнейший политический деятель Франции XVII в., первый министр Людовика XIV. Выполняя официально функции генерального контролера финансов, Кольбер по сути дела руководил всей внешней и внутренней политикой Франции в 60—70-х годах XVII в. В области внешней политики Кольбер последовательно проводил принципы меркантилизма, стремясь всемерно расширить внешнюю торговлю Франции, сохраняя ее активный баланс. В этой связи Кольбер придавал большое значение укреплению русско-французских торговых связей. Анализ проекта торгового договора, предложенного Потемкину в Париже (см. статейный список Потемкина, стр. 264 и сл.) и содержание целого ряда писем Кольбера, приходящихся на 1669—1671 гг., свидетельствуют о том, что Кольбер воспользовался посещением русским посольством Франции для того, чтобы добиться льготных условий для торговли с Россией. В письме от 17 мая 1669 г., адресованном курляндскому купцу Госсенсу, находившемуся в составе посольства, Кольбер предлагает ему выполнять функции торгового агента Франции в России (см. прим. 24). В июне 1659 г. по инициативе Кольбера была создана торговая Северная компания, одной из главных задач которой являлось укрепление торговых связей с Россией. Кольбер внимательно следит за действиями Северной компании и в письме от 6 февраля 1671 г. пишет ее директорам следующее: „Я горячо одобряю ваш план послать только один корабль в Архан-

гельск до того как король сможет направить посла к великому князю Москны с тем, чтобы потребовать у него тех же или еще больших милостей, которые он предоставил другим нациям". Речь идет о Голландии и Англии, пользовавшихся правами льготной торговли с Россией. (См.: I. B. Colbert. *Lettres...* р.р. P. Clement, t. II. Paris, 1863, стр. 606). Кольбер особенно интересовался голландской торговлей с Россией. В письме французскому представителю в Гааге маркизу де Помпонну он просит его прислать в Париж копии торговых договоров, заключенных между Голландией и Россией, данные о привилегиях, которыми пользуются голландцы в торговле с Москвой, а также „проникнуть, насколько это возможно, в состояние торговли между этими странами“ (там же, стр. 605). Поручение Кольбера было, очевидно, очень скоро выполнено, и в письме к тому же Помпонну от 27 февраля 1671 г. Кольбер благодарил его за полученные сведения и просил продолжать собирать данные, относящиеся к вопросу о торговле с Россией (там же, стр. 609).

⁶⁹ А в переводе Урбановского пишет. Французский текст договора опубликован в I томе „Сборника инструкций, данных французским послам и министрам“. (См.: A. Rambaud. *Recueil des instructions données à ambassadeurs et ministres de France...* Russie, t. I. Paris, 1890, стр. 56—58). По содержанию своему он идентичен тексту, приводимому в статейном списке.

⁷⁰ французские купеческие торговые люди первые люди шесть человек — представители шести крупнейших французских цехов, объединенные в парижскую гильдию купцов (*Communauté des marchands*).

⁷¹ Сентября в 10 день. Статейный список ничего не говорит о том, что делали посланники в течение 10 дней с 31 августа по 10 сентября 1668 г. Подробный рассказ об этом мы находим у Като (В. R., стр. 22—28), который сообщает множество чрезвычайно любопытных подробностей, рисующих пребывание П. И. Потемкина в столице Франции. 1 (11 н. ст.) сентября посланник и его свита совершили поездку в окрестности Парижа, в Венсен, где осмотрели замок и парк. На обратном пути им был показан королевский дворец Тюильри. На следующий день они посетили знаменитую мастерскую gobеленов. Затем они побывали в театре французской комедии, руководимом гениальным французским драматургом Мольером, где смотрели его комедию „Амфитрион“. Как сообщает Като, посланник остался чрезвычайно доволен представлением и благодарил актеров и автора. „Газета в стихах“, пользовавшаяся широкой популярностью среди парижского населения, в номерах от 8 и 29 сентября 1668 г. поместила специальный стихотворный отчет о приемах русских посланников у французского короля.

⁷² И король, приняв грамоту. Французский текст грамоты Людовика XIV опубликован А. Рамбо (A. Rambaud. *Recueil des instructions données à ambassadeurs et ministres de France...* Russie, t. I. Paris, 1890, стр. 60); в архиве министерства иностранных дел Франции хранится ее латинский перевод.

⁷³ И, сняв с себя шапку, стольник Петр... положил тое шапку ему, маршалу де Бельфону, на голову. Обычай обмена шапками в знак выражения дружбы был распространен в России того времени. Любопытно, что французы восприняли этот жест Потемкина как символ укрепления русско-французской торговли. Сквозь параллельные французские источники лейтмотивом проходит мысль о необходимости расширения торговых связей между Францией и Россией (см. прим. 23, 66). В то же время французское правительство в ходе переговоров стремилось всячески замаять вопрос о совместной борьбе против Турции, ибо традиционный франко-турецкий союз и широкие привилегии, предоставляемые французским купцам в Турции в XVI—XVII вв., входили неотъемлемым элементом в общую систему международных отношений.

⁷⁴ кляштор — католический монастырь. В данном случае речь идет о монастыре Нотр-дам-де-Грас в Ложе.

⁷⁵ в местечке Боме. Бомон (Beaumont), город на правом берегу Уазы, в 30 км от столицы Франции.

⁷⁶ в городе Бовесе — Бове (Bouvais), старинный французский город в департаменте Уаза.

⁷⁷ в местечке Посье. Пуа (Pois), департамент Сомма.

⁷⁸ в городе Абевиле — Аббевиль, город и порт в устье Соммы.

⁷⁹ в городе Болонне — Булонь, департамент Па-де-Кале, французский портовый город на берегу Ламанша.

⁸⁰ Калис — Кале, крупнейший французский порт на берегу Ламанша.

⁸¹ до Амстрадама. Амстердам — голландский порт, крупный торговый центр в устье Шельбы.

⁸² под город Ротродам. Роттердам — порт в устье Нового Мааса (провинция Южная Голландия), один из наиболее крупных торговых городов Нидерландов, уступавший в своем значении в то время только Амстердаму.

⁸³ к Статом. Генеральные штаты — орган сословного представительства. После отпадения Северных Нидерландов от Испании в результате нидерландской буржуазной революции XVI в. генеральные штаты явились верховным органом, где каждая из провинций имела по одному голосу.

⁸⁴ в Гагу — Гаагу, столицу Голландии; в XVII в. резиденция генеральных штатов Соединенных провинций Нидерландов.

⁸⁵ из Зунта. Зунд — пролив, отделяющий Швецию от острова Зеланд (Дания).

⁸⁶ к Капнагаву — к городу Копенгагену.

⁸⁷ к Риге. После распада Ливонского ордена Рига вошла в состав владений Польши, а в 1621 г. была взята войсками шведского короля Густава Адольфа. Период шведского владычества продолжался до 1710 г., когда Рига была взята русскими войсками под командой Шереметева, а после окончания Северной войны вошла в пределы Российского государства. Во второй половине XVII в. Рига являлась резиденцией генерал-губернатора Ливонии.

⁸⁸ О дружбе французского короля, с которыми государи и с короли послы ссылаются. Статейный список дает, в основном, верную картину международных отношений конца 60-х годов XVII в. Пробыв в Испании, Франции и Голландии в течение десяти месяцев, русские посланники явились свидетелями войн, которые веда Франция за овладение богатыми торговыми городами Фландрии (так называемая „таможенная война“ 1667—1668 гг.). Автор списка правильно указывает на непрочность Аахенского мирного договора, справедливо подчеркивает неизбежность дальнейших войн между Испанией и Францией, верно характеризует состав борющихся коалиций.

⁸⁹ С папою римским — римским папой Климентом IX (Джулио Роспильози, 1667—1669). Поддерживал Венецию в борьбе с турками из-за Кандии и с целью получить помощь от Людовика XIV способствовал заключению Аахенского мира.

⁹⁰ с цесарем римским — австрийским императором Леопольдом I (1658—1701), носившим титул императора „Священной Римской империи“. В период франко-испанской войны 1667—1668 гг. Австрия выступала на стороне Испании.

⁹¹ а после того, как у французского Лодвика короля была война с Ышпанским королем за приданое. Поводом для возобновления франко-испанских войн во второй половине XVII в. послужили династические притязания Людовика XIV на часть испанского наследства. Людовик XIV, женатый на дочери испанского короля Филиппа IV Марии-Терезии, должен был получить в качестве приданого 500 тысяч золотых экю как компенсацию за отречение Марии-Терезии от всяких прав за себя и за свое потомство на испанский престол. Компенсация не была выплачена, и после смерти Филиппа IV в 1665 г. Франция потребовала из его наследства Южные Нидерланды. Война между Францией и Испанией, начавшаяся в 1667 г., носила название „деволюционной войны“ (от *jus devolutionis* — фламандского наследственного права). В этой войне Людовику XIV пришлось иметь дело с объединенным лагерем европейских государств, противившихся усилению Франции в Западной Европе. В антифранцузскую коалицию, помимо Испании и Австрии, входили также Англия, Голландия и Швеция. Поэтому несмотря на ряд значительных успехов французской армии во Фландрии и Франш-Конте, Людовик XIV вынужден был прекратить войну и пойти на заключение мира. По Аахенскому мирному договору (май 1668 г.) Франция сохраняла за собой ряд крепостей во Фландрии.

⁹² доньи Марианы де Устрии — вдовы Филиппа IV и матери Карла II, испанской королевы Марии Австрийской.

⁹³ С ышпанским королем — автор списка был прав, предсказывая дальнейшую борьбу Франции за Фландрию и Голландию. В 1672 г. началась вторая война (1672—1679), в результате которой Франция получила Франш-Конте и несколько крепостей в Бельгии.

⁹⁴ С королем аглинским — с Карлом II, английским королем (1660—1685). Во время английской буржуазной революции королева Генриетта Французская, дочь Генриха IV и вдова казенного короля Карла I находилась во Франции. Дочь ее Генриетта-Анна Английская была женой Филиппа Орлеанского.

⁹⁵ С португальским королем — с Жуаном (Иоанном) IV, бывшим герцогом Браганским. Провозглашен королем в результате успешного восстания в декабре 1640 г. против испанского владычества в Португалии. Испания признала независимость Португалии в феврале 1668 г. при посредничестве Англии.

⁹⁶ Со князем флорейским — с Фернандо II (1621—1670), герцогом Медичи.

⁹⁷ Со князем венеццйским — с венецианским дожем. В XVII в. Венеция в борьбе с Турцией из-за Крита опиралась на помощь Франции.

⁹⁸ З датским королем — с Христианом V (1646—1699), королем Дании.

⁹⁹ С свийским королем — с Карлом XI (1660—1694). Автор статейного списка осторожно говорит об отношениях Франции и Швеции летом 1668 г. Дело в том, что в войне 1667—1668 гг. Швеция выступала на стороне Испании, ориентируясь на Нидерланды и Англию. Однако позднее ориентация Швеции изменилась, и в 1672 г., когда началась вторая франко-испанская война, она заключила союз с Францией, и в 1675 г. шведские войска вторглись в Бранденбург.

¹⁰⁰ С польским королем. Когда в 1668 году польский король Ян-Казимир отрекся от престола, на польскую корону претендовал ряд иностранных принцев, поддерживаемых различными группировками польских магнатов. Кандидатом Франции был принц Конде, или, точнее, его сын герцог Энгенский; кандидатом Австрии — Карл Лотарингский. Кандидатура пфальцграфа Нейбургского была предложена как нейтральная. Однако польская шляхта, собравшаяся на элекционный сейм в 1669 г., несмотря на сопротивление магнатов, провозгласила королем Михаила Вишневецкого (1669—1673). Вскоре после его избрания магнатская партия во главе с архиепископом Празновским задумала свергнуть Михаила и посадить на престол Карла Лотарингского, женив его на королеве Элеоноре, сестре императора Леопольда. Элеонора поддерживала этот план. Однако заговор этот не удался. Михаил умер в 1673 г. после тяжелых поражений Польши в войне с Турцией.

¹⁰¹ Наиборского князя — пфальцграфа Нейбургского.

¹⁰² а столица того Наиборского князя город Тысельдорф — Дюссельдорф, город на правом берегу Рейна. В XVII в. — столица пфальцграфства Нейбургского.

¹⁰³ со свицарскими — со швейцарской конфедерацией кантонов и „союзных земель“. Система наемничества процветала в так называемых лесных кантонах (Швиц, Ури, Унтервальд) с конца XV столетия. В XVI—XVII вв. швейцарские отряды составляли неотъемлемую часть французской армии. Ко вре-

мени, описываемому в статейном списке, они потеряли свое значение как боевые единицы и превратились в отряды личной охраны короля.

¹⁰⁴ С турецким салтаном — Мухамедом IV (1648—1687). В XVII в. отношения между Францией и Турцией были осложнены тем, что Турция предоставила Англии, сопернику Франции на внешнем рынке, право льготной торговли со странами Востока. Однако итти на открытый разрыв Франция не решалась, так как помимо доходов, извлекаемых французскими купцами в торговле с Левантом, традиционный франко-турецкий союз являлся противодействием союзу австрийских и испанских Габсбургов.

СЛОВАРЬ

а ж — если, ежели.
а л т о б а с, а л т а б а с — парча шелковая с золотом.
а р а н ц ы — апельсины.
а р г а м а к — (мн. ч. аргамачы) — дорогая лошадь азиатской породы.
б е з в е с н о — без вести, неожиданно, тайно.
б е з д е л ь е — бесцестное, напрасное, тщетное дело; вменить безделье — возводить напраслину, обвинять по пустякам.
б е з д е л ь н о — без дела.
б е з л е п и ш н о е — нелепое, абсурдное.
б е з п р е с т а н и — беспрестанно, постоянно.
б е з с т р а ш н о — безопасно.
б е р е ж е н ь е — забота, охрана.
б е р е ч и   к о г о - л и б о — заботиться о ком-либо.
б е с е р м е н е (б о с у р м а н е, б у с у р м а н е) — искаженное „мусульмане“.
б е с ч е с т и т и — позорить, наносить урон служебной чести.
б и т и ч е л о м — просить, благодарить, приветствовать, кланяться.
б о л ь ш о й — старший (брат, сын).

б о р — многолетнее растение из семейства злаковых, употреблявшееся в корм скоту.
б о с у р м а н с к и й — искаженное „мусульманский“.
б р а н ы й — узорчатый, вытканый с узором.
в а р г а н — орган, музыкальный инструмент.
в б о р з е,   н а б о р з е — быстро, вскоре.
в е д а т и д е л о — исполнять дело.
в е д о м о с т ь — извещение, сообщение.
в е р с т а; б ы т и в в е р с т у — быть, считаться равным (по местническим счетам).
в е р ю щ а я   г р а м о т а — верительная грамота, удостоверяющая полномочия.
в з в ы с и т и — возвысить, поставить (себя) выше.
в з н у ж а т ь, в з м у ж а т ь — возмужать.
в и н е н — повинен, обязан.
в и т а т и с я — приветствовать, здороваться.
в о д ы в з в о д н ы е — фонтаны.
в о д ы п р о к о п н ы е — каналы.

вож — проводник; корабельный
вож — лоцман.
возник — возчик, тяглая лошадь.
волочить делом — делать прово-
лочку, медлить с окончанием дела.
фонари — фонари.
восе — вот.
восхищати — похищать, уносить.
вскоре — внезапно, неожиданно.
вывет — исключение.

гильбард — алебарда, топор на
длинном древке.
годно — угодно, полезно.
голомя — долго, давно.
гон — мера расстояния, расстояние
между почтовыми станциями.
гораздо — хорошо.
гость — купец.
грамота любительная — гра-
мота о дружбе (между государ-
ствами).
грамота опасная — охранная
грамота.
грех — беда, несчастье.

двоеморхий — с двойным ворсом.
деи — де, дескать.
дело прямое — непосредственное
столкновение, сражение; взяти на
деле — взять в плен в результате
сражения.
деньщик — дневальный.
державец — правитель, местный
начальник.
добре — весьма, очень; добре за
честь — весьма лестно, большая
почесть.
доволен — достаточен, пользую-
щийся достатком.
докончание — мирный, союзный
договор.

дорога — шелковая азиатская ткань.
дородство — доблесть, благород-
ство.
достакан — стакан.
достаток, в достаток — доста-
точно.
достойти — следует, должно.
доступати — стараться завладеть
чем-либо, доискиваться.
дробант — см. травант.

еже лет — ежегодно.

жаден — жаждующий, желающий.
жедати — желать, ожидать.
жеребейка — частица.
живот — жизнь; до живота, по
живот — до конца жизни, всегда.

загон — отряд, действующий от-
дельно от основного войска.
заказ — запрет.
закон — вера.
закрепити рукою — подписать.
замотчати — задержаться, заме-
длить.
заповедный — запрещенный.
заповедь — приказание, наставле-
ние, запрещенное.
запона — бляха, застежка, брошка.
за приставы быти — быть под
стражей.
запрометный (мост) — подъем-
ный.
запяти, запятися — запнуться,
сделать препятствие.
збруя — доспехи конного.
збытний — возможный.
зело — весьма, очень.
земля — поле, основной цвет ткани,
фон.
земские расправы — дела, от-

- носящиеся к гражданскому управлению.
- ззирати — обозрывать, осматривать.
- золото сусальное — тончайшие золотые пластинки для золочения предметов.
- игрец — скоморох; лицо, играющее на каком-либо музыкальном инструменте.
- извычай — обычай.
- издержати — задержать.
- измешкати — задержаться, замешкаться.
- изнимати — одолевать, схватывать.
- изоспети — успеть.
- иматися, изыматися, ятися за что-либо — браться, ручаться.
- имывати, имати — брать.
- имянно, именно — поименно, точно.
- инде — в другом месте.
- ино — но, так.
- испод — низ, подкладка.
- истеряти — погубить, растерять.
- истомно — утомительно.
- камка, камочка — шелковая, цветная ткань с узорами.
- камчат — сделан из камки.
- капаница, копаница — мотыга.
- катарга — каторга, многовесельное гребное судно.
- кызылбашский, кылбаский — персидский.
- кндяк — бумажная набойчатая ткань.
- ключник путый — ключник, ведающий отраслью (путем) феодального хозяйства.
- кляштор — католический монастырь.
- колымага — карета, коляска.
- комора — комната, палата; постельная комора — спальня.
- корд — короткий меч.
- кравчий — лицо, ведающее напитками за столом государя.
- крестьянин — христианин.
- кручиниться — гневаться, обижаться, досадовать.
- крыж — крестообразная рукоять меча или сабли.
- крылос — клирос, огороженное место для певчих в церкви.
- литеры, литьеры — носилки.
- лучиться — случиться.
- любительство — расположение, благоприятное отношение, дружба.
- люди думные — советники, приближенные государя.
- маетность — собственность, имение, поместье.
- мама — кормилица.
- мера — предел, граница, средство, способ, степень; никонми мерами — никак, никаким образом.
- место: в кого-либо место, за кого-либо место — вместо кого-либо, в качестве кого-либо.
- мех хребтовый — мех из спинки животного.
- мешкота — задержка.
- моляти — молвить, сказать.
- моровое поветрие — эпидемия заразной болезни.
- мотчанье — задержка.
- мотчати — задержаться.
- мочно — возможно.
- наборзе — см. вборзе.
- найм — наемная плата.

на ка за ти — приказать, распоря-
даться, поручить.

на ле жа ти — принадлежать, отно-
ситься.

на ло г — притеснение, тяжесть, обре-
менение.

на мет — чехол.

на рок — цель;   на ро ком —
с целью.

на ро ч н ы й — важный, знатный.

на р че но — наречено;   на р че о
имя — присвоен титул, звание.

на ря д, огнен н ы й (во гнен н ы й)
на ря д — артиллерия, артиллерий-
ский снаряд, огнестрельное оружие.

на ря д н ы й — отборный.

на ря жа ти ся, на ре жа ти ся —
готовиться.

на сле г — ночлег.

на сто я ти — быть присущим.

на стра фи ль — особый сорт сукна.

на ча я ти ся — ожидать.

нев ме ст но — неудобно, не подо-
бает.

не де ля — воскресенье.

не за бв ен ну ю мя уч н ил —
не забыл обо мне, не счел меня
достойной забвенья.

не з бы т н ое — невероятное, невоз-
можное.

не и мо ве р но — не   заслуживает
веры, доверия.

не и сп ра в ле н и е — неисправность,
проступок.

не ко ли — некогда.

не ста т о ч н ое — невозможное.

ну ди ти — принуждать; ну ди ти от
ве ры — принуждать к перемене
веры.

ну жа — нужда, притеснение, бед-
ствие, необходимость.

ну же н — находится в нужде.

о б ве ст и ти — сообщить, известить.

о бе ст и ти — известить.

обо ло чи тн ся — облачиться, одеться.

о бо ро нь — оборона, защита.

о б сы ла ти ся — извещать,   ссы-
латься.

о б ъ я рь — плотная шелковая ткань
с золотыми и серебряными узорами.

о бы ч а й — образ действий; тем

о бы ча ем — таким образом.

о во щ и — плоды, овощи, фрукты.

о ди и ва — однажды, один раз.

о д но л и ч но — непременно.

о д но сло в н ы й — твердый в данном
слове (д во е сло в н ы й — нетвер-
дый в слове).

о же — если, ежели.

о ка за ть — показывать.

о ко ль н ы й — соседний, близлежа-
щий.

о мет — одежда, накидываемая на
плечи.

о мо рок — обморок.

о мо́ ч и ся — выздороветь;   о мо -
же т ца — выздороветь.

о но ме д ни ш н ы й — наемный.

о но мя ся — несколько дней тому
назад.

о па с н ы й — охранный.

о пл е ти,   о по л е ти — обгореть,
сгореть.

о по л е ти ся — опалиться, разгне-
ваться.

о при чь, о пр о че — кроме, особо.

о сло бо ди ти — позволить, разре-
шить.

о сло бо же н ы е гра мо ты — льгот-
ные грамоты.

о ста ти — оставить, потерять, ли-
шиться.

о сте ре га н и е — охрана.

отв е с т ь е — известие, весть.
 от е ч е с т в о — достоинство, наследственные права.
 от к а з а т ь — сказать, дать ответ.
 от м е н и т ы й — отменный, превосходный, лучший.
 от п е ч а л о в а т ь — своей просьбой избавить от наказания, освободить, заступиться за кого.
 от п и с к а — донесение, письменный ответ.
 п а л а т ы п о к о е в ы е — жилые комнаты.
 п а н и к а д и л о — люстра.
 п а р о б о к — юноша, прислужник.
 п а р с у н а (п е р с о н а) — портрет.
 п а с т ы р ь — пастух.
 п е н я — наказание, вина; п е н ю о т д а т ь — освободить от наказания; п е н и з а с о б о ю н е в е д а т ь — не знать за собою вины.
 п е р е д — по сравнению.
 п е р с о н а — см. парсуна.
 п и щ а л ь — огнестрельное оружие, носимое на руках.
 п л а с т и н н ы й — из хребтовых половин меха.
 п л е м я — родня, родственник.
 п о б л ю с т и с я — стеречься, опасаться.
 п о в о л и т ь — позволить, разрешить.
 п о в о л ь н о с т ь — вольность, права.
 п о в о л ь н ы й — вольный, свободный.
 п о г о д а — ненастье, сильный ветер.
 п о г о д а п р о т и в н а я, п о г о д а в с т р е ш н а я — встречный ветер.
 п о г о д и е — погода, направление ветра.
 п о г о т о в у — более, пуще.
 п о д а ч а — особое блюдо, посылаемое от государева стола в знак милости.

п о д в и г — поход, путешествие.
 п о д в и ж н о с т ь — склонность, готовность, стремление.
 п о д в и ж н ы й к ч е м у - л и б о — готовый, склонный.
 п о д в о д и т ь (п о д р у к у) — захватывать, брать (п о д ч ю - л и б о в л а с т ь).
 п о д д о н — блюдо.
 п о д н я т ь — разгневаться; н е п о д и в и — не взыщи, извини.
 п о д и в л е н ь е — удивление, гнев.
 п о д л и н н о — подробно, обстоятельно.
 п о д м о ч ь — помощь.
 п о д с к а р б и й — помощник казначея.
 п о з а з р и т ь — осудить, рассердиться.
 п о з д о — поздно.
 п о и с к — стремление, забота.
 п о и с к а т ь — домогаться, добиваться.
 п о к л а д ы в а т ь с я — положиться на кого-либо.
 п о к л е п а т ь — ложно обвинить, оклеветать.
 п о к о е н — окружен заботами.
 п о к о н т и — окружить заботами, дать приют.
 п о к р у ч и н и т ь с я — гневаться, доисадовать, огорчаться.
 п о л о ж и т ь — возложить, отдать, пожертвовать.
 п о л с т и л к а, п о л с т ь — войлочный ковер, войлочная ткань.
 п о м е ш к а — помеха, задержка.
 п о м и н о к — подарок.
 п о м о г а т е л ь с т в о — помощь.
 п о м о з и б о — помози бог (помоги бог), выражение, аналогичное „спасибо“.
 п о н о р о в и т ь, н о р о в и т ь — делать послабление, поступать в угоду кому-нибудь.

по нужде — в крайнем случае.
пойяти — взять.
поперёж — прежде, раньше.
по пригожу — прилично, как следует.
порудити — нарушить, урезать.
поруха — ущерб, убыток, вред.
посад — населенная часть города (в отличие от „города“ — крепости).
посаженик — получивший власть от кого-либо, вассал.
поседати — садиться на более привилегированное место (термин, связанный с местничеством).
посошь — помощь.
поспешенье — ускорение.
поставец — столик, на который ставится кушанье до подачи его к столу.
постояти, стояти за что-либо — отказывать, противиться чему-либо.
постронь — по сторонам.
по ся место — до сих пор.
поталь — тонкие полоски из сплава меди и цинка, употребляемые для позумента.
потачити — потакать.
потешный двор — служащий для развлечения, для забавы.
потрохель — епитрахиль.
починити — сделать, совершить.
правеж — штраф по решению суда.
правда: на правде стояти — соблюсти присягу; правду держати — соблюдать присягу, договор; правду учинити — принести присягу, заключить договор.
правити (деньги) — взыскивать.
правити поклон — передавать поклон.
правити посольство, от правляти посольство — пе-

редать текст посольского поручения.
прапор — отряд (рота) воинов.
прибыльный — дополнительный, лишний.
пригонити — спешно приехать.
придча, притча — случайность; придчею — случайно.
призрети на кого-либо — обратить внимание, оказать милость.
приказати — поручить, дать на попечение.
приклонити ся — склониться, подпасть (под чью-либо власть).
приклякнути — преклониться.
примати — принимать.
приспешник — помощник, слуга.
притча — см. придча.
продажа — налог, денежная пеня.
промысел — план, разведка о неприятеле, поимка его.
промыслити — добиться, достать.
промышляти — заботиться.
прописать — пропустить что-либо при письме.
против — согласно, соответственно ч.-л., на основании ч.-л., соответственно.
прохлад — удобство, удовольствие.
прохладый — пользующийся удобством, удовольствием.
пупчатый — из шкурок, вырезанных из брюшной части.
ради — рады чему-либо.
рейтары (райтары) — солдаты наемной кавалерии.
рен — злоба, месть, досада.
розные — разные, различные.
розорванье — разрыв.
ропись — список.
рука — подпись.

рукав — муфта.
рундук — возвышение с приступками, трон.
рухлядь, рухлядь — пожитки, движимое имущество.
ручница — пищадь, ружье, ручное огнестрельное оружие.

сахары — сладости.
седети — сидеть.
серебряник — серебряный сосуд.
сесь — сей, этот; сесь час — сейчас.
сетчи — деепричастие прошедшего времени от „сести“.
сиверский — северный.
сила не сяжет — нехватит силы.
сильно — насильно, силой.
сипошник — свирельник, дудочник.
скаска — показание, донесение.
скасть — сказать.
скорлат — см. шарлат.
слобода — поселок у города, пригород.
слонавшик — погонщик слона.
солиешник, солнычник — зонтик.
список — копия, перевод; статейный список — отчет посла.
ссести, съсести — сойти (с коня), слезть.
сстатися — статься, случиться.
ссылка — дипломатические отношения; любительная ссылка — дружба (между государствами); по ссылке — по соглашению.
ссылатися послы — обмениваться послами.
с тех мест — с тех пор.
стол — пир, трапеза; стол шел — пир происходил; стол отошел — пир кончился.

стольник — старший чин московского служилого сословия (первонач. придворный, прислуживавший за княжеским столом).
сторчми — стоя, стояком, торчком.
страхование — страх, опасение, предосторожность.
страшно — опасно, ужасно.
суд — сосуд, посуда.
сулея — фляга, плоская бутылка.
сурна — музыкальный духовой инструмент.
сходительный к чему-либо — согласный, склонный.
сытник — кравчий, должность при княжеском дворе.
сяков — таков, тот.
тайным обычаем — потихоньку, крадучись.
тешнти — развлекать.
титло — титул.
толмач — должностной, официальный переводчик, посредник в разговоре с иностранцами.
только — если.
топерво — только что, теперь.
травант, дробант — трабант (польск. drabant, нем. Trabant), телохранитель, солдат охранных войск.
травчатый — с узорами в виде трав, листов, цветов, узорчатый, вышитый узорами.
турский — турецкий.
убог (жалованьем) — лишен жалованья.
угожа — удобна, полезна.
ужжо — уже.
узорочья — драгоценности, украшения.
унимати — останавливать, оставлять.

у п р о с — просьба, упрашивание.
у с т а в а — установление.
у ч а т и, у ч е т и — начать, стать.
у ч и н и т и — сделать, определить, по-
ставить; у ч и н и т и в е д о м о,
у ч и н и т и в в е д о м е — осведо-
мить, поставить в известность; у ч и-
н и т и н е в о б р а з е ц — сделать
в виде исключения.
у ч и н и т и с я — стать; у ч и н и т и с я
п о д р у к о й — стать под власть
кого-либо.
Ф е р е з ь, ф е р я з ь — верхняя ком-
натная одежда.
Ф у р т ы н а — ср. хуртина (см. „Ком-
ментарий“, стр. 373).
х а р а в и н а — сырая шкура.
х а р а т ь я — пергамен, рукопись на
пергамене.
х и т р о с т ь — замысловатость, мудре-
ность.
х о р о м ы о б и х о д н ы е — дополни-
тельные строения при главном, ос-
новном здании.
ц и т р о н — лимон.
ц к а — доска.

ч а с ы б о е в ы е — часы с боем.
ч а ш н и к — лицо, подносящее госу-
дарю напитки за столом.
ч е к у ш а — большая деревянная коло-
тушка.
ч е л о б и т ь е — благодарность, по-
клон.
ч е л о в е ч н ы й — видный, рослый.
ч е п ь — цепь.
ч е р в ч а т ы й — красный.
ч е с н ы — пребывают в чести.
ч е с т и — читать; **ч** л н — читали.
ч е с т н о й — знатный, благородный.
ч н н — звание, порядок, обычай.
ч и н и т и — учинять, устраивать, со-
вершать.
ш а р л а т (скорлат) — суконная ткань
красного цвета.
ш а т о с т ь — волнение, смятение.
ш и р и н к а — расшитый платок.
ш к о т а — школа, вред, убыток, изъян.
щ е р б а — горячая похлебка, навар.
я з, а з — я.
я з ы к — народность.
я з н у т и с я — обязаться, дать слово.
я с ы р ь — пленник, пленный неволь-
ник.
я т и с я — братья, ручаться.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Аббас I** (Аббас-шах, Кизылбашский шах), иранский шах 187—189, 194, 413, 422, 423.
- Абдула-кадий**, азовский кадий 65, 371.
- Абдулла II** (Абдула-царь), узбекский (бухарский) хан 188, 377, 409, 413.
- Абраим-сальтан**, турецкий султан 218.
- Абрам Густавсон Стенбок** (Обрам Гюстеев), шведский сановник 17, 361.
- Абрис Дудли**, ерль Уорвикской см. Эмброс Дэдли.
- Август**, римский император 312.
- Августин**, шведский чиновник 29, 62.
- Аверкий**, св. 214.
- Агмат-паша** см. Ахмед.
- Адам**, библ. 208, 222.
- Адар** см. Айдар-бег.
- Азарий**, св. 210.
- Айдар-бег** (Адар), должностное лицо в Азове 65—68, 95—98, 371.
- Ак-Назар** см. Хакк-Назар.
- Акшард**, английский сановник 169, 407.
- Алавей** (Аловей) Лаврентиев, шведский придворный 40, 41, 55.
- Алдя-Гирей**, крымский царевич 65.
- Алегук Ильбаков** (Олегук, Олегука, Олегика), кабардинский князь 207, 216, 222, 224.
- Алегукина жена** (жена Алегука Ильбакова) 207.
- Алей-мерза**, крымский посол 192.
- Александр**, кахетинский царь 174, 409. См. также Олександр.
- Александр Засекин**, русский посол 189.
- Александр Казимирович**, литовский князь 325, 326.
- Александр III** (бошачуйский князь), имертинский царь 213, 418, 422.
- Алексей**, посол 426.
- Алексей**, сын Петра I 341.
- Алексей Алексеевич**, сын царя Алексея Михайловича 259, 303.
- Алексей Михайлович** (государь, царское величество), царь 227—233, 235—240, 242—246, 248—277, 279—292, 294, 295, 300—306, 308—311, 333, 335, 337, 418, 423, 426, 428—430, 432.

¹ Лица, упоминаемые в тексте по именам и фамилиям, помещены в указателе по именам, так как в подавляющем числе случаев имена устойчивее и чаще употребляются в тексте статейных списков, чем фамилии. Если лицо упоминается в тексте без собственного имени, под титулом или авансом, то последние даются в скобках вслед за именем.

- Алеть, английский купец 113.
Али (Алы-паша), турецкий сановник 80, 379.
Али-бек см. Хусейн Али-бек.
Алмазов см. Семен Алмазов.
Аловей Лаврентиев см. Алавей Лаврентьев.
Альберто Вимшина да Ченедра, венецианский посол 333.
Альбрехт Ласкный, польский вельможа 402.
Алы-паша см. Али.
Амвросий (Амбросим) Медиаламский, св. 214.
Амиранашвили Ш. Я. 419.
Анастасия (Анастасея), св. 210.
Андрей см. Ондрей.
Андрей Боголюбский, князь 323.
Андрей (Ондрей) Васильев, дьяк 7, 61, 359.
Андрей Васильевич Безносков-Монастырев, новгородский дьяк 359.
Андрей Критский (Ондрей Критцкой), св. 210.
Андрей Лей см. Генри Ли.
Андрей Микунин, сын боярский 96.
Андрей Первозванный (Ондрей Первозванной), еванг. 218, 423.
Андрей Сидоров, член посольства Потемкина 227—229, 237, 238, 309, 428.
Андрей (Ондрей) Шерефединов, русский гонец 54, 55, 59, 367, 368.
Андрей Щелкалов, дьяк 163, 405.
Андроник (Аньдроник), св. 214.
Анна, св. 210.
Анна (Аньна), св. 210.
Анна Ягеллон (польского короля сестра), сестра Сигизмунда II Августа 45, 366.
Антони Браун, виконт Монтэрю, английский придворный 392. См. также Мунтикую.
Антоня Ширли (дон Онтон), английский авантюрист 194—197, 414—416.
Антоний, св. 210.
Антуан де Грамон, французский военный деятель 228, 230, 232, 233, 235, 236, 269, 298, 430, 431.
Арканджело Ламберти, католический миссионер 417, 422, 424.
Арлянский, князь см. Филипп, герцог Орлеанский.
Arnheim F. 366.
Арсений, архиепископ 311.
Артемей (Ортемей), мегрельский архимандрит 208, 209.
Арцыбашев, русский посол 349, 350.
арцы-Карло, арцы-Карлус см. Карл IX.
Аучбарн, английский купец 119.
Афанасий (Офонасей) Власнев, русский посол 187, 413.
Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащекин, русский политический деятель 334, 429.
Афанасий Никитин, путешественник и писатель 320.
Афанасий Федорович Нагой (Офонасий Нагой), русский дипломат 67, 327, 328, 373, 382, 385, 387.
Ахмат-паша, турецкий сановник 74.
Ахмат-паша см. Ахмед.
Ахмед, турецкий султан 423.
Ахмед (Ахмат-паша, Агмат-паша), турецкий сановник 74, 89, 384.
Ахмед IV (барбарейский (барбаринский) царь), марокканский шериф 173, 408.
Баазыт (Баязет), сын Селима II 88.
Баженов см. Федор Баженов.
Байгарук-князь, сын Темгрюка 90.
Балгилдей, гонец Новосильцева 98, 99.

- Банер см. Стен Банер.
 барбарейский (барбаринский) царь см. Ахмед IV.
 Баргазы-князь (малых ногаев) 174.
 Барн см. Джордж Барн.
 Баторий см. Сигизмунд Баторий, Стефан Баторий.
 Баус см. Джером Баус.
 Бахутова Е. В. 417.
 Башмаков см. Нечай Башмаков.
 Баязет (Баязыт, Баязы-салтан), сын Сулеймана II 80, 81, 379, 384.
 Бедфорский, ерль см. Френсис Россель.
 Безносов-Монастырев см. Андрей Васильевич Безносов-Монастырев.
 Бейсрякуль, иранец 216.
 Бекман см. Роберт Бекман.
 Бельский см. Мартин Бельский.
 Белокуров С. А. 347, 355.
 Бельфон де см. Бернарден де Бельфон.
 Бенгт Гюлта (очев. — Бентер Гултер), шведский сановник 359.
 Бент Кнутсон (Бентер Кнутов, Бентюра), шведский придворный 16—18, 361, 362.
 Бентер (Бентей) Гултер (Гхлытер, Гхльтер), шведский сановник 7, 11, 12, 40, 55, 359. См. также Бенгт Гюлта.
 Бентер Кнутов, Бентюра см. Бент Кнутсон.
 Берли де (де Берлис, де Верлис, подскарбей, пристав), французский сановник 245—254, 259—262, 271, 272, 274, 277—284, 288, 290, 295—298, 434.
 Бернарден де Бельфон (маршалок), французский военачальник и дипломат 246, 249—255, 259, 260, 284—286, 288—294, 434, 438.
 Берреус см. Дионис Берреус.
 Бертель Юренсон (Пантелей Юрьев), шведский переводчик 8, 12—14, 19—23, 40, 41, 43, 45, 52—61, 359, 367, 369.
 Бетфорт см. Эдуард Россель.
 Бирон, французский посол 182, 412.
 Бишулка, провожатый 226.
 Блаунт см. Кристофер Блаунт.
 Богдан Наумов (очев. — родственник В. И. Наумова) 61.
 Бодвель Гарр (очев. — Джон Эрскин граф Мар), шотландский посол 181, 189, 190, 411.
 Бокъгорст см. Томас Сэвиль.
 Болотников, вождь крестьянского восстания 403.
 Бонд Э. 401.
 Борис Годунов (Борис Федорович, государь, царь, царское величество) 156, 157, 169—170, 172—175, 177, 178, 184—192, 194, 196—203, 349, 353—355, 357, 402—409, 411, 413—417.
 Борис Петрович Шереметьев, русский государственный деятель 335—337, 438.
 Борис Федорович см. Борис Годунов.
 Борлосвир, английский придворный 113.
 Борн см. Джордж Барн.
 бошачуйский князь см. Александр III.
 Браге см. Пер Браге.
 Бранденбургский, курфюрст 340.
 Брастан-паша, шурни Селима II 84.
 Браун см. Антони Браун.
 Бромлей см. Томас Бромлей.
 Brosset M. 423, 425.
 Бури см. Томас Сесиль.
 Бэрл см. Уильям Сесиль, Томас Сесиль.
 Ваза, династия шведских королей 361.
 Вакфиль, должностное лицо г. Гулля 105.

- Валле де см. Ян де Валле.
Варвара, св. 210, 213.
Варвик, князь см. Эмброз Дэдди.
Варкоч Н., германский посол 388.
Вартам (Вортам), гурийский князь 216, 219.
Василий, русский посол 323.
Василий Александров, провожавший И. П. Новосильцева 65.
Василий Иванович Наумов, русский посол 10, 18, 58, 59, 61, 62, 359.
Василий Кесарийский (Кисарийский), св. 211.
Василий Лихачев, русский посол 332—334, 342.
Василий Щелкалов, русский государственный деятель 415.
Василий III, великий князь 152, 385.
Василько Тербовальский, князь 323.
Васьяк Товринов, житель Холмогор 101.
Вахушти, царевич 421, 423—425.
Вер де см. Эдуард де Вер.
Верджен Аурсинов см. Вирджинно Орсини.
Верлис де см. Берли де.
Веселовский С. Б. 399.
Вилис см. Уилльс.
Вилтон, князь (очев. — Роберт Сетон граф Винтон), английский сановник 119, 394.
Вильро см. Никола де Невель.
Вимшина см. Альберто Вимшина.
Виндзор см. Генри Виндзор, Фредерик Виндзор.
Винзор, Вынзор (очев. — Фредерик или Генри Виндзор), английский придворный 140, 142, 169, 172, 173, 175, 177, 178, 398.
Вирджинно Орсини (Верджен Аурсинов), итальянский герцог 176, 410.
Висковатый см. Иван Михайлов.
Вишневецкий см. Михаил Вишневецкий.
Владимер Киевский см. Владимир Святославич.
Владимир Мономах, князь 320.
Владимир Племянников, русский посол 326, 327.
Владимир Святославич (Владимер Киевский), князь 218, 423.
Владимирко, князь 323.
Власиев см. Афанасий Власиев.
Власий, св. 210, 214.
Волконский, русский посол 421.
Ворнъянд, князь, английский сановник 119, 394.
Воронов см. Рохманин Воронов.
Воронцов см. Иван Михайлович Воронцов, Иван Дмитриев Воронцов.
Вортам см. Вартам.
Вынзор см. Винзор.
Вячеслав Владимирович Киевский, князь 322.
Габриэль Христерсон Оксеншерна (Гаврил (Гаврило) Крестернов), шведский государственный деятель 8, 9, 12, 40, 41, 45, 46, 359.
Габсбурги, династия 380, 388, 390, 394, 401, 408, 412, 413, 415, 441.
Гавриил (Гаврила, Гаврил), мегрельский священник 208, 209, 213, 222—224, 419.
Гаврил де Ордин, должностное лицо г. Ируна 230.
Гаврил (Гаврило) Крестеринов см. Габриэль Христерсон.
Гази-Гирей, сын Девлет-Гирея 384.
Галицин Е. (Galitzin E.) 427, 432.
Гамаров см. Нечай Гамаров.
Гамель И. Х. 403.
Hammer J. 382, 383.
Ган-султан, сын Девлет-Гирея 88, 384

- Ганс Вилламов, шведский придворный 50—52, 367.
- Гаис Ларссон (Иван Лаврентиев), шведский дипломат 12—15, 44, 360, 366.
- Гансшила (Ганьсшила), шведский придворный 37, 38, 40.
- Ганш Ириков, шведский чиновник 12.
- Ганьсшила см. Гансшила.
- Гарбар см. Харберт Пенброк.
- Гарберт, Гарбет см. Джон Герберт.
- Гарвей, фамилия английских дворян 397. См. также Улям Гарвей.
- Гари Невель (очев. — Генри Невиль), английский придворный 113—115, 118, 392.
- Гарт см. Джон Гарт.
- Гартле см. Джан Гартле.
- Гас см. Йоганн Гас.
- Гастингс см. Генри Гастингс, Мэри Гастингс.
- Гваньини 372.
- Георгий см. Георгий, св.
- Geijer E. G. 359, 361, 364, 365, 368.
- Генгур (Генгурт, Гергунт) Скель, шведский придворный 15, 16.
- Генри Виндзор, английский придворный 398. См. также Винзор.
- Генри Гастингс, граф Гантингтон (князь Унтюентенский (Хунтинский, Хунстинский, Хунтинтинский), Унтинтон, Ондрей Гастин), английский сановник 115, 119, 128, 130, 149, 152—154, 392, 393, 401.
- Генри Кафф (дьяк), секретарь Эссекса 181, 411.
- Генри Клиффорд, граф Кемберленд, английский военный деятель 406. См. также Кумарлан.
- Генри Кобхэм, английский дипломат 396.
- Генри Кэйри, лорд Хансдон (Хундочь, Унчъдон, Ондрей Кари), английский сановник 114, 119, 121, 128, 130, 137, 392.
- Генри Ли (Ондрей (Андрей) Лей), английский административный деятель 184, 412.
- Генри Невиль, английский придворный 392. См. также Гари Невель.
- Генри Норрис оф Рикот, английский придворный 392. См. также Норис.
- Генри Перси, граф Нортемберленд, английский сановник 394, 396. См. также князь из Нортумбардланд.
- Генри Райотсли, граф Саутемптон (Сауфгамтен), английский политический деятель 180, 410.
- Генри Стенли, граф Дерби, английский сановник 397, 416. См. также Эдвард Станли.
- Генри Херберт, граф Пемброк (Хадберд), английский сановник 137, 138, 397, 405.
- Генриетта-Анна Английская (королева), дочь Генриетты Французской 313, 440.
- Генриетта Французская (английская королева), вдова Карла I 313, 440.
- Генрих Валуа см. Генрих III.
- Генрих Наваррский см. Генрих IV.
- Генрих III (Валуа, французский король), французский король 148, 399, 401.
- Генрих IV (Наваррский, французский король), французский король 182, 185, 196, 197, 412, 416, 440.
- Генрих VIII, английский король 400.
- Георг Парадайзер, германский военачальник 412.
- Георг Перссон (Юрь Петров), шведский государственный деятель 33—35, 41, 46—50, 52—54, 56—58, 363—369.
- Георгий (Егоргий, Егорий, Гегоргий),

- св. 181, 183, 184, 208, 210, 214, 219, 397, 412, 422, 424.
- Георгий IV, имертинский царь 418, 425.
- Георд см. Чарльз Хауорд, Филипп Хауорд.
- Герберштейн (Жигмонт Гербенштейн), германский посол 326.
- Гергунт Скедь см. Генгур Скедь.
- Голохвастов, русский посол 327.
- Гордж см. Фердинандо Гордж.
- Горсей см. Джером Горсей.
- Госсенс см. Иоганн Гас.
- Грамон де см. Антуан де Грамон.
- Гре (очев.—Грей, возм.—Реджинальд Грей), английский сановник 165, 168, 406.
- Грей, фамилия английских дворян 406, см. также Реджинальд Грей.
- Греков Б. Д. 399.
- Григорий Богослов, св. 210.
- Григорий Иванович Микулин, русский посол 156—187, 189—195, 197—205, 330, 331, 348—357, 389, 399, 401—411, 413—417, 425, 430.
- Григорий Котошихин, беглый подьячий 319, 347.
- Григорий Микулин, стрелецкий голова 403.
- Грозный см. Иван IV.
- Грот см. Ондрей Грот.
- Густав Адольф, шведский король 438.
- Густав Ваза, шведский король 53, 364, 367.
- Гюлленшерна см. Нильс Гюлленшерна.
- Давид (Давыд), библ. царь 176, 183.
- Даль 373.
- Даниил (Данил) Столпник, св. 210.
- Данилов В. В. 414.
- Д'Анкр, французский государственный деятель 434.
- Дамиан (Дамьян), св. 210.
- Дарбей см. Уильям Стенли.
- Девере см. Роберт Девере, Летиция Девере, Пенелопа Девере.
- Девлет-Гирей (крымской царь, Крымской), крымский хан 66, 68, 70, 71, 80, 82—86, 91, 92, 95—98, 373—375, 380, 384—386.
- Девлеткозя (Девлет-Козя, Девлет-Хозя), член посольства Новосильцева 73, 78, 93, 99, 369.
- Делекторский Ф. 324.
- Делюмбрес, французский посол 428.
- Дементей, мегрельский придворный 215, 221.
- Денверс см. Чарльз Денверс.
- Деонисьюс (Деонис) Бурбергус см. Дионис Берреус.
- Дервиш (Дарбыш)-Али, астраханский хан 89, 384.
- Дервиш-Чилибей, турецкий сановник 89.
- Детублон, французский придворный 435.
- Дзерег Боус см. Джером Баус.
- Джан, английский придворный 169, 170.
- Джан Гарт см. Джон Гарт.
- Джан Гартле, английский придворный 127, 395.
- Джемис Кравской, английский придворный 118.
- Джемс см. Ричард Джемс.
- James см. Яков VI.
- Джером Баус (Дзерег Боус, Еремей Боус), английский дипломат 142, 162—164, 168, 171, 173, 175, 177, 178, 181—184, 198, 202, 353, 390, 398, 399, 403—406, 412.
- Джером Горсей 386, 387, 395, 399, 402.
- Джилс Меррик (дворецкой), сподвижник Эссекса 181, 411.
- Джои (Джан) Гарт, английский купец 127, 168, 395, 403, 407.
- John Dee 397.

- Джон Дэвис, сподвижник Эссекса 411.
 Джон Кольвилль, шотландский посол 397.
 Джон Ломли, английский сановник 396.
     См. также Ломли.
 Джон Меррик (Иван Ульянов), англий-
     ский купец 156—159, 161, 164, 168,
     171, 178—181, 189, 194, 204, 205,
     403, 404, 410, 411.
 Джон Норт, английский дипломат 397.
     См. также Норф, Норт.
 Джон Уитгифт, архиепископ Кентер-
     берийский (митрополит Кантоборин-
     ский), глава английской церкви 169,
     172, 407.
 Джон Фортескью (Иван Фоский),
     английский сановник 169, 170, 407.
 Джон Херберт (Гарбет, Гарберт), ан-
     глийский сановник 169, 200, 202,
     353, 407, 416.
 Джон Чемберлен (Chamberlain J.) 409,
     410.
 Джон Эрскин, граф Мар, шотландский
     посол 411. См. также Бодвель Гарр.
 Джордж Барн (Борн), английский купец
     110, 112—115, 118—120, 124—128,
     130, 131, 138—140, 142—147, 391.
 Джордж Тальбот, граф Шресбери
     (Егорей Талбат), английский санов-
     ник 137, 397.
 Dee см. John Dee.
 Димитрий (Димитрей) Солунский, св.
     208, 210.
 Динара, царица 422.
 Дионис Берреус (Деонисьюс (Деонис)
     Бурбергус), шведский придворный
     17, 361.
 Дмитрий, сын Ивана IV 401.
 Долат Карпов, воевода 98.
 Дои Хуан Персидский, крещеный перс
     415.
     дочь Селима II 88, 384.
     дочь Филиппа II 410.
 Дэвис см. Джон Дэвис.
 Дэдли см. Роберт Дэдли, Эмбров
     Дэдли.
 Евгений, римский папа 324.
 Евгения, св. 214.
 Евтихий, мегрельский епископ 215.
 Еган см. Иоганн III.
 Егоргий см. Георгий, св.
 Егорей Талбат, ерль Шрозберской
     см. Джордж Тальбот.
 Егорий см. Георгий, св.
 Едвар Ган (Гян), должностное лицо
     г. Скарборо 104, 105.
 Едвард см. Эдуард VI.
 Едвард Семер, ерль Арфордльской см.
     Эдуард Сеймур.
 Едвард Станли, ерль Дарбирской
     (очев. — Генри Стенли, граф Дерби),
     английский сановник 137, 397.
 Езикской удельный князь 105, 106.
 Екатерина (Екотерина), св. 210.
 Ексетцкой лорд см. Роберт Девере.
 Елбуздук, кабардинский князь 207.
 Елена, мать императора Константина I
     Великого 210, 215.
 Елена Ивановна (Олена), дочь Ивана III
     152, 325, 326, 401.
 Елизавета (Елизаветъ, Елисавет, Ели-
     саветъ, королева, королевнино вели-
     чество), английская королева 100,
     102, 104—108, 110—125, 127—143,
     145, 146, 148—184, 197—205, 330,
     348, 349, 352—354, 386, 387, 390—
     398, 400—402, 404—410, 412, 416, 417.
 Елизар (Елизарей), русский переводчик
     101, 104, 105, 109, 116, 124, 125,
     127, 128, 130, 131, 134—136, 147,
     149, 152, 153, 348, 396.
 Елизарей Хоби (очев. — Эдуард Хоби),
     английский придворный 163, 164,
     197, 203—205, 406.

- Елизарий Леонтьевич Ржевский, русский гонец 34, 35, 39, 48, 364.
Елисавет, Елисаветь см. Елизавета.
Елистан, кабардинский князь 207.
Елчин см. Федот Елчин.
Енох, библ. 209.
Еремей Боус см. Джером Баус.
Ефим Мышецкий, русский посол 420—422, 424.
Ефимган (Ефимгам, очев. — один из сыновей Чарльза Хаурда, барона Эфтингема, Уильям или Чарльз) 200, 349, 354, 416.
Жан-Батист Кольбер (Кольберт, Colbert J. B.), французский государственный деятель 263, 427, 431, 436, 437.
Жигмонт, моравский барон 184.
Жигмонт Август см. Сигизмунд II Август.
Жигмундус Батура см. Сигизмунд Баторий.
Жиров-Засекин А. Ф., русский посол 413.
Жуан (Иоанн) IV, португальский король 313, 440.
Жузе П. 422.
Зал-Мухаммед (Зал-паша), турецкий сановник 89, 384.
Замойская, графиня (панья подскарбина) 337.
Замойский см. Ян Замойский.
Заполя см. Ян Заполя, Ян-Сигизмунд Заполя.
Засекин см. Александр Засекин.
Захариев см. Павел Захариев.
Зиновьев см. Иван Зиновьев.
Зосима, московский митрополит 425.
Иakov (Яков) Перский, св. 210.
Иасаф см. Иоасаф I.
Ибак-царевич, мусульманин на русской службе 77.
Ибрагим Печев 372, 376, 380.
Ибреим-бег, турецкий переводчик 73—75, 79, 89, 384.
Иван Апзь, гонец королевы Елизаветы 107.
Иван Белобород см. Ян де Валле.
Иван Богослов см. Иоанн Богослов.
Иван Дамаскин см. Иоанн Дамаскин.
Иван Данилов Костромитин, русский живописец 421.
Иван Васильев, член посольства Воронцова 18, 51, 52.
Иван Васильевич см. Иван IV.
Иван Васильевич Лапин-Курган, русский посол 9, 10, 58, 59, 61, 62, 359.
Иван Галис, германский князь 194, 195, 415.
Иван Госенц см. Иоганн Гас.
Иван Грозный см. Иван IV.
Иван Дмитриев Воронцов (очев. — родственник И. М. Воронцова) 61.
Иван (Ивашко, Ывашко) Зиновьев, русский посол 156—165, 167—187, 189—192, 194, 197, 198, 200—202, 204, 205, 330, 348, 349, 352, 354, 355, 402—404, 416.
Иван Иванович, сын Ивана IV 10, 57, 116, 393.
Иван Илф см. Иоганн Эйлоф.
Иван креститель см. Иоанн Предтеча.
Иван Лаврентиев см. Ганс Ларссон.
Иван Милостивый см. Иоанн Милостивый.
Иван Михайлов (Висковатый), русский государственный деятель 7, 64, 71, 72, 96, 359, 375, 386.

- Иван Михайлович Воронцов, русский посол 7—27, 29, 31, 33, 35, 37—41, 43—45, 47, 49—51, 53, 55, 57—59, 61, 62, 328, 329, 351, 356—361, 363—368, 435.
- Иван Мотякин, казачий атаман 83.
- Иван Мстиславский (И. Ф. Мстиславский), русский политический деятель 163, 405, 406.
- Иван (Ыван) Новосильцев (И. П. Новосильцев), русский посол 63—71, 73—81, 83, 85—87, 89—99, 328, 347, 351, 357, 369—386, 409, 413.
- Иван Пересветов, публицист 321.
- Иван Предотека см. Иоани Предтеча.
- Иван Прохоров, член посольства Потемкина 229.
- Иван Романов, английский купец 100, 101, 103, 106, 112, 119, 120.
- Иван Стафер, английский придворный 181.
- Иван Ульянов см. Джон Меррик.
- Иван Фоский см. Джон Фортескью.
- Иван III, великий князь 152, 325, 326, 401, 425.
- Иван IV (Грозный, Иван Васильевич, государь, царь, Московский), царь 7, 8, 10, 12—16, 18—28, 30—32, 34—50, 53—58, 60—64, 68—72, 74—76, 78, 79, 81, 82, 86—94, 96, 97, 102, 104, 105, 107, 108, 110—117, 119—124, 126, 127, 129, 131—136, 138—155, 163, 203, 321, 327, 348, 357—360, 363—372, 374, 375, 377—379, 381, 384—388, 391—394, 396—399, 401, 402, 405, 407, 419, 425.
- Иванов сын (И. И. Новосильцев) 73, 369.
- Ивар Иварсон (Иварь Иварев), шведский сановник 17, 361.
- Ивар Монсон, шведский военачальник 367.
- Иварь Иварев см. Ивар Иварсон.
- Иевлев, русский посол 418.
- Измаил, ногайский князь 374.
- Износков см. Посник Износков.
- Изяслав, князь 322.
- Изяслав Мстиславич Киевский, князь 323.
- Иконников В. 334.
- Илларион (Ларион), св. 214.
- Илья, библ. 209.
- Индрик Порт, английский придворный 113.
- Иоани Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича 260, 303.
- Иоани (Иван) Богослов, еванг. 208.
- Иоани (Иван) Дамаскин, св. 210.
- Иоани (Иван) Милостивый, св. 210, 211.
- Иоани Предтеча (Иван Предотека, Иван креститель), еванг. 208, 211, 215, 420.
- Иоасаф I (Иасаф, Исаф), русский патриарх 208, 209, 217, 420.
- Иогани Гас (Госсенс, Иван Госенц), курляндский купец, переводчик 238, 244, 245, 262, 272, 282, 287, 295, 298, 309, 431, 436.
- Иоганн Эйлоф (Иван Илф), нидерландский врач 102, 388.
- Иогани III (Финляндский, Яган, Еган, Юхан), брат Эрика XIV, впол. король 19, 46, 47, 50, 51, 53—62, 358, 362—369, 408.
- Йоркская династия (английских королей) 401.
- Ипенга (возм. — Чарльз Хауорд барон Эфтингем или его сын), английский сановник 165, 168, 406.
- Ирик см. Эрик Стуре.
- Ирик, король см. Эрик XIV.
- Ирик Арвиев, шведский придворный 55.

- Ирик Гокоиов (Конов), шведский пристав 9, 13, 14, 18—30, 32—37, 39, 40, 46, 52, 54, 55, 57.
- Ирина Конов см. Ирик Гокоиов.
- Ирик Матфеев, шведский придворный 29—31.
- Ирина, св. 214.
- Ирина, царица, жена Федора Ивановича 391.
- Исак Миколаев (Николав), шведский чиновник 29—31.
- Исаф см. Иоасаф I.
- Исеналей см. Хусейи Али-бек.
- Ислам-Гирей, сын Девлет-Гирея 384.
- Исленьев, русский посол 414.
- Иштерек-князь (больших нагаев) 175, 409.
- Jorga N. 379, 383.
- Казы-Гирей, крымский царевич, вполс. хан 65, 192, 414, 416.
- Казы-мурза (Казый), предводитель Малой Ногайской орды 64, 66, 95, 97, 98, 371, 374, 386.
- Кайбула-царевич, мусульманин на русской службе 77.
- Калмак см. Федор Калмак.
- Кантоборнский митрополит см. Джон Уитгифт.
- „Каприссорий“, древнеримское божество 343.
- Каратели, капитан 242.
- Карин (Катерина) Монсдоттер, жена Эрика XIV 365.
- Карл, брат Максимилиана II 382.
- Карл Эюдерманландский (Карлус), брат Эрика XIV 11, 50, 51, 55, 58, 59, 360, 367—369. Вполс.—Карл IX (см.).
- Карл Лотарингский (Летренгерский вольный князь), герцог 314, 440.
- Карл I (король), английский король 313, 440.
- Карл II (король английский), английский король 313, 440.
- Карл II (Карлус, испанский (шпанский) король), испанский король 300, 312—314, 427, 435.
- Карл VII, испанский король 439.
- Карл IX (арцы-Карло, арцы-Карлус), шведский король 187, 189, 408, 413.
- Карл XI (свийский король, королевское величество), шведский король 309, 310, 313, 440.
- Карлус см. Карл Эюдерманландский, Карл IX.
- Карлус Георд см. Чарльз Хауорд.
- Карпов см. Долмат Карпов.
- Карстена Роде, датский моряк 387.
- Касим-паша (Касым, Касим-бег Кафинской), наместник султана в Кафе 64—71, 81—86, 95, 96, 373, 374, 380, 386.
- Катерина Ягеллон, сестра Сигизмунда II Августа 19, 22—27, 35, 38, 39, 41—44, 46, 47, 49, 53, 54, 57, 358, 360, 363, 365, 366, 368.
- Като де (Катуй), французский королевский комиссар 239, 240, 242, 245, 246, 248, 250, 251, 254, 262, 284, 297—299, 432—435, 437.
- Кафф см. Генри Кафф.
- Квашиин П. А. 414.
- Кемден (Camden) 400, 402, 408, 410.
- Кент, князь (очев. — Реджинальд Грей граф Кент), английский сановник 119, 394.
- Киприан (Киприян), св. 210.
- Кириак (Кирьак), св. 210.
- Кирик, св. 221.
- Клауш Гокоиов, шведский придворный 55.

- Климент IX (Джулио Распильози, папа римский) 311, 312, 439.
- Клинтон, Клинтов см. Эдуард Клинтон.
- Клиффорд см. Генри Клиффорд.
- Ключарев, русский посол 421.
- Кобам (очев.—Генри Кобхэм), английский сановник 128, 130, 396.
- Кобан, английский придворный 169, 407.
- Cobbet 410.
- Кобхэм см. Генри Кобхэм.
- Козьма, св. 210.
- Колмак, русский гонец 64, 65, 71, 371, 386.
- Кольбер, Кольберт, Colbert J. В. см. Жан-Батист Кольбер.
- Кольвиль см. Джон Кольвиль.
- Комтон (Комтен, возм.—Вильям Комптон, граф Нортхэмптон), английский придворный 137, 397.
- Комтон см. Уильям Комтон.
- Конде, принц, отец герцога Энгийенского 440.
- Константин Мачернин, русский гонец 428.
- Константин I Великий (Костенътн), римский император 210, 215, 420, 425.
- Контентин („царь Синайских гор“) 218.
- Кордт В. А. 388.
- Корнилиус, французский полковник 232, 233, 235, 237.
- Костенътн см. Константин I Великий.
- Костромитин см. Иван Данилов Костромитин.
- Котошихин см. Григорий Котошихин.
- Кочибей (Кучибей) Гомюрджинский 377.
- Кристофер Блаунт („вотчим“ Эссекса), сподвижник Эссекса 181, 411.
- Кристофер Перкинс, английский дипломат 409. См. также Паркин.
- Кристофер Хаттон (Христофор Хатеи), английский сановник 115, 119—121, 124, 128, 130, 140, 393.
- Кристофер Холдсон, английский купец 391. См. также Христофор Хучдон.
- Круш Весутий, шведский чиновник 33.
- Ксения (Оксинья) Борисовна, дочь Бориса Годунова 166, 167, 201, 355, 408.
- Кузьмиче Киянин, русский посол 323.
- Кумарлан (очев.—Генри Клиффорд граф Кемберленд), английский сановник 165, 168, 169, 406.
- Курбский А. М., князь 362, 372.
- Курган см. Иван Васильевич Лапин-Курган.
- Кучук-мурза (Кучюк-мурза), брат князя Иштерека 173, 409.
- Кушева Е. Н. 409.
- Кэйри см. Генри Кэйри.
- Лазарь, еванг. 201.
- Лала-Мустафа, турецкий военачальник 383.
- Ламберти см. Арканджело Ламберти.
- Лапин-Курган см. Иван Васильевич Лапин-Курган.
- Ларион см. Илларион.
- Ларссон см. Ганс Ларссон.
- Лаский см. Альбрехт Лаский.
- Ле-Брен, французский живописец 335.
- Леван I, мегрельский князь 418.
- Леван II Дадияни (Левонтей, Леонтей), мегрельский царь 208, 209, 211—217, 220—224, 418—420, 425.
- Левонтья сестра см. Марнам.
- Лейонхувуд см. Стен Эрикссон.
- Лейстер см. Роберт Дэдлан.
- Леонтей см. Леван II.
- Леопольд I (Леопольдус, цесарь римский), австрийский император 312, 336, 337, 427, 439, 440.

- Летиция Девере, мать Эссекса 411.
Летренгерский вольный князь см. Карл Лотарингский.
Лефорт, русский посол 338.
Лжедимитрий I, царь 403.
Ли см. Ричард Ли, Генри Ли, Томас Ли.
Линконской, ерль см. Эдуард Клинтон.
Лион де, маркиз де Берри (де Лоа, де Лиона, де Лёна), французский государственный деятель 263, 286, 290, 427, 436, 437.
Лихачев см. Василий Лихачев.
Лихачев Н. П. 393.
Логау, германский посол 415.
Лодвик-Климент-Август (королевич), сын Людовика XIV 311, 312.
Ломли (очев. — Джон Ломли), английский сановник 127, 396.
Лона де см. Лион де.
Лорд, английский придворный 127.
Лука, еванг. 214.
лундский лорд мер см. Уильям Райдер.
лунской митрополит, английское духовное лицо 172.
Любименко И. И. 388.
Люд де (де Рот), французский сановник 255, 435.
Людовик Ягеллон, венгерско-чешский король 412.
Людовик XIV (Лодвик, король, государь, королевское величество), французский король 228—235, 237—251, 253—272, 274—277, 279—295, 297, 298, 300, 311—314, 334, 335, 426—433, 435, 436, 439.
Люмли, английский сановник 169, 407.
Лёна де см. Лион де.
Лызлов 372.
Лысой Разгозин, служилый татарин 373.
Маалим-зада, турецкое высокопоставленное духовное лицо 89.
Маамет-паша см. Мухаммед Соколи.
Маамет чауш, турецкий пристав 73.
Маамет Чилибей см. Мухаммед Чилибей.
Магмед Кирей-калга, крымский царевич 65.
Магмет-царевич, сын Дервиша Али 89.
Магмет-Чилибей, турецкий сановник („казначей“) 89.
Магмет-Чилибей, турецкий сановник („печатник“) 89.
Магмут-паша см. Махмуд.
Магнус, брат датского короля 387.
Магнус (Магнуш), сын герцога Саксен-Люнебургского 11, 58, 360, 367.
Магнуш см. Магнус.
Мазарини, французский государственный деятель 436.
Макалатия С. 423, 424.
Макарий, антиохийский патриарх 422.
Макарий, русский церковный деятель и писатель 321, 324.
Максим, патриарх 214, 219.
Максимилиан I (Максимьян), германский император 326.
Максимилиан II, германский император 349, 382, 401.
Малакия, грузино-абхазский католикос 420.
Мальцев см. Семен Мальцев.
Малюта Скуратов, русский политический деятель 364.
Мамет-паша см. Мухаммед Соколи.
Мамет-Чилибей см. Мухаммед Чилибей.
Мамин см. Никита Мамин.
Мамлей, член посольства Сугорского 350.
Мансур, арабский халиф 423.
Мануил (Монуйла), мегрельский царь 211, 215.
Мануило, мегрельский пристав 208.

- Марат см. Мурад IV.
Мариам (Левонья сестра), сестра Левана II 211, 420, 421.
Мариана де Устрии см. Мария Австрийская.
Марина (Марына), св. 210, 221.
Мария Австрийская (Мариана де Устрии), испанская королева 312, 427, 439.
Мария Гастингс см. Мэри Гастингс.
Мария (Марья) Григорьевна, царица, жена Бориса Годунова 166, 167, 177, 201, 355.
Мария Ильинична (Марья Ильична), царица, жена Алексея Михайловича 259, 303.
Мария Кровавая см. Мария Тюдор.
Мария Медичи, французская королева 434.
Мария Нагая, жена Ивана IV 401.
Мария Стюарт, шотландская королева 392, 394, 396, 397, 402.
Мария Темрюковна, жена Ивана IV 384, 419.
Мария-Терезия (королева, королевино величество), жена Людовика XIV 252, 295—297, 436, 439.
Мария Тюдор (Мария Кровавая, Марья), английская королева 121, 394, 400, 408.
Мария Хастин (Хастинс, Хантис, Хунтинса) см. Мэри Гастингс.
Мартин (Мартын), английский купец 110, 113, 120, 127, 145—147, 391.
Мартин Бельский 372.
Мартын см. Мортин, Мартин.
Марына см. Марина.
Масальский К. 355, 426, 427, 430, 432.
Масленикова Н. Н. 425.
Матфей (Матвей, Мотвей), еванг. 210, 211.
мать Георга Перссона 58, 368, 369.
Махмуд (Магмут-паша), турецкий саяновник 89, 384.
Мачернин см. Константиин Мачернин.
мачеха Эрика XIV 367.
Мелания (Меланья), св. 214.
Мелхей, пасынок Левана II 216.
Мейнерс см. Эдуард Меннерс.
Меркурий, св. 214.
Меррик см. Джон Меррик, Джильс Меррик, Уильям Меррик.
Мещерский, русский посол 380.
Микель Анджело, итальянский скульптор 340.
Микита Мамин см. Никита Мамин.
Микифор, посол 426.
Микулаз, мегрельский архимандрит 220—222.
Микулин см. Григорий Иванович Микулин, Григорий Микулин, Андрей Микулин.
Минквиц, германский посол 382.
Мириан, восточно-грузинский царь 423.
Мисаил, св. 210.
Митрофан, мегрельский митрополит 217, 219, 221, 225, 423.
Михаил, св. 416.
Михаил архангел, библ. 208.
Михаил Вишневецкий, польский король 440.
Михаил (Михайла) Федорович, царь 206, 208, 212, 213, 215, 217, 220—224, 418, 419, 422.
Михаил (Мишка) Черкашенин, казачий атаман 370.
Михаил Яковлевич Русалка, русский посол 325, 326.
Михаил Яковлевич (Яковлич) Морозов, боярин 19, 22, 27, 38, 42, 49, 327, 362.
Мольер Ж. Б. 335, 437.
Монуйла см. Мануил.

- Морлей (очев. — Эдуард Паркер, барон Морлей), английский придворный 140, 142, 398.
- Морозов см. Михаил Яков. Морозов.
- Мортин (Мартын), шведский чиновник 12—14.
- Мотвей см. Матфей.
- Мотякин см. Иван Мотякин.
- Мрат-солтан см. Мурад IV.
- Мстиславский И. Ф. см. Иван Мстиславский.
- Мугабеги, турецкий сановник 89.
- Мукат-ази, турецкий сановник 89.
- Мунтику (очев. — Антони Браун, виконт Монтегю), английский придворный 114, 115, 118, 392.
- Мунье, француз 432.
- Мурад III (Мурат-салтан, Турский), сын Селима II, вполн. султан 88, 148, 186—189, 193—196, 375, 384.
- Мурад IV (Мурат, Марат, Мрат-солтан), турецкий султан 216, 218, 423.
- Мустофа, крымец 85.
- Мустофа-паша, турецкий сановник 89.
- Мутаггер, предводитель восстания арабов 383.
- Мухамед IV (турецкий салтан) 314, 441.
- Мухаммед, основатель религии ислама 377.
- Мухаммед-Гирей, крымский хан 385.
- Мухаммед Соколы (Соколлу, Соколович, Маамет-паша, Мамет-паша), турецкий государственный деятель 72—80, 84—86, 88—91, 93, 94, 96, 375, 376, 379, 384, 385.
- Мухаммед (Маамет, Мамет) Чилибей, турецкий купец 72, 73, 86, 94, 376.
- Мышецкий см. Ефим Мышецкий.
- Мэннерс см. Роджер Мэннерс.
- Мэри Гастингс (Хастингс, Мария Гастингс (Хастин, Хастинс, Хантис, Хунтинса), княжна Хунтинского), дочь Генри Гастингса 149, 152—155, 390, 393, 396, 401, 402.
- Нагай Сеундюков, служилый татарин 67, 373.
- Нагой см. Афанасий Федорович Нагой.
- Наиборский князь см. Нейбургский пфальцграф.
- Наумов см. Василий Иванович Наумов, Богдан Наумов.
- Нафит-царевна, сестра Селима II 84.
- Нащокин, русский посол 414.
- Невиль де см. Николая де Невель.
- Невиль см. Генри Невиль, Чарльз Невиль.
- Неизвестный, автор „Журнала путевого“ 338—341.
- Нейбургский пфальцграф (Наиборский князь) 313, 440.
- Неклюдов А. 378.
- Ненила, девица из Иерусалима 218.
- Непоя Григорьев, русский посол 121, 139, 394, 398.
- Неудача Ховралев, русский посол 100—131, 134—143, 145—149, 348, 357, 386, 387, 390, 391, 393, 396, 398, 400, 401, 404.
- Нечай Башмаков, донской атаман 98.
- Нечай Гамаров, русский переводчик 16—18, 50—52, 367.
- Никита, св. 214.
- Никита (Микита) Мамин (очев. — житель Азова) 64, 65.
- Никита Романов, боярин 163, 405.
- Никита Фуников (Н. А. Фуников-Курцев), русский государственный деятель 7, 72, 359, 375.
- Никитин см. Афанасий Никитин.
- Николай (Никола), св. 211, 214, 345.
- Николя де Невель герцог Вильюра (Вильро), французский дипломат и военачальник 263, 436.

- Нилиш см. Нильс Гюлленшерна, Нильс Стуре.
- Нилшь Гулден, Нилш Гулденстерн см. Нильс Гюлленшерна.
- Нилшь Рюник, шведский придворный 31, 32.
- Нильс Гюлленшерна (Нилш (Нилшь, Нилиш) Гулденстерн, Гулден), шведский государственный деятель 10, 11, 18, 31, 32, 38, 39, 41, 43, 44, 46, 47, 49, 56, 57, 358, 360, 365, 366.
- Нильс Стуре (Нилиш), шведский сановник 17, 361, 362.
- Новосельский А. А. 371, 374, 409.
- Новосильцев см. Иван Новосильцев, Иванов сын.
- Нозырь, должностное лицо в Кафе 69, 95, 373.
- Ноллис см. Фрэнсис Ноллис.
- Норис (очев. — Генри Норрис), английский придворный 114, 115, 118, 392.
- Норт, английский сановник 119, 394. См. также Норф, Джон Норт, Роджер Норт, Томас Норт.
- Нортемберленд см. Генри Перси.
- Нортумбардланд, князь (очев. — Генри Перси граф Нортемберленд), английский сановник 119, 394.
- Норф (Джон Норт, Роджер Норт или Томас Норт), английский дипломат 136, 137, 397.
- Носович Д. П. 417.
- Нотимган см. Чарльз Хауорд.
- Обоза, кабардинский князь 208, 420.
- Обрам Густеев см. Абрам Густавсон Стейбок.
- Oderborn P. 375.
- Ок Бентеев, шведский придворный 12.
- Оксеншерна см. Габриэль Христерсон.
- Оксинья Борисовна см. Ксения Борисовна.
- Олегики, Олгук, Олгука см. Алегук Ильбаков.
- Александр, сын Левана II 216.
- Олена см. Елена Ивановна.
- Ондрей, мегрельский епископ 208—210, 212, 214—216, 222, 224, 225.
- Ондрей Васильев см. Андрей Васильев.
- Ондрей Гастин, лорд и ерль Хунтинтинский см. Генри Гастингс.
- Ондрей Грот, переводчик 161, 164, 177, 178, 190, 194, 201, 202, 204, 354, 355.
- Ондрей Каря, лорд Ундунчской см. Генри Кэйри.
- Ондрей Критцкой см. Андрей Критский.
- Ондрей Лей см. Генри Ли.
- Ондрей Первозванной см. Андрей Первозванный.
- Ондрей Шерефединов см. Андрей Шерефединов.
- Ондрей Щелкалов см. Андрей Щелкалов.
- Онтои дои см. Антони Ширли.
- Ордын-Нащокин см. Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин.
- Орсии см. Вирджинию Орсии.
- Ортеми см. Артемий.
- Осип 211.
- Осип Супоиев, должностное лицо в Архангельске 156.
- Отажук-мурза, кабардинский феодал 207.
- Офонасей Власиев см. Афанасий Власиев.
- Офонасий Нагой см. Афанасий Федорович Нагой.
- Павел Захарьев, член посольства Елчина 206, 208, 209, 214, 218, 224—226, 419.
- Павлов А. С. 324.

- Пантелей Юрьев см. Бертель Юренсон.
Пантелеймон (Понтелимон), св. 210.
Панфилий, римский аристократ 340.
Парадайзер см. Георг Парадайзер.
Паркер см. Эдуард Паркер.
Паркин (очев. — Кристофер Перкинс),
английский придворный 174, 409.
Пей де, французский пристав 262, 284,
297, 298.
Пекот, должностное лицо г. Скарборо
104.
Пенелопа Девере, падчерица Роберта
Дадли 394.
Пер (Петр) Браге (Баг, Браг, Брагде),
шведский государственный деятель
11, 37, 38, 40, 41, 45, 360, 364,
365.
Пересветов см. Иван Пересветов.
Перкинс см. Кристофер Перкинс.
Перкулы-бек см. Пир-Кули.
Перри см. Уильям Перри.
Перси см. Генри Перси.
Перссон см. Георг Перссон.
Пертав-паша, турецкий сановник 74,
75, 89, 376, 384.
Петер Састорп, немецкий купец 361.
См. также Петершаш.
Петершаш (очев. — Петер Састорп),
заморский купец 17, 361.
Петр Баг см. Пер Браге.
Петр Бориславич, русский посол
323.
Петр Браг (Брагде) см. Пер Браге.
Петр Ибаков, служилый татарин 373.
Петр Иванович Потемкин, русский
посол 227—269, 271, 273—315, 329,
334, 355—357, 426, 427, 429—439.
Петр Магнушев, шведский придвор-
ный 46.
Петр I, император 335, 337—339, 341,
426.
Печеви см. Ибрагим Печеви.
Пиале (Пиала-паша), турецкий санов-
ник 89, 383, 384.
Пикок см. Роберт Пикок.
Пир-Кули (Перкулы-бек), иранский
посол 188, 413, 414.
Писемский см. Федор Андреевич
Писемский.
Платонов С. Ф. 370.
Племянников см. Владимир Племян-
ников.
Плещеев, русский посол 378.
Полиевктов М. 418, 419, 421—424, 426.
Полисон (Полисен), английский купец
110, 113, 127, 136, 139, 391.
Полтев см. Семен Полтев.
Помпони де, французский представи-
тель в Гааге 437.
Понтелимон см. Пантелеймон.
Попов А. 324.
Попхэм (чиф джестес), английский
сановник 179, 180, 410.
Посник Изюсков, член посольства
Новосильцева 79.
Поссевино, папский посол 388, 393,
395.
Потап, мегрельский придворный 221,
222.
Потемкин см. Петр Иванович Потем-
кин, Степан.
Празновский, польский архиепископ
440.
Проваторх, св. 214.
Провизионалли, германский посол 382.
Прокопий, св. 210.
Пушечников см. Третьяк Пушечников.
Пушка, кабардинский дворянин 207.
Райдер см. Уильям Райдер.
Райотсли см. Генри Райотсли.
Рамбо А. (Rambaud A.) 436, 437.
Рамозан, мегрельский придворный
222—224.

- Рандольф см. Томас Рандольф.
- Рантцау, датский военачальник 363.
- Реджинальд Грей, граф Кент (Ренолд Кгре), английский сановник 137, 394, 406. См. также Грей, князь Кент.
- Резван-чауш (Резван Чеуш), турецкий посол 193, 414.
- Ренолд, английский придворный 127.
- Ренолд Кгре, ерль Кенской и лорд Руфинской см. Реджинальд Грей.
- Ржевский см. Елизарий Леонтьевич Ржевский.
- Read С. 392.
- Rydberg 358.
- Рич см. Роберт лорд Рич.
- Ричард Джеймс 414.
- Ричард Ли (Рыцарь Лей), английский посол 157, 184, 404, 408, 412, 417.
- Ричард Ченслер, английский моряк 387, 394.
- Ричард II, английский король 411.
- Роберт (Роман) Бекман, голец и переводчик 107, 109, 116, 127, 390.
- Роберт Девере, граф Эссекс (эрль, (эрл, ерль) Эксетцкой, лорд Эксетцкой), английский политический деятель 179—181, 194, 330, 406, 407, 410—412, 414.
- Роберт Дэдли, граф Лейстер (Роберт Лейстер, Робор (Робер) Лестерской, Робор Дудли), английский государственный деятель 115, 119—121, 128, 130, 137, 392, 394, 411, 414.
- Роберт Пикок, купец 391.
- Роберт лорд Рич (Рыч), английский сановник 119, 394.
- Роберт Рэдклифф, граф Сассекс (Су-секс), английский придворный 198, 200, 202, 352—354, 416.
- Роберт Сесиль (Робор Сысель), английский государственный деятель 168—170, 180, 406, 407, 410.
- Роберт Сетон, граф Винтон, английский сановник 394. См. также князь Вилтон.
- Роберт Ширли, сын Томаса Ширли 415.
- Роберт Якоби (Роман Романов, Роман Елизарьев), английский врач 109, 142, 149, 390, 391.
- Робор Врах, ловчий королевы Елизаветы 197, 198.
- Робор Дудли, ерль Лестерской и Дед-бихской см. Роберт Дэдли.
- Робор (Робер) Лестерской см. Роберт Дэдли.
- Робор Сысель см. Роберт Сесиль.
- Роде см. Карстен Роде.
- Роджер Мэннерс, граф Рэтланда (Роклин), английский политический деятель 180, 410.
- Роджер Норт, английский дипломат 397. См. также Норф, Норт.
- Роклин см. Роджер Мэннерс.
- Роксолана см. Хуррем.
- Роман Бекман см. Роберт Бекман.
- Роман Романов см. Роберт Якоби.
- Роман Эглин (Эгмин), переводчик 227—229, 237, 298, 428.
- Романов см. Никита Романов.
- Ромодаиовский, русский военачальник 426.
- Россель см. Уильям Россель, Эдуард Россель.
- Ростислав, князь 322.
- Ростом (Рустем-хан, Урустам), карт-лийский царь 211, 420, 421.
- Рот де см. Люд де.
- Рофлянт (очев. — Эдуард Мэннерс граф Рэтланда), английский придвор-ный 114, 115, 392.

- Рохманин Воронов, подьячий 156.
Руделф см. Рудольф II.
Рудольф, моравский барон 184.
Рудольф II (Руделф, цесарь, цысарь), германский император 148, 185—187, 189, 193—197, 400, 401, 412, 413.
Румянцев см. Семен Румянцев.
Rühs 361.
Русалка см. Михаил Яковлевич Русалка.
Рустем-хан см. Ростом.
Рыцарь Лей см. Ричард Ли.
Рыцарь Юрьев, английский купец 156, 157.
Рыцерь Разсон, английский моряк 103.
Рыч см. Роберт лорд Рич.
Рыцарь Ален, английский придворный 113.
Рэдклифф см. Роберт Рэдклифф, Томас Рэдклифф.
Рязанов см. Собаня Рязанов.
Ряполовский см. Семен Иванович Ряполовский.
- Садиков П. А. 351, 371, 372, 374, 387.
Сайнбулат-царь, мусульманин на русской службе 77.
Саквелд см. Томас Сэквилль (сын).
Саксен-Люнебургский, герцог 360.
Саламет Гирей (Саламет-Кирей), наследник Казы-Гирея 192, 414.
Санпе де, комендант Байонны 428.
Санпей де (де Сенпей, очев. — де Санпе), должностное лицо г. Байонны 227, 230, 232—235, 238, 270, 285, 428.
Санчилибей, турецкий сановник 89.
Састорп см. Петер Састорп.
Сахаров И. 324.
Сахиб-Гирей, крымский хан 380.
- Сванте Стуре (Швант), шведский сановник 17, 361, 362.
Сеймур см. Эдуард Сеймур.
Селим II (Селим-салтан, государь, салтан, Турский), турецкий султан 63, 67—98, 357, 369, 373—379, 381—385.
Семен Алмазов, русский посол 428.
Семен Иванович Ряполовский, русский посол 325, 326.
Семен Мальцев, русский гонец 327, 371, 372.
Семен Полтев, русский гонец 101.
Семен Румянцев (Румянцов), русский посол 227—246, 248—265, 267—269, 271, 274, 276—280, 282—290, 294—302, 305—312, 314, 315, 356, 426—428, 430, 435.
Семен Яковлев, английский купец 159.
Семен-мурза, астраханец 67.
Семион Алексеевич см. Симеон Алексеевич.
Сейс см. Уильям Сэндис.
Сенпей де см. де Сеипей.
Сентлук де, де Сентлюк см. Франсуа д'Эпинье.
Сенто де (де Сент), французский придворный 262, 432, 436.
Серебряный П., русский военачальник 372.
Середонин 405.
Сесиль см. Уильям Сесиль, Роберт Сесиль.
Сесиль Р. см. Роберт Сесиль.
сестры Эрика XIV 367.
Сетон см. Роберт Сетон.
Сеуфгамтен см. Генри Райотсли.
Сефевиды, династия 419.
Сефер, комендант Азова 63—65, 96, 370.
Сефи (Софей), иранский шах 217, 423.
Сибанея Резанов см. Собаня Рязанов.

- Сигизмунд Баторий (Жигмундус Батура), трансильванский князь 412, 413.
- Сигизмунд Ваза см. Сигизмунд III.
- Сигизмунд II Август (Жигмонт Август, польский король) 19, 22, 25—27, 35, 38, 39, 41, 42, 44, 45, 47, 49, 56, 57, 82, 86, 87, 95, 97, 363, 366, 381.
- Сигизмунд III (Ваза), польский король 408, 413.
- Сидор Чечюкин, житель Азова 96, 97.
- Сидоров см. Андрей Сидоров.
- Сильвестр, английский посол 393.
- Симан Бушман (Бужбаш), шведский пристав 7, 20, 62.
- Симеон, суздаальский иеромонах 324.
- Симеон (Семион) Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича 260, 303.
- Симеон Бекбулатович („великий князь всея Руси“) 393.
- Симон, гурийский князь 211, 420.
- Синан-бег, зять Касим-бега 69.
- Синан-паша, турецкий военачальник 383.
- Сицкий, астраханский воевода 409.
- Скомер Смит, английский купец 120.
- Скуратов см. Малюта Скуратов.
- Смирнов В. Д. 375, 377, 380, 384.
- Смирнов И. И. 399, 403.
- Смиринов Н. А. 373, 377, 385.
- Смит см. Скомер Смит.
- Собаня (Сибанея) Рязанов (Резанов), служилый татарии 67, 71, 373.
- Совии, русский посол 391.
- Соколи см. Мухаммед Соколи.
- Солиман см. Сулейман II.
- Сомерсет, английский государственный деятель 397. См. также Эдуард Сомерсет, William Somerset.
- Софей см. Сефи.
- Спиридон, св. 211.
- Срезневский И. И. 373, 377.
- Стен Банер, шведский сановник 361.
- Стен Стуре младший, правитель Швеции 361.
- Стен Стуре старший, правитель Швеции 361.
- Стен Эрикссон Лейонхувуд (Штень Ириков, Штен), шведский государственный деятель 8, 9, 11—13, 17, 18, 21, 46, 47, 55, 359—364, 366.
- Стенбок см. Абрам Густавсон Стенбок.
- Стенли см. Генри Стенли, Уильям Стенли, Эдуард Стенли.
- Степан (С. П. Потемкин) 257, 258, 297.
- Стефан, св. 214.
- Стефан Баторий (Литовский король), польский король 109, 122, 144, 148, 366, 390, 395, 401, 412, 413.
- Стрыйковский 372.
- Стуре см. Нильс Стуре, Сванте Стуре, Стен Стуре, Эрик Стуре.
- Стюарт см. Уильям Стюарт.
- Сугорский, русский посол 349, 350.
- Сулейман II Великолепный (Солиман, Сулейман-салтан), турецкий султан 80—82, 86, 87, 374, 375, 379—383.
- Сулеш, крымский мурза 70, 71, 375.
- Сулешевы (Сулешовы), потомки мурзы Сулеша 373, 374.
- Сусекс см. Роберт Рэдклифф.
- Супонев см. Осип Супонев.
- Сьявуш-ага (Сьяуш-ага, Яуш-ага), командир янычар 75, 78, 89, 357, 377.
- Сыросечковский В. Е. 370.
- Сысьяуш-ага, турецкий сановник 89.
- Сэквилль см. Томас Сэквилль.
- Сэндис см. Уильям Сэндис.
- Тавей, мегрельский посол 212, 216, 222.
- Тамас Иванов, английский купец 106.
- Тарановский, польский посол 372, 381.

- Тверитинова А. С. 372.
- Тевкел-царь, правитель Казахской орды 174.
- Теймураз I, кахетинский царь 418, 419, 422—424.
- Темгрюк (Темрюк) Айдарович, кабардинский князь 90, 370, 384.
- Теним, астраханец 67.
- Теребердеев, астраханец 67.
- Тимофей Топорковский, переводчик 332.
- Тинехмат (Дин-Ахмед), ногайский князь 70, 374, 380.
- Товринов см. Васька Товринов.
- Толочанов Н. М., русский посол 418, 421—424, 426.
- Толстой Н., русский государственный деятель 338, 341—346.
- Толстой Ю. В. 390, 391, 393—398, 405.
- Томас Брумлей (Томос Брумлей), английский государственный деятель 153, 154, 402.
- Томас Гавард см. Томас Хауорд.
- Томас Ли, сподвижник Эссекса 411, 412.
- Томас Норт, английский дипломат 397. См. также Норф, Норт.
- Томас Ондреев, английский купец 159.
- Томас Рандольф (Томос Рандолф), английский дипломат 111, 113, 114, 118, 136—138, 142, 145, 152—155, 391, 398.
- Томас Рэдклифф, граф Сассекс (Томас Ралеф), английский сановник 137, 397, 416.
- Томас Сассекс см. Томас Рэдклифф.
- Томас Сесиль, лорд Бэрли (Бурли), английский придворный 169, 407.
- Томас Сэквилль, барон Бэкхерст (Бокъгорст, трезерь), английский сановник 167, 169, 406, 409.
- Томас Сэквилль-сын (Саквелл), английский придворный 173, 187, 189, 409, 413.
- Томас Хауорд (Томас Гавард), английский сановник 169, 407.
- Томас Ширли-старший (Томас Шерли), английский политический деятель 194, 411, 415.
- Томас Ширли, сын Томаса Ширли-старшего 415.
- Томас Эджертон (лорд-кипер), английский сановник 169, 180, 407, 410.
- Томос Брумлей см. Томас Брумлей.
- Томос Ралеф, ерль Сусикской см. Томас Рэдклифф.
- Топорковский см. Тимофей Топорковский.
- Тоуэрсон (Тоорсен), английский купец 110, 391.
- Третьяк, член посольства Сугорского 350.
- Третьяк Пушечников, русский гонец 43, 366.
- Тур Петров, шведский придворный 8, 9, 12—15, 364.
- Уазнамизи, турецкий сановник 89.
- Уильяс (Вилис), английский врач 171, 203, 407, 408.
- Уильям Комтон, граф Нортхэмптон, английский придворный 397.
- Уильям Меррик, английский купец 403.
- Уильям Перри, спутник Антони Ширли 415.
- Уильям Райдер (лундский лорд мер), лорд мэр Лондона 171, 178, 410.
- Уильям Россель, английский сановник 399, 404, 409. См. также Улььян Розсей.
- Уильям Сесиль, лорд Бэрли (Улям Сисель, казначей трезерь), английский государственный деятель 115, 137, 391, 393, 394, 397, 406, 407.

- William Somerset, earl of Worcester, английский сановник 397.
- Уильям Стеили, граф Дерби (Дарбей), английский сановник 169, 198, 200—202, 349, 352—354, 407, 416.
- Уильям Стюарт, шотландский посол 397.
- Уильям Сэндис (Сенс), английский политический деятель 180, 410.
- Уильям Хауорд, сын Чарльза Хауорда, барона Эффингема 416. См. также Ефимган, Ипенга.
- Уильям Херберт, вполс. — граф Пемброк, английский придворный 405. См. также Харберт Пенброк.
- Уитгифт см. Джон Уитгифт.
- Ульян Бекетет, английский моряк 147.
- Ульян Розсей (очев. — Уильям Россель), английский сановник 159, 160, 404.
- Ульян Фомин, английский купец 100.
- Улям Гарвей, ерль Урстюской, английский сановник 137, 397.
- Улям Сисель, князь и лорд Бурлевский см. Уильям Сесиль.
- Умной-Колычев, русский посол 328.
- Унтинтон, князь Унтюнтенской см. Генри Гастингс.
- Унчъдон см. Генри Кэйри.
- Уолсингем см. Фрэнсис Уолсингем.
- Уранба, кабардинский дворянин 207.
- Урбановский (Урбановской), доминиканский монах 244, 262, 272, 282, 287, 294, 295, 298, 433, 437.
- Урус-мурза, брат Тинехмата 85, 380.
- Урустам см. Ростом.
- Устерь см. Эдуард Сомерсет.
- Федор Андреевич Писемский, русский посол 100—131, 133—143, 145—155, 328, 330, 348, 351, 356, 357, 386, 387, 389—393, 395—407, 409, 411, 412, 416.
- Федор (Федька) Баженов, член посольства Елчина 206.
- Федор Борисович, сын Бориса Годунова 161, 165—167, 173, 174, 186, 190, 199—203, 353—355.
- Федор Иванович, сын Ивана IV, вполс. царь 116, 151, 166, 174, 188, 192—194, 203, 394, 399, 405—408, 414, 415, 417.
- Федор Калмак, гонец П. И. Потемкина 311.
- Федор Стратилат см. Феодор Стратилат.
- Федот Елчин, русский посол 206—209, 211—225, 331, 355—357, 417—421, 423, 425.
- Фекла, св. 210.
- Феодор Алексеевич, сын царя Алексея Михайловича 260, 303.
- Феодор (Федор) Стратилат, св. 208, 210.
- Феодор Тирон, св. 210.
- Фердинандо Гордж, сподвижник Эссекса 410.
- Фернандо II, герцог Медичи (князь флоренский) 313, 440.
- Филип см. Филипп II.
- Филип Гаворд, ерль Сурийской и Арандерской см. Филипп Хауорд.
- Филипп, герцог Анжуйский (королевич), сын Людовика XIV 240, 241, 295—297, 432, 436.
- Филипп, герцог Орлеанский (князь Арлянский), брат Людовика XIV 245, 313, 433, 436, 440.
- Филипп Хауорд, граф Эрандель (Филип Гаворд, Георд), английский сановник 115 (?), 119 (?), 137, 393, 396, 407.
- Филипп II (Филип), испанский король 121, 376, 383, 388, 393, 394, 398, 400, 410.

- Филипп IV, испанский король 312, 426, 427, 432, 439.
- Филофей, русский публицист XVI в. 425.
- Фома, русский поп 326.
- Форстен Г. В. 358, 363—369, 407.
- Фортеस्कью см. Джон Фортеस्कью.
- Франсуа д'Эпинье, маркиз де Санлюк (де Сентлук, де Сентлюк, державец), генеральный наместник Гвении 237, 238, 240—243, 431.
- Франциск I, французский король 381.
- Францыс Валсимгам см. Фрэнсис Уолсингем.
- Францыс Кнолцемис Кортез (очев. — Фрэнсис Ноаллис), английский сановник 119, 394.
- Французшка де Лира, испанский пристав 334.
- Froude J. A. 400.
- Фредерик, моравский барон 185.
- Фредерик Виндзор, английский придворный 398. См. также Винзор.
- Фремон де, французский коммерсант 431.
- Френчик Иванов см. Фрэнсис Черри.
- Фридрих-Вильгельм, прусский курфюрст 428.
- Фридрих II, датский король 387.
- Фристофор Петров см. Христофор Петров.
- Фрэнсис Ноаллис, английский политический деятель 394. См. также Францыс Кнолцемис Кортез.
- Фрэнсис Россель, граф Бедфорд (ерль Бедфорский), английский сановник 114, 119, 137, 392, 404, 409.
- Фрэнсис Уолсингем (Францыс Валсимгам), английский государственный деятель 114, 115, 119—121, 138, 391—394.
- Фрэнсис Черри (Фрянчик (Френчик) Иванов), английский купец 159, 161, 168, 170, 178—181, 198, 204, 205, 403—405, 410, 411.
- Фрянчик Иванов см. Фрэнсис Черри.
- Фрянцыс Русил, ерль Бедфорской см. Френсис Россель.
- Фуников-Курцев см. Никита Фуников.
- Хадберд, ерль Пенбрукской см. Геири Герберт.
- Хакк-Назар (Ак-Назар), предводитель Казахской орды 70, 374.
- Халука-мурза (Хопука, Хопукин), кабардинский феодал 207, 226, 420.
- Харберт Пенброк (Гарбор, очев. — Уильям Херберт, вполс. — граф Пемброк), английский придворный 160, 161, 170, 405.
- Харламппий, св. 210.
- Хауорд см. Томас Хауорд, Уильям Хауорд, Филипп Хауорд, Чарльз Хауорд.
- Херберт см. Генри Херберт, Джон Херберт, Уильям Херберт.
- Хоби см. Эдуард Хоби.
- Ховралев см. Неудача Ховралев.
- Ходсдон см. Кристофер Ходсдон.
- Хопука, Хопукин см. Халука-мурза.
- Христиан IV, датский король 407, 408.
- Христиан V (дацкий король) 313, 428, 440.
- Христофор Кярлель, английский дворянин 100, 103, 104, 106—108, 109.
- Христофор (Фристофор) Петров, шведский придворный 46, 57.
- Христофор Хатен см. Кристофер Хаттон.
- Христофор Хучлон (очев. — Кристофер Ходсдон), гонец королевы Елизаветы 110, 111, 119, 391.
- Хундочь см. Генри Кэйри.

- Хунтийского князя см. Мэри Гастингс.
- Хуитинский (Хунтийский, Хуитинтийский), князь см. Генри Гастингс.
- Хуррем (Роксолана, царица), жена Сулеймана II 87, 381.
- Хусейн Али-бек (Исен-Алей, шахов посланник), иранский посол 194—197, 199, 414.
- Цате, лазский (западногрузинский) царь 423.
- Zinkeisen J. W. 378, 379.
- Цир, агент германского императора 372.
- Чаев Н. С. 425.
- Чарлес Хаорд, лорд Ефингенской см. Чарльз Хауорд.
- Чарльз Денверс, сподвижник Эссекса 411.
- Чарльз Невиль, граф Вестморленд, английский сановник 394.
- Чарльз Хауорд, барон Эффингем, граф Ноттингем (Георд, Карлус Георд, Чарлес Хаорд, Нотимган), английский сановник 115 (?), 119 (?), 128, 130, 137, 169, 393, 406, 407, 416. См. также Ипенга.
- Чарльз Хауорд, сын Чарльза Хауорда, барона Эффингема 416. См. также Ефимган, Ипенга.
- Чарыков Н. В. 352, 403.
- Чемберлен, фамилия английских дворян 406. См. также Джон Чемберлен.
- Chamberlain J. см. Джон Чемберлен.
- Чемоданов, русский посол 333, 342.
- Чени, английский сановник 119, 394.
- Ченслер, английский посол 398. См. также Ричард Ченслер.
- Черри см. Фрэнсис Черри.
- Чечюкин см. Сидор Чечюкин.
- Чилибей, турецкое высокопоставленное духовное лицо 89.
- Чиалибей, турецкий пристав 72, 73, 93.
- Чилибей см. Мухаммед Чилибей.
- Шамуа, французский придворный 435.
- Шарден (Chardin), французский путешественник 417, 422, 424.
- Charrière 380, 381.
- Швант см. Сванте Стуре.
- Шевригин, русский гонец 398.
- Шекспир В. 405, 409, 410.
- Szelagowski 390.
- Шереметьев см. Борис Петрович Шереметьев.
- Шерефединов см. Андрей Шерефединов.
- Шидловский, польский магнат 336.
- Ширли см. Антони Ширли, Роберт Ширли, Томас Ширли.
- Ширый, русский гонец 371, 386.
- Шлихтинг 375.
- Шресбери (Шрозбори), английский сановник 169, 407.
- Штаден 375.
- Штень Ириков, Штен см. Стен Эрикссон.
- Шуйские, бояре 163, 405.
- Шуйский И. П., русский политический деятель 406.
- Щелкалов см. Андрей Щелкалов, Василий Щелкалов.
- Ыван см. Иван Новосильцев.
- Ывашко см. Иван Зиновьев.
- Эбу-сууд-Эфенди („патриарх“), „великий муфтий“ 89, 384.
- Эджертон см. Томас Эджертон.
- Эдуард де Вер, граф Оксфорд, английский сановник 406, 407.

- Эдуард Клинтон, граф Линкольн (ерль Линконской, Клинтон, Клинтов), английский сановник 114, 119, 128, 130, 137, 392.
- Эдуард Меннерс, граф Рэтланд, английский придворный 392. См. также Рофлянт.
- Эдуард Паркер, барон Морлей, английский придворный 398. См. также Морлей.
- Эдуард Россель, граф Бедфорд (Бет-форт), английский придворный 175, 177, 178, 409.
- Эдуард Сеймур, граф Хертфорд (Едвард Семер), английский сановник 138, 397.
- Эдуард Сомерсет, граф Устер (Устерь), английский сановник 169, 407.
- Эдуард Стенли, английский сановник 397.
- Эдуард Хоби, английский дипломат 406. См. также Елизарей Хоби.
- Эдуард VI (Едвард), английский король 121, 394, 397.
- Эйлоф см. Иогани Эйлоф.
- Эксетцкой (лорд Эксетцкой), эрль (эрл, ерль) см. Роберт Девере.
- Элеонора, сестра Леопольда I 440.
- Элистан, кабардинский провожатый 224, 226.
- Эльбуздук, кабардинский посол 222.
- Эмброз Дядли, граф Уорик (князь из Варвик, Абрис Дудли), английский сановник 119, 137, 394.
- Энгисенский, герцог, претендент на польский престол 440.
- Эпинье см. Франсуа д'Эпинье.
- Эрандель см. Филипп Хауорд.
- Эрик Стуре (Ирик), шведский сановник 17, 361, 362.
- Эрик XIV (Ирик, король, государь), шведский король 7—60, 329, 330, 358, 360—369.
- Эрскин см. Джон Эрскин.
- Эссекс см. Роберт Девере.
- Юган Пуклер, шведский придворный 55.
- Юнус Нилишев, шведский придворный 12.
- Юрий, дядя Левана II 215, 216.
- Юрий, пасынок Левана II 216.
- Юрий Долгорукий, князь 322.
- Юрьи Артер см. Юрьи Яртер.
- Юрьи Герт см. Юрьи Яртер.
- Юрьи Петров см. Георг Перссон.
- Юрьи Финк (Финик), шведский придворный 7, 12, 13, 15.
- Юрьи Яртер (Ярт, Артер, Герт), шведский придворный 7, 8, 11, 12, 41, 45.
- Юхан см. Иогани III.
- Яган см. Иогани III.
- Ягеллон см. Анна Ягеллон, Людовик Ягеллон.
- Яков Перский см. Иаков Перский.
- Якоби см. Роберт Якоби.
- Яков Арбил, член шотландского посольства 138, 397.
- Яков VI (Якуб-король, государь, James), шотландский король 138, 181, 182, 185, 189—193, 397, 411.
- Ян Болдуй, крымский посол 385.
- Ян де Валле (Иван Белобород), антверпенский купец 101—103, 143, 144, 388, 390.
- Ян Замойский (Замозский), польский государственный деятель 186, 189, 412, 413.
- Ян Заполя, венгерский магнат 382.
- Ян Казимир (королевское величество), польский король 428, 429, 440.
- Ян-Сигизмунд Заполя, трансильванский князь 382.
- Ян Собесский, польский король 336.
- Яуш-ага см. Сьявуш-ага.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

абазинцы (абазы), народность 174, 420.

См. также обазы.

Аббевиль (Абевиль), город 299, 439.

Або (Абов), город 62.

Австрия (Австрийская империя) 439, 440.

Аглинская земля, Аглинское государство, королевство см. Англия.

агличане, аглинцы см. англичане.

Адриатическое море 342.

Адур, река 431.

Азербайджанская ССР 377.

Азов (Озов), город 63—67, 71, 76, 83, 84, 88, 89, 94—98, 193, 370—372, 384, 414, 416. В нем — „судебня“ 64.

азовские жильцы (жители Азова) 96.

Азовский санчак 96.

азовцы (азовские люди, Айдаровы люди), гарнизон Азова 96—98.

азстроханцы, жители Астрахани 85, 380.

Азстрохань см. Астрахань.

Аинтлепер Мес Блей (очев. — Санлежер Мель), местечко 243, 433.

айдаровы люди см. азовцы.

Айрон см. Ируи.

Аксай, река 370.

Аксайская, станица 370.

Албрехт см. Олдборо.

Алексаидровская слобода 358, 365.

Алеструя, деревня 237.

Алферд см. Орфорд.

Альпы, горы 336.

Амасья (Амасы), город 88, 384.

Амбуаз (Амбуес), город 244, 433.

Амстердам (Амстрадам, Омстрадам, Остродам), город 299, 302—305, 307, 308, 313, 340, 438. В нем — посольский двор 302.

Анатолия (Ондольская земля), провинция 83, 380. См. также Малая Азия.

Амбуес см. Амбуаз.

англичане (агличане, аглинцы), народ 102, 106, 107, 133—135, 143, 144, 388, 390, 396, 400, 403, 405. См. также немцы.

Англия (Ангилея, Ангилейская земля (государство, королевство), Аглинская земля (государство, королевство)), страна 100—104, 107, 108, 110, 112, 117, 122, 123, 129, 133—135, 139, 141, 147—149, 156—159, 176, 179, 180, 182, 185, 193, 194, 196, 197, 273, 274, 313, 330, 348, 351—353, 386, 388—404, 408—410, 417, 437, 439—444; северная Англия 388; юго-восточная Англия 417; восточное побережье Англии 388, 389, 404.

Апсал (Хапсалу), город 387.

- Апсалим см. Упсала.
арабы, народ 382.
Аравия (Арапская земля), страна 88, 383; южная Аравия 383.
арапы (очев. — арабы), народ 87, 88, 382, 383.
Арлианс, Арлиянс см. Орлеан.
Арнауткой, поселение 376.
Архангельск (Архангельский (Орхангельский) город) 156—158, 205, 265, 277, 278, 304, 333, 334, 387, 389, 403, 404, 426, 436, 437.
Арчма (очев. — Ричмонд), село 118, 393.
Асторонь см. Астрахань.
Астрабадская крепость 423, 424.
астраханская дорога 377, 385.
Астраханское (Астроханское) царство 191.
астраханцы, подданные Астраханского ханства 50.
Астрахань (Астрохань, Азстрохань, Асторонь), город 64—68, 70, 71, 75—77, 80—86, 91, 93, 95, 98, 193, 207, 226, 327, 351, 357, 370—374, 377, 380, 381, 384—386.
Аталиянская земля см. Италия.
Атами см. Этамп.
Аупум (очев. — Пон), город 243, 433.
Багдат (Богдат), город 216, 423.
Байонна (Байон), город 227—235, 237, 238, 248, 269, 270, 284, 285, 298, 428, 430, 431.
Балатон, озеро 412.
Балтийское море 391.
Балтика 387, 426.
Бар, город 345.
барагуни, народность 174.
Барамаиские земли 143.
Барвык см. Бервик.
Баренцово море 404.
Бибек, поселение 376.
Бегобия, деревня 230.
Белгород, город 335.
Белгород (очев. — Белград), город 88, 383.
Белград, город 383. См. также Белгород.
Белое море 387. См. также Средиземное море.
Белоруссия (Белая Россия) 227, 246, 247, 250, 253, 255—257, 259, 260, 263, 269, 274, 282, 286, 288, 289, 291, 300, 302—304, 306, 311, 428.
Бельгия, страна 430, 439.
Бервик (Барвык), город 104, 388, 389.
Беркшайр, графство 390.
Беслан (Беслени), местность 90, 385.
Бискайская земля (страна басков) 334.
Бискайский залив 428, 431.
Блей см. Блэ.
Блуа (Дублей), город 245, 433.
Блэ (Блей), город 243, 433.
Бове (Бовес), город 299, 438.
Богдат см. Багдат.
Бодьжа, деревня 212.
Болгария, страна 378.
болгары, народ 384.
Болония см. Булонь.
Большая Ногайская орда см. ногаи.
Бомон (Бом), город 298, 438.
Бордо (Бурдой), город 231—233, 237—242, 246, 248, 270, 284, 285, 430, 432, 433.
Босния, провинция 378.
Босфор, пролив 375, 376.
Бошечуйская земля см. Имертия.
Бранденбург, провинция 440.
Булонь (Болония), город 299, 438.
Бур де Рень (Кролево), местечко 245, 246, 249, 280, 434.
Бурдой см. Бордо.
Бухара, город 377.

- Бухарское государство см. Узбекское государство.
- бухарцы, подданные Узбекского государства 76, 77, 92, 93, 377.
- Бэкингемшайр, графство 389, 390.
- Вадстена, город 367.
- Валахия (Волошская земля), страна 186, 195, 196, 412, 413.
- Валмарси, остров 7.
- Варгав см. Варде.
- Варде (Варгав), город 103, 104, 134, 388, 389.
- Варзуга, река 133, 134.
- Варшава, город 343, 345. В ней — королевское подворье 343.
- Васкесень, город 72, 376.
- Ватикан, государство 433.
- Везувий, гора 337.
- Великороссия (Великая Россия) 227, 246, 247, 250, 253, 255—257, 259, 260, 263, 269, 274, 282, 286, 288, 289, 291, 300, 302—304, 306, 311, 428.
- Вена, город 336, 337, 427.
- Венгерско-Чешское государство 412.
- Венгрия (Венгерское королевство, Угорская земля, Мадыры, Мохары), страна 195, 196, 379, 380, 382, 409, 415.
- венгры (мадыры, мохары), народ 382, 384, 416.
- Венеция (Венецианская республика, Венедих, Venedig), город и государство 88, 333, 337, 340, 342—344, 378, 380, 382, 383, 439, 440. В городе — площадь св. Марка 344.
- Венсен, резиденция французских королей 335, 437.
- Версаль, резиденция французских королей 335, 435.
- Верхняя Вьенна, департамент 433.
- Византия, город см. Стамбул.
- Византия (Византийская империя), страна 375, 385.
- Вилиа (Вильнюс), город 325.
- Виндзор (Вынзор), город 106, 108—110, 112—114, 118, 389—392.
- В нем — королевский двор 114.
- Висла, река 345.
- Вифлянская земля см. Ливония.
- Влешкараш, деревня 207.
- Волга, река 66, 98, 372, 374, 386, 409.
- Волго-Донской канал 380.
- Вологда, город 134, 144.
- Волошская земля см. Валахия.
- Восток (восточные страны) 433, 441.
- Восточногрузинское царство см. Картлия.
- Восточные земли 228, 246, 247, 250, 253, 256, 257, 263, 274, 282, 286, 289, 300, 302, 303, 308.
- Вулючь, Вулечь, Вулуч см. Улвич.
- Выборг (Выбор), город 22, 62.
- Выборской рубеж 42, 49.
- Вынзор см. Виндзор.
- Вышегород см. Лондон.
- Вьенна, департамент 433.
- Гаага (Гага), город 300, 302, 338, 437, 438.
- Галанская земля, Галанские Статы см. Голландия.
- Гаройна (Гороина), река 242, 431, 433.
- Гданьск (Гданеск, Данциг), город 109, 313, 390.
- Генуя, город 340, 341.
- Германия, страна 364, 400, 414. См. также Германская империя.
- Германская (Священная Римская) империя (Цесарская область, земля, государство) 182, 184—187, 189, 193—195, 313, 380, 382, 400, 401, 412, 415, 439. См. также Германия.
- Гиень, провинция 431.

- Голландия (Галанская земля, Галанские Статы), страна 102, 299, 300—305, 314, 339, 388, 437—439; Южная Голландия, провинция 438. См. также Нидерланды.
- Горона см. Гаронна.
- Гравзенд, Гравзевен см. Гревзенд.
- Градиньян, село 238.
- Гревзенд (Гравзевен, Гравзенд, Грявзенд), город 145, 146, 158, 159, 204, 205, 389, 399.
- греки, народ 325.
- Гренада, государство 376.
- Греновичи см. Гринвич.
- Гренючи, Гренючь см. Гринвич.
- Греция, страна 378.
- Гринвич (Греновичи, Гренючи, Гренючь), село 120, 136, 139, 140, 198, 352, 394. В нем — королевнин двор (хоромы) 120, 121, 124, 137, 140.
- Грузия (Грузинская земля, страна, Géorgie) 206, 218, 223, 355, 409, 417—425; Восточная Грузия (Иберия) 420, 421, 423; Западная Грузия (Лазика) 418, 419, 421—423.
- Грявзенд см. Гревзенд.
- Гуль (Жуль), город 105, 389.
- Гуль, река 389.
- Гурия (Гурийское княжество, Гурельское царство) 211, 218, 418, 421.
- Дагестан**, страна 420.
- Даданская земля см. Мегрелия.
- Дания, страна 337, 361, 363, 404, 408, 428, 438, 440.
- Данциг см. Гданьск.
- Датцкий рубеж 46.
- датчане (дацкие люди), народ 56, 101—103, 107, 388.
- Дацкая земля, часть Датского королевства, ныне Норвегия 104, 125, 149, 158, 388.
- дацкие люди см. датчане.
- Двина (Западная), река 307, 365.
- Двина (Северная), река 133, 134, 205, 387.
- Двинское устье (устье р. Северной Двины) 133, 134.
- Дежихи (Лежихи), деревня 215, 216.
- Дербент (Дербень), город 188, 193.
- Дерпт (Тарту) см. Юрьев Ливонский.
- Десна, река 370.
- Дидьянская земля см. Мегрелия.
- Дингль (Дингин), город 148, 400.
- Дон, река (в Англии) 389.
- Дон, река (в России) 65—67, 95, 98, 192, 193, 370, 372, 386.
- Донец Северский см. Северский Донец.
- Донкастер (Донк), город 106, 389.
- Дублей см. Блау.
- Дюнамюнде (Дюнемень), устье Западной Двины 43, 365.
- Дюссельдорф (Тысельдорф), город 313, 440.
- Европа (Еургоре), часть света 325, 332, 386, 404, 417, 432, 434; Западная Европа 380, 387, 439; южная Европа 380.
- европейские города (фрянские города) 86, 88, 328, 380.
- Египет (Мисюрская земля, Мисюрь, Мыср), страна 87, 383.
- Еминь, город 88, 383.
- Ерк см. Иорк.
- Ерусалим см. Иерусалим.
- Ескера, населенный пункт 207.
- Жахар**, деревня 211, 212.
- Géorgie см. Грузия.
- жиды (евреи), народ 50.
- Жиронда, департамент 430, 433.
- Жюги, населенный пункт 217.

- Заволочье** (Двинская земля) 387.
Закавказье, страна 418, 419, 424.
Замойск, город 336.
Западная Двина см. **Двина** (Западная).
Западные земли 228, 246, 247, 250, 253, 256, 257, 263, 274, 282, 286, 289, 300, 302, 303, 308.
Зеланд, остров 438.
Земись см. **Темза**.
Зигура, населенный пункт 220.
Зугдиди (Зубдиди), город 222, 418.
Зунд (Зунта), пролив 307, 438.
- Ивангород**, город 404.
Иверская земля 282.
Иемен, страна 383.
Иерусалим (Ерусалим), город 211, 218.
имертины, народность 422.
Имертия (Имертинское царство, Имерель, Бошечуйская земля), страна 218, 418, 420—422, 424.
Ингури, река 417.
Индия восточная 315, западная 315.
Инзор см. **Виндзор**.
Иоахимсталь, город 416.
Иорк (Ерк), город 105, 106, 389.
Иоркшайр, графство 388, 389.
Ирак, страна 423.
Иран (Персия, Персида, Персидское (Персидское) государство, Кизылбаш, Кизылбашская земля), страна 68, 80—82, 188, 193, 273, 314, 373, 379, 381, 413, 414, 420, 423.
иранцы (кизылбаши, персы), народ 373.
Ири, область 188.
Ирландия (Кибирская земля), страна 148, 400, 404.
Ирун (Айрон), город 227, 229, 230, 270, 428, 430.
Испания (Ышпанская земля, царство), страна 179, 229, 269, 334, 335, 355, 356, 376, 380, 392, 393, 400, 403, 404, 406, 409, 410, 412, 414—416, 426—428, 430, 432, 435, 438—440; северо-западная Испания 428.
испанские колонии 334.
испанцы (ишпанские люди), народ 204, 334, 403.
Италия (Итальянская (Аталиянская) земля), страна 176, 187, 315, 324, 335, 338, 341, 343, 345, 413.
итальянцы (римские люди), народ 148, 400.
ишпанские люди см. **испанцы**.
- Кабарда** (Кабардинская земля, Коборда, Темрюков юрт), страна 90, 174, 207, 216, 226, 282, 384, 385, 409, 419, 420; **Алегукина** (Олегукина) Кабарда 207, 222, 225, 331, 419; **Корочаева** Кабарда 207, 420; **Мулдарова** (Ылдарева) Кабарда 226, 419.
Кавказ, страна 331, 417, 422, 424, 425; **Северный Кавказ** 379, 384, 385, 409, 419; **Малый Кавказ** (хребет) 420.
Кадикс, город 426, 427, 435.
казаки (козаки) 63, 71, 83, 98, 213, 386; **донские казаки** 215, 414; **рязанские** (резанские) казаки 64, 371; **казыевы казаки** см. **ногаи**.
Казанское царство 191.
казанцы, подданные Казанского ханства 50.
Казань, город 70, 82, 95, 206, 362, 374, 422.
Казатцкие люди (Казахской орды) 70.
Казахская (Казацкая) орда 70, 174, 191, 374, 409.
казахские земли 409.
Казацкая орда см. **Казахская орда**.
Казыев улус см. **ногаи**.

- казыевы татары (казаки, люди) см. иоган.
- Кале (Калис), город 298—300, 438.
- калмыки, народ 339.
- Кандили (Кандиль), город 72, 376.
- Кандия см. Крит.
- Канниша (Каниз, Канис), крепость 186, 195, 412.
- Канцы (Шанцы), крепость 426.
- Капнагав см. Копенгаген.
- Карельский перешеек 369.
- Кариттия, провинция 382.
- Карочан (Корочей, Корачан), населенный пункт 207.
- Картлия (Картли, Карталея, Карталинское царство, Тюфлисская земля, царство Тюфлис), государство 211, 218, 418, 420, 421, 423.
- Касимов, город 77, 206.
- Каспийское море 384, 385.
- Кафа (Феодосия), город 65—72, 80, 83, 88, 94—96, 98, 371, 373, 375, 379. В ней — судияя полата 69.
- Кахетия (Кахетинское царство, Темразова земля), государство 218, 219, 418, 421—423.
- Квинборо (Квинборок), город 204, 417.
- Кедзи, деревня 212.
- Кент, графство 417.
- Керри, графство 400.
- Керчь (Керч), город 65, 67, 68, 97.
- Кибирская земля см. Ирландия.
- Киборз см. Кипр.
- Киборзяне, жители о. Кипра, 87.
- Киев, город 370.
- Кизылбаш, Кизилбашская земля см. Иран.
- кизылбаши см. иранцы.
- Кильдин (Килдин), остров 158, 389, 404.
- Кингстон (Кинксон), село 113, 391, 392.
- Кинксон см. Кингстон.
- Кипр (Киборз, Кыборз), остров 87, 88, 375, 376, 382—384.
- Китоул, деревня 214.
- Коборда см. Кабарда.
- Кобяково городище 63, 98.
- козаки см. казаки.
- Койса, река 188.
- Кола, город 133, 134, 149. См. также Усть-Кола.
- Колматцкая орда 174, 191.
- Колмогоры, Колмогорская пристань см. Холмогоры.
- Коломна, город 206.
- Кольская губа, залив 404.
- Кольский полуостров (Лапландия) 404, 407.
- Колхида см. Мегрелия.
- Константинополь см. Стамбул.
- Копенгаген (Капнагав), город 307, 389, 438.
- Корельское устье см. Никольско-Корельское устье.
- Коруна Польская см. Польша.
- Крайна, провинция 382.
- Краков, город 337.
- Кринмонд см. Ричмонд.
- Крит (Кандия), остров 439, 440.
- Кролево см. Бур де Рень.
- Крым (Крымский юрт, Крымское ханство), государство 67, 68, 70, 71, 80, 85, 89, 92, 95, 192, 327, 328, 371, 373—375, 379, 380, 382, 384, 385, 387, 415.
- крымцы, крымские люди см. татары.
- крым-шевкальцы (крым-шевкалы), подданные Тарского шамхалата 90—92, 384.
- Кузмодемьянской город 206.
- кумыки (кумуки), народность 90, 92, 174, 385, 409.
- Кура, река 217.

- Курдистан (курдистанская земля), страна 188.
 Кутаиси, город 422.
 Кыборз см. Кипр.
- Ламанш, пролив 438.
 Ланда, департамент 431.
 Лапландия см. Кольский полуостров.
 Левант (Levant), страны Ближнего востока 380, 381, 441.
 Лежиhi см. Дежиhi.
 Лепанто, город 383, 384.
 Ливония (Лифляндия, Лифлянская (Ви́флянская) земля), страна 19, 37, 38, 42, 43, 49, 187, 358—360, 362, 365, 370, 387, 404, 413, 438; северная Ливония 369.
 ливонские немцы (немедское население Ливонии) 50.
 ливонский орден, государство 438.
 Ливорно, город 332, 334.
 Литва, в значении „Польско-Литовское государство“ 87, 112, 187, 189. См. также Польша, Польско-Литовское государство, Поляк.
 литва, народ 345, 370. См. также литовцы.
 Литовское государство 370.
 литовская граница 370.
 Литовская Русь 326.
 литовцы, подданные Польско-Литовского государства 87, 381. См. также литва.
 Лифляндия, Лифлянская земля см. Ливония.
 Лифляньские (ливонские) города 189.
 Ложь, населенный пункт 438.
 Лондон (Lunda, London), город 104—113, 117—120, 126, 129, 130, 138, 142, 153, 158—164, 169—171, 178—181, 197, 198, 204, 205, 330, 331, 389, 390, 392, 393, 395, 397, 400—402, 405—408, 410, 411, 416. В нем — крепость Тоуэр (Вышегород) 160, 162, 180, 181, 394, 405, 411; королевский двор (полаты) 170, 183, 198; Тайберн, место казней 411; лондонский мост 405; районы: Саутуорк 405; Снти 391, 405, 410. „Большой Лондон“ 391, 394.
 Лоренс см. Сантлорен.
 Луара, департамент 433, 434.
 Луара, река 433.
 Лувр, резиденция французских королей 335.
 Лузиньян, город 243, 433.
 Лунда см. Лондон.
 Любек, город 361.
 Люблин, город 244, 426.
 любченy, жители Любека 16.
- жавры, мусульманское население Испании 376.
 Магерэ, остров 404.
 Мадрид, город 334, 427, 435.
 мадьяры см. венгры, Венгрия.
 Мазандеран (Маздронская земля), провинция 188.
 Малая Азия, полуостров 379, 384. См. также Анатолия.
 Малая Ногайская орда см. ногаи.
 Малая Россия см. Украина.
 Мальта (Малта), остров 88, 335, 337, 383
 манкизы, народность 174.
 Мегрелия (Даднанская (Дидьянская) земля, Колхида), государство 206, 207, 218, 224—226, 331, 417—419, 422—424.
 Медва см. Мидуей.
 Медитаранское море см. Средиземное море.
 Мезень (Мизень), река 133, 134.
 Мекка (Мека), город 377, 384.
 Мемель (Клайпеда), город 109, 391.

- Метль см. Монлуи.
- Мешхед (Мешет), область 188, 413.
- Мидуей (Медва), река 204, 205, 417.
- Мивень см. Мезень.
- Миланский замок 343.
- Мисюрская земля, Мисюр, Мыср см. Египет.
- можары см. венгры, Венгрия.
- Молдавия (Мутьянская земля), страна 195, 381, 412, 413.
- монастырь Архангельский 403.
- монастырь Богородицы в Мордули (Морьдули) 217, 219.
- монастырь Богородицы Одигитрия (Одигитрея) 213, 214.
- монастырь Георгиевский (Егорьевский) 214, 219, 221, 222.
- монастырь Мокшенский 214.
- монастырь Морьдули см. монастырь Богородицы в Мордули.
- монастырь Никольско-Корельский 387, 403.
- монастырь Нотр-дам де Грас 438.
- монастырь Печерский 311.
- монастырь Рождественский (Рождественской) 209.
- монастырь Спаса Всемилоственного (Спасский) 210, 211.
- монастырь Телатский 422.
- монастырь Троицкий (Троетцкой) 215.
- монастырь в Хопи (Хони) 221.
- монастырь Шуайский 222.
- монголы, народ 339.
- Монлуи (Метль), город 243, 433.
- Моравия (Муравская земля), провинция 184, 412.
- Моргула, река 212.
- Морея, провинция 378.
- Москва, в значении „Московское государство“ 371, 373—375, 381, 386, 419, 425, 427, 437.
- Москва, город 18, 61, 65, 67, 68, 71, 72, 76, 77, 82, 91—94, 97, 110—113, 134, 139, 144, 145, 159, 162, 164, 184, 185, 188, 206, 208, 209, 223, 311, 324—327, 332, 333, 359, 360, 362—364, 370—377, 380, 385, 388—391, 395, 403—405, 408, 412, 414, 417, 419, 423, 425, 426, 431, 434.
- В ней — Грановитая палата 343.
- москвичи, жители Москвы 332.
- Московит, в значении „Московское государство“ 380, 392.
- московские люди, подданные Русского государства 84, 273, 379.
- Московское государство (Московия) 19, 117, 123, 166, 203, 265, 267, 271—274, 277, 278, 300, 304, 305, 342, 369—371, 374, 386—388, 395, 399, 402, 409, 411, 419, 422, 423, 430.
- См. также Русь, Русское государство, Москва, Московит.
- Мраморное море 375.
- Мунтрель, город 299.
- Муравская земля см. Моравия.
- Муром (Мурам), город 206.
- Мятингам, Мятимган см. Ноттингем.
- Наварра (Наварское государство) 272.
- наган, Нагайская орда см. ноган.
- Наксос, остров 384.
- Нарва, город 361, 387, 413.
- Неаполь, город 337, 342, 343.
- Нева, река 426.
- Нейбургское пфальцграфство, государство 440.
- немцы, народ 384.
- немцы, в значении „англичане“, народ 105, 110, 111, 114, 120.
- немцы, в значении „шведы“, народ 11, 29, 50, 59, 367.
- нидерландцы, народ 400.
- Нидерланды (Нидерлянская земля), страна 301—305, 388, 390, 392, 404,

- 414, 415, 438, 440; северные Нидерланды 438; южные Нидерланды 439.
См. также Голландия.
- Нижние Пиренеи, департамент 428.
- Нижний Новгород (Новгород Низовские земли, Нижней), город 132, 206, 282.
- Нижняя Шаранта, департамент 433.
- Никольско-Корельское (Корельское) устье р. Северной Двины 100, 101, 103, 387.
- Новгород (Великий), город 21, 359, 362, 389.
- Новгород (в Ливонии), город 311.
- Новгород Низовские земли см. Нижний Новгород.
- Новгородская земля 387.
- Новобогородицк на Самаре, город 427.
- Новое Торговище, населенный пункт 62.
- Новочеркасск, город 370.
- Новый Маас, река 438.
- ногаи (нагаи, нагайские татары (люди), Нагайская орда), народность и страна 70, 85, 95, 97, 98, 173, 174, 386; ногаи большие (Заволжские, тинехматовы татары, Большая Ногайская орда) 85, 97, 173, 174, 191, 371, 374, 380, 386, 409; ногаи малые (Казыев улус, нагаи Казыева улуса, казыевы татары (казаки, люди), Малая Ногайская орда) 67, 95—97, 174, 191, 371, 374, 386, 409.
- Норвегия, страна 388, 404; северо-восточная Норвегия 388. См. также Дацкая земля.
- Нордкап (Северный Нос), мыс 158, 389, 404.
- Нортемберленд, графство 388.
- Нортхемптон, графство 389.
- Ноттингем (Мятингам, Мятимган), город 106, 389. В нем — замок 392.
- Ноттингем, графство 389.
- Нурет, деревня 237.
- Обазы (очев. — абазинцы), народность 207, 420.
- Обь, река 133, 134.
- Озов см. Азов.
- Оксайское устье (устье р. Аксай) 63, 370.
- Окуки, народность 174.
- Олбрехт см. Олдборо.
- Олдборо (Албрехт, Олбрехт), город 158, 389, 404.
- Олонская земля 60.
- Олферд см. Орфорд.
- Омстрадам см. Амстердам.
- Ондольская земля см. Анатолия.
- Ондр, деревня 431.
- Онзоров кабак, село 226, 426.
- Опсалим см. Упсала.
- Ореховской рубеж 42, 49.
- Орешек, крепость 426.
- Орлеан (Арлианс, Арлиянс), город 245, 433, 434.
- Орлеан, графство 433.
- Орфорд (Алферд, Олферд), город 158, 389, 404.
- Орхангельский город см. Архангельск.
- Оскол, река 192.
- Osmanisches Reich см. Турция.
- Остродам см. Амстердам.
- Оттоманская порта см. Турция.
- Очамчири, город 422.
- Па-де-Кале, департамент 438.
- Падуя, город 342, 343.
- Париж (Парис, Paris), город 228—233, 235—237, 239, 240, 242, 245, 249, 251, 254, 258, 260, 262, 267, 268, 270, 271, 280, 285, 294, 297, 298, 313, 314, 335, 396, 417, 427, 430—432, 434—437. В нем — посольский

- двор 251, 279, 434; королевский двор 314; дворец Тюильри 437; улица Турнон 434.
- Патия см. Пуатье.
- Переволока, место переправы с Дона на Волгу 66, 98, 99, 372, 386.
- Передия Азия 422.
- Переяславль (Переяслав) Рязанский (Резанской), город 206.
- Пернов (Пярну), город 387, 413.
- Перполь, село 62.
- Персия, Персида, Персидское (Персидское) государство см. Иран.
- персы см. иранцы.
- Петриня, город 415. См. также Петрий.
- Петрынь (очев. — Петриня), город 196, 415.
- Петцкий город см. Печ.
- Печ (Петцкий город, Фюнфирхен), город 82, 379.
- Печенга, река 133.
- Печора (Печера), река 133, 134.
- Питиниор см. Птиниор.
- Полоцк, город 26, 50, 86, 363, 381.
- Польско-Литовское государство 372, 381. См. также Польша, Литва, Поляк.
- Польша (королевство Польское, Корона Польская, Польская земля), в значении „Польско-литовское государство“ 187, 189, 244, 313, 314, 327, 328, 336, 342, 345, 361, 363, 372, 380, 385, 386, 390, 395, 397, 401, 402, 408, 409, 413, 426, 433, 436, 438, 440; польские владения 391. См. также Литва, Польско-литовское государство, Поляк.
- Поляк, в значении „Польша“ 380.
- поляки, народ 345.
- Пон, город 433.
- Портопиль, местечко 243.
- Португалия, страна 440.
- Посье см. Пуа.
- Прага, город 195.
- Прибалтика 363, 386.
- провинция басков (во Франции) 430.
- Пруссия (Прусы), страна 109, 428.
- Псков, город 309, 311, 389.
- Птиниор (Питиниор), город 243, 433.
- Пуа (Посье), местечко 299, 438.
- Пуатье (Патия), город 243, 433.
- Пудзкур (Путцкур), село 212.
- Пшхеп, деревня 214.
- Рамол, село 62.
- Ревель (Таллин), город 360, 413.
- Рейн, река 440.
- Речмант см. Ричмонд.
- Рига, город 43, 300, 304—308, 310, 311, 365, 413, 438. В ней — русский (русской) двор 308, 310.
- Рим, город 196, 223, 340, 420, 421, 424, 425.
- Римская земля (Папские владения) 148.
- Римские люди см. итальянцы.
- Риони (Рьян), река 213, 417, 422.
- Ричмонд (Рычман, Речмонт, Кринмонд), село 127, 149, 163—165, 348, 393, 396. В нем — королевский двор 127, 130, 149, 164.
- Романов, город 77.
- Российское государство (царство) см. Русское государство.
- Россия см. Русь.
- Ростов н/Д, город 370.
- Роттердам (Ротродам), город 300—303, 438.
- Рочестер (Ротчестер), город 204, 417.
- русская граница 388.
- русские (русские люди), народ 71, 135, 213, 325, 396.
- Русское (Российское) государство (царство) 203, 218, 235, 240, 242, 243,

- 250, 256, 264, 265, 267, 275—277, 325, 328, 330, 331, 333, 358, 368, 370, 376, 386, 387, 393, 394, 402, 405, 409, 413—415, 419, 425, 438.
См. также Русь, Московское государство, Москва, Московит.
- Русь (Русь, Русия, Россия, Русская земля), страна 8, 10, 13, 16, 17, 38, 40, 41, 56, 63, 74, 76, 80, 96, 97, 104, 106—108, 110, 115, 117, 120, 125—127, 132—136, 139, 142, 143, 145, 147—149, 156, 159—163, 165—169, 173—175, 177, 185, 186, 188, 190—194, 196, 199—203, 206, 208, 209, 212, 213, 215, 217, 220—224, 319, 321, 322, 324, 326, 327, 330, 337, 344, 352—355, 358, 361—363, 366, 368, 371, 373—378, 380, 382, 385—388, 390, 391, 395—399, 401, 403—406, 408, 414, 416, 419, 420, 423, 426, 427, 430—432, 436—438.
См. также Русское государство, Московское государство, Москва, Московит.
- Рухи, селение 425.
- Рыльск (Рылеск), город 63, 76, 370.
- Рыльский уезд 370.
- Рычман см. Ричмонд.
- Рьян см. Риони.
- Саардам, город 339.
- Самара, город 206.
- Самцхе-Саатабаго, княжество 418.
- Сан-Жермен ан-Ле (Сент-Жермен, Саижермен, Санжармен), резиденция французских королей 252, 254, 261, 271, 278, 279, 282, 284, 293, 297, 335, 435. В ней — королевский двор 287.
- Санлежер Мель, местечко 433. См. также Аинтлепер Мес Блей.
- Санлорен (Лоренс), город 245, 433.
- Саратов, город 206.
- Саффоко, графство 404.
- Свейская земля (королевство) см. Швеция.
- Свицарская земля см. Швейцарская конфедерация.
- свицарские (люди) см. швейцарцы.
- Священная Римская империя см. Германская империя.
- Северная Двина см. Двина (Северная).
- Северное море 388, 399.
- Северные земли (страны) 132, 228, 246, 247, 250, 253, 256, 257, 263, 274, 282, 287, 289, 300, 302, 303, 308.
- Северный Ледовитый океан 387, 388.
- Северный Нос см. Нордкап.
- Северская Украина 370.
- Северский (Северный) Донец, река 76, 83, 370.
- Севилья, город 334.
- Седмиградская земля см. Трансильвания.
- Сейм, река 370.
- Сена и Луара, департамент 435.
- Сена и Уаза, департамент 434.
- Сен-Клу, резиденция французских королей 335.
- Сен-Жермен см. Сан-Жермен ан-Ле.
- Сент-Албанс, Сенть-Албанс см. Сент-Олбенс.
- Сент-Олбенс (Сент-Албанс, Сенть-Албанс), город 106, 390.
- Сербия, страна 342, 378.
- сербы, народ 384.
- Сибирская земля (царство) 132, 191.
- Сигет, город 379.
- Синайские горы 218.
- Скарборо (Скарбар, Скарб), город 104, 105, 117, 388, 389. В нем — воеводской двор 105.
- Смервик, город 400.

- Соловки (Соловецкие о-ва) 133, 134, 396.
- Сомма, департамент 438.
- Сомма, река 438.
- Сони (Сонская земля), часть Грузии 207, 226, 420.
- Средиземное (Белое, Медитараинское) море 72, 87, 272, 375, 376, 380, 382, 416.
- Стамбул (Царьгород, Константинополь, Византия), город 63, 64, 66, 68—73, 77, 78, 81—88, 93—99, 369, 372, 375, 376, 378—382, 420, 423. В нем — посольский двор 72, 77, 79, 92; салтанов двор 75, 79, 91; Совея (София?) 79, 378; Софийский собор-мечеть 378.
- Станы Страндорф см. Стони Стретфорд.
- Станс (Стенс), село 113, 115, 118, 392, 393.
- Стекольна см. Стокгольм.
- Стокгольм (Стекольна, Stockholm), город 7—9, 22, 25, 29, 31, 33—35, 37, 39, 46, 50, 51, 54, 58—60, 62, 331, 358, 359, 362, 363, 368, 369, 389. В нем — посольский двор (по-дворье) 9, 12, 20, 46, 51, 55—57; королевский двор 10.
- Стони Стретфорд (Станы Страндорф), город 106, 389.
- суздальцы, жители города Суздаля 324.
- Сунша, река 188.
- Суражек („место великое“) 77.
- Тарский шамхалат (Шевкальская земля, царство), государство 174, 193, 385, 409.
- татары (тотары), народ 67, 71, 73, 95, 96, 98, 191, 339, 373, 377; астраханские татары 67, 86; добринские татары 83; белгородские татары 83; крымские татары (крымцы, крымские люди) 64—67, 70, 83, 95, 97, 191, 370, 416; нагайские татары, казыевы татары, тинехматовы татары см. ногаи.
- Татно Гей Красо см. Тотенхем Хай Кросс.
- Тбилиси (Тифлис, Тефлиз, Тюфлис, Тюфлиз), город 219, 220, 417—426.
- Твид, река 388.
- Темза (Темзь, Темис, Земись), река 107, 113, 162, 330, 390—393, 399, 405.
- Темразова земля см. Кахетия.
- Терек (Терка), река 89, 90, 188, 223, 226, 384, 385.
- Терский город (городок, Терка, Терек) 90, 193, 207, 384, 385.
- Тетюши, город 206.
- Тефлиз см. Тбилиси.
- тинехматовы татары см. ногаи.
- Тифлис см. Тбилиси.
- тотары см. татары.
- Тотенхем Хай Кросс (Татио Гей Красо), село 106, 390.
- Тоуэр см. Лондон.
- Трансильвания (Седмиградская земля), государство 186, 195, 412.
- Тур, город 433.
- турецкие крепости 370.
- Тури, местечко 245, 434.
- Туркестан, страна 424.
- турки (турские (турского султана) люди), народ 64—67, 80, 83—85, 87, 88, 173, 335, 377, 381—383, 409, 413, 415, 422, 423, 427, 439.
- Турок, в значении „Турция“ 380.
- турские (турецкие) города 87, 188.
- Турский рубеж 196.
- Турция (Турецкая (Турская) земля,

- Отоманская порта, Osmanisches Reich), страна 63, 82, 314, 333, 347, 369, 370—373, 375—385, 401, 402, 413—416, 421, 426, 438, 440, 441.
См. также Турок.
Тысельдорф см. Дюссельдорф.
Тюмени, народность 174.
Тюфлис, Тюфланз см. Тбилиси.
Тюфлиская земля, царство Тюфлис см. Картлия.
- Уаза, департамент 438.
Уаза, река 438.
Угорская земля см. Венгрия.
Узбекское (Бухарское) государство (держава) 188, 377, 409, 413.
Украина (Малая Россия) 227, 246, 247, 250, 253, 255—257, 259, 260, 263, 269, 274, 282, 286, 288, 289, 291, 300, 302—304, 306, 311, 428.
Украина (украинные места), в значении „южная окраина Русского государства“ 96, 97, 192.
украинцы, народ 381.
Улвич (Улючь, Улечь, Улижь, Вулючь, Вулечь, Вулуч), село 110, 118, 119, 129, 139, 142, 155, 391.
Ундрес (очев. — Ондр), деревня 237, 431.
Унтервальд, кантон 440.
Упсала (Опсалим, Апсалим), город 17, 56, 361.
Урея, река 230, 430.
Ури, кантон 440.
Урюмская земля (очев. — „Рум“, малоазиатские владения Турции) 88, 384.
Урюмский городок 89.
Усть-Кола, город 126. См. также Кола.
Утегя, город 88.
Ухрея, деревня 237.
- Феллин (Вильянди), город 413.
Феодосия см. Кафа.
Финляндия, страна 367, 368.
фламандцы, народность 390.
Фландрия (Фландерская земля), провинция 312, 313, 439.
Флоренция, город 332, 340—342.
Фой, местечко 243.
франко-испанская граница 428, 430, 431.
Франкфурт (Франкфорт), город 313, 341.
Франция (Французская земля (государство), Францовское государство, France), страна 182, 227, 229, 230, 233, 244, 248, 249, 267, 271—274, 277, 278, 283, 299, 300, 313—315, 334, 335, 355, 356, 380, 381, 400, 414, 426, 427, 428, 430, 432—441; центральная Франция 433.
французский рубеж 230.
Франш-Конте, провинция 439.
фрянки, население Западной Европы 86, 88, 380, 383.
фрянские города см. европейские города.
- Хабар см. Харборо.
Харборо (Хабар), город 106, 389.
Харвич, город 158, 389, 404.
Харьков, город 324.
Хембер, река 389.
Хертфорд, графство 390.
Холмогоры (Колмогоры), город 100, 108, 117, 126, 134, 144, 147, 149, 387, 389, 403; Холмогорская (Колмогорская) пристань 101, 103, 104, 107, 126, 133—136, 141, 143.
Хопи, селение 424.
Хорасан, область 188, 413.
Хорватия, провинция 415.

Худоня, деревня 207.

Хуль см. Гуаль.

Царицын, город 207, 386.

Царицын остров 66.

Царицына речка 66.

Царьгород см. Стамбул.

церковь богородицы Одигитрия (Одигитрея) 213.

церковь Илорская 422; Илорская колокольня 424.

церковь Симеона Богоприимца 212.

Цесарская земля (области) см. Германская империя.

Цесарский (германский) рубеж 196.

Цхенисцхали, река 417.

Цымла, река 98, 386.

Черкаская земля (Черказы), страна 174, 226.

черкесы (черкасы), народность 80, 90, 93, 97, 424.

Черногория, страна 384.

Черное море 72, 212, 331, 375, 417.

Черноморская низменность 420.

черноморское побережье 370.

Черный (Черной) Яр, город 207.

Чехия, страна 412, 416.

Чорного князя Оварская земля 174.

Шакъшицкая земля (княжество Саксен-Люнебург) 11, 360.

шамохейцы (шамахейцы), подданные Ширванского ханства 76, 77, 92, 93, 377.

Шамская река 133, 134.

Шательро (Шетлер), город 243, 433.

Швейцарская конфедерация (Свицарская земля), страна 314, 440.

швейцарцы (свицарские люди), народ 314.

Швеция (Свейская земля (королевство), Sweden), страна 7, 9, 17, 26, 53, 58, 60, 187, 189, 328, 329, 351, 358—369, 386, 402, 403, 408, 438—440.

Швиц, кантон 440.

Шевкальская земля (царство) см. Тарский шамхалат.

Шельба, река 438.

Шемаха, город 377.

Шеппи, остров 417.

Шер и Луара, департамент 433.

Шетлер см. Шательро.

Ширванское ханство 377.

Шкотцкая земля см. Шотландия.

Шотландия (Шкотцкая земля), страна 104, 138, 139, 149, 158, 388, 391, 397, 398.

Штень (очев. — Вадстена), город 51, 367.

Штирия, область 382.

Ышпанская земля см. Испания.

Эйкиус (очев. — Экуйе), местечко 243, 433.

Экуйе, местечко 433. См. также Эйкиус.

Эльбинг (Эльблонг), город 390.

Эндра, департамент 433.

Эндра и Луара, департамент 433.

Эрпили, народность 174.

Эскуриал, резиденция Филиппа II 334.

Эссекс, графство 404.

Эстония, страна 369, 387.

Этамп (Атами), город 245, 434.

Юрьев Ливонский (Дерпт, Тарту), город 77, 362, 413.

Янбог, город 88.

Ярославль (Ярослав), город 134, 144.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты Археографической экспедиции.
В. Р. — Bibliothèque russe, nouv. série, t. III, Paris, 1860.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел (Ленинград).
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ПД — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851; т. II, СПб., 1852.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, тт. I—III. СПб., 1890—1900.
Толстой — Ю. В. Толстой. Первые 40 лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875.
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов (Москва).
Чт. ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Вклейка между с. 192 и с. 193

Вид г. Стокгольма. Гравюра XVI в.

План г. Константинополя. Гравюра XVI в.

План г. Лондона. Гравюра XVI в.

Охота при Елизавете. Гравюра XVI в.

Григорий Иванович Микулин. Портрет работы неизвестного художника начала XVIII в. (Масло)

Тоуэр («Вышегород») в Лондоне. Гравюра XVI в.

Вид г. Парижа. Гравюра Колло XVII в.

Вклейка между с. 288 и с. 289

Петр Иванович Потемкин. Портрет английского художника Кнеллера, копия XVII в.
Гос. Эрмитаж. (Масло)

План аббатства Сен-Жермен во второй половине XVII в.

Представление комедии Мольера в придворном театре. Гравюра Ле-Ба XVII в.

В тексте (с. 389)

Карта путешествий послов Писемского и Микулина в Англию

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ТЕКСТЫ СТАТЕЙНЫХ СПИСКОВ	
(подготовлены Я. С. Лурье и Р. Б. Мюллер)	
Статейный список И. М. Воронцова (Швеция)	7
Статейный список И. П. Новосильцева (Турция)	63
Статейный список Ф. А. Писемского (Англия)	100
Статейный список Г. И. Микулина (Англия)	156
Статейный список Федота Елчина (Грузия)	206
Статейный список П. И. Потемкина (Франция)	227
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Повести русских послов как памятники литературы (Д. С. Лихачев) . .	319
Археографический обзор (Я. С. Лурье и Р. Б. Мюллер)	347
Текстологические примечания	357
Комментарии (составлены: Я. С. Лурье — статейные списки Воронцова, Новосильцева, Писемского и Микулина; В. И. Райцесом — статейный список Потемкина; Л. С. Шепелевой — статейный список Елчина)	358
Словарь	442
Указатели (составил С. Н. Азбелев):	
Именной	450
Географический	474
Список сокращений	488
Список иллюстраций	489

Научное издание

ПУТЕШЕСТВИЯ РУССКИХ ПОСЛОВ
XVI—XVII вв.

Статейные списки

Репринтное воспроизведение издания 1954 года

*Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии «Литературные памятники»*

Редактор издательства *Г. И. Зикеев*
Оформление суперобложки *Е. В. Кудиной*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Н. П. Коннова* и *Е. Б. Томсинская*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Подписано к печати 22.09.08. Формат 70×90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28.2. Уч.-изд. л. 37.2.
Тираж 2000 экз. Тип. зак. № 3435. С 189

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-025256-1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

В. К. Тредиаковский

**СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ КАК СТИХАМИ,
ТАК И ПРОЗОЮ**

Настоящее издание впервые воспроизводит «Сочинения и переводы» В. К. Тредиаковского (1703—1768) — памятник литературной мысли середины XVIII в., памятник книжной культуры в целом. «Сочинения и переводы» были подготовлены к печати самим автором и изданы в 1752 г. в двух томах. Книги «Сочинений и переводов» были скомпонованы Тредиаковским как единое целое, внутри которого произведения получают дополнительный смысл. Составителями учтены разночтения и ранние варианты текстов, в разделе «Дополнения» помещены произведения, первоначально намеченные Тредиаковским в издание, а затем изъятые. В примечаниях произведена или уточнена датировка многих произведений, установлены источники заимствований автора.

А. Погорельский

СОЧИНЕНИЯ. СТАТЬИ. ПИСЬМА

«Сочинения. Статьи. Письма» А. Погорельского (А. А. Перовского) (1787—1836) являются первой попыткой полного научного издания художественного, критического и эпистолярного наследия одного из наименее изученных писателей пушкинского круга, стоявшего у истоков русского романтизма. Том включает в себя все прижизненные публикации, а также значительный массив впервые издаваемых фрагментов художественных произведений, критических статей, писем (более пятидесяти), выявленных в архивохранилищах Петербурга и Москвы, раскрывающих неизвестные ранее стороны как личной, так и творческой биографии писателя. Тексты выверены заново и снабжены обширным историко-литературным комментарием; издание включает статью о личности и литературном наследии А. Погорельского.

Гиляров-Платонов Н. П.

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

Т. 1, 2

Книги содержат воспоминания выдающегося философа, публициста, богослова и литературного критика Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887), охватывающие период с конца XVIII в. по 1840-е гг. и принадлежащие по своим художественным достоинствам и познавательной ценности к лучшим образцам русской мемуарной прозы. Воспоминания представляют выразительную картину быта и нравов провинциального (коломенского) и московского духовенства и купечества. Дополняют книгу дневниковые записи автора и очерки, запечатлевшие малоизвестные события литературно-общественной жизни 1840—1870-х гг., участниками которых были митрополит Филарет (Дроздов), К. С. и И. С. Аксаковы, А. С. Хомяков, М. Н. Лонгинов и др. Издание снабжено статьей, обширным реальным комментарием, аннотированным именной указателем; богато иллюстрировано.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

- 121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197137 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б;
(код 812) 235-40-64

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

- 690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
(код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга —
почтой»); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»);
(код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90
220012 Минск, пр-т Независимости, 72;
(код 10-375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12;
932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2;
921-55-96

- 103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4;
298-33-73
- 630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51;
(код 3832) 21-15-60
- 630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
(код 3832) 30-09-22
- 142292 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»);
(13) 3-38-60
- 443022 Самара, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»);
(код 8462) 37-10-60
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57;
(код 812) 272-36-65, бук. 273-13-98
- 197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б;
(код 812) 235-40-64
- 199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16;
(код 812) 323-34-62
- 634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 22-60-36
- 450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
(код 3472) 24-47-74
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
(код 3472) 22-91-85

ПУТЕШЕСТВИЯ РУССКИХ ПОСЛОВ XVI-XVII ВВ.